Quod factum est,
infectum esse nequit.

Что было, не может
стать не бывшим.

ВГУ В ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ

В. С. Рахманин

МОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Записки вечного студента
и размышления старого профессора

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2018

УДК 78.4(470.324)(093.3)
Р27

Рахманин В. С.

Р27 Мой университет. Записки вечного студента и размышления старого профессора / В. С. Рахманин ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. – 502 с. : ил. – (ВГУ в воспоминаниях и биографиях).

ISBN 978-5-9273-2631-0

Воспоминания одного из старейших работников Воронежского государственного университета доктора философских наук В. С. Рахманина охватывают длительный исторический период с начала его студенчества в 1948 году до научно-педагогической и общественной деятельности второго десятилетия XXI века. В центре внимания автора – динамика университетского образования, научных исследований, проблем высшей школы, образа жизни профессорско-преподавательского состава и студенчества, типы и стили работы ректората и Минвуза, роль кафедр, научных и общественных организаций. Мемуарист не скрывает острых проблем и конфликтов, через которые проходил и развивался Воронежский государственный университет и сам автор в исторических трансформациях России. Автор-социолог не только вспоминает, но и размышляет о том, что было, есть и, возможно, будет.

В мемуарах свой интерес найдут и те, кто создавал интеллектуальный потенциал ВГУ, и те, кто начинает в нём свой научно-педагогический путь, найдут и выпускники, и нынешние студенты. Мемуары могут быть интересны и для представителей разных вузов.

УДК 78.4(470.324)(093.3)

ISBN 978-5-9273-2631-0

© Рахманин В. С., 2018
© Воронежский государственный университет, 2018
© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2018

100-летию
Воронежского государственного университета
посвящается

Глава 1

(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ) ЗАЧЕМ? ЧТО? КАК?

У каждого – свой университет. Университет как большой жизненный опыт, с его драмами, комедиями и трагедиями, как сложный процесс формирования и образования личности, своего «Я», практики человеческого общения, труда, постижения смысла жизни с её правдами и неправдами, удачами и неудачами, радостями и огорчениями, обидами и прощениями, постижениями и обретениями. У каждого – свой университет жизни. И часто не один, а несколько.

Но университет в юридическом и академическом смыслах этого слова – научно-образовательное учреждение, в котором учатся, получают высшее образование, работают, ведут научные исследования. Роль университетов как научно-образовательных центров возрастает. В известной мере это – историческая закономерность. Количество университетов увеличивается. Многообразнее становятся их типы. Повышаются статус и ценность высшего образования. Растёт число студентов, специалистов с университетским образованием, количество профессорско-преподавательского и научно-исследовательского персонала.

Лет 50 тому назад в нашей стране довольно часто различали два типа высших учебных заведений: собственно университеты и так называемые отраслевые институты (медицинский, архитектурно-строительный, политехнический, сельскохозяйственный и т. п.). На Западе, особенно в США, доминирует исстари обобществляющий термин – «университет». С 90-х годов XX века в России верх одерживает термин и статусная классификация вузов – университет (реже – академия).

Мне повезло. Мой университет – Воронежский государственный. Его создали в Воронеже в революционные 1918-й и последующие годы учёные-патриоты, эвакуировавшие под натиском германских войск российский Юрьевский универ-

ситет. Нельзя недооценивать и роль молодой Советской власти, дерзнувшей на открытие университета, о чём воронежская общественность мечтала ещё в XIX веке.

История ВГУ сложна, противоречива и наполнена не только деятельной практикой, но и целеустремлённой романтикой. Semper in motu – девиз моего университета. (В мои студенческие годы на филологическом отделении историко-филологического факультета хорошо преподавали латинский язык; я до сих, спустя более 60 лет, благодарен Софье Алексеевне Рыковой, хотя было трудновато овладевать лексикой, грамматикой, ритмикой языка древних римлян; но Софья Алексеевна была методична, настойчива, терпелива на пользу нам, как я это понял в последующие десятилетия.)

Мой университет Воронежский государственный (классический, по современной условной квалификации). Для меня ВГУ – и университет жизни, и академическое учреждение, в котором получил высшее образование, учил студентов, получал квалификационные звания и степени (кандидата, доктора философских наук, ассистента, доцента, профессора), вёл научно-исследовательскую работу, занимался общественной деятельностью. Какие бы соблазны ни были, я не покидал свой университет. Может быть, кого-то удивит понятие «мой университет». Но в нём нет никакого тщеславия, тем более собственнических притязаний. Даже авторитарной коннотации.

Для каждого человека та структура (завод, фирма, организация, учреждение), в которой проработал с десяток и более лет, становится родной. Для меня Воронежский университет намного больше, чем место учёбы и работы. Это тот деятельный и социально значимый социум, в котором формировались мои знания, моё мышление, мои гражданские, мировоззренческие и нравственные позиции, мои молекулярные человеческие связи (от дружеских, товарищеских, приятельских до отчуждённых; враждебных не было). Кто-то (кажется, К. Станиславский) советовал актёрам: любите не себя в театре, а театр в себе. Мудрая заповедь! Она имеет глубокий жизненный смысл. Мой опыт университетской жизни, как мне кажется, позволяет не то что перефразировать эту форму, а расширить её. Осмелюсь, обращаясь к университетской молодёжи (а может, и не только ей), сказать: любите не себя в университете, а университет в себе. И любите деятельно, так, чтобы университет в Вас работал, а Вы на университет.

Мемуары ставят перед любым автором (независимо от того, осознаёт он или не осознаёт) три вопроса, на каждый из которых так или иначе придётся отвечать. Первый – зачем и с какой целью записывать воспоминания? Для удовлетворения внутренней потребности зафиксировать то, что видел, слышал, знаешь, в чём участвовал или просто наблюдал? Для обобщения жизненного опыта и передачи его другим? Для того, чтобы самому зафиксировать себя, каким был в прошлом времени, и тем самым как-то закрепиться в памяти других людей, чтобы избежать забвения или кривотолков? Оставить после себя некий памятный текст и нари-

совать свой образ таким, каким, как тебе кажется, ты был или каким бы ты хотел выглядеть в сознании неких потомков и здравствующих друзей и знакомых?

Второй вопрос – что вспомнить и зафиксировать в мемуарном тексте? Свой жизненный путь, труды, мысли, радости и огорчения, свершения и утраты? Или события, в которых так или иначе участвовал, и отношение к ним (тогдашнее и нынешнее)? Встречи и расставания с разными людьми, их образы, как они запечатлелись в сознании и переживаниях? Социальное время, в котором выпало жить со всеми его макро- и микроструктурами и процессами? Себя в университете или разносторонность жизни университета?

И третий неотступный вопрос – как вспоминать по тональности (романтично, критически, с радостью), что жил и был или в поисках утраченного времени и его смысла? По масштабности и жизненной полноте, воспроизводя какой-либо сектор минувшей жизни или замахиваясь на мемуарный обзор более широкого событийного пространства и процесса? И можно ли вспомнить всё, что было, и как быть с тем, что выпало из памяти, но было? И как не исказить в мемуарном тексте то, что память держит в своих кладовых? А вспоминая прошлое и себя в нём, в принципе события и людей минувших дней «надо брать», по крайне мере, в двух измерениях: в той системе ценностей и суждений, которые были тогда, когда они переживались и запечатлевались в сознании будущего мемуариста, и вместе с тем в системе ценностей и суждений, которые сложились к тому времени, когда мемуары пишутся и их автор что-то восстанавливает в своей прочной или дырявой памяти.

Совместить эти два измерения, две системы координат восприятия и суждения не каждому мемуаристу удаётся. Удастся ли мне? Чаще всего наблюдается «модернизация» своих прошлых переживаний и особенно суждений о том, что было, в новых ценностных представлениях и ориентациях. Порок осовременивания довольно распространён. Кто-то совершает его осмысленно, но большинство впадают в него безвинно. Но грех есть грех искажения временем. При этом возникает другая, «смещённая» реальность. Коэффициент смещения бывает разительно очевидным, но бывает и трудно уловимым, хотя, может быть, и бесхитростным. Реже в мемуарах наблюдается консервация когда-то сложившихся представлений и суждений, как они отложились в памяти, без попыток оценить прошлое – своё и общественное – в динамике времени без конъюнктурных соблазнов.

Казалось бы, всё хорошо: описывай то, что было и есть, как оно было и есть… Не подменяй факты мнениями (бывшими или нынешними) и не оставляй их без размышлений об их роли, значении в жизненных процессах. Но как это трудно сделать. Даже профессионалу-историку, тем более вольному автору своей собственной жизни и воспоминаний… Беспристрастных воспоминаний не бывает. Пристрастны и мы. Однако буду стараться не подчиняться ветру страстей или впадать в штиль безразличного равнодушия.

Кажется, я увлёкся соображениями (методологическими проблемами, говоря философски), как писать мемуары, воспроизводить и воскрешать свои воспоминания. Но мне, доктору философских наук, они представляются не только уместными, но даже необходимыми, чтобы не впасть в грехи субъективистского фанатизма и критицизма, вспоминая былое и не уклоняясь от проблемных противоречий общественной и личной жизни.

Предмет моих воспоминаний – события, люди, проблемы, движение в моих восприятиях и суждениях Воронежского государственного университета, в котором учился, работал, жил с 1948 по 2015 год. Это – не история университета. Она в основном добротно описана в монографии профессора Михаила Дмитриевича Карпачёва и, конечно, будет предметом изысканий и других исследователей. Тем более что ВГУ живёт и будет жить, развиваться, несмотря на все перипетии и пертурбации, которые встряхивали и встряхивают страну, высшее образование и университет.

Мои воспоминания – это только воспоминания о том, как жил мой университет и я вместе с ним и в нём во второй половине XX века и полтора десятка лет в XXI веке. Не лишне оговориться: я не всё видел, не всё слышал, не всё знаю. Более того, то, что переживал и знаю, не всё могу с точностью воспроизвести. Память подводит; особенно в хронологии событий. Буду обращаться и к документальным источникам, и к результатам изысканий историков, не подменяя их.

Ныне ругаю себя за то, что не вёл дневников во время своего жития-бытия в ВГУ. Увы!

Вспоминая былое, буду стремиться воспроизводить его в той системе жизненных координат, в которой оно сложилось, и вместе с тем буду пытаться измерить в современной. Написал «в современной». И тут возник вопрос: «А что такое “современность” и какая же система ценностей у неё?» Уже более трёх десятков лет социальные философы спорят о характере «современности». Широко используются слова, имеющие свои смыслы: «современность» («Современность» с заглавной буквы «С»), «постсовременность» и даже замелькало «пост-постсовременность». В стране (и не только в нашей) многое не просто переменилось, но перевернулось. Сложилась и экспрессивно функционирует иная символическая знаковая система.

Поэтому лучше условно уточню: под «современной системой жизненных координат» буду представлять постсоветскую и отчасти ту, которая, возможно, будет складываться в некоей перспективе.

Ну а теперь за воспоминания.

Глава 2

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

В июне (кажется, 20-го) 1948 года получил аттестат зрелости. Торжественный акт в Воронежской средней школе № 18. Школа была мужской (располагалась на первых двух этажах здания на улице Плехановской рядом с радиотехникумом, теперь здание политехнического института; на 3–4-м этажах была женская школа № 8). По каким-то этическим соображениям в городах обучение велось раздельно для юношей и девушек. В этой школе я учился один учебный год 1947/48, т. е. только в 10-м классе. С 1-го по 9-й класс учился в сельских школах Муравлянского (теперь Сараевского) района Рязанской области (в 8-й и 9-й классы каждое утро ходил в школу за 6 километров). В 1947 году семья (родители, брат и сестра) переехала в Воронеж, и мне посчастливилось по месту жительства учиться в одной из лучших школ Воронежа. В классе нас было 20 юношей.

Аттестат зрелости мой был сероватым от нескольких так называемых троек, свидетельствующих о посредственных знаниях, хотя ранее учился отлично. Особенно обидно и насмешливо выглядела тройка по математике, которую особенно любил. Наверное, сказалась не столько разница между городской и сельской школой (на математике это вообще не могло сказаться), сколько трудности освоения городского образа жизни, быта, организации себя самого в учении и в новой системе образования. По математике вообще случился конфуз на экзаменах на аттестат зрелости.

Мне попалась теорема Пифагора. Я доказал её, но не так, как в учебнике, и не так, как доказывала учительница, которая была намерена поставить мне даже «выпускную двойку». Спас меня знаменитый тогда и незабытый поныне лучший учитель математики Сморгонский Давид Борисович. Он был председателем экзаменационной комиссии. Теорема Пифагора, сказал он, доказана оригинально,

не так, как в учебнике, но логично и убедительно; ученик обнаружил самостоятельность мышления. Вспомнил я этот эпизод не из-за тщеславия. В нынешней механистической практике проведения Единого государственного экзамена (ЕГЭ) самостоятельность мышления молодого человека, овладевшего знаниями, загнана в педагогический угол, акцентируются память, зубрёжка, дрессировка. Обнадёживает только одно: и сегодня есть Сморгонские. Им трудно под асфальтом невротического ЕГЭ, но они есть и, придёт время, скажут своё слово.

Аттестат зрелости получил. Вопроса «Что дальше?» не было. Родители стремились дать образование своим детям. Это было общей тенденцией и в довоенное, и особенно в послевоенное время. У моих родителей было образование, полученное ещё до революции в Церковно-приходской школе. У мамы – неполное (не в чем было ходить в школу, стоявшую, кстати, неподалёку на взгорке возле церкви). У отца было полное четырёхклассное церковно-приходское. Мой старший брат в 1940 году, получив, несмотря на все житейские и материальные трудности, среднее профессиональное образование, был призван в армию, да так и остался в ней (полковник) до конца жизни. Второй брат, окончив неполную среднюю школу (7 классов) и проработав некоторое время в колхозе, ушёл на фронт. После демобилизации в 1947 году надо было работать, и только через несколько лет он смог получить среднеспециальное образование (окончил Воронежский радиотехникум) и долго был заведующим производством завода «Электросигнал». Сестра Тамара (младше меня на 2 года) училась в Воронежском энергетическом техникуме (одним из лучших был в 50-х годах). На меня пал семейный жребий – получить высшее образование. Этот жребий был оплачен трудом моих родителей и братьев, экономией средств во всём. Им я прежде всего обязан тем, что получил высшее образование. И не только.

Выбор вуза и специальности не был гамлетовски мучительным. В тайне мечталось о Московском университете, философском факультете. Но по материально-финансовым ресурсам семьи мечта была недостижимой. Своё желание я даже не высказывал. Между прочим, не возникал вопрос: «А выдержу ли конкурс на философский факультет МГУ?», и отнюдь не от самоуверенности, а по причине утопичности такой мечты. Средств нет, и переживать нечего, надо быть ближе к реально возможному. Не лишне заметить: родители, да и вся семья никоим образом не вмешивались в процесс выбора, где и чему учиться. Не советовали и не давили. В отличие от многих нынешних родителей, которые часто навязывают своему чаду то, к чему его душа не лежит и природа не располагает.

В Воронеже в первые послевоенные годы было несколько вузов: Государственный университет, сельскохозяйственный институт (старейший), архитектурно-строительный, медицинский, педагогический, зоотехнический (включённый впоследствии в состав сельскохозяйственного), чуть позже – технологический. Одноклассники поступали в разные воронежские вузы, а также в московские, ле-

нинградские (мой школьный друг Владик Шмельков поступил и блестяще закончил Ленинградский горно-инженерный).

Я был безоговорочно нацелен на Воронежский государственный университет, ставший для меня пожизненной судьбой. Кое-кто из одноклассников выбрали и успешно поступили на физико-математический факультет. Мой выбор – историко-филологический факультет (впоследствии он разделился на два самостоятельных факультета: исторический и филологический). Выбор был, если можно так сказать, запрограммирован семейной традицией любви к литературе. По-видимому, к исходу 20-х годов прошлого века в семье сложился своеобразный культ книги. Нельзя сказать, что у нас была большая библиотека. Но книги были всегда. Свои (около сотни), библиотечные, заимствованные на время у других семей. К сожалению, при переездах те книги пропали; но с переездом в 1947 году в Воронеж вновь стала собираться семейная библиотека. На покупку каждой книги приходилось долго копить скудные «пятаки» и «трёхи».

В первой декаде июля 1948 года я отнёс своё заявление в ВГУ с просьбой допустить к сдаче приёмных экзаменов на филологическое отделение историко-филологического факультета. Приёмная комиссия размещалась на 2-м этаже здания на проспекте Революции, 24. Там же располагался и ректорат (ректором тогда был Латышев Николай Петрович, он был и до войны; о нём расскажу на других страницах). Это здание сыграло особую роль в моей жизни, в работе, в приобщении к ценностям, нормам, обычаям университетского коллектива; оно и у истоков будущей моей семьи. Справа от входа на красной и чуть обожжённой стене (здание горело во время отступления гитлеровских войск в январе 1943 года) синей размашистой кистью было написано: «Мин не обнаружено. Старшина Карпеев». Жаль, что надпись потом затёрли и закрасили, чтобы избавиться от свидетельств войны, в которой было уничтожено, разрушено в Воронеже более 90 % зданий. В том числе и все корпуса университета. Красный корпус по проспекту Революции, 24 (до войны в нём располагался педагогический институт, образованный на базе педфакультета ВГУ) отступающие гитлеровцы не успели взорвать; он горел. Потом к его восстановлению были привлечены немецкие военнопленные.

Надпись старшины Карпеева надо было бы сохранить. Дожил ли старшина до победного конца? Его росчерк на стене ВГУ сигнализировал: путь свободен. Однако некая «немецкая мина» меня всё же «поджидала».

Конкурсы стремящихся поступить в вузы в конце 40-х годов прошлого века были высокими. Молодёжь за годы войны и первые очень тяжёлые послевоенные истосковалась по высшему образованию. Да и родители стремились обеспечить своим дочерям, сыновьям – одни лучше, другие хуже, третьи с большим напряжением – возможность получить то образование, которое большинство из них не имело. Однако отмечу: того родительского невротического ажиотажа, который стал вспухать в 60-е и последующие годы прошлого века, не было; по крайней

мере, не создавалось нервозной обстановки в обществе и не собирались страждущие толпы родителей у парадных и «мыльных» дверей вузов.

Конкурс на избранное мною филологическое отделение в 1948 году составлял 8 человек. Вне конкурса, но в счёт общего количества приёмных мест шли участники Великой Отечественной войны (их тогда называли «фронтовиками»), сироты, дети учителей (на педагогические специальности). Экзаменов было 5: сочинение (тогда ещё стремились выяснить способность абитуриента мыслить и умение грамотно изложить свои мысли), по истории, русской литературе, географии и какому-либо иностранному языку. Высший суммарный балл – 25. В ходе экзаменов само собой складывались дружеские группы ранее незнакомых абитуриентов. Вместе со мной экзаменовались Вася Щеулин, Володя Гордейчев, Миша Шишлянников. Мы держались вместе. Лишь Шишлянников приходил на консультации и на экзамены в форме юнги Северного военно-морского флота. Среди экзаменующихся было несколько фронтовиков, но приходили без орденов и скромно держались среди других, иногда консультируясь у вчерашних десятиклассников по русской литературе и истории.

Особых осложнений вступительные экзамены не вызвали. Обстановка была спокойной, хотя, естественно, абитуриенты волновались. Из 25 предельных баллов у меня оказалось 24. На последнем экзамене – по немецкому языку – мои знания оценили «четвёркой». Немецкий язык я усердно «учил» в школе. Шла война, и мальчишки на всякий случай готовились «поговорить» с противником. Да и учителя были усердные и методически своё дело знали. В 10-м классе я даже пытался стихи Г. Гёте переводить. Учительница хохотала (отнюдь не оскорбительно) над моими переводами (очень «мешали» русской стихотворной ритмике «der, die, das»). За экзамен по немецкому языку не очень беспокоился. Без труда перевёл немецкий текст на русский. И как будто без затруднений перевёл с русского на немецкий. Но экзаменатор, похвалив моё произношение немецких слов и фраз, заметил, что я перепутал предлоги «mit» и «vom», и эта ошибка не позволяет поставить «5». Вот она «немецкая мина». Однако это не возбудило сомнений в том, что буду зачислен в состав студентов. Не из-за самоуверенности, а по незнанию реальной конкурсной ситуации. Примерно такие же результаты были и у моих товарищей по экзаменационной группе. Каково же было наше изумление, когда в назначенный день на вывешенном на стенде приказе ректора о зачислении мы не увидели своих фамилий. Шока не было. Тем более что рядом своим удачам радовались девушки. Мы отошли от доски объявлений в некоторой растерянности: как выяснить… недоразумение. Сзади кто-то обнял нас и спросил:

– Что, ребятки, приуныли, по конкурсу не прошли?

– Наших фамилий почему-то нет в приказе.

– А как вы сдали экзамены?

Мы назвали свои баллы. Мужчина лет 45 ещё о чём-то спросил. И сказал:

– Не унывайте. Есть выход. Если хотите, вас можно зачислить студентами заочного отделения, а потом, может быть, что-то определится.

Мы переглянулись. Что такое «заочное отделение», мы тогда не знали. Мужчина пригласил нас в свой кабинет. Оказалось, это был проректор университета Яков Никанорович Митрофанов.

Рассказал о заочном отделении, порядке и режиме обучения, наши права и обязанности. Подчеркнул, что, обучаясь заочно, мы можем работать, а на время экзаменационных сессий пользоваться оплачиваемыми отпусками несколько дней зимой и летом. Нам показалось, это даже лучше, мы были из бедноватых семей и, работая, могли получить желаемое образование, не растрачивая скудный родительский кошелёк. Предложение Якова Никаноровича было вполне приемлемо. Тут же написали заявления с просьбой зачислить нас по результатам вступительных экзаменов на заочное отделение историко-филологического факультета на специальность «Филология. Русский язык и литература». Через некоторое время последовал соответствующий приказ.

Дома я сказал, что зачислен студентом заочного отделения. Родители, брат и сестра поздравили меня, и, насколько помню, неудача со стационарным отделением никаких огорчений не вызвала.

Думаю, не лишним, забегая в своих воспоминаниях на многие (но такие быстрые!) годы вперёд, поведать судьбу своих соучастников, с которыми сдавал экзамены и которые по предложению счастливо встретившегося нам проректора Я. Н. Митрофанова были зачислены студентами заочного отделения (а что бы было, если бы он не оказался «в нужное время в нужном месте»?). Володя Гордейчев вскоре поступил в Литературный институт, стал известным русским поэтом; несколько сборников его стихов глубокой лирики стоят на поэтической полке моей (и не только) библиотеки; в 1974 году мы с ним и с главным архитектором Воронежа П. Павленко представляли воронежскую интеллигенцию в чешском городе Брно (побратим Воронежа). Вася Щеулин, человек неуклонной целеустремлённости и интенсивного труда, стал доктором филологических наук, профессором, заведовал лингвистическими кафедрами в педвузах, в последнее время – в Липецком педагогическом университете. Миша Шишлянников писал песенные стихи. Заочно окончив истфилфак ВГУ, стал одним из организаторов радио- и телевещания Воронежской области. Ну а мне посчастливилось всю оставшуюся жизнь учиться и работать в родном университете, в студенческих списках которого в августе 1948 года не нашлось моей фамилии, поскольку я споткнулся на немецких предлогах «mit» и «vom»…

Режим заочного обучения в то время (конец 40-х годов) строился так: две короткие установочно-экзаменационные сессии (в январе и июне), в ходе которых читались установочные лекции по предметам, принимались зачёты и экзамены. И… полная самостоятельность студента. Учебные программы по пред-

метам, включённым в образовательный процесс, не доводились до заочников, поскольку они не публиковались. Они появились (далеко не по всем предметам), если я не ошибаюсь, в конце 50-х – начале 60-х годов. До студента доводилась только краткая информация: когда и по каким предметам ты должен отчитаться (контрольные работы, зачёты, экзамены). Учебников и учебных пособий или не было совсем, или их было почти невозможно раздобыть в библиотеках, или они безнадёжно устарели. Установочные лекции были сугубо ориентировочными. Самостоятельная учебно-познавательная работа студента-заочника развёртывалась в методическом тумане. И всё зависело от самоорганизованности студента и его умения «держать курс». Многие не выдерживали. У студентов-заочников из сельских районов «подручных средств» практически не было. У городских были преимущества: библиотеки (университетская, областная), возможность общения со студентами очного, дневного, отделения, да и с сотоварищами по заочному обучению в городе.

Как это ни парадоксально, но «тощая» методическая обеспеченность учебного процесса по заочной форме предельно остро обусловила необходимость упорной самостоятельности в поиске источников знаний, вырабатывать навыки их полезного освоения, вести конспекты и делать нужные выписки из книг, размышлять над прочитанным, обдумывать проблемы, вести по ним беседы с товарищами, вслушиваться в редкие лекции преподавателей (признаюсь: никогда не умел их «с ходу» конспектировать на слух, но всегда помечал в тетрадях заинтересовавшие меня мысли, фразы, даже отдельные термины). Моим близким другом в то время был Василий Щеулин. Мы часто встречались с ним, делились своими мыслями о прочитанном, о раздобытых каким-либо образом учебниках, монографиях и о проблемах языкознания, истории литературы, литературоведения. Василий Щеулин был смолоду человеком целеустремлённым; к тому же по обстоятельствам жизни он во что бы то ни стало стремился досрочно получить высшее филологическое образование и стать профессионалом. К этому располагали и его способности и овладение знаниями.

Нельзя обойти один любопытный эпизод наших с ним самостоятельных занятий филологической наукой, в частности языкознанием (термин «лингвистика» тогда не употреблялся). Мы внимательно следили за развернувшейся на страницах самой главной тогда газеты «Правда» дискуссией по проблемам языкознания. Публиковались волнующие нас статьи ведущих языковедов Щербы, Виноградова, Мещанинова и др. Мы с Васей тоже решили поучаствовать в дискуссии о роли языка, его месте в жизни общества, в культуре. Между прочим, вспоминая теперь, я с недоумением заметил, что вопрос о культуре владения языком и о бытии русского языка в общемировом общении почему-то не возник в тогдашних спорах. Наверное, казалось дискутантам, и так всё ясно, нечего спорить: русский язык велик и могуч. А о чём спорили? Не могу сегодня воспроизвести всю группу

проблем, но вспоминается, особенно острыми почему-то были вопросы: «Куда отнести язык – к базису или к надстройке в структуре общества?», «На какой этнотерриториальной основе сформировался национальный русский язык? Его отношение к другим языкам СССР», «Каков смысл “нового учения о языке” академика Н. Я. Марра?» и др. Мы, два начинающих студента, к тому же заочника, решили высказать свои суждения. Это могло выглядеть как залихватская амбиция. Но нами двигала не она. Нам хотелось, усвоив высказанные концепции, суждения дискутантов, сформировать свою позицию. Мы вовлекались в дискуссионную проблематику науки, которой хотели овладеть. Это выражало стремление молодых людей сформировать самостоятельное мышление.

Мы стали готовить статью для газеты «Правда». Это было наивно. Достаточных знаний у нас не было, мы опирались на здравую логику размышлений, сопоставляя её с алогичными суждениями некоторых авторитетных дискутантов. С моим другом В. Щеулиным мы были единомышленниками. Мы подолгу обсуждали каждую статью, опубликованную в «Правде». Наши знания по теории языка опирались в основном на учебник В. А. Реформатского «Введение в языкознание». Консультировал нас преподаватель С. И. Челноков. Но он помогал стилистически, а не своими аргументами. Ему понравились наша дискутантская дерзость и склонность к самостоятельности. Главное, что мы пытались доказать и высказать: язык не базис, и не надстройка. Эти категории марксистской философии ошибочно применять к языку и выстраивать языковедческую теорию. Язык – это средство общения и человеческого мышления. Без него не могут функционировать ни базис, ни надстройка; без понятийно-словесного языка невозможна никакая человеческая деятельность. В наших суждениях не было никакой мудрости. Это – банальность. Но почему-то тогда ведущие языковеды пытались «уложить» язык в прокрустово ложе марксовой концепции, имеющей определённый смысл, но для описания иных явлений, да и то весьма относительно.

Статью мы подготовили и намеревались отправить в адрес газеты «Правда». На авось! Но в очередном номере «Правды» была опубликована большая (помнится, на двух полосах) статья Сталина. Извинившись за то, что он не специалист в области языкознания, но, что «касается марксизма-ленинизма», решил высказаться. Язык, вычитали мы в его статье, не относится ни к базису, ни к надстройке. Язык – особое общественное явление… Но об этом мы и писали с Васей Щеулиным в своём опусе. Мы были, мало сказать, в восхищении: наши суждения совпали с точкой зрения товарища Сталина. А его мысли комментаторы вскоре классифицировали как «гениальный вклад в творческое развитие марксизма-ленинизма». Началось обсуждение статьи Сталина в партийных организациях, в вузовских и научно-академических сообществах, во всех сферах общества. Мой друг, староста нашей студенческой группы, фронтовик Костя Огрызков собрал в 1950–1952 годах своеобразную библиотечку скороспелых книг и брошюр типа

«Творческое развитие (философии, языкознания, литературоведения, политической экономии, истории и т. д. и т. п.) в работе И. В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”». Была даже брошюра «Задачи нефтяной промышленности в свете работы И. В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”».

Мы с Васей по молодости лет не впали в самообольщение. Много лет позже я понял, что мысль Сталина никакого творческого вклада в науку не вносила; она вполне укладывалась в логику здравого смысла.

Этот эпизод из своей ранней студенческой жизни я воспроизвёл отнюдь не из тщеславия. Важно другое (и это осознавалось позже): насколько низкой была методологическая культура мышления в конце 40-х и в 50-х годах в науке, в научной среде, прикрываемая упрощённым пониманием марксизма. Далее, в процессе обучения важно критически сопоставлять различные точки зрения, вырабатывать самостоятельность суждений, позиций, тренировать своё мышление.

Но я несколько, года на два, забежал вперёд.

Вернусь в конец 1948-го и в 1949 год. Наверное, так и буду записывать воспоминания, то забегая вперёд, то возвращаясь назад, то что-то пропуская.

Проректор Я. Н. Митрофанов, открывший возможность поступить на заочное отделение, вскоре привлёк меня к разбору бумаг в подведомственной ему «конторе», как он её сам называл. Ворох разнообразных бумаг (заявления абитуриентов, приказы ректора, переписка со студентами, их личные дела, контрольные работы и т. п.) надо было разложить по соответствующим папкам (их не хватало) или по пачкам, перевязав их. Два работника заочного отделения с этим явно не справлялись. Мы с Василием Щеулиным согласились. Каждый день часа по 2–3 мы сортировали, раскладывали различные документы. Довольно занудливое занятие между тем как-то помогало осваивать университет: давало возможность быть в курсе режима заочного обучения, общаться с лаборантским составом, со студентами очного отделения (стационара, как тогда говорили), получать от них некоторые сведения о порядке, а иногда и о проблематике преподавания учебных дисциплин. Надо сказать, нацеленность на получение высшего образования и внутренняя мотивация познавательной активности были тогда у студентов очень высокими и стойкими. Конечно, уровень доуниверситетской подготовки был разным. У фронтовиков (участников Великой Отечественной войны) был большой разрыв между окончанием средней школы и поступлением в университет. Сложности обусловливались не только длительностью разрыва, но в неменьшей мере и тем, как выразился студент-фронтовик с физико-математического факультета, «под бомбёжкой не то что бином Ньютона забудешь, но и таблицу умножения». Остро сказывались финансово-экономическая недостаточность, сложности быта, бедность материальной базы университета, слабость учебно-методического обеспечения учебного процесса, острая нехватка учебных и лабораторных площадей (все аудитории, лаборатории, кабинеты, гардероб практически были заняты с 8 утра до 23 часов

ежедневно). Студентов можно было увидеть в аудиториях и в воскресные дни, ибо дома, в общежитии условия не позволяли плодотворно погрузиться в учебные материалы, в курсовые и дипломные работы. Однако стремление получить профессиональное высшее образование было интенсивным. Оно питалось не только карьерными (в хорошем смысле слова) соображениями, но особым чувством достоинства – быть причастным к университету. Между прочим, в вестибюле красного корпуса ВГУ на проспекте Революции входящих встречал швейцар. Это – не нынешний вахтёр. Мундир с галунами и с погонами, головной убор с кокардой впечатлял не только новичков, но настраивал на серьёзный деловой лад всех входящих. Сотрудники почтительно здоровались с ним. Форма в культуре общения имеет выразительный символический смысл.

Общение со студентами очной формы обучения давало мне очень многое. И так выпадало, что это были целеустремлённые, знающие и ищущие люди. Один из первых, с кем мне удалось познакомиться, был Яков Гудошников, фронтовик, тогда, кажется, студент уже 4-го курса, будущий доктор филологических наук, декан филологического факультета в 60-х годах. В какой-то из декабрьских дней 1948 года у него возникла настойчивая потребность кому-то прочитать свои стихи. К счастью для меня, ему в университетских закоулках попался я. Стихов его не помню, но, как я понял, он очень любил древнерусскую литературу, и разговоры с ним помогли мне вникать в сложный процесс не только познания истории литературы, но и в её художественную ткань.

Были встречи и знакомства и со студентами разных факультетов, более всего с физиками (один из моих одноклассников Ююкин учился на физико-математическом факультете), с геологами (Н. Мозговая) и др.

Однако самым главным было самостоятельное погружение в те учебные проблемы, которые предусматривались образовательным планом. Самому приходилось искать, добывать учебные материалы: дефицитные учебники и пособия, монографии и самое непреложное, необходимое – тексты художественных произведений (романы, повести, стихи, рассказы, пьесы и т. п.). Было два ресурса этих материалов: библиотека ВГУ, самоотверженным трудом восстановленная под руководством Софьи Панфиловны Оникиенко, а также восстанавливающая свои фонды областная библиотека, располагавшаяся в самом начале проспекта Революции, у моста через железную дорогу. Работники библиотек, люди исключительной профессиональной самоотверженности и отзывчивости, наверное, перерывали все полки, чтобы отыскать просимую книгу или её заменитель (если речь шла о монографии). Но не всё они находили, потому что не было тех или иных произведений (по античной и древнерусской литературе). Но 100 % была обеспеченность «Кратким курсом истории ВКП(б)» и книгой Сталина «Об основах ленинизма». С учебниками и учебными пособиями по философским наукам дело обстояло плохо. Но кое-что было.

Студенту-филологу, попутно замечу, необходимо прочитать, изучить согласно учебному плану намного больше (в полтора-два раза) литературы разного рода по сравнению с представителем любой другой специальности. Учебники, рекомендуемые монографии, научные статьи – не определяющий, однако направляющий массив. Главное – тексты, произведения художественной литературы: романы, повести, поэмы, стихи, пьесы, рассказы. И не просто прочитать, а профессионально, т. е. аналитически. Аналитическое чтение требует определённой выучки, навыков и больших трудозатрат времени. Я как-то подсчитал, филологу нужно прочитать минимум 10 000 страниц в год. Не скрою, не все одолевали тогда (не знаю, как сегодня) отнюдь не такие «литературные вёрсты». Не всегда можно было раздобыть нужное произведение, да и времени было маловато. Предэкзаменационный цейтнот у филологов очень жёсткий. Штурмовщина предельно неэффективна и психологически губительна. Нужен повседневный самостоятельный вдумчивый познавательно-аналитический труд студента. Какие бы методически прекрасные лекции ни читал профессор-специалист по литературе XIX века, они не заменят аналитического чтения самим студентом романов Л. Толстого или Ф. Достоевского. Правда, экзаменаторы были и бывают разные. Одни «довольствовались» знаниями студентов неких общих сведений, другие «выведывали», знает ли студент сюжет того или иного произведения; третьи проверяли умение анализировать текст, четвёртые (и такие, к счастью, были и есть) вникали (радовались или огорчались) в способность молодого человека мыслить, в культуру профессионального и гуманитарного мышления. Культура экзаменационного процесса – тонкий феномен. От неё в немалой, а часто в определяющей, мере зависит, по какой когнитивной и интеллектуальной модели будет осваивать студент тот или иной предмет, да и специальность в целом. Об этом мне придётся поразмышлять в своих записках не раз.

Мне очень хотелось быть филологом. Прежде всего в литературоведческой части. Не имея надёжного методического компаса и многого не понимая, я просиживал часами в читальных залах библиотек. Случайно иногда попадали книги, которые не входили в программы и даже считались запрещёнными.

Не помню, при каких обстоятельствах мы с Василием Щеулиным познакомились с первокурсницей геологического факультета Надеждой Мозговой (она потом перевелась в МГУ). Она жила с матерью в половине частного дома. Мы часто встречались у неё. Было что-то среднее между влюблённостью и дружбой. Надя была очень начитанной и энергичной девушкой. Мы говорили о литературе, кино, музыке, читали стихи, спорили. Была небольшая случайно сохранившаяся с довоенного времени библиотека. И в ней оказался сборник литературно-критических статей Л. Троцкого, изданный в начале 20-х годов. Это была запрещённая литература. Но мы и её проштудировали, никому об этом не рассказывая (могли быть последствия). Однажды в районной библиотеке я обнаружил сборник статей

А. Луначарского о литературе и искусстве. Мне его выдали. Я с интересом прочитал и даже хотел утаить книгу для себя, но библиотекари (святые люди!) заставили вернуть. Многого из прочитанного в первые месяцы заочного обучения я не понимал. Но упрямство не позволяло отложить в сторону сложную книгу «на будущее».

Усердные штудии прервало неожиданное предложение из родной 18-й мужской школы. Предложили работу пионервожатым. Я легкомысленно согласился и даже обрадовался. Необходимо было хоть как-то участвовать в доходной части семейного скудного бюджета. В воронежской школе № 18 я не был отличником и активистом. Предложение было неожиданным, но нужным для меня. Пионеры в школе были, но работы с ними, как я вскоре догадался, не было довольно длительное время. Что делать пионервожатому – я понятия не имел; предшественник не оставил ничего. Впрочем, была большая, метров на 50, пионерская комната, в ней – барабан и горн. Больше ничего. В барабан бить, в горн трубить я не умел. Начал с восстановления по классам пионерских отрядов. Не у всех были галстуки. Но что-то вроде наладилось. Что делать дальше? Не знал. Меня часто использовали для подмены на уроках заболевших учителей с 3-го по 6-й класс. Чаще всего что-то рассказывал, устраивал шахматные турниры. Даже играл на нескольких досках одновременно, чаще всего проигрывал.

Томился, не зная, что делать. Тосковал (почти буквально) по читальным залам и своим студенческим самозанятиям. Кажется, в начале декабря 1949 года горком комсомола признал мою работу пионервожатым неудовлетворительной. Мне было и стыдно, и обидно. Подал заявление об уходе. До сих пор чувствую свою вину. Но освободилось время для занятий, т. е. самостоятельной работы над учебными материалами к первой экзаменационной сессии. Зачёты и экзамены сдал на «отлично».

Вскоре подвернулись хорошие (и по оплате, и по занятости) подработки. Подрядился на маслозаводе (у виадука на Заставе) собирать ящики для сливочного масла (вкус которого давно забыл). Ящик на 25 кг должен быть сделан не то что без перекосов и щелей – без единого заусенца. Материалы – заказчика, работа – на дому; рабочего места, кроме приёмки готовых ящиков на маслозаводе, не было. Приходилось самому привозить столярные материалы и доставлять их заказчику. К тому же – менять строительные шестидюймовые гвозди на столярные мелкие и тонкие. Приходилось «базарить» гвоздики на так называемой толпе (теперь на том месте центральный автовокзал). Столярная работа была сдельной: за изготовленный ящик – два с половиной рубля. Я быстро освоил (спасибо дедушке за столярные уроки в детстве) и даже, можно сказать, поднаторел. В день, точнее за 3–4 часа, мог заработать от 25 до 50 рублей (вкусная булочка и марципан стоили 2 рубля 50 копеек). Оставалось много времени для университетского самообразования.

Мой друг Василий Щеулин продвигался по тропам заочного обучения быстрее меня. Он более интересовался лингвистическим сектором филологии и был в сентябре 1949 года переведён на 3-й курс очного отделения, опередив меня на

один курс. Меня не оставляла надежда стать полноценным студентом, а не заочником-пасынком. Между прочим, уже тогда, на рубеже 40–50-х годов, ходил анекдот среди студентов как ироническая реакция на стереотипное мнение, будто и заочное обучение даёт полноценное университетское образование: «Воробей, как и соловей, тоже обучался вокалу в консерватории, но заочно».

Точно не помню, но, кажется, в 1949 году в сентябре историко-филологический и географический факультеты переехали и расположились в построенном на улице Фридриха Энгельса общежитии № 1, заняв половину здания. Вторая половина использовалась по прямому назначению; студентов расселили по 4 человека на комнату: им было удобно по коридору ходить на лекции.

Однажды я шёл по узкому коридору. Меня остановил декан историко-филологического факультета Ефим Герцович Шуляковский и задал удививший меня вопрос:

– А не пора ли Вам перевестись на очное отделение?

– Спасибо, Ефим Герцович, очень хочу, но не знаю, как.

– Как Вы сдали зимнюю сессию?

– На «отлично».

– Пойдёмте со мной в деканат.

До сих пор не знаю, почему декан факультета задал мне этот изумивший меня вопрос, сыгравший поворотную роль в моей студенческой судьбе. И не только в студенческой.

Позже узнал: Ефим Герцович был очень внимателен к студентам, переживал за них, умел по-отцовски беседовать с ними, от чего-то остерегал, как-то наставлял, помогал самоопределиться.

Мы зашли в деканат на 3-м этаже. Выяснили расхождение между учебными планами очной и заочной форм обучения по семестровым графикам «прохождения» предметов и сдачи зачётов, экзаменов. Разница оказалась большой.

– Можете месяца за четыре преодолеть разрыв и сдать необходимые зачёты и экзамены?

– Постараюсь.

– Если все экзамены и зачёты сдадите, переведём на 3-й курс очного обучения. Только не ниже как на «хорошо».

Я вышел из деканата, ног своих не чуя. Необходимо было сдать экзамен по логике, истории западной литературы XVI–XVIII веков, диалектологии, фольклору и зачёт по польскому языку, а также по физкультуре и военному делу.

Я уже самостоятельно занимался и этими дисциплинами и к экзаменам готовился. Но однако… 4 экзамена и зачёты. Учебники по логике (Челнокова), диалектологии (Аванесова), по польскому языку у меня были свои, были и хрестоматии по зарубежной литературе, к тому же кое-что из произведений было уже прочитано.

Начал я с экзамена по диалектологии. Договорился о дате с Валентиной Ивановной Собинниковой. Она была тогда доцентом. Валентина Ивановна предложила прийти к ней на квартиру. Все аудитории и кафедры были так заняты учебным процессом, что притулиться для экзаменационной процедуры было негде. К тому же существовала некая традиция, сложившаяся ещё в конце XIX века (я знал это по мемуарной литературе), можно принимать экзамены в домашней обстановке. Этим часто пользовались профессора преклонных лет. Ничего предосудительного в «домашних экзаменах» никто тогда не видел.

Валентина Ивановна жила в то время в университетском доме на улице Фридриха Энгельса, 15. Квартира представляла собой маленькую комнату в так называемой коммуналке. Она была переполнена, вернее, по всему 10-метровому пространству забита книгами. Полок я не заметил; да их, наверное, и не было (откуда было их взять в разрушенном послевоенном Воронеже). Стул один был, на который экзаменатор и предложила мне сесть, устроившись сама на узкую кушетку, втиснутую между книжных столбов. Попавшие по билету вопросы не затруднили: я основательно проштудировал учебник Аванесова. Когда я высказал свои знания, Валентина Ивановна спросила: «Вы по учебнику Аванесова готовились?» – «Да, – ответил я, учебник я сам купил». – «Есть учебник лучше, – заметила Валентина Ивановна. – Но Вы, наверное, не знали. Учебник Аванесова не очень хороший. Но Вы точно воспроизвели его суждения. В Вашей речи несколько диалектизмов рязанского истока». Я удивился: мои родители – из Рязанской области, а я до семнадцати лет был сельским жителем. Валентина Ивановна указала мне на речевые рязанские грехи и даже потренировала меня в их исправлении. За ответ по учебнику Аванесова в моей зачётке появилось «отлично».

К личности учёного, педагога, гражданина и человека, кем была Валентина Ивановна Собинникова, буду многократно возвращаться в своих мемуарных записках.

Остальные экзамены не вызвали осложнений. Однако преподаватель польского языка Чейченец констатировала: «Вы можете овладеть безмолвным переводом с польского. Но говорить по-польски не сможете: Ваша гортань, кажется, не для этого языка». И правда, в 1966 году я был в Польше (в группе молодых социологов), но говорить не мог, хотя на слух кое-что воспринимал, особенно тогда, когда беседовал с прекрасной Вандой о Пушкине и Мицкевиче. Она меня постоянно поправляла: «Ще прошу, пан, не так! О Мицкевиче и Пушкине!»

О давнем экзамене по истории европейской литературы («зарубежке» на студенческом сленге) мне, к моему неугасимому удивлению, напомнила профессор Алла Борисовна Ботникова… в 2012 году. В июле–августе 2012 года посчастливилось вместе с женой Галиной Никитичной отдыхать-лечиться в санатории имени Дзержинского в Чертовицке. Там же отдыхала Алла Борисовна с мужем Зиновием Яковлевичем Анчиполовским (театроведом и историком Воронежского

драматического театра) и профессор журфака, знаток русской литературы и остроумный журналист Лев Ефремович Кройчик с женой – неунывающей Маргаритой Николаевной. Вечерами прогуливались, беседовали на литературные, социальные, университетские и просто житейские темы. Однажды Алла Борисовна спросила, помню ли я, как сдавал ей экзамен по истории зарубежной литературы. Хорошо помня, что кроме неё по «зарубежке» и более поздних веков нам никто не читал никаких курсов, уверенно ответил: «Конечно! Вы исключительный не только экзаменатор, но и учёный-педагог. Ваши лекционные курсы у студентов моей группы вызывали восхищение». Последовал второй вопрос: «А помните, о чём я Вас спрашивала на экзамене?» Пришлось признаться: «Извините, пожалуйста, Алла Борисовна! Ваши лекции помню, а экзаменационных вопросов, к своему стыду, не помню». – «Я Вам тогда предложила рассказать о немецких романтиках. Я только что начинала работать преподавателем. Вы были первым студентом, которого мне предстояло экзаменовать. Этого лекционного курса я ещё не читала и не знала, о чём спрашивать. На всякий случай спросила о немецких романтиках. Это то, что знала, потому что моя диссертация – по немецким романтикам XVIII века. Вы ответили, называя писателей, поэтов, их произведения, переведённые на русский язык. Не знала, какую оценку вписать в зачётку: “хорошо” или “отлично”. Впервые расписалась в зачётке: “отлично”». – «Алла Борисовна! Готов пасть перед Вами на колени. Спасибо за высокую оценку. Но теперь дело не в ней, а в том, что через десятки лет Вы, в отличие от меня, помните экзаменационные вопросы. Это – пример исключительного профессионализма вузовского учёного-педагога! Сам я помню многих и многих бывших своих студентов. Но не заданные им вопросы…»

Воронежскому университету очень повезло, что в нём начала свою научно-педагогическую деятельность Алла Борисовна Ботникова. Насколько помнится, ей было тогда 24–25 лет. В аудиториях перед ней сидели разновозрастные студенты от 18 до 28 лет, от вчерашних школьников до фронтовиков, постигавших Европу не через художественную литературу, а через кровавые бои. На моём курсе таких было четверо. Мы тогда не знали, как трудно было молодому преподавателю, выпускнику Московского университета, в чужом разрушенном городе без жилья, без библиотеки, да поначалу и без друзей, без опоры на опытных специалистов по зарубежной литературе (их не было). Алла Борисовна год за годом создавала и создала Воронежскую научно-педагогическую школу по западной литературе, известную теперь в Европе. Только через полвека её ученики и я (хотя и не филолог по роду своей научной специальности) узнали из её талантливой книги воспоминаний, как ей было тяжело. Но не только о тяжких переживаниях, но и о сильной целеустремлённой воле, способной пробить свой тоннель и в горах, и под водой[1]. Падала в обморок, готовясь ночами к лекциям. Она не могла их читать кое-как, взяв кое-что из учебника. Ей смолоду претили легкомыслие, упрощенче-

[1] См.: *Ботникова А. Б.* В те времена… Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. 280 с.

ство (между прочим, и заумные завихрения), методическая небрежность, литературоведческие штампы. Осмысленно и интуитивно она стремилась не только дать студенту (и потребовать!) знания, но и на материалах истории западной литературы научить его мыслить. Мыслить социально, философски, литературоведчески, эстетически и этически. В то давнее время (начало 1950-х) это было непросто. Нечего скрывать, но некоторые преподаватели делали акцент на идейном содержании или на сюжетных перипетиях художественного произведения, впадая нередко в примитивный социологизм. Лекции Аллы Борисовны отличались профессиональным анализом эстетического, этического, социально-философского построения художественного произведения. Когда я слушал её лекции, мне казалось (и я стремился это усвоить и освоить), что преподаватель не только рассказывает содержание произведения (этим многие поневоле грешили, тексты студенту тогда было трудно достать), но и анализирует, как сделано. Алла Борисовна учила нас профессионально вникать в тайну художественного творчества того или иного писателя, поэта, драматурга. И мы интуитивно тянулись за ней.

Экзаменатором Алла Борисовна была в то время, когда я учился, строгим, но переживающим за студента иногда больше, чем экзаменуемый. Психологически её строгость обусловливалась, как мне кажется, двумя мотивирующими факторами. 1. Она воспитанница МГУ, а там всегда были академические высокие требования не только к знаниям студентов, но и к культуре ответа (его достоверность, обоснованность, язык, композиция). 2. Алла Борисовна самоотверженно разрабатывала каждую лекцию, читала ярко, энергично, чётко, веря в увлечённость студентов предметом, специальностью. И, по-видимому, недоумевала, почему же студент говорит на экзамене нечто невразумительное. Она не стеснялась ставить и тройки, и двойки (моей группе редко, студенты работали над учебными материалами усердно, к тому же мы не просто уважали молодого талантливого преподавателя, но любили Аллу Борисовну). Но, поставив «неуд» в экзаменационную ведомость и мотивировав оценку, иногда плакала. Она жалела «неудачника». Мы её уговаривали: «Не переживайте, Алла Борисовна. Мы поможем NN, и он сдаст экзамен».

Однако вернёмся к моим студенческим проблемам. Задание декана Ефима Герцовича я выполнил. И к сентябрю 1950 года появился приказ ректора Н. П. Латышева о переводе меня на очное отделение историко-филологического факультета. Да ещё со стипендией, что было очень кстати.

Итак, с 1 сентября 1950 года я – полноценный студент Воронежского государственного университета, в котором до конца моей жизни локализовалось моё социальное бытие. Не только учёба и работа, но нечто (сумею ли выразить, описать, рассказать в своих записях?) большее. Не хочу сказать, что Воронежский государственный университет монопольно сформировал меня как личность (профессия, мировоззрение, жизненная позиция, круг общения, тип и стиль взаимодействия в человеческом многообразии). Я не замыкался только в его социальном пространстве.

И меня в нём никто не запирал. Но без и вне Воронежского государственного университета был бы другим человеком. Я стремился в него, переживал его пертурбации и динамику. И Воронежский университет стал моим, и я останусь в его истории.

Я был зачислен на 3-й курс филологического отделения историко-филологического факультета. На нём были почти все знакомые ребята и девушки, вместе с которыми сдавал вступительные экзамены и которым повезло в августе 1948 года, ибо не путали немецкие предлоги «mit» и «vom».

Старостой курса все 5 лет учёбы был Константин Огрызков, 1923 года рождения («ухитрился» родиться в ночь с 31 декабря 1923 года на 1 января 1924 года). Фронтовик, награждённый орденами и медалями, войну закончил старшиной-зенитчиком, хотя повоевал в различных родах войск. Из бедноватой крестьянской семьи, он отличался открытой, доверчивой крестьянской предрасположенностью к общению и взаимодействию с разными по возрасту, роду занятий, жизненному опыту и интересам людьми. За годы войны школьные знания, полученные в довоенной сельской школе, основательно выветрились. Ему было трудно. Но Костя обладал крестьянским упорством, солдатской стойкостью; его интерес к занятиям был неугасим и возрастал от курса к курсу. Как у всех фронтовиков, у него была не просто высокая мотивация, но истосковавшаяся жажда получить социально-деятельное высшее образование. Он любил литературу, особое пристрастие питал к истории России, её жизнестойкости и противоречивости. Был нетороплив, часто ироничен в своих суждениях (любил «слово с лукавинкой»), сметлив и критичен. Мы, сокурсники, его любили, преподаватели уважали, декан Ефим Герцович Шуляковский и после него Ирина Яковлевна Разумникова ценили за обстоятельность в подходах к делу, к непростым обязанностям старосты. Костя Огрызков сыграл, как бы теперь сказали социологи, интегративную роль в сплачивании студенческого коллектива и обеспечении его продуктивной жизнедеятельности (не только учебной). И никто не чувствовал какого-то нажима, дисциплинарного морализаторства и формализованной распорядительности.

После окончания университета Константин Тихонович работал редактором Боринской районной газеты (Липецкая область), многотиражки тракторного завода в Липецке, увлёкся краеведением, написал и издал книжку о знатных земляках. Изредка приезжал в Воронеж, встречаясь с бывшими сокурсниками, особенно с Л. Варшавским, Б. Кривенко, бывал у меня, беседовали о студенческом прошлом и вскипающих страстях в России. Никогда не замыкался на бытовых и житейских проблемах, но и не обходил их. В конце 90-х связь прервалась. Ответных писем от него не было (даже писал редко). Со второй женой моего друга я не был знаком; и никакой информации о его жизни и судьбе в завершающих распятых 90-х годах не имею.

Каждый студенческий коллектив – это специфический социум, свойства которого наиболее отчётливо, явственно выявляются на третьем году обучения. Специфичность его прежде всего в том, что основой его является учебный про-

цесс, общность познавательной деятельности как особого вида труда (отнюдь не простого), ориентация (в различных вариантах) на ценности высшего образования. А также образ жизни (при всём многообразии стилей и моделей), совместное времяпрепровождение (досуга, общения, удовлетворения культурных и бытовых потребностей), участие в общественной жизни и многое другое. При наборе на 1-й курс определяющим фактором являются показатели конкурсных экзаменов, баллы. Ныне они исчисляются совершенно иначе, чем в советское время; учитываются показатели ЕГЭ, в которых почти исчезает личность, вернее, в которых личность почти затирается. И вот так или иначе набранному по баллам 1-му курсу предстоит с течением некоего времени стать временным устойчивым социальным образованием на 3–4 года – групповым социумом. От того, как складывается студенческий социум, зависит очень многое: статусы входящих в него членов, их психологический настрой и личностные симпатии/антипатии, продуктивность учебно-познавательной активности и научно-исследовательской работы, социокультурное развитие, включая физическую культуру и спорт, общественная активность, личностное самопознание; социальная самоидентификация индивида, способы её позиционирования, проявление в деятельностном общении.

Студенческие курсовые социумы бывают разными: разная степень сплочённости/разобщённости, организованности/рыхлости, взаимных симпатий/антипатий, товарищеской взаимопомощи и завистливой конкуренции, высокой способности к интеграции или тенденциями распада. Различны типы и показатели интеллектуальных притязаний и нравственной атмосферы, отношений к избранной специальности. Студенческие социумы отличаются друг от друга нормами, стереотипами, обычаями межгруппового и внутригруппового поведения. На собственном опыте и по многолетним наблюдениям десятков и десятков различных студенческих социумов, складывающихся на основе покурсовой динамики обучения в ВГУ, я заметил: те внутригрупповые отношения, которые когда-то сложились, потом при юбилейных групповых встречах по поводу 5-, 10-, 15-, 20-летия и так далее в значительной степени сохраняются и реализуются с небольшими вариациями за банкетными столами и в домашних условиях, и в ресторане.

Мне в сентябре 1950 года жизненно повезло. Я попал в хорошо сформировавшийся, слаженный и деятельный социум 3-го курса филологического отделения историко-филологического факультета. И беспроблемно был принят, что стимулирующе воздействовало на всю мою последующую трёхлетнюю студенческую жизнь. На третьем курсе филологического отделения было 39 студентов (9 юношей и 30 прекрасных девушек). Мы неизменно вплоть до окончания ВГУ занимались в одной и той же аудитории № 39 в первом общежитейском корпусе по улице Фридриха Энгельса. Она была нашей; получив в июне 1953 года дипломы и нагрудные знаки об университетском образовании, мы собрались в ней и посидели на прощание.

Ядром группы были четыре фронтовика: Константин Огрызков (староста), Лев Варшавский (демобилизовался из армии лейтенантом), Борис Кривенко (демобилизовался старшиной, вскоре он был избран Председателем студенческого профкома, а за отличную учёбу и большую общественную работу был удостоен Сталинской стипендии, кажется в 1000 рублей, по тогдашним временам – большие деньги), Валентина Тардатова (медсестра, от неё исходил всепокоряющий свет спокойствия, заботливости и личной обстоятельности). Тогда и примерно до конца 60-х годов студентов, как и всех, непосредственно участвовавших в боях против фашистской Германии, называли фронтовиками. Потом как-то это слово забылось и утвердилось официальное – «участники Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Однако не все участники Великой Отечественной войны были на фронте. Многие, пожалуй, большинство, самоотверженно трудились, обеспечивая Советскую армию вооружением, продовольствием и, как говорят военные интенданты, вещным довольствием. Без дееспособного тыла армия не может победить. Как ёмко сказал рано погибший (попал под трамвай) поэт Алексей Недогонов:

Из одного металла льют
Медаль за бой, медаль за труд.

Друзья. Выпускники 1953 года филологического отделения историко-филологического факультета ВГУ. Слева направо: в первом ряду фронтовики Лев Варшавский, Константин Огрызков (староста курса), Борис Кривенко (Сталинский стипендиат); во втором ряду Владимир Шашкин, Валентин Рахманин

Фронтовики и были нравственным ядром всего университетского студенчества. Среди филологического отделения, кроме моих сокурсников, выделялись Борис Удодов (впоследствии профессор), Яков Гудошников (будущий декан и профессор филологического факультета), Сергей Титов (профессор, заведующий кафедрой философии, его голос завораживал не только студенток) и др. На историческом отделении учились, потом работали Виктор Тупикин, Анатолий Волков, Виктор Афонюшкин. За плечами студентов-фронтовиков осталась незавершённая юность 30-х годов, суровое и предельно жёсткое возмужание в «сороковые пороховые», потери родных и близких, послевоенные трудности и зыбкое обустройство жизни. Но они не теряли стойкости, веры в то, что всё наладится, упорно учились и, превозмогая лишения и житейские проблемы, стремились получить высшее образование как личное достояние и способ включения в процессы общественного развития и социальной самостоятельности. Высоких слов об общественном долге они не говорили. Для них он был, говоря почти языком И. Канта, внутренним императивом. Им вообще была чужда эйфорическая манифестация своего призвания, патриотизма, так называемой идейности – или, как ныне модно говорить, духовности. Но быть интеллигентами в русском классическом понимании как носители высокой культуры и профессионалами-специалистами они хотели, стремились и стали при всех жизненных передрягах и бурных общественных переменах.

Студенты-фронтовики второй половины 40-х – начала 50-х годов – представители особого, самого трагического и самого мужественного поколения советской молодёжи. Из юношей 1920–1924 годов рождения, призванных в армию или добровольно ушедших на фронт, с кровавых полей от Москвы, Воронежа и Сталинграда до Берлина и Праги вернулось не более 6 %. Выжившие несли в себе память о павших и сокровенно ценили каждое мгновение жизни. Преодолеть все трудности и подняться к высшему образованию – это тоже их социально значимый подвиг.

Их нравственное и психологическое значение в формировании студенчества, его социального мировоззрения и жизненных позиций огромно и непревзойдённо, не компенсируется никакими последующими педагогическими концепциями и программами воспитания вузовской молодёжи. Жаль, что оно не исследовано ни историками, ни социологами, ни психологами, ни тем более педагогами. В чём, как социолог, и каюсь теперь. Да поздно. Оставляю всего несколько строк в своих воспоминаниях. Для социолога тема «Студенты-фронтовики в послевоенных университетах и в формировании интеллигенции 60-х годов минувшего века» бесценна в теоретическом и практическом смыслах, но очень трудна в методологическом исполнении. Но, может быть, кто-нибудь в будущем рискнёт из новых поколений?

В студенческом поведении фронтовиков был странный, с обыденной точки зрения, феномен: оно фактически не отличалось от поведения остальных студентов («вчерашних школьников»). Они также посещали занятия, переживали («мандражировали») перед экзаменами. В обращении с другими у них не наблю-

далось никакого возрастного превосходства. Фронтовики не воспринимали нас, не имеющих такого драматического и трагического жизненного опыта, как некую «салагу». Ходили в том, в чём обстоятельства позволяли. Лёва Варшавский носил офицерский китель, у меня тоже был офицерский китель (с братова плеча). При обсуждении студенческих вопросов не демонстрировали своего особого положения, участвовали на равных. В послевоенные годы студент, как и каждый трудоспособный, работал 200 часов в год бесплатно на восстановлении города (чаще всего разборка завалов разрушенных зданий университета, посадка деревьев, кустарников: у красного корпуса на проспекте Революции, 24 до сих пор стоит дерево, посаженное мной с деканом Е. Г. Шуляковским и Машей Лисицыной). Фронтовики работали вместе с нами, хотя имели право не участвовать. В аудиториях, между прочим, на стенах размещались так называемые экраны отработок; указывалось количество часов, отработанных тем или иным студентом. Фамилии фронтовиков и их «показатели» были вписаны в них. Староста нашего курса и особый «учётчик» строго следили за этим.

Вокруг фронтовиков, само собой, складывался некий актив студентов с высокими показателями академической и общественной активности, культурных интересов и компанейской общительности. Спонтанно меня приняли в эту группу: Л. Варшавский, Б. Кривенко, К. Огрызков, М. Лисицына, Т. Иванова, Т. Сивкова, Г. Фомина-Никифорова, В. Шашкин, В. Тардатова, Г. Бодренко, К. Севастьянова, Г. Чеснова, Е. Артёменко. Традицией было вместе отмечать праздники, устраивать скромное, но весёлое застолье, иногда после получения стипендии. Собирались чаще всего у Бориса Кривенко (он жил вместе с мамой Софьей Ивановной в частном доме возле Никольской церкви; Софья Ивановна была очень гостеприимна), у Галины Фоминой-Никифоровой в квартире дома «гармошкой» на ул. К. Маркса, у Валентины Тардатовой на улице Левая Суконовка. В компанейские «вечеринки» всегда включалась и будущая моя жена Галя Васильева с другого курса, годом младше. Готовили нехитрую, но очень вкусную студенческую закусь. Мне и Вале Тардатовой поручалось сделать закупки. Никакой водки! Удачей считалось достать три-четыре бутылки тогда популярного портвейна «777» («Три семёрки», или в просторечии «Три топора»), пару «Акстафы». С закуской было сложнее. Магазинные полки были забиты банками красной и чёрной икры, крабов. Но в студенческое застолье они не шли и не могли конкурировать с пол-литровыми банками острогожской кабачковой икры. Мы собирались не для выпивки, а для того, чтобы вместе повеселиться, похохмить, послушать хорошую музыку (у Бориса Кривенко был патефон и набор пластинок с хорошей танцевальной и эстрадной музыкой). Если для 19-летних юношей и девушек эти «вечеринки» были символическим приобщением к «взрослой жизни», неким самостоятельным выходом за пределы семейного круга и общения, то для наших фронтовиков – возвращением в юность, жестоко прерванную страшной войной. Студенческие «вечеринки» были психоло-

гически, физиологически, тем более социально необходимы. Подчеркну: ни о каком пустоболтном «выпивоне», тем паче интимно-фривольных отношениях и речи не было. Мы были рады делиться друг с другом молодостью. И в этом был смысл. Молодостью можно делиться и в очень преклонные годы, если не потеряли интереса к жизни. И к несказанной, обогащающей тайне общения с другим человеком.

Главным, конечно, был для нас учебный процесс. Он объединял всех: и студентов, и преподавателей, и лаборантов в целенаправленном деятельном общении. Профессорско-преподавательский состав после войны восстанавливался, формировался, развивался.

Функционировали две кафедры: языковедческая и литературоведческая (в широком смысле этих слов). Профессоров на историко-филологическом факультете, работающих на постоянной основе («в штате»), в начале 1950-х было трое: на филологическом отделении – В. Ф. Чистяков (работал и во время войны) и П. Г. Богатырёв, на историческом – И. Н. Бороздин. По особому приглашению ежегодно к филологам приезжал известный исследователь творчества М. Горького Б. А. Бялик; к историкам тоже кто-то приезжал, помнится М. Н. Покровский, знаменитый тем, что его историческую методологию критиковал Сталин (однако не подвергал гулаговскому заключению).

Не помню, вернее, не знаю, какие и как вёл курсы профессор Василий Фёдорович Чистяков (помню только его грузную фигуру; он был каким-то обособленным, отчуждённым). На третьем курсе, на который я был переведён с заочного, и на последующих он ничего не читал. А вот с Петром Григорьевичем Богатырёвым и Борисом Ароновичем Бяликом нам здорово повезло, а мне к тому же очень помогло в 1971/72 году, когда довелось работать в Чехословакии.

Профессор Пётр Григорьевич Богатырёв – личность оригинальная, колоритная и по-своему легендарная. О нём многие, в том числе и известный советский писатель Илья Эренбург, светло и с неизменной улыбкой вспоминают как о талантливом учёном и лучшем переводчике знаменитой эпопеи чешского писателя Ярослава Гашека о похождении бравого солдата Швейка. Петру Григорьевичу по каким-то идейно-политическим причинам (или разговорам сына) запретили жить в Москве, в которую он вернулся ещё до войны после длительной эмиграции. Пётр Григорьевич выбрал Воронежский университет. Ему и его жене дали комнату в студенческом общежитии № 1 на улице Фридриха Энгельса. Тогда, даже вплоть до середины 60-х годов многие преподаватели ютились в студенческих общежитиях. Иных жилищных условий университет предложить не мог. На старших курсах Пётр Григорьевич читал лекции по истории славянских литератур и чешского фольклора. Читал не за фанерной кафедрой (иных не было), а сидя несколько в отдалении от стола, словно беседуя со студентами или рассказывая им спокойным голосом, в котором проскальзывали иронические ноты. Своим внешним видом чем-то напоминая Швейка в гражданском варианте: невысокого роста,

немного полноватый, брюки винтом, на голове несколько светловатых волосков, стремящихся во что бы то ни стало подняться. Лекции его были завораживающими почти в буквальном смысле этого слова. И не только тем, что проникновенно раскрывали содержание тех или иных произведений славянских литератур (преимущественно чешской и словацкой), художественные средства их выразительности (многих произведений мы даже не знали). Пётр Григорьевич через историю литературы и фольклора раскрывал историю и душу того народа, который породил те или иные художественные произведения.

В Петре Григорьевиче каким-то чудесным образом сочетались мудрость многое пережившего человека, энциклопедические знания, профессорская рассеянность и детская чудоковатость. О нём сохранилось много не то что анекдотов, а памятных анекдотических случаев. Приведу два-три. Моя будущая жена Галя писала у него дипломную работу о легендарном чешском писателе-антифашисте Юлиусе Фучике («Репортаж с петлёй на шее»). Договорились о консультации. Мы пошли к нему «на квартиру» в студенческом общежитии. Проходя по коридору, Галя увидела профессора на кухне. Пётр Григорьевич стоял у плиты, склонив голову, а в руках – два яйца. Галя: «Пётр Григорьевич, что Вы делаете? Я вам помогу». Профессор: «Жена сказала, чтобы яйца были всмятку, надо варить 4 минуты». Мы заглянули в кастрюльку, там кипела вода, а на дне лежали ручные часы. Пётр Григорьевич по рассеянности перепутал. Часы, покипев, испортились. Но Пётр Григорьевич не огорчился. Второй случай. Трамвайная остановка «Дом офицеров» (теперь «Комиссаржевская»). Староста нашей группы Костя Огрызков заметил Петра Григорьевича и пошёл к нему. Был мелкий осенний дождь. Подошёл трамвай. Пётр Григорьевич снял галоши (тогда на ботинки осенью надевали эту резиновую непромокаемую обувь), аккуратно поставил их у бордюра и вошёл в вагон. Трамвай отправился по маршруту. Костя подобрал профессорские галоши и вечером занёс их профессору. Пётр Григорьевич: «А разве это мои галоши?» Жена: «Твои, твои, ты пришёл в грязи и без галош. Спасибо, молодой человек. Где Вы их подобрали?» По воспоминаниям А. Б. Ботниковой, профессор П. Г. Богатырёв в прошлых годах в дружеских компаниях предавался потешным детским играм и розыгрышам.

В 1971–1972 годах мне довелось работать в Праге, в знаменитом Карловом университете. Часто приходилось выезжать в другие города. Иногда, если знал, что слушатели – вузовские преподаватели – филологи или философы, художественная интеллигенция, лекцию начинал с фразы: «Меня чешскому языку учил переводчик Ярослава Гашека Пётр Богатырёв. А “У Калиха” (знаменитая пивная) я пил пиво по его совету». Довольно часто после лекции подходили люди, помнящие Петра Григорьевича, и расспрашивали о нём. Памятной осталась встреча в пединституте города Градец-Кралове, где работали два ученика моего профессора, а некоторые знали его по литературе.

Профессор, доктор филологических наук Борис Аронович Бялик был человеком иного склада. Он приезжал в ВГУ по особому приглашению из Института мировой литературы АН СССР на 3–4 недели один-два раза в год. Он был участником Великой Отечественной войны, фронтовиком, что сближало его с нашими студентами-фронтовиками. Не случайно группа студентов во главе с фронтовиками неизменно встречала его на вокзале и провожала в Москву. При проводах он заказывал в перронных буфетах ребятам по рюмке водки, девушкам – по шоколадке. Спустя много лет он выпустил книгу своих фронтовых воспоминаний. В ней драматизм и трагизм фронтовых переживаний тесно переплетаются с жизнеутверждающим солдатским юмором. Храню её в своей библиотеке как памятную драгоценность и перечитываю всякий раз, когда она при переборке книг попадается мне в руки.

Борис Аронович Бялик вёл два лекционных курса «История русской литературы конца XIX – начала XX века» и «Драматургия М. Горького» (в первой половине 1950-х годов воронежский театр ставил пьесы М. Горького, и Борис Аронович консультировал и режиссёра, и актёров, да ещё нам об этом рассказывал). Русская литература конца XIX – начала XX века занимает особое место в духовной жизни нашей страны и в развороте её истории. Я трижды прослушал эти лекционные курсы Бориса Ароновича. Первый раз, будучи третьекурсником, со студентами четвёртого курса, на котором учились мои друзья В. Щеулин, И. Маслов, И. Ерёмин. Год спустя профессор Б. А. Бялик читал эти лекции нашей группе, перешедшей на 4-й курс. Ещё через год – вместе со студентами того курса, на котором училась моя будущая жена Галина.

Читая свои курсы, Борис Аронович, как тогда говорили, аккордно вычитывал их за две-три недели по 6, реже по 4 часа ежедневно, включая субботу. Перед ним на столе стоял стакан воды, а в руках иногда мелькал небольшой листок из карманного блокнота. Никогда не становился за кафедральный ящик (да его чаще всего и не было) и никогда не разгуливал по аудитории (да и негде было, комната была небольшой, а студентов человек 40, иногда больше, если приходили с других курсов или студенты-историки). Голос то повышался, то понижался, не теряя артикуляционной чёткости, тембр проникновенный, фразы короткие (но не рубленные), законченные; лектор никогда не путался в них. Студентки говорили, что за Б. А. Бяликом легко записывать лекции. Я не мог, углубляясь вслед за профессором в его литературоведческий, поэтический, нравственный, социальный анализ литературного процесса, боясь что-то потерять, работая авторучкой (плохой, кстати; а память у меня была хорошей), увлекаясь логикой мысли и композиционным построением лекции, очарованный неустающим за все шесть часов голосом лектора. Каждая лекция была тематически, но не сюжетно завершённой. Борис Аронович мастерски применял один методический приём: каждая лекция заканчивалась на самом интересном месте (проблеме, факте, понятии, событии),

не раскрывая, не поясняя его. Заключительного вывода как бы не было, оставалась «завязь» для следующей лекции. Сюжет продолжался, ибо литературный процесс – это не хронологический ряд писателей и произведений. Это живой ряд с противоречивыми течениями, откровениями, со своими находками и потерями. Как-то Борис Аронович признался, что нарочно заканчивает лекцию некоей тайной, чтобы не угасал, а возрастал интерес слушателей.

В любой лекции были некие интермедии двух типов. Первый – краткие вкрапления о бытовой жизни писателей, поэтов, их странностях (М. Горький, сидя за рабочим столом, любил жечь бумажные кораблики в пепельнице; А. Толстой вместе с друзьями из художественного театра периодически совершал вояж в Ленинград; на каждой остановке нужно было заскочить в станционный буфет, выпить рюмку водки и успеть вернуться в купе; всё завершалось кутежом в Ленинградском вокзальном ресторане – и обратно в Москву). Такие интермедии не были фривольными байками. Они давали возможность студентам передохнуть от записей академического текста лекции и живее воспринять реальности литературного бытия и быта. Второй тип интермедий – фронтовые воспоминания, часто – с самошуткой. В них лектор как бы сам отдыхал во время шестичасового изложения научного содержания лекционной темы. Но никогда «вставные сюжеты» не нарушали композиционной стройности лекции, не снижали её научного уровня и всегда усиливали эффект восприятия её слушателями.

Борис Аронович, как и другие, посвящал нас в историю русской литературы в то время, когда не обо всём можно было рассказывать и не все тайны можно было раскрывать, даже если учёный их знал и хотел бы о них поведать. В программе курса истории русской литературы конца XIX – начала XX века не были даже упомянуты М. Цветаева, О. Мандельштам. Почти ничего об А. Ахматовой, промелькнул К. Бальмонт. Однажды Борис Аронович начал говорить о Н. Гумилёве, но, прочитав одно его стихотворение, замолк и не продолжал. Зато обстоятельно и глубоко анализировал А. Блока, В. Брюсова, А. Белого, молодого В. Маяковского. Кстати, о Н. Гумилёве я впервые узнал в конце 1950-х годов от одного из ведущих математиков ВГУ Владимира Ивановича Соболева, который чуть ли не всего Гумилёва знал наизусть и часто читал его «Капитанов» своим студентам.

Кроме лекционных курсов, профессор Б. А. Бялик по просьбе студентов и сотрудников кафедры литературы (заведующей была Елизавета Павловна Андреева) проводил беседы «Как работает учёный», «Проза и поэзия научной работы» и т. п. Запрос на такие откровения был тогда очень высоким. Приходили не только филологи, но и наши коллеги по факультету – историки. Беседы проходили вечерами и длились по 2–3 часа. Жаль, что ныне таких бесед не проводят. Они очень нужны молодому самоопределяющемуся мышлению. Мне беседы Бориса Ароновича и потом чуть позже профессора-историка Ильи Николаевича Бороздина дали очень многое для исследовательской практики – совершенно в другой научной сфере.

С захватывающим интересом и вниманием мы слушали курсы лекций по истории зарубежной литературы XIX и XX веков. Их вела только что начинающая свою творческую научно-педагогическую деятельность Алла Борисовна Ботникова. Она и Полина Андреевна Бороздина (преподавала дисциплину «Литература народов СССР») были самыми молодыми нашими наставниками. У них было несколько иное отношение к нам, студентам, нежели у представителей более старшего поколения. Насколько можно теперь, более шестидесяти лет спустя и приобретя свой преподавательский опыт, вспомнить и понять, – им было невероятно трудно. Особенно Алле Борисовне. Рядом с Полиной Андреевной был многоопытный и мудрый профессор Илья Николаевич Бороздин. Для неё сложность ведения лекционного курса заключалась в том, что за семестр нужно было раскрыть студентам историю народов СССР (украинцев, белорусов, грузин, узбеков, таджиков и т. д. по всему списку, кроме русских) с древнейших времен до середины XX века. В какой-то мере помогало то, что она долго жила и работала (по собственной самоотверженной инициативе) в Средней Азии и любила литературу её народов. Она не только приобщала нас к её духовному богатству, но через разноязыкую литературу усиливала, укрепляла, актуализировала в нашем миропостроении, мировоззрении, в этносоциальной идентичности, как говорят ныне этносоциологи, плодотворный камень дружбы народов. Жаль, что в постсоветское время такого лекционного курса никто не читает. Конечно, можно сказать: нет СССР и народы разбрелись по своим национальным государствам. Увы! Это так. Но ведь остались творения Алишера Навои и Аветика Исаакяна, Тараса Шевченко и Абулькасима Фирдоуси, Шота Руставели и Янки Купала, Низами Гянджеви и Ивана Франко, Махтумкули и Самеда Вургуна и др.

Воронежская область не только соседствует с Украиной, но и социокультурно и этнографически взаимодействовала и взаимодействует с ней. Спецкурс по истории украинской литературы и её взаимодействию с русской правомерен и необходим на филологическом факультете. Иначе может случиться так, что имя «Леся Украинка» молодые люди (и постарев через 3–4 десятка лет) будут воспринимать как наименование модели прически скандально знаменитой украинской политесы Юлии Тимошенко. Однажды я принимал экзамен по курсу «Социальная антропология». Экзаменовалась девушка армянской фамилии, отвечала хорошо. Я спросил: «Вы из Армении?» – «Да, – ответила студентка. – Но живу в Воронеже». Мне вспомнилось начало довольно известного ещё дореволюционного стихотворения Аветика Исаакяна (кажется, на его слова был романс):

Караван мой бренчит и плетётся
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдаётся,
Что из родины слышу я зов…

Спросил, чьи эти стихи перевёл Александр Блок. Оказалось, девушка не знала, кто такой Аветик Исаакян. Рассказал ей немного и с грустью вписал в зачётку «хорошо», посоветовав ей найти сборник стихов своего национального поэта. В последние 25–35 лет наблюдается драматический и в какой-то мере даже трагический отрыв нынешней (не могу сказать: современной) молодёжи от великих национальных культур (русской, армянской, грузинской, украинской и др.) или их национал-радикалистское политическое антидемократическое толкование. Опасная для здорового национального, демократического и гуманистического развития тенденция. Опасная и для молодёжи, и для национальных культур, и для глобализационного равноправного взаимодействия народов, государств, этносов.

Различные курсы по зарубежной западной литературе вела, как я уже писал на предыдущих страницах, Алла Борисовна Ботникова. Ей было сложно: курсов было несколько, а она вела их одна, да к тому же впервые осваивая их в не очень вначале приютившем её городе и без опытного наставника-советчика. Она приехала в наш университет случайно. В поисках работы в 1949 году зашла в Министерство образования и встретила там незнакомого ей доцента ВГУ Григория Терентьевича Гришина. Он ей и подсказал о вакансиях в Воронежском университете. Кое-как ректорат устроил её в студенческом общежитии № 2. И ходила она одинокая без друзей и даже знакомых по разбитым улицам неведомого ей ранее города. Обо всех своих мытарствах и первых радостях Алла Борисовна откровенно рассказала в своих талантливо написанных мемуарах, которые я уже упоминал.

Вхождение молодого преподавателя, начинающего учёного в вузовский кафедральный коллектив – сложный процесс. Он зависит и от персонального состава, от личности заведующего кафедрой, даже лаборанта, от типа преподаваемых дисциплин и объёма педагогических поручений и графика их выполнения. А также от социокультурных и демографических характеристик студентов, с которыми предстоит работать, не говоря уже о жилищно-бытовых условиях. Алле Борисовне пришлось начинать научно-педагогическую деятельность, метко говоря, «с чистого листа» и с очень крутого подъёма в «гору» в прохладноватой атмосфере. Она ещё не успела защитить кандидатскую диссертацию, была назначена на должность преподавателя без научной степени, т. е. практически ассистентом с невысокой зарплатой. И с ходу ей было поручено читать фундаментальные курсы по истории классической и современной западной художественной литературы. До неё кто-то читал историю античной литературы. Позже, в 70-х годах, установилось правило: начинающим преподавателям давали в течение 2–3 лет, а иногда и дольше, небольшие, простые курсы, но не фундаментальные, формирующие базовую основу специалиста. Кстати, на той кафедре, которой мне довелось с 1964 по 2002 год заведовать, был установлен порядок курирования опытными преподавателями молодёжи.

Алле Борисовне было предельно трудно. Но мы, студенты, не замечали этого. Молодая, красивая, не броско, но изящно одетая женщина энергично входила в аудиторию и… начиналось творчество. Она раскрывала перед нами такие глубинные части литературных произведений, что хотелось заново перечитывать, если раньше удавалось читать, и Диккенса, и Теккерея, и Драйзера, даже с детства знакомую повесть М. Твена «Приключения Тома Сойера». Алле Борисовне поневоле приходилось кратко пересказывать сюжет, если речь шла о прозаической вещи. Но главное для неё (к разумению и счастью для нас) было раскрытие тайн человеческой личности, системы образов и художественных средств их представления. Начинающий молодой преподаватель каким-то образом сформировал для себя главную педагогическую установку: передавать своим студентам не только знания, но и умение и долг мыслить, мыслить не формально-идеологически, а этически, эстетически, философски. В научном, историко-литературном обиходе давно утвердилось мнение, докса: классическая русская художественная литература, наряду со своей общекультурной функцией, была и своеобразной философией, выполняла роль философии. О западной художественной литературе так не говорили. Алла Борисовна, раскрывая художественные достоинства европейской и американской литературы XIX и XX веков, учила нас философски мыслить, учила культуре философского осмысления художественных текстов (произведений), а через них – бытие и существование человека.

Далеко не всегда такое развёртывание лекционного курса удавалось даже тем, кто читал лекции по истории русской литературы. Экзаменатором она была строгим. Незнание тех или иных произведений студентом её огорчало. И вместе с тем она терпеливо во время экзаменов или на семинарских занятиях разъясняла и пыталась научить своих подопечных анализировать, как писатель, поэт конструирует свои мысли, образы, сюжеты. Доказывала и показывала, что надо ценить не только содержание, но и поэтическую форму произведения, философско-эстетическое мышление писателя, поэта, драматурга, их философию человека. И в каждом студенте Алла Борисовна видела личность и переживала, радовалась удачам, умению мыслить и огорчалась неудачам. Переживала искренне, горячо и заинтересованно.

Курс по истории советской литературы и спецсеминар по творчеству В. Маяковского вёл Анатолий Михайлович Абрамов. Человек-легенда историко-филологического факультета, да и всего университета, известный учёный и литературный критик, поэт, фронтовик. Во время жестоких боёв на Карельском фронте он был тяжело ранен. Стояли сильные морозы. Молодого солдата посчитали убитым, оформили похоронные документы. Через несколько лет после войны на стеле братской могилы была выбита его фамилия. Но его спас и вывез на санях с поля боя в суровую морозную ночь крестьянин-карел. Анатолий Михайлович выжил, долго маялся в госпиталях. Спустя много лет он случайно узнал о «захоронении» в братской могиле. Всё это потом отразилось в его стихах.

Анатолий Михайлович отличался высоким темпераментом в развёртывании перед студентами (и не только!) панорамы советской художественной литературы с её многочисленными горизонтами. Но главное – твёрдой гражданской позицией. Может быть, с нынешних размытых гражданских не столько позиций, сколько неолиберальных установок его суждения, характеристики выглядят неоправданно жёсткими (поэта и литературного критика Зинаиду Гиппиус он неизменно называл «аспидной змеёй контрреволюции»). Но в историко-литературных концепциях 1950-х годов они отнюдь не выглядели прямолинейными. Его хлёсткие выражения студенты часто использовали в своём дружеском общении не на литературные темы. Мы ценили его – и это наблюдалось и в последующих поколениях студентов – за страстную любовь к художественной литературе, к поэтическому слову и… к России, за жизнеутверждающий оптимизм. А лекционный темперамент его был бесподобен. Увлекаясь, он как бы парил в аудитории. Верхом садился на стол, отшвырнув мешающий стул, крутил пуговицы на своём скромном пиджаке, иногда отрывал их и, наверное, тем самым доставлял излишние хлопоты жене Антонине Тимофеевне.

Я не встречал в жизни такого филолога, который мог в обстановке с любым, как говорится, встречным и поперечным страстно обсуждать литературные явления. Страстный напор и эрудиция А. М. Абрамова были покоряющими. Однажды мы встретились в коридоре поликлиники. В ожидании врачебного приёма у нас затеялся разговор об утрате Бога, нравственного начала в некоторых течениях литературы 90-х годов. Увлеклись так, что двери двух кабинетов – терапевта и невролога – приоткрылись, и удивлённые врачи попросили потише «страдать за литературу». Памятна и другая встреча. Поздоровались. И Анатолий Михайлович внезапно спросил меня: «Валя, – он так обращался ко мне со студенческих лет, – ты знаешь, кто виноват в бедствиях России?» Я приготовился к социологическому ответу. Анатолий Михайлович не дал мне высказать первую фразу и почти вскричал: «Муму». На нас оглянулись несколько человек, а потом стала собираться небольшая толпа. А мы страстно заспорили. В образе глухонемого Герасима, который не восстал против вздорной барыни и утопил свою любовь (собачку), мы увидели символический образ народа, который часто глухо и немо подчиняется капризам вздорных политиков, а потом взрывается (в рассказе Тургенева Герасим горестно, но терпеливо выполнил приказ барыни). Подошёл милиционер и попросил разойтись и заняться покупками.

Незабываемо одно массовое событие в истории университета, в котором по особому раскрылась и личность Анатолия Михайловича как филолога, литературного критика и его гражданская позиция. Однако опять придётся «оторваться» от студенческих лет и вспомнить конец 1980-х. Зигзагообразно выстраиваются мои воспоминания. В конце перестроечных 1980-х годов в журнале «Дружба народов» был опубликован роман Рыбакова «Дети Арбата». Он вызвал взволнованный

интерес в обществе. Прежде всего интеллигенции. И, пожалуй, не столько литературно-художественный, сколько идейно-нравственный и социально-политический. Номера журнала передавались из рук в руки на ночь-две. Я постоянно следил за «толстыми журналами» и подписывался на них, прежде всего на «Новый мир», «Дружбу народов», «Иностранную литературу». Теперь такую подписку не позволяет мне ни моя недавняя профессорская зарплата, ни тем более пенсия. У меня все необходимые номера журнала «Дружба народов» были. Друзья рвали их у меня из рук и друг у друга. Роман А. Рыбакова стал знаковым явлением не только в литературном процессе, но и в духовной жизни общества, особенно для интеллигенции. О «Детях Арбата» говорили не только «на кухнях» как о самиздатовской литературе, но на кафедрах, при встречах на улицах, в кабинетах партийных (КПСС) работников, среди технической, медицинской, педагогической, журналистской интеллигенции.

Надо сказать, к тому времени по инициативе кафедры, которой я заведовал (она именовалась кафедрой научного коммунизма) функционировал дискуссионный клуб «Философские диалоги», в котором более или менее периодически (раз в 2–3 месяца) открыто обсуждались проблемы современности в самом широком диапазоне. Собиралось обычно человек 70–100 преподавателей, аспирантов, студентов из разных вузов. Активными участниками, кстати, были задористый дискутант с кафедры философии Владимир Второв, доцент кафедры ядерной физики Станислав Кадменский (тема «физики и лирики» не сходила с уст), профессор-лингвист И. П. Распопов и др. Однажды кто-то донёс во всевластный обком КПСС: в диалогах высказываются вольные и крамольные мысли. Секретарь обкома КПСС В. П. Усачёв на донос ответил: «Университет не может быть без свободолюбия. Хорошо, что дискутируют». Философские диалоги продолжались. Однажды у входа в главный корпус университета встретился заведующий кафедрой теоретической физики Лев Павлович Рапопорт. Поговорили о «Детях Арбата», о новой, нарастающей волне критики культа Сталина и советского общества сталинских времён, социальных истоках репрессивной практики, об интеллигенции, о достоинствах и духовном значении романа А. Рыбакова, о том, насколько он исторически достоверен и чья правда в нём. Лев Павлович был человеком гуманитарно начитанным, постоянно следил за новинками художественной литературы России и Запада, насколько это было возможно. После разговора с ним закралась неотступная мысль: в связи с романом А. Рыбакова провести философский диалог «Политика и совесть». Идеологическая острота такой формулировки меня не сдерживала. И на это были основания. Но об этом позже. Главное – найти партнёра по диалогу. Знакового партнёра, способного вступить в конфликтное пространство этой темы и к профессиональному анализу романа как художественного произведения, явления литературы. Более всего к такому философскому диалогу подходил Анатолий Михайлович, профессор кафедры истории советской литера-

туры (в прошлом её заведующий). Мы созвонились с ним. Он согласился. Мы не стали предварительно обговаривать стратегию и методику диалога. Проблематика известна. Всё остальное – с листа и в зависимости от поведения аудитории. Не обсуждение романа «Дети Арбата» с выступлениями «из зала», а наш с ним диалог по проблеме «Политика и совесть» по рыбаковскому роману с привлечением литературных и научных источников и наших размышлений. И, конечно, ответы на вопросы из аудитории.

Дали дней за 10 обычное в то время объявление-приглашение: «Философский диалог. “Время и правда” по роману А. Рыбакова “Дети Арбата”. Профессор А. М. Абрамов – доцент В. С. Рахманин. В актовом зале главного корпуса 23 декабря 1987 года».

В назначенный день и час актовый зал был переполнен; не всем достались кресла, стояли в проходах. На сцене – трое: Анатолий Михайлович, я и на маленьком столике – роман А. Рыбакова «Дети Арбата» в журнальном варианте.

В зале – студенты, преподаватели не только нашего университета, но и из других вузов, представители технической и гуманитарной интеллигенции, партийные работники районного, городского и областного уровней.

Во вступительном слове я кратко сказал о процедуре диалога (двое ведут между собой диалог и одновременно с аудиторией, задающей вопросы; диалог – не митинг и не круглый стол); обозначил сложность темы «Политика и совесть». Она всегда потенциально конфликтна, подчеркнул, что, на мой взгляд, центральная проблема романа «Дети Арбата» – проблема совести в политике; её состояние и развёртывание зависят от типа политической системы и режима её функционирования, от свойств властных структур и персон, но в неменьшей мере и от состояния общества, социального опыта и устремлений интеллигенции. Точка зрения, будто во всём виноват Сталин, как это высказал Хрущёв тридцать лет тому назад в докладе на XX съезде КПСС, сомнительна, во всяком случае, односторонняя, однако вину и ответственность со Сталина нельзя снимать. Культом Сталина (а он был) не всё объяснишь; более того, надо выявлять его социальные корни, а не только субъективные факторы. Нам нужно, используя роман Рыбакова, сосредоточиться на научном анализе его проблематики, сюжета, образов, суждений, оценок в сопоставлении с историческими реалиями.

Далее вступил в диалог доктор филологических наук, профессор Анатолий Михайлович Абрамов. Он развернул всесторонний глубокий анализ романа «Дети Арбата», его художественных достоинств, выразительности сюжетного пространства, реалистического проникновения в органику общественной и личной жизни, в тайны социального умонастроения людей и власти в сложную историческую эпоху. Подчеркнул, что Рыбаков глубже, обстоятельнее и честнее раскрывает так называемую сталинскую эпоху, чем в известном докладе Хрущёва.

Аудитория, разнородная по своему возрастному, социально-статусному и профессиональному составу, обрушила на нас шквал вопросов. Возражений против высказанных нами суждений практически не было, за редким исключением. Кто-то, наверное, из филологов задал вопрос: «Не является ли сюжетное построение рыбаковского романа вариантом гоголевских “Мёртвых душ”?» Передвижение детей Арбата по мёртвым зонам. Мы не отбивались ни от каких вопросов. Диалог был живой. Мы высказывали свои суждения как профессионалы – литературовед и социальный философ. Замечу, невротические вопросы были, но мало, и их чаще всего зашикивала аудитория.

Больше всего было вопросов не столько по роману А. Рыбакова, но в связи с ним, о методах политики Сталина, о её личных и общественных истоках, была ли какая-то реальная альтернатива ей. Вспоминали Троцкого, Бухарина, Кирова. Постоянно и в вопросах, и в репликах таилась мысль о возврате к ленинской правде в политике. Не на все вопросы мы могли ответить, а те ответы, которые можно дать сегодня, не хочу приписывать тем знаниям, которыми тогда располагали. Умников задним числом и сегодня много.

Я напомнил, что в тридцатых годах Н. Бухарин намекнул о том, что и в политике должна быть совесть, однако он оправдывал политику классового насилия в интересах народа. Кто-то бросил реплику, цитируя Н. Некрасова: «Дело прочно, когда под ним струится кровь». Это вызвало эмоционально экспрессивный монолог Анатолия Михайловича. Века истории человечества пропитаны кровью. В основе исторического процесса кровь. Не только российской, но и мировой истории. Темперамент гражданской позиции профессора захватил аудиторию.

Зал затих. Такая трактовка мировой истории мне показалась односторонней и категоричной, хотя потоки крови действительно хлещут из всех исторических эпох. История по-библейски начинается не с того, что искушённая Змием Ева предложила Адаму откусить яблоко, чем прогневала Создателя, а с того, что Каин убил Авеля, стремясь по-своему обустроить мир. Политика всегда внутренне противоречива. Она тогда открывает кровавые шлюзы, когда срывается с нравственных оснований. Да и далеко не всякая нравственность сдерживает политику от насилия. Прежде чем убить Авеля, Каин убил в себе нравственную совесть. На пряжках солдатских ремней в Германии было выбито «Gott mit uns», а Гитлер призывал: «Убейте в себе совесть».

Политика всегда содержит в себе потенциал насилия. Но одно дело (и результат), когда насилие нравственно и социально оправдано исторической необходимостью защитить народ и оградить его от зла, каким бы оно ни было. И совершенно другое, когда политическая система возводит насилие в основу своего существования. Человечество всё же идет по пути прогресса, сбрасывая с себя те политические системы и режимы, которые строятся на крови. Человечество ищет импе-

ративную совесть в политике. Пока не нашло. Но найдёт. Недаром в жизненный кодекс русского народа входит требование «Жить надо по правде, по совести».

В политике часто, слишком часто терялось это золотое правило, и тогда она срывается в произвол. Такие химерическая система или режим власти не имеют морального права на существование и рано или поздно будут сметены.

На этом в согласии друг с другом и, кажется, с аудиторией мы закончили диалог «Политика и совесть» по роману А. Рыбакова «Дети Арбата». Он, вероятно, сыграл определённую роль в духовной динамике бывшего университетского коллектива. Мы были тогда, во всяком случае, я, в немалой степени наивны, полагая, что демократическая перестройка сблизит политику и совесть, нравственно оздоровит политику, освободит её от тоталитарных комплексов и придаст живой демократический импульс движению к «социализму с человеческим лицом». Оказалось, что мы ошибались, во всяком случае, повторю, я. Корень моей ошибки не в том, что перестройка захлебнулась и возобладали иные импульсы. Главное – политика всё более и более теряла совесть, более того, демократией бессовестно манипулировали и усиливались тенденции своекорыстия, коррумпированности власти, криминализации общества, нравственной деградации. Так называемая десоветизация общества и государства трансформировалась в десовестизацию под ликующие крики нуворишей от власти и бизнеса. Совесть стала ничем не компенсируемым социальным и политическим дефицитом. Но к этому этапу, если не оскудеет моя авторучка, может быть, удастся вернуться, когда дойду в своих мемуарах до рубежа XX–XXI веков.

Пора вернуться в студенчество. Оно ещё не кончилось. Анатолий Михайлович Абрамов был открыт для общения со студентами. Ни в его университетской молодости, ни в зрелые годы авторитетного профессорства у него не было склонности к статусному дистанцированию от любого собеседника, будь то студент, дворник на Театральной, 19 или случайный попутчик. Он со всеми заводил разговор, располагающий к взаимозаинтересованному общению. Особенно его тянуло к студентам. В то время я пописывал стишки и на одном из собраний поэтического кружка (был такой на факультете) прочитал свои «творения». Среди них:

Трассой пулемётной рассеченный
Догорал закат.
Под березой, осенью расцвеченной,
Умирал солдат.

Ртом ловил сырой осенний воздух.
И кружилась жёлтая листва.
Плакала кудрявая берёза,
Багровела на крови трава.

Мои стихи здорово раскритиковали; кто-то назвал их картинными. Критика мне показалась несправедливой. Анатолий Михайлович, руководивший поэтическим кружком, почти никак не отозвался, заметив, что прочитанное стихотворение – подражание поэтам-фронтовикам. После заседания по дороге (нам было по пути) сказал: «Валя! Хорошо, что тебе хочется писать стихи, но поэзия, как сказал Маяковский, “пресволочнейшая штуковина”. Она даётся не каждому. Она мучительно требует полной самоотдачи. И редко кому выдаёт должное. Подумай, у тебя есть такая способность? Если не готов к самоотдаче, брось, не рифмуй слова и не мучайся». Я до сих пор благодарен Анатолию Михайловичу, тонко чувствующему стихи, поэзию. Я надолго бросил писать стихи. Долгие годы, будучи причастен к организации легендарных «Дней поэзии», не дерзал выступать в них. Прошли десятилетия; у почтенного профессора А. М. Абрамова случился юбилей. На его торжествах я не удержался. Слегка переделал офицерские стихи моего старшего брата и прочитал:

Вот профессор. Умён и талантлив,
И горячее сердце в груди.
Но как хочется быть аспирантом,
У которого всё впереди.

«Валя, – вскричал со своего кресла юбиляр, – это верные стихи».

Анатолий Михайлович много писал о Владимире Маяковском, вёл с нами спецсеминар по его творчеству, приучал нас к профессиональному анализу его необычной поэтики. Но самым значительным исследованием А. М. Абрамова, по моему мнению, которое я высказал на Учёном совете университета, является монография о поэзии Великой Отечественной войны. В ней удивительно выразились талант и эрудированность учёного, переживания и опыт фронтовика, собственная поэтическая душа, встречи с военными поэтами, гражданская темпераментность и мудрость человека, достойно идущего по сложным дорогам жизни, умом и словом сердечно преданного России.

Кафедрой языкознания (русского языка) заведовала кандидат филологических наук, доцент Валентина Ивановна Собинникова, хотя в составе кафедры был профессор В. Ф. Чистяков: он был уже в преклонных годах. Она читала основные лексикологические курсы. Чрезвычайно интересным, увлекательным был курс по истории русского языка, исторической грамматике. Филологов обучали и старославянскому языку. Начал работу с нами кто-то другой (не помню – кто), но бóльшую часть курса вела Валентина Ивановна. Чрезвычайно интересным и увлекательным был её курс по исторической грамматике. Он сыграл в будущем, наряду с другими, важную роль в становлении моего, если можно так сказать, метода и стиля научного позитивистского мышления. Каждая лекция по истори-

ческой грамматике русского языка строилась на тщательно собранном и теоретически осмысленном фактическом материале в контексте не только эволюции русского языка, но и мышления. Позитивистским типом исследования обычно гордятся (а многие грешат) представители естественных наук. Между тем, его величество Факт лежит в основе исторической науки, социологии, психологии и других наук. Факт, если он факт (извините, пожалуйста, за каламбур), действительно необходим. Но нет в науке бóльшего зла как манипуляция фактами. И не только в общественных науках. Есть ещё коварство квазифакта, которое сбивает ложь на свою «логику». Лекции Валентины Ивановны строились на обстоятельном массиве фактов. А найти достоверные и значимые факты эволюции, изменений лексических, грамматических, синтаксических, тем более фонетических феноменов в тысячелетней истории языка не так-то просто. Поиск требует систематического, профессионально оснащённого, терпеливого труда ума учёного. Этим качеством обладала доцент В. И. Собинникова, постоянно его развивала в себе. Вокруг неё всегда группировалась любознательная молодёжь, вовлекаемая ею в тайны языка, в его жизнь. А язык, как заметил выдающийся немецкий философ XX века М. Хайдеггер, «это – дом народа». Валентина Ивановна учила студенчество не только осваивать дом русского народа, но и беречь, защищать, охранять, расширять его пространство.

Я не стал филологом-лингвистом, но уроки Валентины Ивановны по профессиональному отношению к факту и его научному осмыслению были и остаются для меня примером и, более того, внутренними императивными установками мышления в других научных сферах, в частности, в социологии.

Валентина Ивановна была человеком очень скромным во взаимоотношениях со студентами, аспирантами, своими многочисленными учениками, да и в жизненных притязаниях. «Забегу» опять на несколько лет вперёд. В начале 60-х годов ректор университета профессор Борис Иванович Михантьев пригласил меня (тогда секретаря парткома) к себе в кабинет и сказал: «У нас мало профессоров, защиты докторских диссертаций осложнились, а известные учёные, имеющие серьёзные труды и воспитавшие многих учеников, у нас есть. Как Вы думаете, кто из крупных учёных гуманитарных факультетов достоин, чтобы ходатайствовать перед Высшей аттестационной комиссией (ВАК) о присвоении учёного звания профессора без защиты докторской диссертации? Такая практика узаконена, и многие вузы используют её». Я попросил дать дня два для взвешенных раздумий и для скрытых консультаций. В назначенный срок представил три фамилии известных не только в ВГУ учёных. Первой среди них была Валентина Ивановна Собинникова. Мотивировал: продолжатель хорошо известной Воронежской филологической (языковедческой) школы, имеет серьёзные научные труды, прочный авторитет в сфере своей науки, десятки учеников, защитивших диссертации, ведёт фундаментальные курсы в образовательном процессе, заведует кафедрой.

Ректор согласился; проректоры П. М. Гапонов и Л. П. Залукаев поддержали. На следующий день ректор Б. И. Михантьев пригласил Валентину Ивановну на беседу. Расспросил о здоровье, о научной работе, спросил, как обстоят дела с докторской диссертацией: тема, состояние, ожидаемые сроки и т. п. Валентина Ивановна ответила общей фразой: «Работаю. О сроках ничего не могу сказать». Ректор предложил: «Валентина Ивановна! Характер, объём, результаты, качество Вашей педагогической работы и научных исследований вполне профессорские. Таково мнение ректората. Мы предполагаем ходатайствовать перед ВАК и Министерством о присвоении Вам учёного звания профессора без защиты докторской диссертации. Думаю, учёные советы и факультета, и университета проголосуют “за”. Как Вы думаете?!» Валентина Ивановна смутилась, но твёрдо ответила: «Благодарю за оценку моей работы и персоны, но Ваше предложение неприемлемо и считаю его неправильным. Я, как бы ни было трудно, подготовлю докторскую диссертацию и буду защищать её. Только так!» «Какая помощь Вам нужна с нашей стороны?» – спросил ректор. – «Спасибо! Никакой», – последовал ответ. Через некоторое время Валентина Ивановна успешно защитила докторскую диссертацию. Для некоторых университетских коллег нравственная позиция и этика Валентины Ивановны стали не только примером, но и жизненной опорой. В том числе и для меня. Мне три раза предлагали такую «акцию», даже поругивали, но каждый раз передо мной вставал образ Валентины Ивановны Собинниковой, и отказывался: «Я буду защищать докторскую диссертацию. Иные пути к профессорскому чину и зарплате не для меня».

А теперь – опять в золотое студенческое время. Конечно, как у всякого студенческого поколения, у нас «свет клином» не сошёлся на учебном процессе. Он был важнейшим организатором нашей жизни, распорядка дня, недели, месяца, года. Но и за его пределами кипела наша жизнь при всей материально-финансовой бедности. В университете был свой драматический театр, руководимый артистом Воронежского театра А. Пальминым. Ставились сложные спектакли, в частности, трагедия А. К. Толстого «Царь Борис» и др. Блистали на сцене В. Синица (В. А. Павлова), будущая директор зональной библиотеки ВГУ З. Козырева (З. Д. Попова, будущая доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой, подготовившая около ста кандидатов и докторов наук), с нашего курса – Б. Кривенко (сталинский стипендиат, будущий доктор филологических наук, заведующий кафедрой на факультете журналистики), Г. Фомина-Никифорова и др. Активно действовала комсомольская организация, мне довелось быть (избирали) секретарём комсомольской организации на 4-м и 5-м курсах историко-филологического факультета, объединявшей историков и филологов. Участвовали в различных видах и жанрах художественной самодеятельности (я пел в хоре). Кстати, в ней принимали участие и некоторые преподаватели; заведующая кафедрой литературы, доцент Елизавета Павловна Андреева хорошо пела романсы (вела курс

истории русской литературы XIX века и спецсеминар по Л. Н. Толстому). Ходили коллективно и поодиночке в театр, изредка в филармонию, чаще в кино. Устраивали различные «вечеринки».

Филологов называли и до сих пор называют словесниками. Нам хотелось овладеть всеми тайнами русской речи. И письменной, и устной; ведь абсолютному большинству предстояло работать в школах учителем русского языка и литературы. В учебном процессе вёлся небольшой курс по стилистике русского языка. Ну, а культура звучащего слова? По собственной инициативе (её кто-то высказал на комсомольском собрании курса) мы пошли в Воронежский драматический театр, и с нами по совету актёра А. Пальмина согласился поработать, «поставить нам голос» актёр Налигацкий (студенческий профсоюз – а председателем его общеуниверситетского комитета был наш однокурсник Б. Кривенко – нашёл финансовые возможности для оплаты его труда). Он провёл с нами несколько занятий: ставил дыхание (учил дышать диафрагмой), слышать себя, артикулировать звук, не глотать слова, менять тембр и силу голоса в зависимости от смысла слова и фразы, от их желаемой эмоциональности восприятия. Налигацкий был хорошим педагогом. Его уроки, вернее, практические занятия на протяжении долгих десятилетий помогали мне выдерживать лекционные горловые нагрузки, облегчая и студентам непростой труд восприятия лекций. Почти до 80 лет мне часто приходилось читать подряд по 3 лекции в день (6-часовая работа не только мозга, но и голосовых связок). Голос не падал и был «управляемым». Только в конце моей педагогической работы у меня возникла лекарственная аллергия, прорывался кашель. В 60–70-х годах заведующий кафедрой был обязан посещать занятия своих коллег, на это отводилось 70 часов в год так называемой педнагрузки. Иногда мне приходилось коллеге говорить: «Ваша лекция по содержанию хороша, но я заметил, устают студенты на 33-й минуте, а Ваш голос устаёт к концу лекции». Давал некоторые советы. Кроме актёра Налигацкого у меня был и другой мастер звучащего лекционного слова и смысла – профессор Борис Моисеевич Бернадинер. У него был очень красивый слегка грассирующий голос, и он умело владел им. Он читал лекции нам, филологам и историкам, большой, двухсеместровый курс «История философии». Но о нём позже и особо.

В середине прошлого века был очень высоким статус интеллигенции, интеллигентного человека. Велись диспуты в вузовской среде об интеллигенции. Спорили не о том, какой социальный слой можно отнести к этой категории, а о том, что такое интеллигент. С этим понятием упрощённо не отождествлялся (не идентифицировался, как теперь говорят социологи) человек знающий, профессиональный специалист с высшим образованием. Ясное дело, высшее образование необходимо иметь. Но этого мало. Недостаточна и широкая начитанность в литературе, театромания и меломания. Нужно ещё что-то трудновыразимое. Нам представлялось, эта невыразимая составляющая – специфическая культура общения. Не

только моральная, этическая и эстетическая, но и способы взаимного общения и поведения среди знакомых и незнакомых людей. Нам очень хотелось быть интеллигентами, несущими в массы знания и самоотверженно работающими, носителями особого стиля общения обыденного, профессионального, общественного.

Кто-то каким-то образом раздобыл гектографированные (был такой способ малотиражного распространения текстов) лекции княгини Волконской (не знаю, какое отношение она имела к пушкинской Волконской), прочитанные в дипломатической академии. Экземпляр нам попался потрёпанный, затёртый, он, наверное, долго ходил среди студентов. Нам дали его на несколько дней. Мы собирались вечерами в своей 39-й аудитории и читали, вникая в правила дипломатического и интеллигентного этикета. Лекции чётко формулировали эти правила, нормы, обычаи; изобиловали разнообразными примерами из профессиональной, светской и обыденной жизни. По-видимому, княгиня хорошо знала, что она читает лекции для будущих дипломатов, которые вышли из рабочей, крестьянской среды или из демократической интеллигенции. Она подробно объясняла, казалось бы, простые вещи: правила поведения за столом (в зависимости от жанра и состава застолья), как идти по улице с женщиной (в каких ситуациях справа, в каких – впереди неё), каким может и должно быть рукопожатие и т. д. Особое внимание уделялось в лекциях профессиональному (в бóльшей части дипломатическому) этикету, обращению с выше- и нижестоящими по служебной лестнице, с коллегами, как сохранить личное достоинство в конфузливой или конфликтной ситуации. И даже этикету отстаивать своё мнение и что-то опровергать, с чем-то и с кем-то не соглашаться в спорах. Много полезного и нужного для себя мы извлекли из гектографированных лекций княгини Волконской.

Мы, конечно, не сводили интеллигенцию к этикету, но то, что мы вычитали в её лекциях, оказалось очень полезным. Увы, по мере радикал-либеральных реформаторских инициатив культура общения падает. С грустью наблюдаю (и пытаюсь как-то поправить) падение этикета во взаимоотношениях юношей и девушек, молодёжи и людей преклонного возраста, падение культуры речевого общения.

Довольно часто в автобусе на инвалидных местах сидят молодые люди. Останавливаюсь молча около них. Если до конца поездки не уступают место, говорю, уходя: «Благодарю Вас за высокую честь постоять рядом с Вами». Культура общения не пустяк. Её деградация ведёт к огрублению нравов, к утрате человеческого достоинства. Будучи студентами в середине прошлого века, мы интуитивно чувствовали это и стремились к интеллигентной культуре (как мы её понимали) общения, не сводя её к внешнему, демонстративному этикету. Расскажу один любопытный эпизод из кафедрального этикета (по рассказу В. В. Гусева). Кафедрой всеобщей истории с 1949 года заведовал профессор с дореволюционным стажем (да ещё и с гулаговским) Илья Николаевич Бороздин. Там же работала доцент Ирина Яковлевна Разумникова. Часто возникали острые дискуссии. Ирина Яковлевна

была весьма темпераментной в спорах по проблемам истолкования исторических событий. Страсти кипели и захватывали всю кафедру. Когда спор накалялся чуть ли не до взаимных обвинений, заведующий кафедрой мудро закрывал заседание. Сотрудники расходились. Профессор И. Н. Бороздин каждый раз подавал своей разгорячённой оппонентке по дискуссии её каракулевую шубу. Ирина Яковлевна смущённо отдергивалась: «Вот ещё честь…» Илья Николаевич аккуратно подавал шубу, приговаривая: «Простите, пожалуйста, недостатки феодального воспитания». На следующем заседании всё повторялось.

Однако надо завершить студенческие воспоминания. Они затянулись. Да и как не затянуться. Студенчество – золотое время в жизни человека, в каких бы условиях оно ни протекало. Основная масса и студенчества, и профессорско-преподавательского состава, и вспомогательного персонала, да и весь Воронежский университет жили в середине прошлого века бедновато, тесновато, но были уверены, что когда-нибудь будет хорошо, и стремились что-то для этого сделать. Не лишне заметить: в то время обучение в вузах было платным. Для всех, кроме участников Великой Отечественной войны и сирот. Насколько помню, плата составляла 400 рублей в год. Плату за обучение отменили в 1953 году, в год окончания мною учёбы в ВГУ. Деньги немалые, если учесть, что средняя зарплата в городе составляла менее тысячи рублей в месяц. Но три четверти студентов получали стипендию («тройка» в зачётке лишала права на «стипуху»). Отличники получали повышенную на 25 % стипендию. У меня на 4-м и 5-м курсах она составляла 375 рублей. Хватало на оплату обучения и на свой вклад в доходную часть семейного бюджета. Был рад, если в кармане был рубль: можно было среди дня перехватить пару золотистых пончиков (их очень вкусно пекли в университетской кухне в виде теннисного упругого мяча) по 5 копеек за штуку, выпить газировки с сиропом за 4 копейки, да ещё с любимой девушкой в кино сходить.

Многие общежитейские студенты жили впроголодь. Их кормовые ресурсы строились на картошке и сале, если оно было, из дома. На одном из курсов учился студент А. Б. из бедной семьи, отец погиб во время войны, мать еле-еле перебивалась. Жил на стипендию, голодая, каждый месяц несколько рублей из своей стипендии пересылал матери. Вернувшись после каникул, сокрушённо в общежитейской комнате говорил о разваливающемся колхозе, о безысходной бедности крестьян, о том, что сам обносился так, что стыдно на лекции ходить. Через некоторое время А. Б. исчез. Искали. Не нашли. Позже узнали: кто-то на него донёс в КГБ. Его тайно судили. Приговорили к расстрелу за антисоветскую пропаганду в студенческой среде и попытку заговора. Повели на расстрел. Он крикнул: «Сталин вас покарает. Да здравствует Сталин!» В последнюю минуту высшую меру заменили на 25 лет лишения свободы. Был реабилитирован в 1958 году, вскоре восстановлен в ВГУ (на заочное отделение). Рассказываю с его слов, не называя фамилии и имени. Так было, одну группу 5–6 человек осудили жестоко и отпра-

вили «куда Макар телят не гонял» за попытку продолжить «Капитал» К. Маркса. С ними я не был знаком. Познакомился позже только с С. Г., будущим кандидатом наук, человеком удивительной жизнестойкости и самообладания. В той группе (39 человек), с которой я штудировал университетскую филологическую науку, доносчиков, «сексотов», не было. И не могло быть. В других группах были, они и поставляли «куда нужно» информацию в своей интерпретации. Но о них не хочется писать. Пусть им будет пусто.

1952/53 год был завершающим, выпускным в моём студенческом бытии. Предстояло подготовить дипломные работы, осмыслить уровень своих знаний, что-то подтянуть, чтобы выдержать государственные экзамены. В 9-м семестре (сентябрь–декабрь 1952 года) нам ещё читались какие-то курсы, вёл спецсеминар по драматургии М. Горького профессор Б. А. Бялик.

Темы дипломных работ мы выбирали сами, но утверждали соответствующие кафедры литературы и языка. Я выбрал и сформулировал «Проблемы реализма в эстетике Н. Г. Чернышевского», так и утвердили. Научным руководителем назначили преподавателя Ирину Глебовну Новикову. К тому времени было издано 15 томов сочинений выдающегося русского философа; каждый том – страниц 700–750. Некоторые работы Н. Г. Чернышевского я знал: «Об эстетическом отношении искусства к действительности», «Критика гоголевского периода русской литературы». Но решил: дипломная будет поверхностной, если ограничусь отдельными работами вне контекста движения мыслей Н. Г. Чернышевского; надо проработать все 15 томов, включая его письма, дневники (они очень интересны и важны для понимания его личности, размышлений, отношений к жене и сыновьям, к событиям, к прочитанным книгам, к своему заключению в Вилюйске). Литературы о Чернышевском в Воронеже было не так много. Начал работать над томами. Последовательно том за томом. Научный руководитель Ирина Глебовна Новикова забеспокоилась: «Зачем? Надо изучить только литературно-критические произведения. Иначе – потонете в материалах, к теме не относящихся. И не успеете написать дипломную». Но я читал, выписывал мысли Н. Г. Чернышевского, записывал свои попутные мыслишки и докладывал Ирине Глебовне, какой том прорабатываю. Она вздыхала, но не мешала. В те времена в студенчестве был развит самоконтроль. Студенты отчитывались о ходе работы над дипломными перед комсомольской организацией (курсовое бюро ВЛКСМ и собрание первичной группы). Так как я был секретарём курсовой комсомольской организации, то отчитывался на собрании. Студенческий самоконтроль был деятельным помощником научным руководителям. К сожалению, теперь этого нет. У студентов того времени не было интернет-ресурсов, не было компьютеров. Редко у кого была пишущая машинка (у меня была: отцовский трофей). Это усложняло. Ныне студентам многое облегчает работу. Но почему-то нередко студенты затягивают представление дипломной работы, несмотря на «нажимы» научных руководителей.

В январе 1953 года прошла без каких-либо осложнений последняя студенческая экзаменационная сессия. На последних зимних каникулах (они были двухнедельными: с 24 января по 7 февраля) отдыхать и предаваться зимним удовольствиям не пришлось. Надо было «писать» дипломную работу. Прорабатывал последние тома сочинений Н. Г. Чернышевского, 3–4 монографии о нём и его времени, несколько статей в научных журналах. В последней декаде февраля сделал доклад на студенческом научном кружке при кафедре диалектического и исторического материализма об особенностях философии Н. Г. Чернышевского. Заведующий кафедрой профессор Б. М. Бернадинер хорошо о нём отозвался, сделав ряд серьёзных замечаний против моего стремления «подтянуть» материализм Чернышевского к диалектическому материализму.

Март 1953 года обрушился смертью Сталина. В то время она воспринималась почти как трагедия для страны. Не в том, конечно, смысле, что страна пропадёт, а как тяжёлое бедственное с неизвестными последствиями. Вопрос: «Что же теперь будет?» звучал повсеместно: в студенческой и преподавательской среде, в общежитиях и аудиториях, в трамваях и дома, в семьях между соседями. Не помню, проводились ли в университете траурные мероприятия, собрания, митинги и т. п. Траурные флаги и траурные портреты Сталина были повсюду. В день похорон я был дома! Болела мама. Из радиоприёмника звучала траурная музыка. Когда начали транслировать гражданскую панихиду (речи членов Политбюро ЦК КПСС), мама встала, рядом с ней, придерживая её, стоял я. Мама плакала. Из транслируемых надгробных речей какое-то трудно выразимое, но тревожное чувство вызвала речь Берии. Пишу так, как она запечатлелась почему-то в сознании, вернее, в подсознании, тогда, в день похорон, а не в последующих оценках деятельности Берии.

Моему поколению студентов в ближайшие годы предстояла трудная, иногда мучительная работа – интеллектуальная, нравственная, психологическая – по переосмыслению и личности Сталина, и всего его наследия. И не только его. Это был длительный процесс, тонкие, сбивчивые струйки которого начались, по моим воспоминаниям, осенью 1953 года и нарастали. Хотелось бы сказать: до XX съезда КПСС в 1956 году. Но это не так. Процесс пересмотра начался до и продолжался после XX съезда, да и интеллектуальный штурм XX съезда нуждался в более научном осмыслении. Но об этом после, в других главах.

Признаюсь, доделывая в марте 1953 года свою дипломную работу, я вписал несколько цитат из работ Сталина. В студенческие годы было обязательным изучение таких произведений Сталина, как «Об основах ленинизма», «О диалектическом и историческом материализме» (знаменитая 4-я глава «Краткой истории ВКП(б)»), «Марксизм и вопросы языкознания» (был даже небольшой зачётный курс в учебном процессе «Сталинское учение о языке»), «Экономические проблемы социализма» и др. В курсах по истории литературы цитировались «уместные» слова и мысли Сталина. Процитировал и я в своей дипломной работе несколько

высказываний Сталина. Особенно о необходимости отражать правду жизни в искусстве, в художественной литературе.

Дипломная работа у меня получилась большая, страниц под 300. Отправили на рецензию в пединститут заведующему кафедрой литературы Луценко. Он удивился и объёму дипломной, и её обстоятельности. Оценил на «отлично». Перед защитой я волновался. Незадолго до неё я несколько бестактно публично высказал своё недовольство тем, как заведующая кафедрой литературы доцент Елизавета Павловна Андреева читала нам курс лекций по истории русской литературы. Недовольство было не только моим. Но на защите она промолчала. Сработал, по-видимому, педагогический принцип: не сводить со студентом личные счёты, а оценивать по существу. Это верный принцип. К сожалению, некоторые преподаватели его нарушают, или не зная о нём, или эмоции одолевают. Кто-то упрекнул меня, что слишком обильно цитирую Н. Г. Чернышевского. Согласился, но тем не менее сказал: «Я хотел, чтобы Чернышевский заговорил в полный голос. Не зря же проштудировал все 15 томов его сочинений. Его концепция реализма в искусстве, в литературе не сводится только к магистерской диссертации и к “Очеркам гоголевского периода русской литературы”, он реалист в жизни». Государственная экзаменационная комиссия оценила дипломную работу на «отлично». Сокурсники тоже успешно защитили свои работы; много было отличных оценок. Успешно сдали мы и государственные экзамены. Итоги ГЭК засвидетельствовали, что не только мы хорошо учились, но и нас основательно учили.

Ещё до госэкзаменов, кажется, в мае, нас распределили на работу. Тогда существовала система государственного распределения молодых специалистов по так называемым (студенческий жаргон) точкам, т. е. на работу в определённые школы, предприятия, организации, учреждения. Молодой специалист был обязан 3 года отработать по назначению. Нуждающиеся в специалистах учреждения, заводы и т. п. заранее присылали свои заявки с указанием количества нужных специалистов на рабочие места, изначальной зарплаты, возможностей предоставления жилья. «Точки» были разные по достоинству и перспективам. Преимущества выбора имели фронтовики, отличники и далее – по показателям академических успехов. Несколько человек из нашей группы получили направления в аспирантуру: Б. Кривенко и Е. Артёменко – по кафедре русского языка, Т. Сивков – по кафедре литературы, М. Лисицына – по кафедре истории КПСС, я – на кафедру диалектического и исторического материализма (по предложению заведующего кафедрой Б. М. Бернадинера). Староста К. Огрызков получил направление в Боринский район Липецкой области в районную газету; Л. Варшавский – в среднюю школу с. Козловка Бутурлиновского района Воронежской области; Т. Иванова – в обком ВЛКСМ.

Распределили нас по всей России. Замужних направляли по месту работы мужа или, наоборот, мужа – к жене.

В конце июня 1953 года нам торжественно вручили дипломы о высшем образовании, полученном в Воронежском государственном университете по определённой специальности. К диплому – вкладыш с указанием соответствующих научных дисциплин и оценкой знаний. Всё – за подписью ректора Н. П. Латышева. Выдали под особую роспись нагрудные знаки об университетском образовании. Их только что утвердили. И только для университетского образования, позже – и для других типов высших учебных заведений. Не помню, когда их отменили. А мы ими гордились. Наши участники Великой Отечественной войны предложили по фронтовому армейскому обычаю их обмыть. Собравшись на прощальное застолье (теперь это именуют банкет), мы опустили свои университетские знаки в чарки с водкой (девушки – в рюмки с вином) и выпили за окончание Воронежского университета, за его процветание, с благодарностью за тех, кто нас учил, насыщая знаниями, делился опытом.

Расставание с однокурсниками, с которыми пять лет слушал лекции, спорил на семинарах, шёл по крутым и ухабистым дорогам познания, радовался и маялся на экзаменах, влюблялся и томился, углублялся в тайны человеческих отношений и открывал правду, – особый момент в жизни каждого студента. Много-много лет спустя, вспоминая расставание со своими одногруппниками и наблюдая, как расставались новые поколения (а их было по меньшей мере 12), я написал стихотворение.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ПРОЩАЛЬНОЕ

Годы студенчества так быстротечны,
Не удержать их, лови – не лови…
Мы расстаёмся на миг и – на вечность.
Время признаться в любви.

Нам открывали двери в науку.
Переступали мы робко порог.
Нас профессура брала на поруки,
Если сбивались мы с торных дорог.

Были сомнения, были тревоги,
И у декана хмурилась бровь.
Но улыбались нам изредка боги,
Верой, надеждой делилась любовь.

Боже, какими мы были наивными,
Не опасались лукавых идей.
Сессии летние, сессии зимние
Нас закалили – мы стали мудрей.

Но сохранит неизбывная память,
Как мы умы напрягали свои:
Что же труднее: сдать ли экзамен
Иль объясниться в первой любви?

Тихо присядем в аудитории.
Может быть, память её сохранит
Наши горячие честные споры
И недосказанность чьей-то любви.

Годы студенчества – чистое братство.
Каждый из них неповторим.
Но остаётся нам только расстаться
И разойтись по дорогам своим.

Вот и сказать нам осталось немного:
Только короткое слово «прости»…
А что не так – не суди меня строго…
Время разводит мосты.

Может быть, ветер неведомых странствий
Запах навеет чужой нам травы…
Но отзовётся в гулких пространствах
Дальнее эхо давней любви.

Май 2011 года

Глава 3

МИХАНТЬЕВСКОЕ ВРЕМЯ

Пятилетний университетский курс обучения завершился. Присвоена квалификация «филолог». Специалист по русскому языку и литературе. Получил рекомендацию Учёного совета историко-филологического факультета, принятую распределительной комиссией ВГУ, в аспирантуру кафедры диалектического и исторического материализма (философия) к доктору философских наук, профессору Борису (Беру) Моисеевичу Бернадинеру. Был очень рад. К философии меня всегда тянуло.

По-видимому, Борис (Бер – паспортное имя) присматривался ко мне. В 7-м и 8-м семестрах (4-й курс обучения) он читал нам большой лекционный курс «История философии». При кафедре диалектического и исторического материализма был философский студенческий кружок. Им руководил сам профессор. Я неизменно посещал его, выступал, делал доклады (один помню: о Н. Г. Чернышевском). Кроме того, ходил я на городской семинар преподавателей философии вузов Воронежа и даже имел дерзость участвовать в дискуссии по проблеме «Язык и мышление».

Очевидно, вузы не только города, но и страны остро нуждались в преподавателях философии, да и политической экономии, а соответствующие факультеты МГУ и ЛГУ не обеспечивали (не по их вине) необходимой кадровой базы. Годом раньше (выпуск 1952 года) в наш университет приезжала Комиссия Института философии АН СССР для отбора подходящих наших выпускников в свою аспирантуру (с истфилфака одну отличницу «увезли»).

Предлагая аспирантуру при своей кафедре, профессор Б. М. Бернадинер предварительно около часа беседовал со мной. Спросил, что меня более всего интересует в философии, какие философские произведения я читал, кроме учебников (их почти не было). Поскольку я получил филологическое образование, то меня

более всего интересовали в то время философские проблемы эстетики. Из прочитанных философских произведений назвал «Антропологический принцип в философии» Н. Г. Чернышевского, «Письма с того берега» А. И. Герцена, большое историко-философское эссе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина (потом перечитывал четыре раза) и, конечно, работы И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», «Об основах ленинизма», «Марксизм и вопросы языкознания». Беседовал со мной Б. М. Бернадинер спокойно и, как я понял, заинтересованно. Надо сказать, что студенты очень уважали его, но и экзаменационно побаивались из-за обширности и сложности курса «История философии», который он вёл. Этот комплекс отношений с ним испытывал и я. Борис Моисеевич рекомендовал усердно готовиться к вступительным экзаменам по философии.

К сентябрю 1953 года выяснилось: на два вакантных аспирантских места по кафедре философии подано 3 заявления: моё, Н. Мухортова (выпускника филологического отделения истфака, кажется, 1951 года) и выпускника философского факультета Ленинградского университета. Стало быть, конкурс. Особого беспокойства конкурсная ситуация не вызвала, но подхлестнула подготовку. По итогам экзаменов (хоть убей сегодня, не могу припомнить, в чём они состояли) в аспирантуру к профессору Б. М. Бернадинеру были зачислены Николай Мухортов и я.

Это обрадовало и настроило на всестороннее изучение философии, на погружение в её глубины, недостижимые официально утверждённому учебнику под редакцией Ф. В. Константинова. Однако случилась… конфузия. Я отравился колбасой. Отравление было сильным. Меня срочно отправили в больницу с очень высокой температурой почти в бессознательном состоянии. Из больницы вышел крайне ослабленный дней через 10. В это время всех студентов, аспирантов и часть преподавателей отправили на уборку урожая (главным образом копать картошку и свёклу). Уехала и моя будущая жена Галина Васильева, которая училась на 5-м курсе. Осенние массовые направления студентов, аспирантов, преподавателей в колхозы и совхозы были обычными, обязательными акциями примерно до середины 80-х годов, изредка были и позже. Без вузов сельские труженики не могли убрать урожай. Вернувшись домой из больницы, на следующий день зашёл на опустевшую кафедру диалектического и исторического материализма (опустели и другие факультетские кафедры), но застал только заведующего кафедрой профессора Б. М. Бернадинера и старшего лаборанта Ангелину. Мой партнёр по аспирантуре был направлен в колхоз со студентами. В начале октября все вернулись.

Борис Моисеевич определил нам режим работы в аспирантуре: каждый четверг приходить к нему на кафедру и отчитываться, что прочитано, что изучено, что написано.

Б. М. Бернадинер – личность своеобразная. И об этом надо написать. Но то, что я вспомню и опишу, – это его личность в моём восприятии. К сожалению и

к стыду его учеников, в том числе и к моему стыду, никто о нём не написал хотя бы газетной статьи. Попробую своим неумелым пером что-то воспроизвести, дать хотя бы штриховой портрет своего учителя.

Бер (Борис) Моисеевич Бернадинер (30.10.1903–09.09.1964) философское образование получил в Московском историко-философском институте (окончил в 1932 году). Не припомню, что он рассказывал о годах своего учения в этом институте, об учителях. Он был человеком скромным, даже скрытным. Впрочем, несколько раз он упоминал Аксельрод Любовь Исааковну, лекции которой он слушал. Но упоминал осторожно; Аксельрод Л. И., последовательницу Плеханова, критиковали в 30-х годах за ошибки в трактовке марксистской философии и даже за отступление в теории познания.

С 1932 года молодой выпускник философского факультета столичного историко-философского института начал преподавать в вузах. Ещё с довоенных времён – в Воронежском государственном университете. Он активно включился в учебный процесс и научные исследования молодого университета, в котором причудливо сплетались новые, советские принципы жизнедеятельности и ранее сложившиеся традиции Юрьевского университета. Возникали недоразумения, конфликты, кипели не только, а может, и не столько научные, сколько идеологические и политические страсти. В 1930-х годах один за другим назначались и исчезали ректоры[1].

Либеральная демократия в Европе отступала под натиском фашизма.

Научная мысль молодого воронежского философа стремилась выяснить идейные, социально-духовные истоки фашизма с его культом нордического арийца, «белокурой бестии». В 1936 году в Московском издательстве вышла его монография «Философия Ницше и фашизм». Выходу её в свет, по-видимому, способствовала Л. И. Аксельрод. Книга Б. М. Бернадинера была благоприятно принята философской общественностью. Ссылки на неё мне встречались в работах по философии Ф. Ницше даже в 70–80-х годах, но сам Б. М. Бернадинер в своих лекциях по истории философии и в беседах с аспирантами (во всяком случае, тех, в которых мне довелось участвовать) не упоминал. Однажды мне потребовалась консультация по одной из работ Ф. Ницше. Борис Моисеевич скупо высказал своё мнение, но свою монографию 30-х годов не назвал.

В 1940 году в Воронеже большим тиражом (2000 экземпляров) была издана монография «Социально-политическая философия Жан-Жака Руссо». Она выдвинула Б. М. Бернадинера в первый ряд ведущих учёных Воронежского университета и заняла достойное место в библиографии великого французского гуманиста-просветителя.

---

[1] См.: *Карпачёв М. Д.* Воронежский университет. Вехи истории. 1918–2013. 2-е изд. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. Глава «Практические страницы истории. Судьбы ректоров». С. 224–270.

Преступное вторжение гитлеровской Германии на территорию Советского Союза надолго прервало научную и педагогическую деятельность многих учёных ВГУ. В первые же месяцы войны доцент Б. М. Бернадинер, как и многие учёные и студенты, добровольцем ушёл в армию. Он был патриотом. Участие в борьбе против фашизма за свободу и независимость Родины он считал своим долгом учёного-антифашиста, гражданина СССР и коммуниста. До конца войны был в боевых частях, награждён многими орденами и медалями.

Вернулся в Воронежский университет, и уже к учебному 1945/46 году его энергией была воссоздана кафедра философии, заведующим которой он был до своей кончины в сентябре 1964 года. Ещё до войны он, наряду с историко-философской проблематикой, начал разрабатывать тему народных масс в истории. Им ещё в конце 40-х годов было опубликовано несколько статей в журнале «Под знаменем марксизма» (в то время приоритетный среди обществоведов и очень дискуссионный). В послевоенное время он продолжал работать над этой темой, защитил докторскую диссертацию в 1952 году.

Борис Моисеевич Бернадинер был энциклопедически эрудированным учёным. Круг его интересов постоянно расширялся. Художественная литература и биология, музыка и спорт (любил, хотя по возрасту не занимался гимнастикой), филологические науки и физика, астрономия и театр, история и медицина – ко всему он питал не просто любопытство, но научный интерес. Однако доминировала философия и философские проблемы естественных и гуманитарных наук. Его ученики, защищавшие кандидатские и докторские диссертации, исследовали и философские проблемы эстетики, культуры (И. Смольянинов, С. Титов), и философские проблемы физики, химии (И. Богачёва, Е. Желтухина), проблемы собственно философии (А. Демченко, Н. Шегеда), этики (П. Мухортов), исторического процесса (В. Рахманин) и др. Любил театр и был членом художественного совета драматического театра имени А. Кольцова. Деятельно руководил городским семинаром вузовских учёных по методологическим проблемам науки. Был склонен к научным дискуссиям. Но был очень осторожен в идеологической проблематике, опасаясь «вольных суждений» и влияния западной буржуазной идеологии. Синдром опасности идеологических репрессалий 30-х, да и первых послевоенных лет крепко сидел в его психологии. Подмена философии идеологией, доминирование идеологии над наукой долгое время было болезнью интеллектуальной элиты, и редко кому удавалось её одолеть без осложняющих последствий. Б. М. Бернадинер был сторонником научных дискуссий.

Никаких философских курсов кроме «Истории философии» для студентов – филологов и историков – Борис Моисеевич не читал. Диалектический и исторический материализм (два самостоятельных семестровых курса) читали другие преподаватели и его ученики.

Но большой курс «История философии» он читал блестяще (иначе не могу определить). Он был знатоком этого предмета, особенно истории немецкой классической философии (Шеллинг, Фихте, Кант, Гегель, Фейербах). Основательным и интересным был раздел курса, посвящённый становлению и сущности философии Маркса. Мне до сих пор памятна его лекция об Иммануиле Канте. Он не просто характеризовал концепцию (а она довольно сложна), но раскрывал методы философствования Канта. С тех студенческих пор для меня чтение произведений Канта – упругая гимнастика ума. Без лекций Бориса Моисеевича вряд ли у меня сложилось бы такое отношение к кантовской философии. Периодически звучащий призыв «Назад к Канту» воспринимаю не как возврат к чему-то пройденному, а как рекомендацию овладеть философской логикой, культурой мышления.

В лекциях Б. М. Бернадинера органически и выразительно сочетались талант учёного, талант философа, талант педагога и талант оратора. К сожалению, не так часто эти таланты удачно сочетаются в практике преподавателя. У Бориса Моисеевича был красивый, сочный баритон, и он эффектно и эффективно им владел, слегка грассируя. «История философии» очень сложна как лекционный курс; сложна и каждая отдельная лекция. Но профессор так выстраивал каждую лекцию, так её методически инструментировал, и так звучал его голос, что аудитория не уставала. Через свой курс Борис Моисеевич учил нас мыслить и раскрывал перед нами, студентами начала 50-х годов, как через конфликтный процесс возрастает человеческий интеллект. Когда-то, к сожалению, ныне почти забытый талантливый и многознающий, мудрый советский философ Валентин Фердинандович Асмус советовал: «Если в голову пришла оригинальная мысль, полистайте страницы истории философии; может быть, она уже была и Вы её найдете» (цитирую по памяти; несколько работ В. Ф. Асмуса, написанные до войны, я читал на рубеже 50–60-х годов и использовал в 60–70-х годах при чтении спецкурса студентам-историкам «Философские проблемы исторической науки»). Эту мудрую мысль В. Ф. Асмуса профессор Б. М. Бернадинер не цитировал в своих лекциях, но так нам прочитывал страницы философской истории, что мы удивлялись современному звучанию мыслей философов прошлых веков. Жаль, что в постсоветское время курс «История философии» снят из образовательных стандартов филологов и историков. Мощный поток интеллектуальной истории человечества – вне досягаемости нынешнего университетского образования; будущих специалистов-гуманитариев отключили от этого потока.

Во время тяжёлой болезни (1960–1964) и после кончины Б. М. Бернадинера курс «История философии» увлекательно и обстоятельно читал профессор Сергей Николаевич Титов, его ученик. Доводилось и мне. До сих пор я благодарен тому, что мне в молодости довелось прослушать историко-философский курс Бориса Моисеевича и самому знакомить студентов с историей философской мысли, а потом на политологическом отделении исторического факультета ВГУ вести курс

«Политическая философия». В середине второго десятилетия нынешнего века и этот курс сняли, не включили в образовательный стандарт политологического бакалавриата и нечто куцее оставили для магистрантов. Министерство образования и науки РФ считает излишним приобщать гуманитариев к истории философского ума для интеллектуального развития.

Своеобразно Борис Моисеевич работал с аспирантами. Никаких лекций по философии он нам не читал, но тщательно, даже, можно сказать педантично, вникал (не только контролировал, но вникал!) в самостоятельную работу каждого аспиранта, отмечая его успехи, ошибки, промахи ищущей философской мысли. Каждый четверг в 12:00 все аспиранты всех стадий обучения (человек 5) собирались и докладывали, что каждый сделал за минувшую неделю: что из научной литературы изучил, над какими философскими проблемами размышлял, как продвигается диссертационное исследование, какие трудности и т. п. Какого-либо строгого порядка последовательности аспирантских сообщений не было. Борис Моисеевич мог начать с аспиранта любого года обучения. В обсуждении тех или иных философских проблем участвовали все аспиранты. При докладе аспирантов заключительного года обучения по диссертационному продвижению своё слово мог сказать и первогодок и наоборот, что чаще всего и было. Тем самым Борис Моисеевич организовывал научный семинар вступивших на извилистую и крутую стезю философских исканий. При этом он высказывался сам, но не как поучающий ментор, а как соучастник дискуссии. Вместе с тем он педантично проверял конспекты аспирантов первого года обучения. Требовал конспектирования не механического, а комментированного, с размышляющими пометками по тексту изучаемых философских произведений. Конспектировать трактаты некоторых философов прошлого было иногда мучительно трудно. Попробуйте законспектировать хотя бы «Малую логику» Гегеля. Я мучился целый месяц. Однажды разозлился на самого себя за трудность, и вдруг – озарение: а как Ленин конспектировал Гегеля? Взял его «Философские тетради». Вчитался в выписки и пометки. И нашёл откровения Ленина: «Чтение Гегеля – лучший способ получения головной боли». Это признание удивило и вдохновило. Дело пошло осмысленнее и быстрее. В очередной четверг свой конспект показал научному руководителю. Он что-то спросил, я ответил и рассказал, что помогло мне. Конспект этой, как и других работ Гегеля, до сих пор в моём архиве, и когда мне что-то нужно процитировать из Гегеля, обращаюсь к своим аспирантским конспектам, а потом уже к оригиналам.

Я написал, что научный руководитель педантично проверял конспекты аспирантов. Однако дело не в педантизме. Борис Моисеевич требовательно и методично приучал нас к корректной и осмысленной работе с научными текстами. Увы! Мои попытки перенести методику моего научного руководителя на работу с моими аспирантами далеко не всегда удавались. Многие не умеют работать с текстами, несмотря на все достижения герменевтики, о которой в свои аспирант-

ские годы мы ничего не слышали. Наверное, у меня не хватало то ли педантизма, то ли педагогического таланта. Однако дело, кажется, не только во мне. «Педантизм» профессора Б. М. Бернадинера психологически и методически для его аспирантов был вполне приемлемым как нечто научно обязательное. К профессиональной работе с текстами нас приучали и учили этому на филологическом отделении историко-филологического факультета многие наши научные наставники: В. И. Собинникова, А. Б. Ботникова, Б. А. Бялик, А. М. Абрамов и др. К тому же в 50–60-х годах довольно часто проводились поучительные собеседования – семинары с приезжими из Москвы крупными учёными по общей проблеме «Как вести научные исследования», «Поэзия и проза научных исследований». Теперь такой творческой внеучебной работы со студентами не ведётся. Более распространены советы-рекомендации «Как добиться успеха».

Долго определялась тема моей диссертационной работы. Мне хотелось исследовать философские проблемы эстетики. Научный руководитель Б. М. Бернадинер в этом направлении работать со мной не согласился. После трудного перебора тем, проблем определили – «Исторический детерминизм и проблема свободы». Тема мне показалась перспективной и интересной. Философских работ по категориям диалектики в ту пору было очень мало. В Московском издательстве (кажется, Политиздате) вышла тогда и приобрела популярность книга коллектива философов Ярославского госуниверситета (Штракс, Пилипенко и др.) «Категории материалистической диалектики». Соотношение необходимости и свободы – одна из жизненных и философских антиномий по Канту.

Неожиданно эта антиномия повернулась ко мне своей жизненной реальностью. Меня вызвали в партбюро университета. В марте 1953 года меня приняли кандидатом в члены КПСС. Вступить в КПСС ещё на 5-м курсе мне предложили мои друзья – Л. Варшавский и К. Огрызков (вступали в партию на фронте) и доцент Е. Г. Шуляковский. Они и дали мне рекомендации. Секретарём партбюро ВГУ был Лыгин Иван Семёнович. Он сказал: «Партбюро решило предложить Вас комсомольской организации университета избрать секретарём комитета ВЛКСМ». Предложение было таким неожиданным, что я растерялся. Сказал, что у меня нет опыта организаторской работы в комсомоле; был только около двух лет секретарём первичной, курсовой организации на историко-филологическом факультете. К тому же я аспирант, и мне нужно сдавать трудные экзамены, выполнить диссертационную работу. Да и широких знакомств со студентами других факультетов у меня нет. На И. С. Лыгина мои возражающие аргументы не произвели никакого впечатления. Был он невысокого роста, коренаст, голову брил «под бильярдный шар», был упрям. Сам он, как выяснилось, плохо знал университет, был рекомендован райкомом КПСС в университет, никогда даже в нём не работал. Секретарь партбюро КПСС строго сказал, что как молодой коммунист я не вправе отказываться. В октябре 1953 года меня избрали секретарём комитета ВЛКСМ

родного Воронежского университета. До меня секретарём был Григорий Казаков, аспирант кафедры политической экономии 3-го года обучения. Он не окончил аспирантуру. Весной 1954 года по призыву ЦК КПСС добровольно подал заявление, что готов в случае избрания работать председателем колхоза. Возглавил один из беднейших колхозов и через два-три года сделал его состоятельным и крепким хозяйством.

О своей готовности вытаскивать бедные и слабые колхозы из разорения заявили тогда же несколько человек. Среди них ректор ВГУ, доктор химических наук Б. И. Михантьев, в сентябре 1953 года назначенный ректором, аспирант кафедры философии 3-го года обучения С. Титов и др. Для того чтобы получить направление, нужно было заручиться рекомендацией партийной организации, которая рассматривалась, одобрялась/отклонялась райкомом, горкомом и обкомом КПСС. Дело было серьёзное. Заявление ректора Б. И. Михантьева вызвало возмущение открытого партийного собрания университета. Своё заявление он мотивировал необходимостью создать корпус председателей колхозов, способных коренным образом изменить тяжелую ситуацию в сельском хозяйстве, а также тем, что он умеет косить, запрячь лошадь и как химик правильно вносить удобрения. Открытое партсобрание согласия и рекомендации Б. И. Михантьеву не дало, мотивировав отказ тем, что не известно, вытянет он или нет какой-нибудь колхоз из разрухи, а ВГУ нуждается в крепком и толковом ректоре, в которого коллектив поверил. С. Титова отклонил горком КПСС. На вопрос: «А что он понимает в сельском хозяйстве?» ответил: «До войны был помощником штурвального на комбайне; во время войны – связист на передовой, сейчас занимаюсь эстетикой. Думаю, что быть председателем колхоза могу». Секретарь горкома Королёв отчитал его, обвинив чуть ли не в авантюризме, и отправил обратно в ВГУ заниматься эстетикой. Виноградов был избран председателем колхоза, но вскоре вернулся к привычной работе доцента биолого-почвенного факультета.

Комитет комсомола ВГУ подобрался (избирали на общеуниверситетской отчётно-выборной конференции) довольно крепкий из представителей разных факультетов. Через несколько дней меня как секретаря комитета ВЛКСМ пригласил к себе ректор профессор Борис Иванович Михантьев. Он недавно, в сентябре 1953 года, был назначен ректором; в отставку ушёл Николай Петрович Латышев (во время войны был комиссаром Воронежского добровольческого коммунистического полка; его фотографию я видел в историческом музее чешского крупного города Оломоуц в феврале 1972 года). Кабинет ректора располагался на 2-м этаже красного корпуса по проспекту Революции, 24. Обставлен просто: два стола, поставленных буквой Т, несколько стульев в белых парусиновых чехлах. Два окна с видом на проспект. Ректор вышел из-за своего стола и встретил меня почти у входной двери, протянув руку для приветствия меня, вчерашнего студента. За ректорский стол не вернулся; предложил мне сесть, сам сел напротив.

Беседа длилась около часа. Секретарь партбюро И. С. Лыгин не присутствовал; он пригласил меня на беседу (назидательную и скучную) после беседы с ректором. Борис Иванович поздравил с избранием. Я несколько смущался, поскольку не знал, как ответить на это; сказал, что для меня избрание неожиданное и трудное, поскольку я аспирант. «Вам придётся сочетать и впредь научно-педагогическую работу с общественной, – сказал Борис Иванович. – И это хорошо. Пойдёт Вам на пользу». Спросил, чем я интересуюсь в жизни, что умею (он многим, как я узнал впоследствии, задавал такой вопрос, прежде чем принять решение о приёме на работу), хожу ли в театр, умею ли танцевать, где живу, какая у меня семья и т. п. Как филолог я читал много из классики русской и зарубежной литературы, театр любил и не пропускал ни одной премьеры ни в театре драмы, ни в театре музыкальной комедии (была в 50-х годах в Воронеже прекрасная оперетка). Но оказалось, что Шекспира доктор химических наук знал лучше, чем только что окончивший ВГУ выпускник-филолог. Ректор повторно спросил, умею ли я танцевать. Пришлось конфузливо признаться: «Не умею». – «Как же так? – удивился ректор. – Срочно научитесь. Вы – комсомольский вожак. Без танцев Вам трудно будет общаться с девушками». Я пообещал, но так по-настоящему и не научился. Борис Иванович танцевал очень красиво. В 1950-е и в начале 1960-х годов в моде были классические бальные танцы. Вплоть до мазурки. Молодёжь пыталась и через них восстановить довоенный образ жизни.

Разговор перешёл на главное: как вновь назначенный ректор понимает роль комсомольской организации (более 1700 членов) в университете и что должен и могу сделать я как избранный вожак (слово «лидер» тогда не употреблялось). Главное: комсомол на всех его уровнях – от первичных организаций до общеуниверситетского комитета – должен быть активным партнёром профессорско-преподавательского состава и ректората в обеспечении качественного овладения студентами знаниями, практическими навыками работы по будущей специальности. «Студент должен не только знать, но и уметь что-то делать своими руками по своей специальности», – считал Борис Иванович. Сам он, будучи профессором-химиком, умел очень много: от стеклодувного дела до столярного (в подвальном помещении дома, в котором жил последние годы, он создал столярную мастерскую для обслуживания жильцов бесплатно). По мнению Б. И. Михантьева, комсомольская организация вправе вносить на всех уровнях свои предложения по улучшению организации учебного процесса и качества преподавания. «От Вас, – сказал он, – буду ждать предложений, замечаний через 2–3 месяца. Постоянно». Особое внимание – быту студентов. Прежде всего общежитейскому. Мы пока очень бедны. Но надо поднимать культуру быта. И материальную, и организационную, и нравственную, и санитарную. Студент, выпускник университета должен быть высокообразованным, широко культурным и активным человеком. Для этого надо развивать самостоятельное творчество студентов в

художественной среде, в спорте, в организации досуга. Ректор убедительно и ярко определил программу деятельности университетского комсомола и мою роль, подчеркнув: «Вы – живая связь ректората со студенчеством». И выразил готовность к взаимодействию и поддержке. И свои обещания неизменно исполнял и был очень отзывчив на все просьбы, пожелания комитета ВЛКСМ; периодически приглашая на беседу 7–8 комсомольских активистов (членов комитета ВЛКСМ, секретарей факультетских комсомольских организаций). Его спокойные, неназидательные беседы, часто пронизанные юмором, стимулировали работу комсомольского актива, были жизненно важны для меня во всех отношениях. Вскоре приказом ректора меня ввели в состав Учёного совета Воронежского государственного университета со всеми функциональными правами, включая голосование по защите диссертаций (тогда диссертации защищались на общем Учёном совете).

Борис Иванович Михантьев поставил и перед собой, и перед профессорско-преподавательским составом, обслуживающим персоналом, а через комсомольскую организацию и перед студенчеством задачу: вывести университет на качественно новый этап развития и ввести его в число лучших университетов Российской Федерации и Советского Союза. Свою концепцию он основательно обдумывал, тщательно вникая в состояние и возможные точки качественных перемен во всех структурах университета и консультируясь с факультетскими кафедральными коллективами, с партийной, профсоюзной, комсомольской организациями. Вскоре после своего назначения новый ректор выступил с докладом перед научно-педагогическим, административно-хозяйственным и студенческим активом и вынес на обсуждение свою концепцию ВГУ как центра подготовки специалистов с высшим образованием, научных исследований, его роли в экономической и духовно-культурной жизни региона и в структуре высшей школы. Борис Иванович отнюдь не рисовал радужных перспектив. Он говорил о реальном состоянии ВГУ, проблемах и способах их возможного решения.

В своём докладе ректор Б. И. Михантьев чётко сформулировал шесть основных задач, на решение которых нужно направить энергию всего коллектива, чтобы взойти от восстановительного периода на этап качественно нового развития.

1. Необходимо создать новую материальную базу нашего университета. Все довоенные корпуса фашисты взорвали. То, что можно было, восстановили наспех. Оставшиеся руины восстановлению не подлежат. Да и довоенная территория ВГУ недостаточна для его развития. Необходимо строить новый университет, отвечающий требованиям будущего, а не только сегодняшнего дня.

2. Сложная задача – формирование и развитие качественно новой лабораторной базы учебного процесса и научных исследований. Без этого не будет качественных перемен ни в обучении студентов, ни в научной работе. В этом остро нуждаются физики, химики, геологи, биологи, да и все другие факультеты.

Михантьев Борис Иванович, ректор ВГУ в 1953–1965 годах

3. Особая задача – наращивание и качественные изменения научно-педагогических кадров. В. И. Михантьев высоко отозвался о тех, кто самоотверженно работал, учил студентов, вёл научные исследования и в годы войны, и после. Но в составе преподавателей (около 180) только 17 профессоров и 76 доцентов. Этого недостаточно. Необходимы расширение аспирантуры, поддержка в подготовке кандидатских и докторских диссертаций. Следует более активно содействовать научному росту молодых.

4. На шести факультетах ведётся подготовка специалистов. Их надо расширять, но исключительно важно открывать подготовку специалистов по новым направлениям в соответствии с требованиями производства и в тесной связи с ним.

5. Самая острая и сложная проблема – жилищная. Не хватает студенческих общежитий. Можно было бы пригласить нужных нам профессоров и доцентов из других городов, в частности – из Сибири. Но нет квартир. Многие преподаватели живут в студенческом общежитии, ещё больше ютятся в коммунальных квартирах, некоторые снимают комнаты частным способом. Эту проблему самостоятельно мы решить не можем. Нужна деятельная помощь местных органов власти и министерства. «Со своей стороны, – сказал ректор, – я буду делать всё возможное и невозможное, но нужна помощь областных, городских и республиканских органов власти, а также активность всего коллектива ВГУ».

6. Мы должны не только дать студентам хорошие знания, но и помочь каждому стать достойной личностью. Воспитание во всех его сторонах – нравственной, политической, эстетической, спортивной – неотъемлемая часть работы профессорско-преподавательского состава и обслуживающего персонала, каждого студента и общественных организаций, включая студенческие, особенно комсомола и профсоюзов.

Заканчивая свой первый концептуальный доклад, ректор Б. И. Михантьев подчеркнул: «Проблем у нас много, но они могут быть решены, если будем целеустремлённо работать, взаимодействуя с областными и городскими структурами и республиканским министерством. Не скажу, что всё зависит от нас, но без нас никаких сдвигов к лучшему не произойдёт».

Доклад Бориса Ивановича я воспроизводил по своим беглым записям, которые несколько выцвели за 62 года. За достоверность смысла ручаюсь, как говорится, головой. Смысл не искажён, и в него я ничего не добавил. Эту концепцию Борис Иванович Михантьев целеустремлённо воплощал в период своего ректорства; этим постулатам следовал неуклонно, настойчиво, деятельно. Говорил Борис Иванович чуть глуховатым голосом. Слушали, затаив дыхание. Так доверительно и размышляюще, конструктивно, наверное, никто не говорил с коллективом ВГУ, который пережил разрушительную войну, тяжёлую эвакуацию и который скромно отмечал своё 35-летие. Доклад был выслушан с предельным вниманием. Откровенно говоря, не помню, чтобы тотчас развернулась бурная дискуссия. Потребовалось время для осмысления и обдумывания. Обсуждение михантьевских идей и предложений началось некоторое время спустя и развернулось широко и активно. По тогдашней традиции началось оно в партийных (коммунистических) организациях факультетов, на учёных советах. Горячо, иногда запальчиво, но в основном деловито, с конкретными предложениями обсуждало состояние и перспективы ВГУ студенчество, прежде всего комсомольские курсовые и факультетские организации. Ректор регулярно спрашивал меня, как секретаря комитета ВЛКСМ университета, что говорят студенты, что критикуют, что предлагают.

Особенно бурно и заинтересованно обсуждался вопрос о материальной базе, конкретнее говоря, о новых корпусах, зданиях, в которых ВГУ мог бы развиваться во всех отношениях. Многие предлагали: надо добиться, чтобы город передал университету конкретное здание (называли даже адреса). Но большинство, не отвергая такие предложения, сходилось на том, что нужны не отдельные здания, разбросанные по всему Воронежу (увы! Так к сожалению, и случилось), а строительство университетского комплекса, объединённого одной территорией, учебные корпуса, здания научных лабораторий, исследовательских институтов, общежития для студентов, жильё (квартиры) для профессорско-преподавательского состава, культурные комплексы, спортивные сооружения.

Поскольку по своему статусу и функциям секретаря комитета ВЛКСМ больше всего доводилось и нужно было общаться со студентами, то замечу, что горячее всего вопрос о будущем Воронежского университета обсуждался в студенческих коллективах. Обсуждали, спорили, высказывали разные предложения непосредственно в аудиториях (особенно в большой 58-й в красном корпусе), в актовом зале, в аудитории № 11 в корпусе на улице Фридриха Энгельса, в общежитейских комнатах. На некоторые студенческие дискуссии приходил ректор; садился не на место ведущего (им, как правило, был кто-либо из комсомольского актива), а во втором-третьем ряду со студентами, внимательно слушал, что-то записывал в блокнот, выступал в порядке дискуссии, благодарил за высказанные мнения, за заинтересованность в перспективах университета. Сославшись на неотлож-

ные дела, уходил минут через 40–50; студенты продолжали обсуждение, но уже с меньшим азартом, чем при ректоре.

К вопросу о строительстве материальной и лабораторно-технической базы университета мне придётся возвращаться несколько раз и в этой, и в последующих главах. В нём много тайн, загадок и странностей.

Работа в комсомольской организации давала возможность и требовала деятельного общения со студентами разных факультетов, с деканами, проректорами, преподавателями и, конечно, с членами партбюро КПСС (в марте 1954 года я был принят в члены КПСС), его секретарём Иваном Семёновичем Лыгиным, с секретарём райкома, горкома, обкома ВЛКСМ (многие из них были выпускниками ВГУ). Запомнился проректор по учебной работе Иван Прохорович Козлобаев, человек интересной университетской судьбы. Мне доводилось общаться с ним по проблемам учебного процесса, его организации; осенью 1954 года почти месяц мы ездили по разным сельским районам по делам сельхозработ студентов, их быта, безопасности. Он умел находить специфический подход к любому председателю колхоза, директору совхоза, эффективно добивался улучшения быта и условий работы студентов. В любых беседах с председателями колхозов и директорами совхозов он настойчиво и вариативно приводил мысль: «Качество и объём того, что сделает студент, зависит только от Вашего отеческого отношения к ним. Они могут гору свернуть, если Вы для улучшения их жизни у Вас сроете маленький бугорок». «Какой ещё бугорок?» – обычно спрашивал руководитель хозяйства. На основе нашего предварительного ознакомления с работой, бытом студентов, их предложениями Иван Прохорович предметно указывал, что нужно сделать.

Вспомнился забавный случай из университетской повседневности. И. П. Козлобаев был высокого роста, широкоплеч; на голове – густая, вьющаяся роща (иначе не назовёшь) волос. Голос громкий, особенно когда Иван Прохорович был чем-то взволнован. Однажды я беседовал с секретарём партбюро Иваном Семёновичем Лыгиным (невысокий рост, голова брита «под бильярдный шар»). Вошёл взволнованный И. П. Козлобаев и с какими-то упрёками и громогласным недовольством к И. С. Лыгину. Тот, не вставая из-за стола, тихим голосом: «Иван Прохорович! Дай мне, пожалуйста, расчёску». Козлобаев выхватил из кармана расчёску, протянул руку к И. С. Лыгину и вдруг, застыв изумлённо: «Зачем тебе расчёска? Ты же лысый». Расхохотались оба, конфликтный инцидент был исчерпан.

Были встречи неожиданные. После Великой Отечественной войны на кафедре электромагнитных колебаний работал крупный немецкий учёный Роберт Доппель. Его история своеобразна. Во время войны в Германии он работал в лаборатории, в которой велись исследования по созданию атомной бомбы. Гитлер мог бы её использовать. Английская и советская разведки знали об этом. Лаборатория была подвергнута бомбардировке и уничтожена[1]. По договорённости СССР с ан-

[1] См. об этом в книге: *Юнг Р.* Ярче тысячи солнц. М. : Госатомиздат, 1961. 280 с.

тигитлеровскими союзниками крупным немецким учёным было предоставлено право выбрать одну из стран, в которую будут вывезены. Роберт Доппель рассказывал: он подошёл к американскому полковнику, который сидел, задрав ноги на стол; разговор не состоялся. Немецкий профессор подошёл к английскому столу (процедура проходила в одной комнате на виду у всех). Переговор начался на английском языке, и Р. Доппель понял, полковник не компетентен в тех вопросах, какими он может заняться; ничего дельного крупному специалисту по атомной физике он предложить не мог. Профессор Р. Доппель подошёл к советскому столу. Советский полковник встал, вышел из-за стола, на хорошем немецком языке поздоровался, протянув руку, пригласил сесть. Состоялся разговор о профессии, о роде занятий, о том, что могут предложить немецкому профессору, работающему в лаборатории по атомной бомбе по заданию Гитлера. Профессор Роберт Доппель решил выбрать советский плен. Так он оказался в Воронежском университете на кафедре, которой заведовала профессор Мария Афанасьевна Левитская, пытавшаяся создать свою модель атома, отличную от резерфордовской.

В один из декабрьских морозных дней 1953 года в комнату, в которой располагался комитет ВЛКСМ (в общежитии № 1 на улице Фридриха Энгельса) зашёл крепко сложенный человек. Я удивился (слишком слабое слово, но не написать же «ошалел»). Вошёл немецкий профессор Роберт Доппель. Поздоровался по-русски. Вспомнив свой школьный немецкий язык, я произнес: «Guten Tag. Setzen Sie Sich». Профессор улыбнулся. На этом мой немецкий кончился. Профессор сказал (не очень хорошо, но внятно по-русски), что просит заменить молодого человека, который ему помогает. Я сообразил, что к нему приставили соответствующие органы спецчеловека. Но немецкий профессор посчитал, что это – от комсомола. Профессор пояснил, что молодой человек «часто любит шнапс». Улыбнулся, сделав жест пальцем по подбородку. К тому же, как выяснилось, «молодой человек» «плохо владеет лыжами и отстаёт в лесу». «Меня могут украсть». Я не стал разуверять немецкого профессора, что комсомол тут ни при чём (по-видимому, этот «молодой человек» втолковал ему, что он от комсомола). Сказал, что поговорю с этим «молодым человеком». Мы поблагодарили друг друга за доверительный разговор. В тот же день я передал просьбу профессора Р. Доппеля ректору Борису Ивановичу Михантьеву. Через три дня «молодой человек» исчез.

Роберт Доппель вернулся в Германию (в Германскую Демократическую Республику) в начале 1960-х годов с просоветским настроением. На прощальном приёме у ректора (я присутствовал) благодарил университет, высказал восхищение жителями Воронежа, восстановившими разрушенный город. Насколько я знаю, профессор Р. Доппель до конца своих дней поддерживал связи с нашими «ядерщиками», особенно с Леонидом Сухотиным.

Из состава деканов мне чаще всего приходилось общаться с Саввой Гавриловичем Вишняковым, возглавлявшим геологический факультет. Геологи выде-

лялись в студенчестве университета. У них была особая форма: шинель, куртка, брюки, фуражка. На куртке были погоны. Форма была броской, деловой и красивой. Студенты были очень, иногда чрезмерно, активны. Приходилось по-комсомольски вмешиваться в их ненормативное поведение (между прочим, в общежитии иногда раздавался призыв геологов «Идём бить историков!»; филологов не били). Иногда молодые рабочие-строители, жившие в общежитии на улице Фридриха Энгельса, напротив университетского первого, почему-то поднимались бить студентов (это было выражением спортивного азарта и «отрыжка» старого обычая). Геологи были в первых рядах защитников и преследователей отступающих «агрессоров». Приходилось идти к декану, профессору С. Г. Вишнякову, проводить комсомольские «разбирательские» собрания.

Часто я бывал на физико-математическом факультете. По числу студентов он был самый большой. Комсомольская организация физмата отличалась особой активностью во взаимодействии и с деканатом, и с комитетом ВЛКСМ. Неслучайно в комитете ВЛКСМ ВГУ были два её представителя Г. Рыбалкин (Сталинский стипендиат) и И. Андропова (будущий делегат съезда комсомола СССР). Факультетское бюро ВЛКСМ возглавляла Эвелина Домашевская (будущая заведующая

Комитет ВЛКСМ в день отчёта 13 ноября 1954 года.
Верхний ряд – И. Масленников, С. Мешкова, С. Чудинова, Н. Шишикин.
Средний ряд – В. Мирошников, И. Плахотникова, Г. Рыбалкин, Л. Магитсон, В. Лукьянов.
Нижний ряд – Л. Кострыкина, Л. Черникова, В. Рахманин, И. Андропова, Л. Некрасова

кафедрой твёрдой физики, заслуженный деятель науки РФ, учёный, хорошо известный за пределами нашей страны). Энергия и инициатива Эвелины били разноцветным фонтаном, и организатор она была толковый. Спорить с ней было плодотворным удовольствием. Она умела отстаивать мнение факультетского бюро ВЛКСМ, но умела и слушать. Её критика по адресу комитета ВЛКСМ всегда была определённой, конкретной, заинтересованной сделать что-то лучше. Не во всём мы с ней были согласны, но стремились к дружескому взаимодействию. Так это и сохранилось в долгие последующие десятилетия работы в родном университете. В комсомольском бюро физмата впервые зародилась идея проведения бесед студенческого актива (впоследствии их нарекут несколько по-пионерски «слётами лучших студентов») с ректором. Борису Ивановичу эта идея понравилась, но он её скорректировал. Беседа (совещание) ректора и студенческого актива должна быть каждый раз по определённой проблеме, а не разговором обо всём и ни о чём. Мысль ректора была нацелена на деловое соучастие студентов в решении университетских проблем: от организации учения, быта, досуга до строительства общежитий и возможных учебных корпусов.

Активность студенчества приобретала разнообразные формы и проявлялась в разных направлениях, иногда не укладывавшихся в приемлемые для старшего поколения нормы. Одним из таких направлений была сатирическая критика тех или иных сторон жизни университета, города, даже страны. Меткие комические и сатирические частушки, песни, стихи сочинял студент физмата Анатолий Сивков (будущий начальник вычислительного центра ВГУ).

В самом начале ректорства Б. И. Михантьева и моей комсомольской работы случилось конфузливое событие, которое из-за идеологической бдительности некоторых общественных активистов и их стараниями чуть было не превратилось в скандал.

На химическом факультете возникла группа студентов, склонных к сатирическому восприятию реальностей жизни начала 50-х годов. Заводилой, организатором, сценаристом, режиссёром был талантливый студент-химик Леонид Гуревич (будущий теле- и кинорежиссёр). Вокруг него собрались студенты других факультетов, склонных к юмору и сатире, к сценическому искусству. Творческая группа подготовила театрализованное обозрение жизни университета, города, страны под девизом «Телевизор». В то время в быт и культурную жизнь входило телевидение. Воронежский завод «Электросигнал» выпускал телеприёмники с небольшим телеэкраном. Мой сокурсник Виктор Золотарёв был одним из организаторов Воронежского телевидения. Студенты сами разработали сценарий в виде обозрения событий, проблем, типажей. Подготовили костюмы, оформление сцены актового зала в красном корпусе, усердно репетировали. Потребовалось большое количество марли, слегка подсинённой, чтобы оформить авансцену как голубой телеэкран. Энергия и талант Лёни Гуревича были с блеском проявлены по всем

направлениям: сценарном, режиссёрском, оформительском. В нём удивительно сочетались волевая напористость и обаяние общественности, заинтересованной внимательности к другим. Никто не вникал в творческую самодеятельность студентов, хотя комитет ВЛКСМ ВГУ помогал в решении возникающих проблем. Ничего предосудительного в театрализованном обозрении «Телевизор» не было. Был крепкий студенческий юмор, иногда тонкий, остроумный, порой на уровне «хохмы», но в нём всегда была своя студенческая правда. Объектами насмешек были хитроватость студентов и конфузы на экзаменах, чудаковатость некоторых преподавателей (без определённостей), плохая работа городского транспорта, порядки в университетском общежитии, быт воронежцев, бюрократизм чиновников, несуразности в международных отношениях и т. п.

Назначен был день и час премьеры. Предполагалось, что «Телевизор» будет «включаться», т. е. давать свои юмористические и сатирические обозрения более или менее периодически. Развешаны были красочные объявления. «Телевизионщики» всё приготовили и приготовились сами. Часа за три до представления меня срочно вызвали в партбюро. Там было человек 5, отнюдь не полный состав. Секретарь И. С. Лыгин строго: «Что это за сборище? Кто разрешил?!» Я ответил, что это творческая самодеятельная группа наших студентов подготовила весёлое обозрение; комитет ВЛКСМ в курсе дела, и студенты ничего скрытного не делали. Один из членов партбюро (доцент с историко-филологического факультета) заявил, что так называемый «Телевизор» – клевета на советскую действительность и наш университет. Я опешил от такой оценки. Пытался возражать. Был я в то «юное» время ещё неопытным в общественных делах, особенно в идеологических спорах. Мои возражения отвергли. Между прочим, секретарь партбюро И. С. Лыгин (он преподавал «Историю КПСС») почти молчал. Но наконец изрёк: «Партбюро не разрешает показывать ваш “Телевизор”». «Но студенты собираются около актового зала. Что делать?» – «Отменить, – последовал ответ. – Вы заварили кашу. Идите и отменяйте». Делать нечего. Вместе с Колей Шишикиным на объявлениях о спектакле по диагонали чёрной краской крупно написали «Отменяется». Через полчаса толпа студентов вскипела. Ни я, ни члены партбюро успокоить их не могли. Студенты требовали открыть актовый зал. Разъярённый Лёня Гуревич бросился на меня чуть ли не с кулаками. Я пояснил, в чём дело и кто запретил. Но надо было что-то делать. Вскипал нехороший конфликт между студентами и представителями партбюро. И. С. Лыгин из кабинета не выходил. Я зашёл к нему и сказал, что надо позвонить ректору. Но у нового ректора Б. И. Михантьева домашнего телефона не было. Он жил в районе Лесотехнического института, в котором до назначения ректором ВГУ короткое время был заведующим кафедрой. И. С. Лыгин сказал: «Поезжай к нему на квартиру». Вместе с Леонидом Гуревичем, взяв такси, часов в 7 вечера поехали к ректору. Дверь открыл сам Борис Иванович. На лице – удивление и некоторая настороженность. Леонида Гуревича, студента, он не знал.

С порога я сказал, что надо срочно ехать в университет. Не спрашивая ни о чём, Борис Иванович сорвал с вешалки пальто и через порог – за нами. Сработал инстинкт фронтовика. В такси мы описали ему ситуацию, её причины, рассказали о том, что в коридорах у кабинета партбюро на 2-м этаже и у актового зала на 3-м уже волнуются человек 200, а за время нашей поездки, наверное, собралось уже больше. Ректор спросил: «Партбюро принимало решение?» Я пояснил: «В кабинете партбюро было 5 человек вместе с И. С. Лыгиным, который, высказав запрещение представлять “Телевизор”, посоветовал съездить к Вам».

Около 20:00 мы приехали в университет. Ректор зашёл в кабинет секретаря партбюро (Л. Гуревич остался в коридоре со студентами), спросил: «В чём дело?» И. С. Лыгин пояснил, что так называемый спектакль, по мнению партбюро, не отвечает необходимым требованиям. Кто-то сказал, что в другом свете представлена наша действительность. «Вы смотрели?» – спросил Борис Иванович. Никто не смотрел. «Ну, так давайте сами посмотрим вместе со студентами; их выпроваживать из коридоров теперь невозможно. Открывайте актовый зал. Остальное беру на себя». Ключи от зала были у меня. Ректор вышел к студентам. Сказал, что сейчас начнём. Чтобы не было толкучки, в дверях стали Леонид Гуревич и член комитета ВЛКСМ Иван Масленников. Студенты спокойно вошли. Зал наполнился до предела; стояли в проходах. Собралось около 600 человек. После непродолжительной актёрско-режиссёрской суеты представление началось. После каждого сюжета зал взрывался хохотом. Так называемый телеэкран (вся рампа сцены была затянута подсинённой марлей) иногда гас, пародируя телепомехи. Приставленный к нему студент хлопал ладонью по ящику, «экран освещался». Сатирическое «телеобозрение» длилось около полутора часов. Закончилось продолжительными и сверхбурными аплодисментами.

Ректор пригласил меня, Леонида Гуревича и одного члена партбюро, который активно возражал показу спектакля, в кабинет. И. С. Лыгин как секретарь партбюро, само собой, пошёл вместе с ректором впереди нас.

Как бы предопределяя беседу, ректор сказал, что ничего предосудительного в спектакле он не заметил, хотя кое-что можно было бы сделать иначе. Предложил высказаться. Все молчали. Л. Гуревич пытался что-то сказать. Борис Иванович остановил его и предложил высказать своё мнение доценту филфака (не называю его, он много хорошего сделал для ВГУ и заслуженно стал заслуженным учёным). К моему радостному удивлению, тот отметил хорошую режиссуру, игру некоторых студентов, некоторые удачные, как он сказал, скетчи. Но «всё же это превратное изображение нашей действительности». Я сказал, что комитет комсомола был в курсе дела на всех стадиях подготовки «телеспектакля», что-то советовал усилить, что-то стушевать, что-то изобразить иначе. Руководитель группы Леонид Гуревич в основном соглашался, хотя и спорил, что-то изменял, но в целом жанр сатирических и комических телеобозрений очень нужен нашему студенчеству для его вос-

питания и развития художественной самодеятельности. Лёня Гуревич, не оправдываясь, сказал, что никаких клеветнических намерений творческая группа и он как режиссёр не только не закладывали в «телеобозрение», но даже задней мысли такой не было. Мы хотели смехом бороться с недостатками и глупостями в жизни: «Оскорбительно, – добавил он, – приписывать нам клеветнические намерения».

Борис Иванович в целом одобрил «телеобозрение» и особенно самодеятельную инициативу студентов. Поддержал мысль о том, что смех – хорошее средство исцеления от глупостей и для преодоления недостатков. Отметил ряд удачных и по содержанию, и по актёрско-режиссёрскому исполнению сюжетов. Указал на неудачные. Посоветовал, от каких «хохм» следует отказаться и как поднять культуру остроумия. В молодости Борис Иванович увлекался театром (это осталось у него на всю жизнь) и сам играл в самодеятельных спектаклях.

Беседа в кабинете ректора шла спокойно. В заключение молодой ректор поблагодарил Леонида Гуревича, пожал ему руку и сказал, что у него есть хороший режиссёрский и организаторский талант и пожелал их развивать.

Когда мы вышли из ректорского кабинета (ректор и секретарь партбюро минут на десять задержались), на лестничной площадке и на лестнице стояло 50–60 студентов. В основном участников «телеобозрения». Борис Иванович поблагодарил студентов и посоветовал идти поспать, потому что завтра с 8:00 занятия. Студенты зааплодировали и хором вскрикнули «Спасибо».

Так закончился инцидент по поводу студенческого самодеятельного «телеобозрения». Этот жанр потом использовался несколько раз и стал, по-моему, предтечей созданного группой Л. Кройчика знаменитого «Театра миниатюр». Но это уже другая история.

Сюжет о так называемом «Телевизоре», самодеятельном сатирическом спектакле-обозрении, подготовленном группой талантливого студента Леонида Гуревича, получился несколько длинноватым в моих воспоминаниях. Какое-то подсознание побуждало описать его подробно. Наверное, не случайно. Конфликтное (тогда говорили: скандальное) событие случилось в самом начале ректорства Бориса Ивановича Михантьева (тогда ещё нового человека в ВГУ) и моей общественной работы, вхождения в сложную структуру университетского коллектива и управления. Оно выявило различные (столкнувшиеся) позиции и потребовало самоопределиться и принять решение. Борис Иванович блестяще, спокойно и разумно справился с первым морально-психологическим вызовом университетскому управлению. Инцидент, грозящий перерасти в политический скандал, погас. Для меня это было не просто поучительно, а жизненно важно. На этом, казалось бы, незначительном, эпизоде университетская общественность поняла: пришёл ректор, способный найти разумный, достойный выход из сложной ситуации, пришёл волевой и демократически мыслящий руководитель.

Комсомольская организация ВГУ занимала достойное место во всех структурах комсомола Воронежской области. Наши представители входили в состав

райкома, в городской и областной комитеты ВЛКСМ. У меня сложились деловые и личные хорошие отношения с секретарём обкома ВЛКСМ Николаем Журавлёвым, там же работала бывшая однокурсница и добрый друг Тамара Иванова.

Как будто всё шло нормально. Однако комсомольская работа тяготила. Очень трудно было сочетать её с философской аспирантурой, хотя сама по себе она давала очень многое для познания человеческих отношений и самоопределения в них. Между прочим, среди нынешних дорогих моему сердцу, да и по работе друзей – почти все, с кем дружба завязалась в комсомольские студенческие годы: член-корреспондент, профессор-геолог Николай Михайлович Чернышов, доцент-историк Владимир Семёнович Листенгартен, профессор-физик Эвелина Павловна Домашевская, профессор-физик Анатолий Николаевич Латышев, доцент-философ Анатолий Павлович Дьяков. А сколько их ушло, но о которых ещё предстоит вспомнить…

Я не собирался связывать свою жизнь с профессиональной общественной работой, хотя никогда не уклонялся и не уклоняюсь от общественной деятельности. Меня тянуло к философии, к исследовательской и педагогической работе. К тому же научный руководитель Борис Моисеевич Бернадинер «скидок» по аспирантуре никаких не давал и мою занятость комсомольскими делами никоим образом во внимание не принимал. Каждый четверг нужно было отчитываться перед ним: что прочитано, что продумано, что написано, что планирую и т. д. Но дело не только в необходимой и нужной требовательности научного руководителя. Меня тянула, втягивала, если можно так сказать, сама философия, её проблематика, столкновение идей, сами идеи, взаимоотношения с другими науками, особенно с физикой.

Государство в те времена финансово поддерживало аспирантов. Даже независимо от качества их занятия и диссертационного продвижения. Стипендия составляла 680 рублей и без задержек ежемесячно выплачивалась. Кроме того, ежеквартально выдавалось по 680 рублей на покупку научной литературы и подписку на научную периодику. «Книжные деньги» играли важную роль. Литературы научной тогда издавалось не так уж много. Да и цены на весьма солидные монографии (издательства «Наука») были вполне приемлемыми. Можно было за аспирантские «книжные» собрать хорошую личную библиотеку. С тех пор у меня сформировалась устойчивая привычка (установка, по понятиям психологов, инстинкт) систематически следить за научными изданиями, покупать книги, выписывать журналы. Посещение книжных магазинов стало элементом образа жизни. К сожалению, в постсоветской России такой финансово стимулирующей поддержки аспиранты не имеют. Вряд ли это объясняется финансовыми трудностями. Недооценка необходимости финансовой поддержки науки – «дурной» обычай нынешней власти. И она не перекрывается куцей поддержкой избранных молодых учёных так называемыми грантами.

Мне кажется, что у вузовской молодёжи с 90-х годов прошлого века начала разрушаться установка на систематическое отслеживание научной литературы и формирование личных библиотек. Книги, журналы подорожали, финансовые ресурсы

студентов, аспирантов, ассистентов, даже доцентов, не имеют той государственной поддержки, что была четверть века тому назад. Правда, есть преимущества перед прошлым поколением – погружение в Интернет, владение компьютерными технологиями. Информационные ресурсы расширились. Это важно. Но методологическая культура их освоения вряд ли поднялась. Довольно часто, по моим наблюдениям, критическое освоение заменяется ознакомлением. Может быть, я ошибаюсь, но тем не менее выскажу своё мнение: книга побуждает размышлять и тем самым стимулирует интеллект; Интернет расширяет информационное пространство (это его неоспоримое преимущество), но приучает, скорее, «глотать» информацию, отбирать приглянувшееся, но не стимулирует размышления. За долгие десятилетия работы со студентами (дипломные трактаты), с аспирантами (диссертации) у меня выработалось своё «чутьё», некое умение отличать тексты, которые сложились у автора в результате самостоятельного осмысления книг и интенсивного собственного научного мышления, и тексты, родившиеся из интернет-ресурсов (кстати, не всегда плагиаты). Раздвигая информационное пространство, ускоряя его разработку, компьютерные технологии менее эффективно способствуют развитию самостоятельного, тем более оригинального, научного мышления, чем более трудоёмкое освоение достижений той или иной науки (особенно в гуманитарных) через книги и научную периодику. Но опять скажу, возможно, что я ошибаюсь. Серьёзных исследований по этой проблеме практически не ведётся.

Сложность сочетания работы секретаря комитета ВЛКСМ ВГУ и выполнения аспирантской программы усугублялась у меня тем, что квартирные обстоятельства не позволяли мне в домашнем уединении читать философскую литературу, делать подготовительные материалы к диссертации. Приходилось почти до полуночи заниматься в кабинете кафедры философии или в переполненном читальном зале красного корпуса. Кстати, читальный зал всегда был переполнен даже в поздние вечерние часы. Увы! Теперь такого нет. Будучи профессором, я часто заходил и часа по полтора-два работал (читал научные журналы, статистические справочники и т. п.) в студенческом читальном зале в корпусе № 8 (там располагаются исторический факультет и факультет международных отношений). Как правило, даже в экзаменационные сессии только 5–6, редко 8 студентов над чем-то работали, хотя читальный зал удобен, хорошо освещён, есть компьютер, а самое главное – необходимая учебная и справочная литература, десятка два научных журналов и регулярно выставляется поступившая в библиотеку новая научная и учебная литература. Студенты отучились то ли пользоваться читальными залами, то ли читать научную литературу…

В 50-е и последующие годы график аспирантской работы строился по простой схеме: в первый год обучения – подготовиться и сдать экзамены. У нас их было, как помнится, четыре: по диалектическому материализму, по историческому материализму, т. е. по двум составным частям марксистско-ленинской философии,

по истории философии – античной, древнекитайской, индийской, до западноевропейской и американской; история русской философии в программе была представлена обеднённо, только некоторыми знаковыми фигурами, философия конца XIX – начала XX века была представлена только Плехановым, Лениным; и по иностранному языку. Никаких лекций, семинаров не было. По кафедре философии научный руководитель еженедельно консультировал аспирантов (точнее, мы перед ним отчитывались и часто обсуждали отдельные философские проблемы). В начале 2-го года обучения, после сдачи всех экзаменов – педагогическая практика (кажется, часов на 100; чтение лекций студентам, проведение семинарских занятий).

Экзамены я благополучно сдал в установленные сроки, да, к своему удивлению, за владение английским языком мне поставили «отлично», что было, конечно, чрезмерно. А вот знания истории философии оценили почему-то на «хорошо». Что тоже было неверно. Готовился я основательно. И, кстати, до сих пор знания истории философии (они постоянно пополняются) были и остаются моей опорой и в научных исследованиях, и в педагогической деятельности (особенно при чтении лекционных курсов «Политическая философия», «История социологии» и др.). Выявились на экзамене неглубокие знания философии польского философа Лелевеля. Это было странно, потому что знакомый мне аспирант-историк исследовал политические воззрения Лелевеля и мы несколько раз с ним беседовали об этом польском философе. Стало быть, я споткнулся на польском вопросе… Кто на нём не спотыкался?

Кантовская антиномия свободы и необходимости, императивы комсомольской работы и аспирантуры терзали меня всё больше и неотступнее. Я не мог всецело быть свободным в комсомольской работе. Не потому, что были какие-то ограничительные уставные рамки (они были, но не стесняли, их просто нужно было знать). Своего с жёсткой необходимостью требовала аспирантура. Но я не был свободен в аспирантских штудиях философии: что-то неотвратимо, необходимо требовала функция секретаря одной из крупнейших в городе и области комсомольских организаций. Приходилось изыскивать всё новые и новые ресурсы и выжимать из них максимум возможного. За счёт сна и, как теперь говорят, оптимизации рабочего времени, ибо свободного фактически не было. Антиномия свободы и необходимости (тема моего предстоящего диссертационного исследования) стала реальностью с первых шагов моего вхождения в практику научно-педагогической и общественной жизни в Воронежском университете. Всё более и всё острее сверлила мысль каким-то образом освободиться от должности секретаря комитета ВЛКСМ. Проблема оказалась трудной, но всё же разрешимой. Пришлось просить, уговаривать, доказывать. Наконец, в октябре 1954 года состоялась отчётно-выборная конференция. За комитет ВЛКСМ я отчитался, и меня отпустили.

Теперь можно было сосредоточиться на диссертационной теме. Ещё летом 1954 года во время каникул и отпуска, по обычаю тогдашних аспирантов-обществo-

ведов и гуманитариев, чуть больше месяца изучал различную литературу по теме в Москве, в главной библиотеке страны (тогда она носила имя Ленина, теперь именуется просто «Государственная»). В ней была отличная библиографическая служба, каталожная система (традиционная, компьютеров тогда не было), прекрасное обслуживание, отличные читальные залы. Мой рабочий день начинался около 9 утра и чаще всего заканчивался в половине 10-го вечера. Необходимые книги, журналы заказывались накануне, и к утру работники их доставляли из хранилища. Восхищала чёткость работы, сбоев никогда не было. Однако не все прошлые издания можно было получить. Многое было в спецхране и выдавалось по так называемому спецдопуску, которого у меня не было. В частности, по моей теме мне нужна была (да и просто хотелось прочитать) работа Н. А. Бердяева «Философия свободы». Никакие мои ухищрения не помогли. Молодые умы тогда оберегали от многих интеллектуальных течений не только Запада, но и русской философской мысли. Это обедняло научно-интеллектуальные ресурсы становления и развития молодых обществоведов и стимулировало вместе с тем невротическую тягу к запрещённому. Навёрстывать и приобщаться к ценностям русской общественно-политической мысли, от которой нас оберегали, а может, вернее, которую от нас оберегали, свободно довелось только с 60-х годов прошлого века. Хотя кое-что попадало и раньше, даже из философских изысканий «гибнущего» западного капитализма.

Необходимо было более точно, а самое главное – более осмысленно определиться с темой диссертационной работы и её проблематикой. Общее направление было определено ещё в первые аспирантские месяцы: диалектика необходимости и свободы. К середине 50-х годов в советской философии появился повышенный интерес к философским категориям: необходимость и случайность, действительность и возможность, закономерность и вероятность, содержание и форма и др. Среди них особое место занимала необходимость и свобода. Традиционно со времён Канта и Гегеля категории рассматривали как ступеньки познания категории мышления. Специфика «антиномичной пары» – необходимости и свободы – заключается в том, что она представляет собой не только категории мышления, не только ступеньки познания, но диалектику человеческого поведения. Это – категория человеческого поведения во всех его аспектах: психологических, психофизиологических, этических, политических, социальных.

В результате консультаций с научным руководителем профессором Б. М. Бернадинером тема конкретизировалась и определилась «Исторический детерминизм и проблема свободы». Кафедра и Учёный совет утвердили эту формулировку. Она была в том философском пространстве, которое у нас именовалось «Исторический материализм», а на Западе – чаще всего «Философия истории», «Социальная философия». Но я считал, и научный руководитель подталкивал в этом направлении: для разработки избрания темы нужно хорошо знать и другие аспекты антиномии необходимости и свободы. В истории философии, да и психологии, этики

сложилась устойчивая традиция дискуссий по проблеме свободы воли, трактуемая вне исторического процесса и применительно к поведению отдельно взятого индивида. Формулировка «Исторический детерминизм и проблема свободы» ориентировала на более широкую проблематику исторической обусловленности и свободы человека в общественном развитии, в поведении социальных общностей. Но, используя все исторические книжно-журнальные ресурсы, я стремился вникнуть в различные концепции взаимодействия необходимости и свободы в человеческом социальном поведении; в отношении объективного и субъективного, стихийного и сознательного.

Но меня затягивал и более широкий круг философских вопросов. Кафедра философии, возглавляемая профессором Б. М. Бернадинером, была в университете и в городе центром интенсивного научного общения представителей различных наук по философским проблемам естествознания. Да и в философском сообществе СССР интерес всё более и более в ту пору смещался к философским вопросам физики, биологии, математики. К сожалению, философов почти не занимали философские проблемы гуманитарных наук, впрочем, как и представителей этих наук. Молодому, начинающему философу, да к тому же с филологическим университетским образованием, казалось, что, не постигнув философские проблемы физики (она бурно развивалась), невозможно овладеть современным философским мышлением. Я усердно читал статьи в «Вопросах философии», книги по этой проблематике. Мало что в них понимая, решил проштудировать несколько учебников по физике для студентов. Однажды на прилавке в книжном магазине увидел учебник Ландау и Лифшица по теоретической физике. Обрадовался, купил. Увы! Мои мозги, сколько их ни пинал, оказались не в состоянии хоть что-нибудь усвоить, ибо они остановились в своё время на стадии учебника по физике для 10-го класса. Книга Ландау и Лифшица до сих пор хранится в тылу моей обширной библиотеки. Нарочно оставил её как памятник моих безутешных и безуспешных трудов над тем, что постичь запоздал. Но когда университетские физики выходят на мировоззренческие вопросы, понятия, с удовольствием их слушаю и понимаю. Знаменитый профессор ВГУ по теоретической физике Лев Павлович Рапопорт удивлялся этому, однако чаще всего при встречах (к сожалению, редких) мы беседовали с ним по общим философским вопросам и удивляться наступала моя очередь. Он был сведущ в новинках отечественной и зарубежной художественной литературы; очень начитан, эрудирован, отличался тонким вкусом и критическим анализом.

По философским мировоззренческим вопросам своей науки интересные доклады на методологических семинарах делали геолог и доцент Илья Яковлевич Фурман (его оригинальная внешность поворачивала головы воронежцев ему вслед) и особенно профессор Митрофан Степанович Точилин, человек неуёмной энергии и покоряющего обаяния.

Дискуссионными философскими вопросами биологических наук были проблемы наследственности и изменчивости, условных и безусловных рефлексов (тео-

рия академика И. П. Павлова). В чём-то они были близки филологическим наукам. В теории литературного процесса, в теории и практике художественного творчества категории наследственности и изменчивости оборачивались категориями традиций и новаторства. Напомню, что в 50-х годах в биологических науках доминировала детерминистская трактовка естественной эволюции, господствовала лысенковская концепция обусловленности эволюции внешней средой, а генетика в Воронежском университете (Дубинин, Петров) была разгромлена как антинаучная, противоречащая диалектико-материалистической философии. Дискуссионно интересными были доклады доцентов К. В. Скуфьина (позже – профессор), А. И. Лакомкина (позже – профессор). Однажды на философском семинаре (ещё в красном корпусе) доклад делал известный психофизиолог (фамилию не буду называть) из Москвы. Речь зашла об эволюции поведения высших животных в процессах общения с человеком. Москвич был сторонником лысенковской концепции эволюции. Конечно, поведение животных как-то изменяется под влиянием человека (внешней среды по отношению к животным). Но является ли это результатом естественной эволюции или научения? Докладчик утверждал: это и есть естественная эволюция. Кто-то спросил: «А каковы её пределы?» Докладчик ответил, в том смысле, что предел только во времени существования человека, но эволюция ускоряется. Последовала реплика: «В некоем отдалённом, но ускоренно приближающемся будущем и свинья заговорит по-человечески и под занесённым над ней ножом однажды воскликнет: “За что?”». В хохоте диспутантов московский профессор смутился. Потом рассмеялся: «Хорошую свинью Вы подложили». Доведённая до логического конца его мысль (по лысенковской методологии) обнаружила свою абсурдность. Профессор И. А. Руцкий (классический дарвинист), абсолютизируя адаптационный детерминизм (эволюция как следствие приспособления к внешним условиям) отвергал мутационный индетерминизм.

Нужно заметить, что профессор Б. М. Бернадинер искусно руководил дискуссиями по философским проблемам естествознания, умело уклоняясь от перевода их в идеологические распри, тем более в обвинения. Любителей подмены научных, философских дискуссий в идеологические препирательства в середине 50-х годов, да и в последующие десятилетия, было немало; в стране в первое постсталинское время ещё витал дух разгрома генетиков, постановления ЦК КПСС о журналах «Нева» и «Ленинград», остракизма вокруг поэзии А. Ахматовой. Влияла и нарастающая идеологическая война Запада и СССР. В ходе дискуссий Б. М. Бернадинер, проявляя и заинтересованность в обсуждаемых вопросах, и обширную эрудицию, выполнял роль не столько авторитетного руководителя, сколько, говоря современным научным языком, роль медиатора, стимулируя участников семинара переходить от позиционной дискуссии к научному понятийному дискурсу.

Для молодых преподавателей, ассистентов, аспирантов такое обсуждение философских проблем естествознания имело особое значение в формировании научного мышления и становления личности.

Оставив весьма хлопотливую и ответственную функцию секретаря комитета ВЛКСМ, я не выключился из общественной жизни университета, и меня наряду с другими аспирантами включили в состав редколлегии университетской газеты «За научные кадры», сменившей клише на «Воронежский университет», кажется, в 1957 году. Редактором газеты на общественных началах был аспирант-историк Менжулин. Но он в редактирование номеров газеты не включался. Эти функции в основном выполняли ответственный секретарь газеты, неутомимый Николай Иванович Зиновьев (штатная должность), аспирант-филолог талантливый стилист Борис Владимирович Кривенко (будущий профессор и заведующий одной из кафедр факультета журналистики) и я. Всего в составе редколлегии было человек 7. Мы регулярно собирались. За этим строго следил редактор Менжулин. Обсуждали поступившие материалы, отбирали для очередного номера, планировали, что сделать для следующего номера. Газета выходила раз в неделю, без сбоя. Площадь её была небольшая: двуполоска в половину листа газеты «Коммуна». После – четырёхполоска, т. е. в полноразвёрнутый лист «Коммуны». Вокруг газеты сложился студенческий актив, поставлявший свои материалы. Хорошо помню Льва Кройчика, будущего профессора, создателя «Театра миниатюр», заведующего одной из кафедр факультета журналистики, талантливого журналиста. Его фельетоны о житье-бытье студентов регулярно появлялись в нашей газете. Олег Ласунский – будущий знаменитый в России книговед, исследователь провинциальной литературы, краевед – свои первые книговедческие заметки публиковал в газете университета. Одной из первых была о библиотеке известного историка профессора Ильи Николаевича Бороздина, в молодости встречавшегося с В. Брюсовым, С. Есениным и другими поэтами, которые дарили ему сборники своих стихов. Владимир Гусев – будущий профессор, писатель, литературный критик – доверял нашей газете свои стихи, короткие рассказы, очерки. В университетскую газету впервые после реабилитации и возвращения из мест «куда Макар телят не гонял» принёс свои стихи воронежский поэт Геннадий Лутков.

Газета была органом ректората, партбюро КПСС, профсоюзных организаций сотрудников и студентов. Редактор, которым я вскоре стал на общественных началах, утверждался партбюро, ответственный секретарь (штатная должность) назначался приказом ректора. Редколлегия планировала свою работу обычно на месяц вперёд (четыре номера). В план вносились значимые крупные вопросы университетской многосторонней деятельности. Члены редакции получали задания «провернуть тот или иной вопрос» и обеспечить соответствующие материалы. На первой полосе обычно публиковался «гвоздевой» материал, касающийся важных вопросов учебного процесса, научных исследований, жизни студентов. Часто заметки, размышления, критические материалы присылали доценты, профессора, студенты самостоятельно (без предварительного заказа).

Печаталась газета в типографии газеты «Коммуна» (на проспекте Революции). Каждый вторник рано утром я, редактор, шёл в типографию, вычитывал

вёрстку и подписывал номер для тиража «в свет». Макет очередного номера мы готовили вместе с секретарём газеты. Николай Иванович Зиновьев был мастером макетирования номеров газеты. Работал он десятки лет. При нём и благодаря его стараниям газета стала называться «Воронежский университет» и увеличила свою площадь до 4 полос. Велась подписка на газету (цена номера 2 копейки), купить можно было у швейцаров, но более половины тиража распространялось по подписке. Между прочим, в конце 80-х – начале 90-х университетскую газету можно было купить в нескольких городских киосках. Газета «Воронежский университет» привлекала обильной и оперативной вузовской информативностью, проблемным содержанием и добротными литературными качествами. Она играла немалую роль в жизни всех слоёв университетского коллектива, доминировала среди вузовских многотиражек.

Вернусь к своим аспирантским делам. На кафедре философии был строгий порядок: аспиранты дважды в год отчитывались о том, как продвигаются их дела. Каждая подготовленная глава диссертации обсуждалась кафедрой на заседании. Предварительно представленную главу должны были прочитать 3–4 преподавателя, кроме научного руководителя, и все аспиранты (4–5 человек). Поэтому текст главы в 3–4 машинописных экземплярах представлялся месяца за полтора до обсуждения. Рецензенты заведующим кафедрой не назначались. Обсуждение было свободным. И, как правило, очень критичным, но не разносным. Научное товарищество и взаимопомощь – характерные черты внутрикафедральных отношений. В моей диссертации было три главы, и каждая из них была предметом критического анализа коллег. В мае 1956 года она была одобрена кафедрой. Можно было бы защищать: научный руководитель дал добро. Защиты кандидатских диссертаций в то время осуществлялись на заседании Учёного совета университета под предводительством ректора.

Но случилось непредвиденное. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) приняла решение: к защите принимаются диссертации, по которым опубликована монография или несколько статей в научных изданиях. Раньше инструкции по защите кандидатских диссертаций этого не предусматривали и не требовали. Поэтому аспиранты и не готовили специальные материалы для публикаций. Да и возможности публикации тогда, в 50-х годах, были хуже чем скромные даже для преподавателей. Выходы в свет «Трудов Воронежского государственного университета» были редкостью и отмечались почти как праздник. Защиты диссертаций застопорились по всем специальностям. У меня по этой и другим причинам – почти на 7 лет.

В октябре 1956 года закачивалась моя аспирантура. Угнетало торможение защиты готовой диссертации. Надо было выискивать пути и способы к публикации. Своего книгоиздательства ВГУ ещё не имел. Но самое главное – где работать. В отличие от получивших высшее образование, государственного распределения выпускников аспирантуры не было, во всяком случае, в нашем университете. Об-

ращение в ректорат ничего не дало; свободных ассистентских и преподавательских мест не было. Искать самому? В других воронежских вузах вакансий тоже не было. Подавать заявление на конкурс в вузы других городов не хотелось без прояснения перспектив защиты диссертации. К тому же учебный год начался, и никаких сведений о штатных возможностях в других вузах не было или они не доходили до меня (хорошо теперь: по Интернету можно выяснить штатные вакансии в любом вузе не только России).

Кафедра и её заведующий не оставляли меня без внимания и помощи. Предложили на условиях получасовой оплаты рецензировать контрольные работы студентов-заочников по диалектическому и историческому материализму. Довольно быстро овладел искусством проверки и рецензирования студенческих работ. Более одной трети были переписаны с других работ, более ранних, или просто на новой обложке стояла новая фамилия. Постепенно вырисовывались перспективы штатной работы. По итогам объявленного конкурса на должность преподавателя я был принят в штат кафедры философии родного университета с 1 сентября. Но педнагрузку мне на 1957/58 учебный год определили ещё в июне. Зарплата –125 рублей (тогдашних).

Начало моей работы совпало со значимым событием в деятельности вузовских обществоведов, да и высшей школы в целом. В середине сентября 1957 года состоялось первое совещание обществоведов в Кремле под эгидой ЦК КПСС. Я был включён в состав делегации воронежских вузов. Но 14 сентября у меня родился сын Олег. Возникла проблема: ехать на столь важное (и впервые в моей жизни) Кремлёвское совещание или остаться дома, чтобы забрать жену Галю и сына из роддома. С Галиной Васильевой мы вступили в брак 7 мая 1954 года без свадьбы. Она заканчивала обучение на филологическом отделении историко-филологического факультета ВГУ. Два торжественных и важных события в моей жизни совпали в сентябре 1957 года. Родители мои и брат Николай без всяких сомнений высказались: «Поезжай на совещание, для тебя это важно в начале преподавательской работы. Сына и жену из роддома заберём и привезём. Он будет тебя встречать по приезде из Москвы. Не беспокойся». На этом и порешили.

Всесоюзное совещание вузовских преподавателей общественных наук в сентябре 1957 года не было случайным и имело определённый социально-политический смысл. Вернёмся в 1956 год. На достопамятном XX съезде КПСС в спецдокладе Н. С. Хрущёв подверг критике культ Сталина. Заметьте! Не генеральную линию КПСС, а культ личности Сталина. Доклад этот, первоначально засекреченный, но опубликованный за «железным занавесом» на Западе, вскоре стал зачитываться вслух партийному активу, а потом – на открытых партийных и комсомольских собраниях. В Воронежском университете в течение полутора недель его читали вслух в различных аудиториях для членов КПСС и беспартийных, преподавателям и студентам (иногда вместе), обслуживающему персоналу и работникам хозяйственной части. Довелось и мне быть чтецом. Открытых пуб-

личных обсуждений не было; таков был порядок процедуры ознакомления с докладом Н. С. Хрущёва. Иногда раздавались вопросы. Но чтец не имел права, да и не мог на них отвечать. Недоумений, конечно, было много. Дискуссии, сходы, разговоры о том, как это (культ Сталина и его репрессии) могло случиться, что же на самом деле происходило в политическом руководстве страны. Многие и постоянно умножающиеся вопросы волновали и возбуждали различные слои населения. Для сотрудников Воронежского университета, особенно старшего поколения, научно-педагогической общественности «разоблачение культа личности Сталина» и предание гласности (далеко не полной) репрессий 30-х годов усугублялось ещё и тем, что неотступно и остро вставали вопросы о тёмных событиях университетской жизни в 30-х годах, идеологических кампаниях после Великой Отечественной войны (особенно разгром генетиков в конце 1940-х годов) (см. приказ ректора Н. П. Латышева от 28 августа 1948 года).

Отношение к докладу Н. С. Хрущёва о культе личности Сталина было различным в зависимости, главным образом, от возраста и уровня образования ознакомившихся с его текстом. В университете было немало тех, кто прослушивал чтение доклада по два-три раза. В основном – представители старшего поколения и работники обществоведческих кафедр. Семинарские занятия по истории КПСС, философии, политической экономии проводить стало трудно. Довольно часто они превращались в ответы преподавателя на вопросы студентов: «Ваше отношение к докладу на XX съезде КПСС», «Почему о злоупотреблениях Сталина стали говорить после его смерти?», «Как относиться к произведениям Сталина?» и т. п., вплоть до вопроса: «Почему доклад Н. С. Хрущёва зачитывают вслух, но не публикуют в прессе?». Отвечать на вопросы было очень трудно, а зачастую невозможно из-за отсутствия полной информации, да и из-за недостатков методики информационного общения представителей общественных наук со студентами. Методика преподавания общественных наук зиждилась на технологиях авторитарного вещания истин, а не на доказательствах. Некоторые преподаватели боялись студенческих вопросов и, не умея ответить на них, классифицировали их как провокационные. Не всякий мог найти достойный ответ на правомерный студенческий вопрос. Да и спустя почти 60 лет (я пишу эти строки в феврале 2016 года) к докладу и по докладу Хрущёва о Сталине на XX съезде КПСС вопросов много, может быть, даже больше, чем во второй половине 50-х годов прошлого века. До сих пор, по-моему, нет объективного научного анализа того, что происходило в обществе, в верхних эшелонах политической власти, в государстве, в широких социальных слоях, да и с самим Сталиным и его непосредственным окружением, в которое входил и Н. С. Хрущёв.

Своеобразно ответил однажды профессор историк Илья Николаевич Бороздин в узком кругу студентов на вопрос о докладе на XX съезде КПСС. Илья Николаевич Бороздин – ученик одного из знаменитых учёных – историков и со-

циологов – на рубеже XIX–XX веков Максима Максимовича Ковалевского, был в сталинские времена репрессирован, с 1949 года стал заведующим кафедрой всеобщей истории ВГУ. Он внимательно прослушал доклад Н. С. Хрущёва, зачитываемый на открытом партсобрании историко-филологического факультета (ни в каких партиях он никогда не состоял). На вопрос: «Что Вы думаете, каково Ваше мнение?» стареющий историк ответил: «Сталин – жестокий, но великий человек. Он сыграл большую спасительную роль в войне против фашизма… А доклад попахивает навозом…» Мудрый историк чётко определил четыре пункта последующего размежевания общественного мнения (и высказал своё): методы власти Сталина, его исторический статус, его роль в Великой Отечественной войне и отношение к методу и стилю его критики (к докладу Хрущёва на XX съезде КПСС).

В руководящих политических и идеологических структурах страны возникла обеспокоенность относительно общественных последствий критики Сталина, в течение трёх десятилетий считавшегося и культивируемого как верного последователя В. И. Ленина и гениального вождя чуть ли не всего прогрессивного человечества. Необходимо было придать этому процессу определённую направленность для предупреждения и предотвращения возможных дестабилизирующих тенденций и освободить общественное сознание от давления сталинских догм и стереотипов культового мышления. Это было тем более важно, что приближалось 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

Кремлёвское совещание обществоведов (а главная их масса была сосредоточена в вузах) в сентябре 1957 года призвано было дать некие новые идеологические ориентиры: социализм без Сталина, но по Ленинскому пути.

Преподавание общественных наук (истории КПСС, философии, политической экономии) имело три основные функции: 1) научная (в том смысле и в том содержании, как она понималась в середине XX века): формирование научного мировоззрения, научной системы социального мышления у будущих специалистов; 2) идеологическая: формирование гражданского самосознания, ориентированного на активное участие в развитии социалистического общества; 3) социокультурная: соучастие вместе с представителями других профессионально ориентированных наук в формировании всесторонней и культурно образованной личности будущего интеллигента. Вторая и третья функции входили в понятие воспитания студенческой молодёжи как активных и сознательных членов общества и не противопоставлялись первой, а рассматривались в единстве, в идеале – в гармоническом единстве обучения и воспитания.

Кроме того, вузовские обществоведы вели научные исследования. Они представляли собой главную часть (по крайней мере, по численности) учёных, занятых в общественных науках, взаимодействуя более тесно, чем в академических институтах, с представителями всех наук – естественных, технических, гуманитарных.

Кремлёвское совещание в сентябре 1957 года было нацелено на некоторую переориентацию большого и чётко организованного корпуса вузовских обществоведов. В нём участвовали и учёные из институтов АН СССР, обладающие повышенным научным авторитетом. Участвовали и функционеры КПСС, как правило, не ниже статуса секретарей обкомов КПСС.

К сожалению, в моём домашнем архиве не сохранилось никаких записей, даже пригласительного билета и пропуска в Кремль. Обращаться к госархивам не имеет смысла. Пишу не документированную историю, а свои мемуары о Воронежском государственном университете. Но всё же кое-что вспомню.

Разместили нас в очень хороших гостиницах. Первые и последние пленарные заседания проходили в Кремле, в зале заседания Верховного Совета СССР, секционные – в только что осваиваемом высотном здании МГУ на Ленинских (Воробьёвых) горах. Философам достался актовый зал МГУ. Мы, особенно молодёжь, с трепетом ходили по коридорам, холлам и открытым аудиториям главного университета страны. Восхищались, сравнивали со своими вузами. Но все были в приподнятом настроении. Покупали книги. Питались в добротных (и по эстетике, и по обилию продуктов) столовых и буфетах. Завидовали и твёрдо надеялись: когда-нибудь и у нас, т. е. в наших вузах, так будет.

Ничего не могу вспомнить о пленарных и секционных докладах, кроме общей тональности. Выступали обществоведческие корифеи того времени профессора московские. По философии П. Н. Федосеев, Ф. В. Константинов, М. Б. Митин, М. Н. Руткевич (Свердловск), представители других наук, работники ЦК КПСС. Я был молод, стоял на первой ступеньке своей научно-педагогической лестницы. Сидел, слушал, раскрыв рот, не успевал осмыслить; впервые увидел учёных, книги которых читал, по учебникам которых сдавал экзамены. Из ВГУ никто не выступал даже на секциях. Заведующий кафедрой философии Б. М. Бернадинер участвовал в совещании, но не выступал. Он вообще был осторожен в подобных акциях. Все выступающие так или иначе говорили о важности общественных наук (на нашей секции – философии), необходимости творческого подхода, преодолении догматизма, кое-кто пытался вскрывать несостоятельность некоторых положений (догм) Сталина, схематизм его трактовки диалектического и исторического материализма, которую ещё 5–6 лет назад представляли как образец творческого развития философии Маркса и Ленина. Некоторые докладчики и выступающие удивляли свободным цитированием в дискуссиях работ Маркса, Ленина. Эрудированности некоторых выступающих на секции я завидовал и хотелось подражать.

Первое Кремлёвское совещание обществоведов было не столько научным общением вузовских учёных, сколько идеологической и политической акцией. Но такая оценка у меня сложилась через несколько лет, а тогда я был доволен, что принял участие в столь важном событии, хотя и пассивно.

Перед отъездом домой довелось побродить по магазинам (Москву я тогда плохо знал) и кое-что приобрести для сына, которого из роддома взяли мои роди-

тели и брат Николай. Жене Гале в награду за первенца удалось купить хорошие часы (она их долго носила и любила, хранятся до сих пор) и красивые туфли «лодочки», такие тогда были в моде, и в Воронеже их достать было невозможно, да и в каком-то московском магазине простоял в очереди часа два.

Дома меня ждал сын. Галя назвала его Олегом. Мне очень понравилось. А на кафедре в университете – свои дела и проблемы. Надо было разрабатывать лекционный курс по диалектическому материализму. Да ещё в свете «Кремлёвского совещания». Не помню, было ли заседание кафедры с повесткой дня «Кремлёвское совещание по общественным наукам и задачам кафедры философии». Наверное, было. Воронежский государственный университет к исходу 50-х годов набирал темпы своего развития практически по всем направлениям. Укреплялся и рос профессорско-преподавательский состав. В образовательном, учебном процессе росла численность студентов, открывались новые направления подготовки специалистов. Повышалось качество и расширялась тематика научно-исследовательской работы. Совершенствовалась организационная структура, открывались новые кафедры, возникали новые факультеты. В 1957 году в структуре ВГУ возник и стал успешно развиваться юридический факультет (на основе ранее существовавшего в Воронеже филиала Всесоюзного юридического заочного института). В 1959 году самый большой по студенческому контингенту, да и профессорско-преподавательскому составу, физико-математический факультет был разделён на два самостоятельных – физический и математико-механический (физфак и матмех – в университетском просторечии). Самостоятельность, как оно выявлялось впоследствии, придала особый динамизм и тому и другому, особенно матмеху, в котором сложилась математическая научная школа математиков, известная не только в СССР, Европе, но и в США, в странах Азии.

Одним из самых значительных событий не только в жизни университета, но и вузов Центрального Черноземья было создание в 1958 году книгоиздательства. Оно стало возможным благодаря целеустремлённости и энергии ректора Б. И. Михантьева. Необходимость в создании книгоиздательства высказал заведующий кафедрой философии Б. М. Бернадинер на заседании Учёного совета ВГУ, на котором представляли нового ректора – Б. И. Михантьева[1]. Собственное издательство значительно поднимало статус ВГУ среди других вузов. Университетских книгоиздательств в стране в 50-х годах было немного. Учёные ВГУ получили не только благоприятные условия, но и определённую издательскую свободу для публикаций результатов своих исследований и введения их в научный оборот. Благоприятные возможности открывались для тех, кто работал над кандидатскими и докторскими диссертациями. Учёные других вузов, не только воронежских, но и за пределами Центрального Черноземья завидовали ВГУ и пользовались его издательскими ресурсами. Первым директором нашего книгоиздательства был историк Дмитрий

[1] См.: Протоколы заседаний Учёного совета от 23.09.1953.

Владимирович Сивоволов. С 1958 года в университетском книгоиздательстве стала работать и моя жена Галина Никитична, вначале корректором, потом редактором, старшим редактором. До книгоиздательства два года она работала учителем русского языка и литературы, была активным лектором Воронежского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (ВОРПНЗ).

Рост студенческих контингентов, открытие новых факультетов, кафедр и других подразделений, приобретение нового оборудования всё более и более упирались в ограниченные площади учебной и научной деятельности. Главное здание (красный корпус) и другие корпуса были запредельно перегружены. Перегораживались коридоры, фойе, рекреационные, даже лестничные площадки. Ни у одного заведующего кафедрой не было своего отдельного «закутка», где бы он мог побеседовать с сотрудником, со студентом, о чём-то по работе поразмышлять наедине. Однако, между прочим, при всём дефиците рабочих площадей в главном корпусе, в вестибюле (при входе в здание – налево) работал хороший книжный магазин. Грустно становится, когда проходишь по коридорам нынешних университетских корпусов и не видишь ни книжно-газетных киосков, ни лотков. Что-то исчезает, утрачивается из традиционного университетского обихода при интенсивном развитии новой (но, однако, не заменяющей) инфраструктуры. Да и количество крепких стульев в хорошо оснащённых читальных залах стало почему-то намного больше, чем студентов, желающих и способных, присев на них, склониться над столом с раскрытой книгой. А может, это я, профессор преклонных лет, впадаю в ностальгию о времени, которое было трудным, но прекрасным… У нынешних студентов новые возможности, и, дай Бог, чтобы они их не упустили.

Проблема учебных, научных, хозяйственных площадей, помещений, жилья для студентов, прежде всего – для профессорско-преподавательского состава, категорически обострялась. Она тревожила всех, была главной заботой ректора. Борис Иванович настойчиво действовал по двум направлениям: паллиативному и стратегическому. Первое, паллиативное, направление заключалось в неустанном и настойчивом обращении в Министерство высшего образования, к городским и областным властям, к руководству крупных предприятий с просьбами о частичном финансировании строительства (пристроек, отдельных зданий, общежитий), передаче университету отдельных зданий, выделении квартир из фонда городского жилищного строительства. Борис Иванович был неутомим в этом трудном и, надо сказать, занудливом процессе. Он добился разрешения, финансирования и обеспечения фондами (строительными материалами) на 4-этажную пристройку к красному корпусу для библиотеки. Выпросил у городских властей здание бывшего кооперативного техникума по ул. Пушкинской (в нём разместились филологический и юридический факультеты, книгоиздательство и типография, вычислительный центр), а также небольшое здание переехавшего в другое место хореографического училища по улице Коммунаров (в нём после основательного ремонта и некоторых переделок

разместился геологический факультет; я долго ходил туда заниматься философией с геологами-романтиками, будущими основателями Дней поэзии ВГУ). Позже, к началу 60-х годов, удалось добиться строительства небольшого корпуса на площади Ленина, 10 (напротив Кольцовского сквера), связав его через двор со зданием по ул. Пушкинской. Это расширяло пространство филологического и юридического факультетов. Вместе с тем по настойчивым обращениям ректора, парткома КПСС и месткома профсоюзов горисполком выделял по 5–6 редко 7–8 квартир для преподавателей. Ещё до Михантьевского ректорства по улице 11 Мая (теперь Театральная, 19) был построен жилой дом, заселённый в основном преподавателями ВГУ (в нём была квартира моего научного руководителя профессора Б. М. Бернадинера). Завораживающую книгу о житье-бытье в этом доме написал А. Шуляковский[1], сын Е. Г. Шуляковского, одним из первых как фронтовик и декан получивший там квартиру. Однажды 6 квартир подарило университету управление Юго-Восточной железной дороги. Борис Иванович не стеснялся ходить «с протянутой рукой», добивался в год 10–13 квартир, иногда и больше.

Однако паллиативные меры, давая некоторое облегчение, не решали проблем. Университет нуждался в комплексном строительстве. Заинтересованно понимали это городские и областные власти и даже Министерство образования России и выше – СССР, которые в то время внимательно относились к Воронежскому университету и – без похвальбы – высоко ценили его и ректора Б. И. Михантьева. Но за стратегическую перспективу тоже надо было бороться. К сожалению, она так и не осуществилась в полном системном виде. Об этом надо сказать подробнее и так, как отложилось в моей памяти, и в моей неугасающей, несмотря на почтенные годы, мечте о новом университете. Новом и по своей материальной базе, и по структуре, и по социальному смыслу своей деятельности. В моей мечте (не подозревайте меня в тщеславии) многое из Михантьевской, как я её воспринимал в 50–60-х годах. Придётся кое с кем не согласиться, с кем-то поспорить, в чём-то самокритично признаться по проблеме стратегического замысла перспектив Воронежского государственного университета.

Ещё в самом начале 1950-х годов, до михантьевского ректорства, исполнительный комитет депутатов трудящихся города (горисполком) передал ВГУ в пользование территорию в самом начале улицы Плехановской, где когда-то располагался Митрофановский монастырь и его сад, сторожем в котором в молодости был, между прочим, А. Пешков, будущий великий русский писатель Максим Горький. Во время Великой Отечественной войны мощное здание монастыря было разрушено; его бомбили и немецкие, и советские самолёты как удобный наблюдательный пункт для корректировки артиллерийского обстрела любых точек города и для отслеживания передвижения войск.

---

[1] См.: *Шуляковский А.* Дом на Театральной (ностальгические заметки) : [о старом воронежском доме № 19 по улице Театральной]. Воронеж : Альбом, 2011. 175 с.

С точки зрения градостроительства место было выбрано очень удачно. Самая высокая точка Воронежа, над широкой и быстрой рекой. Несколько сот лет тому назад с него и начиналось заселение будущего города. Почти прямая улица Плехановская магистрально открывала дорогу на Москву. На этом месте университет выглядел бы эффектно в пространственном, историческом и социокультурном отношениях. Да и город получил бы выразительную архитектурную доминанту. Правда, был один, но очень серьёзный недостаток, который уже в 60-х годах отчётливо выявился, поставив вновь проблему комплексного строительства университета, и перечеркнул первоначальный романтический замысел. Территория – четыре гектара над обрывом вниз, к реке и справа – была слишком мала. По-видимому, те, кто выбирали место, не очень хорошо представляли, что такое университет в Воронеже. Руководствовались архитектурно-градостроительными соображениями (а они были соблазнительными), а не пониманием масштабности и многосложности образовательных, научных, культурных функций ВГУ и его перспектив. Университет не мог фундаментально и комплексно развернуться на предоставленной территории. Ему нужно было более широкое пространство. Через некоторое время случился и другой неприятный конфуз.

Архитекторы спроектировали монументальный ансамбль. В центре композиции – высотный главный корпус с монументальным порталом. Его фасад, обращённый к реке, выглядел также торжественно, как и фасад, выходящий на площадь. Центральная высотная часть главного корпуса гармонично дополнялась башенками на боковых корпусах. Ансамбль хорошо просматривался и с магистральной Плехановской улицы, и с левого берега, и с боковых улиц. Можно было только восхищаться искусству архитекторов, спроектировавших на малом пространстве столь монументальный и вместе с тем динамично устремлённый вверх ансамбль как символ интеллектуального потенциала науки, образования, культуры. Проект широко обсуждался в начале ректорства Б. И. Михантьева, которому проект понравился и основательностью, и архитектурно-эстетической выразительностью. В ходе обсуждения проект был одобрен. Замечания высказывались только по внутренней планировке. Сотрудники физико-математического, химического, биолого-почвенного факультетов высказывали предложения о специфике размещения и обустройствах лабораторий. Студенты обращали внимание на акустические характеристики аудиторий, их оборудование, создание условий для активного отдыха, культурных мероприятий и т. п. Ректора Б. И. Михантьева можно было увидеть на разных обсуждениях, как и архитекторов. Научно-педагогическая молодёжь радовалась, в каких благоприятных условиях она будет работать в не столь отдалённом времени.

И всё в одночасье рухнуло. В своей обстоятельной научной монографии «Воронежский университет. Вехи истории. 1918–2013» (2-е издание, 2013) профессор М. Д. Карпачёв так объясняет крушение архитектурного проекта нового ВГУ. Ведущий архитектор Воронежа профессор Н. В. Троицкий (автор здания управ-

ления ЮВЖД) предложил архитекторам Л. Н. Суковнину, А. П. Станиславской, В. М. Павлову «замкнуть Плехановскую улицу ещё более сильной композицией» – небольшой надстройкой над центральной частью главного корпуса «по типу ленинградского Адмиралтейства». «Это дало бы более чёткую доминанту началу Плехановской улицы и более правильно решило бы архитектуру всего ансамбля». Архитекторы учли предложение Н. В. Троицкого. Как историк М. Д. Карпачёв цитирует реальный документ и продолжает: «Но уже в процессе строительства волевым решением Н. С. Хрущёва, посетившего Воронеж в конце 1950-х годов, это “архитектурное излишество” из проекта исчезло»[1].

Дело обстояло не совсем так. Если в ходе строительства волевым решением в конце 1950-х годов были бы удалены «архитектурные излишества» в виде шпиля и башенок, то мы сегодня имели бы совершенно иной главный корпус: монументальный, высотный, но без «Адмиралтейской иглы». К концу 50-х годов строительство того, что мы с 1960 года называем главным корпусом, было близко к завершению. По роду моей работы (секретарь парткома) в то время мне часто, не реже одного раза в неделю, приходилось бывать на стройке и беседовать со строителями, отслеживать завершающий этап, его темпы. И то, что возникало на моих глазах, ничего общего с одобренным университетом и городом архитектурным проектом не имело.

Проект монументального университетского ансамбля в Воронеже был зарублен до начала строительства. По рассказу Бориса Ивановича Михантьева (макет будущего ВГУ долго стоял в его ректорском кабинете), порубил его действительно Хрущёв. И проблема была не в шпилях и башнях. Ему на утверждающую подпись представили проекты двух университетов: Харьковского (и он построен, архитектурно приподняв город) и Воронежского. Первым был представлен Харьковский. Никите Сергеевичу проект понравился, и он с ходу подписал (он когда-то работал в Харькове на ведущей властной должности). «А это чей?» – спросил он. «Воронежский», – ответствовали ему. «Воронеж – плохой город», – изрёк Хрущёв и не поставил своей подписи. Он не любил наш город, в котором не раз конфузился и во время войны, и в середине, и в конце 50-х, и в 60-х годах. Кстати, шпилями и башнями в 50–60-х годах не увлекался. Их было штук пять, и все они были удачно поставлены.

Борис Иванович Михантьев был крайне взволнован и долго мучительно переживал, не разглашая широко тайну гибели вековой мечты Воронежа, коллектива университета построить такой архитектурный ансамбль, который бы свидетельствовал: Воронеж – университетский город, и в котором можно было бы плодотворно учиться, вести научные изыскания, жить и работать. Б. И. Михантьев надеялся, что, может быть, удастся вернуться к добротному архитектурному и градостроительному проекту. Но время шло, и надо было что-то строить. Дефицит учеб-

[1] См.: *Карпачёв М. Д.* Указ соч. С. 394.

ных, научных, хозяйственных, социокультурных, бытовых площадей неумолимо нарастал. Так началось строительство центральной части и крыльев того четырёхэтажного корпуса, который тупо замкнул начало большой городской магистрали.

Ещё несколько строк из «архитектурной истории» главного корпуса. Начало его строительства затягивалось: проектирование, определение иных финансовых и фондовых средств, договоры с подрядчиками и субподрядчиками, подготовка строительной площадки – всё это требовало своего времени, хлопот и усилий для «утряски и увязки». Строительство корпуса на площади, которую впредь будут именовать Университетская, начал только в 1956 году трест Вузстрой. Первая трудность – расчистка места для возведения здания от остатков разрушенного в годы войны Митрофановского монастыря. Фундамент и фрагменты стен не поддавались никакой технике: ни механической, ни ручной. В глубокой древности умели строить на века. Кликнули клич воронежцам: «Кому нужны кирпич и камень для стройки, приходите, берите, сколько хотите, бесплатно». В первый день набежало несколько десятков с ломами, кирками и даже отбойными молотками. Трудились знатно. Через неделю почти никого не осталось. Что-то поотбивали, увезли. Фундамент монастыря не поддался никаким взломщикам. Один обломок весом тонн за 10 бульдозерами откатили в сторону улицы Фрунзе. Там он и остался. Можно было табличку прикрепить: «обломок от Митрофановского монастыря». Строители решили встроить остатки монастырского фундамента в университетский. Так и сделали. Когда готовили траншеи для закладки правого крыла корпуса, вскрылась немецкая 300-килограммовая бомба. Население из окрестных домов выселили. Сапёры поработали с бомбой; она оказалась невзрывоопасной, в ней не было взрывчатых веществ.

Строительство шло вяло. Б. И. Михантьеву (а с октября 1959 года и мне с ним как секретарю парткома ВГУ) часто приходилось встречаться с руководителями стройки (прораб М. Н. Какалия), обращаться к секретарям обкома КПСС с просьбой ускорить строительные работы, так как университету уже «невмоготу» вести учебный процесс в крайне стеснённых обстоятельствах. Было принято решение: вводить корпус в эксплуатацию поэтапно. К сентябрю 1962 года было введено левое крыло под учебный процесс и размещение физического, математико-механического и геологического факультетов.

Однажды со строительством решил лично на месте разобраться первый секретарь обкома КПСС (ведущая фигура в тогдашней структуре областной власти) Степан Дмитриевич Хитров (потом он довольно часто бывал в ВГУ). Первое, что ввело его в недоумение, вход в центральную часть корпуса со стороны площади никоим образом не был оформлен. Ни колонн, ни «козырька»; просто – дверь в стене – и прямо в коридор первого этажа. «Так по проекту», – пояснили ему. С. Д. Хитров на ректора: «Вы куда смотрели?», и потребовал хотя бы «козырёк» навесить. Потом, позже было достроено лёгкое остеклённое фойе. Нынешний

портал, архитектурно улучшивший облик главного корпуса, был спроектирован и сделан через четыре десятилетия сдачи в эксплуатацию главного корпуса ведущего вуза ЦЧО. Как бы там ни было, но университет получил ещё 30 000 квадратных метров для организации учебного процесса, развёртывания научных исследований, открытия подготовки специалистов по новым направлениям, формирования необходимых кафедр и факультетов.

Однако стратегический замысел Б. И. Михантьева, поддержанный всем коллективом ВГУ, осуществлён не был. Но свою мечту и свой долг учёного и гражданина он не оставил и им не изменил. Уже в начале 1964 года он стал воскрешать идею о комплексном строительстве Воронежского университета со всеми учебными, лабораторными, хозяйственными, социокультурными корпусами, общежитиями, квартирами для преподавателей и гостиницей для временно приглашённых учёных на новом месте с широкими пространственными возможностями. Место это он присмотрел: на выезде из города по Задонскому шоссе, где в 1942–1943 годах шли ожесточённые бои за Воронеж. Но предстоял трудный и длительный процесс отвода необходимой территории. Земли там были сельскохозяйственные и принадлежали колхозу. Борис Иванович не успел решить эту проблему; в 1965 году он ушёл в отставку с поста ректора. Ушёл молодым 58-летним. Его дело продолжил ректор Валентин Пименович Мелешко. В конце концов, с помощью первого секретаря обкома КПСС В. И. Воротникова ВГУ получил для генеральной застройки 96 гектаров земли в Коминтерновском районе: вправо от Московского проспекта по улице Хользунова. Но это уже другая история.

Вернусь в свою память и к своим личным обстоятельствам; тем более что они связаны с университетом и обусловлены университетом.

После Кремлёвского совещания обществоведов в сентябре 1957 года мне предстояло практически осваивать преподавательскую деятельность. В первом семестре (сентябрь 1957 – январь 1958 годов) педнагрузка у меня была щадящая. Лекции и семинарские занятия на географическом факультете по диалектическому материализму, семинарные занятия по историческому материализму на геологическом факультете вслед за читающей лекции Галиной Александровной Алёшиной (кандидат философских наук, заведующая отделом науки и образования обкома КПСС). С геологами работалось интереснее. Студенты живо интересовались философскими вопросами. Во-первых, на факультете многие преподаватели в своих курсах так или иначе затрагивали философские проблемы геологии. Творчески мыслящими в этом направлении были М. С. Точилин, И. Я. Фурман, О. Н. Преображенская и др. Во-вторых, у студентов-геологов была большая практика, в годы учения им приходилось не только бывать в разных экспедициях, поисковых группах, но и встречаться с людьми иногда необычных биографий. Сама практика побуждала к философским размышлениям. Но не столько над абстрактными понятиями, сколько над реалиями природных явлений и человеческих отно-

шений. Готовиться мне приходилось к каждой лекции и к каждому семинарскому занятию не менее 5–6 часов. И всегда надо было быть готовым к самым неожиданным вопросам. Облегчала самоопределение в методике преподавания философии практика работы кафедры. Периодически проводились опытными и молодыми преподавателями открытые лекции, семинарские занятия. Заведующий кафедрой Борис Моисеевич начинал с себя; два раза в год он давал открытые лекции (теперь такие занятия называют мастер-классами) с последующим обсуждением на кафедре. Обсуждение было свободным, товарищеским и профессиональным. Аналогичные занятия проводили и другие преподаватели. Был специальный график таких акций, очень ценных для аспирантов и молодых преподавателей. Замечу, кстати, аспиранты обязаны были принимать участие в обсуждении любой лекции, кто бы её ни читал, даже сам заведующий кафедрой. Отмолчаться не удавалось: кафедральная демократия не позволяла. Внимание при обсуждении той или иной лекции обращалось на соответствие её содержания достижениям философии по данной теме, эрудиции лектора, методике отработки понятийного аппарата, композиции лекции, стилю изложения, чёткости постановки проблем в начале лекции и выводов в конце, на голосовые данные преподавателя, связь с профилем факультета и т. п. Это была очень хорошая предметная школа педагогического мастерства.

К сентябрю 1957 года в наш университет приехали на обучение первые иностранные студенты. Приехали из Узбекистана… греки. Пять юношей 20-летнего возраста. По-русски говорили неважно. Довольно энергичные. История их драматична. После поражения в Греции левого демократического движения ЭДА большие потоки мигрантов из Греции хлынули на Балканы (в основном в Югославию) и в СССР. Главная масса беженцев – дети; родители спасали своих детей. Так уже было в конце 30-х годов, когда фашисты захватили власть в Испании.

Мне и поручили курировать группу иностранных студентов. Нужно было помочь освоиться (адаптироваться) в Воронеже, обустроиться в университете, определиться с факультетами, специальностями, познакомиться со студентами. Самое главное – им нужен был человек, к которому они могли бы обращаться со своими проблемами и которого они могли, в случае необходимости, быстро найти. Меня найти было просто: кафедра философии располагалась в учебном секторе 1-го общежития, куда и поселили студентов-греков, редакция «Воронежского университета», которую я возглавлял, – в вестибюле красного корпуса на проспекте Революции.

Фамилии всех студентов-греков вспомнить не могу. Тем более что через полтора-два года трое уехали, найдя родственников в Югославии и установив с ними связь. Двое – Илья Яну и Георгис Веллас – остались на историко-филологическом факультете и, получив высшее образование по исторической специальности, стали преподавателями. Илья Яну женился, защитил кандидатскую диссертацию и до пенсии работал, получив звание доцента. Георгис Веллас через некоторое время

вернулся в демократическую Грецию. И тот и другой считали Россию и Воронеж своей второй Родиной. Г. Веллас стал известным поэтом своей любимой Эллады. Сборники его стихов издавались и в Греции, и несколько раз в России. Некоторые из стихов перевёл мой сын Олег. Ведущий воронежский переводчик – Е. Новичихин. Сборники стихов Георгиса Велласа есть и в моей домашней библиотеке. Он не терял связей с Воронежем, с университетом, с историческим факультетом. Его стихи публиковались и в поэтических изданиях ВГУ. Г. Веллас часто приезжал, приглашал в гости в Элладу. Но я так и не собрался. В одной русскоязычной газете в Греции он опубликовал несколько моих стихов, случайно попавших ему в руки. Умер Георгис Веллас в январе 2015 года. На историческом факультете его многие светло помнят. Георгис любил Россию. Вот строки из стихов (перевод Евгения Новичихина):

Я хочу, чтоб ты знала, Россия,
о том
Как была безгранична
печаль расставанья,
Как жестокой разлуки
трудны испытанья,
От которой давно уж –
вся жизнь кувырком.
Я хочу стать частицей
твоей доброты
И твоей справедливости
скромной частицей,
Чтоб с другими, как ты,
каждой крохой делиться,
Чтоб таким же отзывчивым
быть, как и ты.

Георгис верно понимал Россию, как и Элладу. Он считал, что у него две родины и две матери. Достойный сын.

Стихи Георгиса Велласа пробудили в моей памяти воспоминание об одной традиции, импульс которой возник в Михантьевские времена. Воронежский университет энергично бурлил не только инициативами в учебном процессе, в научных исследованиях, в строительных проблемах. Его творческий дух искал и находил себя в разных направлениях. Весной 1956 года вспыхнул негасимый огонь поэтической традиции, получившей уже в следующем году гордое наименование «Дни поэзии ВГУ», которые стали знаковыми поэтическими праздниками не только в университете, но и в городе, области и привлекали знаменитых поэтов со всей страны. 25 марта 1956 года в аудитории № 58 красного корпуса

на проспекте Революции состоялся первый послевоенный вечер поэзии. Можно почти с уверенностью предположить, что вечера поэзии проводились и до войны, даже в мрачные 30-е годы. Студенты не могут жить, учиться, влюбляться без стихов. Как известно, в европейском средневековье были распространены песни вагантов. Прошедший через века гимн Gaudeamus igitur был застольной песней средневековых университетских студентов и странствующих монахов.

В начале 60-х годов мы с Б. И. Михантьевым беседовали в его ректорском кабинете по университетским делам. К нему пришёл несколько ранее обусловленного времени один из патриархов медицинской науки профессор Георгиевский и с порога запел Gaudeamus igitur. Мы встали навстречу ему. И, к моему удивлению, Борис Иванович подхватил:

Juvenes dum sumus!
Post jugundam juventutem…

Мне ничего не оставалось как продолжить:

Post molestam senectutem
Nos habebit humus.

Почтенный профессор воскликнул: «Vivat Academia! Ректор университета поёт Gaudeamus, как студиозус. Университет у нас, стало быть, есть!» – Спросил у меня: «И Вы, молодой коллега, знаете старинный гимн?» Я ответил, что учился на историко-филологическом факультете и штудировал латинский язык два года.

Время шло. Жизнь была наполнена многообразными событиями, делами, подготовкой к занятиям, их проведением, общениями со студентами, коллегами и т. д. Особая забота о семье. Мы с Галей (женой) любили гулять с нашим сыном. Тогда вообще были в моде вечерние прогулки по проспекту Революции. Обдумывал возможности публикаций диссертационных материалов. Появлялись новые идеи, и кое-что по согласованию с научным руководителем переделывал, изменял, дополнял. Не думал, не ведал, какой поворот в судьбе меня ожидает или кто-то готовит его. Мне нравилась научно-педагогическая работа, несмотря на осложнение процедур и затягивание защиты кандидатской диссертации.

Неожиданно в октябре 1959 года меня вызвали в райком КПСС. Все три секретаря сидели за столом и с ними заведующий отделом науки обкома КПСС Галина Александровна Алёшина, за которой на геологическом факультете я вёл семинарские занятия по историческому материализму (она вела лекционный курс). И высказали: «Есть мнение предложить парторганизации ВГУ избрать Вас секретарём партбюро. Что Вы думаете?» У меня непроизвольно вырвалось: «Я не хочу». Мне почти хором внушили: «В партии нет “хочу – не хочу”. Есть партийная дисциплина». Не возражая против дисциплины, которая почему-то выбрала меня для своих объятий, я сказал, что у меня нет опыта партийной работы, а университетская пар-

тийная организация очень сложная, и я не защитил ещё кандидатской диссертации. Мои возражения приняты не были. Более того, сказали, что мою кандидатуру выдвинули Яков Иванович Гудошников (он в то время был секретарём партбюро, а я заместителем по оргвопросам) и ректор Михантьев Борис Иванович. «Почему не переизбрать Якова Ивановича?» – спросил я. Ответили, что он попросил дать ему возможность сосредоточиться на подготовке докторской диссертации.

Через несколько дней состоялось отчётно-выборное собрание парторганизации (её численность составляла около 300 членов). Меня и Якова Ивановича Гудошникова избрали в состав нового партбюро. На первом его заседании на вопрос представителя обкома КПСС о секретаре кто-то сказал и мотивировал, что надо вновь избрать Якова Ивановича. Представитель обкома возразил: «Есть иное мнение, Якову Ивановичу дать возможность завершить докторскую диссертацию, а избрать секретарём Рахманина; он был в прошлом составе заместителем, а теперь есть предложение Якова Ивановича сделать его заместителем». Члены вновь избранного партбюро рассмеялись и проголосовали за такую «рокировку».

Домой в тот вечер вернулся поздно. Сказал жене Галине. Она огорчилась: «Как же ты не мог отказаться? И зачем это тебе нужно?» Пояснил, есть партийная дисциплина и, поскольку избрали, надо работать, хотя будет очень трудно. От преподавательской должности меня, естественно, не освободили. Правда, через некоторое время повысили мой педагогический статус до старшего преподавателя с полной учебной нагрузкой. И так с ежегодными переизбраниями – до осени 1963 года.

На следующий день мы встретились в кабинете партбюро с Яковом Ивановичем Гудошниковым для «передачи дел». Он посвятил меня в специфику работы, в те вопросы, которые стояли на очереди или не были решены прошлым составом партбюро. Особый разговор – и я был особо благодарен за него – о взаимоотношениях с райкомом, горкомом, обкомом КПСС и конкретно персонально – с их функционерами руководящими и инструкторами. Яков Иванович – фронтовик-десантник – наставлял меня быть готовым ко всяким неожиданностям и не теряться ни в каких ситуациях и передрягах. Увы! Не всегда получалось…

Яков Иванович передал ключи от стола. Вскрыли. Среди прочих разных документов отдельной стопкой лежало несколько анонимных писем. Я стал с ними знакомиться, и по обоюдному согласию мы решили их сжечь, благо во дворе строители разогревали битум.

Зашли к ректору. Борис Иванович поблагодарил Я. И. Гудошникова за дружное взаимодействие. Меня попросил остаться.

Разговор растянулся до позднего вечера. Борис Иванович посвящал меня в свою оценку состояния и своего видения перспектив университета. Центральная тема – строительство и развитие материально-технической базы. Рассказал, как и кем был сорван генеральный план строительства монументального комплекса.

Кстати, Б. И. Михантьев с самого начала деятельности Н. С. Хрущёва относился к нему скептически, а в последние годы негативно, считал его волевым, импульсивно способным организатором, но малообразованным, человеком простым, но малокультурным.

Второй вопрос – кадровый. Его качественный состав нуждается в повышении квалификации. Нужно, по крайней мере, в ближайшие 5–6 лет удвоить долю профессоров, пока их примерно 8–9 %. Главный ресурс роста и вместе с тем основная опора в учебном процессе и научной работе – доценты, кандидаты наук, особенно 30-летние. «Вашему поколению, – сказал ректор, – принадлежит будущее. Ему надо помогать и смелее выдвигать на разные должности». Эту внутриуниверситетскую политику Б. И. Михантьев последовательно проводил до конца своего ректорства. Недаром через много лет сложилось понятие «Михантьевское поколение». Б. И. Михантьев умел помогать и воспитывать молодёжь.

Говоря о кадрах, он затронул одну из самых сложных проблем – человеческие отношения в университетском коллективе. Он рассказал о некоторых тяжёлых конфликтах на кафедрах, факультетах. И предложил: «Давайте вместе искоренять склоки, дрязги. Они мешают работе, да и портят людей. Вы скоро сами с ними столкнётесь. Надо бороться за порядочность в человеческих отношениях». Он оказался прав. Дрязги, столкновения позиций, амбиций, подмена взаимозаинтересованности в работе завистью были самыми тяжёлыми проблемами в моей общественной деятельности. Их почва и истоки были различными. Сказывались социальные и материальные трудности обустройства жизни, работы, быта в 50-х годах. Особенно жилищно-коммунальные проблемы, да и теснота рабочего пространства, скученность, острая нехватка оборудования, приборов, неравномерность распределения педнагрузок и условий их выполнения, неудачи в подборе и расстановке профессорско-преподавательского и вспомогательного персонала, а также половозрастная диспропорция в различных подразделениях университета. Были и особые корни конфликтов, восходящие к 30-м годам. Знакомство с историей обнаруживает тайну тех репрессий, которые обрушивались на молодой советский вуз и привели многих людей или под расстрел, или к тяжким жизненным испытаниям и утратам гражданского и научного достоинства. У этой тайны были два «пусковых механизма», приводящих репрессии в действие: специфика функционирования органов госбезопасности, прокуратуры, судов, на чём акцентируют внимание исследователи, публицисты, и доносительство в коллективах, среди населения, даже в семьях. Университет в 1930-х годах страдал тяжёлой болезнью доносительства, разрушающего человеческую порядочность, товарищество, трудовую этику.

Психологические последствия этой болезни выявлялись и в 50-е, и даже в 60-е годы. Доносительство чаще всего бытового и служебного характера, в меньшей степени политического (оно угасало после XX съезда КПСС) гуляло по от-

дельным факультетам и кафедрам в виде писем в соответствующие органы (в том числе и в партбюро), вздорных слухов и сплетен. Склоки, которые порождались отнюдь не в результате расхождения политических и идеологических позиций (в отличие от того, что было в 30-х и на рубеже 40–50-х годов), а по причине зависти, расхождения интересов, амбициозности, трудовых и бытовых неурядиц. Пускаемые иногда в ход «идейные соображения» были маскхалатами для прикрытия личных или групповых амбиций в обыденном жизненном пространстве, иногда – различных подходов в решении научных и педагогических проблем.

Порядочность в человеческих отношениях, уважение к личности, готовность помочь в сложных обстоятельствах, стремление каждого вовлечь в общее полезное дело – принципы ректорской практики Бориса Ивановича Михантьева. Летом 1963 года он подарил мне двухтомник комедий Аристофана (у него была прекрасная домашняя библиотека) с надписью «Будем приветствовать комедии на сцене и вместе бороться с трагедиями в жизни и на работе». В этом пожелании – весь Борис Иванович. Он всю жизнь боролся против трагедий в жизни, за порядочность и чистоту человеческих отношений, за справедливость. Переживал, когда что-то не удавалось, и подвергал себя критике.

Мне придётся вспомнить и писать о том, о чём с начала 90-х годов прошлого века и до сих пор (т. е. до 2016 года, когда я воскрешаю в своей памяти 60–80-е годы) многие пишут и говорят негативно, как о чём-то дурном, во всяком случае, мешающем нормальной жизни, сковывающем её неким обручем. Я имею

В. С. Рахманин и Б. И. Михантьев

в виду деятельность организаций КПСС в трудовых коллективах, а в моём случае – в Воронежском государственном университете. Я не историк, но твёрдо знаю и убеждён: историю надо описывать так, как она зачиналась, развёртывалась и чем-то завершалась. Другого пути у правды нет. Историю часто переписывают – и это необходимо, но историю нельзя переделать. Я был секретарём партбюро, преобразованного в партком, четыре года и не менее полутора десятка лет членом этого коллективного органа. Прошло много времени с той поры. И могу судить о прошлом, говоря философским языком, и как один из её акторов, действующих лиц, и как наблюдатель извне, из другого времени, из другой системы координат. Совместить две системы ценностью координат – ту, что была, и современную – трудный процесс. Он не всем удаётся. Буду стараться, а для этого прежде всего надо вспомнить как и что было, ничего не прибавляя и не убавляя, не мифологизируя и не модернизируя прошлое, подстраивая его под современность. Тем более что моему университету есть чем гордиться в прошлом и есть о чём сожалеть.

В своей солидной монографии «Воронежский университет. Вехи истории. 1918–2013» профессор М. Д. Карпачёв отмечает «немалую роль в успешном развитии университета… его партийной организации» (с. 423). Верно и то, что взаимоотношения между парткомом и ректоратом строились на конструктивном взаимодействии в решении задач и проблем, встающих перед университетским коллективом. Добавлю, вопреки расхожим мнениям о монополизме партийной организации, запущенным теми, кто на рубеже 80–90-х годов прошлого века рвался к руководству и власти. Партийная организация и её партбюро (затем преобразованное в партком с правами райкома) были существенными элементами внутриуниверситетской демократии. Когда в партийной организации ВГУ было до трёхсот членов, то ежемесячно необходимо было проводить общеуниверситетские собрания. Иногда открытые, т. е. с участием беспартийных. На них обсуждались актуальные проблемы жизни и деятельности всего коллектива по учебному процессу, воспитанию студентов, научно-исследовательской работе, строительству, перспективам развития и т. д. и т. п. С докладами часто выступал ректор, проректоры, или доклад готовился особой комиссией. Выступить с замечаниями, критикой, предложениями мог каждый. Часто партсобрания проходили остро, выступали на них активнее, чем на заседаниях учёных советов. Коллективно принимались решения (резолюции), которые, кстати, были обязательными для членов КПСС, но отнюдь не для беспартийных; хотя к мнениям коммунистов прислушивались; оно было авторитетным, но не диктаторским.

Партком ВГУ и партбюро факультетов органически взаимодействовали не только с административно-управленческими структурами (ректорат, деканаты, различные отделы), но и с общественными организациями (комсомолом, профсоюзными организациями сотрудников и студентов, научными сообществами, советом ветеранов и др.). Приведу типичный пример демократического взаимо-

действия. Очень злой была жилищная проблема. Ректор, секретарь парткома хлопотали и ходили с протянутой рукой по городским, областным, ведомственным держателям и строителям жилья в поисках квартир. От имени университетского коллектива доказывали, убеждали, выпрашивали… А вот распределял добытые квартиры не ректор, не партком, а местный комитет сотрудников. И только в одном случае за многие годы секретарства и членства в парткоме, я помню, члены месткома поделились поровну и не могли решать, кому же дать квартиру; совместно члены месткома и парткома и на равных голосовали. Никаких преимуществ партком не имел. Между прочим, накануне этого заседания я, будучи секретарём парткома, снял свою кандидатуру из очереди на получение жилья (но не в связи со спорной квартирой). Председатель месткома доцент (затем профессор) А. Г. Курдов удивился моему решению.

Не совсем точно утверждение М. Д. Карпачёва, будто и «ректор, проректоры, деканы, абсолютное большинство заведующих кафедрами были обязаны состоять в партии, и уже по этой причине без партийного руководства не обходились ни большие, ни маленькие дела»[1]. Что касается ректора, то эта должность входила в номенклатуру обкома КПСС и назначение на неё того или иного кандидата согласовывалось Министерством высшего образования и обкома КПСС (юридически назначало Министерство, кадры подбирал обком КПСС). Однако в Воронеже был и беспартийный ректор в Медицинском институте – профессор Одноралов Николай Иванович, очень авторитетный и уважаемый человек. Что касается деканов факультетов, то они не входили ни в какую номенклатуру; ректорат и партком согласовывали после тщательных консультаций с работниками того или иного факультета, предлагали предпочтительную кандидатуру к избранию (вносил предложение обычно кто-нибудь из проректоров). Заведующие кафедрами отнюдь не обязаны были состоять в КПСС, кроме кафедр общественных наук. И многие кафедры успешно возглавляли беспартийные (М. А. Левитская – кафедра электромагнитных колебаний, Ф. Н. Мильков – кафедра физической географии, И. Н. Бороздин – кафедра всеобщей истории, А. П. Палкин – кафедра неорганической химии, И. И. Барабаш-Никифоров – кафедра зоологии, В. И. Собинникова – кафедра русского и славянского языкознания и др.). Другое дело, что к коммунистам, возглавляющим кафедры, партийная организация предъявляла повышенные требования, поскольку несла за них ответственность.

Вместе с тем в 60–70-е годы наблюдался процесс активного вступления в ряды КПСС и молодых, и маститых учёных. Партийная организация ВГУ быстро росла; её численность составила к середине 60-х годов около 700 человек. Конечно, личные мотивы вступления были разные. Нельзя исключать и карьеристские, хотя они далеко не всегда приводили к корыстному результату. Главным было другое. Наблюдалась некая волна либерально-демократических надежд; со-

[1] *Карпачёв М. Д.* Указ. соч. С. 422.

циальные и экономические процессы шли на подъём, росла уверенность в более радикальных позитивных сдвигах. Воронежский университет интенсивно развивался. Всё это вместе взятое и создавало атмосферу и настроение тяги к КПСС. Разочарование наступило позже – к исходу 80-х годов. А в 60–70-х годах райком КПСС часто критиковал нас за то, что много принимаем ассистентов, доцентов и почти не принимаем рабочих. Но откуда было нам взять рабочих? В первой половине 60-х годов мне пришлось просить райком партии (первый секретарь А. И. Тарасова) разрешения принять в члены КПСС ряд крупных учёных, среди них профессор-химик Я. А. Угай, профессор-химик Р. Э. Нейман, доцент-филолог (затем профессор с европейской известностью) В. И. Собинникова, доцент (затем профессор и председатель месткома) Б. П. Ахтырцев.

Не думаю, чтобы кто-нибудь заподозрил этих учёных (просьб было больше) в карьеристских мотивах вступления в КПСС. Время было иное, и ему соответствовали иные настроения и смысл поведения людей. Замечу – и это не лишне – никакой агитации для привлечения новых членов в КПСС не велось в университете. Наоборот, заявления притормаживали.

Иногда можно было в 90-х годах XX века и даже в первом десятилетии XXI века услышать, будто в 60–70-х годах прошлого века партком ВГУ увлекался «всевозможными идеологическими кампаниями, решительно пресекалось всякое инакомыслие». Это не то что не так, а не совсем так. 60-е годы – это время выхода инакомыслия из квартирных кухонь и общежитейских комнатушек в аудитории, в публичную сферу. Время хлёстких идеологических кампаний уходило, хотя кое-кому, грубо говоря, ортодоксально рыгалось, а кое-кого охватила патология нигилизма. Но партком ВГУ и большинство первичных партийных организаций в этом не погрязали. У них были другие заботы, но реагировать приходилось. Дискуссии были.

На всех факультетах функционировали методологические семинары по соответствующим наукам. Плодотворно активными они были на геологическом, физическом, химическом факультетах. Менее активными на историческом и филологическом. Университетские кафедры общественных наук были опорными постоянно действующих городских методологических семинаров по истории КПСС, философии, политической экономии. На философском семинаре часто вспыхивали жаркие дискуссии по взаимодействию философии и общественных наук, в которых принимали участие и представители физической науки (С. Г. Кадменский, Л. П. Рапопорт), химической (Р. Э. Нейман).

Воронежский университет был инициатором разработки теоретико-методологических проблем педагогики и социологии высшего образования. На его базе было проведено несколько остро дискуссионных неидеологизированных республиканских конференций по проблемам высшего образования. На них довольно часто выявлялась в докладах подмена методологии образовательного процесса

идеологизацией. Это однажды прозвучало и в докладе одного из университетских коллег. Эта подмена – результат не столько некой идеологической догмы, сколько невысокой методологической культуры мышления докладчика. Повышение методологической культуры высшего образования (проще – преподавания) было всегда сложнейшей проблемой. Её важность и острота резко возрастают в современных условиях. Но дискуссии почему-то глохнут, как будто вся проблематика высшего образования сводится к актуализации конъюнктурных потребностей рынка.

При воспоминании о прошлом есть две опасности: романтическая ностальгия и нигилистический критицизм. И та и другая не делают чести. Не хотел бы подвергаться им. Но и объективистская беспристрастность малоплодотворна да и занудлива. В лодке воспоминаний – это попытка в мыслях и чувствах воспроизвести прошлые, бывшие человеческие отношения, в которых были свои диспозиционные пристрастия, предпочтения, ситуативные смыслы, причины и последствия. Отстраниться от них не всегда удаётся даже историку с его методологией объективности, тем более мемуаристу, который сам был актуально включён в прошлые человеческие отношения. Но есть дистанция времени: вспоминается то, что было в этих отношениях, спустя некоторое время – год, 5 лет и т. д. Глубина моих воспоминаний – от года до 65 лет. Какие-то пристрастия выветрились, что-то устойчиво сохранилось, что-то прошло сложный процесс переоценки.

В конце 50-х и начале 60-х годов XX в. политические «верхи» страны, КПСС метались в попытках поднять продуктивность сельского хозяйства. На этом сосредоточилась энергия Н. С. Хрущёва, тогда первого секретаря ЦК КПСС. Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР шли один за другим, и каждое надо было прорабатывать по формуле «Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР по (такому-то вопросу) и наши задачи». По поводу одного из таких постановлений состоялось открытое партийное собрание на биолого-почвенном факультете. Не помню, по какой причине я не был на нём. А надо было. Выступающие поддерживали озабоченность политического руководства состоянием сельского хозяйства. Предложения были разные, но основной смысл их заключался в необходимости повысить роль науки для того, чтобы вывести сельское хозяйство на современный уровень. Кто-то высказался в том смысле, что вложение материальных средств в Центральное Черноземье дало бы больший эффект, чем освоение целинных земель. Говорили и о том, что можно сделать для повышения плодородия почв. На предложение заняться кролиководством для быстрого и диетического решения мясной проблемы кто-то кинул реплику: «И зайцев разводить, они сами себя прокормят. Это дешевле». Профессор Н. С. Камышев (он занимался в то время биологией болот) говорил о необходимости «осторожного, научно обоснованного проведения мелиоративных работ, иначе можно нарушить экологический баланс и нанести вред не только сельскому хозяйству».

О состоявшемся на биолого-почвенном факультете собрании стало известно обкому КПСС. Меня вызвали в отдел науки обкома. Отчитали за то, что не был на собрании, не дал необходимых указаний, не проверил, не проинструктировал… Была создана комиссия обкома КПСС для всесторонней проверки биолого-почвенного факультета и деятельности партийной организации в предварительных выводах комиссии. Парторганизация подверглась резкой (и теперь скажу: несправедливой) критике, больше всех досталось профессору Н. С. Камышеву за его защиту болот. Как руководитель университетской парторганизации я не согласился с такой оценкой биолого-почвенного факультета и направлением его в подготовке специалистов и в научных исследованиях и стал защищать профессора Н. С. Камышева (с излишней горячностью, как мне потом заметили). Не я его спас, а авторитет и мудрая аргументация Б. И. Михантьева и как ректора, и как учёного. Комиссия учла наше мнение, и никаких оргвыводов и официального решения не последовало. Много позже я узнал, что за всем этим сюжетом стояли амбиции одного бывшего работника обкома, работавшего на биолого-почвенном факультете. А к болотам действительно надо относиться осторожно. Но как осушать болота в человеческих отношениях, гниющее пространство которых расширяется?

В июле 1961 года в Кремле состоялось Всесоюзное совещание ректоров вузов и секретарей крупных партийных организаций. В нём приняли участие все ректоры воронежских вузов и я как секретарь университетской партийной организации. Разместили нас в гостинице «Балчуг», недалеко от Кремля, но по ту сторону Яузы. Мы приехали накануне. Вечером решили сходить в ресторан. Б. И. Михантьев пригласил ректора Медицинского института профессора Николая Ивановича Одноралова, с которым дружил (близким другом ему был и ректор Лесотехнического института Арцыховский; в ЛТИ Борис Иванович начинал свою работу в Воронеже заведующим кафедрой химии). Захотелось выпить коньяку; его в ресторане не оказалось; подали бренди. Пока выбирали, я спросил профессора Одноралова, что предпочтительнее пить с точки зрения медицинской науки. Николай Иванович ответил: «Дам вам два совета. Первый: до сорока лет можно пить водку. В меру, конечно. После 40 – только коньяк: он расширяет сосуды. Но тоже в меру. Второй совет: если хотите просто выпить, то лучше рюмки коньячка ничего нет; если хотите напиться, то лучше водки никто ничего не придумал». Вот этому совету неукоснительно следую с тех времен (мне было 31), однако напиваться никогда не хотелось. За ужином долго говорили о вузовских делах. Я внимательно слушал обмен мнениями, суждениями двух опытных ректоров и мудрых людей. Разговор шёл о способах и нормах подбора профессорско-преподавательских кадров, прежде всего заведующих кафедрами, о жёстком министерском постатейном предписании бюджетных расходов, что не давало возможности, сэкономив финансы по одной статье, перебросить по необходимости на другую, о квартирном вопросе, мучающем обоих ректоров, и о многом другом. Небольшой бутылки бренди вполне хватило на троих.

Наутро отправились в Кремль на совещание. Оно было вторым в моей работе. Первое – в 1957 году; тогда я был начинающим вузовским представителем. На второе пригласили в качестве партийного работника крупного университета. Во время первого удалось посетить Мавзолей; выноса Сталина ещё не было.

Центральная проблема Всесоюзного совещания – повышение эффективности высшей школы в подготовке специалистов, их коммунистическом воспитании, повышение роли вузов в науке, в развитии производительных сил. Председатель правительства Н. А. Косыгин, характеризуя состояние народного хозяйства, экономические проблемы, возможности, трудности и способы их преодоления, в своём интересном докладе подчеркнул, что основная задача вузов – формировать, воспитывать социально ответственных и предприимчивых, а не просто образованных специалистов. Нам не хватает предприимчивых кадров; Н. А. Косыгин употреблял слово «предприимчивых», а не «активных», «инициативных». Оно более ёмко и точно выражало новые требования к кадрам, к их способностям организовать дело, решить какую-либо проблему. Председатель Совета министров обратил внимание на необходимость проведения социологических исследований. В том числе и по проблемам высшей школы. К началу 60-х годов социология, придавленная идеологическим догматизмом (Сталин не любил даже само слово «социология»), стала приподнимать голову и в вузах. Между прочим, во время совещания в Кремлёвском книжном киоске мне удалось приобрести книгу Беккера и Боскова по американской социологии. До неё мне приходилось читать книги типа «Критика буржуазной социологии».

После завершения Кремлёвского совещания по проблемам высшей школы был устроен приём вечером в Александровском саду (дни стояли очень жаркие). Приём был для избранных. Из всех воронежцев был приглашён ректор ВГУ Б. И. Михантьев. Я долго его ждал в гостинице. Он вернулся поздно. Был сумрачен. Мне принёс яблоко с банкетного Кремлёвского стола. Долго молчал. Я попросил рассказать, как прошёл приём. Неохотно стал рассказывать. Оказывается, приём долго не начинался. К назначенному часу ждали Н. С. Хрущёва. Он опаздывал. Первоначально запаздыванию первого лица не придали значения: наверное, дела задерживали. Собравшиеся разбились на группки и вели между собой обыденный разговор. Однако всё чаще и чаще поглядывали на часы. Прошло около часа. Наконец, Никита Сергеевич появился. Кто-то вёл его под руку. Хрущёв был явно навеселе. Все подошли к столам, на которые давно косились. Никита Сергеевич поприветствовал вузовский актив (ныне сказали бы – элиту высшей школы), сказал о важности высшей школы, образования, науки, посочувствовал ректорам в их трудных делах и посоветовал меньше принимать девушек в университеты и институты. Чтобы не тратить зря деньги. По его мнению, девушки, получив образование, выходят замуж, рожают детей, а народное хозяйство, просвещение и здравоохранение не получают планируемого количества специалистов. Далее предложил тост

за процветание советской высшей школы и её самоотверженных работников. И всё пошло по расписанию: благодарности за проведённое совещание, за внимание ЦК КПСС к проблемам науки, образования, тосты во здравие политбюро во главе с уважаемым Никитой Сергеевичем Хрущёвым. Минут через 40–50 Никита Сергеевич ушёл, вернее – его увели. Оставшиеся попировали стоя за столами. Борис Иванович был как-то смущён таким высокопоставленным приёмом, но похвалил белое «Мукузани» (грузинское вино). Разговор наш затянулся до глубокой ночи. Наутро мне нужно было уезжать в аэропорт и лететь в Адлер, в санаторий. Попрощались, чтобы утром не беспокоить друг друга, до встречи в родном ВГУ.

Пьяного Н. С. Хрущёва мне тоже довелось видеть. Это было, припоминается, в 1962 году летом. Вместе с Владимиром Васильевичем Гусевым мы занимались в государственной библиотеке имени Ленина. Проживали в Раменках, на квартире лётчика правительственного вертолётного полка Михаила Леонова, борисоглебского друга Володи Гусева. Тот вместе с семьёй уехал, а нам передал свою квартиру с условием присмотреть за ней во время ремонта. Мы хорошо присматривали, и после того, как просох выкрашенный ремонтниками пол, даже вымыли его с пивом. Не припомню, каким чудом нам удалось раздобыть билеты во Дворец съездов. Там Киевский театр давал одноактные балеты. Места у нас были очень хорошие: в шестом или седьмом ряду партера, а справа от нас – правительственный балкон. Вскоре там появился Н. С. Хрущёв с М. А. Сусловым (других троих-четверых не помню). Занавес пошёл. Балеты были прекрасны. В антракт мы выскочили в фойе; там были столы с такими яствами, которые мы и по скромности своих денежных средств, и по скромности ассортимента в Воронеже не видели. На этот раз мы позволили себе отлично перекусить. И – скорее в зал. Зал был уже наполнен; все поспешили занять свои места. Ведь вместе с первым лицом партии и государства присутствуем в театре. Антракт прошёл. В правительственной ложе – никого. Занавес опущен. Оркестранты в своей яме на изготовке. Лёгкий говорок в зале усиливался. После 20-й минуты в ложе появился Никита Сергеевич; его держал под руку М. А. Суслов. Перегнувшись через перила балкона, Никита Сергеевич что-то крикнул на украинской мове в сторону сцены. Занавес стремительно раздвинулся, балерины вспорхнули. Балет завораживал. Через некоторое время Володя толкнул меня. Правительственная ложа была пуста. Досмотрев балет, мы вышли из Дворца съездов. Нам было как-то конфузливо и хотелось выпить. Ничего подходящего мы не нашли. Время было позднее, и мы поехали в свои Раменки; там у нас оставалось пиво от мытья полов.

Но вернусь к лету 1961 года. На следующий день после окончания Кремлёвского совещания по проблемам высшей школы и рассказа Б. И. Михантьева о правительственном приёме в Александровском саду мне нужно было лететь в Адлер: у меня была (впервые в жизни) путёвка в санаторий «Холодная речка». Чтобы не опоздать (самолёт вылетал часов в 10), взял такси. И всё же опоздал: пробки, од-

нажды задержал дорожный автоинспектор; я заплатил штраф за шофёра (он превысил скорость по моей просьбе). Самолёт улетел за несколько минут до моего приезда в аэропорт. Огорчённый пошёл к администратору сдавать билет. Администратором оказалась женщина. Она меня успокоила, сказав, что переоформит мой билет на дополнительный рейс, который вылетит часа через четыре. Потребовалась небольшая доплата. Это меня устраивало. Пошёл в кафе позавтракать (утром в гостинице не успел).

Дополнительный самолёт вылетел в точно указанное время. Своевременно приземлились в Адлере. Но в адлеровском аэропорту стояла какая-то напряжённость. Пока получал свой багаж, узнал: разбился самолёт ИЛ-18 при заходе на посадку с моря; все погибли. У меня подогнулись ноги – это тот самый самолет, на котором я утром должен был вылетать из Внуково. Если бы я не опоздал, то… долго сидел глотал таблетки. Случайность, судьба или просто так случилось?

Но надо было добраться до «Холодной речки». Я не знал, как туда добраться. Вышел на площадь. Спросил. Оказалось, все знают: «Холодная речка» – это бывшая дача Сталина. Когда я брал путёвку в санаторий, мне об этом никто не сказал. Добраться просто: между Адлером и Гаграми. Лучше всего на такси. Подобрались три попутчика. Таксисты тогда работали честно. Плата по счётчику, но поскольку нас четверо, то каждому по четверти общей суммы +15 % добавили сверху. Приемлемо. Вскоре я был у ворот Сталинской дачи. Она в горах над морем. Идти вверх. У меня в руках чемодан. Лёгкий, но… дача на высоте 350–400 м над морем. У ворот – охранник в полувоенной форме. Сказал, что минут через 20 будет идти санаторный автобус с пляжа. Так и было. Итак, я оказался на бывшей даче генералиссимуса И. В. Сталина. По легенде, любимая. Она представляла комплекс зданий в мандариново-апельсиновом саду, защищённом и с моря, и с гор. Главное здание было хорошо встроено в гору, рядом – большой бассейн. Там и отдыхал довольно часто Сталин. Основная масса отдыхающих размещалась в нескольких строениях, в которых, по-видимому, когда-то жили обслуживающий персонал, охрана. В главном здании размещались высокие гости из зарубежных компартий. Когда морем и горами я укреплял своё молодое здоровье, в сталинской даче отдыхали гости из Чили. С одним из них – журналистом Родриго Гонсалесом – я близко познакомился. Фигура легендарная, после пиночетовского переворота его трижды водили на расстрел. В мире, в том числе и в СССР, поднялось движение журналистов, демократического студенчества в его защиту и за спасение.

В начале августа я вернулся в Воронеж. Как преподаватель находился в отпуске, но, будучи секретарём парторганизации, приступил к работе: шли приёмные экзамены в университет. К тому же надо было готовиться к отъезду в Москву, в Московский университет для переподготовки и повышения квалификации.

Во второй половине прошлого века в высшей школе существовала система повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Наряду

с подготовкой и защитой диссертаций, функционировали вначале при Московском, а потом при Ленинградском, Киевском, Минском, позже в Ростове-на-Дону университетах институты повышения квалификации и переподготовки преподавателей общественных наук – ИППК. Эта система через несколько лет распространилась в несколько ином варианте и на преподавателей естественных, гуманитарных, технических наук. В каждом вузе существовал жёсткий план-график, контролируемый Министерством, направления через каждые 5 лет 20 % преподавателей в ИППК. Условия ИППК при Московском государственном университете были очень хорошими. На пять месяцев преподаватель, направленный в ИППК, освобождался в своём вузе от учебного процесса с сохранением полной зарплаты. Приплачивалась стипендия – 50 рублей (в тогдашнем масштабе цен это почти половина зарплаты ассистента и почти 16 % доцентской). Проживание – в высотных общежитиях МГУ, один блок на двоих (у каждого – своя комната). Слушатель ИППК обязан был прослушать различные курсы лекций, поработать в семинарах по своей специальности, выполнить некую научную работу по избранной теме, подготовить методический доклад.

Летом 1960 года в Издательстве ВГУ вышла моя небольшая книжка «Свобода и необходимость в истории». Уже в 70-х годах я с улыбкой перелистал её, удивляясь наивности некоторых моих суждений (например, утверждению, что рост социалистического сознания советского народа есть выражение свободы как познанной необходимости). Но в обстоятельствах 60-х годов она давала мне право представлять диссертацию к защите. Возникла надежда, что через Институт переподготовки и повышения квалификации мне удастся найти Учёный совет, который примет мой труд к защите. Всё оказалось сложнее, и моя наивность через несколько месяцев стала развеиваться.

Но получив соответствующее направление в ИППК, я обрадовался и возможностям повысить свои знания, переработать диссертационный текст, определиться с диссертационным советом да и пожить 5 месяцев в Москве, пообщаться в МГУ с коллегами.

К сентябрю 1961 года настала моя очередь. Направление утверждал заведующий отделом науки обкома КПСС, хотя командировка давалась университетом. Так как я выбывал на 5 месяцев, нужно было сняться с партучёта в своей организации и встать на учёт в парторганизацию МГУ. Функции секретаря парткома я исполнять не мог. Их возложили на доцента Якова Ивановича Гудошникова, возглавлявшего парторганизацию ВГУ до меня. С кафедры философии в ИППК был направлен, кроме меня, Борис Антонович Размустов, с кафедры политической экономии – доцент, заведующий кафедрой Анатолий Александрович Глухов, с которым мы и поселились в одном блоке, каждый – в своей комнатушке-пенале, удобно оборудованной прочной мебелью. И дружно прожили 5 месяцев.

Занятия (лекции, семинары) проходили в старом здании МГУ на Моховой, а жили мы в высотном общежитии на Ленинских (теперь Воробьёвых) горах. Каж-

дый день, кроме субботы и воскресенья, по 6 часов «повышения квалификации и переподготовки». Слушатели были со всех концов СССР. Это давало возможность широких знакомств, обмена научно-педагогическим, да и просто житейским, опытом. Сама по себе атмосфера Московского университета настраивала на плодотворную работу. Лекции были по различным разделам философии: нормативно-программные по диалектическому материализму, по историческому материализму, проблемные по онтологии, теории познания, закономерностям общественного развития, о формах общественного сознания и др. Запомнились яркие лекции Т. И. Ойзермана по истории марксистской философии, В. Ж. Келле по проблемам общественного сознания. Для меня всё было важно и интересно. Мои философские познания были ограничены тем, что я получил или самостоятельно раздобыл в Воронежском университете, будучи студентом и аспирантом. В ИППК при МГУ я приобщался к более широкому кругу проблем, знакомился с различными их интерпретациями, слушал учёных, которых я знал по книгам, а многих и не знал. Вечерами часто в холлах общежития слушатели сами собирались и спорили и по философским, и по социальным, и по житейским, и по вузовским проблемам. Это тоже было полезно. В спорах участвовали и схлёстывались и философы, и политэкономы, и историки. В этих свободных дискуссиях в общежитейских холлах звучало и вольномыслие. Одним из таких вольнодумцев (несколько позже их называли диссидентами) был Егидис (из Сталинграда или Ростова-на-Дону), убеждённый сторонник социализма, но считавший, что политика КПСС не соответствует принципам социализма, а материалистическое понимание истории нельзя догматизировать, недооценивая деятельную сущность общественного сознания. Егидис впоследствии эмигрировал во Францию; он был сторонником теории социализма, которая, по его мнению, извращалась не только Сталиным, но и его критиками.

Пять месяцев в ИППК были для меня не только временем пополнения знаний и повышения (если так можно, хотя и нескромно, выразиться) культуры философствования, философского мышления, но и благоприятной возможностью подвергнуть ревизии свою кандидатскую диссертацию и переработать её. В ту пору по режиму своей работоспособности я был «совой» и активно работал ночами до 3–4 часов. Никто в ночные часы не мешает.

Тема диссертации осталась та, что утверждали на кафедре философии, – «Исторический детерминизм и проблема свободы». Она (тема) мне ещё больше понравилась через четыре года после завершения её по окончании аспирантуры по кафедре философии. Но изменение требований ВАК выбило из колеи. Нужна была монография или серия статей. Монографию тогда трудно было издать; а статей было мало. Защита затянулась, да и общественная работа захлестнула вкупе с освоением лекционных курсов и семинарских занятий. К тому же время и мои познания обогащались, над многим я размышлял, что-то обдумывал и передумывал.

Новое прочтение «отлежавшегося» три года текста побудило поставить ряд вопросов себе и философской классике, тем более – популярным трактовкам её

формул и концепций. Возникло сомнение в методологической безупречности, доминирующей со времён Гегеля и широко используемой в марксистской философии формулы «свобода есть познанная необходимость». Каков её смысл? Она завораживает, и в первом варианте своей кандидатской диссертации я безо всякого сомнения опирался на неё и как будто (именно как будто!) доказывал её. Она восходит к рационализму философии Просвещения. Можно ли эту формулу понять в том смысле, что свобода есть следование познанной необходимости. Но в чём же тогда свобода? Познать необходимость, чтобы быть свободным, необходимо. Но познание есть только условие свободы, но ещё не свобода. Попросту говоря, познай необходимость, не спорь с ней – и ты свободен. Так ли? Гносеологическая формула «свобода есть познанная необходимость» онтологически сомнительна. Приняв эту гносеологическую формулу, надо философски искать онтологию свободы. В противном случае свободу следует истолковать как обречённость познанной необходимости. Свобода, следовательно, не выбор субъектом направленности и способа действия, а приспособление к необходимости на основе познания её необходимости: принудительное (по примеру «иного не дано») или совпадающее с интересами субъекта (но при этом его воля ни при чём).

Я описываю свои сомнения и размышления в тех понятиях и терминах, которые были мне свойственны в те далёкие теперь времена конца 50-х годов. Сегодня, спустя более полувека, можно (и нужно!) описать их в иных понятиях и терминах, более соответствующих современному философскому мышлению. Например, в теории структурации Э. Гидденса. Но я не хочу задним числом модернизировать свои размышления. Историческая необходимость не предопределяет однозначность действия, поведения. В общественном бытии как продукте деятельности человека есть онтологические возможности выбора вариантов реализации исторической необходимости и даже блокирования её конкретных определённостей. К тому же исторический детерминизм было бы недиалектично сводить к однозначным причинно-следственным отношениям. Есть функциональный детерминизм, есть телеологический.

Однако так и тянет в пересказ моей кандидатской диссертации, во многом наивной по моим нынешним философским и социологическим взглядам. Вернусь к воспоминаниям о своём житье-бытье, а главное – о Воронежском университете.

Диссертацию переделал. Надо было искать Учёный совет, который мог бы принять её к защите. Представлять её Учёному совету родного университета я не имел юридического, да и морального, права, поскольку был секретарём партийной организации ВГУ. Переподготовка в ИППК завершалась. Попытался пробиться со своей диссертацией на философский факультет МГУ. Философы располагались в то время на улице Моховой, за архитектурно выразительными зданиями, где-то в глубине университетской территории. Был я тогда не очень осведомлён о структурах администрации МГУ, да и о нравах Московской научно-педагогической об-

щественности. Напросился на приём к декану. Помню, но не буду называть его фамилии; по философской литературе я его хорошо знал и надеялся как-то это использовать в своей просьбе. Декан довольно быстро меня принял, хотя в приёмной ожидало несколько человек. Удивился, что я из Воронежского университета. Выслушав просьбу, как-то поскучнел. Спросил, на какой кафедре диссертация обсуждалась. Я сказал, что на кафедре философии ВГУ, заведующий – профессор Б. М. Бернадинер, и на философском семинаре в ИППК при МГУ. Декан спросил, почему я не защитил диссертацию в совете ВГУ. Я объяснил, что как секретарь парткома не могу в совет ВГУ представлять диссертацию. Декан побарабанил пальцами по столу и, не поднимая глаз от стола, сказал: «Вообще-то мы очень редко принимаем к защите кандидатские диссертации со стороны, только докторские». И замолчал. Мне не оставалось ничего другого, как поблагодарить его за приём. Потом мне сказали, что надо было бы «пробиваться» через знакомых. Но солидных знакомых в МГУ у меня ещё не было.

Курс ИППК завершался в конце января. На встречу Нового, 1962 года я приехал домой в Воронеж, где ждали меня жена и сын Алик (ему было уже чуть более 4 лет). Новогодье встретил в университете. Поговорили с ректором Б. И. Михантьевым и и. о. секретаря парткома Я. И. Гудошниковым об университетских делах, событиях, проблемах. Рассказал им об ИППК, о своих впечатлениях о МГУ, о своих диссертационных, организационно не завершённых делах. Выпили по бокалу шампанского. И к 24:00 поднялись на третий этаж, в актовый зал. Там вовсю вокруг ёлки веселились студенты, аспиранты, молодые преподаватели. Борис Иванович вместе с комитетом комсомола ввели традицию: новогодний бал (именно бал!) начинался с вальса ректора и студентки. Был даже конкурс, кто из студенток пригласит ректора на вальс. Борис Иванович прекрасно танцевал. Однако бал был допоздна, почти до рассвета, ректор уходил минут через 30, ещё раз поздравив студентов с Новым годом и пожелав им отличных успехов, здоровья и любви.

В день отъезда в Москву в ИППК неожиданно встретил 2-го секретаря горкома КПСС Н. А. Журавлёва. Мы были с ним хорошо знакомы, потому что в начале 50-х годов жили в одном доме, а затем – по комсомолу. Николай Антонович сказал: «Кажется, райисполком выделил тебе квартиру. Позвони Марьяновскому (председателю) и перезвони мне». Позвонил; действительно мне был выписан ордер на квартиру в доме по Ветеринарному переулку (теперь – Плехановская, 6). Получил ордер и ключи. Отец мой поехал на вокзал сдавать железнодорожный билет, а мы с женой – на свою квартиру. Она оказалась трёхкомнатной, как тогда говорили, «распашонкой», потолок низкий – 2,5 м, кухня крохотная, прихожая – почти в ширину моих плеч, пол дощатый. За такие квартиры до сих пор попрекают Хрущёва (их и называют хрущёвками). Во время войны в Воронеже было разрушено более 90 % жилого фонда. Город восстанавливался; но высокими темпами росла численность его населения. Дефицит жилья кошмарил и власти, и население. В конце

50-х – начале 60-х годов «хрущёвки» были спасением для миллионов семей. В том числе и нашей. Живём в ней (центр города!) до сих пор, более полувека.

Оставшиеся недели в ИППК в Москве использовал в поисках кое-какой мебели, фурнитуры; в Воронеже ничего достать было невозможно.

В конце января 1962 года, вернувшись из Института переподготовки и повышения квалификации при МГУ, переработав свою застрявшую диссертацию и не «пристроив» её к защите, я погрузился в учебный процесс и в партийные дела. Яков Иванович Гудошников, и. о. секретаря парторганизации во время моего отсутствия, облегчённо вздохнул. Посвятил в текущие дела. Б. И. Михантьев посочувствовал моей диссертационной неопределённости и по-своему информировал о событиях и проблемах. И те и другие нарастали. Строительство нового корпуса шло медленно и как-то вяло. Не хватало рабочей силы; финансы были, но запланированные фонды поступали нерегулярно. Опять нужно было идти к «власть имущим», докладывать, убеждать, просить. Сходили с ректором к первому секретарю обкома КПСС. Обещал и через некоторое время действительно помог в ускорении строительства левого крыла главного корпуса. Каждую неделю 50–60 студентов работали на стройплощадке в помощь строителям.

Университет плодотворно рос и развивался. Историко-филологический факультет ещё в 1960 году был разделён на два самостоятельных: исторический и филологический. Был открыт новый экономический факультет. На филологическом факультете открылось отделение по подготовке журналистов, потребность в которых нарастала в Воронежской и соседних областях. Открывались новые кафедры, перепрофилировались старые. ВГУ стал координатором научных исследований по гуманитарным и общественным наукам в Центрально-Чернозёмном регионе. Всё это, как и многое другое, не проходило мимо парткома, хотя партком не вмешивался в дела администрации, т. е. ректората и деканатов. Но по тогдашним канонам открытие, преобразование каких-либо научно-педагогических структур по статусу выше кафедры требовало соответствующих разрешительных ходатайств перед Министерством или областным руководством. И необходима была ответственная подпись не только ректора, но и секретаря парткома. Тут, как говорится, «ни убавить, ни прибавить. Так это было на Земле».

Одной из значимых демократических форм управленческой практики, возникшей по инициативе Б. И. Михантьева, было постоянное, еженедельное совещание деканов. В него входили, кроме деканов, проректоров, секретарь парткома, председатель преподавательского месткома профсоюзов. Часто приглашались секретарь комитета ВЛКСМ и председатель студенческого месткома. На совещаниях коллективно рассматривались две группы вопросов: факультетские (того или иного факультета) и общеуниверситетские (хозяйственное обеспечение, закупка оборудования, распределение штатов, деятельность управленческого аппарата, планы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава, работа

приёмной комиссии и многое другое). Совещание деканов было коллективным демократическим органом, не только консультативным, но и оперативно управляющим. Принятое коллективно решение было обязательным и для ректората, и для факультетов, и для управленческих структур. Одним из трудных и постоянно возникающих вопросов было отчисление студентов по неуспеваемости, из-за долговременного отсутствия на занятиях, по криминальным (нечасто) причинам. По бюрократическим правилам Министерства высшего образования вузы не имели права решать эту проблему самостоятельно. Отчислять из состава студентов могло только Министерство. До сих пор не знаю, чем руководствовалось Министерство, вводя такую практику и жёстко отстаивая её. На деканском совещании каждый декан представлял и мотивировал список студентов на отчисление. Список тщательно обсуждался, персонально по каждому студенту. Иногда он бывал очень большим. Ректор часто предлагал сократить список. Возникали споры. Согласованный список направлялся в Министерство; обычно его представлял там лично проректор по учебной работе или даже ректор наряду с другими проблемами, которые требовали министерских решений. Такая странная практика несколько изменилась в 1963–1964 годах. Приезжал кто-либо из чиновников Министерства в университет, как и в другие вузы, и своим росчерком подписывал список, не вникая в него, да и не считая «грешников». К середине 1960-х годов эта порочная практика прекратилась, хотя Министерство отслеживало статистику отчислений. Коэффициент отсева в нашем университете был низкий: из 100 человек, принятых на первый курс, через пять лет к благополучному исходу приходили 93–94 %, т. е. 6–7 % отсеивалось против 20–25 % в западных университетах. По сравнению с западными университетами коэффициент полезного действия советских вузов, включая ВГУ, был более высоким по эффективности учебного процесса, хотя материально-техническая и лабораторная база была намного слабее. Мне придётся вернуться к этой проблеме в следующих главах. Но сейчас хочу подчеркнуть, что разухабистая критика в 90-х и в последующие десятилетия системы образования в целом и высшего в особенности в нашей стране не отображала реальностей, не носила конструктивного характера и преследовала идеологические цели дискредитации не только СССР, но и России как исторически сложившегося самодостаточного общества и суверенного государства. Я утверждаю так не из-за ностальгической запальчивости. Советская система высшего образования эволюционировала, периодически накапливались недостатки, осложняющие и подготовку специалистов, и научные исследования. Но она никогда не была тупиковой. Считать её порочной могут только люди, не знающие существа процессов или в состоянии невротической радикалистской критики. В большинстве западных стран, в том числе и в США, умели ценить советскую систему высшего образования. Но и к этому вернусь в своих воспоминаниях; ещё есть что сказать, как сравнивать и от чего нужно освобождаться в практике и в идеологии высшего образования.

Министерский бюрократизм, мелочная опека (включая и роспись статей бюджетных расходов), несоответствие материально-технической и лабораторной базы, дефицит жилья для профессорско-преподавательского состава – всё это сковывало развитие университета, наращивание его научного и педагогического потенциала, конфликтно осложняло человеческие отношения. Опираясь на партийную организацию и постоянно взаимодействуя с ней, делясь своим пониманием проблем и способа их преодоления, Борис Иванович Михантьев как ректор стремился всех и каждого включить не только в решение практических задач, но и в управление университетом. В ВГУ существовали и функционировали десятки общественных организаций, к голосу которых он прислушивался, включая и студенческое самоуправление, социокультурные объединения, научные сообщества. Он никогда не ссылался на объективные обстоятельства, тщательно анализируя их и взвешивая ресурсы конструктивных действий. Считаясь со мной как избранным секретарём парткома, он учил меня – молодого и не имеющего большого жизненного опыта – сложному искусству научного анализа разноречивых точек зрения при подходе к реальным проблемам, выискиванию конструктивных суждений. Учил терпению, настойчивой целеустремлённости. Корректно сдерживал мою горячность, которая, говоря откровенно, иногда и нередко вспыхивала во мне, когда мне казалось что-то очевидным, а кто-то немотивированно сопротивлялся.

В результате многочисленных бесед и взаимодействий мне кажется, я понял главные принципы ректорства Бориса Ивановича Михантьева: 1) реалистично, тщательно анализировать и всесторонне оценивать сложившиеся обстоятельства для взвешенного принятия решений. Никакую ситуацию не оценивать как тупиковую или абсолютно благоприятную; 2) если есть возможность сделать что-то лучше, мобилизуй ресурсы и делай. Если возможности или ресурсов нет, работай так, чтобы создать условия для их появления. Тупиковые ситуации возникают не сами по себе, а потому, что не ищут возможностей и не создают ресурсы выхода из них. Не полагайся на благоприятную ситуацию; она может иссохнуть, если пустить её на самотёк и не поддерживать делом и ресурсами; 3) не ищи врагов, они сами явятся. Ищи союзников, партнёров, коллег; 4) держи в запасе и создавай способы корректировки своих действий в развитии ситуации; 5) управление – процесс не только технологический, но и нравственный. Оно требует не только знаний, но и совести. Не ставь себя в исключительное положение, кроме одного: на тебе главная ответственность за результаты управления. Взвешивай себя в этом процессе; не преувеличивай и не впадай в самоуничижение.

В центре обязанностей и ответственности Б. И. Михантьева была неисчерпаемая забота о Воронежском университете, его людях, высшем образовании, науке. В этом он видел свой гражданский и научный долг, свой нравственный императив. В память университетского коллектива – профессорско-преподавательского состава, сотрудников, студенчества – запали и у большинства, смею утверждать,

сохранились михантьевские нравственные векторы порядочности, справедливости, уважительности к каждому, стремление всех и каждого вовлечь в общее дело, склонность помочь даже незнакомому человеку. Конечно, были и недруги, и люди, не разделяющие позиции ректора, и люди равнодушные, и даже склочники. Не хотелось бы о них писать, но придётся на какой-нибудь странице. Жизнь надо брать во всех её проявлениях.

Принципы, способы осуществления многомерных ректорских функций вкупе с нравственными установками, гражданским самосознанием и масштабным государственным мышлением были в 50–60-х годах главными факторами динамичного развития Воронежского университета. И они долго положительно сказывались в последующие десятилетия. Уже в первые шестидесятые годы ВГУ стал одним из ведущих университетов России и СССР. М. Д. Карпачёв как историк констатировал в своём исследовании, что «в годы ректорства Б. И. Михантьева» ВГУ «рос быстрее большинства других вузов страны и довольно скоро выдвинулся в число крупнейших советских университетов»[1].

В 1963 году Министерство высшего образования направило в наш университет большую комиссию. В неё входили представители разных, преимущественно московских, вузов, Министерства (начальник Главного управления университетов Н. В. Пилипенко), представитель воронежского обкома КПСС и несколько профессоров из воронежских вузов. Возглавлял её хорошо известный и авторитетный в высшей школе России ректор Мордовского университета Г. Я. Меркушкин. Комиссия работала несколько недель. Мне более всего приходилось иметь дело с Николаем Варфоломеевичем Пилипенко. Он доктор философских наук, ранее работал в Ярославском университете. Я был знаком с ним со времён повышения квалификации при МГУ. В составе комиссии была и заведующая отделом науки и образования обкома КПСС Галина Александровна Алёшина. Довелось рассказывать, показывать, объяснять и писать различные справки. Самое неприятное было писать объяснительную записку о случаях самоубийств. Года за два до комиссии было несколько таких трагедий по личным и семейным обстоятельствам: жена профессора, два студента, доцент, рабочий ботанического сада (в годы войны сотрудничал с фашистами и понял, что КГБ вышел на его след); погибла студентка на сельхозработах. По каждому из случаев были расследования, и соответствующие органы ничего криминального не нашли. Такие трагедии всегда тревожно переживаются в любом коллективе; строятся домыслы, высказываются разные суждения, возбуждается общественное мнение. Кто-то воспользовался этим (неизвестно, с какой целью) и направлял каждый раз анонимные письма в Министерство и ещё кое-куда. Писать об этом тяжело, но что было, то было. Само по себе это не сказалось на оценке университета в целом и деятельности ректора.

[1] *Карпачёв М. Д.* Указ. соч. С. 418.

Комиссия выявила очевидное: несоответствие научно-педагогической квалификации профессорско-преподавательского состава масштабу, темпам развития Воронежского университета и сложности тех направлений, по которым велась подготовка специалистов. Несоответствие это было хорошо известно и ректорату, и парткому. Только 5 % преподавателей имели учёную степень доктора наук, 29 % – кандидаты наук. Многие кафедры, даже на таком факультете, как физический, возглавляли доценты. Такая ситуация сложилась в результате острого дефицита высококвалифицированных научно-педагогических кадров в Воронеже в условиях высоких темпов нарастания студенческих контингентов. Можно было бы, наряду с подготовкой кадров через аспирантуру и созданием более благоприятных условий для работы над докторскими диссертациями (творческие отпуска, снижение педнагрузки и т. п.), приглашать на постоянную работу высококвалифицированных специалистов со стороны. Воронеж и ВГУ были привлекательными. Но крайне скудными были наши возможности из-за острой нехватки жилья. Квартирный вопрос держал в постоянном напряжении руководство ВГУ, создавал острые конфликты и портил человеческие отношения. Кому и чему отдать предпочтение, когда удавалось «раздобыть» несколько квартир: приглашённым профессорам или остро нуждающимся преподавателям, многие годы самоотверженно работающим в университете? Старослужащие склонны были упрекать ректорат, когда квартирный вопрос решался в пользу приглашённых. И шли жаловаться в партком «на очевидную» несправедливость, хотя ни ректорат, ни партком не делили «квартирный пирог», а только стремились каким-то образом «испечь». Делил местком профсоюза.

Комиссия отметила и низкую обеспеченность учебными площадями.

Каких-либо серьёзных замечаний по качеству учебного процесса, подготовке специалистов не было высказано, хотя проверка была масштабной и деятельной. В отличие от так называемого аудита, который почему-то стал терзающей, но формальной практикой в высшей школе с конца 90-х годов прошлого века. Во второй его половине проверка качества учебного процесса велась по реальной практике и результатам. Члены комиссии посещали лекции, семинарские и лабораторные занятия, собеседовали с преподавателями и студентами, анализировали учебные планы и программы, обеспеченность учебниками и методическими пособиями, кафедральные методы контроля занятий и т. п. Ко мне на лекцию по философии пришёл начальник Главного управления университетов доктор философских наук, заместитель председателя министерской комиссии Николай Варфоломеевич Пилипенко. К счастью для меня, тема лекции была по истмату «Общество и личность» на родном мне филологическом факультете.

В меньшей мере комиссия анализировала состояние и результаты научно-исследовательской работы. К тому времени ряд факультетов вёл так называемые хоздоговорные работы (физики, геологи), которые давали возможность закупать

лабораторное оборудование, приборы, да и прирабатывать преподавателям, инженерам, лаборантам, даже студентам (на последнем всегда настаивал ректор).

Завершив свою работу и подводя итоги, министерская комиссия, высказав ряд критических замечаний, в целом дала, нам на удивление, очень высокую оценку деятельности Воронежского университета и его руководства. По некоторым показателям ВГУ вошёл вместе с МГУ и ЛГУ в тройку ведущих университетов страны (по численности студентов, профессорско-преподавательского состава, темпам развития). Председатель комиссии ректор Мордовского университета Г. Я. Меркушкин особенно одобрительно высказался о методах и стиле работы ректората во главе с Б. И. Михантьевым. И это не было солидарным комплиментом ректора своему воронежскому коллеге. Он говорил о положительном опыте руководства в сложных условиях, который можно и нужно использовать в других вузах.

1963 год был особым годом в моей жизни, в работе, в переживаниях. 19 июня я защитил кандидатскую диссертацию в Институте философии АН СССР. Пробиться с диссертацией на диссертационный совет в академический институт было трудно, и надо было иметь провинциальную безоглядность, счастливый случай и решимость. «Случай» представился, вернее, мне его подсказали. Ещё в самом конце 1959 года в Институте философии АН СССР задумали исследовать проблему соотношения общественного и личного в советском обществе и подготовить коллективную монографию с учёными какой-либо области, подключив местных исследователей. Счастливый (для меня) выбор пал на Воронеж как университетский город. Были созданы орггруппа и исследовательский коллектив; предварительно определена программа, проблематика, финансирование. Координатором от Института философии была молодая кандидат наук О. П. Целикова, от Воронежа – заведующая отделом науки и образования обкома КПСС, кандидат философских наук Г. А. Алёшина. Я был включён в авторский коллектив с темой «Общественное мнение и личность». Исследовательская работа с некоторым скрежетом пошла. Следует заметить, что Институт философии ориентировался на привлечение научной молодёжи. По-видимому, был замысел: дать возможность провинциальной молодёжи открыть дверь в академическую науку. Коллективная монография «Общественное и личное» вышла в свет в конце 1960 года в Издательстве Воронежского государственного университета объёмом в 14 печатных листов. Она хорошо была принята научной общественностью; были положительные рецензии; в одной из них авторов упрекнули в том, что не были использованы методы и материалы конкретно-социологических исследований. Упрёк касался прежде всего моей главы «Общественное мнение и личность». Он справедлив. В то время я ещё не владел методами конкретно-социологических исследований и не знал, как их организовывать. В этой главе я анализировал эту сложную проблему в общефилософском плане, пытаясь подвергнуть сомнению безусловность ценности идеи подчинения личного общественному и доказать неправомерность сведения личного к индивидуалистическому.

Изданная Издательством ВГУ, но под эгидой Института философии АН СССР монография давала мне какую-то возможность представить свою переработанную диссертацию на самый высокий философский суд. Но я как-то об этом не догадывался. Поэтому первоначально обратился с просьбой на философский факультет МГУ. И получил отказ, высказанный в деликатной форме. Первым догадался о возможностях Института философии мой коллега – однокурсник по аспирантуре Николай Мухортов. Его диссертация была по философским проблемам этики. Не ставя в известность научного руководителя Б. М. Бернадинера, он попросил Ольгу Петровну Целикову (куратора коллективной монографии) походатайствовать о нём перед руководством Института философии относительно возможной защиты диссертации. Согласие было получено, диссертацию приняли к защите, которая вскоре и состоялась в 1962 году. Это подтолкнуло меня, хотя мухортовской решимости у меня не было. Скребли сомнения. Но через некоторое время по ходатайству и рекомендации О. П. Целиковой и моя диссертация была принята.

Но случилось неожиданное: научный руководитель Б. М. Бернадинер заявил, что свою подпись не даст, и потребовал снять его фамилию с титульного листа диссертации. Это было так неожиданно, что ошеломило меня. Аргумент Борис Моисеевич выдвинул один: в диссертации не освещён вопрос о движении народов Африки и Азии против колониализма за свободу и национальную независимость. Аргумент странный. Движение колониальных народов за свободу нарастало. Но эта социально-политическая проблематика не входила в предмет моей диссертации и никогда в консультациях с научным руководителем не обсуждалась даже косвенно. Трудно сказать, почему Борис Моисеевич выдвинул такой аргумент, как причину снять его фамилию с титульного листа диссертации, т. е. фактически он отказывался от статуса научного руководителя после решения кафедры, за которое он голосовал, о допуске к защите. Спорить было бесполезно; я ушёл в недоумении. Может быть, отказ научного руководителя был своеобразной реакцией на то, что его ученик, мой коллега Н. Мухортов без его ведома защитил диссертацию в Институте философии? Но я-то тут причём? Скорее всего, было нечто другое, что всплыло в моей памяти много лет спустя. Отношения с Борисом Моисеевичем у меня были всегда хорошие, даже почтительные с моей стороны и, как мне казалось, доверительные с его. Однажды он занемог, и врачи рекомендовали стационарное обследование в спецбольнице (это до рокового инсульта в 1963 году). В Издательстве ВГУ готовился к выпуску сборник научных работ обществоведов. В нём была статья Б. М. Бернадинера о роли народных масс. Пришла вёрстка. Необходимы были авторская корректура и подпись (тогда никаких компьютеров не было). Борис Моисеевич попросил меня поработать с вёрсткой и выверить её (при линотипном наборе ошибки неизбежны). Я был горд доверием профессора; тщательно всё проверил, поправил, советуясь со своей женой Галей, которая работала редактором университетского книгоиздательства. Борис Моисе-

евич находился ещё в больнице; я ходил к нему почти каждый день. Передал исправленную вёрстку. И без всякого умысла сказал, что типографский линотипист разрезал испанского философа Х. Ортега-и-Гассета надвое. «Как?» – спросил Борис Моисеевич. Я указал два места в вёрстке. В одной из них читалось: «Реакционные испанские философы Ортега и Гассет». И в другой строке линотипист союз «и» оставил, опустив дефисы; получились два испанских философа. Я поправил: «Х. Ортега-и-Гассет», не вдаваясь в авторскую оценку взглядов испанского философа (кстати, впоследствии выяснилось, что он не реакционер, антифашист и гуманист). Борис Моисеевич как-то хмуро спросил, на основании каких источников я восстановил написание фамилии испанского философа и внёс поправку. Я назвал: у меня был немецкий философский словарь. Профессор подписал вёрстку. Я не придал этому случаю никакого значения. Как-то в кругу друзей, посетовав, что мы плохо знаем современную западную философию, я сказал, что иногда мы путаем даже фамилии философов, черпая сведения о них из вторичных мутноватых источников. Кто-то передал разговор Борису Моисеевичу, интерпретировав его как прямой выпад против него. После выхода Б. М. Бернадинера из больницы я почувствовал изменение отношений. Но опять-таки не придал этому значения, хотя что-то настораживало.

Необходимо было везти мой опус в Институт философии для предварительного рассмотрения (эта процедура тогда называлась предзащитой), а подписи научного руководителя нет. Решил посоветоваться со своим другом, фронтовиком Сергеем Николаевичем Титовым. Он был заместителем Б. М. Бернадинера по кафедре. Защитил в своё время диссертацию под его руководством по эстетике. Сергей Титов был человеком опытным, мудрым. Он выслушал мои сетования о «разделе» испанского философа Х. Ортега-и-Гассета «надвое». Сергей Николаевич, посочувствовав мне и недоумевая, посоветовал: «Решение кафедры о допуске к защите есть. Оно было подписано Б. М. Бернадинером ранее. Вези диссертацию без указания, кто был научным руководителем. Такие диссертации принимаются, в инструкциях ВАК ничего об этом не предписано. Судят по достоинству самой работы».

Ректору Б. И. Михантьеву о возникшем недоразумении с научным руководителем говорить не стал, чтобы не осложнять отношения Бориса Моисеевича с ним.

Диссертацию отвёз. Довольно скоро получил приглашение на предварительное обсуждение на истматовской секции. Работа академических институтов строилась не так, как в системе высшего образования. И мне нужно было приспособиться к режиму Института философии. Собственно, заседания секции, как я её представлял, не было. Четыре человека выслушали меня и одного рецензента, задали вопросы. Благожелательно, но остро. Полистали мой опус и решили допустить к защите. Первым оппонентом решили назначить авторитетного в то время члена-корреспондента АН СССР Цолака Александровича Степаняна. Он был председателем совета, в котором предстояло мне защищаться. В то время, в

отличие от нынешнего, это не то, что допускалось, а не запрещалось. Была назначена дата защиты – 19 июня 1963 года. Но за неделю до неё в газете «Вечерняя Москва» нужно опубликовать соответствующее объявление со всеми реквизитами. Дня за три при входе в Институт философии (Волхонка, 14) должно быть вывешено объявление (на полном ватманском листе).

Для психологической поддержки на защиту пришли когда-то плодотворно сотрудничавшие с ВГУ (в бытность мою студентом) профессора Елена Викторовна Чистякова, её муж Владимир Аронович Дунаевский, работающие в Институте истории АН СССР (в том же здании, что Институт философии по Волхонке, 14). Добрые, замечательные люди. Я не был студентом-историком, когда они работали в ВГУ. Елена Викторовна один семестр читала нам (и как читала!) историю России. Мы не были близкими знакомыми, да и статус у нас был разный: она доктор исторических наук, а я соискатель кандидатской степени. Пришла в поддержку и Галина Александровна Алёшина, бывшая заведующая отделом науки и образования Воронежского обкома КПСС. Она проходила переподготовку в ИППК при МГУ.

Защита была бурной. Много вопросов. Дискутировали формулу «свобода есть познанная необходимость». Резким было выступление одного пришедшего со стороны. «О какой свободе можно говорить, когда Сталин выкашивал крестьян и интеллигенцию?» Выступление носило митингово-политический характер. Его молча слушали. Мне секретарь совета шепнул на ухо: «Этот всегда приходит на все защиты и говорит одно и то же. Он бывший репрессированный». Члены совета с ним не полемизировали. В заключительном слове, поблагодарив членов совета и своих оппонентов, я поблагодарил и за защиту свободы того, кто пострадал не по «необходимости».

Проголосовали, насколько я помню, единогласно. После защиты по традиции – скромный банкет в болгарском ресторане «София». Пришло большинство членов совета во главе с членом-корреспондентом Ц. А. Степаняном; пришли и Елена Викторовна Чистякова, Владимир Аронович Дунаевский, конечно, Галина Александровна Алёшина, за что им я был сердечно благодарен. В полночь с междугородней телефонной станции позвонил жене Гале, сообщив, что всё благополучно. Она очень волновалась.

Кажется, я слишком затянул свои воспоминания о защите первой своей диссертации. Всё было непросто. И по объективным обстоятельствам, и по субъективным причинам. Наверное, затянутость воспоминаний о диссертационных приключениях получилась потому, что это тоже была жизненная школа, как преодолеть барьеры и ухабы на пути и не терять себя.

Вернувшись в Воронеж, вновь с некоторым воодушевлением включился и в учебный процесс, и в общественную работу, а её накопилось больше, чем по горло. Ректор Б. И. Михантьев был рад моему научному остепенению. Борису Моисеевичу Бернадинеру на кафедре уже сообщили. Я постеснялся поблагодарить его, чтобы не ставить в неудобное положение.

Мне очень хотелось освободиться от должности секретаря парткома и сосредоточиться на научно-педагогической работе, прежде всего на научно-исследовательской. Но жизнь ставила свои проблемы и пыталась поворачивать по-своему.

Кому-то в верхних структурах руководства КПСС города и области вздумалось сделать из меня профессионального партийного функционера. Однажды позвонил второй секретарь горкома КПСС Н. А. Журавлёв и попросил зайти к нему. В беседе о делах в университете он между прочим поведал, что на днях меня вызовет первый секретарь Королёв и выскажет решение предложить твою кандидатуру на пост первого секретаря Центрального райкома (я был членом райкома с 1960 года, членом бюро райкома с 1961 года). Спросил о моём мнении. Я высказался решительно против. Во-первых, мой удел – научно-педагогическая работа, во-вторых, не подхожу к профессиональной партийной работе по характеру и жизненному опыту. Николай Антонович с последним полусогласился: «Да, ты слишком интеллигентен. Но отвертеться тебе не удастся: уже есть решение бюро горкома». Я спросил, по чьей инициативе возникло такое неприемлемое мнение круто изменить мою судьбу. Оказалось, мою кандидатуру выдвинула Анна Ивановна Тарасова, первый секретарь Центрального райкома КПСС. Она решила (или ей предложили) перейти на пенсию по возрасту. Анна Ивановна была честным и авторитетным партийным работником; она много сделала для района. Но время шло, и выявлялось всё более и более некоторое несоответствие её образования и культуры района, в котором сосредоточены вузы, театры, главные торговые центры, проживает большинство интеллигенции. Надо сказать, Анна Ивановна сама это чувствовала. Вот она и проявила инициативу выдвинуть на пост первого секретаря Центрального райкома университетского человека. ВГУ, его людей она знала поверхностно. К чести её сказать, никогда в отличие от других не стремилась во что-то вмешиваться. Но, естественно, со мной общалась по работе постоянно. Кстати, никогда авторитарно не давила и прислушивалась к мнению университетского парткома.

Беседуя с Н. А. Журавлёвым, я всё более и более задумывался, а зачем он меня пригласил и к чему клонит в разговоре. Прощупать настроение и моё отношение к карьерному выдвижению в секретари райкома КПСС? Предупредить, чтобы не очень сопротивлялся или, наоборот, радовался и благодарил? Нет, что-то не то… Наконец, прояснилось: не только для меня это карьерное предложение не приемлемо, но и для моего собеседника, который ведёт со мной разговор не по заданию бюро горкома, а по собственной инициативе. Николай Антонович предложил некий финт. «Ты категорически возражаешь против избрания тебя первым секретарём райкома. Но тебя на днях пригласит Королёв, первый секретарь горкома партии, и тебе не удастся отвертеться. Есть партийная дисциплина. В противном случае будут предприняты меры, неприятные и обидные для тебя. Давай сделаем так. В назначенный день и час (я его знаю) Королёва срочно куда-нибудь вызовут.

Это моя забота. Перед твоим приходом Королёв в связи с экстренным вызовом поручит мне провести с тобой неотложный разговор. Потом доложу первому, что ты всё же слабоват для секретаря такого сложного райкома, как Центральный». «Это правда!» – воскликнул я. Так и решили.

В назначенный день и час я пришёл в горком КПСС по вызову первого секретаря. Королёва не было. Как это сделал второй секретарь Журавлёв, до сих пор не знаю. Может, случайно. Николай Антонович поговорил несколько минут по «оргвопросу» в официальной манере. Я, по уговору, тактично, но твёрдо отказывался. На следующий день Н. А. Журавлёв сообщил мне, что убедил Королёва в том, что я неподходящая кандидатура. К счастью, Королёв плохо меня знал и удовлетворился аргументами Журавлёва. А. И. Тарасова была раздосадована. Зато жена моя радовалась; она лучше знала меня, и друзья не огорчились. Для возможного будущего читателя моих записок поясню: организационные структуры КПСС (райкомы, горкомы, обкомы, Центральный комитет) были верховной властью на соответствующих территориях.

Чтобы не возвращаться впредь к проблеме номенклатурной карьеры, придётся рассказать ещё один сюжет, который возник и развернулся позже на более высоком уровне и в ином стиле. Первым секретарём Воронежского обкома КПСС долгое время был Степан Дмитриевич Хитров. Человек по-своему легендарный, в котором удивительно сочетались мужицкий демократизм и диктаторская властность. Его сын учился в университете сначала на геологическом (неудачно), затем на историческом (кое-как). Увлекался крепкими напитками, доставлял немало неприятностей и семье, и университету. В своё время секретарь горкома ВЛКСМ Владимир Второв на отчётно-выборной комсомольской городской конференции высказался остро критично по проблеме поведения сына высокого областного руководителя. Дня через два Владимир Второв был освобождён от должности второго секретаря горкома комсомола и вернулся в Alma mater.

То, о чём сейчас расскажу, не связано никоим образом с этим случаем, да и было позже. С. Д. Хитров хорошо знал университет и многих его учёных. Часто бывал в университете; выступал на Учёном совете, на партийных конференциях; иногда проводил совещания по проблемам развития производительных сил. Помогал в строительстве главного корпуса. Б. И. Михантьев был членом бюро обкома КПСС и, насколько я могу судить, взаимоотношения между ним и С. Д. Хитровым были взаимоуважительными. Мне приходилось общаться с С. Д. Хитровым по ряду университетских и внеуниверситетских проблем. Однажды его секретарша позвонила и сообщила, что Степан Дмитриевич просит зайти к нему завтра, и определила время. Кстати, доступ в обком КПСС (верховной власти в области) тогда был свободным по предъявлению партбилета, а для беспартийных – по предварительной записи с паспортом и формулировкой вопроса. После телефонного звонка я зашёл к ректору. Спросил Бориса Ивановича, зачем нас вызывают к

первому. Он сказал, что его не вызывают, а зачем меня – ему неизвестно. На следующий день пошёл в обком. С. Д. Хитров враз меня принял. Вышел из-за своего стола, сел за маленький стол (впритык к большому), предложив сесть напротив. Мне уже был ведом партийно-чиновничий знаковый этикет. Почувствовал, что предстоит особый разговор. Степан Дмитриевич спросил что-то об университете, о личных планах. И вдруг предложил: «Есть мнение: назначить Вас заведующим идеологическим отделом обкома. В перспективе – секретарь обкома. Вы философ. Нам нужны знающие люди. Как вы на это смотрите?» Я сказал, что смотрю отрицательно, так как по своему характеру я непартийный работник. «Ну вы же руководите одной из крупнейших и сложных партийных организаций области. И отзывы о вас хорошие». Я стал доказывать обратное. К тому же не я руковожу, а партком. Степан Дмитриевич, по-видимому, не ожидал возражения и, наверное, посчитал, что я или из скромности, или из процедурного кокетства отказываюсь. «То, что вы отказываетесь – это в вашу пользу: вы ответственный человек, а способности у вас есть. Это моё мнение», – высказался С. Д. Хитров. «Но не моё», – ответил я. Степан Дмитриевич стал меня убеждать, что мне это полезно и «Вам оказывают высокую честь». Я поблагодарил за оказанную честь и доверие, но сказал, что принять не могу. Первый секретарь обкома КПСС пригрозил чуть ли не исключением из партии. Я возразил, что ничего против партии не сделал, а отказ от предложения занять пост, не соответствующий моим планам, – отнюдь не против партии. Степан Дмитриевич вскипел выше 100 градусов и обложил меня матом. Не очень сложным. Я встал, делать было нечего, и сказал: «Степан Дмитриевич, извините, что не могу согласиться с Вами. Но ваш мат меня не убедил. Я филолог по образованию. По И. А. Бодуэну де Куртенэ могу запустить такое, что милиционер на первом этаже вздрогнет. Но уважая Ваш Высокий Пост, не запущу. Извините. До свидания». Повернулся уходить. Степан Дмитриевич остановил: «На вашем месте многие бы предложение с благодарностью приняли». – «Не сомневаюсь. Найдёте. Достойных людей много». На этом расстались.

Придя в университет взъерошенным, зашёл к ректору, рассказал. Борис Иванович закурил и мне протянул пачку сигарет. Спросил, кто такой Бодуэн де Куртенэ. Я рассказал ему об этом выдающемся русском лингвисте и его криптоглоссарии. Борис Иванович рассмеялся и посоветовал не обижаться на Хитрова: «Партийная работа взвинчивает нервы». У меня действительно не было обиды. Я чувствовал себя победителем, хотя и потрёпанным. Я не поддался нажиму и соблазнам. Впоследствии отношение С. Д. Хитрова ко мне было нормальным и доброжелательным. Он умел укрощать свои нервы и не переносить деловое на личное, а личное – на деловое. Дней через 10 мы с Б. И. Михантьевым были у С. Д. Хитрова на приёме по проблемам строительства университета. Степан Дмитриевич нормально обговорил наши вопросы, звонил строителям и ничем не обозначил своё отношение к нашему бурному разговору. И никогда об этом не напоминал. А человек вскоре нашёлся.

17 сентября 1963 года умер мой отец. Года за три до трагедии у него был инсульт, но врачи его восстановили. Он продолжал работать главным бухгалтером строительного треста № 4. Накануне, 16 сентября, в тресте на открытом партсобрании зачитывали очередное полемическое письмо ЦК КПСС Центральному комитету компартии Китая. Отец пошёл на собрание, хотя был беспартийным. Мой отец очень переживал затяжной и никому не понятный (в том числе и руководству ЦК КПСС, как я его теперь понимаю) конфликт между СССР и Народным Китаем. Во время читки письма мой отец упал. В бессознательном состоянии отправили в больницу. На рассвете 17 сентября он умер: разрыв аорты (аневризма) головного мозга; спасти его было невозможно. Ему было 60 лет.

Мама осталась одна в коммунальной квартире; каждый день после работы я заходил к ней, как и моя сестра Тамара (строитель) и брат Николай (фронтовик, войну закончил в Праге и работал на заводе «Электросигнал»).

Осенью 1963 года в газете «Советская Россия» была опубликована небольшая статья спецкора Пошатаева, в которой руководство ВГУ, прежде всего я, как секретарь парткома, подвергалось критике за то, что якобы незаконно зачислили и переводили с курса на курс сына крупного партийного работника. Спецкор был в университете, посетил плохо подготовленную и проведённую комсомольскую конференцию. Со мной он встречался два раза, сколько-либо серьёзных разговоров у меня с ним не было. В это время умер мой отец, и я был занят похоронами и другими печальными делами. Студент, обозначим его А, существовал в университете; я о нём ничего не знал. Его мать уже не была крупным партийным работником, она работала доцентом кафедры философии. Созданная Комиссия выяснила, что ничего противозаконного ректорат в связи с ним не делал; академическими успехами или провалами студент не отличался. Учился средне. Приведённые в статье якобы факты не подтвердились. Спецкор писал с чужих, непроверенных слов. Статья была явно предумышленно направлена против меня. Много позже мне раскрыли её тайну, но писать об этом не буду. Обком КПСС после обстоятельной проверки направил в редакцию «Советской России» справку о недостоверности статьи. Однако было неприятно. Кому-то наступил на «любимую мозоль». «Мозоли» действительно бывали.

В ноябре 1963 года состоялась отчётно-выборная конференция парторганизации университета. Университетским конференциям всегда придавали особое значение вышестоящие партийные органы. К ним готовились не только партком, его секретарь, но райком, горком, обком КПСС. За три-четыре недели велись различные консультации, совещания, требовались различные справки, велась сверка и проверка документации. До итоговой конференции прошли отчётно-перевыборные собрания в партийных организациях факультетов и хозяйственной части. Я побывал на всех. Вслушивался в отчётные доклады, в выступления коммунистов, концентрируясь на критике и конструктивных предложениях. Это давало

возможность узнать и сравнить различные, часто противоположные точки зрения, позиции, представить более объёмно и конкретно состояние университета в его подразделениях. Большинство первичных парторганизаций констатировали положительную динамику университетских процессов и в своих подразделениях. Но остро говорилось о плохих жилищных условиях (около трети преподавателей жили или в студенческих общежитиях, или снимали квартиры, или ютились в «коммуналках», или прозябали в неприспособленных помещениях). Выражалось недовольство оборудованием (в том числе аудиторной мебелью), слабой и несовременной оснащённостью лабораторий. Отмечалась низкая культура быта в студенческих общежитиях. Предлагалось парткому и ректорату (эти два органа воспринимались как нечто нераздельное, совместно несущее равную ответственность перед коллективом за всё, что происходит в университете) больше нажимать на городские и областные структуры для решения жилищного вопроса, высказывались идеи о кооперативном и долевом строительстве многоквартирных домов. Многие (чаще всего молодые преподаватели) размышляли о трудностях ведения научных исследований из-за высоких педагогических нагрузок, отнимающих от 70 до 80 % всего рабочего времени. В центре внимания стояли вопросы профессиональной подготовки специалистов, их воспитания и культурного развития. Никаких идеологических и тем более политических споров, столкновений на собраниях не возникало. Функционирование факультетских организаций было ориентировано на решение тех задач, которые были поставлены перед университетом обществом и государством, и на те проблемы, которые так или иначе мешали, затрудняли плодотворную работу.

В ходе подготовки конференции почти каждый вечер в парткоме по моей просьбе собиралось 3–5 членов, отвечающих за определённые секторы работы, проблемы. Совместно готовили соответствующие разделы отчёта парткома на предстоящей конференции. При этом мы стремились показать деятельность именно парткома, партийной организации конкретно, а не вообще описывать жизнедеятельность университета. Это по многим проблемам сделать было трудно, ибо работа всегда велась в тесной связи с ректором, Учёным советом.

При анализе учебного процесса обращалось внимание на деятельность партийных организаций по повышению качества преподавания, педагогического мастерства, трудовой дисциплины, каким образом и с какой результативностью ставились и решались соответствующие вопросы, какова была позиция и активность членов КПСС. Партком курировал методологические семинары, существующие на факультетах с большей или меньшей эффективностью. В этой сфере партком взаимодействовал с проректором по учебной работе (впоследствии это называлось иначе) профессором Петром Михайловичем Гапоновым. По его инициативе и деятельной устремлённости Воронежский университет стал одним из новаторов научных исследований проблем педагогики высшей школы. Было

издано несколько тематических сборников, получивших признание не только в воронежских вузах. Пётр Михайлович был блестящим лектором и вдумчивым аналитиком учебных планов, талантливым организатором учебного процесса. В поле своего внимания держал даже качество расписаний занятий. Расписание занятий, говорил он, – это организация, определяющая режим рабочего дня и недели студента и преподавателя. Оно должно учитывать интересы того и другого, иметь внутреннюю логику, психолого-педагогическую мотивированность распределения и последовательность преподаваемых учебных дисциплин и форм занятий. Пётр Михайлович подписывал как проректор семестровые расписания всех факультетов. И отнюдь не из-за административного рвения. Расписание занятий, по его твёрдому убеждению, не должно следовать капризам определённых преподавателей или произволу заместителей декана, тем более технического работника. Интенсивность использования аудиторного фонда была очень высокой. Его явно не хватало, к тому же учебный процесс строился из расчёта 42-часовой недельной нагрузки по расписанию. И тем не менее проректор считал: аудитория должна хотя бы два часа отдыхать. Проректор П. М. Гапонов учил организаторов учебного процесса методической культуре с целью повышения педагогической продуктивности познавательной деятельности студента и труда преподавателя. Жаль, что уроки талантливого организатора образовательного процесса забыты в бестолковые десятилетия «реформирования» высшей школы. Когда вникаешь в некоторые нынешние расписания занятий, то поневоле вспоминаются анекдоты о «блондинке за рулём».

Вмешивался партком в содержание преподаваемых учебных курсов? Вопреки утверждению некоторых, считающих себя либералами и не знающими реальных процессов, этого не было. Комплексы научных дисциплин и их содержание (во всяком случае, тематика и проблематика) определялись учебными планами и конкретными программами определённых курсов. В отличие от практики постсоветской высшей школы, учебные планы по различным направлениям подготовки специалистов, да и большинство программ, разрабатывались министерскими структурами. Возможности вузов были существенно ограничены, и за их расширение наш университет боролся. И это было делом ректората, деканатов, в меньшей мере кафедр.

Изредка были случаи, когда парткому приходилось в реальной практике критически реагировать и что-то поправлять. Так однажды случилось на молодом факультете романо-германской филологии. Некоторые преподаватели стали давать студентам английского отделения для практики перевода на русский язык тексты с антисоветским содержанием. Некоторые студенты возмутились и пришли в партком. Я с ними побеседовал, они показали тексты из американского журнала. Сказал, что вам в будущем, если станете переводчиками, придётся переводить разные по идейно-политическому смыслу тексты, и вы должны научиться воспри-

нимать их критически, профессионально переводя. Откровенно говоря, студентам мои разъяснения не очень понравились. Они заметили: «Вот этому критическому анализу нас и не учат, когда отчитываемся за переводческую практику». Один из преподавателей, который дал студентам антисоветский текст для практики перевода, был членом КПСС. Пригласил его в партком. Вначале он сказал, что таких текстов студентам не давал. Но когда я предложил встретиться со студентами, он признался, что давал, обратив внимание на политический смысл статьи, и больше этого делать не будет. Я счёл необходимым высказаться по этому поводу на одном из совещаний профессорско-преподавательского состава факультета романо-германской филологии. Оставить без внимания и разъяснения этот случай было нельзя: шла ожесточённая идеологическая война, начатая не Советским Союзом. Никаких оргвыводов ни по отношению к преподавателю-коммунисту, ни к его беспартийным коллегам не применялось, они были бы излишними.

Несколько большее внимание уделялось преподаванию общественных наук. Соответствующие кафедры (истории КПСС, политической экономии, философии), надо признать, были на особом положении в структуре любого вуза, а в университетах особенно. Их заведующие были номенклатурой обкома КПСС, т. е. их избирали по согласованию с обкомом КПСС. Педагогические нагрузки преподавателей-обществоведов были процентов на 40 меньше, чем у других, кроме математиков. Для организации самостоятельной работы студентов и оказания им методической помощи существовали специализированные кабинеты, а при них методисты. С кафедр общественных наук и его преподавателей был повышенный спрос за воспитательную работу среди студентов. Как правило, они возглавляли советы, группы кураторов на тех факультетах, на которых вели свои курсы. У этих кафедр был общеуниверситетский статус; они не входили (до 90-х годов) в состав факультетов, находились в непосредственном подчинении ректората. У них был общий Учёный совет и единая партийная организация (самая большая в университете). Их учебные программы более жёстко определялись Министерством, учебники были под особым контролем ЦК КПСС. На них возлагалось, наряду с прочим, разъяснение политики КПСС и государства как студентам, так и работникам всех категорий вуза.

Главное, на что обращал внимание партком в работе с обществоведами – прежде всего координация преподавания между кафедрами. Каждый предмет занимал своё определённое место в графике учебного семестра, и преподаватели должны были (что не всегда удачно получалось) вести ту или иную дисциплину с методологической и методической увязкой с тем, что студенты изучали раньше и что будут изучать после. Необходима была не только увязка учебных программ, но и практика педагогической деятельности кафедральных преподавателей. Проблема взаимной координации преподавания была предметом острых дискуссий на партсобраниях и анализа практики её решения парткомом, иногда и Учёным советом

университета. Вторая проблема была более сложной, и она больше возбуждала критических суждений, чем первая. Каким образом в преподавании той или иной общественной науки учитывать профиль подготовки специалистов по различным направлениям. Как будто всё ясно: студенту-физику нельзя читать философию как филологу, а политическую экономию для будущего геолога так преподавать, как специалисту по романо-германской филологии; студент исторического факультета относится к курсу «История КПСС» иначе, чем его коллега с географического факультета. Эта проблема требовала широкой общенаучной эрудиции и способности понимать смысл и проблематику профиля подготовки специалиста и, если можно так выразиться, методической мобильности. Обществоведам часто приходится «переходить» со своими курсами с одного факультета на другой, что почти не наблюдается на других кафедрах или не в такой динамике. Мне приходилось вести порученные курсы на факультетах: историческом, филологическом, физическом, географическом, юридическом, романо-германской филологии, экономическом, геологическом, математико-механическом, биолого-почвенном, журналистики. И только на историческом устойчиво лет 50. На других – по два-три года. Мне было интересно иметь дело с разными студентами, сравнивать их. Более всего мне нравилось вести свои курсы (философские, а с конца 1980-х – социологические по учебному плану факультетов, а факультативно, по просьбе студентов – с середины 60-х годов) на геологическом, физическом, историческом факультетах.

Проще всего, на первый взгляд, профиль подготовки журналистов могли учитывать и учитывали преподаватели философии. В каждой науке есть философские проблемы. Кроме того, на кафедре философии всегда работали преподаватели, имеющие естественно-научное или гуманитарное высшее образование. Собственно философское имели единицы. Другим обществоведческим кафедрам сделать и методологически обоснованным, и методически инструментированным учёт профилей различных факультетов (а направлений больше, чем факультетов) было значительно труднее. Но тем не менее старались. У кого-то получалось лучше, у кого-то хуже, у кого-то не получалось, кто-то вообще игнорировал эту проблему.

Понимая все трудности, партком КПСС всегда её держал в поле своего внимания в начале 60-х годов, да и впоследствии. К сожалению, проблема эта, реально оставаясь и осложняясь, исчезла из поля внимания учёных и методических советов примерно с 80-х годов.

Доминирующими тенденциями в научной сфере были расширение проблематики и направлений исследований, повышение активности всех поколений и категорий научного персонала, создание новых лабораторий, научно-исследовательского физико-химического института, усиление ориентаций на связь с производством и соответствующими структурами (включая Совнархоз Центрально-Чернозёмного региона), появление и развитие хоздоговорных исследований (по заказу и под финансированием предприятий) и т. п. В первой половине 60-х годов

сформировалась и научная школа воронежских математиков. Исключительную роль в её формировании и обретении мировой известности сыграли энергия и талант профессоров М. А. Красносельского, С. Г. Крейна, В. И. Соболева. Ректор Б. И. Михантьев всячески поддерживал математическую школу и гордился ею, хотя кое-кто и упрекал его за повышенное внимание к её основателям. Однако во второй половине 60-х годов неаккуратные (придётся пока так выразиться) действия нового ректора привели к тому, что многие из блестящей математической плеяды покинули породившую их Alma mater, в том числе и Марк Александрович Красносельский. Мне посчастливилось часто общаться с ним, беседовать на разные темы. В основном по проблемам университетской жизни. Кстати, он был страстным любителем рыбной ловли.

Проректоры по научной работе почему-то менялись чаще, чем коллеги, отвечающие за учебный процесс. Но, пожалуй, дольше всех проректором по науке работал Леонид Петрович Залукаев, доктор химических наук. Как и ректор Б. И. Михантьев, он считал, что научное будущее нашего университета зависит не только от энергии молодых преподавателей и сотрудников, но и от того, какие условия для них создаются на кафедрах, в лабораториях, и от поддержки, творческого кураторства представителей старшего поколения. Взаимодействие поколений принципиально важно и для молодых, и для среднего, да и старшего поколения.

В системе высшей школы научно-исследовательская работа включает, говоря социологическим языком, два взаимосвязанных измерения, каждое из которых имеет свою относительную практическую ценность. Она является фактором роста научно-педагогической квалификации; её результаты фиксируются количеством защищённых кандидатских и докторских диссертаций. Этот показатель входит в состав критериев, по которым исчисляют научно-педагогический потенциал вуза. Второй показатель – теоретические и практические достижения научных исследований. Другими словами говоря, что открыто, каков интеллектуальный и практический смысл научно-исследовательской работы, в какой мере она продвинула познание природных и социальных реальностей и какова её польза, ценность для человеческого бытия, которые нельзя утилитаристски сводить к экономическому, тем более рыночному эффекту.

Эти два измерения научно-исследовательской работы в вузах органически, так сказать, житейски взаимосвязаны. Но они нетождественные, невзаимозаменяемые измерения. И дело не только в том, что могут появляться (и появляются!) фальшивые, плагиаторские диссертации. Довольно часто защита диссертации является и венцом и концом научно-исследовательской работы. Не случайно в профессорской среде бытует анекдотический тост-поздравление по поводу защиты докторской диссертации: «Поздравляем, Иван Иванович, с успешным завершением научной работы». Б. И. Михантьев спросил одного молодого талантливого математика (я его хорошо знаю): «Почему Вы не защищаете докторскую диссер-

тацию? По отзывам, Ваши публикации свидетельствуют, что Вы далеко ушли вперёд и вполне по научному уровню Вы – доктор наук. В чём дело?». «А мне некогда, – ответил доцент. – Если я займусь докторской диссертацией, то не сделаю то, что хочу и могу сделать в моём направлении». Диссертации иногда действительно часто отнимают время, отвлекают талант от собственно научных исследований. Знакомый мне математик года через два докторскую диссертацию защитил без всяких осложнений. Она являлась побочным продуктом его научных изысканий.

Сенсационный случай произошёл на биолого-почвенном факультете. Долгое время в заповеднике «Галичья гора» на скромной должности лаборанта работал Сергей Владимирович Голицын (представитель знаменитого княжеского рода Голицыных, второй представитель – Николай Александрович – был старшим преподавателем кафедры философии, мы часто с ним общались). Под руководством Б. М. Козо-Полянского он работал ещё в 20-х годах на кафедре высших растений. Туго пришлось ему в конце 30-х, но продолжал работать. После войны все свои знания и талант вложил в восстановление Ботанического сада ВГУ. Он был патриотом не на словах, а на деле. Хотя и после войны ему было нелегко. Заповедник «Галичья гора» – это своеобразный остаток древнего растительного рая. Там много реликтовых растений. Сергей Владимирович скромно работал. И в середине 60-х годов решил рискнуть и вынес на суд научной общественности свой труд – кандидатскую диссертацию. Кое-кто на биолого-почвенном факультете отнёсся скептически. Сергей Владимирович ещё до революции окончил Императорское высшее офицерское военно-морское училище. Диплома о высшем советском образовании у него не было. Ректор Б. И. Михантьев приложил немало усилий для нострификации диплома Императорского высшего военно-морского училища. Удалось. Императорское военно-морское училище было одним из лучших в Европе, и его диплом по статусу соответствовал диплому о высшем образовании. Вскоре в академическом институте в Москве его кандидатскую (как он её оформил и представил) по научному достоинству оценили как оригинальную докторскую и враз присудили степень доктора биологических наук[1].

Проблема соотношения, сочетания измерений научно-исследовательской работы – квалифицированного и собственно научно-содержательного – одна из сложнейших в вузах. Довольно часто чиновники от науки или представители государственной власти, сравнивая российские и американские университеты, делают выводы не в пользу отечественных. В американских университетах больше лауреатов Нобелевской премии, выше так называемые индексы цитирования, больше публикаций. Но то ли чиновникам неведомо, то ли критическая пыль застилает глаза, то ли свои собственные грехи по-фрейдистски переносят на тех, кто испытывает трудности из-за их ошибок, – не учитывают при сравнении: в американских вузах педагогические нагрузки в 4 раза меньше, чем у нас, лабораторно-ин-

[1] См.: *Данилов В. И.* Сергей Владимирович Голицын. Воронеж, 1988.

Кубинская революционерка Анхела Алонсо, ставшая прототипом героини оперы К. Листова «Дочь Кубы», в ВГУ. Слева – В. Рахманин. Декабрь 1962 года

струментальная оснащённость тоже в разы выше, а о зарплатах и говорить нечего. У американского профессора, да и у ассистента в рабочем времени главная доля отдаётся научным исследованиям. Да и принципы, уровни научно-педагогической квалификации там иные.

60-е годы были годами социального подъёма различных социально-продуктивных инициатив. Это сказывалось и в университете. В сфере научной работы, как уже отмечалось, главными были интенсификация исследований, стремление творчески откликаться на запросы производства, органически сочетать фундаментальные и прикладные исследования, использовать их как фактор роста квалификации профессорско-преподавательского состава (ППС) и улучшения качества ППС для повышения творческой научной отдачи, формирования научных школ и повышения статуса и роли ВГУ в регионе, стране, во взаимосвязях с зарубежными университетами. То, что иногда казалось невозможным, становилось возможным, если находились инициативные люди и была оперативная поддержка со стороны университетского руководства. А оно искало таких людей. Не всегда находило, но чаще всё же удавалось.

Характерен пример возникновения в 1963 году научно-исследовательской лаборатории экономики и организации производства в структуре молодого экономического факультета. Сам факультет только-только формировался (открыт в 1960-м),

был ещё слаб в кадровом и структурном отношениях. Инициативу его открытия проявил заведующий общеуниверситетской кафедрой политической экономии профессор Глухов Анатолий Александрович. Но необходима была структурно организованная научно-практическая связь с промышленным производством. Такой и стала лаборатория экономики и организации производства. За её организацию взялся, казалось бы, пришедший со стороны Владимир Наумович Эйтингон.

Я познакомился с ним вне университета и до его работы в университете. В начале 60-х годов что-то (уже не припомню конкретно) неприятное произошло на заводе имени Ленина (наследника завода Столля). Райком КПСС включил меня в состав комиссии. Мои познания заводской жизни были весьма ограниченными и поверхностными (ещё в годы студенчества вёл политкружок среди молодых рабочих паровозоремонтного завода имени Ф. Дзержинского в оглушающем цехе ремонта паровозных котлов). Комиссию возглавлял парторг завода имени Ф. Дзержинского А. П. Косоногов. Мне было поручено побеседовать с рабочими-коммунистами одного из цехов. Секретарём цеховой парторганизации оказался тогда ещё не знакомый мне Владимир Наумович Эйтингон. Мы с ним быстро нашли общий язык и взаимопонимание. Он был старше меня, участник Великой Отечественной войны. Но не акцентировал своего возрастного и биографического фронтового солдатского и заводского рабочего превосходства перед университетским гуманитарием. На меня произвела впечатление открытость его в беседе по жёстким вопросам и чёткость ответов. Он отнюдь не стремился от каких-то вопросов уклониться или затерять в длинных разговорах. В моих беседах с рабочими и мастерами цеха он не корректировал их ответы, и они не остерегались что-то сказать, что могло бы не понравиться парторгу цеха или насторожить проверяющего. В течение 3 дней, после рабочего дня в цехе, мы выработали с Владимиром Наумовичем общую позицию. Владимир Наумович спросил моё мнение о кафедре политической экономии, тематике её научной работы, об экономическом факультете, о профессоре Г. Т. Гришине (кафедра экономической географии). Я тогда не придал его расспросам особого значения. Интересуется человек, чем занимаются учёные люди, чему и как учат студентов. Сам он, по его словам, окончил по заочной форме географический факультет.

Не помню, вернее, не знаю, кем и каким образом он был вовлечён в университетские дела: через только формирующийся экономический факультет или через общеуниверситетскую кафедру политической экономии, ведущую исследование по эффективности общественного производства, аспирантом-заочником которой он был. Через несколько лет он защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата экономических наук. Я выступил на спецсовете в поддержку его защиты.

Именно Владимир Наумович Эйтингон стал организатором научно-исследовательской лаборатории экономики и организации производства, которая и была открыта в 1963 году. Взялся организовывать и включил в научно-исследователь-

ский процесс практически с нуля. Ничего как будто не было, кроме благоприятной университетской атмосферы, потребностей воронежской промышленности в прикладной экономической науке и целеустремлённости делового человека. Не было помещений, в которых можно было разместить лабораторию. Ректорат вспомнил так называемую ректорскую дачу. Она была построена ещё до войны, после почти не использовалась; во всяком случае Борис Иванович Михантьев в ней никогда не отдыхал. В первые послевоенные годы в ней жили студенты. Дача была в полуразрушенном состоянии. И находилась она километрах в 30 от Воронежа, в Дубовке (следующая остановка электрички за Сомово). Телефонной связи нет, воды нет, удобства – вольные; транспорт – только железнодорожный. Специалистов тоже почти не было. Можно было использовать выпускников кафедры экономической географии, но они не знали промышленного производства. Экономический факультет ещё не сделал ни одного выпуска; с научно-педагогическими кадрами на нём было туговато. Да и кто согласится каждый день или хотя бы 2 раза в неделю ездить на работу в Дубовку и обратно. Бюджетного финансирования тоже не было, даже изначальных инвестиций, надо было добывать финансы через хозяйственные договоры с предприятиями. А это означало постоянный поиск заказчиков и потребителей научно-практических разработок.

Тем не менее Владимир Наумович взялся за дело и не только создал лабораторию, но превратил её в фактор развития и экономического факультета, и экономической эффективности научных исследований. Бывшая «ректорская дача» в Дубовке была отремонтирована и преобразована. Сотрудники подобраны и превратились в творческий коллектив, заключены хоздоговоры с рядом предприятий. В 1967 году лаборатория была превращена в научный институт исследования экономики. Вскоре проблемы поиска заказчиков на научные разработки не стало: предприятия сами обращались в НИИ экономики со своими проблемами. Осмелюсь сказать, не затрагивая ничьей организаторско-творческой чести, вряд ли бы кто-нибудь, кроме В. Н. Эйтингона, мог так успешно создать научно-исследовательскую структуру, ставшую хорошо известной не только в Воронеже, но и в стране. Владимир Наумович сумел завязать сотрудничество лаборатории, а затем и института экономики с рядом академических институтов Москвы и отраслевых министерств. Уже к началу 80-х годов он стал ведущим новаторским организатором экономического образования в Воронеже. В 80–90-е годы НИИ экономики инициировал многие образовательные и исследовательские программы.

Социологи ВГУ признательны В. Н. Эйтингону за конструктивное понимание значения социологической науки в подготовке экономистов, а также в экономических исследованиях. Ещё в конце 60-х годов именно к нему мы обращались за консультациями, когда отрабатывали методику прогнозирования и планирования социального развития завода тяжёлых механических прессов. Будучи деканом

факультета, Владимир Наумович, не дожидаясь министерских указаний, включил курсы «Общая социология», «Социология труда», «Социальная психология», «Геополитика» в учебные планы подготовки экономистов разных направлений.

Владимир Наумович был инициатором, исполнителем, руководителем стольких экономико-управленческих проектов, что за их перечисление не берусь. И большинство его идей и проектов осуществлялось, становилось реальностью. Он был вплоть до своей кончины активным консультантом администрации Воронежской области и разработчиком стратегических, перспективных планов социально-экономического развития нашей области и их оперативной реализации. Не всё в жизни области шло по этим планам. Вмешивались другие факторы. Владимир Наумович часто повторял (во всяком случае, я часто слышал и иногда даже спорил): «План – это процесс». Смысл этой фразы, в его понимании (и с этим я соглашался), в том, что надо своевременно и адекватно корректировать планы в соответствии с новыми или ранее не учтёнными факторами и ситуациями. Беда в том, что «власть имущие» в России часто догматично, доктринёрски относятся к планам и не умеют своевременно скорректировать их и себя. Общаясь с Владимиром Наумовичем и наблюдая его в делах и в инициативах, я определил, что он относится к венчурно-реалистическому социоцентрическому типу личности. Он смело шёл на риск, брался, казалось бы, за невозможное и достигал необходимого результата. Это не авантюрный тип, полагающийся на свою волю и на «авось», а потом забрасывающий дело, по-фрейдистски ссылаясь на обстоятельства или происки иных людей. В. Н. Эйтингон – реалист в оценке любой, даже бурезахватывающей, ситуации (приходилось и это наблюдать). Он обладал устойчивой способностью самодостаточности и целеустремлённости. Я никогда не видел его в состоянии растерянности. Венчурно-реалистический тип характеризуется особым поведением и действием. Если есть возможность что-то сделать, то её надо незамедлительно максимально использовать. Если возможности нет, то надо создать условия, чтобы она появилась, и найти, создать, мобилизовать ресурсы для её реализации. Этическое правило: рисковать можно собой, а не верящими в тебя людьми. Им надо объяснить, организовать, и о них надо заботиться. И последнее: цель стремлений должна быть чётко определена и сформулирована.

Если бы мой друг Владимир Наумович услышал, что я определил его тип личности как венчурно-реалистический, социоцентрический, то удивился бы и рассмеялся. Но с характеристиками этого типа, с его установками жизнедеятельности согласился бы. Такой была его практика жизнедеятельности.

В университетской биографии В. Н. Эйтингона (т. е. его жизни в ВГУ, а не только работы) есть один парадокс, который нельзя обойти, хотя он не обращал на него внимание. Считаю не лишним кое-что сказать по поводу и в связи с этим парадоксом. Кандидатскую диссертацию В. Н. Эйтингон защитил в 1971 году. Учёное звание профессора ему присвоено без докторской диссертации только в

1993 году. Научных публикаций у него более 400, из них с десяток монографий. Кандидат наук подготовил более трёх десятков кандидатов наук и трёх докторов наук. Многие его ученики работают не только в ВГУ.

Парадокс Эйтингона, по моему мнению, имеет два взаимодополняющих объяснения. Во-первых, диссертационное измерение квалификации не всегда соответствует реальному научному потенциалу учёного. У Владимира Наумовича потенциал и реальные качества были значительно выше диссертационного статуса. Во-вторых, Владимир Наумович был человеком скромным, он не гнался за степенями, он любил дело и не отвлекался на оформление своих исследований и разумений во второй диссертационный опус, который, действительно, отнимает много времени.

В. Н. Эйтингон всегда и в научных, и в обыденных разговорах чётко формулировал свои мысли и умел их обосновать и доказать. У лингвистов есть такое понятие «лингвистическая личность». Речь Владимира Наумовича – и устная, и письменная – отличалась высокой культурой. Он не путался во фразах, не глотал слова; всегда был корректен в понятиях даже в очень страстных спорах, тем более в докладах на конференциях и, как рассказывали студенты, на лекциях.

Мне доводилось вместе с ним готовить различные документы. При всей занудливости этой процедуры посидеть вместе с Владимиром Наумовичем над чистым листом бумаги и, заполнив его, трижды перечитав, а иногда и переписав, потом вынести текст на суд тех, кто текст заказывал, было большим удовольствием.

Владимир Наумович всегда занимал чёткую гражданскую и научную позицию. В остро конфликтных и во многом сумбурных трансформационных процессах 90-х годов и последующих десятилетий он не потерял ни своей гражданственности, ни своего человеческого достоинства и сумел найти своё творческое место и роль в высшем образовании, науке, в Воронежском университете, которым он дорожил.

Владимир Наумович увёл меня далеко за пределы 60-х годов. Надо возвращаться туда, в шестидесятые. Там многое произошло и в университете, и в стране, и со мной, что можно и даже нужно вспомнить. Хорошая вещь память, если она есть. Она обладает удивительным свойством – перемещаться во времени и пространстве. И перемещаться быстро. Ещё мудрые древние греки на вопрос: «Что быстрее всего?» отвечали: «Мысль». Правда, им неведомо было эйнштейновское понимание времени.

Прежде чем описывать, что происходило в Воронежском университете к исходу первой и в начале второй половины 60-х годов, надо вспомнить события и тенденции в стране, в обществе и прежде всего в морально-политической атмосфере, в социальных ожиданиях и (придётся применить этот термин) в идеологической жизни. Страна выходила на социально-экономический подъём. Факторами этого процесса были попытки экономических реформ Н. А. Косыгина (хозрасчёт, расширение самостоятельности хозяйствующих субъектов), понимание не-

обходимости развития и качественных изменений материально-технической базы экономики, освобождение социально-политического сознания от давящих догм и стереотипов сталинизма. Определённым и реальным фактором подъёма были и решения XXII съезда КПСС, принявшего новую программу, ориентированную по марксистской методологии на продвижение к коммунизму. Между прочим, Н. С. Хрущёв не обещал, что в 1980-х годах мы будем жить при коммунизме. Он говорил о создании материально-технических условий перехода к этой желаемой фазе высшего социального благополучия общества. Это тоже было утопией, но она порождала не только шумную эйфорию, но и энергичную веру, которая в последующие годы угасла. Но смеяться над ней было бы цинизмом. Она нуждается в серьёзном критическом научном анализе. Через утопии, их возникновение и распад человечество куда-то движется. Без утопий нет человеческой истории.

Вместе с факторами социально-экономического подъёма и роста социальных ожиданий действовали и противоположные факторы. Шла холодная война, понуждающая не только острую идеологическую борьбу, но и гонку вооружения, отнимающую материально-финансовые и человеческие ресурсы от решения социальных проблем. Темпы и качество развития экономики не обеспечивали растущие и прогрессирующие социальные притязания широких слоёв населения, численность которого к тому же росла. Усложняли экономику и общественную жизнь субъективистские инновации Н. С. Хрущёва. Его не лишённого здравого смысла, но малообразованного ума не хватало для научного осмысления сложных проблем внутренней и внешней политики. Состояние общества и исторический процесс понимались им (и не только им) упрощённо и часто примитивно. Например, в преддверии научно-технической революции и вопреки известному тезису К. Маркса о решающей роли науки в развитии производительных сил будущего общества он считал, что советской молодёжи вполне достаточно иметь 8-классное образование. В дискуссиях о перспективах образования большинство не приняло его идеи. Было введено всеобщее полноценное среднее образование (базовое – 9 классов, полное – 10). Выявлялся и невысокий уровень социально-политического мышления как в высших кругах государственного партийного руководства, так и в массовом общественном сознании. Даже сама идея движения к коммунистическому обществу (в её марксистской версии) нуждалась в системном теоретическом обосновании, а не в идеологическом жонглировании цитатами из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, которые уже В. И. Ленин в конце своей жизни считал необходимым пересмотреть. Попытки пробиться в социальное мышление социологических и политологических наук глушились и даже пресекались. Тем не менее необходимо было что-то предпринять и вооружить (так тогда говорили) массовое сознание передовой социальной теорией. По инициативе члена политбюро ЦК КПСС, ответственного за идеологическое обеспечение курса КПСС, М. А. Суслова в учебные планы вузов был введён особый курс «Научный коммунизм».

Министерство высшего образования во исполнение решения ЦК КПСС издало указ: создать во всех вузах кафедры научного коммунизма или соответствующие секции при кафедрах общественных наук (предположительно философских) и начать преподавание нового курса с сентября 1964 года. Такая кафедра была открыта в ВГУ приказом ректора, и я был назначен её заведующим. И первая проблема – формирование состава преподавателей, способных вести курс, которого никогда не было. Второй вопрос – тематика, программа, концепция курса, учебник, учебные пособия. Третий – статус курса, его взаимоотношения с другими общественными науками, место в графике учебного процесса (семестр, год обучения). Вот этим мне и пришлось заняться в предотпускное время и в отпускное. Впрочем, отпуск у меня не получился. В конце августа 1964 года приказом ректора (после долгих переговоров-отговорок) я был назначен проректором по учебной работе. На мой вопрос: «Почему уходит Пётр Михайлович с этой должности?» Борис Иванович сказал: «Он в рабочее время часто играет в шахматы». Действительно, Пётр Михайлович был азартным игроком. Но проректором он был аналитичным, вдумчивым, ответственным. Я многое у него стремился перенять, усвоить его опыт. Он хорошо знал факультеты, структуру, кадры каждого, регулярно бывал на том или другом, вникал в особенности учебного процесса, его организации, беседовал с заведующими кафедрами, обращая их внимание на постоянный контроль и повышение качества и эффективность различных форм занятий. Кстати, в объём педагогической работы заведующего кафедрой входили 70 часов посещений им лекций, лабораторных и семинарских занятий преподавателей, зачётов и экзаменов. Это было необходимо, так как большинство преподавателей были молоды и не всегда обладали необходимой методической культурой.

В компетенцию проректора по учебной работе входило и руководство внеучебной воспитательной работой. Пётр Михайлович вникал в организацию и реальную практику студенческого самоуправления, в различные формы художественной самодеятельности, студенческого быта, регулярно посещал общежития. В этой сфере он тесно взаимодействовал с парткомом, с комитетом университетского комсомола, со студенческим профкомом.

Опыт Петра Михайловича по руководству учебно-воспитательным процессом, организацией методической работы, повышением педагогического мастерства был для меня бесценным. Таким являлся на протяжении всей моей работы в ВГУ.

Предварительное ознакомление с работой аппарата проректора (он был небольшой: 5–6 человек) показало, что кое-кого целесообразно заменить, переместив на другую работу. На некоторые грешки отдельных сотрудников (некомпетентность, неаккуратность исполнения обязанностей и т. д.) указывал и П. М. Гапонов. Прежде всего нужно было подобрать более компетентного и аккуратно работающего с документами начальника учебной части (эта ведущая организаци-

онная структура управления подготовкой специалистов по-разному называлась в разные времена: управление образовательным процессом, департамент управления подготовкой специалистов, учебно-методическое управление и т. п.). Я предложил кандидатуру преподавателя кафедры истории КПСС, кандидата исторических наук Владимира Семёновича Листенгартена. В середине 50-х годов он окончил историко-филологический факультет с отличием, активно участвовал в общественной жизни студенчества. Долгое время работал в комсомоле, в том числе и Воронежском обкоме ВЛКСМ, никогда не забывал Alma mater.

Борис Иванович, ректор, выслушав мои рекомендации, не только согласился, но и поддержал. Он знал и помнил В. С. Листенгартена и по студенческим годам, и по его работе в комсомоле. Сам Владимир Семёнович, подумав несколько дней, принял наше предложение. Вскоре приказом ректора он был назначен начальником учебной части. И долгие десятилетия в этой должности плодотворно работал при пяти ректорах и нескольких проректорах. Все ректоры и проректоры высоко ценили Владимира Семёновича. С исключительным доверием к его советам, к нему как начальнику учебной части и к его личности относились деканы факультетов. Его высоко ценили в Министерстве высшего образования и Союзном, и республиканском российском, привлекая в различные комиссии по проверке управления учебным процессом в десятках вузов, а также для подготовки документов, аналитических записок. Вряд ли кто-либо знал и знает правовые основы организации учебного процесса лучше Владимира Семёновича Листенгартена. Вместе с тем он – стойкий носитель этики педагогического и управленческого труда, взаимоотношений преподавателей и студентов, руководителя и исполнителей. С ним приятно советоваться, даже оспаривая его мнение. Интенсивная и стойкая установка на плодотворное сотрудничество, партнёрство, товарищество в решении деловых проблем – неизменная и привлекающая черта его стиля работы, да и характера, психологии.

Однажды, кажется, по случаю его 70-летия, физики приготовили и вручили Владимиру Семёновичу фотоальбом. Они собрали более сотни его фотографий в разных ситуациях и положениях. С высоким вкусом эстетически оформили. В одной серии фотографий Владимир Семёнович был изображён в средневековой академической тоге сидящим на возвышении, а рядом кто-либо из ректоров ВГУ. Надпись под фотографиями гласила: «В. С. Листенгартен вводит в курс дела очередного ректора». Ректоры, действительно, его ценили. Бессменно отработав десятки лет начальником учебной части, Владимир Семёнович был и референтом ректоров, и научным секретарём Учёного совета ВГУ, и ответственным секретарём Совета ректоров вузов Центрально-Чернозёмного региона. И везде неизменно был исполнителен, ответственен, инициативен.

Владимир Семёнович хорошо знает свой университет, его структуры, его людей и – что очень важно в быстро меняющихся обстоятельствах – он знаток,

носитель, пропагандист традиций ВГУ. У него есть любопытная книга «ВГУ от А до Я». Читаю и перечитываю, как бы в жаркий полдень опускаясь в родниковый источник оживляющей воды. У меня много в университетской и внеуниверситетской жизни связано с Владимиром Семёновичем Листенгартеном. Поэтому на страницах своих записей моя память неоднократно будет возвращаться к этому обаятельному человеку.

Сложнее оказалось создание кафедры научного коммунизма. У меня не было сомнения в её необходимости; будущий специалист с высшим образованием любого профиля должен владеть основами социально-политической истории и как интеллигент понимать, что происходит в обществе, каковы его перспективы. Интеллигенция России всегда, с тех пор как она стала возникать и выявлять себя (середина 50-х – начало 60-х годов XIX века), тяготела к социально-политическим идеям и гуманистическим социальным идеалам, претендуя на роль выразителя интересов трудового народа, его просветителя и спасителя. Она блуждала по разным дорогам в своих идейных исканиях. Идеалы социализма и коммунизма не были чужды широким социальным массам, хотя толковались по-разному. Социальные утопии всегда жили и ныне живут в массовом сознании русского и исторически связанных с ним народов.

Исходный вопрос – кадровый. Ресурсы были весьма скромными. С кафедры философии, на которой я работал, преподавая в основном исторический материализм, активно высказала желание перейти на вновь открываемую кафедру кандидат философских наук Галина Александровна Алёшина (до избрания по конкурсу в ВГУ она работала заведующей отделом науки и образования Воронежского обкома КПСС, прошла переподготовку в Институте повышения квалификации при МГУ). С кафедры истории КПСС пригласил кандидата исторических наук, доцента Ангелину Петровну Коротких (впоследствии Рожкову). В годы моей аспирантуры она была старшим лаборантом кафедры философии (Б. М. Бернадинер её ценил: она хорошо писала кафедральные отчёты). После защиты кандидатской диссертации она работала на кафедре истории КПСС, и что-то там ей было неуютно. После завершения работы секретарём парткома в состав кафедры научного коммунизма по конкурсу был избран кандидат философских наук Радий Максимович Подобедов (обучался и защищал кандидатскую диссертацию в Академии общественных наук при ЦК КПСС). Неожиданно позвонили из обкома КПСС и предложили взять на работу кандидата философских наук Григория Григорьевича Заиграева, окончившего Академию общественных наук при ЦК КПСС. Сам он из Забайкалья. Я побеседовал с ним. Оказалось, что его диссертация была основана на конкретно-социологических исследованиях очень злой проблемы алкоголизма. Как социолог он очень подходил кафедре научного коммунизма. С кафедры истории КПСС очень просился на вновь создаваемую один из старейших работников ВГУ кандидат исторических наук, доцент Василий Степанович Гончаров. Он начал работать историком в университете

ещё до войны – в 1936–1937 годах. Попал под строгое око НКВД, около года был под следствием. При обсуждении проекта Конституции 1936 года одним из спорных вопросов был вопрос о предоставлении права голоса священнослужителям. Проект не исключал священников из всеобщего избирательного права. Но при обсуждении многие решительно были против. В. С. Гончаров вёл где-то обсуждение проекта, и чтобы направить дискуссию на другие, более важные вопросы, бросил реплику: «Ну что вы ходите вокруг этого вопроса, как коты вокруг горячей каши!» Нашлись среди спорщиков «конституалисты», которые написали донос, обвиняя В. С. Гончарова в том, что он проект Сталинской Конституции назвал кашей, а советский народ обозвал котами. Около года Василий Степанович сидел в подвале НКВД (в этом здании теперь другая служба), и почти каждую ночь его вызывали на допрос. Однако повезло: дело передали другому следователю, а им оказался бывший ученик Василия Степановича. Ознакомившись с делом и протоколами допросов, он закрыл дело и посоветовал своему учителю быть поосторожней в словах. Совету своего ученика Василий Степанович следовал до конца своей жизни. Я понимал, что его научный ресурс ограничен знаниями истории ВКП(б) и перспектив нет, но не возражал против его кандидатуры и при прохождении на конкурсе проголосовал «за»; иных альтернатив не было.

Так сложился первоначальный состав кафедры, который потом увеличивался, изменялся, кто-то уходил, кто-то приходил. Нерушимым правилом было постоянное повышение квалификации, взаимообучение, общекафедральная забота о качестве преподавания, научных исследований. С этой целью как заведующий кафедрой я «открыл» свои лекции для свободного посещения любым преподавателям без предварительного уведомления. Регулярно проводились открытые лекции и семинарские занятия с последующим аналитическим обсуждением на заседании кафедры. Ежемесячно на заседании кафедры рассматривался и обсуждался доклад о методологии и методике преподавания тех или иных лекционных тем, способах аргументаций, отражения в лекциях и на семинарских занятиях социальных реалий советского общества и зарубежных стран.

Ключевой, определяющий вопрос для научного и, как следствие, педагогического (в практике преподавания) самоопределения кафедры – методологическая направленность и проблематика научно-исследовательской работы. Вопрос о содержании, проблематике курса научного коммунизма, его отношении к социально-политическим реалиям обсуждался неоднократно по инициативе Управления преподавания общественных наук Министерства высшего образования. Моя позиция (мне часто предоставлялась возможность её высказать) заключалась в том, что курс должен строиться на основе всестороннего научного анализа социально-исторических процессов, обобщения опыта и тенденций общественных преобразований, ни в коем случае не сводиться к комментированию политики. Курс научного коммунизма должен быть ориентирован на формирование у буду-

щих специалистов (инженеров, врачей, учителей и т. д.) зрелого научного социально-политического мировоззрения. На одном из таких совещаний в Институте марксизма-ленинизма академик П. Н. Федосеев, соглашаясь с высказанной точкой зрения, предупредил об опасности критицизма.

Я пишу об этом более полувека спустя не для того, чтобы показать, «каким был умным» тогда. Упаси меня Бог от такого хвастовства. Пишу потому и для того, чтобы показать упрощённость представления, будто научный коммунизм – это только идеология, да к тому же дурная. В научном коммунизме, как теории научности и идеологии, реализма и утопии отнюдь не меньше, чем в теории о саморегулировании и демократизме рыночных отношений. Законченной, целостной теории научного коммунизма никогда не существовало. А вот догматизации и фальсификации она подвергалась основательно.

Кафедра, которую мне довелось создавать, взяла курс на возрождающиеся социологические исследования. И на протяжении нескольких десятилетий твёрдо следовала этим курсом и закономерно трансформировалась к 1990 году в кафедру социологии и политологии. Лекции по курсу «Социология» я начал читать вне учебного плана по просьбе студентов отделения журналистики филологического факультета в 1965 году. Приходили свободно прослушать его студенты и других факультетов, и даже вузов (политехнического, сельскохозяйственного).

Итак, положено начало кафедре научного коммунизма. Судьбе было угодно, чтобы я стал у её истоков и долгожителем. Ей предстояло драматическое будущее и плодотворная трансформация. Однако на первых порах было трудно совмещать должности заведующего формирующейся кафедрой и проректора по учебной работе. Последнее требовало всё больше и больше трудозатрат и времени. Поэтому по моему предложению Борис Иванович Михантьев своим ректорским приказом возложил исполнение обязанностей на доцента Галину Александровну Алёшину, а мне предстояло сосредоточиться на исполнении функций проректора.

Завершалось строительство главного корпуса. И хотя большое здание (30 000 квадратных метров) было отнюдь не то, о чём мечталось, сдача и приём в эксплуатацию правого крыла значительно расширили учебные, научные и административные территории. Надо было подготовить его к новому, 1964/65-му, учебному году. Строители запаздывали, как обычно. Но нужно было уже распределять помещения между факультетами, кафедрами, лабораториями, чтобы нормально начать учебный процесс. Размещение, переезды требовали времени. В правом крыле должны были расположиться химический, биолого-почвенный, исторический факультеты, некоторые хозяйственно-административные структуры. Мне предстояло поделить вновь вводимые производственные площади. У каждого будущего «квартиранта» свои специфика, потребности, притязания. Запросил от каждого факультета структуру подразделения (кафедры, лаборатории и т. п.) с характеристикой специфики и желаемого метража для размещения. Вместе с тем на

столе передо мной была схема аудиторий-комнат с указанием размера площади и технических характеристик. Несколько раз вместе с новым начальником учебной части В. С. Листенгартеном, инженером по эксплуатации и комендантом прошли по четырём этажам и подвалу правого крыла, делая пометки в блокноте, потом переносил их на карту-схему. С каждым деканом велись долгие переговоры о притязаниях и возможностях, а деканы в свою очередь делили отведённые площади между кафедрами. Заведующие кафедрами бежали ко мне, рассчитывая на неведомые, скрытые резервы, которых не было. Единственный резерв, который пришлось создать и отдать факультетам, – это помещения, в которых предполагалось разместить в главном корпусе кафедры общественных наук, поскольку они общеуниверситетские. Обществоведы согласились остаться в корпусе № 2 на площади Ленина, 10, где у них были хорошие помещения. В главном корпусе ещё раньше располагалась кафедра политической экономии.

Особенно настойчив в борьбе за территории, их местоположение был заведующий кафедрой аналитической химии профессор Валентин Пименович Мелешко. Несколько раз приходил ко мне, доказывая, что его кафедре нужно больше. Потом пошёл к ректору. Борис Иванович пригласил зайти к нему. Спросил, что там по кафедре Валентина Пименовича (тот уже ушёл). Я показал расчёты. Ректор согласился. Но, подумав, сказал: «Дай ещё 2 комнаты». У меня их не было, да и декан не настаивал. Борис Иванович странно посмотрел, закурил и сквозь дым сказал: «Возможно, Валентин Пименович будет ректором». Это известие ошеломило меня. Никаких слухов об этом не было. Попросил Бориса Ивановича вечером переговорить с ним. А для кафедры Валентина Пименовича отдал две комнаты, предназначенные первоначально для вновь открытой кафедры научного коммунизма.

Вечером в конце сентября 1964 года зашёл в кабинет ректора. Борис Иванович достал пачку сигарет, поставил бутылку нарзана, сказав, что больше ничего нет, а разговор будет серьёзный. Помолчали. «Я скоро уйду с поста ректора, – сказал Борис Иванович. – Вы первый в университете, кому об этом говорю. Пока не разглашайте». Я спросил: «А Валентину Пименовичу уже сказали, что уйдёте, а ректором будет он?» – «Нет, – последовал ответ. – Я переговорил только с первым секретарём обкома КПСС Степаном Дмитриевичем Хитровым. С Министерством пока не связывался и заявление не подавал». Я спросил: «Почему Вы так решили? Вас уважают в университете, в Министерстве, в городе и области, Вы авторитет в ректорском корпусе. Вы сделали многое. Но можете больше».

– Я устал, – ответил Борис Иванович. – 12 лет ректорства дались мне очень тяжело. Что-то успел сделать, но многое не сделал и больше не могу.

– Это Ваше решение ошибочно.

– Спасибо, что Вы так считаете. Но есть и другие мнения.

– Чьи? – спросил я.

– Много анонимок накопилось в Министерстве, да и в обкоме мне сказали…

– На анонимки нечего обращать внимание. Самое лучшее, что можно с ними сделать, – сжечь, не читая.

– Но их почему-то читают наверху.

– Борис Иванович! Не подавайте в отставку. Вам всего-навсего 57 лет. Осмелюсь сказать: Вы подняли молодёжь, мы верим Вам. Ну поработайте хотя бы года три. Отметим Ваш юбилей.

– Вот и отметим без всякой суеты и суесловия.

– Борис Иванович, год назад Вы уговорили меня поработать проректором. Если бы я знал, что Вы намерены уйти из ректорства, ни за что бы не согласился быть проректором. Согласился, потому что считал: буду долго учиться у Вас.

– Спасибо за доверие. Надеюсь на Ваше поколение. Но мне хочется поработать просто профессором. Ректорство много отнимает времени от науки. Давайте, Валентин, на этом закончим.

Я спросил:

– А с Валентином Пименовичем Вы или кто-то другой говорили о том, что ему быть ректором? Чьё это предложение?

– С ним пока никто, тем более я, не говорил. Но считаю, что это подходящая кандидатура. Он выпускник ВГУ, фронтовик, много работает и ещё молод. На днях меня примет Степан Дмитриевич; тогда всё и обговорим.

– Как Хитров отнёсся к тому, что Вы хотите уйти в отставку? Вы же член бюро обкома…

– Согласился, – жёстко и обрывисто бросил одно слово Борис Иванович.

На этом поздним вечером мы разошлись. Часть дороги нам было по пути. На перекрёстке Борис Иванович сказал:

– Не переживайте. Работайте.

3 октября 1964 года меня вызвали на коллегию Министерства высшего образования РСФСР для утверждения в должности проректора ВГУ. Были вызваны проректоры ещё нескольких вузов. Вёл коллегию министр В. Н. Столетов. Мы, проректоры, разместились в самом конце длинного заседательского стола. Члены коллегии начали рассматривать различные вопросы по повестке дня. Нас министр предупредил, что утверждение будет после перерыва: «А Вам полезно послушать, как министерская коллегия решает вопросы и ведёт дела». Мы скромно сидели, накоротке перезнакомившись.

Прошло около часа. За спиной В. Н. Столетова открылась дверь, и помощник министра, наклонившись к В. Н. Столетову, что-то прошептал ему. Министр вскинул голову, осмотрел зал, дал возможность докладчику закончить речь и внезапно объявил перерыв, пригласив нескольких человек в свой кабинет. Мы вышли в коридор. Через полчаса из кабинета министра вышел секретарь парткома Министерства, выпускник ВГУ, мой знакомый Артур Николаевич Белов и сообщил: «Н. С. Хрущёва освободили от должности первого секретаря и члена Политбюро

ЦК КПСС». Не скажу, что в коридоре Министерства возникла сцена, подобная заключительному акту гоголевского «Ревизора». Короткое молчаливое замешательство оборвалось возгласами: Как? Почему? За что? Артур Николаевич сказал, что больше пока никакой информации нет. Нас пригласили в зал. Заседание коллегии продолжалось. Министр сообщил, что Н. С. Хрущёв по его личному заявлению освобождён от должности секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС. Нас, проректоров, торопливо, почти без всяких вопросов, по представлениям ректоров вузов утвердили и пожелали успешной работы.

Упустил прелюбопытнейший эпизод, случившийся часа за три до министерской коллегии. Приехав в Москву, с вокзала я отправился на такси в гостиницу. По дороге таксист сказал, предварительно трижды оглядев меня в зеркало и через плечо:

– Хрущёва с работы сняли.

– Не может быть, – откликнулся я. – Таксисты в Москве пассажиров слухами кормят.

– К вечеру сам узнаешь, – буркнул таксист.

Слухи по Москве, оказывается, пошли по своим таинственным каналам намного раньше, чем информация по чиновничьим каналам, тем более по СМИ. Московский таксист узнал о важнейшем политическом событии, которое произошло в таинствах Политбюро ЦК КПСС, намного раньше, чем министр.

Вернувшись из Москвы на следующий день, доложил Борису Ивановичу о решении коллегии утвердить меня по его представлению проректором. Оказывается, он уже знал; ему позвонили из Министерства, а на следующий день пришёл приказ по факсу. Вновь я спросил Бориса Ивановича о его решении, не передумал ли. Вновь пытался его переубедить. Безуспешно. В последние месяцы 1964 года мне часто приходилось бывать в Минвузе РСФСР, да и СССР. И каждый раз, возвращаясь из командировки, пытался переубедить Б. И. Михантьева в его решении. Однажды прибег даже к такому аргументу: «Благодаря Вашему авторитету в Министерстве передо мной раскрываются любые двери, узнав, что я проректор ВГУ и действую по Вашему поручению и от Вашего имени». Усмехнулся, но и этот аргумент не помог. Между прочим, слухов о возможном его уходе не было; во всяком случае, я их не слышал.

В январе 1965 года Борис Иванович Михантьев оставил пост ректора и сердечно поблагодарил весь коллектив, Учёный совет Воронежского университета за активную поддержку и за конструктивную критику в делах. Подводя итоги своего ректорства, Борис Иванович подчеркнул, что наш университет находится на подъёме. Вместе с тем немало проблем предстоит решать. И старых, и новых. Одна из его идей, которую он, уходя, высказал: надо стремиться к тому, чтобы на базе Воронежского университета создать нечто вроде Центрально-Чернозёмного отделения или опорного центра АН СССР. А для этого необходимо развивать творческие связи с академическими институтами, повышать качество и масштабность науч-

ных исследований, повышать квалификацию профессорско-преподавательского состава. Потенциал у нас есть, но его пока недостаточно.

Это была последняя мечта Бориса Ивановича. Он её задумал, по моим наблюдениям, в середине 1964 года. Последняя мечта о вероятных перспективах Воронежского государственного университета… Она не осуществилась.

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно хлестнула
Грубою верёвкою кнута.

А. Блок

Обманов было много. Но и прозрений.

В январе 1965 года ректором был назначен профессор Валентин Пименович Мелешко (13-м со времени открытия государственного университета в Воронеже). За два года до начала Великой Отечественной войны он окончил химический факультет. Во время ректорства Б. И. Михантьева заведовал кафедрой аналитической химии, был директором (на общественных началах) созданного по его инициативе института физико-химических исследований, деятельно и эффективно организовывая хоздоговорные исследования.

Меня часто спрашивают (последние лет 10 меньше), а с годами всё чаще и больше спрашиваю себя: почему Борис Иванович Михантьев так рано (ему не было и 57 лет) ушёл с поста ректора. Ответить на этот вопрос трудно. Он был бы, насколько я могу судить, сложным и для него самого. У каждого человека есть своя тайна. Менялись времена, координаты социальных ценностей, человеческих отношений, жизненного опыта, методов и понятий его осмысления. В моём сознании провёртывалось несколько версий ответа на этот вопрос. Попробую на исходе своей жизни (и служению ВГУ) представить их и, если удастся, комплексно объединить. Придётся затронуть очень тонкие понятия и войти в лабиринт перепутанных человеческих отношений и подсознательного переживания индивидом своего личностного «Я».

Несколько раз Борис Иванович ссылался на усталость как причину своего стремления оставить пост ректора. Усталость была. Она не проявлялась в раздражении, в нервных срывах, обычных в таких случаях. Б. И. Михантьев был примером сдержанности. Но работал он много и многое требовал университет. Борис Иванович приходил на работу в начале 9-го часа утра. Раньше 21-го часа вечера редко когда уходил. Работал часто и в воскресенье. Отдыхать он не умел. Спортом не увлекался, однако всегда был подтянутый, выглядел спортивно. Любил театр, но редко бывал. Много читал русскую и зарубежную художественную литературу. Его хобби – что-нибудь мастерить – столярничать. Летом вместе с женой Евдокией Терентьевной ездил на машине на юг, чаще в Крым. Полноценных друзей для

товарищеского общения у него не было, хотя близкие знакомые были. Усталость, действительно, накапливалась. И всё же она мало что объясняет. За ней что-то ещё стояло. Да и источник усталости был не только в ректорских трудах. Томило ещё что-то. У Бориса Ивановича было два сына. Старший – Леонид – штурман дальнего плавания; ходил на Кубу, в начале 60-х годов, завозя туда ракеты, а потом после разрядки Карибского кризиса вывозя их обратно. Младший – Владимир – окончил химический факультет, аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, работал в лаборатории. У него была любящая и красивая жена. Беда в том, что увлекался алкоголем. И друзей, склонных к такой дружбе, тоже было немало. Бориса Ивановича это очень беспокоило. Он несколько раз, когда Владимир был студентом, и после просил меня побеседовать с ним. Беседовал. Владимир признавал свой грех, обещал. Но через некоторое время всё возобновлялось. Потом беседы вообще не помогали. Борис Иванович переживал, в подсознании формулировался фрустрационный комплекс: какое же право я имею быть ректором, неся ответственность за обучение и воспитание студентов, а своего сына не могу удержать от алкоголя. Да и к тому же сын работает в научной лаборатории. Напряжение росло. Владимир умер внезапно на улице. Он шёл в поликлинику, упал на улице Карла Маркса и скончался от острой сердечной недостаточности. Ему было немногим больше 40; случилось это, когда Борис Иванович уже ушёл полностью на пенсию и не работал в ВГУ.

Были и другие семейные стрессовые сложности.

Важным фактором и мотивом ухода с поста ректора динамично развивающегося университета было стремление талантливого учёного в новой отрасли химической науки (химия высокомолекулярных соединений) сосредоточиться на исследовательской работе, усилить свой научный потенциал, которому не даёт развернуться в полную силу административно-управленческая деятельность, отнимающая время, изматывающая нервную систему. А рядом с тобой коллеги берут в науке одну высоту за другой. Борис Иванович был честолюбивым (в хорошем смысле слова) учёным. Ему хотелось – и он мог – сделать больше в науке. Будучи ректором, он многое сделал: не только стимулировал, инициировал развитие Воронежского университета, но придал ему импульс и вектор развития в будущем. Настало время и есть возможность переключиться целиком в сферу своей науки, а не только заниматься подталкиванием других и созданием условий для них, да ещё и выслушивать какие-то упреки. Иногда в разговорах эти мысли Бориса Ивановича проскальзывали.

Есть старая социально-психологическая болезнь – писание анонимных писем. Её природа не исследована. Наверное, у неё есть и общественная, и личностно-индивидуальная генетика. Кто-то видит в написании анонимного письма в соответствующий орган свой гражданский долг. Кто-то высказывает некую жалобу, но не подписывается на всякий случай, чтобы не накликать беду на себя. Некоторые имеют патологическую страсть анонимно сделать гадость и позлорад-

ствовать, если она сработает. Кому-то хочется вызвать смуту, но боязно: а вдруг смута бумерангом вернётся к тому, кто её запустил. И так далее, и тому подобное. Когда-то на ранней стадии моего включения в общественную жизнь Борис Иванович предложил вместе с ним бороться против подлости. Анонимка – самый распространённый вид подлости. Борис Иванович не избежал укусов «исподтишка», хотя никогда не уклонялся от открытой критики. К сожалению, некоторые властные органы имеют обыкновение копить анонимки в своих сейфах, а потом не то что предъявлять их жертве, а намекать: «Что-то на Вас поступило много анонимок. Мы их не читаем, но разберитесь». За 12 лет ректорства Б. И. Михантьева анонимки накопились в сейфах Министерства, горкома, обкома КПСС. Между прочим, анонимщики не обошли своим обволакивающим вниманием и меня. Я не реагировал. Борис Иванович тоже, но в последние годы ректорства они стали его беспокоить, нервы стали сдавать. В анонимках помимо семейно-бытовых проблем и упрёков, что не так распределяются квартиры, всё чаще и чаще звучали антисемитские нотки: ректор покровительствует евреям, концентрация которых в ВГУ предельно высокая. Но были не только анонимные письма, шелестел антисемитский шёпот по лабораториям и коридорам, звучал в домашних кухнях. В открытую, конечно, никто не высказывался. С антисемитскими слухами и даже их авторами-источниками мне приходилось иметь дело, будучи ещё секретарём парткома. Кстати, волна антисемитизма вновь поднялась в первой половине 90-х годов; разбрасывались листовки, в которых меня «клеймили» как покровителя сионистов. Распространяла листовки группа воронежских так называемых скинхедов, профашистская по своим убогим «идеям».

Б. И. Михантьев был интернационалист и, как говорится, до мозга костей русским. Поэтому никаких националистических хитростей в подборе и расстановке профессорско-преподавательских кадров у него не было и быть не могло. Он был заинтересован в концентрации талантливых учёных, в повышении их квалификации и отдаче в науке и в образовательном процессе. Антисемитские анонимки возмущали Бориса Ивановича не столько тем, что порочили его уважительные отношения к любым нациям и этническим группам, сколько тем, что они мешали работе, оскорбляли человеческое достоинство определённой группы учёных и сотрудников, бросали дурную тень на интернациональный характер ВГУ. При этом авторы антисемитских анонимок выдавали себя за патриотов. Антисемитизм никогда не был свойственен многотысячному и многослойному коллективу Воронежского университета. Но иногда эта парша возникала. Причём паршой антисемитизма болели и её втихомолку и гнусно пытались распространять люди, как правило, не только не преуспевающие в науке, но и сублимирующие свою неуспешность.

Борис Иванович и как человек, и особенно как ректор обладал добротной самокритичностью. Но с годами саморефлексия требовала авторитетной опоры, поддержки и проверки со стороны, как говорят социологи, значимого Другого.

В противном случае она переродится или в опасное самодовольство, или в разрушающее самоунижение в результате фрустрационных, стрессовых переживаний. Михантьеву не нужны были подхалимы: он их боялся. Но он нуждался в том значимом Другом, который развеял бы его сомнения быть достойным ректором при всей той самокритике и критике (явной и анонимной), которая была и в житейской практике, и в управленческой.

Таким значимым для себя Другим – и это вполне объяснимо – он посчитал вершину власти в Воронежской области первого секретаря обкома КПСС С. Д. Хитрова, с которым часто по делам общался… Можно было обратиться за консультациями с доверительным разговором к министру высшего образования В. Н. Столетову (я уверен, результат был бы другим). Но С. Д. Хитров был рядом, и, по-видимому, Борис Иванович решил изначально переговорить с ним.

Я не знаю, как шёл разговор. Но знаю, как и коллектив ВГУ, его результат. И по результату, и по некоторым обрывочным фразам, фрагментам постректорского поведения позволю реконструировать схему разговора Б. И. Михантьева и С. Д. Хитрова. Схему, а не сам разговор, не стенограмму, которую никто, конечно, не вёл.

Вероятнее всего, разговор начался с вопроса С. Д. Хитрова о том, как обстоят дела в университете; его более всего обычно интересовали научные исследования, настроения в коллективе, строительство главного корпуса. Борис Иванович проинформировал не только о текущих делах, но и о некоторых итогах последних лет, о возможных перспективах. И в этом контексте сказал, что ректором он был почти 12 лет и считает этот срок вполне достаточным. ВГУ развивается, занимает по министерским оценкам достаточно высокое место в высшей школе. Сказал, что устал и хотел бы сосредоточиться на научной работе, а ректорство передать другому. С. Д. Хитров выслушал. Наверное, задал какие-то вопросы, среди них о возможном преемнике. Без этого вопроса разговора такого не могло быть. Борис Иванович назвал. С. Д. Хитров, часто бывая в ВГУ, мало знал его кадры. Он не стал уговаривать Б. И. Михантьева поработать ещё года три (до 60-летия), поблагодарил за плодотворную работу по подъёму и развитию Воронежского государственного университета и вынес вердикт: согласен удовлетворить желание уйти с поста ректора и сосредоточиться на научной работе. Если бы первый секретарь обкома КПСС сказал: «Борис Иванович, Вы много сделали для университета и области. Обком благодарит Вас, но поработайте ещё, Вам рано уходить. Обком доверяет Вам». Но этих слов не было сказано.

Борис Иванович в критический момент сомнений нуждался в опоре «Значимого Другого». Её не оказалось, хотя отношения между ним и С. Д. Хитровым были очень хорошими: Б. И. Михантьев был членом бюро обкома КПСС. Никто из последующих ректоров, как бы они ни работали, не входили в решающий руководящий орган (а таким было бюро обкома) Воронежской области.

Трудно сказать, почему С. Д. Хитров принял иное решение. Может быть, – и исключать такого мотива не следует, – искренне решил удовлетворить желание Б. И. Михантьева. Может, посчитал 12-летний срок ректорства достаточным и пора менять. Не исключаю и давление анонимных упрёков, в том числе антисемитских.

Так или не так, но Б. И. Михантьеву после этого разговора ничего не оставалось, как подать заявление о желании уйти с поста ректора. А может быть, 12 лет – это, в самом деле, предельный и достаточный срок?

Борис Иванович Михантьев использовал его плодотворно. Самое главное – развернув Воронежский государственный университет к динамическому социально эффективному развитию и включив его тем самым в число ведущих вузов страны. Он оставил пост ректора, когда ВГУ уверенно шёл на подъём во всех сферах жизнедеятельности, наращивал свой научный, образовательный, социокультурный потенциал, а также материально-техническую и лабораторную базу, совершенствуя свою структуру.

За 11,5 лет ректорства Бориса Ивановича Михантьева были открыты три новых факультета: юридический, экономический, романо-германской филологии. На базе раздела физико-математического и историко-филологического факультетов возникли четыре самостоятельных: физический, математико-механический, исторический, филологический. Количество факультетов почти удвоилось (6 в 1953 году – 11 в 1964-м); создался потенциал формирования в перспективе новых факультетов. Сформировалось более 30 новых кафедр, в том числе и выпускающих. Более чем в три раза (с 181 до 626) возросла и численность профессорско-преподавательского состава. Однако только 35 % имели учёные степени и звания; этого было недостаточно. Дефицит высококвалифицированных кадров особенно остро ощущался на факультетах экономическом и романо-германской филологии. Поэтому Б. И. Михантьев стремился создавать условия для ускоренного повышения научно-педагогической квалификации преподавателей прежде всего за счёт внутренних ресурсов, но и через приглашения со стороны.

Материальная база (прежде всего производственные площади) значительно расширилась и укрепилась. Были построены четырёхэтажное здание библиотеки (пристройка к красному корпусу по проспекту Революции, 24), корпус № 2 на площади Ленина, 10; воронежский горисполком передал на баланс в ВГУ большое здание по улице Пушкинской, которое затем было соединено с корпусом № 2. Введён полностью главный корпус на Университетской площади, 1. Построены 2 общежития, улучшились условия студенческого быта.

Б. И. Михантьев был настойчив и изобретателен в решении злой жилищной проблемы. По моим прикидкам (за абсолютную точность не ручаюсь), по меньшей мере около 250 преподавателей и сотрудников получили квартиры или улучшили жилищные условия.

Одним из самых значительных свершений того времени было создание первого в вузах Центрально-Чернозёмного региона большого вычислительного центра (1959 год, первый директор – Анатолий Сергеевич Сивков), который открыл новые возможности и расширил горизонты научных исследований (до компьютерных технологий было ещё лет 15). Б. И. Михантьев особо гордился созданием Издательства Воронежского государственного университета. Это не только решило трудную проблему публикаций результатов научных исследований, но и значительно подняло статус нашего университета в системе высшей школы, а книги, журналы со знаком «Издательство ВГУ» пошли по многим странам, расширяя мировое пространство известности Воронежского университета.

В 1957 году по инициативе студентов, деятельно поддержанной ректором, возник спортивно-оздоровительный лагерь на реке Усманке на кордоне Веневитиново Усманского бора. Первоначально стараниями профессора И. И. Барабаш-Никифорова там была основана биологическая станция (1947 год). Но её во второй половине 50-х годов высмотрели студенты (в основном физики) и попросили раскинуть там несколько палаток: для летнего отдыха и спорта. Место красивое, воздух целебный, река исключительно чистая, рыбная, лес грибной, ягодный. Ректор согласился. Самоуправление было полностью студенческое. Через три-четыре года «Веневитиново» стало любимым местом отдыха не только студентов, но и преподавателей, сотрудников. Руководство ВГУ пошло на определённые инвестиции для создания более благоустроенной базы отдыха и одновременно биостанции.

В период михантьевского ректорства в университете плодотворно и с нарастающим творческим подъёмом развивалась социокультурная сфера. По инициативе студентов, поддержанных комитетом ВЛКСМ, парткомом, возникло удивительное по своей духовности и устойчивости ежегодное проведение Дня поэзии ВГУ (с 1954 года). Б. И. Михантьев умел ценить поэтическое слово. Поэты разной славы и мастерства читали стихи в его ректорском кабинете. За пределами Воронежа хорошо был известен университетский театр миниатюр «Парадокс», созданный талантами Л. Кройчика, В. Кулиничева, В. Сисикина, В. Смирнова и др.

В университете существовал и концертировал симфонический оркестр. Организатором был доцент кафедры испанской филологии (одно время заведовал ей) эмигрант Хосе Марено-Пальи. Он ещё в юности в 1939 году после франкистского переворота в Испании был вывезен в Советский Союз. Здесь получил высшее образование, стал учёным. Сам Хосе хорошо играл на виолончели. Дирижёром симфонического оркестра был работник обкома КПСС Л. Сафонов.

Б. И. Михантьев стремился поднять и развивать творческую культуру художественной самодеятельности. И в этом его поддерживали и партком, и комсомольская организация. Руководителем всей художественной самодеятельности университета был главный дирижёр театра оперы и балета Людмилин Анатолий Алексеевич. Изредка Б. И. Михантьев беседовал с ним, и, насколько помню, они

были взаимодовольны разговором о социокультурных возможностях и проблемах университета. Интенсивно развивались физкультура и спорт. Сложилась воронежская школа женской спортивной гимнастики (школа Ю. Э. Штукмана). Славен был волейбол. Был даже «Яхт-клуб». Ректор пошёл на затраты по покупке нескольких шлюпок, на них ходили в Азовское море.

Впервые в период михантьевского ректорства Воронежский университет вышел на международную арену, включился в мировое научное и образовательное пространство. И не только через интенсификацию книгообмена вплоть до библиотеки Конгресса США. Учёные ВГУ стали работать в университетах Афганистана, Китая, Алжира (тогда ещё французской колонии), Германской Демократической Республики. Сам Б. И. Михантьев прочитал свой курс по химии высокомолекулярных соединений в одном из университетов Великобритании (мне не удалось точно установить; вспоминается Кембридж, но я не уверен). Началась подготовка студентов из Китая, Вьетнама, Египта.

Борис Иванович Михантьев понимал ректорство как высокую социальную ответственность. Он был в подлинном смысле слова лидером инициатив, организатором их практического воплощения в жизнь. Он обладал способностью сплотить коллектив, конструктивно разрешать конфликты, ставить чёткие задачи и формировать ресурсы для их решения.

Михантьевский импульс долго и плодотворно сказывался во всех сферах жизнедеятельности и развития ВГУ: в образовательной, научно-исследовательской, духовно-культурной, морально-этической, в статусно-ролевом положении и значении ВГУ в регионе, в системе высшей школы. Министр высшего образования РСФСР В. Н. Столетов (он дважды был в ВГУ) назвал Воронежский университет крупным алмазом в короне высшей школы России.

Новый 1964/65 учебный год начался для меня (и не только) печальным событием. 9 сентября 1964 года умер мой первый наставник в философии профессор, доктор философских наук Бер (Борис) Моисеевич Бернадинер, один из старейших, ещё с довоенных времён, учёных ВГУ. С 1938 года он возглавлял кафедру марксизма-ленинизма, с 1945-го – кафедру философии. Участник Великой Отечественной войны. Более года тому назад у него случился тяжёлый инсульт (он упал в своём кабинете в обморок). Были привлечены лучшие медицинские силы Воронежа (секретарём парткома медицинского института в то время был ученик Б. М. Бернадинера А. Демченко). Его лечил один из лучших невропатологов кандидат медицинских наук, доцент Аркадий Аркадьевич Рубинович. Несколько раз проводились консилиумы с привлечением учёных мединститута. Не менее 2–3 раз в неделю я бывал в больнице № 3; Аркадий Аркадьевич информировал о состоянии Бориса Моисеевича. Он вывел его из тяжелейшего положения; месяца через три Б. М. Бернадинер стал произносить слова, потом начал ходить. Исполнял обязанности заведующего кафедрой философии фактически Сергей Николаевич Ти-

тов (тоже ученик Бориса Моисеевича). Но мы сохранили за Б. М. Бернадинером юридический статус заведующего, используя некоторые формулировки советского трудового законодательства. Борис Моисеевич даже изредка приходил на кафедру (жил он неподалёку, в знаменитом доме № 19 по улице Театральной, а кафедра располагалась на площади Ленина, 10, возле Кольцовского сквера). Но болезнь брала своё. Вскрытие после кончины обнаружило большую опухоль (размером с куриное яйцо) мозга на соединении правого и левого полушарий. Опухоль трудно было диагностировать в то время. А. А. Рубинович сказал мне, что опухоль была операбельной, но нужна была трепанация черепной коробки. По-видимому, к этому воронежская медицина ещё не была готова.

Университет и всё воронежское обществоведение, прежде всего философы, понесли большую утрату. Я многим обязан Борису Моисеевичу Бернадинеру. Он заметил и ввёл меня в сложный и противоречивый мир философии, приучал к систематическим размышлениям о бытии и времени, о человеке и социальном пространстве, о разуме и его заблуждениях (одна из его любимых и памятных лекций о Френсисе Бэконе Веруламском), об истине и практике, о свободе и необходимости и многом другом. Его обширная эрудиция, живой, неугасимый интерес к искусству были и остаются для меня стимулирующими ориентирами. Несмотря на то что когда-то между нами пробежала кем-то подсунутая кошка, Борис Моисеевич Бернадинер был и остаётся одним из самых уважаемых учёных и личностей в многообразном человеческом общении на протяжении всех моих десятилетий после его ухода из жизни. Он умер в том возрасте (61 год), когда можно было бы работать и работать.

Ректорство Бориса Ивановича Михантьева завершилось к исходу 1964 года. Оно осталось в истории Воронежского государственного университета как особое время трудных проблем, надежд, поиска путей и ресурсов, свершений, творческого подъёма и уверенности в будущем. Уверенность и гордость за университет Борис Иванович Михантьев выразил на прощальном заседании Учёного совета, пожелав успеха новому ректору профессору Валентину Пименовичу Мелешко.

Глава 4

ПРОТИВОРЕЧИЯ ДВИЖЕНИЯ

В январе 1965 года приказом министра высшего образования ректором ВГУ был назначен доктор химических наук, профессор Валентин Пименович Мелешко. Профессорско-преподавательский состав благоприятно воспринял это назначение. Валентина Пименовича хорошо знало старшее поколение. Он окончил химический факультет ВГУ ещё до войны, года полтора работал научным сотрудником, а за полгода до Великой Отечественной войны ему доверили непростую работу учёного секретаря университетского Учёного совета. С первого дня войны он, как и многие преподаватели, сотрудники, выпускники 1941 года, добровольно ушёл в Красную Армию, которой предстояло через кровавые бои прийти к Победе.

Будучи майором-артиллеристом, он не утратил любви к своей профессии химика и к Воронежскому университету, в который вернулся.

В 50–60-х годах он проявил себя не только талантливым и инициативным учёным, но и энергичным организатором научно-исследовательских коллективов. Ещё будучи доцентом, он был избран заведующим кафедрой аналитической химии (с 1961 года). В 1958 году организовал научно-исследовательскую лабораторию ионообменных процессов Воронежского совнархоза, которую затем преобразовал в НИИ хроматографии ВГУ. По приказу ректора Б. И. Михантьева с 1963 по 1965 год был директором научно-исследовательского физико-химического института. Для В. П. Мелешко всегда было характерно стремление к практической производственной отдаче научно-исследовательской работы, её экономической эффективности.

Для кадрового профессорско-преподавательского состава (не только старшего поколения) назначение В. П. Мелешко ректором было приемлемо ещё и потому, что его кандидатуру предложил Борис Иванович Михантьев и хорошо оха-

рактеризовал его на заседании Учёного совета, уходя с поста ректора, и выразил уверенность в успешном развитии университета в будущем. Правда, в профессорской среде высказывалось и некоторое недоумение: опять химик, разве нет достойных учёных иных специальностей. Но разговоры были втихую, и вряд ли большинство их подтверждало, хотя по тогдашним нормам-правилам никто и не спрашивал мнение большинства. Не помню, кто из Министерства доводил до сведения Учёного совета приказ и представлял Валентина Пименовича Мелешко. Но, наверняка, он добрым словом отозвался о Борисе Ивановиче Михантьеве, поблагодарил за плодотворное почти 12-летнее ректорство. Валентин Пименович заверил, что не пожалеет своих сил, чтобы университет и впредь успешно развивался; для этого сформировались достаточная база и сложившийся коллектив, способный решать самые сложные задачи.

Через несколько дней после длительных переговоров с Борисом Ивановичем Михантьевым (так сказать, передача дел, а вернее, введение в насущные проблемы и ресурсы) Валентин Пименович пригласил проректора по научной работе Леонида Петровича Залукаева, меня как проректора по учебной работе и Бориса Марковича Харина, проректора по административно-хозяйственной части. Необходимо было обговорить принципы работы, выяснить мнение проректоров и проблемы в их сферах управления, выработать общие позиции. Разговор длился часа четыре в спокойном деловом тоне. Валентин Пименович много задавал вопросов, чтобы лучше войти в курс дела и заодно выяснить позиции, да и управленческие возможности и сферы деятельности каждого проректора. Мне было поручено подготовить и сделать на заседании Учёного совета доклад о совершенствовании и повышении эффективности учебного процесса. Никаких своих соображений по этому вопросу и о характере доклада он не высказал.

Вскоре Валентина Пименовича вызвали на коллегию Министерства. В то же время я был в Москве на совещании-семинаре по проблемам преподавания научного коммунизма. После заседания коллегии, на котором В. П. Мелешко утвердили в должности ректора (я присутствовал при этом акте), мы поехали в гостиницу «Украина», в которой Валентин Пименович размещался. В ресторане хорошо отметили решение коллегии. Но в меру. Расплачиваясь с официантом, Валентин Пименович положил на тарелку свою визитку. Заметив мой недоумённый взгляд, произнёс: «Пусть знают, кого кормили». На визитной карточке уже значилось, кроме учёных звания и степени: ректор Воронежского государственного университета.

На одном из заседаний Учёного совета я сделал доклад о путях и методах совершенствования и повышения эффективности учебного процесса. В его подготовке деятельно помогал Владимир Семёнович Листенгартен. Предварительно основные тезисы были высказаны новому ректору. Владимир Пименович одобрил их. Доклад был необходим. Университет стремительно разрастался по контингентам студентов и профессорско-преподавательского состава. Но научно-педаго-

гическая квалификация явно отставала в своём движении и от роста массы студентов, и от нарастания требований к качеству учебного процесса, от сложности преподаваемых предметов и развития наук.

Более 60 % преподавателей не имели учёной степени. Особенно низким был уровень научно-педагогической квалификации преподавателей факультетов романо-германской филологии, экономического, физического. Достаточно высоким он был на историческом, юридическом, биолого-почвенном (от 60 до 75 % имели учёную степень). Многие преподаватели только начинали трудный путь университетского учёного и педагога. Мастерство высококвалифицированных и опытных преподавателей растворялось в научно-педагогической неискушённости молодых. К тому же среди части преподавателей бытовала недооценка методики преподавания; считалось, главное – знать свою науку и иметь талант. Вспомнилось, один из успешных учёных и талантливых преподавателей, блестяще читающий свои курсы, к которому тянулись студенты, профессор Анатолий Яковлевич Шаталов (химфак) задал мне вопрос: «Заяц умеет играть на барабане. Но можно ли его научить зажигать спички?» Мой ответ: «Заяц не человек. К тому же он не курит. Ему спички не нужны. А преподаватель университета – человек. И его можно и нужно научить, как зажигать свет науки в головах студентов. И Вы, Анатолий Яковлевич, эффектно и эффективно это умеете. Надо молодым помочь овладеть этим искусством и мастерством, хотя, надо признать, не каждый способен к обучению. Проблема отбора, поддержки и развития талантов – серьёзнейшая в формировании кафедральных коллективов».

В докладе на заседании Учёного совета я подчеркнул важность той работы по проблемам высшего образования, которую в нашем университете начал Пётр Михайлович Гапонов. Он стремился педагогику высшего образования, методику преподавания поставить на научную основу, обобщать опыт высококвалифицированных и талантливых профессоров, доцентов, внедрить в практику обмена мастерством через регулярное проведение методических семинаров и конференций. В этой связи в докладе подвергалась критике кафедра педагогики, которая не только не вела работу в этом направлении, но и устранялась от неё. Критика вызвала раздражение заведующего кафедрой профессора Сергея Васильевича Иванова. Прошло много лет, и кафедра педагогики (заведующий профессор Симон Моисеевич Годник) создала и вела общеуниверситетский постоянно действующий семинар по методике преподавания и педагогике высшей школы.

Одна из проблем, осложняющих и труд, и жизнь преподавателей в середине 60-х годов, – очень большой объём так называемой педагогической нагрузки, особенно у молодых. До 1000 часов, а иногда и больше. Причина была в том, что Министерство определяло для нашего университета штаты из расчета 1 : 12, т. е. один преподаватель на 12 студентов. Это очень высокий коэффициент. Но в некоторых вузах был и выше. Необходимо было снижать коэффициент, что тре-

бовало аргументированной и целеустремлённой работы с Министерством, которое в общем-то благоволило нашему университету. К концу моего проректорства расчётный коэффициент снизился до 1 : 10. Однажды удалось «привезти» из Министерства РСФСР около 130 ставок штатных единиц, включая лаборантские и хозяйственно-административные.

Вместе с тем необходимо было более справедливо распределять ставки штатных единиц по факультетам. Во всяком случае не методом благоволения ректората. Пришлось, поработав с математиками, ввести расчётные коэффициенты по факультетам, с учётом объёмов учебного плана (в часовом исчислении), его структуры, показателей лекционных, лабораторных и других видов учебного процесса.

В связи с тем, что в образовательные программы вводились новые обязательные предметы, предлагалось включать в учебную нагрузку преподавателей от 70 до 140 часов за разработку новых курсов, спецкурсов. Сниженная педнагрузка определялась молодым преподавателям, ибо им приходилось значительно больше затрачивать времени на подготовку к занятиям, прежде всего к лекциям. Предложение вызвало споры. Было принято предложение выплачивать повышенную стипендию всем студентам, независимо от подушевого дохода семьи. До середины 60-х годов обычная стипендия выплачивалась при достаточной успеваемости студентам, в семьях которых подушевой доход был не выше 70 рублей (в ценах середины 60-х годов, в нынешних это, по-видимому, 13–14 тысяч). Деканы это особо одобрили. Валентин Пименович промолчал, но через несколько месяцев высказался в том смысле, что стипендия не играет, да и не должна играть стимулирующую роль. В сентябре 1965 года это моё предложение, принятое Учёным советом, поддержанное парткомом и профсоюзным комитетом студентов, обернулось забавным приключением. Но об этом чуть позже.

Естественно, что качество и преподавания, и учебного процесса в целом, и академическая активность студентов органически зависят от успехов научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава, каждого его участника, от лабораторной базы. Научно-исследовательская работа должна быть органической частью познавательной деятельности студента. Аналогичную мысль более глубоко развернул проректор по научной работе Леонид Петрович Залукаев.

На следующий день после моего первого концептуального научно-методического доклада о нём одобрительно отозвался ректор Валентин Пименович Мелешко, похвалив и содержание, и форму.

Мой проректорский дебют при новом ректоре состоялся как будто благополучно. Можно было повернуться к формирующейся – и по составу, и по методологии преподавания, и по научно-исследовательскому направлению – кафедре научного коммунизма. Она требовала внимания. Как я уже писал, в связи с назначением меня проректором по моей просьбе исполнение обязанностей заведующего возложили на доцента Галину Александровну Алёшину, ранее работав-

шую заведующей отделом науки и образования Воронежского обкома КПСС. Она была человеком энергичным; во второй половине 50-х годов читала курс лекций по историческому материализму на геологическом факультете, и я за ней вёл семинарские занятия. Но большим научно-педагогическим, а самое главное – опытом внутрикафедрального межличностного общения она пока не располагала. Надо было помочь в налаживании дружной плодотворной работы. Кафедра с самого начала своего формирования приняла социологическое направление научно-исследовательской работы. Это давало возможность в преподавании научного коммунизма как специфической социальной теории опираться на социологическую теорию, использовать методы прикладной социологии и сопоставительно анализировать социальные реалии и идеалы. Но для этого нужна не только теоретико-методологическая эрудиция преподавателей, но и организационная база проведения эмпирических исследований. Не лишне напомнить в этой связи один любопытный исторический факт. Когда на базе богатейшего многовекового опыта Российской академии наук создавалась Академия наук СССР как её законная наследница и принимался Устав её, В. И. Ленин вписал в него пункт о проведении широких социальных исследований как важнейшую задачу АН. Сталин и его идеологическая прислуга всё потом угробили; социология как наука была подвергнута репрессиям. В 1937 году был подвергнут репрессиям и расстрелян один из одарённых учёных профессор А. Н. Татарчуков, которого с полным основанием можно считать первым социологом ВГУ (он работал с самого начала открытия университета в Воронеже). Он вёл социально-экономические исследования, составил первый социально-экономический справочник по Центрально-Чернозёмному региону. К 10-летнему юбилею ВГУ под его руководством было проведено исследование материального положения студентов. Использовались социологические методы. В 1928 году была издана небольшая книга «Материальное положение студентов Воронежского университета». В ней содержится большой добротный, статистически обработанный и социологически проанализированный материал о демографическом и социальном составе студенчества, источниках жизнеобеспечения, условиях жизни, имущественном состоянии, дана характеристика здоровья и многое другое, вплоть до обеспечения студентов учебными пособиями (в 1927/28 учебном году на 1 студента мужского пола приходилось почти 2,4 учебника в личной собственности, по 1,3 – на одну девушку). Бесценный историко-социологический материал…

Книга была издана тиражом в 560 экземпляров. В 1965 году её случайно выявили в библиотеке Воронежского статуправления. Доценту Г. А. Алёшиной (она когда-то работала в статуправлении) удалось сделать 4 ксерокопии. Одну она оставила себе, одна досталась мне, две мною были переданы в зональную библиотеку ВГУ. И в итоге – все оказались потерянными (свой экземпляр я передал в социологическую лабораторию, но его и там потеряли). Через Интернет в 2016 году доцентом Светланой Михайловной Калашниковой книга была обнару-

жена в Государственной библиотеке Российской Федерации. На титульном листе стоит штамп: «публ. библ. имени Ленина. СССР». Во время оккупации Воронежа университетская библиотека была разграблена гитлеровской ордой. Остатки её героическим самоотверженным трудом собирали под руководством директора Софьи Памфиловны Оникиенко. Среди этих остатков книги А. Н. Татарчукова не оказалось. Это понятно. Но как и почему в послевоенные десятилетия не сохранились три её ксерокопии – вопрос безответный. Передо мной – интернетовская ксерокопия экземпляра из Государственной библиотеки, когда-то называемой её пользователями уважительно «ленинкой». Я виноват в том, что не проследил судьбу переданных мною трёх экземпляров копии книги А. Н. Татарчукова и в текучке времени не ввёл материал этой книги в научный оборот (аналогичное исследование было проведено под моим руководством в 1992 году и опубликовано в брошюре «Материальное положение студентов» (Воронеж, 1992)).

Вернёмся в середину 60-х годов. Для социологической направленности кафедры научного коммунизма, повторюсь, нужна была лаборатория. Характерной тенденцией развития Воронежского университета в 60–70-х годах было лавинообразное создание лабораторий, научных институтов. Преуспевали естественно-научные факультеты, но к этому стремились и гуманитарные. Уже в 1968 году численность научных сотрудников, работающих в институтах и лабораториях на государственной основе и по хоздоговорам, превышала численность профессорско-преподавательского состава (902 против 801)[1]. Правда, большинство (не менее 85 %) научного и вспомогательного персонала в лабораториях и институтах работало по хоздоговорам (по сути дела, по коммерческой форме отношений между заказчиком и научным исполнителем).

Если верить цитируемому выше источнику, социологическая лаборатория была создана в 1962 году[2]. Не припомню такого события. Не было в 1962 году социологической лаборатории. Было другое. Министерство высшего образования РСФСР выделило 3 ставки старших лаборантов в составе вспомогательного персонала для проведения социологических исследований. И мне кажется, что это было не в 1962 году, а в 1964-м, когда, будучи уже проректором, мне довелось в Министерстве прорабатывать вопрос о штатах ВГУ на будущий год (штатное расписание пересматривалось каждый год). Три ставки старших лаборантов было выделено для проведения социологических исследований, но лабораторию с ходу не создали; ставки распределили по кафедрам: одну – на кафедру истории КПСС (на этом очень настаивал заведующий А. В. Лосев), одну – на кафедру философии и одну – на только что сформированную кафедру научного коммунизма. Прошло некоторое время, и я поставил перед ректором вопрос о целевом исполь-

[1] См.: Воронежский университет. Страницы хронологии / под ред. И. И. Борисова и С. А. Запрягаева. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. С. 53.

[2] См.: Там же. С. 144.

зовании выделенных Министерством трёх ставок, т. е. для создания социологической лаборатории. Тем более что из управления преподавания общественных наук (заведующий Климушев) поступил запрос, какие исследования проводятся или намечаются. Так в середине 60-х годов возникла социологическая лаборатория. По согласованию с другими кафедрами общественных наук (они были общеуниверситетскими со своим Учёным советом) её включили в состав кафедры научного коммунизма, а меня учредили её научным руководителем. В её состав (без дополнительной оплаты) вошли доцент Г. А. Алёшина, доцент Г. Г. Заиграев, доцент А. П. Рожкова и др. Первым старшим лаборантом был зачислен Иван Владимирович Наставшев, мой студент-дипломник, социолог по призванию, по дарованию. Он выполнил на основе конкретно-социологических исследований добротную дипломную работу «Идеалы современных студентов». На это студенческое дипломное исследование газета «Комсомольская правда» (самая массовая в СССР) опубликовала основательную рецензию размером, говоря газетным термином, в целый подвал (почти в половину второй страницы). Никаких рецензий на дипломные работы я, будучи читателем «Комсомолки» с 1945 года, никогда не видел. Через лабораторию прошли в статусе лаборанта разные люди по своему изначальному высшему образованию (экономисты, историки, филологи, математики; социологов в то время высшая школа ещё не готовила и не выпускала). Созданная социологическая лаборатория позволила не только развернуть конкретно-социологические исследования социальных проблем высшего образования, ценностных ориентаций и образа жизни студенчества, социальных проблем труда производственных коллективов, но и в известной мере стала базой для подготовки квалифицированных социологов, хотя вплоть до начала 90-х годов степени кандидата/доктора социологических наук не существовало (присваивали степень кандидата/доктора философских или экономических наук). И. В. Наставшев был одним из первых моих аспирантов, подготовивших кандидатскую диссертацию на основе конкретно-социологических исследований ценностных ориентаций молодых рабочих и успешно защитивших её. Первым оппонентом был один из тех, кто возрождал социологию в нашей стране и вёл исследования социальных проблем промышленного труда, авторитетнейший специалист по методологии, методике и процедурам социологических исследований профессор, доктор философских наук Владимир Александрович Ядов. Впоследствии И. В. Наставшев уехал в Калининград, защитил докторскую диссертацию, работал заведующим кафедрой социологии Балтийского университета. Умер зрелым и авторитетным учёным. Был он не только талантлив как социолог, но и обаятельным человеком в общении, обладал остроумием, используя его даже в преподавании социологии.

Социологическая лаборатория дала возможность ряду работающих лаборантов защитить кандидатские диссертации. Среди них, кроме И. В. Наставшева, Г. В. Горченко, А. Н. Борискин, А. И. Верецкая, А. Б. Довейко. По социологическим

проблемам вели исследования и мои аспиранты: Б. Н. Лебедев, Н. Д. Тульнов, А. П. Дьяков, Л. П. Волкова, В. М. Кравченко. Очень сложную диссертацию по социологическому наследию К. Маркса защитил в Киевском университете Э. Гайдадым (впоследствии профессор, доктор наук Донецкого медицинского института).

Формирование и развитие научно-исследовательских институтов, лабораторий ВГУ на бюджетной и в большей мере хоздоговорной основе, рост численности научных сотрудников, иногда опережающий прирост профессорско-преподавательского состава, – закономерный и прогрессивный процесс. Тем самым расширялась, совершенствовалась материально-техническая, кадровая, организационная база научных исследований, их практическая связь с промышленным и сельскохозяйственным производством, с потребителями социальной сферы. Заметно росли финансовые внебюджетные ресурсы для приобретения нового оборудования, современных приборов. Бюджетных средств не хватало, да и их целевое использование было так забюрокрачено Министерством и финансовыми органами, что фактически приобрести новый прибор, особенно дорогостоящий, крайне затруднялось. Были срывы в снабжении. Хоздоговорные финансы создавали свободу и оперативность в оснащении новыми приборами, оборудованием и заказанных исследований, и учебного процесса.

Однако возникали и противоречия, как во всяком движении. Они требовали внимательного регулирования, в противном случае могли возникать конфликты.

Наряду с развитием специализированных научных структур и ростом численности занятого в них персонала разрастался контингент студентов и по старым, и по новым направлениям подготовки, открывались новые кафедры, росли требования учебного процесса к его техническому и методическому оснащению, и более всего к территориальному размещению и качеству аудиторного фонда, его эффективного использования. Свободный «вздох» от увеличения производственных площадей в связи с полным вводом в эксплуатацию главного корпуса ВГУ оказался очень коротким. Уже к исходу 1964/65 года стала ощущаться нехватка аудиторий для учебного процесса. Прежде всего в главном корпусе. В начале 1965/66 учебного года она обострилась. Аудиторный фонд странным образом сокращался. Деканы с вопросами – ко мне. Расписание занятий не укладывалось в предоставленный аудиторный фонд.

Вместе с начальником учебной части Владимиром Семёновичем Листенгартеном мы пытались разобраться, в чём дело. В построенном правом крыле (4 этажа + обширный подвал со всей технологической инфраструктурой) разместились химический, биолого-почвенный и исторический факультеты. Освобождённые здания по Студенческой улице (там размещался химический факультет) и первый и два верхних этажа (3-й и 4-й) красного корпуса по проспекту Революции, 24 (на 2-м этаже располагалась военная кафедра) были полностью переданы естественным факультетам для размещения научно-исследовательских институтов,

лабораторий. Казалось бы, дефицита помещений для учебного процесса не должно быть. Да он как-то не выявлялся, когда осенью 1964 года мне пришлось чуть ли не с аршином в руках рассчитывать и распределять между факультетами и кафедрами площади правого крыла главного корпуса. Оказалось, натиск на аудиторный фонд ведут хоздоговорные группы. Под их давлением ректор В. П. Мелешко уступал им одну учебную аудиторию за другой, не ставя в известность учебную часть, деканов и даже не всегда оформляя своим приказом. Ликвидировались даже специализированные аудитории. Помню, как в мой скромный кабинет с неудобным порогом ворвался доцент кафедры геодезии и картографии Н. Н. Смирнов (человек скромнейший и бывший к тому же учёным секретарём университетского Учёного совета) с разгневанным возгласом: «Что вы делаете?» Оказалось, никого не предупредив, ликвидировали хорошо оборудованный стараниями Николая Николаевича картографический кабинет, в котором велись занятия и для географов, и для геологов. Оборудование свалили в углу коридора. Н. Н. Смирнов по расписанию пришёл на занятия, а кабинета нет. Срыв занятий. Да и обидно было Николаю Николаевичу, что его старания кто-то превратил в коридорный мусор.

Разобравшись с каждой аудиторией (я их все наизусть знал), изъятой из аудиторного фонда, пошёл к ректору Валентину Пименовичу. Вначале пытался представить случившееся как недоразумение. Надо искать рациональное решение «территориального вопроса» без утеснения учебного процесса и ущемления хоздоговорных интересов. Докладывал конкретно почти по каждой аудитории, нажимал на то, что некоторые часто под замком и трудно понять, кто и как их использует. Сказал, что для хоздоговорных работ можно более плотно использовать бывшее здание химфака и красного корпуса. К тому же хоздоговорные работы целесообразно вести в помещениях заказчиков. По бюджетным лабораториям и институтам проблем нет. Между прочим, выполняя хоздоговор для завода тяжёлых механических прессов (это было позднее, в 1967–1968 годах), мы получили от завода помещение на 80 квадратных метров и некоторое оборудование бесплатно; это входило в условие договора как обязанность заказчика.

Валентин Пименович выслушал молча с непроницаемым лицом. Взял у меня список выведенных из учебного процесса аудиторий. Вызвал начальника НИЧ (научно-исследовательской части), показал список изъятых аудиторий. Тот всё подтвердил и сказал, что помещений для хоздоговорных работ не хватает. Я бросил реплику: «Почему их не выполняют на территориях заказчиков?» Потому что заказчики не дают помещений, да к тому же многие из них находятся за пределами Воронежа, – последовал ответ. Я посоветовал плотнее использовать подвал правого крыла здания. «Разве там можно что-то делать?» – спросил Валентин Пименович. Он не знал, что это довольно просторные подвальные помещения, если их переоборудовать (все технологические подводки там есть), то можно вести не только хоздоговорные работы, но и разместить некоторые службы. На этом разго-

вор закончился. Но я надеялся, что будут предприняты меры по возврату аудиторий в учебный процесс. Деканы нажимали, отмечая срывы занятий.

Через 2–3 дня я вновь зашёл в кабинет ректора. Спросил, как будем решать «территориальный вопрос». Последовал странный совет: «Валентин Сидорович, занимайтесь своим делом, а в чужие не вмешивайтесь». Я чуть не вспылил, но кое-как сдержался. Стал доказывать, что мне всё в нашем университете не чужое; хоздоговорные работы необходимы и полезны, но их нельзя вести в ущерб учебному процессу. «Поскольку я непосредственно отвечаю за организацию и культуру учебного процесса, то вправе спросить, почему без ведома учебной части, деканов и меня как проректора сокращается аудиторный фонд и тем самым ухудшаются условия учебного процесса. Новое здание университета строилось для обучения студентов, для плановых научных исследований, а не хоздоговорных». Наверное, последнее я сказал зря, да к тому же уже горячась. Валентин Пименович, тоже горячась и вставая из-за стола, бросил жёстко: «Это не Ваше дело». Мне ничего не оставалось, как уйти. Ректор не задерживал. Я почувствовал, что произошло нечто, выходящее за пределы «территориального вопроса».

Но что сказать деканам? В ректорство В. П. Мелешко исчезло постоянно действующее совещание деканов. Большинство деканов сожалело об этом. Прекратилась и работа ректора с аппаратом управления. Не собирались вместе и проректоры для обсуждения с ректором текущих и перспективных проблем. Со времён Б. И. Михантьева у меня (и не только у меня) сложилось не просто твёрдое убеждение, а незыблемая психологическая установка: ректорат – это орган коллективного взаимодействия его членов под руководством ректора, персональной ответственности за порученную сферу управления, взаимообмена мнениями и взаимной заинтересованности в общем университетском деле. Валентин Пименович, по-видимому, понимал иначе, бросив мне реплику-упрёк: «Это не Ваше дело».

Что-то надо было делать с убывающим не по прямому назначению аудиторным фондом. Пришлось увеличить коэффициент использования аудиторий и довести занятия в них до 12–14 часов в сутки, таким образом нарушив санитарно-гигиенические условия работы в них и студентов, и преподавателей. Для размещения некоторых служб (прежде всего по работе с иностранцами) была использована часть одного здания общежития. В главном корпусе угловые рекреационные площадки с помощью фанеры загораживались и превращались в некую производственную площадь. Кое-что предпринял и ректор, опустив некоторые хоздоговорные работы в хорошо оборудованный подвал. Однако деканы ворчали. Условия учебного процесса ухудшились.

Нормой университетской жизни давно стали собрания преподавателей накануне нового учебного года обычно в конце августа. С докладом выступал ректор. Борис Иванович Михантьев вместе с проректором по учебной работе (П. М. Гапоновым) и проректором по научной части (в последние годы Л. П. Залукаевым)

Общее собрание преподавателей ВГУ. Справа налево: в первом ряду профессор В. И. Соболев, В. С. Листенгартен, В. С. Рахманин, во втором ряду И. С. Суровцев, А. П. Щербаков, В. Ф. Смирнов, А. Г. Сенчаков. 31 августа 1995 года

тщательно готовились к докладу. В конце августа 1965 года состоялась премьера Валентина Пименовича Мелешко, т. е. его первое публичное выступление перед профессорско-преподавательским составом. Со мной как проректором он даже не консультировался. Во время доклада он явно волновался, говорил сбивчиво, сколько-либо чётких сформулированных задач он не ставил, какие перспективы намечает, он не высказал. Пожалуй, кроме одной. Проректор по административно-хозяйственной части пожаловался ему, что студенты много ломают мебели (её, кстати, в кабинетах не хватало, и она была малоприспособлена к учебному процессу). Валентин Пименович развил эту тему, в подтверждение своих размышлений (самих по себе правильных и нужных) принёс с собой доску, оторванную от аудиторного стола, и потрясал ею как аргументом, призывая преподавателей к воспитанию студентов в духе рачительного отношения к университетскому имуществу. Но ведь не эта же установочная доминанта должна была прозвучать в докладе…

Припомнился забавный случай с аналогичной доской во время приезда в наш университет министра высшего образования СССР В. П. Елютина. Он решил осмотреть аудитории, лаборатории и отдельные кафедры. Мне было поручено его сопровождать, пояснять ему, выслушивать и фиксировать замечания. Зашли в одну хорошо оснащённую аудиторию на 4-м этаже главного корпуса. На одном

столе висела на петле половина крышки. Министр оторвал крышку, обернулся к сопровождающим: «Кто проректор хозчасти?» – «Я», – выглянул из толпы проректор Соловьёв (полковник в отставке). Елютин спросил: «Фамилия?» – И расписался на доске: «Профессору Соловьёву с приветом министр Елютин». С министром Елютиным случилось одно конфузливое происшествие. В университете активно велись работы по внедрению технических средств обучения, в частности автоматизированной системы проверки знаний студентов. Увлекались этим математики. Была создана машина «Экзаменатор». Министр заинтересовался и решил в порядке любопытства проэкзаменоваться (по специальности металлург, доктор физико-математических наук). Ему показали, как пользоваться машиной. Министр нажал на соответствующие кнопки, получил задание. Задумался, поиграл другими кнопками, вводя свою версию ответа. Экзаменатор тут же выдал оценку «3». «Честный экзаменатор, – не смутившись, констатировал В. П. Елютин, – не дрогнул перед министром». Союзный министр в целом дал высокую оценку нашему университету, подчеркнув наличие хорошего потенциала для дальнейшего развития, и пожелал его наращивать прежде всего за счёт интенсификации научно-исследовательской работы, повышения качества квалификации профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников, активного включения студентов в научные исследования, включая хоздоговорные. Обратил внимание на необходимость создания специализированных технически оснащённых учебных аудиторий. Валентин Пименович был доволен и посещением ВГУ союзным министром, и высокой оценкой. Насколько мне известно и памятно, никаких существенных вопросов он перед министром не поставил. Но его насторожила персональная (теперь бы сказали эксклюзивная) встреча министра Вячеслава Петровича Елютина и бывшего ректора Бориса Ивановича Михантьева. Содержание разговора ему было, конечно, неизвестно, но почему-то его тревожило. Спросил меня, о чём был разговор. Я тоже не знал, кроме одного: инициатором был союзный министр Елютин.

Летний отпуск 1965 года мне не удалось использовать (для проректоров он был тогда четырёхнедельным). Надо было готовиться к приёму нового набора студентов, т. е. к организации, а потом и проведению вступительных экзаменов. Проблем с абитуриентами не было, кроме одной: как отобрать лучших и вписаться в социальную структуру будущего состава принятых студентов, жёстко определяемую министерским заданием. На вузы летом 1965 года накатывался демографический вал юношей и девушек, рождённых в 1946–1947 годах (демографический бум рождаемости в первые послевоенные годы в условиях демографически не очень ёмкой экономики, особенно в сельской местности).

Когда экзамены и приём новых студентов благополучно закончились, я попросил отпуск недели на две. Валентин Пименович отказал, причины не назвал, но к подготовке своего доклада к собранию преподавателей не привлекал, ограничившись статистическими данными, которые ему предоставила учебная часть.

В декабре 1965 года в коридоре встретился Борис Иванович Михантьев. Зашли к нему на кафедру просто поговорить. Давно не виделись. Поговорили, как водится, о самочувствии, о семейных делах. Борис Иванович спросил, работаю ли я над докторской диссертацией. Ответил, что по-настоящему пока не работаю, много проректорской текучки, которая захлёстывает, однако тему и проблематику обдумываю, примериваю к своим возможностям. «Не затягивай и не теряй времени», – посоветовал Борис Иванович. Естественно, разговор перетёк к взаимоотношениям с Валентином Пименовичем. Ответил: «Отношения не так, как с Вами. Вы доверяли (вплоть до решения кадровых проблем) и крепко спрашивали. Валентин Пименович, как мне кажется, не доверяет, но и не спрашивает; часто сам решает вопросы моей компетенции, не ставит меня в известность; так было с утеснением аудиторного фонда в пользу хоздоговорных работ, хотя можно было найти и другие, взаимоприемлемые варианты». Борис Иванович сказал, что некоторые деканы выражали ему недовольство работой В. П. Мелешко как ректора, мало считающегося с их мнениями: отменил пятничные совещания деканов, ставит их в положение просящих. Я бросил реплику: «Некоторые деканы пользуются таким положением и в обход модели расчётного распределения штатов по принятым и утверждённым коэффициентам идут к Валентину Пименовичу и выпрашивают дополнительные ставки, но предоставленного ему резерва (в 5–7 единиц) не хватает, он перебрасывает с другого факультета. Возникают конфликты, деканы идут ко мне. Но я не могу отменять распоряжений ректора».

Борис Иванович вздохнул и стал жаловаться на притеснения со стороны… ректора: по ставкам в проблемных лабораториях, опять-таки по размещению на отведённых площадях, по закупкам необходимых приборов и даже на то, что Валентин Пименович не счёл нужным поговорить с ним о методах и проблемах ректорской работы и т. п. Вслушиваясь в слова Бориса Ивановича и их тональность, я не мог чётко сформулировать, что в них. Жалоба на действительные неприемлемые действия В. П. Мелешко? Странно её слышать от волевого и сдержанного Б. И. Михантьева. Или запоздалое переживание своего ухода с ректорства, который спустя несколько месяцев стал казаться ошибочным? Бросил реплику: «Борис Иванович! Но Вы ведь сами выдвинули Валентина Пименовича». – «Я ошибся», – глуховатым голосом проговорил Б. И. Михантьев. С другой стороны, как мне тогда казалось, странным было и отношение Валентина Пименовича к Б. И. Михантьеву. Он знал доброе отношение к нему основной и ведущей части профессорско-преподавательского состава, воронежских властных структур всех уровней, Министерства высшего образования РСФСР и СССР. Ему бы надо было использовать авторитет и опыт Б. И. Михантьева, а не демонстрировать своё отчуждение.

Много позже, приобретя некий жизненный опыт и кое-что (далеко не всё. Очень далеко!) в человеческих отношениях, особенно такой сферы, как управление, пришёл к выводу, вернее, стал догадываться: Валентин Пименович стремился

показать самодостаточность своего «Я». Именно показать. А мощный авторитет Б. И. Михантьева мозолил глаза. К тому же и в профессорско-преподавательской среде при всём её интеллекте и сциентизме всегда ходят разные представления о стилях и методах управления (в данном случае ректорства) и о философии управляющего «Я». У Б. И. Михантьева ректорское «Я» редуцировалось как ответственность перед государством и как служение коллективу, как забота о коллективе, который надо оберегать, развивать, поддерживать в добром и сдерживать в дурном. У Валентина Пименовича (высказываю своё суждение) было нечто другое: ректорство как презентация своего «Я»; образно говоря, как пьедестал, на котором «Я» предстает urbi et orbi. Конечно, и о пьедестале нужно заботиться и тем самым быть ответственным за его состояние. Определённый комплекс тщеславия проявлялся в нём и в обыденном поведении: он любил профланировать по городу в экстравагантном кремовом костюме с урезанными рукавами, обвешанный фотоаппаратами; любил подчеркнуть свои заслуги и даже превосходство над коллегами. Заслуги как достижения в науке у него, бесспорно, были, их отрицать нельзя, но было тщеславие.

Наверное, мои действия как-то беспокоили презентативное «Я» Валентина Пименовича, а я этого не понимал. Один из остроумных учёных (я помню его) высказался метафорично: «ВГУ подобен японскому крейсеру, который может плыть семь миль, если капитанский мостик разбит». В. П. Мелешко был ректором семь лет (1965–1972). Он был провозвестником включения высшей школы в рыночные отношения и коммерциализации высшего образования и вузовской науки. Его опыт оказался опорой в рыночных трансформациях 90-х и последующих десятилетий. В. П. Мелешко – провозвестник вузовского ректора-менеджера. Он был бы более успешным в этом отношении сегодня, чем люди конца 90-х годов и начала нового века. Как ректор-менеджер он опередил своё время. В этом его заслуга перед ВГУ и его драма, усугублённая экзальтацией «Я».

В конце сентября 1965 года ко мне зашёл главный бухгалтер Пётр Фёдорович Извеков и сообщил, что для выплаты стипендий до конца года не хватит примерно 260 тысяч. «Почему?» – спросил я. Оказалось, что главная причина в том, что стали по моему предложению выплачивать стипендию всем студентам, которые отлично учатся, независимо от душевого дохода семьи (70 рублей в месяц). Деканы и стипендиальные комиссии широко использовали это решение.

– Вы ректору об этом доложили? – спросил я.

– Нет, только Вам.

– Спасибо. Что будем делать?

– Просить дополнительно денег у Министерства, но если я поеду в Москву, – сказал Пётр Фёдорович, – денег вряд ли дадут, а меня могут снять с работы. Ехать в Министерство нужно Вам или Валентину Пименовичу, но он не поедет. Ехать нужно Вам. Может, Вам удастся. Вы были инициатором назначений стипендий

более широкому кругу студентов. К тому же есть одна особенность начфина Министерства Карпова.

– Какая?

– Карпов очень прижимист в финансовых вопросах. Но он очень любит анекдоты. И этим кое-кто пользуется.

– Как? Я не запоминаю анекдоты…

– Придётся. Если Вы ему, не говоря о дефиците, расскажете пару анекдотов, которые он ещё не слышал, то деньги он даст. Я почти уверен. Секрет в анекдотах и в их удачном рассказе. У Вас получится.

Делать нечего, надо собрать анекдоты. Но как узнать, какие неизвестны Карпову. В нашем университете работал заведующим кафедрой физвоспитания и спорта Владимир Никандрович Пластинин. Личность своеобразная, сын подпольщиков-революционеров; в детском возрасте, когда родители жили в эмиграции, видел В. И. Ленина, который, по его рассказам, погладил его по голове, назвав шалуном. Владимир Никандрович знал массу анекдотов, постоянно общаясь со спортсменами. Более того, он имел обыкновение, придя на работу утром, заглянуть в несколько кабинетов и поделиться анекдотами. По совету П. Ф. Извекова, тоже многознающего, позвонил Владимиру Никандровичу и попросил зайти ко мне. Он пришёл. Я растолковал ему задачу без права её разглашения. На следующее утро при запертых дверях он два часа гнал анекдоты. Вместе с ним мы прикинули, какие из них могут быть известны в чиновничьих московских кругах, какие вряд ли.

Дня через три подвернулась оказия: меня вызвали в Министерство на утверждение учебных планов нескольких факультетов. Стало быть, мне нужно испрашивать разрешения у ректора. Валентин Пименович только спросил, готовы ли эти учебные планы. Они были готовы. Но в Министерстве работала в научно-методическом управлении дама (забыл её фамилию, имя), которая знала толк в составлении учебных планов, методологии их построения. Дама весьма строгая. Я во многом и на долгие годы обязан ей; она учила сложному искусству и науке разработки учебных планов, вернее, методологической концепции включения в них учебных дисциплин, их последовательности и взаимосвязи, режиму чередования, порядку установления зачётов и экзаменов; она раскрывала очень сложный секрет улавливания алгоритмом познавательной деятельности студентов.

Приехав в Министерство высшего образования РСФСР, я прежде всего пошёл к начфину Карпову. Удача: он был один; секретарша пропустила меня. Я зашёл, представился, сказал, что приехал в научно-методическое управление на утверждение учебных планов. «Проходя мимо Вашего кабинета, решил поделиться воронежскими анекдотами». Карпов улыбнулся, прищурив глаза. Первый анекдот оказался удачным: Карпов его не знал. Посмеялся. Второй оказался менее удачным. Карпов знал его в ином варианте, мой (вернее, пластининский) был лучше.

Карпов спросил меня, зачем приехал. Я повторил, что нужно утвердить несколько учебных планов, но попутно есть дело и к финансовому управлению.

– Рассказывай третий анекдот, если дело есть и ко мне, – с усмешкой проговорил Карпов. – Рассказал о способах сохранения секретности в военных ведомствах Англии, США и СССР, Карпов захохотал:

– Это про наше Министерство. – Спросил, переходя на «ты»: Тебе сколько нужно?

– 260 тысяч, – ответил я.

– Почему перерасход стипендиального фонда произошёл? Вашему университету всё перечислено по нормативам.

– Студенты хорошо учатся. И мы сняли планку прожиточного минимума (70 рублей) для отличных студентов.

– Это лучше анекдотов. Говоришь: 260 тысяч нужно. А 400 тысяч возьмёшь?

– Возьму.

– Освоишь по прямому назначению?

– Освоим. У нас есть, кому и надо назначить стипендии.

Карпов вызвал к себе своих сотрудников, попросив меня выйти в приёмную и подождать. Минут через 25–30 сотрудники вышли из кабинета. Карпов пригласил меня:

– Ну вот, решили выделить ВГУ дополнительно 400 тысяч, поскольку студенты хорошо учатся.

С утверждением учебных планов сложных проблем не оказалось.

Приехав в Воронеж, доложил главному бухгалтеру П. Ф. Извекову более чем удачное решение стипендиально-финансовой проблемы. Ректора Извеков проинформировал без комментариев, что Министерство добавило в наш стипендиальный фонд 400 тысяч рублей. Через некоторое время я узнал, что секрет щедрости начфина Карпова не в моих анекдотах, а в том, что многие вузы не выбирали свой стипендиальный фонд из-за недостаточной успеваемости студентов и так называемой планки подушевого дохода в семьях.

Об анекдотах по добыче дополнительных денег для стипендиального фонда я не рассказал Валентину Пименовичу. Он сам собирал анекдоты, записывал их в блокноты. Рассказывать не умел, зачитывал по своим записям не только в дружеских, но и в банкетных компаниях, не замечая конфузливости ситуации.

С начала 1966 года, а может быть, и раньше, но я заметил в январе-феврале, у В. П. Мелешко начались какие-то осложнения с математиками, которые во главе с профессорами М. А. Красносельским, С. Г. Крейном и В. И. Соболевым представляли наш университет как один из ведущих в математическом сообществе не только СССР и Европы, но и мира. Трудно было понять, в чём причина и смысл скрытых, но всё более и более выявляющихся осложнений отношений ректора с прославленной математической школой. Наметилась тенденция ухода ряда молодых математиков. Их перетягивали разные вузы, больше всего Ярославский уни-

верситет. В одном из разговоров с Валентином Пименовичем «математический вопрос» всплыл при анализе кадрового состава и результатов научно-педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава. В. П. Мелешко пренебрежительно отозвался о ведущих математиках, не вникая в качество и результаты их работы. Я стал не то что заступаться за них, а объяснять и доказывать высокую результативность их работы. Валентин Пименович с раздражением перешёл к другим вопросам. Через несколько дней после этого неприятного для меня разговора мне позвонил секретарь райкома КПСС Всеволод Андреевич Павлов и сообщил, что ректор Валентин Пименович пожаловался на меня за то, что я «часто встречаюсь с профессором Красносельским и веду с ним какие-то переговоры. Вот и вчера вы в коридоре долго стояли и разговаривали». С Всеволодом Андреевичем мы были давно и хорошо знакомы. Спросил шутливо:

– А разве есть какой-то утверждённый райкомом регламент, с кем и когда член КПСС может встречаться и разговаривать? У нас в ВГУ такого регламента для проректора нет.

Посмеялись по телефону. В. А. Павлов намекнул, что «В. П. Мелешко подозревает, что ты поддерживаешь известную группу».

– Да группа наших математиков хорошо известна миру…

– Не о профессии Мелешко говорил, а о национальной группе…

– При чём тут национальность?

– Но Мелешко волнуется. Я решил разобраться. Будь поосторожней…

– В чём поосторожней? Разве мои разговоры с коллегами, с Марком Александровичем или с кем-то другим кому-то или самому мне опасны?

– Поговори с Валентином Пименовичем.

На этом разговор закончился. Но примерно через неделю В. С. Павлов вновь позвонил и сообщил:

– В. П. Мелешко опять звонил о твоих встречах с профессором Красносельским.

– Не встречался я на этой неделе ни по делам, ни случайно, хотя встретиться и поговорить с ним для меня всегда удовольствие. Он интересный и всем интересующийся человек. Что волнует Валентина Пименовича? Я каждый день в университете со многими разговариваю по рабочим вопросам, о художественной и философской литературе, о спорте, о здоровье и о жизни вообще. Почему Мелешко подозрительно выделяет именно Красносельского и видит в этом что-то настолько предосудительное, что ставит райком партии в известность?

– Он упоминает ещё какого-то Крейна…

– Крейн не какой-то… Селим Григорьевич почтенный и крупнейший европейски известный математик.

– Не горячись. Меня, как секретаря райкома, ставит в известность ректор университета…

– О чём? Он высказывал недовольство моей проректорской работой?

– Нет. Об этом разговора не было. Но ты поговори с Валентином Пименовичем…

– После второго твоего звонка поговорю. Можно мне сослаться на телефонный разговор с тобой?

– Конечно.

Прежде чем начать разговор с В. П. Мелешко по какому-то тёмному вопросу о его «жалобах» секретарю райкома В. А. Павлову, решил посоветоваться с Борисом Ивановичем Михантьевым. Обдумав несколько дней, зашёл к нему на кафедру. Взаимно осведомившись о здоровье, делах, семьях, по инициативе Бориса Ивановича перешли к главному. Он спросил, как работается с Валентином Пименовичем. Я ответил, что как будто всё нормально, но вот… И рассказал о двух телефонных разговорах с секретарём райкома В. А. Павловым, о странных жалобах Валентина Пименовича.

– В этой «странной истории» мне непонятны два вопроса. Во-первых, почему Мелешко считает, что о деловых или случайных встречах и разговорах моих с профессором Красносельским нужно сообщать в райком КПСС, а не спрашивает меня, о чём мы говорили? Во-вторых, почему секретарь райкома В. А. Павлов сообщает мне о телефонных «жалобах» Мелешко и советует быть осторожным?

– Вы помните, – сказал Борис Иванович, – на меня было много анонимок и в партийные органы, и в Министерство. В анонимках меня упрекали, будто я создал «синагогу» или «кагал еврейский» на матмехе, который глушит русских и не даёт им дороги в науку. В анонимках доставалось и Вам.

– Но ведь этим анонимкам не придавали никакого значения, оставляли без последствий. Хотя, наверное, по ним и авторам нужно было ударить.

– Валентин Пименович обеспокоен тем, что в анонимках называли синагогой, кагалом.

– Но ведь это антисемитизм. Никакого «кагала» нет. Вы собирали под крыло университета талантливых математиков. И у Красносельского, и у Крейна учеников много и русских, и евреев. Я не занимался этническим составом их талантливых учеников. И думаю, что это и не надо делать.

– Вот Мелешко и кажется, что Вы мешаете ему. И с Красносельским что-то затеваете.

– Не может быть!

– Иного объяснения не нахожу. Кроме, пожалуй, ещё одного. Мелешко хочется как-то ударить и по мне, как бывшему ректору, ценившему математическую школу.

– Борис Иванович! Но ведь так разрушится знаменитая школа математиков ВГУ…

– Ну, всё не разрушится, но некоторые уедут. Поговори ещё с Владимиром Ивановичем Соболевым.

С профессором Владимиром Ивановичем Соболевым, выдающимся математиком, представителем той школы, которую высоко ценили в математической науке, я посчитал говорить об этих дрязгах неприличным. Не хотел втягивать чистого и светлого человека в конфликт. Выждав некоторое время, успокоившись, решил напрямую один на один поговорить с В. П. Мелешко, сказать ему, что ничего предосудительного в моих редких, чаще всего случайных, встречах с профессором М. А. Красносельским нет, как нет во встречах и разговорах с Л. П. Рапопортом (профессором-физиком), с А. Я. Шаталовым (по проблеме педагогики), с И. А. Руцким (по философским проблемам биологии) и со многими другими университетскими учёными. Я же проректор и к тому же как молодому человеку и философу мне общение с различными типами людей интересно и полезно.

Но прежде всего мне нужно обговорить с ректором ряд вопросов по учебному процессу, по оборудованию спецаудиторий и вообще учебных аудиторий более подходящей мебелью за счёт некоторых отчислений от хоздоговорного бюджета, ибо обычного не хватает. Поговорили. Валентин Пименович вновь обратил внимание, что студенты много ломают мебели и их надо воспитывать. Я согласился, заметив, что воспитывать надо и хорошей мебелью, удобной для учебного процесса. Валентин Пименович обещал что-то предпринять, найти средства на переоборудование аудиторий. Вопрос о моих встречах с профессором М. А. Красносельским не возник.

Вскоре подвернулся хороший случай для некоторой передышки. ЦК Комсомола предложил научно-туристическую командировку в Польшу в составе молодых учёных, занимающихся социологией молодёжи и высшего образования. В составе группы были хорошо знакомый мне социолог Владимир Лисовский, знакомый по научной литературе О. Шкаратан. Я согласился. Две недели мы общались с польскими социологами в институте философии (Я. Щепаньский и др.), в университетах Варшавы, Кракова (Ежи Вятр, З. Бауман и др.). Побывали во Вроцлаве, в Лодзи. Однажды студенты Варшавского университета устроили нам приём в кафе. Обменялись мнениями, суждениями, даже анекдотами о социологии. Студенты решили спеть нам песню. А песня начиналась так: «Приехал до Варшавы товарищ Иванов и сморкался в варежку…» До конца мы слушать не стали. Встали и ушли. На следующее утро организаторы встречи пришли в гостиницу извиняться перед нами.

Социологическое турне по Польше было полезно. Мы познакомились с опытом польских коллег по использованию социологических методов исследования молодёжи, прежде всего студенчества. Подискутировали, поспорили с представителями разных школ и направлений. Да и сами между собой перезнакомились, и это сказалось впоследствии. Для меня командировка была вдвойне полезна. Во-первых, она была первым моим выездом за рубеж. Потом их было много. Во-вторых, в суете путешествий, встреч и разговоров с коллегами-поляками более

спокойно, хотя и неотступно обдумывались университетские дела. Между прочим, кроме знакомства с польской социологией, я имел возможность в какой-то мере присмотреться к организации учебного процесса, самоуправленческих структур в студенческой жизни. Опыт использования социологии в высшей школе Польши был обобщён впоследствии в небольшой статье, написанной совместно с молодым социологом МГУ Валентиной Добрыниной, опубликованной в журнале «Высшее образование».

Вернувшись в Alma mater, узнал, что утеснение некоторых талантливых математиков продолжается и кое-кто уже склонен покинуть ВГУ из-за морально-психологического дискомфорта. Из-под учебного процесса выведено ещё несколько аудиторий. Валентину Пименовичу рассказал о польском опыте использования конкретно-социологических исследований социальных проблем высшей школы, эффективности учебного процесса, студенческого и профессорско-преподавательского самоуправления. Он, как мне показалось, не столько слушал мой рассказ, сколько приглядывался ко мне. В конце разговора я попросил его в ближайшие дни назначить время для обсуждения вопросов завершения учебного года, подготовки к организации нового приёма студентов в июле-августе 1966 года. Договорились: в ближайшую субботу.

Зашёл после разговора с ректором в партком (в том же коридоре, на противоположной стороне, против ректората). Секретарём парткома был профессор Александр Виссарионович Лосев, заведующий кафедрой истории КПСС. Рассказал о поездке в Польшу, особо выделив сельскохозяйственные вопросы. Александр Виссарионович был историком-аграрником. В разговоре коснулся ситуации на математико-механическом факультете. А. В. Лосева, как выяснилось, она тоже беспокоила.

Разговор, который, как и договорились с В. П. Мелешко, состоялся в субботу, был очень тяжёлым. И для меня, и для Валентина Пименовича. Может быть, я начал его неудачно. Говоря о завершающемся годе, я сказал об утеснении аудиторного фонда хоздоговорными структурами, многие из которых используют занятые помещения неполный рабочий день. Валентин Пименович остановил меня:

– Это не Ваше дело…

– Валентин Пименович, учебный процесс – наше общее дело. Если Вы считаете, что это не моё дело, то как проректор по учебной работе я не нужен.

– Это – другой вопрос. Я говорю о хоздоговорных работах…

– Но это вопрос не мой, а проректора по научной работе. Я забочусь о том, что мне положено делать как проректору, отвечающему и перед Вами, по управлению учебным процессом.

– Не я Вас назначал проректором…

– Валентин Пименович, если Вы так сказали, то давайте говорить начистоту. Надо объясниться. Дважды секретарь райкома сообщил мне, что Вы ему

звонили по поводу того, что я в коридоре о чём-то разговариваю с профессором М. А. Красносельским, а однажды и профессора С. Г. Крейна помянули. Что Вы подозреваете? Уверяю Вас, что ничего предосудительного в моих разговорах с Марком Александровичем не было и нет. Он мне интересен как человек, учёный. Селим Григорьевич заходил ко мне по лаборантской ставке; мне пришлось ему отказать. Всеми штатными ставками занимаетесь Вы, в прошлом я имел отношение к лаборантским ставкам. Я их и выпрашивал в Министерстве. Что же в том предосудительного, что я разговариваю, как и Вы, ежедневно со многими преподавателями, заведующими кафедрами?

– Вы с Михантьевым развели синагогу на матмехе, – вспылил В. П. Мелешко. – Я встал из-за стола.

– Валентин Пименович! Слово «синагога» не Вы придумали. Вам кто-то его с дурного умысла нашептал. Вы – ректор… Антисемитский зуд не должен своей гнусностью травить человеческие отношения. Его надо искоренять, а не превращать в фактор вытеснения талантливых учёных.

– Вы ничего не понимаете. Никто не травит. Талантливые люди есть на матмехе, кроме Красносельского.

– И никто из них не против Марка Александровича; наоборот, его ценят. Но кому-то хочется его и его учеников вытеснить. На Бориса Ивановича Михантьева писали анонимные письма, в которых упоминается слово «синагога», которую он якобы создал. Меня удивляет, что Вы сообщаете обо мне секретарю райкома какие-то странные сведения. Извините, но в таких отношениях я не могу работать проректором. Чтобы не углублять конфликт, подам заявление об отставке.

– Подождите, – В. П. Мелешко опять сел. – Давайте поговорим. Вы горячитесь. Но на матмехе сложилась нездоровая обстановка. Об этом я и звонил в райком Павлову.

– Вы подозреваете, что нездоровую обстановку создают Красносельский и Крейн. И меня к ним примкнули. Вы ошибаетесь.

– Не Вам об этом судить, – закончил тяжёлый разговор В. П. Мелешко.

Через два дня я подал ректору В. П. Мелешко заявление с просьбой освободить меня от должности проректора в связи с тем, что произвольно сокращается аудиторный фонд, моё мнение и мнение деканов игнорируется, традиционные совещания деканов и проректоров не проводятся, создаётся атмосфера ухода из университета квалифицированных кадров. Сложившиеся между нами отношения мешают плодотворной работе. Антисемитские мотивы и предвзятости я в заявлении не стал отмечать. Это был бы политический донос.

О своём заявлении об отставке поставил в известность секретаря парткома Александра Виссарионовича Лосева. Он не спросил о мотивах и причинах. По его мнению, мы не сработались, потому что В. П. Мелешко не хотел иметь рядом с собой человека, работавшего с Б. И. Михантьевым. Я не стал его разубеждать.

Может быть, и так. Несколько раз в деловых разговорах с Валентином Пименовичем я высказывался в том духе, что «при Михантьеве это было не так», не замечая бестактности этой формулы по отношению к В. П. Мелешко.

Дня через два по университету пошёл слух (не с моих уст): Рахманин уходит с поста проректора. Пришли мои друзья: Владимир Васильевич Гусев и Николай Михайлович Чернышов (деканы соответственно исторического и геологического факультетов), спрашивая, в чём дело. Я с ними до своего решения не советовался, зная их критическое отношение к ректорству В. П. Мелешко. Встретились, объяснил им ситуацию и мотивы заявления об уходе. Друзья сказали, что и они в знак протеста против ректорства В. П. Мелешко подадут заявления об отставке, и их могут поддержать ещё 3–4 декана. Я возразил: этого категорически делать нельзя. Не нужно из-за моей размолвки с В. П. Мелешко делать скандал и кризис в управлении. Не следует подвергать наш университет конфликтному напряжению.

– Спасибо за сочувствие и понимание. Но считаю, что в интересах спокойствия в университете, да и в моих, мне лучше уйти.

Друзья согласились. Однако процесс приобретал открытую форму. Секретарь парткома Александр Виссарионович Лосев (его кафедра была рядом с той, на которой ранее я был заведующим) предложил через заведующего кафедрой философии, фронтовика и моего хорошего друга Сергея Николаевича Титова переговорить. Закрылись на кафедре философии (площадь Ленина, 10). Сергей Николаевич закурил. К моему удивлению, Александр Виссарионович попросил сигарету. Он никогда с тех пор, когда я знал его, не курил. Закурил и я, поняв, что Лосев очень взволнован и затрудняется начать разговор. Наконец, после четвёртой «затяжки» бросил сигарету в пепельницу:

– Валентин Сидорович, Вы подали заявление об уходе с поста проректора. Это Ваше право. Валентин Пименович не возражает; но он просит написать заявление, что уходите «по личному желанию».

– Александр Виссарионович, уважая Вас, не понимаю, почему Вы об этом просите. Почему не В. П. Мелешко. Своей просьбой, извините, Вы хотите представить ситуацию как мой каприз. Я ухожу не по личному капризу…

– Желанию, – бросил реплику Сергей Николаевич.

– Повторяю: не по личному капризу, а не разделяя методы ректорства В. П. Мелешко. Парткому надо было бы вникнуть и что-нибудь подсказать Валентину Пименовичу.

– Но лучше бы переписать заявление, – посоветовал Сергей Николаевич. – Спокойнее будет.

– Переписывать не буду. Да и не всё я написал в заявлении. У нас будут уходить квалифицированные специалисты.

– Все не уйдут.

– Конечно, Красносельский, Крейн, Соболев подготовили талантливых математиков.

На этом разговор и перекур закончились. Не знаю, по чьей инициативе, но конфликт в университете стал известен в верхних структурах воронежской власти. Валентина Пименовича и меня вызвали, как тогда говорили, «на ковёр» к первому секретарю обкома КПСС Степану Дмитриевичу Хитрову. По предложению Валентина Пименовича пошли вместе, вернее, поехали на ректорской «Волге».

В кабинете С. Д. Хитрова для разбора конфликта уже сидел секретарь по идеологии, в ведении которого были вузы, Вячеслав Усачёв. Он накануне пригласил меня для беседы. Степан Дмитриевич спросил:

– Что Вы там не поделили? Рахманин, начнём с Вас. Почему Вы подали заявление об уходе с поста проректора? (Стало быть, ему, наверное, об этом через отдел науки и образования сообщил В. П. Мелешко.)

– Дело не в дележе, и не в амбициях, – сказал я. – Вы знаете, как трудно строился главный корпус университета. Бывали не раз на стройке. Была надежда, что учебный процесс и научно-исследовательская работа развернутся в нормальных условиях. Но с назначением Валентина Пименовича ректором положение стало ухудшаться. Аудиторный фонд стал сокращаться. В аудиториях стали размещаться хоздоговорные лаборатории, хотя в их пользование полностью были переданы корпус на проспекте Революции и химкорпус на Студенческой улице. Возражение деканов и мои как проректора отвергались. Закрывались даже учебные специализированные кабинеты. Решения принимаются без предварительных консультаций и не оформляются приказом. Из-за этого стали срываться занятия. Кроме этого, не проводятся ни традиционные деловые совещания деканов, да и еженедельные планёрки проректоров. Отношения с профессурой ряда факультетов с ректором носят не совсем нормальный характер. Талантливые учёные могут уйти из университета. У нас с Валентином Пименовичем разные представления об университете и функции проректора по учебной работе. С Михантьевым этих расхождений не было. В сложившихся отношениях считаю, что мне целесообразно уйти с должности проректора.

– Теперь Вы скажите своё мнение, Мелешко, – предложил С. Д. Хитров (между прочим он никогда не обращался к Валентину Пименовичу по имени и отчеству, часто путал фамилию).

– Валентин Сидорович, – начал Валентин Пименович, – преувеличивает. Учебный процесс идёт нормально. Но у нас много хоздоговорных заказов от предприятий Воронежа и других городов. Их надо выполнять, к тому же они приносят дополнительные финансовые средства.

– Но под них же и в целом под науку отдали два корпуса, как говорит Рахманин, – бросил реплику В. П. Усачёв.

– Не хватает площадей, – продолжил ректор. – Валентин Сидорович не понимает важности научных исследований по хозяйственным договорам. Он видит только учебный процесс. Надо видеть и другое. Валентин Сидорович упрекает меня в том, что я расширяю свою лабораторию по ионитовым смолам и их применению… – Далее В. П. Мелешко стал рассказывать о значении ионитовых смол. Я его в расширении его лаборатории никогда ничем не упрекал с тех пор, как по заданию Б. И. Михантьева в бытность его ректором делил предстоящее к вводу эксплуатации правое крыло главного корпуса.

– Что там у Вас на математическом факультете? – спросил С. Д. Хитров.

– Там ещё при Михантьеве сложилась группа…

– Я спрашиваю Вас, а не Михантьева, – резко оборвал С. Д. Хитров. – Нечего ссылаться на него. Михантьев собирал кадры, а при Вас начинают уходить.

Валентин Пименович пытался что-то пояснить, но С. Д. Хитров не стал далее слушать. И высказал свой вердикт:

– Надо улучшать условия обучения студентов и труда профессоров. Для этого и строился большой корпус. Я много раз в нём бывал. Аудитории надо оборудовать. Скоро приду, посмотрю. Рахманин погорячился, подав заявление, но он заботится о качестве подготовки студентов. Рахманин! Вы молоды. У Вас ещё всё впереди. Вы не хотите осложнений. И в этом Вы правы. Мелешко, подписывайте его заявление. Но если что-нибудь ещё на Вас поступит или будут уходить специалисты, решение будет принято относительно Вас. Проректором предлагаю назначить Петра Михайловича Гапонова.

Вот так закончилось моё проректорство. По-видимому, разговор носил обязательный, но уже формальный характер. В поучение и в наставление и мне, и Валентину Пименовичу. Чуть позже я узнал, что накануне «разбора» конфликта С. Д. Хитров получил в подарок от П. М. Гапонова составленную им хрестоматию по зарубежной истории. Первому секретарю обкома КПСС, строителю по образованию она была ни к чему, но свою роль в истории ВГУ сыграла. Я облегчённо вздохнул. Открывалась хорошая возможность уйти в научную работу, подумать о докторской диссертации, заняться кафедральными делами. Но было, как оказалось, продолжение истории. Вскоре надвинулся летний отпуск. Мы с Галей и сыном Олегом с удовольствием провели его на университетской базе отдыха «Веневитиново». Я люблю этот когда-то почти дикий уголок Усманского бора, с удивительно чистой (тогда, в середине 60-х) рекой, полной рыбы. Вернулся из отпуска в конце августа. Приступил к работе на кафедре; читал лекции, с удовольствием вёл семинарские занятия, готовился к объявленному конкурсу на замещение должности заведующего кафедрой. Подошло время получения зарплаты. Мне её перечисляли в сберкассу (преобразованную в 90-х годах в Сбербанк). Но зарплаты на моём счету не оказалось. В бухгалтерии мне объяснили, что она и не начислялась. Приказ об освобождении от должности проректора был, а о назна-

чении на кафедру в какой-либо должности не было приказа. Я отработал месяц. Зарплаты нет. В. П. Мелешко то ли забыл, то ли не знал, что такой приказ нужен, то ли что-то ещё. Идти к ректору и выяснять, что и как произошло, не хотелось. Зашёл к проректору П. М. Гапонову (у нас с ним были и сохранились нормальные отношения). Сказал о странной ситуации. Прошла неделя. Зарплаты нет. Зайти опять к П. М. Гапонову или позвонить постеснялся, подумалось, что поставлю его в конфузливое положение. Обратился к секретарю парткома А. В. Лосеву. Пояснил, что больше месяца работаю и живу без зарплаты. Он выразил недоумение и посоветовал сходить на приём к Валентину Пименовичу. Я сказал о том, что обращался с просьбой выяснить проблему к П. М. Гапонову. Но так как никакой информации не получил, считаю вопрос более серьёзным, чем недоразумение. К ректору могу пойти только с Вами. Александр Виссарионович с таким вариантом не согласился.

– Александр Виссарионович! Я Вас прошу выяснить у ректора, в чём дело. И если Валентин Пименович откажет в моём праве получать зарплату, ибо от должности доцента кафедры меня никто не освобождал, то мне ничего не остаётся, как подать в суд или уйти в другой вуз. Ни того, ни другого я не хочу. Поясните Валентину Пименовичу, что и в том, и в другом случае, если произойдёт огласка, а она неминуема, ему как ректору будет неприятно.

Дня через два позвонил бухгалтер с приглашением получить зарплату. Причины её задержки так мне и не объяснили. А. В. Лосев сказал, что произошло недоразумение. Пётр Михайлович Гапонов промолчал.

Примерно через год наши отношения с Валентином Пименовичем более или менее нормализовались. Однажды на базе «Веневитиново» довелось помогать ему выйти из острого приступа удушья. Он вообще-то страдал астмой. Но как-то не остерегался и слабо следил за состоянием своего здоровья.

Ректором Валентин Пименович проработал семь лет. Меньше, чем Б. И. Михантьев и все последующие ректоры, кроме А. М. Беликова. За время его ректорства ушли из ВГУ выдающиеся математики М. А. Красносельский (теперь на доме по Театральной, 19 памятная доска), С. Г. Крейн, несколько их учеников. Тем не менее Воронежский государственный университет развивался. В 1968 году Совет министров РСФСР присвоил ему имя Ленинского комсомола, как и Новосибирскому государственному университету. В феврале 1971 года наш университет был награждён высшим орденом СССР – орденом Ленина. И как кто бы ныне ни относился к В. И. Ленину, но награждение этим орденом было высоким признанием заслуг и достижений нашего университета в подготовке специалистов и в научных исследованиях. Замечу, что такое награждение не было связано с каким-либо юбилеем. Оно было за творческий труд и вклад в развитие общества, в укрепление государства. Валентин Пименович Мелешко в 1970 году был удостоен звания «Заслуженный деятель науки РСФСР».

С поста ректора ему пришлось уйти. Сложные семейные узлы, болезни и слабость перед напитком известной не только химикам формулы. К сожалению, никто не помог ему. Ректором он был не очень заботливым, но как учёный он, по многим авторитетным свидетельствам, сделал много. И был предвестником менеджерского подхода к науке, вернее, коммерциализации. Но рыночные отношения были ещё в туманной дали. Только экономисты начинали спорить о товарном производстве и его возможностях.

К исходу 1960-х годов университет с нарастающей остротой стал испытывать дефицит производственных площадей для учебного процесса, научно-исследовательской работы, организации досуга и отдыха, проведения культурно-массовых и общественных мероприятий. Обострялась и жилищная проблема для преподавателей, сотрудников и для студентов, аспирантов. Многие студенты снимали «углы» и комнаты. К тому же несли большие расходы по прописке в этих малоприспособленных «углах» и комнатах. По проблеме прописки студентов в снимаемом жилье университету приходилось вести долгие споры с паспортными службами районных отделов внутренних дел (РОВД). С большим трудом с помощью горкома партии нам удалось снять эту проблему.

Вновь и вновь воскрешалась мечта о комплексном фундаментальном строительстве университета, мечта, с которой начинал свою деятельность Борис Иванович Михантьев и которая была по-чиновничьи погублена в высоких властных структурах из-за упрощённых представлений о том, что такое университет, и, конъюнктурном понимании экономии. Валентин Пименович решил практически возродить мечту о современном университетском комплексе. Но прежде всего надо было доказать и областным, и министерским, и республиканским властям необходимость, смысл и значение для общества и государства нового строительства Воронежского университета. А это было нелегко. Власти указывали на уже построенное. И спрашивали: «Ну что ещё Вам нужно? Вы увеличиваете численность студентов и преподавателей, не спрашивая нашего разрешения, а потом требуете от нас квартир, новых корпусов». Надо сказать, Валентин Пименович проявил незаурядную энергию и сумел доказать необходимость превращения Воронежа в город большого и современного университета. Да и воронежские власти изменили свои представления, а страна в целом шла на подъём, и ей нужна была мощная интеллектуальная тяга.

Возник вопрос: где строить, по сути дела, университетский город в комплексе его учебных, лабораторных, хозяйственных зданий, многоквартирных домов для профессорско-преподавательского состава, общежитий нового типа для студентов, спортивных сооружений, социокультурных центров, библиотек и т. п. В центре Воронежа таких свободных подходящих территорий не было. Выбор пал на северную окраину, справа от памятника Славы (теперь по Московскому проспекту и улице Хользунова). Но там земли были не городские, а сельскохозяйственные,

принадлежали колхозу. Там был сад, скверно обихоженный и плохо охраняемый. Но обширный и довольно красивый. Я помню его. Начался длительный процесс борьбы за отведение этого участка для строительства университета. Но это означало изъятие земель из колхозной собственности и перевод их в государственную федеральную собственность. Валентин Пименович приложил немало усилий. Ему многие помогали, в том числе председатель месткома Юрий Иванович Хаустов (впоследствии доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета). Но более того – первый секретарь обкома КПСС Виталий Иванович Воротников. В конце концов, для строительства нового университетского комплекса было отведено 96 гектаров сельскохозяйственных земель. Можно было строить. Но… финансы, финансы. За несколько лет кроме двух мрачноватых девятиэтажных общежитий там ничего не построили. Строительство учебного корпуса для иностранных студентов и факультета журналистики началось в 80-х годах. Правда, чуть раньше наскоро, благодаря энергии В. Н. Эйтингона, было построено примитивное первое здание экономического и географического факультетов.

Потом к этой территории и попыткам что-то дельное построить на ней (во времена ректорства В. В. Гусева) я вернусь. Но пока придётся сказать, что во второй половине 90-х годов эту территорию (96 га), за которую немало сил положил Валентин Пименович Мелешко, в значительной – и лучшей её части – разбазарили. Но это, как говорится, уже другая история.

Глава 5

SEMPER IN MOTU: РЕАЛИИ И ИЛЛЮЗИИ

В последней декаде мая 1966 года я был избран заведующим кафедрой научного коммунизма. О создании аналогичных кафедр или секций при кафедрах общественных наук во всех вузах с 1964 года я уже писал в 3-й главе. С самого начала формирования кафедры мы взяли курс на социологические научные исследования и социологическую трактовку марксистской теории и практики социализма в процессе преподавания. В разных вузах кафедры или секции научного коммунизма складывались и развивались по-разному. Это зависело от научно-педагогического персонала кафедры и от его руководителя. Никаких указаний «сверху» не было, кроме программы, утверждённой научно-методическим советом Министерства высшего образования СССР. Программа курса включала в себя несколько разделов:

– История социалистических идей;

– Марксистско-ленинская теория социализма и коммунизма;

– Краткая характеристика современной эпохи как переходной и её противоречий;

– Общие закономерности и особенности перехода к социализму в разных странах;

– Закономерности и практика перерастания социализма в коммунизм. Характеристика общественного строя и государства, советского типа демократии.

Такая программа курса давала возможность в преподавании развернуть его в политико-идеологическом направлении, в историко-философском, социологическом аспектах и направлениях. Мы избрали последнее. Это давало возможность социологически анализировать, сопоставлять идеалы социализма и социальную практику. Социологическая направленность кафедры оказалась перспективной.

Основным условием успешной работы любой кафедры является состав её членов. Не только по формальной научно-педагогической квалификации, но и творческой активности, способностям к коллективной работе, склонности к партнёрству и к внутрикафедральному общению. Очень важны и общечеловеческие качества товарищества, открытости, душевной готовности сопереживать радости и огорчения коллег, молча подставить плечо в трудностях. Кафедральный коллектив – это контагиозная группа, в которой малейший «заусенец» в отношениях может раздражать и даже стать поводом серьёзного конфликта. Важно даже, как сотрудник входит в помещение кафедры, придя на работу, да и функциональное и эстетическое оформление кафедрального пространства.

Но главное – это, конечно, отношение к делу, к научно-педагогическому труду, к студентам. Профессор-математик Владимир Иванович Соболев на одной методической конференции поделился своими соображениями о типах вузовских преподавателей: одни любят свою науку, но не любят студентов; другие любят студентов, но не любят свою науку. Успех обеспечивается увлечённостью наукой и любовью к студентам, деятельно вовлекающей их в творческий процесс. Казалось бы, просто. Но как это трудно; одних эмоций мало, тут надобно уменье. А вот уменья иногда не хватает. Владимир Иванович, влюблённый в науку, каждый раз влюблялся в меняющиеся поколения студентов. Этой влюблённостью в науку и в студентов он как бы само собой заражал свою кафедру.

Создать, сформировать творческую, коллективистскую, дружелюбную атмосферу плодотворного взаимодействия и развития – многосложная проблема. Трудности становления и развития кафедры научного коммунизма социологической направленности были специфичными. Никакой подготовительной работы не было. Формировать персональный состав кафедры приходилось «на ходу», разворачивая учебный процесс. Социология к середине 60-х годов поднимала голову, но специализированной подготовки не велось, как, впрочем, и по политическим наукам. Более всего подходили бы по профилю новой кафедры социальные философы. Но где же их взять? В Воронеже ощущался дефицит квалифицированных обществоведов, кроме преподавателей истории КПСС. Но специфическое мышление историков КПСС сводило преподавание, образно говоря, к безгрешному комментированию политики КПСС. В области социальной теории, социальной аналитики они, кроме отдельных, были, мягко говоря, слабоваты. Персональный состав кафедры пришлось формировать через конкурс со всего Советского Союза от Украины до Забайкалья и даже Сахалина. Собирались люди разных биографий, жизненного опыта, разнородных уровней научной эрудиции и методологической культуры мышления. Были удачи и неудачи. Кто-то не смог интегрироваться и уходил; кое-кому приходилось говорить жёсткие слова, указывая на несоответствие научным и методическим требованиям. Дело есть дело, а кафедра – живой организм. Мы все друг у друга учились. Вернее, кто хотел и стремился к университетскому качеству преподавания и научных исследований.

Регулярно, не реже одного раза в неделю, на заседании один из членов кафедры делал заранее запланированный доклад: по теоретико-методологическим проблемам читаемого курса, методике преподавания той или иной темы, способах и технике доказательств, методов дискуссионного ведения семинарских занятий, а также по обзору новой литературы и научной периодики. Делались доклады и по актуальным проблемам мирового развития и процессов в стране. В целях обмена научно-методическим опытом и коллективного самообучения был установлен порядок: каждый преподаватель в течение учебного года даёт две так называемых открытых лекции (ассистент – семинарские занятия) с последующим обсуждением на заседании кафедры. Кое-кому это не нравилось. Но расписание открытых занятий заранее вывешивалось на доске объявлений. Конечно, из-за занятости не все члены кафедры приходили на объявленное занятие (лекцию или семинар). Да в этом и нужды не было. Достаточно 3–4 человек. Обсуждения всегда были профессиональные и товарищеские. У нас не было принято обсуждать по критерию «нравится – не нравится». Оценивался научно-методический уровень, мастерство подачи учебного материала, умение (или неумение) завязать «проблемный узел», заинтересовать студентов. Считалась дурным тоном публицистичность чтения лекции. Ценилось умение преподавателя аргументированно сопоставлять различные теоретические концепции и точки зрения.

Для того чтобы помочь начинающим преподавателям, ассистентам овладеть секретами педагогического труда и определиться в научных исследованиях, они прикреплялись для консультаций к опытным преподавателям-наставникам. Не могу сказать, что это было очень эффективно, но всё же какую-то пользу приносило.

Через противоречия, иногда перерастающие в острые конфликты, кафедра развивалась; росла численность и квалификация сотрудников, определялись проблематика и продуктивность научных исследований, методических разработок. Кафедра входила в состав общеуниверситетских кафедр общественных наук в непосредственном подчинении ректорату. У четырёх кафедр общественных наук (истории КПСС, философии, политической экономии, научного коммунизма) был свой Учёный совет. При кафедре был свой собственный методический кабинет. Располагались мы в корпусе № 2 на площади Ленина. Это было очень удобно. Занятия кафедра вела на всех факультетах и во всех корпусах, но так или иначе каждый преподаватель два-три раза в неделю мог побывать на «своей базе», решить какие-то вопросы, обменяться мнениями. Будучи заведующим кафедрой, я старался поработать на каждом факультете (в разное время, конечно), чтобы познакомиться со спецификой студенческого контингента разных направлений и испробовать разные методики. При всём единстве научного содержания той или иной науки её нельзя преподавать одинаково, не считаясь со спецификой мышления студентов. Проблемы специфики разных факультетов, направлений подготовки студентов и учёта её в процессе преподавания постоянно были в поле внимания кафедры.

С середины 60-х годов прошлого века на крупных предприятиях страны проявились стремление и тенденция планирования социального развития производственных коллективов. Это было не модой, а внутренней потребностью самих трудовых коллективов. Формировались и ресурсные финансовые возможности в виде растущих фондов общественного потребления, которыми благодаря косыгинским реформам коллективы предприятий могли распоряжаться сами. В этот процесс активно включились социологи. Прежде всего ленинградские (В. А. Ядов и др.). Более того, научно обосновать планы социального развития производственных коллективов, территориальных поселений невозможно без основательной социологической проработки целого комплекса социальных проблем в тесной увязке с экономическими, психологическими, демографическими, технологическими.

С конца 1960-х годов коллектив кафедры научного коммунизма развернул социологические исследования на предприятиях Воронежа. Начало было положено в последнем квартале 1967 года. Директор крупного завода тяжёлых механических прессов Алексей Петрович Витковский попросил помочь в разработке плана социального развития трудового коллектива. Был заключён хозяйственный договор. Мы, социологи, не торговались, не зная, почём стоит наш труд. Да дело было и не в деньгах. С нашей стороны это был научный и гражданский отклик на заявленную потребность трудового коллектива относительно молодого предприятия тяжёлого машиностроения (производство механических прессов в то время от 250 до 1500 тонно-сил). Хотелось и испробовать себя как социологов на практике. Директор А. П. Витковский «положил» нам по договору 20 000 тогдашних рублей и предоставил очень хорошие условия для исследовательской работы (помещение, мебель, счётная техника – до персональных компьютеров ещё было далеко, пропуска на завод во все цеха и в заводоуправление). Была создана специальная группа исследователей состояния, социальных проблем трудового коллектива и разработки плана развития. В неё вошли социологи доцент В. С. Рахманин (научный руководитель), доцент Г. Г. Заиграев, доцент А. П. Рожкова, научный сотрудник социологической лаборатории И. В. Наставшев, экономист, доцент С. В. Семёнкина, философ, старший преподаватель В. М. Второв. Были разработаны методология и методика прогнозирования и планирования социального развития производственного коллектива (более 5 тысяч работающих), желаемых перемен, способов и ресурсов их достижения. Центральными проблемами планирования социального развития до 1975 года (так определили нам директор А. П. Витковский, партком и завком предприятия) были:

– улучшение условий труда и трудовых отношений;

– повышение уровня и качества жизни, расширение социальной инфраструктуры (жильё, детские учреждения, медицина, условия отдыха и досуга и т. п.);

– повышение образования по категориям производственного персонала и квалификации рабочих, техников, инженеров, служащих;

– сокращение текучести рабочей силы;

– укрепление общетрудовой и технологической дисциплины;

– повышение роли трудового коллектива в управлении предприятием, в решении производственных, экономических и социальных проблем (производственная демократия).

Периодически по ходу работы я отчитывался и одновременно консультировался с директором завода тяжёлых механических прессов Алексеем Петровичем Витковским. Он был внимателен, иногда делал замечания. По итогам работы (исследовательской и проектной) был, как положено, составлен отчёт. На Конференции трудового коллектива обсудили предложенный проект плана социального развития и утвердили его. По предложениям участников конференции были внесены некоторые дополнения, особенно по режиму труда женщин. В 1973 году была издана небольшая книжка (7 печатных листов): Витковский А., Заиграев Г., Рахманин В. На большом пути. Социальное планирование: принципы, методика, опыт (Воронеж : Центрально-Чернозёмное кн. изд-во, 1973). Уже к 1972 году стали заметны положительные сдвиги в результате реализации социального плана: повысился уровень удовлетворённости условиями труда, уровень образования и квалификации почти всех категорий производственного персонала, снизился производственный травматизм, сократилась текучесть рабочей силы.

Потребность в разработке перспективных планов социального развития выявилась на многих предприятиях. Обобщение и публикация опыта завода тяжёлых механических прессов оказались своевременными. Разработанная методология и методика использовались полностью, частично или вариативно и на других предприятиях. В рецензии на упомянутую выше книгу доцент В. Н. Эйтингон подчеркнул, что «в ЦЧР это первая работа, которая с научной основательностью анализирует социальное развитие производственного коллектива. Это делает её особенно ценной».

На молодую кафедру научного коммунизма хлынул поток просьб и заказов на социологические исследования. А социологически подготовленных специалистов у нас было мало. Мы сами учились на ходу. Кафедра консультировала по проблемам социального планирования и социологическому обеспечению руководителей и общественные организации заводов имени Коминтерна (экскаваторный), Воронежсельмаш, горно-обогатительного оборудования, синтетического каучука, Нововоронежской АЭС и др. В 70-х годах на ряде предприятий Воронежа, Тамбова, Липецка были созданы социологические службы, которые сотрудничали и консультировались с нами. По проблемам социологического обеспечения управления и социального развития часто приходилось выступать на собраниях областного и городского партийно-хозяйственного актива. Это была трудная и интересная работа. Она позволяла нам накапливать опыт эмпирической и прикладной социологии, практического внедрения научных исследований и вместе с тем заставляла,

толкала глубже вникать в социологическую теорию, овладевать различными методологическими парадигмами. Вместе с тем – и это имело особую ценность – в преподавании мы широко использовали данные конкретно-социологических исследований и с большей основательностью и аргументированностью анализировали социальные проблемы и общественно-политические процессы.

Из погружённости в практическую социологию и в учебный процесс в самом начале сентября 1971 года меня неожиданно вырвало Министерство высшего образования СССР, предложив срочно выехать в командировку в Чехословакию в составе группы московских обществоведов (руководитель – профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного пединститута имени В. И. Ленина Владимир Спиридонович Готт, очень авторитетный в научных кругах).

В составе группы: профессор философии из МГУ А. М. Коршунов, его жена доцент философии МГУ Р. С. Соболева, доцент-экономист из МГИМО В. А. Митрофанов (они уехали раньше), профессор-историк из МГУ А. Ф. Залётный, доцент-философ из ВГУ В. С. Рахманин (нам пришлось ехать вдогонку числа 30 сентября 1971 года).

С Алексеем Фёдоровичем Залётным мы поехали поездом через Брест. В Бресте постояли, склонив головы, у памятника героическим защитникам крепости. Из-за какой-то путаницы в датах выезда-приезда на Пражском вокзале нас никто не встретил. Куда идти – неведомо. Позвонить по телефону – не знаем номеров чешского Министерства и советского посольства, нет и чехословацких денег (нам даже не разрешили в Москве поменять свои рубли на чехословацкие кроны, не говоря уже о командировочных). Выручила опытность, находчивость и решимость профессора А. Ф. Залётного (он долго после войны служил в советской оккупационной зоне Германии, а потом работал в Германской Демократической Республике). Я сидел на чемоданах, а он стучался во все служебные двери Центрального Пражского вокзала и добился разрешения позвонить в советское посольство. Часа в два ночи за нами приехали представитель посольства и ночной дежурный чехословацкого Министерства образования и увезли нас в гостиницу Карлова университета. Переночевали в каком-то зале на креслах. Наутро (было воскресенье) пришёл ответственный работник чехословацкого Министерства Мирослав Карпаты. Извинился за невстречу (перепутали дату и время прибытия московского поезда в Прагу). Сказал, что по случаю воскресенья Министерство не работает, поэтому нас оформят на «довольство» только в понедельник. Подошли ранее приехавшие А. М. Коршунов, его жена Рада Сергеевна и В. А. Митрофанов (В. С. Готт был в Москве на очередном совещании обществоведов в Кремле), угостили нас кофе с пражскими рогаликами. Анатолий Михайлович повёл нас в консульство и посольство. Советским послом был Червоненко (кажется, до консульства был секретарём ЦК компартии Украины). Хотя было воскресенье, он не только побеседовал с нами, меня расспросил о Воронеже, но распорядился дать нам взаймы по 150 крон.

Вскоре всё наладилось. На жительство нас определили в гостинице Карлова университета (одного из старейших в Европе) имени рано умершего поэта-революционера Иржи Волькера. Она была расположена неподалёку (метрах в 120) от Староместской площади с оригинальными часами на башне старой ратуши. Излюбленное место туристов в центре Праги. Чуть дальше – главная площадь Праги Вацлавская. А неподалёку – красавица Влтава и знаменитый Карлов мост. Через мост вверх в Градчаны – и в Министерство. Красивые и торжественные католические храмы святого Миколаша, святого Вита с орга́ном и вокалом. Я часто заходил послушать орга́н и женский вокал.

Работа состояла в чтении лекций в основном для вузовских обществоведов. Раз в неделю я читал 2 лекции по научному коммунизму на семинаре пражских коллег. После лекций были обсуждения в виде многочисленных вопросов; часто в виде дискуссий. Курировал нас заведующий отделом преподавания наук Мирослав Карпаты, славный человек. В конце октября он передал просьбу Министерства обороны прочитать курс лекций по теории социализма для высшего офицерского состава и генералитета, а профессору А. Ф. Залётному – курс лекций о Западной Германии (у него только что вышла в переводе на чешский язык монография о германском милитаризме). Раз в неделю я выезжал в Брно в военно-политическую академию имени Запотоцкого для чтения лекций (два дня по три 50-минутных лекции). В академии меня курировал полковник доцент Павел Кучера. Жил я в офицерском общежитии. Но побывал и дома у своего коллеги Павла Кучера. В семейной обстановке были более откровенными разговоры о том, что же было весной и в августе 1968 года.

Неподалёку от Брно (Южно-Моравская область) город Славков, в начале XIX века Аустерлиц, где впервые столкнулись наполеоновские и русские войска. Вспоминается на этом поле Андрей Болконский из «Войны и мира» Л. Толстого. В Славкове хороший музей Аустерлицкой битвы. Директором музея тогда, осенью 1971 года, был Павел Чех, бывавший в Воронеже (учился в аспирантуре у профессора Л. С. Полнера). Он ярко рассказывал и показывал то, что свидетельствовало об этой кровавой битве, и о встречах Наполеона и Александра Первого в зале, где шёпот у одной стены был внятно слышен у противоположной.

Военным мне приходилось читать лекции и на их семинаре на базе отдыха в Бендржихове. Среди чехословацких офицеров были и советские, с которыми довелось о многом переговорить о событиях 1968-го и последующих годов.

Конечно, нам, советским обществоведам, хотелось поработать со студентами Карлова университета. Нас к ним долго не допускали. Но в ноябре мне удалось поработать со студентами 3-го курса юридического факультета Карлова университета. Предложил курс лекций «Политические системы европейских стран». Форму занятий я предложил соблазнительную «Курс лекций-дискуссий». Это было принято. На первую лекцию пришло 13 человек. Я был рад. Однако случился кон-

фуз. В то время лекции в Карловом университете были 50-минутные. Выстраивая дискуссионную проблематику лекций, я вдруг обнаружил: несколько студентов закурили. Кое-как закончил лекцию фразой: «Но на эти вопросы нам совместно надо поискать ответы на следующей лекции». Зашёл на кафедру. Лаборантка, предлагая кофе, спросила: «Что случилось? У вас бледное лицо». Я признался, что студенты на моей лекции закурили. Лаборантка рассмеялась: «Я забыла вас предупредить. Курение на лекциях завелось во время Пражской весны. До неё не курили». На следующей неделе я захватил сигареты (я тогда покуривал) и баночку от паштета. Стал читать лекцию, напомнив, что будем искать ответы на вопросы прошлой лекции, но возникли новые. Затеялся интересный разговор. Примерно на 25-й минуте почувствовал: сейчас студенты закурят. Достал сигареты, поставил баночку на стол и закурил. Говор стих. Только что страстно говорившая студентка смолкла. Глаза студентов – на меня. Спросил: «Что случилось? Продолжайте». В ответ: «Содруг Рахманин, у нас на лекции профессора не курят». Я загасил сигарету: «А у нас в Советском Союзе и в моём Воронежском университете и студенты на лекциях не курят. Давайте договоримся: я не буду курить на лекции, и вы не будете. И всё будет хорошо». Напряжение в аудитории спало; студенты рассмеялись. И лекция-дискуссия продолжилась. Количество студентов на последующих лекциях увеличивалось. На последней лекции был 31 студент.

Лекции я читал на русском языке. Со слушателями старшего и среднего поколения не было никаких трудностей. Большинство владели русским языком или, во всяком случае, понимали русскую речь. Со студентами некоторые языковые трудности возникали. Но легко преодолевались. В группе студентов было несколько человек, сносно и даже хорошо владеющих русским языком. Да я и сам стремился овладеть чешским языком. Мне трудно давалась фонетика. В русском и чешском языках немало общих слов, восходящих к единой старославянской основе. Забавный случай произошёл на лекции о социально-экономическом развитии СССР, которую меня попросили прочитать в союзе художников. Было человек 40, аудитория амфитеатром. В середине лекции заметил: двое о чём-то шёпотом спорят. Было много вопросов. После лекции организаторы её пригласили пообедать. Среди них были и два «шептуна». За дружеским обедом (в Чехии хорошие вина) один из них спросил: «Извините, пожалуйста, мы на лекции спорили, как по-русски “водопад”: “водокат” или “водолей”». – «Зря спорили, – ответил я, – “водопад” и по-русски “водопад”».

Однажды семинар обществоведов потребовалось провести в Оломоуце. Поехали. Я с особыми чувствами, так как знал, что во время войны в освобождении этого города участвовал и воронежский полк, в котором замполитом был ректор нашего университета Николай Петрович Латышев. Оломоуц – промышленный город. Но меня поразило обилие красивых небольших скверов. И обилие монахов, священнослужителей. В Оломоуце крупный католический университет. Один из

участников семинара предложил посетить музей. В музее я встретил своего первого ректора ВГУ Николая Петровича Латышева. Большой фотопортрет в военной форме на стенде, посвящённом Второй мировой войне. Под магнитофонную запись рассказал о Н. П. Латышеве как ректоре ВГУ в довоенное и послевоенное время, о его постректорской работе и жизни. Город Оломоуц не пострадал сколько-либо существенно во время войны; гитлеровская Германия использовала его промышленность.

В Оломоуце в нашей группе разразился давно назревавший скандал. В запой вдарился профессор А. Ф. Залётный. Это проявлялось с ним и раньше. Московская часть нашей группы почти не поддерживала с ним отношений. Однажды я возвращался с ним после получения зарплаты из Министерства образования. По пути зашли в кафе (ресторацию), на уличной стене которого была позеленевшая медная доска: «Здесь чехи пили пиво, когда Колумб Америку ещё не открыл». Зашли пообедать. Ресторация славилась особо острым гуляшом («Дьявольский гуляш» – в меню) и пивом. Заказали. Алексей Фёдорович попросил 50 граммов водки. Водки не оказалось. Заменили бехеровкой (хороший алкогольный напиток). Я отказался. Алексей Фёдорович вылил бехеровку в пиво. Кёльнер удивлённо на него посмотрел. Алексей Фёдорович повторил заказ и смесь. Довольно быстро и остро охмелел. Я попытался с ним уйти. Он выхватил из кармана пачку денег и стал швырять на стол, на пол. Кёльнер подобрал деньги, передал мне и помог вывести профессора, повертев пальцем у виска.

Возвращаться надо было через Карлов мост. Веду Алексея Фёдоровича под руку. Вдруг он вырвался, рванулся к перилам моста и перегнулся через них. Он был в длиннополом кожаном пальто. Я ухватил его за полу, держу. А он вот-вот свалится во Влтаву. Подбежал мужчина, рванул его за воротник. Профессор упал на асфальт. Подняли. Чех посмотрел на меня, влепил ему оплеуху и пошёл в обратную сторону. Я довёл Алексея Фёдоровича до гостиницы. Зашли в мой номер. Профессор упал на пол и проспал до 6 часов утра на полу в своём кожаном пальто, изредка ругаясь по-немецки. Проснувшись и оглядевшись, спросил, почему он у меня. Рассказал ему под крепкий кофе о вчерашнем «приключении». Отдал деньги. Профессор, не извиняясь, сказал «спасибо» и попросил коллегам не рассказывать.

После запоя профессора А. Ф. Залётного в Оломоуце, срыва занятий на семинаре, безобразий в гостинице группа решила, так дальше продолжаться не может, и сообщила в посольство. В 24 часа его отправили в Москву. Ректор МГУ по приезде профессора А. Ф. Залётного освободил его от работы. Профессор написал письмо в ЦК КПСС, обвинял московскую группу чуть ли не в антимарксизме. Мне после возвращения из Чехословакии пришлось давать пояснения и описать запойные скандалы профессора. Чем дело для него закончилось, не знаю, никто не сообщил. Мои московские коллеги (Коршунов, Соболева, Митрофанов работали на своих местах, В. С. Готт уехал до скандалов Залётного).

Во время командировки в Чехословакию я побывал, кроме Праги и Братиславы, во многих городах: Брно, Острава, Оломоуц, Усти-над-Лабем, Кошице, Градец, Кралове, Прешов, Либерец, Пльзень, Зноймо и др.; читал лекции различным категориям слушателей: от научной интеллигенции и высшего офицерского состава до студентов и рабочих, беседовал с сотнями людей в различной обстановке, разного жизненного опыта, профессий, мировоззрения и политических ориентаций. Встречались люди с нескрываемым негативным отношением к СССР и России, но в целом доминировали добрые отношения и заинтересованность в тесном взаимодействии. Даже у тех, кто рассказывал о неприятных и трагических эксцессах во время ввода войск пяти социалистических стран в августе 1968 года.

Чехи – своеобразный народ. Вся их история – противоречивый процесс стремления к национальной самодостаточности и вместе с тем адаптации к сильнейшему в международных отношениях, склонность к собственной государственности и способность вживаться в наднациональные государственные объединения. Свою страну как территорию считают сердцем Европы. В их культуре (в музыке, архитектуре, укладе и образе жизни) сочетаются романо-германские и славянские комплексы. Ещё до войны индустриальная культура Чехии была одной из высоких в Европе. Гитлеровской Германии она была нужна как промышленная база милитаризма. И Западная Европа, прежде всего Англия и Франция, мюнхенским соглашением подсунули чешскую индустрию под гитлеровский Абвер. Чехословакия могла бы отстоять себя, повернувшись к Советскому Союзу. Но, почувствовав позицию западных стран, правительство Бенеша практически капитулировало перед фашистской Германией.

Будучи приглашённым для чтения лекций в Остраву, в пединститут, я попросил показать мне то шоссе, по которому немецкие танки вторглись в Чехию. В час вторжения только один чешский офицер на этом шоссе стрелял из пистолета по германским танкам. Чехословакия в целом не так пострадала в годы войны, как Польша, Югославия. Когда в мае 1945 года восставшие против оккупантов граждане кричали: «Спасите Прагу! Немцы взорвут её», советские танки ринулись на помощь. Мой брат Николай в 20 лет участвовал в спасении Праги. Во время моего посещения музея в Оломоуце, в котором чтят память Н. П. Латышева, бывшего там комендантом города после освобождения от гитлеровской оккупации, сотрудники рассказывали, как им было тяжело во время войны. Один из них поведал: «Не всегда были шпикачки». Я спросил: «А кнедлики были?» Кнедлики были, а у нас в рязанском селе, где мы жили, хлеб был из лебеды и размолотых высушенных картофельных очисток.

Уровень жизни, культура быта в Чехии всегда были выше, чем в других восточноевропейских странах, в том числе и России. Это питало особую гордость и уверенность в том, что национальное государство для того и существует, чтобы народу жилось лучше, и сам народ должен контролировать деятельность государ-

ственного аппарата. Вот этот смысл чехи и вкладывали в понятие «социализм с человеческим лицом», когда в разных разговорах (кроме военных) они мне его разъясняли. И спрашивали, а что плохого в этом понятии. Действительно, ничего плохого нет, поскольку, по Марксу, социализм должен преодолеть отчуждение человека от человека и человека от средств производства. Но штампованные догматики от марксизма вот этого-то и не понимали. Чехословацкую и югославскую концепцию, модель (и этот термин употреблялся) они восприняли не только как антисоветизм, но и как отступление от социализма. Прошло много лет, и я всё более и более убеждаюсь: если бы в 50–60-х годах у нас был сделан поворот к «социализму с человеческим лицом» (а такие надежды бродили, да и возможности были), у нас бы в 90-е и в последующие десятилетия не возник бы и не разрастался дикий криминально-бюрократический капитализм.

Во время командировки я не только читал лекции, ходил по музеям, слушал органную музыку в храмах, изредка посещал экзотические пивные («У Калиха», «У Флеку», «У Томаша», «У Дву Кочек»), но и пользовался великолепной библиотекой, читальными залами Карлова университета. В зале новых поступлений обществоведческой литературы с открытым доступом читал то, что тогда у нас было недоступно. Мешало только одно: плохое владение английским языком. В чешском я прогрессировал.

Под влиянием изучения истории Чехословакии, событий 60-х годов и их последствий, непосредственного общения с людьми разных ориентаций в моём сознании формировались проблема и тема причин и типов массовых социально-психологических сдвигов, их роли в исторических процессах, в том числе и феноменов дестабилизации, дезорганизации привычных устоев жизни, их смысла и социальных последствий. Я тогда не предполагал, что эта проблематика через два – два с половиной десятилетия приобретёт острый теоретический и практический интерес, актуализируется в политике государств, партий, общественных организаций и будет кристаллизоваться в тему будущей докторской диссертации.

Уезжал я из Праги в Москву последним. Мои московские коллеги уехали неделей раньше. Меня попросили поучаствовать в двухдневном семинаре творческой интеллигенции. Я очень волновался, но всё прошло благополучно, для меня интересно и полезно.

Накануне отъезда почти целый день бродил по Праге, особенно в узких улочках Градчан.

В начале марта 1972 года вернулся в Воронеж. Отчитался перед ректором В. П. Мелешко о своей работе во время командировки, попутно рассказал о Карлове университете, особенностях высшего образования в Чехословакии. Через некоторое время отправил в Министерство высшего образования СССР и РСФСР письменный отчёт. Интерес университетской общественности к событиям в Чехословакии всегда был большим, особенно к Пражской весне 1968 года, её по-

следствиям, к социально-политическим процессам. Я с удовольствием откликался на просьбы: прочитал несколько лекций университетским обществоведам, на городском семинаре преподавателей общественных наук, студентам нескольких факультетов, сделал доклад на Учёном совете университета. Обстоятельная беседа о работе и житье-бытье в Чехословакии, о причинах и людях пражской весны, о вводе в августе 1968 года в Чехословакию войск пяти социалистических стран, об экономике и политической ситуации, о Карловом университете состоялась на своей кафедре. Поблагодарил коллег за дружную работу во время моей командировки.

Ничего существенного за время моего пятимесячного отсутствия на кафедре не произошло. Самое главное – никто не убыл и никаких осложнений не произошло. С новыми силами я вошёл в привычный ритм учебного процесса. В июне 1972 года был переизбран на новый пятилетний срок работы заведующим кафедрой научного коммунизма.

Срок новый, а проблемы старые, как, впрочем, у каждой кафедры: штаты, т. е. необходимое и реально представляемое количество преподавательских ставок (разных должностей), лаборантов, повышение их научно-педагогической квалификации и мастерства. Со штатными должностями положение несколько усложнилось. Ректорат стал их более скупо делить между факультетами, а кафедры общественных наук (истории КПСС, философии, политической экономии, научного коммунизма) имели особый межфакультетский общеуниверситетский статус. Им иногда выделялось штатных ставок из того, что оставалось от факультетского «дележа». Сами же кафедры настаивали на количестве штатных ставок из расчёта общего количества часов, предусмотренных учебными планами всех факультетов. При этом педагогическая нагрузка на одного преподавателя не должна была превышать 550 часов в год (норматив установлен Министерством). Приходилось вновь и вновь идти в ректорат и просить необходимые штатные единицы. Избранный после ухода Валентина Пименовича ректором Николай Алексеевич Плаксенко распределение штатов и даже согласование тех или иных кандидатов на должности взял в свои руки и был довольно скуп при подсчёте необходимых штатных единиц для обществоведческих кафедр. Ещё во времена ректорства Б. И. Михантьева и В. П. Мелешко (я был проректором) нашему университету удалось доказательно снизить коэффициент расчёта преподавательских ставок, по которому Министерство определяло нам штатное расписание, с 12 до 10. А потом процесс снижения расчётного коэффициента замедлился и даже прекратился. Однако численность студенческих контингентов росла. К тому же математическому сообществу вузов, прежде всего университетов, удалось добиться снижения педагогической нагрузки по математическим дисциплинам учебного плана до 600 часов в год на одного преподавателя. Всё это вместе взятое создавало напряжённость в распределении преподавательских ставок.

Так или иначе штатные кафедральные проблемы решались. Поднимался и уровень научно-педагогической квалификации преподавателей, хотя структур-

но не так, как хотелось (не было профессора в составе кафедры). Тем не менее 65–70 % преподавателей имели учёные степени кандидатов наук. Это было выше среднеуниверситетских показателей. Особых претензий по этой части к нам ректорат не предъявлял. Регулярно выполнялись планы направления преподавателей в Институт повышения квалификации и переподготовки преподавателей при МГУ. Министерство высшего образования следило за выполнением этого плана и требовало строгой отчётности, создавая хорошие условия для этого.

Николай Алексеевич Плаксенко как ректор был человеком, личностью иного типа и склада, чем Валентин Пименович Мелешко, хотя и тот и другой – представители одного поколения. Оба ещё до войны окончили Воронежский университет. Валентин Пименович – химический факультет в 1939 году и некоторое время работал в ВГУ. Николай Алексеевич, окончив геологический факультет в 1941 году, был призван в Красную Армию в первые дни начавшейся войны. Военные награды у них одинаковые: ордена Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медали. Однако у Николая Алексеевича университетская биография отличается большим многообразием функций и статусов. И тот и другой защищали кандидатские и докторские диссертации, вели педагогическую и научную работу. Но если Валентин Пименович до ректорства был заведующим кафедрой и директором научно-исследовательского института хроматографии при ВГУ, то Николай Алексеевич прошёл более сложный путь в управленческих структурах: заведующий кафедрой, декан геологического факультета, проректор по учебной работе. Его управленческий опыт более многообразен, к тому же он активно участвовал в общественной жизни университета, лучше знал его людей.

Многообразие управленческого опыта было основой его функциональной, да и просто человеческой активной общительности (коммуникабельности, как говорят социал-психологи) и вместе с тем управленческой компетентности в решении университетских проблем. Николай Алексеевич ревниво относился к университету, к тому, как сотрудники тех или иных структур выполняют свои функции, как выполняют необходимые нормы и требования. Иногда это проявлялось в некоторой повышенной жёсткости, не имеющей особых причин. Одна из первых ректорских акций Н. А. Плаксенко – запрещение курить в коридорах и рекреациях учебных корпусов. Это оздоровляющее решение большинство сотрудников, студентов, особенно преподавателей, восприняли одобрительно. Курильщики, конечно, ворчали, требуя выделения курительных комнат, но такой возможности не было. Запрет на курение был хорошей санитарно-гигиенической акцией. До него табачный дым из коридоров, с лестничных площадок, рекреаций затягивался в аудитории, что мешало и читать, и слушать лекции, создавая неприятную атмосферу. Ректор требовал, чтобы деканаты назначили специальных дежурных из числа преподавателей. Вскоре атмосфера в коридорах и аудиториях пришла более или менее в санитарно-гигиеническую норму. Но однажды Н. А. Плаксенко, входя

с улицы в вестибюль главного корпуса, заметил выходящего из коридора в вестибюль заведующего одной из кафедр математического факультета, участника Великой Отечественной войны, человека примерно одного с ним возраста, закуривающего сигарету. Ректор возмутился неисполнением его приказа о запрете курения. Заведующий кафедрой (очень уважаемый человек) извинился, пояснив, что после 6 часов лекций идёт домой, и за ним через мгновение закроется дверь. Николай Алексеевич почему-то извинением и пояснением не удовлетворился и издал приказ, объявив выговор заведующему кафедрой (в недавнем прошлом – полковнику), и распорядился вывесить текст наказующего приказа на всех досках объявлений. Эта излишняя жёсткость в требованиях исполнения приказа о запрете курения вызвала некоторое, мягко говоря, недоумение в профессорско-преподавательской среде. Казалось бы, мелочь. Но таких мелочей, а иногда и покрупнее, к сожалению, в ректорской практике Н. А. Плаксенко, заботящегося об университете, было немало. Иногда это приводило к осложняющим конфликтам, о которых не хочется писать. Вот один из них. Из властных структур Николаю Алексеевичу прислали письмо с каким-то доносом на него. Письмо было подписано фамилией одного из заведующих кафедрой механико-математического факультета. Обозначаю его условно NN. Поскольку письмо было не анонимным, а подписанным, да ещё именем и фамилией хорошо известного учёного, то властвующий чиновник переслал его в университет с резолюцией: разобраться и доложить. Чиновник поступил неправильно и с юридической, и с этической точки зрения. Безнравственно и контрпродуктивно пересылать донос (даже просто правомерную жалобу) тому человеку, против действий или личности которого критическое письмо направлено. Но это – обычная практика «власть имущих» в то время, да и сегодня. Чиновник не хочет или не может вникнуть сам в послание, разобраться в его достоверности и, если были некие основания, принять необходимое решение. В данном случае соответствующему чиновнику или его подручному надо было всего-навсего позвонить NN и спросить подтверждение или что-то уточнить. Увы! Такой элементарной культурой ролевого поведения высокий чиновник не располагал. Донос был отослан тому, против кого он был направлен.

Николая Алексеевича письмо возмутило. Он вызвал NN в свой ректорский кабинет и строго спросил, почему тот его оклеветал в письме. NN сказал, что такого письма он не писал – не мог написать – и не посылал никуда. Ректор показал подпись NN под письмом. NN заявил, что подпись не его, а поддельная. Замечу, что мне доводилось разбираться в кипении страстей среди математиков и механиков. И никогда ни в каких столкновениях и дрязгах (а они были) NN не участвовал и, более того, не был замешан. Он был человеком высокой этической культуры. Николай Алексеевич, раздражённый письмом, ему не поверил и заявил, что привлечёт его к ответу. Придя домой после тяжёлого и оскорбительного разговора с ректором, NN свалился с тяжёлым инфарктом. Графологический анализ показал: под-

пись под письмом – фальшивка. У Н. А. Плаксенко, к сожалению, была склонность к конфликтности в официальных и личностных отношениях. Она его и подводила.

Николай Алексеевич стремился поднять эффективность каждого звена многосложной структуры ВГУ. В этом он в лучшую сторону отличался от В. П. Мелешко. Он ввёл в практику ежегодные отчёты факультетов и общеуниверситетских кафедр перед ректоратом. Процедура заранее планировалась. В намеченный день декан, его заместители и заведующие кафедрами, лабораториями непосредственно отчитывались перед ректором и всеми проректорами; присутствовали руководители парткома и месткома. Собственно, это были не совсем отчёты в формальном смысле слова. Шёл конструктивный разговор о том, что сделано, что предстоит сделать, что нового и т. п. Николай Алексеевич каждый раз выстраивал эту процедуру как диалог-анализ двух взаимозаинтересованных сторон (деканата и ректората) состояния дел, качества и проблем учебного процесса и научных исследований, материально-хозяйственного обеспечения, кадрового состава и его научно-педагогического роста, перспектив развития. Отчитывающаяся сторона (деканат, кафедра) не только докладывала о результатах деятельности, но и ставила перед ректоратом свои вопросы, могла высказать свои критические замечания о работе ректората, различных управлений, отделов, о проблемах высшей школы, высказывались конструктивные предложения о совершенствовании работы деканата, кафедры и ректората, его управленческих структур. Это было демократично.

Такие отчёты-диалоги были взаимополезны. Для отчитывающихся (деканат, кафедра) они давали возможность неформально проанализировать свою работу, удачи и неудачи, достижения и проблемы, выслушать точку зрения ректора и проректоров, поставить перед ними проблемы, которые самим решить затруднительно, вникнуть в ректоратскую концепцию управления, проблемы всего университета, наметить перспективы, их возможности и ресурсы.

Ежегодные отчёты в форме аналитических диалогов были полезны и для ректората. Они позволяли ему вникать в реальную всестороннюю жизнь исходных звеньев университетской системы – факультеты и кафедры, конкретно анализировать учебный процесс, его качество, проблемы, тематику и эффективность научных исследований, кадровый состав, профессионально-технологические и личностные отношения в факультетских и кафедральных коллективах, высказать свои критические замечания, оценить результаты годовой работы, подсказать новые возможности, помочь ресурсами. Вместе с тем ректорат через такие отчёты мог критически проанализировать и самого себя, свой стиль руководства, получить не только критические замечания, но и конструктивные предложения. Преодолевалась отчуждённость ректората и факультетских коллективов. Откровенно говоря, иногда (и увы! не редко) отношения между ректоратом и факультетами складываются по модели: ректорат сам по себе, а с факультетов только спрос, к ним только требования. Сложившаяся во времена ректорства Николая Алексеевича

Плаксенко практика ежегодных аналитических отчётов (дискурс-отчётов) факультетов и общеуниверситетских кафедр перед ректоратом, а следовательно, и перед всем университетским коллективом значительно эффективнее, чем так называемый аудит, возникший в высшей школе и в нашем университете в 90-х годах. Конечно, аудит тоже необходим, но он формален. Проверяется («аудиторится») наличие или отсутствие соответствующей документации: наличие учебных программ, их методическая оформленность, правовая аккредитованность направления подготовки специалистов, бюрократическая оформленность «входящих» и «исходящих» документов, рабочие планы преподавателей и их исполнение. Всё это, конечно, нужно. Но реального представления о содержании образовательного процесса, качестве подготовки специалистов, тем более эффективности научной работы, реальных достижений научно-педагогического коллектива и его проблемах аудит не даёт и не может дать. Потому что реальное качество подготовки специалистов и эффективность научных исследований в конечном итоге определяются профессорско-преподавательским коллективом и условиями, в которых ему приходится трудиться. Аудит ставит вуз, факультет, кафедру в положение почти подсудимого, которого либо оправдают, либо осудят. Права высказать своё суждение объект аудита не имеет.

Кафедра, на которой мне довелось работать в разных статусах более полувека, прошла через большую череду и отчётов перед ректоратом, и аудитов. Отчёты мы проходили благополучно. Но мы имели право и пользовались им высказать и свои предложения об условиях работы, о проблемах преподавания, возможностях публикаций научных работ, графике учебного процесса и о многом другом. Ректорат в свою очередь нас критиковал, главным образом за не очень активную подготовку учебных пособий (они у нас были, но мало), за то, что долгое время не было в составе кафедры профессора. Что касается аудита (это уже иные времена), то они представляют собой некую кампанию типа «много шума из ничего». Кафедра успешно их проходила, но каждый раз нам делали одно и то же замечание: на исходящих официальных письмах и документах нет идентификационного кода и номера. Ну какое это отношение имеет к качеству подготовки специалистов, бакалавров, магистров. А о научной работе и «строки» нет в аудите. Однако нервная суета подготовки к аудиту начинается примерно за полгода до появления аудитора. Аудиторы ничего не смыслят в тех специальностях, которые аудиторят, а ректорат особо не вникает в итоги, кроме тех случаев, когда Министерство выносит или грозит вынести вердикт о лишении аккредитации. Суждения, мнения главного субъекта учебного процесса и научных исследований не учитываются. В аудите глохнет демократия и творческий интеллект.

Университет во времена ректорства Н. А. Плаксенко сколько-либо существенно не изменился. Новых факультетов не открывалось. Подготовка специалистов велась примерно по 60 направлениям на 13 факультетах. Обратите внимание: за 12 неполных лет михантьевского ректорства было создано или преобразовано (на

основе разделения) 5 факультетов, среди них три новых: юридический, экономический и романо-германской филологии. За время ректорства В. П. Мелешко и Н. А. Плаксенко, т. е. с 1965 по 1983 год, за почти двадцать лет – всего два. По-видимому, не было ни внутренних, ни внешних факторов открытия факультетов по новым специальностям. Однако открывались новые и преобразовывались, меняя наименования, старые кафедры. Создавались новые лаборатории, главным образом научно-исследовательского типа. ВГУ расширял свои международные связи по всем направлениям, росла и крепла его международная известность.

Кафедра научного коммунизма в этой связи вела научно-исследовательское сотрудничество с философами и социологами университета имени Мартина Лютера в городе Галле в Германской Демократической Республике по проблемам формирования студенческих коллективов и личности студента. Исследование имело практический смысл, ориентированный на повышение эффективности образовательных процессов. Ежегодно проводились научно-практические конференции: один год в Воронежском, на другой год в университете имени Мартина Лютера в г. Галле. Ответственным организатором конференций со стороны университета имени Мартина Лютера был профессор Э. Зауэрман, от Воронежского университета довелось быть мне. Конференции вызывали большой интерес профессорско-преподавательской общественности, руководства университетов. В них участвовали не только социологи, философы, но и представители естественных, технических и, конечно, гуманитарных наук. Каждая конференция открывалась ректором принимающего университета. Каждые два года делегация ВГУ из 10–12 человек, часто во главе с ректором, принимала участие в конференции в университете имени Мартина Лютера в Галле (пленарный доклад, доклады на 4–5 секциях). На следующий год аналогичная делегация приезжала из университета г. Галле в наш университет. Обменивались результатами исследований, а главным образом обменивались опытом учебно-воспитательной работы, методами организации образовательного процесса. Николай Алексеевич неизменно участвовал в совместных конференциях и в Воронеже, и в Галле.

Кроме организации научно-практических конференций кафедра ежегодно принимала 2–3 преподавателей из университета имени Мартина Лютера для методической и научно-исследовательской стажировки. Чаще всего такие стажировки были кратковременными: от 3 до 4 недель. Но доцент Ян Шмельцер четыре месяца усердно трудился над докторской диссертацией, изучал российскую научную литературу по теории империализма В. И. Ленина, еженедельно консультировался со мной. Он хорошо говорил по-русски, будучи родом из прибалтийских немцев. Трудности были в другом, в организации его быта. А воронежский быт и уровень жизни в то время, да и теперь, довольно сильно отличался от восточногерманского. Но Я. Шмельцер был терпелив, кафедра помогала ему и в этом. Года через полтора он защитил диссертацию, и его статус повысился.

Между прочим, немецкие коллеги, к нашему удивлению, часто закупали хозяйственные вещи: дрели, свёрла к ним, масляные обогреватели, пельменницы и др. Приходилось и в этом им помогать. С одним немецким профессором случился забавный случай. Он приехал зимой. Было довольно морозно, а приехал он в лёгком пальто «на рыбьем меху». Решил купить себе пальто потеплее. Никому не сказав, пошёл в центральный универмаг. По-русски он почти не говорил. Кое-как объяснил продавцу, что ему нужно пальто на минус 20 градусов. Продавцом оказалась молодая смешливая девушка, она ему ответила: «На минус 20 нет, есть на минус 25». Немецкий профессор ушёл огорчённый без покупки. Потом всё разрешилось.

Приезжая в ГДР, мы тоже покупали там дефицитные у нас товары. Для меня это прежде всего кроссовки с супинатором, ибо в ту пору я каждое утро бегал от 8 до 10 километров, а хороших кроссовок у нас крайне трудно было достать.

В семидесятые и последующие годы в нашем университете на длительную стажировку и обучение на филологический факультет приезжали из Германской Демократической Республики группы студентов, специализирующихся по русскому языку и литературе, и стажёры-преподаватели русского языка в Германии. Студентам я читал курс научного коммунизма по особой программе. Молодые люди приезжали к нам с идеально-романтическими представлениями об СССР, а сталкивались с отнюдь не идеальной реальностью. И нужно было многое объяснять. В частности, «почему в развитом социалистическом обществе дефицит капусты?» Однажды из управления преподавания общественных наук Минвуза СССР приехал проверяющий инспектор (в недавнем прошлом заведующий кафедрой истории КПСС Воронежского педагогического института) и набросился на меня, почему курс немецким студентам читается по какой-то особой программе, не по общей. Пришлось долго втолковывать, почему немецким студентам нельзя читать курс так, как советским. Трудно сказать, понял ли он. Во всяком случае, уходя, бросил фразу: «Под твою личную ответственность».

В 70-е кафедра научного коммунизма стала пополняться преподавателями, прошедшими аспирантуру при кафедре и защитившими кандидатские диссертации. В 1973 году защитила диссертацию Галина Васильевна Горченко.

Годом позже защитил кандидатскую диссертацию Н. Д. Тульнов. Его диссертация содержала большой эмпирический материал по социологии заводской молодёжи. Николай Данилович отличался строгим методологическим мышлением марксистского типа. Ему приходилось преподавать курс научного коммунизма, а в 90-х годах социологию на одном из сложных университетских факультетов – юридическом, стремясь привить будущим юристам научное понимание социальных проблем, особенно преступности. А это не просто, так как социология преступности в СССР, да и в современной России, не очень развита. Но проблема не только в социологии преступности, а в необходимости научить будущих юристов различного профиля видеть за юридическими понятиями, формулами, законами реальные социальные процессы.

В 1978 году защитил кандидатскую диссертацию по социологической проблематике («Адаптация молодых рабочих к условиям современного промышленного производства») Анатолий Николаевич Борискин. Исследование он проводил на воронежских предприятиях тяжёлой промышленности. По тому времени оно было новаторским и по методологии, и по теоретическим обобщениям, и – что особо было важно – по практической ориентации и ценности. Вскрывая позитивные, ускоряющие и негативные, замедляющие факторы адаптации молодых рабочих, молодой исследователь предложил практическую концепцию повышения эффективности адаптации, сокращения её сроков с 5 (в среднем) лет до 3–3,5. На диссертацию А. Н. Борискина было немало ссылок в последующих диссертациях и опубликованных научных работах. Преждевременная смерть унесла очень талантливого и перспективного социолога.

В последующие десятилетия преподавательский состав кафедры воспроизводился и пополнялся на собственной основе за счёт подготовки кадров через аспирантуру. В самообеспечении кадрами в любом научно-педагогическом коллективе есть свои достоинства и недостатки. К достоинствам можно отнести, во-первых, то, что упрощается трудоустройство аспирантов, защитивших диссертации. Конечно, далеко не все из них остаются на кафедре: свободные ставки бывают редко. Из 23 подготовленных мною кандидатов наук (четверо впоследствии стали докторами наук) только 10 вошли в состав кафедры. Двое коллег прошли аспирантуру и защитили диссертации в Институте социологии АН СССР (А. И. Верецкая и А. Б. Довейко). 6 кандидатов наук из 20 (по данным на 2015 год), подготовленных профессором А. В. Глуховой, плодотворно работают на кафедре. Во-вторых, достоинство и в том, что складывается команда более или менее единой методологической культуры или, во всяком случае, близких систем педагогического мышления (в научном мышлении точки зрения и концепции могут существенно расходиться, и в этом самом по себе ничего плохого нет). В-третьих, устойчиво складываются неформальные функциональные отношения.

Однако в кадровом самообеспечении есть и свои недостатки. Во-первых, высока опасность авторитарности того, кто готовит кадры, т. е. руководит подготовкой кандидатов наук и обеспечивает им место на кафедре. Во-вторых, далеко не всегда теоретико-методологическое единство, тем более сложившаяся монополия на трактовку тех или иных педагогических или научных проблем споспешествует эффективной деятельности кафедры. Заведующему кафедрой необходимо учитывать эти потенциальные опасности и уметь их нейтрализовать. Кафедра – это живой социальный организм, развивающийся, изменяющийся через объективные противоречия. Успех деятельности зависит от того, умеет ли она их плодотворно, творчески регулировать в интересах общего дела или сваливается в деконструктивные, контрпродуктивные, субъективные конфликты, а попросту говоря – в склоки.

Умение упреждать и гасить субъективные конфликты – сложная психологическая задача и этико-служебная обязанность прежде всего заведующего кафедрой,

а также каждого сотрудника, члена коллектива. Культура функциональных и личностных внутрикафедральных отношений – сложная социально-антропологическая проблема.

В 70-х годах между вузами Воронежской области по инициативе парткома ВГУ (из песни слов не выкинешь) поддержанная ректором и обкомом КПСС сложилась интересная и общеполезная традиция – ежегодное проведение семинаров вузовского актива. Они получили наименование – «Шуберские». Это были выездные семинары. Они проводились в дни зимних каникул (конец января – начало февраля) чаще всего на базе отдыха авиационного завода на кордоне «Стахановский» знаменитого Усманского бора, а станция, на которой надо было выходить из электрички, называлась «Шуберка». И далее – по заснеженному лесу километров 7. Кто на лыжах, кто пешком, кого-то вузы подвозили на автобусах. Деятельными непосредственными ответственными организаторами межвузовских Шуберских семинаров были работающие в разные годы в отделе науки и образования обкома КПСС Елена Никитична Крупко, Игорь Николаевич Зорников, Анатолий Павлович Дьяков. Хлопот семинары вузовского актива доставляли им немало. Но энтузиазма и энергии им было не занимать.

Обычно семинары проходили в течение 5 дней безвыездно. Вузы в складчину арендовали базу отдыха авиационного завода (размещение, питание, залы для проведения лекций, дискуссий и т. п.).

В семинарах участвовали почти всё руководство вузов, деканы, секретари парторганизаций, председатели месткомов, ведущие учёные, от каждого вуза по 15–25 человек. Приезжали (не всегда) представители Министерства, ВАК; участвовали представители обкома КПСС (секретарь по идеологии, заведующий и работники отдела науки и образования, работники облисполкома, горисполкома).

Заранее разрабатывалась программа Шуберского семинара: основная тема, проблематика. Вузы тщательно готовились. Каждый вуз сам определял наиболее выигрышную для него тему, проблему для пленарных и секционных докладов и докладчиков. Иногда бывали состязательные доклады: два-три вуза в докладах представляли одну и ту же тему, но в своём понимании и практическом исполнении. С «головным» докладом выступал обычно секретарь обкома КПСС или представитель Министерства союзного или республиканского. Каждый год делался один (редко два) обзорный доклад по состоянию и достижениям какой-либо науки. Например: «Состояние и проблемы современной медицины», «Высшая школа за рубежом», «Современная советская литература». Обычно было несколько секций: по проблемам учебного процесса, управления научными исследованиями; социальным проблемам профессорско-преподавательского состава и вспомогательного персонала; социальным проблемам студенчества; взаимодействию вузов с промышленным и сельскохозяйственным производством; специфике деятельности общественных организаций. Мне ежегодно доводилось делать доклады

по социальным проблемам высшего образования, его гуманизации и гуманитаризации, его роли в социально-экономическом развитии страны и региона, по социальным проблемам и специфике труда профессорско-преподавательского состава, научного и вспомогательного персонала, специфике современной студенческой молодёжи, о личности вузовского преподавателя.

Режим работы семинара:

– первая половина дня (с 9:00 до обеда): пленарные доклады, дискуссии по ним;

– после обеда: часа два-три отдыха, спортивные занятия (лыжи, футбол на снегу, любители уходили на рыбалку в Усманке, часто приходили с хорошим уловом);

– работа секций;

– после ужина (в 18:00) художественная самодеятельность (КВН, мини-концерты вузов, танцы).

Выпускались каждым вузом огромные (метров на 7 длиной) газеты с фотомонтажами, зарисовками из вузовской жизни, стихами.

В последний день подводились итоги. Никаких общеобязательных документов или рекомендаций не принималось, кроме одной – собраться вновь на следующий год.

Шуберские семинары были творческим процессом живого, свободного обмена мнениями, концепциями, взаимознакомства профессорско-преподавательских

КВН на Шуберском семинаре вузовского актива. 6 февраля 1978 года. Слева направо на переднем плане И. Н. Зорников, В. С. Рахманин. В третьем ряду (за женщинами) второй слева Б. Я. Табачников, третий слева А. М. Воробьёв (декан физического факультета)

коллективов, размышлениями о проблемах и перспективах высшего образования, вузовской науки, специфике того или иного студенческого поколения, роли вузов в развитии региона. На этих выездных семинарах как-то по-особому с неожиданной стороны раскрывались личности ректоров, профессоров и доцентов, деканов и партийных функционеров. Ректор ВГУ Николай Алексеевич Плаксенко удивительно лирично и молодо пел романсы дуэтом с работником обкома КПСС Еленой Никитичной Крупко, а Игорь Николаевич Зорников был непревзойдённым и беспроигрышным капитаном университетской команды КВН в состязании чаще всего с командой политехнического института за то, кто будет есть Шуберский торт и жареную щуку, с трудом вытянутую из-подо льда Усманки.

В исходе 80-х годов Шуберские семинары не собирались. Но даже тогда, когда «распалась связь времён» и каждый барахтался в сумбуре 90-х годов, и даже тогда, когда некая связь стала налаживаться в новом веке, многие вузовские работники с благодарностью и вспоминали, и вспоминают Шуберские семинары, высказывают потребность и целесообразность их восстановления. Но, увы! Нет организаторов и понимания вузовского взаимодействия и свободного обмена мнениями, опытом, творческим интеллектом и социальными ориентациями в науке, образовании, в жизнедеятельности. Ностальгия есть, действия нет.

Начало 1980-х годов в ВГУ было связано с большими неприятностями, которые привели к серьёзным оргвыводам. По инициативе секретаря городского комитета КПСС В. П. Анищева возникло дело о семейственности в подборе и расстановке профессорско-преподавательского и вспомогательного персонала. Руководство университета подверглось острой, разносной морально-политической критике. Горком КПСС потребовал списки и схемы всех родственных связей. Разбирательство создало крайне нервозную обстановку в университете в целом и в каждом его подразделении. Требования были радикальные: расшить семейные и родственные связи производственного персонала, особенно профессорско-преподавательского. Нависла угроза ухода из университета нескольких ведущих учёных и перспективной молодёжи. У выдающегося учёного (впоследствии лауреата Государственной премии и Почётного гражданина г. Воронежа) доктора химических наук, профессора Якова Александровича Угая дочь Ирина Яковлевна была тоже доктором химических наук, работала на химическом факультете, но на другой кафедре, чем её отец. Горкомовская комиссия потребовала её удаления. Таких семейных связей было несколько. Я. А. Угай заявил, что он уйдёт из ВГУ.

Воронежский горком КПСС делал выводы чуть ли не о глубоком морально-политическом разложении в Воронежском ордена Ленина государственном университете. Много лет спустя (наверное, лет 30) я прочитал воспоминания В. П. Анищева «Восточный орнамент» (он сменил несколько партийных постов и ролей вплоть до второго секретаря ЦК КПСС Киргизии). В воспоминаниях его удивительная смесь откровенного этического стриптиза и цинизма. В том числе

и в той их части, когда Анищев был на партийной работе в Воронеже. Вот в той среде, в которой он вращался, было действительно морально-политическое разложение. Но почему-то Анищев и другие такого же типа функционеры не обращали на это внимание.

Что касается университета, как всякого крупного вуза, дело обстояло и сложнее и проще, хотя грех так называемой семейственности был. Но, во-первых, университет – большое и сложноструктурное образование. Люди когда-то учились вместе, работали, влюблялись, вступали в брак, рожали детей. Семьи естественно, а не по карьеристским соображениям складывались в большом университетском коллективе. Ничего в этом аморального нет, тем более политического разложения. Дети часто шли по дороге своих родителей, часто по тем же самым профессиональным направлениям, но нередко и по другим. При этом не было семейных кланов, которые господствовали бы в той или иной университетской структуре и управляли ею, подавляя «несемейных». В абсолютном большинстве случаев супруги или их дети не были во взаимном подчинении (за исключением 2–3 случаев), работали на разных факультетах, кафедрах.

Валентин Сидорович и Галина Никитична Рахманины. 1 мая 1978 года

Когда-то (счастливое время!) я учился на историко-филологическом факультете; там же училась Галина Васильева. Влюбились, поженились. Я более шестидесяти лет работал на кафедрах философии, научного коммунизма, социологии и политологии, а Галина Никитична – в книгоиздательстве, в котором я крайне редко издавался. В частности, монографию «Общественная психология и революционный процесс» опубликовал совершенно независимо от неё. Сын Олег учился на физическом факультете; и с конца 70-х годов работает в концерне «Созвездие» (ранее отраслевой институт связи).

В Советском Союзе славили семейные династии рабочих, артистов, инженеров, врачей, учителей. Но В. П. Анищев как секретарь горкома КПСС в семейных традициях учёных династий

усмотрел признаки морально-политического разложения. Семейственность, кумовство опасны во властно-управленческих структурах, а не в науке, в сфере которой есть свои специфические грехи: имитация научной деятельности, диссертационные плагиаты, коррупционное создание режима наибольшего благоприятствования, зависть и т. п.

Процесс разоблачения семейственности в ВГУ поднял большую шумиху, создал неплодотворную нервозность. Никакого творческого эффекта в нём не было и не имело юридических оснований. По-видимому, он кому-то был нужен для партийной карьеры, для того, чтобы выделиться, продемонстрировать свою принципиальность («боевитость», как говорил В. П. Анищев). В сущности, процесс завершился ничем; всё осталось на своих местах. Кроме одного, Николай Алексеевич вынужден был под давлением сверху покинуть пост ректора. Он мог бы ещё работать. Ему было только 65 (Б. И. Михантьев покинул пост ректора на 58-м году, В. П. Мелешко – в 61).

Вообще формирование ректорского корпуса и поиск подходящей кандидатуры на должность ректора были головной болью для Министерства образования и для местных органов власти, какими в 60–80-х годах были обкомы КПСС и ЦК союзных республик. По-моему, в 90-х и последующих годах она резко обострилась.

Отставка Николая Алексеевича Плаксенко в 1983 году в условиях упрочения положения ВГУ в системе высшей школы в РСФСР и СССР в целом, устойчивости его несущих структур поставила и профессорско-преподавательский персонал, и власть имущих перед проблемой поиска и назначения достаточно авторитетного и опытного профессора на должность ректора. На кафедрах, а ещё более в неформальной обстановке сотрудники, более всего профессора и доценты, гадательно перебирали возможные кандидатуры. Юридически назначало ректоров Министерство по согласованию с обкомами и республиканскими ЦК КПСС. Фактически в России подбирали кандидатуры обкомы КПСС и предлагали Министерству, которое соглашалось и издавало соответствующий приказ. В ВГУ было не менее 10 профессоров и доцентов, каждый из которых мог быть ректором, а 4–5 даже очень успешными. И коллектив университета надеялся, что ректором будет назначен кто-то из его среды, и сравнивали гипотетические достоинства и шансы одного, другого, третьего и т. д. Увы! Всё произошло не так.

В своей основательной монографии «Воронежский университет. Вехи истории» (2-е издание, Воронеж, 2013) М. Д. Карпачёв отмечает: «Обком решил провести эксперимент и направил на руководящий пост в университет профессора Воронежского политехнического института А. М. Беликова» (с. 431). Как непосредственный соучастник реальных событий и процессов того времени считаю, что причина назначения ректором ВГУ профессора из другого вуза коренилась не в романтической процедуре эксперимента. Она в другом. В 1953 году ректором университета был тоже назначен человек со стороны – Б. И. Михантьев. И это назначение было удач-

ным. Борис Иванович был «в рост» Воронежскому университету по своему жизненному опыту, научному направлению (химия высокомолекулярных соединений), по характеру, да и по управленческому мышлению, способностям вслушиваться в коллективное мнение, формировать его и принимать практические решения.

Причина несколько неожиданного для научно-педагогической общественности, повторяю, была не в эксперименте. Иррационально сложилось недоверие к кадрам ВГУ из-за стремления разрушить то, что определили семейственностью и кумовством. Необходимы были тщательные консультации не только с общественностью ВГУ, но и с руководством всех воронежских вузов. Таких консультаций проведено не было, кроме политехнического института. Руководство обкома КПСС остановилось на предложенной политехом кандидатуре доктора технических наук, профессора, заведующего кафедрой физики металлов, проректора политехнического института по научной работе Алексея Митрофановича Беликова. Его характеризовали как крупного учёного, автора нескольких монографий и учебных пособий, а самое главное – человека глубоко порядочного, который никогда не был замешан ни в каких внутривузовских конфликтах. На последнем делался особый акцент. Характеристики, данные А. М. Беликову при представлении Учёному совету ВГУ, были объективными. Университетская научно-педагогическая общественность, дезорганизованная тяжкими обвинениями чуть ли не в морально-политическом разложении, согласилась с рекомендуемым обкомом КПСС назначением. Никаких возражений не было, да в ту пору и быть не могло. Ректоров тогда не избирали, а назначали сверху. Да и что было возражать? Характеристики А. М. Беликову были даны в высшей степени положительные, и в их добропорядочности ровным счётом никаких оснований не было сомневаться.

Главный мотив, которым руководствовались «властвующие верхи» в назначении ректором ВГУ человека со стороны, заключался, во-первых, в том, что на них давило ими же самими сформированное представление о морально-политическом неблагополучии в ВГУ (в это время возник и личностный конфликт между ректором и секретарём парткома). Во-вторых, благое стремление оздоровить обстановку в ведущем вузе региона и разрушить порочный круг семейственности, протекционизма (в тогдашнем понимании).

Алексей Митрофанович, будучи ректором ВГУ, оказался действительно глубоко порядочным человеком, мягким, тактичным в общении. В нём не было той резкости в отношениях с сотрудниками без различия звания и статуса, которая была свойственна Н. А. Плаксенко. Но не было и той волевой целеустремлённости, которая была свойственна Б. И. Михантьеву в решении университетских проблем. Он уважительно относился ко всем: от студента до профессора, от вахтёра, с которым он непременно утром здоровался за руку, до посетителя, пришедшего на приём.

Но ему было трудно. И не только на первых порах, когда он приглядывался к столь сложному и бурливому социуму, которым всегда был Воронежский универ-

ситет. В последующие годы, пожалуй, даже труднее. Проблема была не в том, что он не знал университета, его структуру и, самое главное, людей. Оказалось, что, говоря социологическим языком, у него низкая адаптивная способность, т. е. способность входить в незнакомую ситуацию и овладевать ею в интересах коллектива.

Б. И. Михантьев в своё время стремительно вошёл в формальные и неформальные структуры университета, будучи человеком новым в г. Воронеже. Он с первых недель ректорства систематически знакомился с кафедрами (побывал на всех), с факультетами, хозяйственными службами, с Ботаническим садом и заповедником «Галичья гора» (Белгородская область). Он программно по-ректорски изучал университетское пространство, его структуру, его людей, вникал в их возможности и проблемы. Изучив, много обговорив с представителями старшего и младшего поколений, месяца через три после назначения выступил перед университетской общественностью с докладом, в котором чётко изложил своё видение состояния и перспектив Воронежского государственного университета. Б. И. Михантьев был концептуален в понимании, что такое университет и ректорство. У Алексея Митрофановича не было таких социально-адаптационных способностей, знаний, как их можно развить, и не было концепции ректорства, во всяком случае, он её огласке не предавал.

Вторая слабость Алексея Митрофановича – неумение и даже в какой-то мере боязнь принимать решения. По-видимому, эта слабость – только отчасти следствие характера; главное – от незнания университета и отсутствия необходимой опоры в профессорско-преподавательской среде. Будучи человеком тактичным, вежливо относясь ко всем, он тем не менее как-то отчуждённо держался в коллективе, в отличие от свободной и функциональной общительности Н. А. Плаксенко. Не знаю и не хочу предполагать, ставил или нет обком КПСС перед А. М. Беликовым задачу расчистить семейственность во вверенном ему университете, но, насколько помню, практически все остались на своих местах; кадровой чистки не было.

Было заметно, что Алексей Митрофанович тяготится ректорством. В конце концов он принял мужественное решение уйти в отставку. В этом проявились и те его высокие морально-этические качества, которые обком КПСС прежде всего взял в расчёт, назначив его в 1983 году ректором ВГУ. В отставку он ушёл в 1987 году. К тому времени во властных структурах наконец-то созрела мысль: ректоров университетов и вузов нельзя назначить, лишая коллективы права самим определять, кому быть ректором. В правящих кругах было принято решение: ректоров избирать и тем самым демократизировать высшую школу.

Но об этом – чуть позже, потому что многое случилось в стране, прежде чем Воронежский университет стал первым, осуществившим выборы ректора на альтернативной основе.

Глава 6

В ПРЕДДВЕРИИ РАСПАДА

Трудно воспроизвести минувшие события не сами по себе, а то, как их воспринимал в то время, потому что вторгаются в описание сегодняшние их оценки. Происходит психологическая интерференция, взаимоналожение на прошлые восприятия их нынешних оценок (свои и бытующие в общественном мнении), а на сегодняшние – оценки восприятий, которые воскрешаются в памяти из прошлых переживаний. Осовременивание минувших (но осевших в глубинах психики) восприятий в какой-то мере не честно перед собой в прошлом (как бы отказ от себя). Но и отказ от сегодняшних своих собственных оценок и восприятий прошлого – тоже этически небезупречно. Человек движется во времени и время раскрывает его. Но человек, личность раскрывает время. Специфическая и сверхсложная проблема – соотношение достоверности, объективности и субъективности воспоминаний. Это всегда драматичный процесс, однако бывает и комичным, и трагичным.

Нравственная, психологическая проблема состоит в том, как сочетаемо прошлое восприятие минувших событий, людей, идей и сегодняшнее восприятие, оценка тех восприятий, а также, конечно, самих событий, людей, идей. От того, как автор мемуаров решает – вольно или невольно, сознательно или бессознательно – эту задачу, зависит нравственная и познавательная их ценность. Над этим и мучаюсь… Но не мне судить. Моё дело – осознав проблему, стараться, не впадая в грех модернизации или ретронизации самого себя. К тому же трудно воспроизвести всё. Море не вместишь в стакан, а за каждым фактом – движущийся во времени калейдоскоп восприятий, оценок, переживаний.

Не случайно я ещё раз вернулся к этой сложной психологической, нравственной и методологической проблеме. Предстоит «вступить» в 80-е годы минувшего столетия, кануна крутых поворотов в жизни страны, моего университета, в пред-

вестие и нарастание конфликтов и дестабилизации ценностных, да и в целом социальных, отношений. Запутаться в круговороте тогдашних впечатлений и оценок событий легко, ибо близилось время крутых, непредсказуемых общественных и личных перемен с неопределённым будущим.

70-е и 80-е годы прошлого столетия неправомерно определять одним словом «застой». Во-первых, слово «застой» метафорично. Даже научный термин «стагнация» не совсем корректен к этим двум десятилетиям. В 70-х годах было достигнуто военно-стратегическое равновесие между СССР и США. Это результат не стагнации, тем более не застоя. Военно-промышленный комплекс не застаивался. Да и в космических технологиях СССР не утрачивал в то время своей инновационной динамики (она была потеряна в 1990-е годы). В экономике наблюдалось замедление темпов роста общественного производства, их заметное, но непривычное для людей того времени снижение. Слово «застой» слишком хлёстко применительно к замедленным темпам роста. Высшая школа в это время развивалась, росли студенческие контингенты, открывалась подготовка специалистов по новым направлениям, возникали новые университеты, укреплялась, хотя и с большими проблемами, материально-техническая и научно-лабораторная база вузов, расширялись международные связи. Всё это наблюдалось и в моём родном университете.

Стагнация проявлялась в другом – в ослаблении восприимчивости экономики к требованиям и возможностям научно-технической революции. Парадокс заключался в том, что на съездах КПСС 70-х годов провозглашалась концепция сочетания достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Утверждалось, что именно преимущества социализма обеспечивают наибольший простор и социально ориентированную на широкие массовые слои народа динамику научно-технической революции. А в реальности советская экономика была маловосприимчива к развёртывающейся научно-технической революции; мифы о преимуществах социализма распадались (хотя потенциально преимущества были; их признавали и на Западе многие социологи и экономисты, в частности Дж. Гелбрейт, П. Сорокин). Между прочим, к началу 80-х годов СССР был на 3-м месте по количеству выпускаемых станков с числовым программным управлением; их закупали у нас и США (они были на 4-м месте по их производству). Теперь такие станки (ЧПУ) мы закупаем в Китае, Таиланде, Японии. Между прочим, воронежские социологи к исходу 70-х годов фиксировали появление на воронежских металлообрабатывающих заводах новый тип рабочих, связанных с наладкой и ремонтом станков ЧПУ, но их было не более 0,5 %.

Невосприимчивость к потребностям, необходимости и возможностям перехода к новому, постиндустриальному технологическому укладу сохранилась у нас и до сих пор, т. е. до второго десятилетия XXI века, несмотря на все призывы и даже программы перехода к инновационному типу развития, к «экономике знания». Но реальные сдвиги малозаметны. Призывов много; дела нет.

Что-то я увлёкся научной публицистикой (она – результат некоторых моих исследований 80–90-х годов). Надо возвращаться к воспоминаниям о своих восприятиях реалий 70–80-х годов. Повторяю, эти десятилетия отличаются друг от друга в моих тогдашних и нынешних восприятиях. 70-е годы воспринимались и сегодня почти так же воспринимаются, как самоуверенные годы. И в общественном сознании, и в моём личном была уверенность в императивности, непреложности перемен к лучшему, в их реальности. Была уверенность и в преимуществах социализма, и в том, что в конечном итоге все тяготы и несовершенства будут преодолены, уровень и качество жизни будут улучшаться. На это, казалось, нацелена политика КПСС, владеющей научной теорией, и государства. Любопытный эпизод в подтверждение этой уверенности, что всё идёт к лучшему. Идёт отчёт – перевыборная конференция Центрального райкома КПСС. По тогдашней традиции секретарь горкома или обкома КПСС выступали последними, как бы подводя окончательные итоги работы отчитывающемуся районному комитету и отвечая на выступления участников конференции. Выступает первый секретарь обкома КПСС: «Правильно тут говорят о недостатках в торговой сети. Иду на вашу конференцию пешком. Зашёл в три магазина и обнаружил в рыбных отделах только пять сортов красной рыбы. А рабочий, возвращаясь, наверное, с ночной смены, купил буханку хлеба. Её ему не завернули в пакет, он её сунул под рукав спецовки. И это – в центре города. Райком обязан улучшить торговлю, ассортимент товаров и культуру». Раздались аплодисменты. В них было не только одобрение, но и уверенность, что будет лучше и надо лучше. В сегодняшнем понимании этот эпизод воспринимается как образец демагогии. Лучше не стало.

В 80-х годах, даже в их первой половине, такой уверенности уже не было. И не только из-за нарастающих дефицитов красной рыбы. Нарастали сомнения не в каких-то диссидентских группах, а в общественном сознании, сомнения в политике государства и компартии, в преимуществах реального (а не теоретического, идеологического) социализма, т. е. того, который сложился в России, но ещё не самого социализма. Сомнения порождались не только углубляющимся разрывом между возрастающими потребностями в более высоком уровне и качестве жизни и реальными возможностями слабовосприимчивой к социальным запросам и тенденциям научно-технической революции экономики, но и интеллектуальной инертностью властвующей элиты (оговорюсь, что слово «элита» к властвующим группировкам тогда не относилось), т. е. так называемой номенклатуры.

Хотя с моей и тогдашней, и нынешней точек зрения, термин «застой» социологически некорректен применительно к советскому обществу 70-х годов в целом, застой всё же был в ведущем политическом звене – во властвующей номенклатуре. Номенклатурный застой, говоря социологическим языком, имел два взаимосвязанных измерения: кадровое и интеллектуальное. Кадровый проявлялся в практической неспособности сложившейся системы власти и управления к де-

мократическому обновлению персонального состава. Особенно в высших структурах политической власти. Нельзя сказать, что ничего не происходило и новые люди не вовлекались в правящие круги. Кто-то уходил по естественным причинам, кто-то – из-за личных конфликтов в соответствующих группировках. Но на их места подбирались работники по определённым образцам. Кадровый порок заключался не просто в геронтократии. Подбор и расстановка новых функционеров шли по геронтологическим стереотипам, привлекались кандидаты с тем же уровнем и типом социального мышления и идеологических установок. Инакомыслие или воспринималось настороженно, или отвергалось как ревизионизм или как нечто политически чуждое. Номенклатурный застой был главным тормозом социально-экономической динамики, потенциал которой был. Но идеологически инертная номенклатура изображала себя ведущим инициатором новых перемен. Кстати, это наблюдается и в 2000-х годах.

Второе измерение номенклатурного застоя проявлялось в неспособности осмыслить новые социальные, экономические, технико-технологические, социокультурные реалии и тенденции. Ещё с конца 60-х годов выявлялся и нарастал интеллектуальный кризис властвующей номенклатуры. Сложился когнитивный парадокс. Мощно развивались естественные и технические науки, повышались методологическая дееспособность и технико-технологическая оснащённость естественно-научного мышления. Наблюдалось определённое оживление в некоторых гуманитарных науках; в обществоведении возрождалась социология, и к ней возрастал публичный интерес. Но социальное мышление властвующих политических кругов и государственного управления не отличалось ни высокой методологической культурой, ни интеллектуальным динамизмом, несмотря на постоянное уверение в верности марксизму-ленинизму. Выдвинутая по случаю 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции концепция развитого социализма носила сугубо идеологизированный характер и не отвечала научным методологическим требованиям, а самое главное, была неадекватна реальному состоянию советского общества. Она была следствием, фактором и показателем интеллектуального застоя идеологических и политических верхов, а не развитием теории социализма.

Вокруг концепции развитого социалистического общества шумело суесловие, выдающее себя за творческое развитие теории общественного развития. Помню, весной 1968 года из Москвы приехала большая группа по тогдашним меркам видных обществоведов показать и доказать нам, провинциалам, творческий характер этой концепции. Один из докладчиков на воронежском городском семинаре обществоведов обратил наше провинциальное внимание на то, что в известных Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции внесено важное уточнение: если раньше писали, говорили «о полной и окончательной победе социализма» (Сталин разделял эти два понятия), то теперь в тезисах ЦК КПСС другая формулировка: «социализм победил в СССР полностью, окончатель-

но». Кто-то из зала спросил: «Какая разница?» Докладчик ответил: «Запятая заменила союз «и», так как социализм теперь победил не только полностью, но окончательно». Вот, оказывается, в чём творчество: в запятой. Практически, как показала история, не было ни полной, ни тем более окончательной победы социализма.

Дело прошлое, но концепция и понятие развитого социализма на кафедре научного коммунизма ВГУ не пользовались уважением. В лекциях по министерской программе приходилось их упоминать. Но в моих научных работах эти фразы не употреблялись. Однако не лишне заметить, что связанная с этой концепцией идея создания материально-технической базы будущего бесклассового общества сыграла некоторую позитивную роль в решении технико-экономических проблем. Но она слабо была связана с научно-технической революцией, с мировыми тенденциями технико-технологических и социально-экономических сдвигов.

Написанное выше не означает, что я был против социализма, отнюдь, я и ныне сторонник социализма, хотя его советская, российская модель претерпела кризис и оказалась несостоятельной из-за догматизма и интеллектуальной неспособности политических верхов познать реальности. Я был против идеологической фальсификации реальности, против эрзацтеорий. У К. Маркса более сложная концепция социализма, нежели та, которая в силу ряда объективных, но в большей мере субъективных обстоятельств сложилась и окостенела у нас. Во всяком случае, не такая ходульная, которую К. Марксу приписывают его критики и догматики.

Но надо возвращаться к воспоминаниям университетской жизни и жизни в университете. Написанное схематично о восприятии событий и идей 70–80-х годов имеет прямое отношение к воспоминаниям. Это – тоже воспоминания, а не академическая статья или публицистика.

В 70–80-х годах наблюдался подъём революционных движений разного типа: демократических в среднеразвитых странах, национально-освободительных, приведших к распаду колониальных систем. Усложнялись социально-стратификационные процессы и отношения в высокоразвитых странах. Это привлекало моё научное внимание. К тому же проблематика социальных изменений – в широком смысле этого понятия – становилась приоритетной в общественных науках, особенно социологии, на Западе и у нас, в самой социальной практике. В моих научных интересах всё более и более доминантными становились вопросы теории и практики социальных революций, их причин, оснований, процессов и факторов возникновения и развёртывания, типов, форм поведения массовых слоёв населения и элитарных групп.

С целью разобраться в этих вопросах я, естественно, засел за основательное изучение прежде всего работ К. Маркса, Ф. Энгельса, всего полного собрания сочинений В. И. Ленина (до сих пор сохранились десятки толстых тетрадей с моими конспектами, заметками и размышлениями), работы Г. В. Плеханова. Изучал и концепции неомарксистов (А. Грамши, Г. Лукача), отечественных историков, фи-

лософов, экономистов. Кое-что перепадало из зарубежной литературы (главным образом в переводах).

В ходе изучения классического теоретического наследия, исследований советских и зарубежных учёных, историй многоразличных социальных и политических революций выкристаллизовалась своя тема – социопсиходинамика социальных революций.

Ещё в середине 1970-х годов по инициативе проректора по научной работе Академии общественных наук при ЦК КПСС доктора философских наук, профессора Юрия Андреевича Красина сформировался научный совет «Теория и практика революционного процесса». Совет объединял не только учёных АОН, но и нескольких институтов АН СССР, а также университетов, работающих по теории и практике социальных и политических революций, из Ленинграда (Санкт-Петербурга), Казани, Минска, Киева, Волгограда, Даугавпилса, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Ульяновска, Тарту, Новосибирска, Кемерово и др. В состав исследовательской группы был включён и я из Воронежа.

Научный совет ежегодно проводил симпозиумы в разных городах по заранее обговорённой тематике. На каждый симпозиум собиралось человек 35–45 представителей разных наук: историков, философов, экономистов, международников. Из них 12–15 были постоянными участниками (я был на всех симпозиумах); остальные менялись в зависимости от ранее заявленной тематики. Каждый симпозиум проходил в течение 2 дней плотной работы. Замысел инициатора и руководителя симпозиума профессора Юрия Андреевича Красина заключался в организации дискуссий, свободного обмена суждениями, идеями, результатами исследований. Никаких головных, основных докладов не было. И вообще докладов в официально-ритуальном смысле этого слова, со стоящим за кафедрой автором не было. В программе каждого симпозиума указывалась конкретная тема, по которой участник намерен вступить в диалог и высказать свою точку зрения. На выступление давалось не более 7 минут. Это приучало к чёткости формулировок, к точности понятий, отсекало банальности и вместе с тем заостряло внимание других участников на том, что автор считает важным в обсуждении общей темы данного симпозиума. После выступления можно было задать не более трёх чётко сформулированных вопросов. На реплику по сообщению давалось не более 3 минут каждому желающему. Симпозиум развёртывался в диалоговой форме, как дискурс поставленной проблемы.

Единого руководителя обсуждений не было. Каждое заседание вёл кто-либо из участников; через полтора часа делался небольшой перерыв, и новое заседание начинал кто-то другой. В конце второго дня Юрий Андреевич Красин подводил некоторые итоги, намечалась проблематика следующего симпозиума, обговаривались сроки предоставления текстов прошедшего обсуждения. В завершение был небольшой товарищеский банкет-симпозиум («в складчину»), на котором каждый

мог сказать по поводу обсуждаемых проблем и высказанных идей. Игорь Моисеевич Клямкин остроумно пародировал наиболее лихие фразы из выступлений симпозиантов. Я обычно зачитывал краткую стенограмму дискуссий в стихах. Увы! К сожалению, ни одна из них не сохранилась в моём архиве, в отличие от изданных научных текстов всех симпозиумов.

За долгие годы университетской жизни мне доводилось участвовать во многих конференциях, сидеть за разными круглыми столами, обмениваться мнениями на проблемных семинарах – они имели большое значение. Без такого научного общения учёный не может существовать. Но красинские симпозиумы по теории и практике социальных революций сыграли особую роль не только в углублении познания тех сложных проблем, которые были предметом моих научных интересов и исследований. Пожалуй, главное – симпозиумы были плодотворным способом доверительного коллективного размышления над такими противоречивыми, драматическими и часто трагическими процессами, какими являются социальные и политические революции и которые были исключительно интенсивными в XX веке. С ощущениями и ожиданиями свободного творческого коллективного соразмышления участники симпозиума ежегодно съезжались, встречались, дискутировали, взаимно обогащали друг друга и разъезжались, расставались с надеждой на плодотворный дискурс через год. Подводя итоги 9-го симпозиума, руководитель научного совета по теории и практике революционного процесса профессор Ю. А. Красин выразил общее мнение: «Главное наше завоевание – это атмосфера, которая располагает к свободному обмену мнениями. Наши симпозиумы – это хороший стимулятор для размышлений, которые потом находят отражение в статьях и книгах участников симпозиума»[1].

Красинские симпозиумы значительно расширили моё научное общение с представителями различных исследовательских центров и групп, разных направлений в изучении исторических процессов и современности. Многомерная эрудиция и культура методологического мышления Ю. А. Красина, А. А. Галкина, Г. Г. Дилигенского, Б. М. Лейбзона, И. К. Пантина, М. И. Басманова, В. Ф. Ли, С. С. Салычева, полемическая энергия и остроумие Г. Г. Водолазова, И. М. Клямкина, Р. Н. Блюма и других не только впечатляли, но были ценны для развития научного мышления, исследовательских ориентаций, умения не только аргументировать свои суждения, но привлечь к ним внимание коллег. Складывались и товарищеские, дружеские отношения. Мне особенно были близки профессор С. Э. Крапивенский (философ и социолог Волгоградского университета), профессор Р. Н. Блюм (философ из Тартуского университета, обнаруживший расхождения в текстах газетного отчёта речи В. И. Ленина 6 ноября 1918 года, опубликованных в 4-м издании сочинений Ленина и в Полном собрании сочинений; речь шла

[1] Теория и практика революционного процесса. Вып. 9 / отв. ред. Ю. А. Красин. М. : АОН, 1984. С. 282.

Школа молодых учёных. 1980 год. Сидят слева направо профессор С. Э. Крапивенский (Волгоград), профессор З. С. Саралиева (Нижний Новгород), доцент В. С. Рахманин

об условиях и возможностях победы социализма в России), доцент Н. Г. Левинтов (историк из Ульяновского университета, фронтовик, один из 5–6 человек, выживших при обороне легендарного Невского пятачка во время гитлеровской блокады Ленинграда), доцент, потом профессор И. М. Клямкин, ставший через несколько лет одним из оппонентов моей докторской диссертации, профессор И. К. Пантин (тогда редактор журнала «Рабочий класс и современный мир», на базе которого впоследствии возник один из лучших научных журналов «Политические исследования»), доцент Вальтраут Фрицевна Шелике. О ней – особо несколько строк. Вальтраут Фрицевна – из детей немецких коммунистов, эмигрировавших из гитлеровской Германии ещё до войны. Училась в московской школе. Получила высшее образование, защитила кандидатскую диссертацию, долго работала в Киргизском университете на кафедре всеобщей истории. Отличалась философским анализом исторических процессов и тех стереотипных понятий, которые были распространены в историографии. Обладая широкой эрудицией и ищущим интеллектом, несколько томилась, по её словам, в столичном университете Киргизии среди историков. Была она одинока. В 80-х годах перебралась в Москву. Потом рискнула уехать на первородину в Германию (ей было психологически трудно, ибо из Германии её ещё ребенком вывезли родители, спасаясь от фашизма). А там, в Германии, тосковала о России. В начале 2000-х годов на кафедру зашла студентка-стажёрка из Германии. И передала от Вальтраут Фрицевны небольшое письмо и книгу (более 200 страниц) о любви. Я удивился. Вальтраут Фрицевне в то время, наверное, было уже давно за 70. Я никогда за время симпозианских встреч от неё, кроме разговоров о научных проблемах и жизни в Киргизии, ничего не слышал;

считал её сухим, рационалистическим человеком. И вдруг… её размышления… о любви. Книга написана молодо, энергично, с опорой на поэзию, художественную литературу. Такой книги у нас нет (когда-то, кажется, в 60-х, выходила книга Рюрикова, а потом в 80-х – статьи И. С. Кона с упором на сексологию). Я был намерен написать рецензию, но, к моему до сих пор горящему стыду, так и не написал. А Вальтраут Фрицевна, наверное, ждала.

С Соломоном Элиазаровичем Крапивенским (Волгоград) у нас было тесное научное сотрудничество. Как-то я предложил ему совместно в форме диалога написать книгу «Парадоксы социальных революций». Две лекции на эту тему я прочитал для слушателей Института повышения квалификации при МГУ. Соломону Элиазаровичу тема понравилась. Он быстро сделал свой раздел (обладал интенсивной работоспособностью). А я не смог, увлёкся другим, да надо было ускоряться с докторской диссертацией. Книга С. Э. Крапивенского «Парадоксы социальных революций» вышла в издательстве Воронежского университета.

Постановка вопроса о парадоксах социальных революций не случайна. Они, действительно, парадоксальны. Парадоксальны и оценки их. Для одних социальные революции – праздник угнетённых. Для других – трагедия в жизни народа. Для одних революция – деблокирующий фактор, локомотивы исторического прогресса. Для других – блокатор социального прогресса, разрушительный фактор. Одни видят в них пробуждение разума и гражданского самосознания народа; другие – безумие масс. Не буду вдаваться в перечисление парадоксов; это – не задача воспоминаний. Есть общие парадоксы, как их, философски говоря, онотологические свойства. Есть парадоксы каждой конкретной революции.

Участники красинских симпозиумов исходили из того, что социальные революции исторически закономерны. Они возникают тогда, когда в обществе определённые социальные силы блокируют потребности и возможности социального прогресса и препятствуют, сопротивляются регулированию и снятию назревших глубинных противоречий. Вместе с тем социальные революции противоречивы и конфликтогенны. На симпозиумах, даже характеризуя их как исторические закономерности, не идеализировали, вскрывая причины, процессы и факторы развёртывания, ситуативные и отдалённые последствия. Любая социальная революция – это предельно конфликтогенный ход истории и тяжкое испытание и для массовых слоёв населения, и для так называемых элитарных.

Я пишу об этом в своих воспоминаниях только потому, что с 90-х годов отечественные псевдолибералы, неспособные осуществить плодотворные реформы, занялись демонтажем научного понятия социальных революций и стремятся вытеснить его из обществознания, а тех, кто отстаивает его научный смысл, дискредитируют как догматиков.

Теории социальной революции – не умозрительные конструкции. Они отражают реальные исторические процессы. Марксистско-ленинская – одна из них,

наиболее обстоятельная, но однако не исчерпывающая. На Западе давно сложилась социология революций; пристальное внимание этому чрезвычайно сложному феномену уделяют социал-психологи, не говоря уж об исторической науке. В США в последней четверти минувшего века на базе социологии, психологии сформировалась и практически используется технология революций. Она и применяется для организации так называемых «цветных революций». Явление и бурное развёртывание этих последних ничего общего с действительными социальными революциями не имеет. Они представляют собой совокупность методов дестабилизации государственности и создания в интересах США управляемого хаоса. Как показывает историческая практика последних десятилетий, «технологии революций» обладают большой разрушительной эффективностью. Российские неолибералы критикуют не авантюрных и антидемократических алхимиков революции (их они рекламируют), а научные теории. Технологии «цветных революций» – интенсивный способ корыстно целенаправленной манипуляции массовым сознанием и поведением. К. Маркс в своё время любителей поиграть в революцию называл «алхимиками революций». Против революционных авантюр решительно выступал В. И. Ленин. Нынешние технологии революций – это не авантюрные игры романтиков от революции, а крайне опасные методы спекуляций на реальных потребностях исторического процесса, создания социального хаоса и увода масс, демократической общественности от необходимых и плодотворных реформ и социальных революций.

Так или иначе на основе информационно-коммуникативной революции все страны на рубеже XX–XXI веков или вступили в конфликтогенный процесс смены технологического уклада, или стоят перед его многомерными проблемами и возрастающей неопределённостью экзистенциальных рисков. Неизвестно, какие социальные революции вызовет, генерирует и развернёт этот процесс. Преждевременно вычёркивать социальные революции из вековой повестки дня. Когда восклицают: «План по революциям выполнен!», мне хочется спросить: «Перед вами Бог об этом отчитывался? И как проверить достоверность сообщения?»

Ну вот, я опять увлёкся размышлениями. От них не уйти, вспоминая прошлое и вглядываясь в происходящее. Более того, уходить – опустошать себя и то, что переживалось и переживается. А ведь есть ещё и завтрашний день…

Возвращаясь с очередного красинского симпозиума, я всегда докладывал о его проблематике, новых идеях, о тех вопросах, по которым разворачивались острые дискуссии; анализировал и способы аргументации, которые были характерны для тех или иных выступавших, стили презентаций своих суждений, приёмы спора, реакции на критические замечания или на высказывания иной точки зрения. Коллеги по кафедре ежегодно участвовали во многих конференциях разного ранга. Из них 5–6 довольно серьёзных или по рангу, или по проблематике, или по составу участников. Поэтому обстоятельный доклад о том, что и как обсуждалось на той или иной

научной конференции, – добрая традиция кафедры. Такие доклады – часть научной жизни кафедрального коллектива. Они дают возможность, наряду с постоянным знакомством с научной периодикой, чувствовать живой пульс научного сообщества, знать, что происходит в более широком научном пространстве, чем то поле, которое обрабатывает или в котором занят конкретный сотрудник кафедры. Такие доклады имеют повышенную ценность для молодых коллег, ассистентов, аспирантов, которым реже, чем старшему поколению, удаётся бывать на конференциях.

В середине 80-х годов стали выявляться кризисные явления в преподавании курса научного коммунизма в вузах. Они были обусловлены прежде всего растущим несовпадением манифестируемой концепции развитого социалистического общества и социальной реальностью советского общества. Вместе с тем набирала новую силу холодная война, несколько приутихшая в годы так называемой международной разрядки (1970-е). «Сверху» от вузовских кафедр всё более и более настойчиво требовали усилить противоборство с буржуазной идеологией. Иногда из управления преподавания общественных наук Министерства высшего образования запрашивали срочно представить справку по контрпропаганде, по критике западных концепций в преподавании обществоведческих курсов. Критиковать, т. е. анализировать несостоятельность модных на Западе концепций, было за что. Но к этому нельзя сводить преподавание научного курса. К тому же было что критиковать с научных позиций и в советской идеологии, в политических доктринах руководства КПСС.

Кризис преподавания общественных наук проявлялся прежде всего в усложнении восприятия студентами экономических, философских, социальных теорий, предусмотренных учебными программами, представленных в учебниках, учебных пособиях и лекционных курсах. Студенты, наблюдая социальную реальность советского общества, знакомясь так или иначе с фрагментами зарубежных концепций, часто не находили ответы в тех обществоведческих понятиях, идеях, теориях, которые им преподносились по образовательным программам. Интерес к последним падал. Усиливалось скептическое отношение к общественным наукам среди некоторой части технического и естественно-научного вузовского научно-педагогического персонала.

Под влиянием этих настроений возникла концепция проблемного преподавания. На первый взгляд, в ней как будто ничего нового не было. Преподавание всегда проблемно. В обыденном смысле каждый вузовский педагог (и не только вузовский) постоянно задумывается перед проблемой: что и как представить своим студентам в данном виде занятий (на лекции, семинарском или лабораторном занятиях), как обеспечить наиболее эффективное усвоение студентами академического курса. Эти проблемы постоянно обсуждаются на любой кафедре. Помнится, в середине 80-х годов в Институте переподготовки и повышения квалификации при МГУ читался курс лекций «Теория и методика проблемного преподавания». Суть концепции, которую излагал и доказывал лектор, заключалась в том, что проб-

лемное преподавание есть процесс перевода студента от незнания к знанию. Но эта задача и решается на основе педагогики высшей школы и методикой, которой надо владеть, и талантом преподавателя. Это важно в преподавании любой науки. Но в общественных науках есть и особая проблема проблемного преподавания, от которой иногда уходят, уклоняются, и, как следствие, студент теряет интерес к преподаваемому курсу или воспринимает его формально («лишь бы экзамены сдать», не помышляя о большем). Научная глубинная задача проблемного преподавания любого обществоведческого курса заключается в постановке и раскрытии (в той или иной парадигме, позиции) проблем бытия человека (в различных аспектах: историческом, экономическом, социальном, этическом, философском). В том курсе, который был введён с 1964 года и назывался «Научный коммунизм», проблемность преподавания состояла в необходимости анализа социально-политических проблем реальной жизни. Это было сложно, ибо скрещивались, сталкивались два подхода: собственно научный и идеологический, точнее, аксиологический, т. е. анализ значимости той или иной социальной проблемы в структуре жизненных ценностей, бытующей или желаемой для человеческих сообществ.

Кафедра, которой мне было доверено заведовать с самого начала её основания и в ходе преобразования, тяготела к социологическим парадигмам. Это и позволяло ставить (иногда остро критически) и анализировать реальные социальные проблемы, стремясь увлечь студентов в научное познание социальных проблем и процессов. Но трудностей было немало и педагогических, и этических. Их надо было учитывать и, возбуждая интерес к научному анализу исторических и актуальных социально-гуманитарных проблем, предостеречь студентов от праздного и деструктивного критиканства, ориентируя на реализм и активную жизненную позицию. Такой подход к проблемному преподаванию обществоведческих наук, в том числе и такого одиозного, по-нынешнему определённо, курса, как научный коммунизм, имел принципиальное значение в условиях манифестируемой в середине 1980-х годов так называемой перестройки.

Обычно летом, в июле или августе, мы с Галей отдыхали на университетской спортивно-оздоровительной базе «Веневитиново». С нами часто был внук Саша (в молодости в 60-х годах сын Олег). Мы любили это когда-то прекрасное место. Могучий Усманский бор, из которого ещё при Петре I брали крепкие сосны и дубы для корабельных мачт. Чистейшая вода в реке Усманке, заросшей кувшинками и лилиями. Финская легендарная баня на обрывистом берегу. Могучая, раскидистая сосна в центре усадьбы, несколько раз за свою столетнюю жизнь битая молниями. Каждое утро я делал пробежку по лесу по 8–10 километров, в воскресенье – до 20. Игры в волейбол, футбол (реже), в бадминтон, шахматы, потешные «морские бои»; ягоды, грибы, целебные травы, беседы вечером у костерка, изредка кино на вольном воздухе. Непосредственное, неформальное общение с сотрудниками разных факультетов, со студентами. Изредка – шашлыки у речки. Однажды в су-

мерках из леса вышли две группы старшеклассников, человек 30. Они несколько заплутали. Но у них было два ведра кем-то хорошо подготовленного шашлыка. Попросили мангал у начальника базы Александра Филимонова (участник событий в Венгрии в 1986 году, танкист, потерял обе руки). Он дал. Но жарить из них никто по-настоящему не умел. Пришлось мне. Изжарил более 150 шашлыков. Сидели, ели, пели под гитару до рассвета.

В конце 70-х – начале 80-х годов берега Усманки основательно и бетонно освоили несколько заводов и коммерческих организаций вплоть до впадения Усманки в реку Воронеж. Прекрасное место потеряло свою естественность.

В середине июля 1986 года, лёжа под кустом на берегу реки (день был очень жарким), услышал: Рахманин Валентин Сидорович! Вас срочно вызывают в штаб (финский дом на взгорке при въезде-выезде). У штаба – чёрная «Волга» с номерами обкома КПСС. Значит – вызывают за чем-то в Обком. В штабе – заведующий отделом образования и науки Елена Никитична Крупко:

– Пошто Вы по мою душу, Елена Никитична?

– Срочно, в обком!

– Что случилось?

– В машине расскажу. Вадим Николаевич просит (В. Н. Игнатов – первый секретарь Воронежского обкома КПСС в то время).

– Дайте хотя бы с женой проститься – она так и осталась под кустом на берегу, – пошутил я.

– Она уже идёт сюда.

Галя забеспокоилась. Елена Никитична успокоила: «Послезавтра доставлю Вам Валентина Сидоровича в целости и сохранности». Посмеялись. Забежал в свою комнату, захватил ключи от квартиры и рюкзак, чтобы при возвращении что-нибудь привезти из овощей и фруктов с базара.

В машине Елена Никитична рассказала. В область приехал член Политбюро ЦК КПСС Егор Кузьмич Лигачёв и попросил завтра в 12:00 устроить ему беседу с заведующими кафедрами общественных наук. Но время отпускное, никого нет, разъехались; идут поиски.

– О чём встреча и беседа? – спросил я. – Какие вопросы интересуют Лигачёва?

– Не знаю. Он никаких вопросов не обозначил. Вадим Николаевич тоже ничего не сказал. Да ему и не до Вас. Он ездит с Лигачёвым по области.

Договорились: завтра в половине 12-го быть в обкоме. На следующий день утром, сбегав в магазин и купив бутылку кефира, позавтракал. Выгладил летнюю белую рубашку. Летний костюм оказался не в лучшем состоянии. Пришлось надевать тёмно-синий, хотя день поднимался жаркий. Зашёл в главный корпус ВГУ (живу рядом на Плехановской) в партком за своим партбилетом, сданным на хранение во время отпуска.

В обкоме в небольшом зале довольно дружно собрались те, кого смогли найти обкомовские инструкторы: А. А. Глухов (строительный институт, экономист),

В. И. Логунов (сельскохозяйственный институт, историк), А. С. Паневин (технологический институт, кафедра философии и научного коммунизма), Ю. Н. Струков (лесотехнический институт, историк), М. Е. Бураков (ВГУ, кафедра истории КПСС), В. С. Рахманин (ВГУ, кафедра научного коммунизма). Мы долго ждали. Е. К. Лигачёв задерживался, вернее, его задержали рабочие авиационного завода, выражая своё недовольство нарастающим дефицитом товаров первой необходимости, негативными тенденциями в экономике, в том числе и в самолётостроении. Е. К. Лигачёв и В. Н. Игнатов приехали около 13:00.

Беседу начал Е. К. Лигачёв и вёл её спокойно, вслушиваясь в наши выступления и делая пометки в небольшом карманном блокнотике. Во вступительном слове подчеркнул настоятельную необходимость и неизбежность перестройки, её сложности, опасное снижение показателей экономики, темпов роста производства. «Стыдно, – сказал он, – но наибольший доход во внешней торговле мы получаем за счёт продажи оружия, и это противоречит мирной политике нашего государства и партии». Сказал о тяжёлых и во многом ещё непредсказуемых последствиях Чернобыльской катастрофы. Отметил исключительную роль высшего образования, науки, в том числе и общественных, в достижении целей перестройки советского общества и государства. Предложил нам высказаться свободно о состоянии преподавания общественных наук и по проблемам перестройки.

Мы, т. е. вузовские заведующие кафедрами общественных наук, сидели на противоположной стороне длинного стола, за которым расположились Е. К. Лигачёв и молчавший секретарь обкома партии В. Н. Игнатов. Я был в середине сидящих, прямо напротив члена Политбюро ЦК КПСС. Не помню, кто начал с края стола. Но чувствовалась некоторая неподготовленность к открытому разговору со столь высоким ответственным политическим деятелем, по сути дела, второй руководящей фигурой в партии после генсека М. С. Горбачёва. Профессор Митрофан Егорович Бураков поделился опытом применения кино в преподавании истории КПСС (это была в то время излюбленная тема его и заведующего кафедрой истории КПСС ВГУ профессора А. В. Лосева, отсутствующего на беседе); но, сказал он, не хватает техники, специализированных аудиторий, да к тому же много сложностей с системой кинопроката. Кто-то сказал, что не хватает учебных пособий, наглядной агитации. А. А. Глухов, увлекательно ведущий курс «Политическая экономия», обратил внимание на трудности информационного обеспечения преподавания «Политической экономии социализма» (не хватает статистических обзоров типа «Народное хозяйство СССР», их неполнота); вместе с тем, по его мнению, необходимо в профильных вузах вводить курсы по отраслевым экономикам. Очередь дошла до меня. Слушая своих коллег, решил высказаться несколько иначе, выйдя за пределы важных, но всё же вузовских, преподавательских проблем. В ходе начавшейся беседы нас никто Е. К. Лигачёву не представлял. По статусу это мог делать первый секретарь обкома КПСС В. Н. Игнатов, но вряд ли он всех сидящих за столом знал. Поэтому мы представлялись сами в порядке рассадки за столом.

Представился: Рахманин Валентин Сидорович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой научного коммунизма Воронежского государственного университета; веду курс «Научный коммунизм» с 1964 года, ранее преподавал философию, историю философии, факультативно по просьбе студентов читаю лекции по социологии. По моему мнению, главная проблема и нарастающая трудность преподавания научного коммунизма заключается в разрыве между идеалами, принципами социализма, сформулированными и обоснованными К. Марксом и В. И. Лениным, и социальной реальностью нашего общества. Научный анализ состояния нашего общества не отвечает пропагандируемому понятию и ценностям развитого социализма. В. И. Ленин утверждал, что мы победим капитализм тогда, когда превзойдём его по производительности труда. Мы не достигли этого. При всех классовых антагонизмах в западноевропейских странах и США уровень жизни значительной части населения выше, чем у нас. Наша идеология, вернее, пропаганда то ли слишком забежала вперёд, то ли оторвалась от реальной жизни и впала в самоиллюзию. Идеализируя состояние своего общества, мы идеализируем и международное коммунистическое движение, описывая его как первомайскую демонстрацию на широком проспекте Революции, а в нём много противоречий. Мы забыли завет В. И. Ленина брать жизнь во всех её противоречиях. Нам необходим трезвый, научный анализ социальной реальности и фактических тенденций. Нам не хватает ленинской правды в политике и, естественно, в преподавании. Надо возвращаться к ленинской правде. Успех перестройки не возможен без неё. Но правда должна основываться на научном объективном анализе действительности, а не на оторвавшейся от жизни догматизированной идеологии.

Поддерживая своих коллег, я говорил ещё о недостаточной материально-технической и научно-лабораторной базе вузов, кафедр общественных наук, о том, что в провинциальных вузах практически нет возможности знакомства с достижениями западных учёных. Особое бедствие – нарастающий бюрократизм в работе Министерства высшего образования. Практически каждый месяц приходится писать по 2–3 справки по неотложному запросу. В прошлом учебном году я, как заведующий кафедрой, написал справок общим объёмом 11,5 печатных листа. А мог бы написать монографию. Никаких «ответов и приветов» за отправленные справки кафедра не получила.

Говоря так, я изредка взглядывал на В. Н. Игнатова. Лицо его было непроницаемым. Е. К. Лигачёв делал пометки и что-то писал в блокноте. Закончив, я поблагодарил за возможность высказаться откровенно. Е. К. Лигачёв бросил реплику: «Я и просил высказать то, что и как вы думаете. Откровенно».

В конце беседы после всех выступивших Е. К. Лигачёв поблагодарил нас. Сказал, что в конце сентября 1986 года в Кремле будет совещание всех заведующих кафедрами общественных наук; ведётся интенсивная подготовка к нему. Вновь обратил внимание на необходимость перестройки общества и государства,

подчеркнув исключительную роль науки в анализе современных проблем и тенденций общественного развития. Указав вместе с тем необходимость плодотворного развития общественных наук и творческой перестройки их преподавания. В. Н. Игнатов тоже нас поблагодарил, отметив, что областной комитет КПСС высоко ценит деятельность кафедр общественных наук и надеется на дальнейшее повышение их роли.

Выйдя из здания обкома КПСС, мы поговорили между собой о прошедшей беседе с членом Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачёвым, пожелали друг другу хорошо отдохнуть в отпускное время и разошлись по домам.

Пришёл я в пустую квартиру (жена осталась на базе «Веневитиново»; сын Олег на базе института связи «Спутник») в рассуждении, хорошо бы пообедать и заодно поужинать, а завтра двинуться в «Веневитиново» (я любил тогда ходить пешком с железнодорожной станции Дубовка, 8 км по прекрасному лесу). Холодильник был пуст и даже обесточен. Около восьми вечера позвонила Елена Никитична Крупко: «Я сейчас к вам приду». Минут через двадцать пришла. «Я знаю, что ваш холодильник пуст. Вот вам котлеты и хлеб, а чай у вас всегда хороший. Но главное не это. Вадим Николаевич просил передать Вам благодарность за Ваше откровение в беседе с Е. К. Лигачёвым. По его словам, Е. К. Лигачёв очень доволен состоявшейся беседой и отметил Ваши суждения о необходимости возвращаться к ленинской правде».

Попили с Еленой Никитичной чайку. Я хорошо поужинал-пообедал вкуснейшими котлетами. Поговорили о семейных делах. Елена Никитична сказала, что завтра меня отвезут на обкомовской «Волге» в любимое «Веневитиново». Я отказался, сказав, что люблю ходить пешком, к тому же надо пережить-обдумать состоявшуюся беседу. «Во время беседы я говорил экспромтом. Но то, что давно обдумано. Экспромт из-за его эмоциональности не дал мне возможности найти более точные слова и убедительные аргументы. Прогулка рано утром по лесу даст мне возможность лучше сформулировать мои наболевшие мысли».

На следующий день часов в 7 утра отправился на базар за овощами и фруктами, которых не хватало в «Веневитиново». Через час вернулся домой, сложил всё купленное в рюкзак. И только стал выходить, Елена Никитична на машине подъехала к подъезду. «Елена Никитична! Зачем же? Я хочу пешком. И неудобно мне появляться среди университетских коллег в обкомовской чёрной «Волге». В ответ: «Я обещала Галине Никитичне доставить Вас в целости и сохранности. Обещание надо выполнять. Да и Игнатов приказал». Поехали. Через 30–35 минут были на месте. Предложил Елене Никитичне отдохнуть часа 2–3. «Нет! Надо на работу». С тем и распрощались.

Вечером под знаменитой раскидистой веневитиновской сосной собрались коллеги (профессора, доценты, ассистенты, лаборанты, сотрудники ВГУ – человек 25), попросили рассказать, о чём был и как прошёл разговор с одним из ведущих

членов Политбюро. Рассказал главным образом то, о чём говорил Е. К. Лигачёв: о сложностях в экономике, о навязанной новой гонке вооружения, о конфликте с Китаем, о необходимости и сущности перестройки, о намеченном на сентябрь Кремлёвском совещании заведующих кафедрами общественных наук.

Лето 1986 года прошло спокойно, хотя тревожили возможные последствия Чернобыльской катастрофы. О ней многое умалчивали. Но в народе, прежде всего среди интеллигенции, жило беспокойство. Но большее беспокойство вызывал растущий дефицит промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции.

Во второй половине августа из Министерства через ректора ВГУ А. М. Беликова пришло сообщение, что моя фамилия включена в список выступающих на предстоящем Всесоюзном совещании обществоведов в Кремле. Нужно готовиться. Через некоторое время это подтвердили в обкоме КПСС, сообщив, что таково пожелание Е. К. Лигачёва. Стало быть, надо готовиться. Экспромт хорош в беседе. Но к совещанию нужно подготовить более обдуманное выступление.

Прежде всего попытался академически упорядочить свой экспромт в беседе с Е. К. Лигачёвым. Записей у меня никаких не было. Кое-как «набросал» схему возможного выступления. Решил поговорить, проконсультироваться с коллегами-обществоведами. Ценные рекомендации высказал профессор Валентин Иванович Логунов (заведующий кафедрой истории КПСС сельскохозяйственного университета) о «тёмных» и «белых» пятнах истории КПСС, истории аграрной политики. Профессор Анатолий Александрович Глухов (заведующий кафедрой политической экономии инженерно-строительного института) посоветовал усилить суждения о разрыве трактовки объективных экономических законов, особенно основного закона социализма и экономической реальности, социально-экономической политикой государства. На родственной мне кафедре философии ВГУ подчеркнули необходимость поворота преподавания к проблемам человека, его социального бытия, смысла жизни. Заведующий кафедрой истории КПСС Александр Виссарионович Лосев на беседе с Е. К. Лигачёвым не был (его не было в то время в городе) и практически ничего не посоветовал, сказав, что многое и разное наслышан о моём выступлении.

В начале сентября Министерство уточнило, что Кремлёвское совещание состоится 1–3 октября. Подтвердили, что я – в списке выступающих.

Не люблю и даже не умею выступать с каким-либо докладом, читать лекции студентам по тексту. Даже при ответственном научном докладе – передо мной 2–3 листка (в половину А4), на которых краткий план, нужные статистические данные, 2–3 кратких цитаты, иногда – какая-либо выразительная фраза, точная дефиниция. Поэтому развёрнутых текстов лекций у меня нет. Ленив их писать, в отличие от статей. Между прочим, это не очень хорошо. Тексты не накапливаются, не фиксируемые письменно мысли часто пропадают. На этот раз, готовясь к вероятному выступлению на Кремлёвском совещании заведующих вузовскими

кафедрами общественных наук, я усердно работал над текстом, писал и переписывал. За основу взял свой экспромт в беседе с Е. К. Лигачёвым, решив добавить кое-что по проблемам высшей школы, в частности о необходимости её демократизации. Примерно к 20 сентября текст, как мне показалось, сложился.

Как-то в коридоре главного корпуса встретил доцента-экономиста Владимира Наумовича Эйтингона, человека мудрого, инициативного, о чём я уже писал во второй главе. Решил на нём проверить свой текст. Он прочитал и изрёк: «Смело, толково, но очень рискованно». Я спросил: «Что переделать?» – «Ничего, – ответил он. – Испортишь. Всё написанное верно; об этом все между собой говорят, но не публично». Его слова окончательно примирили меня с моим текстом. Не стал больше его переписывать, переделывать.

30 сентября воронежские обществоведы и с ними заведующий отделом образования и науки обкома КПСС Елена Никитична Крупко отправились на Кремлёвское совещание. В Москве, на Павелецком вокзале, нас встретил заместитель министра высшего образования РСФСР Вячеслав Павлович Усачёв, работавший ранее секретарём воронежского обкома КПСС по идеологии. Поехали в Министерство высшего образования СССР. При регистрации меня враз как-то поставили в отдельный «статус». Пригласительный билет и пропуск были оформлены иначе. Мне указано место во втором ряду. Всех направляют в гостиницу «Россия» напротив Кремля по 2–3 человека в номер. Мне – отдельный номер. Я сказал, что предпочитаю поселиться со своим другом Брониславом Яковлевичем Табачниковым (зав. кафедрой общественных наук института культуры, ранее – доцент кафедры научного коммунизма ВГУ). Мне повторили: «Вам выделен отдельный номер». Я настоял на своём. Сообщили, что между 16 и 17 часами меня приглашают в сектор высшего образования ЦК КПСС к Белову Артуру Николаевичу, дали пропуск и номер телефона. Артур Николаевич был хорошо мне знаком со студенческих (50-е годы) лет историко-филологического факультета Воронежского университета; в середине 60-х работал в Минвузе РСФСР. Но прежде надо зайти к начальнику Главного управления преподавания общественных наук Минвуза СССР Г. Г. Квасову. Зашёл к нему, представился. Текст моей речи не стал читать: «Говорите, что считаете важным». Минут 20 говорили о кафедральной работе.

Обустроившись в гостинице вместе с Брониславом Яковлевичем Табачниковым, разузнав, где поселились воронежские коллеги, позвонил А. Н. Белову, договорились, что через полчаса буду у него. С собой захватил текст своего предполагаемого выступления. Пришёл, встретились с Артуром Николаевичем по-воронежски. У него в кабинете были двое работников аппарата ЦК КПСС. Вопросы о здоровье, самочувствии, настроении, конечно, о Воронеже, об университете. Подали чай с мелкими рассыпчатыми сушками. Артур Николаевич сказал, что Егор Кузьмич Лигачёв просил включить меня в список выступающих на пленарном заседании 1 октября («Он под большим впечатлением от беседы в Воронеже и

от ваших суждений»). Вступительную речь скажет М. С. Горбачёв, потом доклад Е. К. Лигачёва и доклад министра высшего образования СССР Г. А. Ягодина.

Я вынул текст своей речи, думая, что они хотят с ним ознакомиться. Все трое отодвинули мой текст, символизируя, что читать его не будут. Я удивился, надеялся, что они мне что-нибудь посоветуют. Много позже я понял, что их жест означал не доверие к моему возможному свободомыслию, а нечто другое. И начальник управления преподавания общественных наук Минвуза Г. Г. Квасов, и работники аппарата ЦК КПСС не хотели брать на себя ответственность в случае каких-либо осложнений.

В кабинете А. Н. Белова разговор пошёл о месте общественных наук в учебном процессе при подготовке специалистов разного профиля. Министерские программы устанавливают единую тематику и для будущего юриста, и для инженера, и для врача, и даже артиста. Сами кафедры и даже ректораты не имеют право что-либо изменить для учёта профиля подготовки специалиста. Я высказал предложение: 15–20 % времени, предусмотренного программой обществоведческого курса, надо отдавать на усмотрение кафедры с целью включения тем профильной ориентации или для учёта местных, региональных особенностей. Кто-то из собеседников сообщил, что готовится проект, предусматривающий включение в педнагрузку преподавателя времени, затраченного на методический контроль и организацию самостоятельной работы студентов. Предположительно: на каждую тему по одному часу на каждого студента. Моя реакция на такой проект была отрицательной. Прежде всего, это потребует такого увеличения количества преподавательских ставок, что не выдержит бюджет ни одного вуза. К тому же интенсивный всеохватывающий контроль не способствует развитию самостоятельности в познавательной деятельности молодого человека. Наоборот, может заглушить. Необходимо создавать условия и стимулы более эффективного взаимодействия студента с источниками знаний и методически обеспечить усвоение плодотворных способов познания. Опекунство – дело не хитрое, но не плодотворное. Оно хорошо выглядит в бюрократических отчётах, но оборачивается в конечном итоге потерями главного – формирования жизненно активной личности и профессиональной способности самостоятельно искать знания и формировать своё мышление.

Высказанные мысли были моей педагогической позицией и в то теперь уже далёкое время и остались до сих пор. Но как трудно иногда бывает пробудить в студенте потребность быть самостоятельным, помочь ему овладеть культурой к социально плодотворной самостоятельности… Трудно, но необходимо!

Артур Николаевич и его коллеги расспрашивали меня о Воронежском госуниверситете, о взаимоотношении с Министерствами высшего образования, союзным и республиканским. Пришлось сказать, что основная тенденция этих отношений – административное недоверие Министерств к вузам, не только к моему, и нарастающий бюрократизм. Мне как заведующему кафедрой ежегодно приходится писать до полсотни различных справок по различным запросам Ми-

нистерств. И не только по непосредственным вопросам преподавания. Высказал мысль о необходимости демократизации управления высшей школой и о внутриуниверситетской демократии, в том числе и о возможности выбора ректора вуза. Это вызвало особый интерес. Проговорили больше часа. Артур Николаевич и его коллеги пожелали мне удачи. И мы разошлись до завтрашней встречи в Кремле.

В гостинице меня ожидал Бронислав Яковлевич Табачников. Рассказал ему о беседе с работниками аппарата ЦК КПСС. Он удивился, что текст моего выступления не стали читать. Позвонил в Воронеж, домой. Галя была рада телефонному звонку. Сказал, что у меня всё нормально под защитой и опекой Бронислава Яковлевича, который заставляет меня «учить уроки» (Галя не знала, я ей не говорил, что меня запланировали выступить на Кремлёвском совещании).

На следующее утро (1 октября 1986 года), рано проснувшись и позавтракав, мы вышли из гостиницы. Большинство воронежской делегации были в сборе. В. П. Усачёв, ответственный от Министерства высшего образования РФ, сообщил, что через 5–6 минут подойдёт автобус. Кто-то предложил пройти пешком. Вход через Спасскую башню неподалёку, а утро хорошее, и время ещё есть. Пошли пешком.

При регистрации нам выдали небольшие портфелики с документами совещания и блокнотами для записи директивных и умных мыслей. Меня опять отделили и указали, куда идти, чтобы попасть в первые ряды партера (в моём билете был помечен второй ряд), потому что мне предстоит выступать, и надо будет, не теряя времени, подняться на трибуну. В той части коридора, по которому я проходил, людей было немного. Стояли и тихо разговаривали группами по 3–4 человека. У одного из входов в зал стояла такая же группа! Одна женщина и двое мужчин. Женщина показалась мне знакомой – социолог из Харьковского университета. Проходя мимо, улыбнулся ей и протянул руку. Поздоровались. Мужчины как-то странно взглянули на меня, но я и с ними поздоровался. Вошёл в зал заседаний Верховного совета СССР. Сел на своё место, рядом оказался заведующий кафедрой из Башкирского университета молодой профессор Ф. С. Файзуллин. Моё место было у прохода. Минут через 10 в том же втором ряду через проход оказалась знакомая «харьковчанка». Я приподнялся и хотел подойти к ней. Взглянул… Да ведь это… Раиса Максимовна Горбачёва… Но она, кажется, не заметила моего второго желания подойти и поговорить. Пришлось, привстав, сосредоточиться на оглядывании зала и балкона. Участников собралось, наверное, более полутора тысяч, а может быть, и две тысячи. В вузах СССР, по словам министра высшего образования Г. А. Ягодина, функционировало 3392 кафедры общественных наук. Не все их заведующие были приглашены, но в совещании приняли участие учёные из академических институтов, работники республиканских и областных комитетов КПСС, от ЦК КПСС А. А. Громыко, Е. К. Лигачёв, М. С. Соломенцев, Б. Н. Ельцин, М. В. Зимянин, В. А. Медведев, А. Н. Яковлев и другие, а также представители союзного и республиканского Министерств высшего образования.

Открыл пленарное заседание секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин и, поприветствовав участников, пожелав плодотворной работы, предоставил слово М. С. Горбачёву, встреченному по тогдашней традиции бурными аплодисментами стоя.

Речь Михаила Сергеевича Горбачёва была яркой. Что ни говори, но он был талантливым оратором. В своей краткой речи, обратив внимание на сложность тенденций в современном мире и необходимость перестройки, обновления общественного строя, он подчеркнул, что «сегодняшние процессы нельзя подгонять под старые формулы», необходимо смело и инициативно выдвигать новые идеи, преодолеть в обществоведении «создавшуюся отдалённость от запросов жизни». По мнению Генерального секретаря ЦК КПСС, «существующая пока постановка и формы, методы преподавания общественных наук в немалой степени способствуют тому, что мы называем догматизмом, схоластикой». Он призвал обществоведов «мыслить и работать по-новому, необходимо во многом и по-новому строить процесс образования и воспитания». Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений были довольно оперативно опубликованы[1].

Речь тогда очень популярного в стране и за рубежом Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва была выслушана с глубоким вниманием и одобрена бурными аплодисментами. Аплодировала и Раиса Максимовна, сидящая неподалёку от меня.

Большой и обстоятельный доклад сделал член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Егор Кузьмич Лигачёв. Когда сегодня, 30 лет спустя, читаешь его доклад, то, с одной стороны, вспоминаешь свои восприятия, реакции в то время, а с другой стороны, оцениваешь положения, идеи доклада, своё тогдашнее миронастроение, представление по современным меркам, по тому, как сегодня их осмысливаешь.

Естественно, что Е. К. Лигачёв прежде всего уверенно подчеркнул: «Незыблемой идейной основой происходящих в советском обществе перемен служит марксизм-ленинизм как единое революционное учение». Подчеркнул, что XXVII съезд развил учение о коммунистической формации. «Сделаны стратегического значения выводы о возрастании роли социальной сферы, о расширении демократии и о дальнейшей демократизации всех сфер жизни общества, о путях развития социалистического самоуправления народа, активизации политических и идеологических институтов». Вместе с тем докладчик указал: «Нашему совещанию следует с особой ответственностью подойти к сделанному в Политическом докладе ЦК выводу об известной отдалённости нашей философской, экономической, всей общественной науки от запросов жизни». Главная беда в том, эмоционально высказался член Политбюро ЦК КПСС, что в преподавании общественных наук не хватает ленинской правды. Есть, конечно, проблемы с программами,

[1] См.: XXVII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. М. : Политиздат, 1987. С. 6, ч. 2.

с учебниками, с методикой. Но суть всё же в дефиците полной правды. Слова члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС о дефиците правды вызвали аплодисменты собравшихся. Сделал традиционный вывод: общественные науки в большом долгу… Необходимо развернуть исследования актуальных проблем практики социалистического строительства, поднять роль общественных наук в формировании личности студентов, высокой политической и нравственной культуры питомцев высшей школы.

Доклад Е. К. Лигачёва, сделанный уверенно, был воспринят с большим удовлетворением, несмотря на критику в адрес кафедр общественных наук и обществоведения в целом. Он вызвал и как бы обосновал реальную надежду на преодоление догматизма и поворот к реальным процессам общественного развития, на движение от застывших идеологических стереотипов к правде жизни, к интеллектуальной и гражданской смелости в преподавании и в научных исследованиях.

Доклад министра высшего образования СССР Г. А. Ягодина был более конкретен. Министр выявлял не только неудовлетворительные явления в преподавании общественных наук, но и положительный опыт. Он выразительно подчеркнул, что сегодня остро необходим «крутой поворот к развитию самостоятельности студента, его творческих способностей, формирования у него ответственного отношения к избранной профессии, к своему становлению как гражданина социалистической Родины». Интенсивные методы обучения должны быть ориентированы (обратите внимание!) «на развитие критического, самостоятельного мышления студента, выработки прочных убеждений». Перед совещанием, сказал министр, стоит задача найти пути и методы обновления системы преподавания общественных наук и повышения эффективности научных исследований. Г. А. Ягодин критично, но без «разноса» проанализировал состав научно-педагогических кадров. Министр признался, что аплодировал Е. К. Лигачёву за резкую критику Минвуза СССР относительно бумажной карусели и бюрократической круговерти. Заведующие кафедрами непрерывно пишут отчёты, справки, планы «мероприятий», сведения, запросы. Образовалась привычка к бумажной деятельности, к бумаготворчеству. Некоторые министерские сотрудники «считают, что это и есть настоящая работа».

Это признание Г. А. Ягодина (одного из лучших, по моему мнению, министров высшего и среднего образования СССР) не было пустой декларацией. После Кремлёвского совещания бумагопотоки сверху резко сократились. Вздохнули не только заведующие кафедрами, но и деканаты, ректораты. Но бюрократизм живуч и горазд на пустопорожнюю псевдодеятельность. Министерство при Фурсенко и Ливанове резко интенсифицировали бумагопотоки, придав им какую-то убийственную иррациональность в периоды так называемого аудита. А управление высшей школой резко упало. Не случайно появилось много липовых вузов, не говоря уже о таких, в которых нет ни соответствующих научно-педагогических кадров, ни сколько-либо сносной материально-технической и научно-лаборатор-

ной базы. Коммерция есть, но нет подлинного высшего образования и научной работы. Лицензии на такие вузы выдавались Министерством.

После вступительного слова М. С. Горбачёва и двух основополагающих докладов (Е. К. Лигачёва и Г. А. Ягодина) начались прения. Я был на многих Кремлёвских совещаниях по проблемам высшего образования, преподавания общественных наук. Обычно непременно прения на пленарном заседании начинал кто-либо из известных, крупных, ведущих учёных, как правило, в звании действительного члена АН СССР. На этот раз председательствующий предоставил первое слово заведующему кафедрой научного коммунизма Воронежского государственного университета доценту В. С. Рахманину. По залу и балкону прошёл лёгкий говорок. Переспрашивали, по-видимому, «кому?» и «откуда?». Моё место во 2-м ряду у прохода было очень удобно для выхода к трибуне, т. е. к месту выступления. Подняться – 4–5 ступенек. Взбежал; сказалась спортивная подготовка ежеутреннего бегуна. Однако забыл взять текст своего выступления. Да и вряд ли бы он мне помог. Я не умею заглядывать в бумажный текст, а тут… повышенное волнение. Текст этот был на следующий день, 2 октября 1986 года, полностью опубликован в газете «Правда» и днём позже в воронежской областной «Коммуне». В 1987 году в сокращённом виде в книге «XXVII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений. Москва, 1–3 октября 1986 г.» (М. : Политиздат, 1987. С. 60–65). Поэтому не буду его пересказывать. Но всё же…

Начал я с того, что в разговорах о перестройке можно выделить две любопытные тенденции. В «верхах», в Министерствах и т. п. говорят, что «низы» пассивны, инертны, плохо перестраиваются. В то же время «низы» ответственность за медленную перестройку и потерю некоторых ориентиров возлагают на «верхи». За разноречивостью умонастроений «верхов» и «низов» стоит какая-то реальность. Но нельзя превращать жалобы на медленность перестройки в общественно-ораторскую моду. Необходим такой поворот дела, чтобы импульсы перестройки «низов» и «верхов» диалектично встречались и взаимодействовали. Перестройка не означает перетряхивания всего и вся (а такая струя есть). Она должна вобрать в себя весь тот могучий потенциал, который сложился в высшей школе, и открыть действительный простор для творчества, для более энергичного решения практических проблем. Научные и педагогические поиски идут. И всё же самое главное, чего нам не хватает, так это ленинской правды. О ленинской правде надо не только говорить, надо ею жить! (аплодисменты). Парадокс заключается в том, что чем громче звучали призывы к повышению методического уровня преподавания, тем дальше мы уходили от этой правды. Ей как-то было неуютно во многих наших концепциях и установках (аплодисменты).

Нельзя не задумываться над тем, почему мы обходим острые моменты в истории нашей партии, во всяком случае, научились их умело приглушать. Почему

периодически возникает один и тот же призыв: восстановить ленинские нормы и принципы партийного руководства. Кстати, в проекте новой программы по истории КПСС этот тезис отчётливо выпирает. Нельзя не задумываться над тем, с какой методической и теоретической виртуальностью мы, особенно преподаватели научного коммунизма, погружались в концепцию развитого социализма. Сколько же методологических вавилонов мы понастроили, уводя студентов в мир «чистых понятий» и не прививая им мужества реалистично смотреть на жизнь, уметь конструктивно подходить к решению острых проблем. Дефицит ленинской правды – и в наших научных исследованиях. Долгое время острые проблемы не замечались, искусственно выводились из сферы научных исследований. А между тем ослабевает трудовая мораль, накапливается социальная усталость, нарастает бюрократизм, выхолащиваются ценности и принципы советской демократии. Эффективность научных исследований надо определять не по количеству защищённых диссертаций и опубликованных монографий, а по практическому решению проблем – социальных, экономических, философских, по реальному вкладу в науку. Это сложнее, но важнее.

Замечу, что ещё в 90-х годах стали использовать для определения эффективности научной работы так называемые индексы цитирования. Это более чем сомнительный критерий. По этому индексу ничто не идёт в сравнение по вкладу в науку как Библия.

Вторая группа проблем, которые я решил высказать, – университетская демократия. В широком смысле. Мне кажется, сказал я, что надо всерьёз задуматься над вопросами нашей вузовской демократии (аплодисменты). Это вопрос о взаимоотношениях между Министерством и вузами, ректоратами и кафедрами, кафедрой и её членами. Наблюдаются две тенденции: резкого усиления авторитарности и возрастания неисполнительности, потери инициативы снизу. Самый злой вопрос – почему нас заедает бюрократия. Егор Кузьмич меня процитировал. Я говорил ему об этом. Генераторами бумажной вермишели и канители являются не только Министерство, но и самые различные советы – проблемные, головные, координационные, региональные, научно-методические. И все требуют планы, отчёты, справки. Демократия – вещь ответственная; она не в обилии советов, комиссий, планов и отчётов, заседательской суеты. Высшая школа не может нормально жить и развиваться без демократии, без уважения личности профессора и студента, каждого сотрудника, но и без высокой ответственности их за результаты деятельности, без продуктивного взаимодействия всех участников таких сложных процессов, как образование и научные исследования. Вопрос о демократии и демократических принципах развития высшей школы – это существенный вопрос. Её надо развивать и очищать от нагара пустословия, бюрократизма и популизма (аплодисменты).

Вспоминая своё выступление, я делаю пометки в скобках «аплодисменты», которыми зал отзывался. Пишу не из тщеславия и запоздалой похвальбы. Они

были неожиданными для меня. В них, насколько я теперь понимаю, было не только одобрение моим мыслям, сколько поддержка основной массой обществоведов с периферии провинциального доцента, который высказывает их миронастроение. Замечу, что на совещании были и иные аплодисменты, протестные, которыми убирали с трибуны некоторых ораторов (в частности, Д. Волкогонова).

Наверное, я несколько злоупотребил регламентным временем. Краем глаза видел, что председательствующий встал и стоит. Наконец он произнёс: «Закругляйтесь, товарищ Рахманин». Кое-как я закруглился под аплодисменты.

Выступления на пленарном заседании были разные и по содержанию, и по тональности, и по стилю, и по идеологической ангажированности. Ярким и глубоким было выступление заведующей кафедрой философии Московского энергетического института профессора Г. С. Арефьевой. Она прочувственно и остро говорила о необходимости защиты преподавателя от формализма и о создании необходимых условий для действительно творческой работы. Формально-бюрократические методы захлестнули высшую школу, душат преподавателя. Уход теории от жизни не был только результатом плохой работы обществоведов, хотя и наша вина в этом есть. Речь Г. С. Арефьевой неоднократно вызывала одобрительные аплодисменты.

Критическим было теоретически глубокое выступление директора Института экономики АН СССР Л. И. Абалкина. По его мнению, мы, т. е. обществоведы, не можем дать достаточно чёткого ответа на вопрос, кто же является реальными субъектами и носителями отношений собственности в нашем обществе. Фраза: «собственник – народ» – это не ответ, а отговорка. Громкие аплодисменты вызвали его слова о том, что у общественных наук есть не только недостатки, но и достижения. «И не вина науки, что эти достижения плохо используются и что существует обратный отрыв – отрыв практики от выводов общественных наук». Процитировал я то, что 30 лет тому назад сказал один из талантливейших учёных-экономистов Л. И. Абалкин, и грустно вздохнул: правильны, мудры его мысли, они до сих пор отражают хроническую беду России: не только отрыв науки от практики, но и практики от науки… Можно сегодня даже добавить: подчинение науки дурной практике.

С интересом и аплодисментами была выслушана речь знаменитого актёра Олега Табакова, в то время он был ректором школы-студии имени В. И. Немировича-Данченко при МХАТе. В своём выступлении академик П. Н. Федосеев определил речь М. С. Горбачёва и доклад Е. К. Лигачёва на совещании «крупной вехой в развитии теоретической мысли партии, в духовной жизни общества…». Академика не очень слушали…

Во время перерыва много знакомых и незнакомых подходили и благодарили за выступление. Первым поздравил и назвал речь замечательной заместитель министра высшего образования РСФСР В. Т. Усачёв (он ведал в Министерстве вузовскими кадрами). Передал предложение министра срочно оформить документы

на представление к учёному званию профессора. Я отказался, потому что не хочу получать высокое звание в обход докторской диссертации. Встретившиеся в коридоре участники красинских симпозиумов по теории и практике социальных революций отметили смелость мысли и эмоциональность выступления. По мнению Ю. А. Красина, в докладах и выступлениях отчётливо выделяются два сталкивающихся направления мыслей: одно – удержаться на прежних догмах, подавая их как обновление; второе – освободиться от догм и на словах, и на деле, стремиться к реальному анализу реальных процессов. «Ваше выступление символизирует формирование нового подхода и к научным исследованиям, и к преподаванию, формирование нового поколения обществоведов». Хорошо поздравили и воронежские коллеги. Однако я отдавал отчёт и реально фиксировал, что не всем моё выступление, вернее, его идеи не совсем по вкусу, а кое-кто (вроде заведующего кафедрой истории КПСС Горьковского университета профессора В. Я. Доброхотова) передёргивал мои мысли и фразы, придавал им иной смысл. И так бывает. И это понятно. Придя вечером в гостиницу, позвонил домой. Галя с радостью сообщила, что видела меня на экране телевизора в программе «Время»! Поздравила.

На второй день дискуссии развернулись на секциях истории КПСС, философии, политической экономии, научного коммунизма. Секции были ещё более многолюдными, чем пленарное заседание. По информации заместителя министра высшего образования СССР В. И. Зубарева, в секциях приняли участие более 4 тысяч, выступило 110 человек. В секциях более детально и критично, дискуссионно анализировалось состояние профильных общественных наук: истории КПСС, философии, политической экономии, научного коммунизма. Главная задача, которая была поставлена перед ними, – обсуждение и принятие новых учебных программ. Было много призывов создать новую систему преподавания общественных наук. Но никто никакой новой системы не предложил, да и новые программы, обсуждённые с большим пристрастием и в острых дискуссиях, не были окончательно приняты; решили доработать их в свете идей и материалов Кремлёвского совещания.

На третий день опять в Кремле пленарное заседание. С заключительным словом выступил секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин. Были подведены итоги работы секций. Приняты рекомендации, в которых определялись основные направления и способы перестройки учебно-методической и научно-исследовательской деятельности кафедр общественных наук.

В конце совещания мне сообщили, что министр высшего образования Г. А. Ягодин хочет со мной встретиться. Я подошёл к нему. Он предложил завтра в 12 часов в его министерском кабинете поучаствовать вместе с ним в телеинтервью по вопросам преподавания общественных наук. У меня на завтра, в день отъезда в Воронеж, были другие планы, да и никаких интервью я никогда не давал. Но… Министр приглашает. Значит – надо.

На следующий день на подходе к кабинету министра меня перехватил руководитель управления преподавания общественных наук Квасов, который сказал,

что моё выступление на совещании превзошло все его лучшие ожидания. Просил заходить. Пригласили в кабинет Г. А. Ягодина. Пришли телевизионщики. Не помню, кто был интервьюером. Министр по заданным вопросам стал рассказывать о Кремлёвском совещании, подчеркнув особую значимость вступительного слова Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва и доклада члена Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачёва. Сказал о необходимости перестройки работы кафедр общественных наук. Тележурналист спросил о наиболее существенных недостатках в преподавании. Министр отметил оторванность от практики, формализм, слабое изучение основополагающих работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, документов истории КПСС. Но есть творческий подход. И указал на меня. «Об этом может рассказать заведующий кафедрой научного коммунизма Воронежского университета Валентин Сидорович Рахманин». Пришлось рассказать об использовании социологических исследований в преподавании научного коммунизма, об опыте предварительного проведения тематических семинарских занятий и углублённом чтении лекций на основе самостоятельной проработки студентами рекомендуемой литературы, о координации методической работы преподавателей обществоведческих кафедр, работающих на каком-либо факультете.

Пора, однако, возвращаться в своих воспоминаниях к Alma mater. Я довольно пространно, хотя и схематично, описал Кремлёвское совещание заведующих кафедрами общественных наук 1986 года. Но ведь это – тоже воспоминание об определённом периоде моей университетской жизни, духовной, интеллектуальной, научно-педагогической. И не только моей. Воспоминания – не из простых. Они наводили не раз на противоречивые размышления.

Не скрою, это совещание тогда создавало не только надежды, но какие-то эйфорические умонастроения, отнюдь не легкомысленные. По приезде в Воронеж вместе со своими коллегами историками, философами, политэкономами много пришлось выступать в различных аудиториях с обзором хода и итогов Кремлёвского совещания: в университете перед преподавателями-обществоведами, на различных факультетах (особо интересовались преподаватели исторического, филологического, физического факультетов), перед партийным активом области, перед писателями и журналистами города и даже перед работниками КГБ.

Через несколько лет умонастроения и воспоминания подверглись сложным, часто запутанным трансформациям. Спустя тридцать лет, когда я пишу эти строки, вновь и вновь возникает вопрос: о чём и к чему было это Кремлёвское совещание, созванное под эгидой ЦК КПСС, с выступлением Генерального секретаря ЦК М. С. Горбачёва и доклада ведущего члена Политбюро Е. К. Лигачёва, проделавших предварительно большую работу с обществоведами многих вузовских центров страны? Совещание проходило под обнадёживающими идеями и решениями незадолго состоявшегося XXVII съезда КПСС. Били барабаны перестройки под девизами «Больше социализма!», «Больше демократии!».

Вчитываясь через тридцать лет в материалы Кремлёвского совещания и вспоминая идеи и высказанные слова, начинаешь улавливать тревожные ноты во всех бравурных заверениях в верности марксизму-ленинизму и в критике в адрес кафедр общественных наук. Через 4–5 лет произойдёт обвал, но о надвигающемся кризисе как будто ни слова. Но за критикой отрыва общественных наук в их вузовском бытии скрывается отрыв Кремлёвских идеологов и руководителей от той объективной реальности, которая надвигалась, от реальной грозящей катастрофы. Во многих (однако, не всех) выступлениях заведующих кафедрами, отдельных учёных из академических институтов (Л. И. Абалкина) эта тревога звучала почти явно: «в реальной жизни процессы и явления иные, чем мы преподносим студентам в абстрактных понятиях». В выступлениях партийных работников нечто иное. Во-первых, в них нет признания их собственной вины или хотя бы ошибок, недоработок. В духе фрейдистского психоанализа свою вину они переносили на другого – на обществоведов. Критиковать обществоведов было за что, да и к тому же это намного легче, чем себя подвергнуть критической рефлексии. Но ведь не по вине кафедр общественных наук и вообще науки в экономике, социальной сфере возникли негативные тенденции и уровень, качество жизни советских людей не соответствовали ценностям и нормам социализма, которые декларировались. Вина, если о ней говорить (хотя в ней скрыты далеко не все причины негативных явлений и процессов), на ком-то другом. Необходим был серьёзный анализ взаимодействия не только теории и практики, но и представителей власти с наукой. А власть часто игнорировала и даже попирала науку. Культура политического руководства далеко не всегда, осторожно говоря, соответствовала научно обоснованным и демократически ориентированным принципам.

Во-вторых, назойливое повторение марксистско-ленинской фразеологии без реального наполнения когнитивным и социальным смыслом звучало как магическое заклятие и вместе с тем иррациональная вера, будто с её помощью можно преодолеть кризис. В них в превратной форме отражалась тревога партийного истеблишмента перед надвигающимся кризисом, природу, причины, факторы которого его состав оказался не способен осознать. И подменяли науку идеологическими формулами. Выступления партийных функционеров (от первого секретаря Свердловского обкома КПСС и заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК Компартии Украины до секретаря парткома Ленинградского политехнического института) были безликими, унифицированными; стереотипы забивали индивидуальность.

Кремлёвское совещание заведующих кафедрами общественных наук в октябре 1986 года всё же имело определённое положительное влияние на вузы. Ценность его была, конечно, не в призывах освободиться от догматизма, а в том, что оно подтолкнуло вузовские кафедры к поиску действенных форм обучения студентов, к реальному анализу экономических, социальных и – с этим было труднее – политических

проблем жизни и перспектив общества. Конечно, не так было всё просто. Активная перестройка велась только там, где к ней стремились и где реально исследовались проблемы общества и искали новую систему преподавания общественных наук и помогали студенчеству овладевать социальными знаниями, вырабатывать научное мировоззрение и гражданскую позицию. Кафедра научного коммунизма Воронежского университета не была последней в этом творческом поиске.

Прежде чем окончательно вернуться к реалиям родного университета, затрону ещё один сюжет как проявление последствий Кремлёвского совещания. В мае 1987 года сообщили, что меня включили в Комиссию ЦК КПСС по проверке вузов Грузии. Надо срочно вылетать в Тбилиси; московская группа вылетает завтра рано утром; председатель комиссии работник аппарата ЦК Удодов (к сожалению, имя-отчество запамятовал). К счастью, тогда был прямой самолет Воронеж–Тбилиси. Полетел; мне сообщили все необходимые телефоны и адреса, по которым я по необходимости могу обратиться, чтобы соединиться с комиссией. Прилетел часов в 12. В аэропорту меня никто не встретил. Было необычно тихо и пустынно, но торжественно. Это меня удивило; раньше в 60–70-е годы я бывал в Тбилиси, помнил его шумный и весёлый аэропорт. Позвонил по 2–3 телефонам. Сообщили, что на встречу выехали, но есть проблемы, указали, в какой точке аэровокзала я должен быть, чтобы не разойтись. Примерно через полчаса приехал начальник преподавания общественных наук грузинского Министерства образования. Поехали. Дорога там хорошая и очень красивая. Минут через десять пути появились вдоль дороги колонны людей с грузинскими и английскими флагами. Оказывается, ожидается прилёт премьер-министра Великобритании знаменитой уже тогда М. Тетчер. Поэтому задержка встречи со мной произошла из-за оформления спецпропуска. Встретился с группой. Председатель комиссии Удодов ввёл в курс дела. Поставил передо мной три конкретных задачи: 1) проверить работу кафедр общественных наук, побеседовать с сотрудниками и со студентами. Сказал, что есть сведения о выдаче липовых дипломов, получатели которых в глаза не видели тех профессоров, автографы которых прописаны в зачётных книжках; 2) проанализировать состав профессорско-преподавательских кадров в экономическом институте в Кутаиси; 3) в Сухумском университете проанализировать деятельность партийной и комсомольской организации.

Программа большая. На всё про всё – неделя. Будут сопровождать ответственные работники ЦК Компартии Грузии и Министерства образования. Под конец инструктажа Удодов поведал, что материал готовится для члена политбюро Е. К. Лигачёва, и нужно написать краткую, но обстоятельную аналитическую записку.

На следующий день, как и другие коллеги, я уже был в Тбилисском университете. Первое, что нам почему-то поспешили в ректорате и парткоме сообщить: возбуждено несколько уголовных дел по поводу липовых дипломов, владельцы которых не могли даже назвать не только имя того или иного преподавателя, но

даже предмета, по которому сдавали экзамены и получали высокие оценки. Выяснение, почему и как это получилось, не входило в задачу нашей комиссии. Тем более что, как нам сказали, этим уже занимаются МВД и прокуратура. У каждого члена комиссии (по Тбилисскому университету нас было, помнится, человек пять) – куратор из работников ЦК Компартии Грузии и Министерства образования. Я попросил на завтра организовать встречу с представителями кафедр философии, научного коммунизма и политической экономии. А сегодня – беседа с заведующими кафедрами; они на месте.

Проверка работы любого кафедрального коллектива – дело неприятное. И для проверяемых, и для проверяющих. Мне всегда было и то и другое занудливым занятием. Проверяющих можно типологизировать по критерию их внутренней целеустремлённости: одни ищут в ворохе жемчуга щепотку навоза, другие в куче навоза – жемчуг. В Тбилисском университете мне необходимо было выяснить отношение обществоведов к Кремлёвскому совещанию. Тбилисские завкафедрами на нём были; на секции философии выступил Б. И. Лутинзе. В Тбилисском университете интенсивно возрождалась социология. Было интересно беседовать с грузинскими коллегами. Одна из главных трудностей, которую они прежде всего выделили, – языковая. Преподавание ведётся на русском и грузинском языках при доминанте первого. Но многие юноши и девушки плохо владеют русским языком, а в грузинском недостаточно развита научная терминология. Учебники и учебные пособия с большим опозданием переводятся на грузинский язык, а многие вообще не издаются. Я ознакомился с библиотекой (она хорошо технически оснащена); книжные фонды по общественным наукам бедны, особенно на грузинском языке. Ценным мне показался опыт включения философов, социологов, экономистов в разработку проблем и планов перспектив социального развития республики. Некоторые коллеги высказали пожелание расширить состав преподаваемых общественных наук, включив социологию, социальную психологию (она интересно развивалась в Грузии) в учебные планы всех факультетов. Мне эта идея импонировала. Высказывались о проблемном преподавании, методике и опыте диалогового ведения лекций (один из преподавателей считает философский диалог традицией грузинского мышления).

Беседа с коллегами из Тбилисского университета доставила мне удовольствие заинтересованностью в обмене мнениями и тем, что они, как мне показалось, не воспринимали меня как ревизора, до чего-то докапывающегося. Хотя некий пиетет перед членом высокой комиссии проскальзывал. Один из выступающих поведал, что в преподавании научного коммунизма используется мой метод. Я переспросил, в чём же заключается этот метод. Оказывается: студентам даётся задание изучить какую-либо тему, обсудить её вначале на семинарском занятии, а потом прочитать лекцию (коллега, как выяснилось, «мой» метод узнал из моего совместно с министром Г. А. Ягодиным по телевизору интервью). Однако выяснилось,

что ничего рахманинского в этом методе нет, а самое главное – плохо получается из-за нехватки литературы, да и не очень любят студенты усердно сидеть за книгами, они – любители вольного философствования, так сказать от своего независимого «Я». Посмеялись.

В целом у меня сложилось благоприятное впечатление: обществоведы Тбилисского университета активно восприняли идеи Кремлёвского совещания, стремятся к поиску новых форм преподавания и научного исследования реальных проблем. Однако мало было времени (всего 1,5 дня) для более основательного ознакомления с реальным состоянием дел и проблем.

Сложнее было в Кутаиси. Меня сопровождал в моей «миссии» заместитель министра образования Грузинской Республики. В Кутаиси года четыре тому назад был открыт экономический институт. Название его было более вычурным: Кутаисский институт экономики и управления. Когда мы прилетели, то в небольшом зале собрался весь научно-педагогический персонал. Студентов почему-то в этот день не было. Прежде всего нужно было выяснить: 1) материальную базу, 2) учебные планы и направленность подготовки, 3) состав профессорско-преподавательского состава, 4) возможные перспективы.

Однако обследовать было практически нечего. Здание было школьного типа с несколькими классами-аудиториями (которые были пусты). Оборудование – столы, стулья, шкафы, два примитивных компьютера «Искра». В профессорско-преподавательском составе только трое имели степень кандидатов наук. Никаких учебных планов мне показать не смогли. Наверное, в каком-либо виде они были. Но ведь я бы стал спрашивать, кто ведёт те или иные дисциплины. А ответить, по-видимому, было затруднительно.

В то далёкое советское время невозможно было представить, как такие «вузы» возникали и как существовали. Во второй половине 90-х и последующих годах они возникали по чиновничьей коррупции, как грибы после дождя, в России.

Возвращаясь из Кутаиси в Тбилиси, заместитель министра образования Грузии просил не писать в отчётной справке ничего о Кутаисском институте; вопрос будет решён иначе. Рано утром он пришёл в гостиницу (комиссия каждое утро собиралась, и мы докладывали руководителю Удодову, что сделали накануне) и принёс приказ министра образования о том, что Кутаисский институт экономики и управления ликвидирован. Удодов только начинал работу в аппарате ЦК КПСС и был ещё не очень опытен, не вдаваясь в объяснения, тут же сказал: «Мы так и запишем!» В своей итоговой аналитической записке я написал: «Планируемое инспектирование института экономики и управления не состоялось, так как он был ликвидирован».

Предполагалось, что на Кутаисский институт я затрачу два дня. Управились за один рабочий день. Это дало экономию времени. И мне дали три дня для работы в Сухумском университете. Сопровождал меня главный редактор грузинского журнала «Коммунист» Кашелава, кандидат философских наук, обаятельный и ду-

мающий человек. Во время полёта мы немного пофилософствовали; он просил дать статью в его журнал. Я обещал, но… увы!.. не выполнил.

Сухумский (пока так его именуют) университет поразил основательностью и архитектурной выразительностью главного здания и всего комплекса. В нём тогда было несколько факультетов. Согласно предварительному заданию я попросил дать мне возможность ознакомиться с материальной базой и составом преподавателей физического факультета, всех общественных наук и побеседовать с двумя-тремя группами студентов, которые я сам выберу по расписанию. Всё было чётко организовано, но возникла спонтанно просьба студентов поговорить с ними вне здания, без преподавателей, на вольном воздухе у моря. Просьба эта возникла в самом конце, незадолго перед отправкой в аэропорт, и несколько встревожила и руководство университета, и заведующего идеологическим отделом абхазского обкома КПСС.

Начал с физического факультета. Позавидовал: физфак в Сухумском университете пространственно расположен намного лучше, чем в Воронежском. Но лабораторная база намного слабее и по профильной структуре, и особенно по оснащённости приборами, техникой, аппаратурой. Эта проблема была главной темой жалоб декана, заведующих кафедрами, сотрудников. Скудными были бюджет и тематика хоздоговорных работ. Спросили о возможностях стажировки преподавателей на физическом факультете ВГУ; я не был готов к ответу и предложил сделать запрос через декана нашего физфака В. С. Кавецкого. На кафедрах общественных наук доля преподавателей, имеющих учёные степени и звания, составляла чуть меньше 50 %. Было высказано предложение о работе высококвалифицированных преподавателей ВГУ на началах совместительства. Предложение было соблазнительным, но маловероятным в исполнении. Обществоведы высказали высокое, как мне показалось, восторженное отношение к Кремлёвскому совещанию. Неожиданно возник разговор о наименовании университета. Не задумываясь, я употребил формулу «Сухумский университет», меня поправили: «Не Сухумский, а Абхазский». Кто-то даже бросил реплику: «Национальный Абхазский университет». Пояснили: «Это в Тбилиси нас называют “Сухумский университет”, принижая наш статус. Тбилиси нас ограничивает во всём: в финансировании, в штатском расписании, в приобретении оборудования и даже в наименовании». На физическом факультете тоже намекали на тбилисские ограничения в приобретении приборов, финансировании. Беседы со студенческими группами различных факультетов ничего особенного не выявили, кроме жалоб на нехватку учебников по большинству дисциплин не только обществоведческого, но и естественно-научного профиля, но высказывалась обида: в Тбилисский университет практически не принимают в аспирантуру по общественным наукам выпускников Абхазского университета. Никто негативно не высказывался о преподавании общественных наук. Неофициальное предложение студентов побеседовать вне аудитории на берегу моря не вызвало у меня ни энтузиазма, ни отказа. Я понял, студенты хотят

что-то сказать мне как члену комиссии особо, без «иных ушей». Первоначально к морю (неподалёку от главного корпуса университета) спустилось человек тридцать, довольно чётко, как я заметил, организованных. Однако по мере разговора собралось около ста. Один из них, видимо, организатор, начал: «Мы хотим поговорить с Вами как абхазцы с русским профессором, членом комиссии». Я уточнил, что не профессор, а доцент, заведующий кафедрой Воронежского университета, и готов выслушать их у моря, которого давно не видел. Не буду пересказывать всего, что было сказано под шелест прибоя. Суть высказанного студентами заключалась в том, что грузины притесняют абхазов. Грузинские студенты могут учиться в Абхазском университете, студентов из Абхазии в тбилисских вузах нет. Из Тбилисского университета приезжают профессора, доценты и читают лекции на грузинском языке. «Мы просим читать на русском, нам отвечают: вы живёте в Грузии». Экзамены грузинские преподаватели принимают у абхазских студентов жёстче, чем у своих грузин, оценки занижают. При распределении на работу грузинским выпускникам обеспечиваются лучшие места. Грузины смотрят на абхазцев как на людей второго сорта.

Я почувствовал себя не очень уютно. Доверительный разговор, о котором просили студенты, мог превратиться в митинг. Чтобы не допустить этого, спросил: «А почему вы об этом не говорили на беседе в аудитории?» Ответили: «Там были грузинские студенты. Могла возникнуть драка. К тому же там были молодые преподаватели. Мы их не боялись, но не хотели их подводить». Я поблагодарил студентов за доверие, сказал о необходимости взаимного межнационального равенства и уважения, о своём интересе со студенческих лет к Абхазии, к абхазскому языку, который академик Н. Я. Марр считал одним из древнейших, во всяком случае, старше грузинского и любого европейского, в том числе и русского. Сюжет по истории абхазского языка несколько разрядил обстановку. К тому же со стороны шоссе гудками автомобиля меня уже звали. Планировалась поездка на Афон. Студенты просили меня в своём отчёте о посещении Абхазского университета отразить их недовольство отношениями грузинских властей к Абхазии и её университету. Их просьбу в своей аналитической записке по итогам встреч и бесед я выполнил, отметив, что зреет грузинско-абхазский этнический конфликт.

Как и положено, свои наблюдения и сложившиеся мнения, обобщив их, я высказал на заключительной беседе ректору Абхазского университета, секретарю парткома и присутствующему при этом заведующему идеологическим отделом Абхазского обкома. В целом впечатление (я не употребил слово «оценка») было благоприятным, хотя знакомство было по режиму времени, конечно, неглубоким. Не стал я скрывать и замеченные мною серьёзные признаки зреющего этнического абхазско-грузинского конфликта. Мои собеседники довольно дружно заявили, что этот конфликт давний; абхазы не грузины, и конфликта не было бы, если бы Абхазия была в составе РСФСР.

На следующий день руководитель комиссии Удодов попросил срочно представить ему тексты аналитических записок и предложений, предупредив, что нас приглашает первый секретарь ЦК Компартии Грузии Патиашвили. Такая встреча и примерно часовой разговор состоялись 14 апреля 1987 года. Патиашвили, как бы упреждая нас, заявил, что в работе высшей школы много недостатков и ЦК Компартии республики их не только видит, но и разрабатывает программу их преодоления. Поэтому с благодарностью выслушает наши суждения и замечания. Обобщённо мнение комиссии кратко доложил Удодов. Члены комиссии добавили по своим разделам. Я в основном сказал о языковых сложностях в преподавании общественных наук и о возможностях более активного и конструктивного использования научного потенциала учёных Тбилисского и Абхазского университетов в решении экономических, социальных и этнонациональных проблем.

На следующий день, сдав свою окончательно доработанную аналитическую записку, я улетел домой самолётом Тбилиси–Воронеж, провожал меня редактор грузинского журнала «Коммунист» Кашелава. За доброе знакомство и с надеждой на будущие встречи выпили в аэропорту по бокалу красного «Мукузани».

При всей краткосрочности работа в составе комиссии ЦК КПСС по инспектированию вузов Грузии многое мне дала. Во-первых, чувство повышенной ответственности за те впечатления и – главным образом – замечания, которые нужно высказать тем, работу которых приходится анализировать. Во-вторых, ознакомление с работой других людей, в других условиях, чем те, в которых работаешь сам, всегда обогащает. Важен опыт и размышления других. В-третьих, по-новому, во всяком случае, иначе осмысливаешь свою работу, свои позиции суждения, себя самого.

Вернувшись из грузинской командировки, по просьбе кафедры, да и по установившемуся обычаю, рассказал о том, что видел, слышал, узнавал, как делился опытом и воспринимал не только вузовскую практику, но и своеобразие жизни одной из кавказских республик. Члены кафедры интересовались всем: условиями работы, преподавания, величиной и структурой педагогических нагрузок, спецификой студенческих контингентов, национально-этническими отношениями и т. п. Специфический научный и гражданский интерес вызвали мои впечатления и суждения об образе Сталина в национальном самосознании вузовской грузинской интеллигенции – профессорско-преподавательского состава и студентов. Рассказал и о грузинском гостеприимстве, о самобытности грузинского застолья, без которого, как понял, не обходится деятельность ни одной инспекционной комиссии (уклонение воспринимается чуть ли не как национальное оскорбление).

Командировка и знакомство с грузинскими вузами каким-то образом подтолкнули меня к необходимости защиты докторской диссертации. Текст её я уже подготовил. Но требовалась по правилам ВАК обязательная публикация монографии. Статей в научной периодике и в различных тематических сборниках у меня было достаточно. Рукопись монографии «Общественная психология и революци-

онный процесс» с положительными рекомендациями доктора философских наук С. Э. Крапивенского, доктора исторических наук В. И. Логунова и доктора исторических наук А. С. Паневина находилась в издательстве Воронежского государственного университета и вскоре должна была быть опубликована.

Меня волновала проблема: в какой диссертационный совет и каким образом передать свой опус на высокий научный суд. Мне показалось, что целесообразнее всего подать заявление с просьбой принять диссертацию на рассмотрение в диссертационный совет Академии общественных наук. Полтора десятка лет я сотрудничал с научным советом Академии по проблеме «Теория и практика революционного процесса», ежегодно участвовал в его симпозиумах. Проконсультировался с Ю. А. Красиным, проректором Академии общественных наук при ЦК КПСС. Он отсоветовал. Во-первых, в диссертационном совете Академии принимаются к защите диссертации только слушателей Академии. Диссертация «со стороны» может быть принята только по особому ходатайству высоких партийных органов. Во-вторых, поведал по секрету Ю. А. Красин, Высшая аттестационная комиссия очень прохладно относится к защищённым в Академии диссертациям.

Стало быть, нужно искать и просить диссертационный совет иного научного учреждения. Это затягивало процесс, да и проситель я не «пробойный». Но надо искать. А жизнь поворачивала всё по-своему.

Как я уже писал, в августе 1983 года Министерство высшего образования по предложению Воронежского обкома КПСС назначило ректором ВГУ профессора Алексея Митрофановича Беликова, ранее работавшего проректором Воронежского политехнического института. А. М. Беликов – крупный учёный, спокойный, уравновешенный человек, с независимым мышлением. Однако с течением времени становилось всё более и более явственно: он слабо вписывается, интегрируется в университетскую систему деловых и межличностных, формальных и неформальных отношений. А. М. Беликов всё более и более тяготился возложенными на него ректорскими обязанностями и взятой на себя ответственностью. Будучи человеком с высокой саморефлексией, т. е., попросту говоря, честным, он подал заявление об отставке. Хочу подчеркнуть, его никто к этому не принуждал, не подталкивал, против него никто не выступал, и даже сколько-либо заметной «коридорной» критики, тем более открытой, по его адресу не могу припомнить. Наверное, решение о самоотставке было для него трудным, но, как видно, он на нём твёрдо настаивал. Обком КПСС (а он был главной властной институцией области в то время) и Минвуз РСФСР были поставлены перед проблемой, кто может быть ректором Воронежского университета.

В ходе заявленной Генеральным секретарём ЦК КПСС М. С. Горбачёвым и эйфорически принятой обществом перестройки социально-экономического уклада, политического обустройства демократические умонастроения обнадёживающе подули в системе высшей школы, в вузах, в Воронежском университете.

Подбор и назначение ректоров властными верхами не воспринимался как нечто само собой разумеющееся. Нужно было искать иные методы, соответствующие демократическим настроениям и требованиям. Во властных союзных, республиканских, областных структурах власти возникло и утвердилось мнение о выборах ректоров вузовскими коллективами. С одной стороны, это снимало «головную боль» властных и управленческих структур за подбор кандидата, его назначение и ответственность, за эффективность работы назначенца. С другой стороны, выборы ректора повышали ответственность вузовского коллектива, прежде всего профессорско-преподавательского состава. К тому же избранный ректор объективно (не всегда субъективно) находится в несколько иной позиции по отношению к вузовскому коллективу и вышестоящим властным и управленческим структурам.

Вопрос заключался в том, какова должна быть процедура выборов ректора. Теоретически процедура может быть многовариантной. По субъекту выбора: 1) выбирает весь коллектив вуза, включая профессорско-преподавательский состав, учебно-вспомогательный, научно-технический и обслуживающий персонал, студентов, аспирантов. Громоздко, дорого, чревато иррациональностью; 2) избирает Учёный совет вуза. Узкая и зыбкая легитимность такой процедуры очевидна; 3) избирает профессорско-преподавательский состав. Опыт такой процедуры был в дореволюционных вузах России. В нём есть своя рациональность и легитимность: профессорско-преподавательский состав – деятельное, смыслообразующее, относительно устойчивое ядро вузовского коллектива. Но при этом игнорируются права, интересы, мнения других частей вузовского коллектива. И не только студентов; 4) ректора избирают на специальной конференции делегаты, особо уполномоченные по определённым квотам от различных структур (курий, говоря старинным языком) вузовского коллектива, включая студенчество.

Вариативными могут быть выборы по способам выдвижения кандидатов на пост ректора. Ясно, что ректором может быть только человек, имеющий учёную степень и звание, проработавший определённое достаточно продолжительное время в данном вузе. Наиболее приемлемый способ выдвижения кандидатов – по-факультетный. Самовыдвижение возможно, но маловероятен успех. Неприемлем способ выдвижения по политическим и общественным организациям, включая добровольные научные сообщества.

Не помню, вернее, не знаю, да думаю, что и историкам будет трудно докопаться, кто первый выдвинул идею выборов ректора и разработал ту процедуру, которая в основном (есть и варианты) утвердилась в высшей школе. Но одним из первых университетов, который сам выбрал (и удачно!) себе своего ректора, стал Воронежский государственный университет.

Избрать демократическим путём ректора предполагалось на специальной конференции коллектива университета.

Выборы были назначены на конец декабря 1987 года, но подготовка к заключительной процедуре началась с середины октября. В ноябре были выдвинуты от факультетов кандидаты, и развернулась предвыборная агитационная кампания.

Первые выборы ректора были не только альтернативными. Реально и порой остро (но нескандально) конкурировали пять выдвинутых кандидатов. При этом на соответствующих стендах университетских корпусов выставлялась информация: какие факультетские коллективы выдвигали тех или иных кандидатов, какие факультеты, подразделения поддерживали. На некоторых факультетах и в отдельных подразделениях наблюдались и расколы предпочтений.

Были выдвинуты пять кандидатур:

– Гусев Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, профессор, проректор по международным отношениям и заочному обучению;

– Кадменский Станислав Георгиевич, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой ядерной физики;

– Рахманин Валентин Сидорович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой научного коммунизма;

– Трифонов Андрей Павлович, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой радиофизики;

– Щербаков Андрей Павлович, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой почвоведения.

Было из кого выбирать. Альтернативность отнюдь не носила формально-юридического характера. Она была реальной. Каждый кандидат имел достаточный стаж работы в университете. Более того, все пятеро получили в нём высшее образование, сформировались как учёные и педагоги, занимали определённые статусы в структуре внутриуниверситетских коммуникативных и ролевых отношений. Каждый имел свои представления о состоянии и о возможных перспективах ВГУ, сформулировал и объявил о программах своей возможной ректорской деятельности. Каждый имел определённый имидж в сознании профессорско-преподавательского состава и других категорий работающих в ВГУ, а также студенчества.

Был составлен график выступлений кандидатов перед коллективами факультетов, подразделений. Строго регламентировалось время. Было много вопросов каждому. Большинство их касалось оценки состояния тех или иных сфер жизнедеятельности университета (от оснащённости кафедр и лабораторий новой техникой и приборами до квартирных проблем для сотрудников), перспектив строительства нового университета в Северном микрорайоне города, новых направлений подготовки специалистов и т. п. Характерно, что вопросов о зарплате, её повышении не было. Во всяком случае, мне их не задавали. Мне задавали вопросы об отношении к предыдущим ректорам, о соотношении размера педнагрузки между преподавателями кафедр общественных наук (у обществоведов по министерской норме она составляла 550 часов, у остальных кафедр, кроме математических, на 200–250 ча-

сов больше), о многопартийности и её возможности в СССР, о моём отношении к рок-музыке спрашивали студенты, о моём мнении об основных направлениях и последствиях политики перестройки, о том, с чего я начну свою деятельность, если буду избран ректором (ответил: с анализа финансового состояния), кого назначу проректорами и т. п. Спрашивали и о том, буду ли я и когда защищать докторскую диссертацию. Ответил: «Да, когда позволит диссертационный совет». На отдельные вопросы отвечал всерьёз, от каких-то отделывался шутками. Насколько знаю, в таком же режиме и стиле работали и мои оппоненты. Столкновений, т. е. взаимной критики, не было, но упорная конкуренция была.

На конференции, насколько помню, предварительно не обговаривались выступления в поддержку каждого кандидата. Было свободное обсуждение до тех пор, пока делегаты не предложили «подвести черту». Выступающие говорили о своих предпочтениях и вместе с тем о проблемах университета, о том, как их можно было бы решить, о своём видении будущего и надеждах на нового ректора.

Выборы ректора проводились впервые. Практики не было, и трудно было всё просчитать и предусмотреть. Обсуждение явно затянулось. Подвели черту. Надо было заготовить бюллетени. Это было сделано заранее. Но… голосование не показало достаточного преимущества ни одного претендента (т. е. 50 % + 1 голос). Относительное преимущество получили В. С. Рахманин и В. В. Гусев. Моя кандидатура получила голосов чуть больше, однако менее 50 %. Потребовался второй тур. Но для него необходимо было подготовить новые бюллетени. А время – к полуночи. Кое-кто, то ли решив, что всё ясно, или по принципу «без меня обойдутся», а студентки-девушки из-за позднего времени («мобильников» тогда не было) покинули конференцию. Повторное голосование (второй тур) состоялось за полночь. Итог: с небольшим преимуществом делегаты отдали предпочтение Владимиру Васильевичу Гусеву; за него во втором туре проголосовало 50 % + 2 из числа оставшихся в зале делегатов. Зал аплодисментами одобрил эти итоги и поздравил Владимира Васильевича с избранием на должность ректора ВГУ. Поздравил и я. Хотя, откровенно признаюсь, вначале было несколько обидно. Но какая могла быть обида? Мы с Володей друзья со студенческих лет: были четыре дружеских «В» = 3 Владимира (Второв, Гусев, Листенгартен) + 1 Валентин. Присутствовавшая на конференции трудового коллектива спецкор газеты «Известия» спросила меня враз после подведения итогов голосования: «Как вы относитесь к итогам голосования и победе В. В. Гусева?» Я ответил без раздумий: «Нормально. Голосование есть голосование. Владимиру Васильевичу желаю успеха в административном кресле. А мне надо защищать докторскую диссертацию».

Владимир Васильевич одержал победу во втором туре закономерно. Он имел в сравнении со своими оппонентами бóльший управленческий опыт: семь лет (1965–1972 годы) был деканом исторического факультета, 15 лет (1972–1987 годы) – проректором. Этот опыт был не банальным пребыванием в должности. Исторический

факультет во время его деканства интенсивно развивался. Владимир Васильевич придавал особое значение культуре преподавания, организации и совершенствованию учебного процесса. Была по его инициативе введена подготовка специалистов-историков с правом преподавания на иностранном языке (6-летний срок обучения). Владимир Васильевич, будучи проректором, упорядочил учебный процесс на заочном и вечернем отделениях, придал особое социокультурное и политическое значение международным связям ВГУ. В результате значительно увеличилась численность студентов из различных стран. Интенсифицировался и стал результативнее по своим последствиям обмен преподавателями, учёными, студентами с рядом зарубежных университетов. Со многими из них работа велась на основе комплексных перспективных программ по тематике, входящей в список приоритетных проблем АН СССР, Госплана, Министерства высшего образования. По своему мировоззрению Владимир Васильевич был деятельным интернационалистом. Он считал, что расширение международных связей ВГУ, в том числе в сфере подготовки специалистов для зарубежных стран, укрепляет позиции нашей страны. Международная обстановка 70-х и первой половины 80-х годов была благоприятной для развития и расширения международных связей нашего университета. Владимир Васильевич, будучи проректором, как личность был не только адекватен этим обстоятельствам, он стремился их упрочить и совершенствовать. Он обладал хорошим дипломатическим талантом. Мне довелось с ним бывать в некоторых странах (в Германии, Сомали, Австрии), вместе работать с иностранными делегациями разного типа. Всегда удивляла его способность найти нужный такт и деловую целеустремлённость во взаимоотношениях с любыми группами учёных и вузовских администраторов. Он умел быть самим собой в разных обстоятельствах и добиваться необходимых результатов. Дипломатичность Владимира Васильевича была не последним фактором его победы на первых выборах ректора ВГУ. Это выгодно его отличало от оппонентов, в том числе и от меня. Владимир Васильевич никогда не шёл на конфликт с вышестоящим начальством, был неизменно лояльным, аккуратным и инициативным исполнителем приказов, указаний, инструкций. Меня же считали способным на конфликт. Это многих настораживало. В ходе избирательной кампании физики запустили тезис: «Рахманин – революция. Гусев – спокойная эволюция». В. В. Гусев был адекватен настроениям той большей части сотрудников университета, которые остерегались перемен, но хотели бы спокойных улучшений своего положения. Увы! Независимо от Владимира Васильевича ВГУ, как и вся высшая школа вместе со страной, подвергся таким пертурбациям, которых никто не ожидал, а большинство не хотело. В эти пертурбации (о них несколько позже) попал и Владимир Васильевич. И только тогда я понял, какая удача, что меня в декабре 1987 года не избрали ректором, и посочувствовал Владимиру Васильевичу. Его как ректора впереди ожидали такие обстоятельства и стрессы, которые ни он, ни кто-либо не предполагали, но которыми через три-че-

тыре года кое-кто (о них особо в одной из глав) попытается воспользоваться, чтобы самому занять ректорский кабинет.

По новым министерским указаниям и по обновлённому Уставу ВГУ избранный ректор самостоятельно назначает проректоров, и его решение окончательно. В прошлом назначенный «сверху» ректор подбирал кандидатов на должности проректоров, но окончательно их в этом управленческом статусе утверждало Министерство высшего образования. В 1964 году я эту процедуру проходил.

Формирование ректората (ректор и проректоры) – проблема непростая. Она требует тщательного отбора. Самое главное – целесообразные продуманные и взвешенные консультации со сведущими людьми, деканами, лидерами общественных организаций. Претендентов почему-то обычно много. Но эта демократическая процедура не отработана до сих пор и мне известными вузовскими уставами даже не предусмотрена (а может, в неизвестных мне – их большинство – где-то есть?). Избранный ректор по своему усмотрению подбирает и назначает проректоров.

Перед Владимиром Васильевичем встала эта проблема. К сожалению, нельзя сказать, что он удачно подобрал свою команду. Два ведущих проректора – для учебной и научной сферы – не имели опыта работы в деканатах, один – заведующий кафедрой, т. е. ни тот, ни другой не включались в практику организации научно-педагогической деятельности университета. Их неопытность довольно скоро стала сказываться. Владимир Васильевич это понял и стал искать лучшую структуру (не столько персон, сколько именно структуру) управленческого функционирования ректората. Так появилась концепция двух комплексных проректоров, каждый из которых управляет совокупностью учебной и научной работы; один – естественно-научных факультетов, другой – гуманитарных.

Перед одним из заседаний Учёного совета университета Владимир Васильевич попросил меня поддержать эту идею. Как выяснилось, об этом он попросил и В. Н. Эйтингона, специалиста по теории и практике управления. На заседании Учёного совета мы поддержали предложение В. В. Гусева. О структурно-функциональной перестройке ректората и управления учебным процессом и научно-исследовательской работой в соответствии с естественно-научным и гуманитарным профилем факультетов В. В. Гусев докладывал Зальцбургскому (Австрия) семинару по программе «Университеты». По его словам, мнения российских и зарубежных коллег были одобрительными. Но эта структура не прижилась. Возможно, в ней скрылся к исходу 90-х годов внутренний порок: распад единой образовательной и научно-исследовательской политики; проректоры по двум типам факультетов действовали автономно. Возможно, не совсем адекватно были подобраны персоны на должности проректоров (один из них как-то признался: «Я не нашёл себя»). Возможно, последующие ректоры её не восприняли по своим соображениям и пошли по другому пути. Восстановили в масштабе университета единство образовательной и научно-исследовательской политики, увеличили количество функциональных проректоров и учредили статус первого проректора.

Как избранный ректор Владимир Васильевич Гусев ориентировался на демократические методы руководства. Ещё до так называемых демократических реформ, т. е. до 1991 года, значительно были расширены права факультетов вплоть до некоторой финансовой самостоятельности в рамках бюджета. Кафедрам было предоставлено право самостоятельно регулировать педагогические нагрузки между преподавателями: кому-то по необходимости сокращать, кому-то увеличить при недостаточной научной работе. Был восстановлен постоянно действующий еженедельный совет деканов и заведующих общеуниверситетскими кафедрами. Поднялась роль Учёного совета как законодательного органа. Между прочим, вопрос о зарплате ректора в 1990-х годах рассматривался и определялся Учёным советом (двоекратно по 18-разрядной сетке, т. е. две высшие ставки профессора, доктора наук).

Владимир Васильевич не принимал скоропалительных, непродуманных решений. Сбылись до поры до времени ожидания той части профессорско-преподавательского состава, что он, будучи ректором, обеспечит спокойное стабильное развитие университета. Но через три-четыре года всё пошло иначе. Но это, как говорится, совсем другая история и для другой главы. А пока есть ещё кое-что вспомнить из последних лет советского периода российской истории.

В 1987 году вышла в свет в издательстве ВГУ моя монография «Общественная психология и революционный процесс», над которой долго работал. В ней была сформулирована социально-психологическая концепция социальных и политических революций. Ни одна социальная, политическая революция не происходит, не возникает, не развёртывается без сдвигов в общественной психологии. У каждой есть свои не только социальные и политические, но и психологические последствия, изменения общественной психологии. Проблема заключается в том, почему, какие и в каких социальных стратах возникают психологические сдвиги, чреватые или ведущие к тем или иным революциям, какова социально-психологическая динамика революций, её генераторы и катализаторы, как трансформируется общественная психология различных социальных слоёв в революциях в случае их победы или поражения. Существуют различные концепции, объясняющие революции. Упрощённо говоря, одни исследователи ищут их корни, причины в экономических процессах и факторах. Другие – в психологии. И тот и другой подход односторонен. Социальные революции – предельно сложные феномены и процессы. Всё так или иначе возникает, развёртывается в человеческом обществе через психологию и в психологии. Но и сама общественная психология обусловлена и детерминирована многими факторами, не только экономическими. Вот это и многое другое я и пытался исследовать в 70–80-х годах, изучая истории различных революций, начиная с XVIII века.

Монография вышла в свет. Теперь мне нужно «перевести» её в диссертацию. Первоначально я оформлял результаты своих исследований как диссертацию. Потом текст переработал в монографию. А это иной жанр. Но время шло; появились

новые наблюдения и идеи. Я решил по-новому написать и структурировать текст диссертации. На это потребовалось время. Хотя мог после выхода монографии претендовать на присвоение докторской степени по защите совокупности работ. Но решил идти, хотя и с большим опозданием, классическим путём, принятым в советском научном сообществе, и классификационным процедурам.

В конце 1980-х годов обстановка в стране была противоречивой по своей структуре и ещё более – по тенденциям перемен. Объявленная М. С. Горбачёвым перестройка явно буксовала в экономической и социальной сферах. Нарастал товарный дефицит. Но всё шире и откровеннее разворачивалась гласность, выбрасывая порой в общественное мнение такие откровения и разоблачения, что оно шаталось из стороны в сторону, как подвыпивший гуляка на плохо освещённой ночной улице… Развёртывалась критика реального социализма, т. е. того общественного и политического уклада, который сложился в СССР. Выявлялись «белые» и «чёрные пятна» в истории СССР и КПСС. Разгорались дискуссии о научности и утопичности или недосказанности марксовой теории социализма. Всё чаще и чаще цитировались суждения В. И. Ленина из последних его заметок о необходимости пересмотреть нашу точку зрения на социализм. Их по-разному истолковывали.

В вузах шли дискуссии о месте и роли преподавания общественных наук в высшем образовании, об их системе, методологии и методике.

Кажется, в апреле 1988 года сообщили из Минвуза СССР: состоится научно-практическая чехословацко-советская конференция в Братиславе по обмену опытом преподавания общественных наук; меня включили в состав делегации. Нужно подготовить и сделать доклад на секции. Я обрадовался возможности вновь побывать в Чехословакии, в её тогда ещё составной части – Словакии.

Советскую делегацию возглавлял заместитель министра высшего образования СССР В. И. Зубарев. Полетели самолётом. В составе делегации были и хорошо мне знакомые: заведующий кафедрой научного коммунизма Института повышения квалификации вузовских обществоведов при МГУ профессор Ануфриев Евгений Александрович (участник парада на Красной площади 7 ноября 1941 года), В. Е. Давыдович, заведующий кафедрой философии ИПК при Ростовском университете и др. Словаки хорошо нас приняли, разместили в добротном студенческом общежитии Братиславского университета на берегу Дуная, неподалёку от моста на австрийский берег.

Из всех докладов, сообщений, которые прозвучали на научно-практической конференции, и обмена мнениями мне врезались (иначе не могу сказать) в память два разных подхода к научно-педагогической деятельности обществоведов. Головные доклады на пленарном заседании делали министр образования Словацкой республики (фамилия не удержалась в памяти) и наш заместитель министра высшего образования В. И. Зубарев. Словацкий министр доказывал и показывал, что для обеспечения и повышения научно-педагогической эффективности вузовских

обществоведов, в том числе и преподавания, необходимо улучшать условия их работы и жизни; условия жилищно-бытовые, организационные, трудовые, технические, информационные. Знакомство со словацкими вузами в Братиславе, в Натре наглядно показало, что эти условия там значительно не просто лучше, но на порядок выше, чем у нас. Каждый профессор имеет свой кабинет, оснащённый оргтехникой, на 2–3 доцентов – отдельный кабинет с оргтехникой. Есть лаборантские комнаты. Хорошо оснащены аудитории. Есть элегантные кафе.

Наш заместитель министра высшего образования упор делал на необходимость повышения требований к преподавателям, к заведующим кафедрами. И ни слова об условиях труда, культуре оснащённости и организации педагогической и научно-исследовательской деятельности преподавателей.

Чехословацкие коллеги с настойчивым интересом и, как мне показалось, с затаённой тревогой расспрашивали нас о политике и практике перестройки, о её смысле, первых результатах, возможных последствиях, об отношении к ней различных слоёв населения, прежде всего вузовской интеллигенции, студенчества, какие перемены она вызвала в высшей школе, в конкретных вузах. Мы старались, как могли, отвечать, разъяснять. Однако не на все вопросы можно было дать убедительные ответы, поскольку многого сами не знали. Впрочем, как выяснилось позже, не знали и инициаторы перестройки. К тому же в сознании чехов и словаков были живы обнадёживающие импульсы чехословацкой весны и драматические события августа 1968 года. Мы уверяли коллег, что общественная система в нашей стране прочная, хотя некоторые конструкции, имеющие когда-то исторический смысл и социальную целесообразность, надо перестраивать и заменять на более совершенные.

Из Братиславы в Прагу, к нашему удовольствию, мы поехали автобусом. Этот маршрут в его зимнем варианте был мне знаком. В Праге, я надеялся, удастся погулять по памятным мне с 1971–1972 годов местам, созвониться с некоторыми друзьями. Увы! Не удалось. Ограничились краткой автобусной экскурсией, постояли на Староместской площади, даже пива не выпили «У Дву Кочек» (пивной, в которой я не так уж редко бывал осенью 1971 года, поскольку жил неподалёку). И – в аэропорт. В аэропорту руководитель нашей делегации заместитель министра В. И. Зубарев быстро отделился от нас, ушёл в vip-зал; в Шереметьево он выходил отдельно от нас через vip-зал, махнул рукой, сел в свою служебную машину и уехал. Странный человек. Он даже не нашёл нужным или хотя бы вежливости ради побеседовать с нами о прошедшей конференции.

Вернувшись из Чехословакии после научно-практической конференции вузовских обществоведов, я как-то обострённее стал вглядываться, вслушиваться в общественные настроения и мнения, дифференцированнее воспринимать и фиксировать в них различные комплексы и течения. Может быть, пристальность внимания была возбуждена настойчивыми расспросами чехословацких коллег о

том, что происходит в СССР. На многие вопросы было трудно ответить. В частности: «А что мы перестраиваем? Технологическую структуру производства или экономические отношения, государственный строй или политическую систему, систему власти или методы управления государством и обществом? Совпадает ли сформулированный М. С. Горбачёвым смысл, цель перестройки “больше социализма, больше демократии” с понятием “социализм с человеческим лицом”, декларируемым чешскими гуманитариями в 60-х годах?»

Откровенно говоря, я долго верил если не в научную, то в социально-политическую добропорядочную устремлённость политики перестройки. Дискуссии на братиславской конференции, а ещё больше в её кулуарах в беседах с советскими и чехословацкими обществоведами развеивали в какой-то мере мою перестроечную эйфорию.

Но главным фактором, побуждающим более вдумчиво, социологически и политически вглядываться в происходящее в стране, были реальные противоречивые процессы и нарастающее расхождение (пока ещё не раскол) общественного мнения по ряду коренных проблем, и формирующиеся новые социальные движения и идеологические течения.

В Воронеже с 1987 года стало вначале тихо, а потом всё громогласнее формироваться и развиваться протестное движение против строительства Воронежской атомной станции теплоснабжения (ВАСТ).

Город стремительно рос по численности населения, интенсивно расширялась социальная инфраструктура (школы, вузы, медицинские и социокультурные учреждения, сфера услуг и т. п.). Всё это требовало тепла в зимнее время. Существующая система теплоснабжения явно не справлялась с интенсивно нарастающими потребностями. Не хватало угля, нефти, газа. Да к тому же теплопроизводящие на их основе предприятия выбрасывали столько газа и пыли, что их шлейф по замерам экологов тянулся за 40 км от Воронежа. В Воронежской области, в Нововоронеже, в своё время, задолго до Чернобыля, была построена одна из первых атомных электростанций. Она хорошо и эффективно работала. И работает безопасно до сих пор, возводя и эксплуатируя новые блоки. Руководство города и области долго и упорно добивалось у правительства разрешения и средств на строительство ВАСТ. Добились разрешения, но долго не начинали строительство: не было ни финансовых средств, ни фондов на стройматериалы, ни оборудования, включая реактор. Наконец, всё было «утрясено», строительство началось. В воронежской прессе изредка появлялась информация о ходе строительства и о том, что скоро город получит более чем достаточное дешёвое тепло современного технологического типа.

Но… грянула Чернобыльская катастрофа. Кое-что от неё достигло и некоторые территории Воронежа и области. Через некоторое время население города встревожилось. В какой мере безопасно строительство ВАСТ в 6 км от города? Воронежское руководство, определяя место строительства производящего блока

с реактором, об этом никогда не задумывалось, и никто не подсказал, в том числе и воронежские учёные, где безопасно разместить. К тому же на 6 км меньше потребуется труб для проводки тепла в город, а они до́роги, да и потери тепла при транспортировке будет меньше. Но под влиянием Чернобыльской катастрофы население встревожилось. Потребовало объяснения. В то время я был депутатом Воронежского горсовета, и на каждой встрече с избирателями вопрос о ВАСТ возникал. Никакие технические разъяснения не убеждали. Включились наши университетские физики. Но, дело прошлое, большинство из них не столько разъясняло, сколько возбуждало беспокойство. Кто-то из них запустил в массовое сознание фразу «ВАСТ доставит радиацию на дом». В ВГУ была организована встреча с руководством Нововоронежской атомной станции (директор, главный инженер, главный технолог и др.). Актовый зал был заполнен до отказа, стояли не только в проходах, но и в дверях. Как депутат горсовета я вёл эту встречу. Она была очень напряжённой при всём спокойствии и аргументированных разъяснениях специалистов высокого ранга с Нововоронежской атомной станции. Было много чисто технологических вопросов. Профессиональных, любопытствующих, дилетантских и просто глуповатых. Но проблема была не в технологических вопросах. На них профессионально отвечали. Проблему ВАСТ некие группы усиленно и – надо сказать – довольно умело политизировали, используя её как инструмент и опорную точку в политических целях. Целенаправленно в этом направлении действовали представители движения «Демократическая Россия». И отнюдь не для коррекции политики государства и местного руководства, а для дестабилизации обстановки. По этому вектору чуть позже развернулось экологическое движение «Кедр».

На одной из сессий горсовета воронежских депутатов в присутствии недавно избранного первого секретаря Воронежского обкома КПСС Г. С. Кабасина я внёс предложение о проведении референдума по поводу строительства ВАСТ, чтобы снять социальную и политическую напряжённость в регионе. Через некоторое время соответствующее решение было принято. Но как проводить референдум? В Советском Союзе никаких референдумов не проводилось. Не предусмотрены они ни действующей Конституцией РСФСР, ни местным законодательством. Мне и поручили разработать методику и процедуру проведения референдума по поводу ВАСТ.

Первая методическая проблема – как сформулировать вопрос в бюллетене для голосования. Противники ВАСТ, а они входили в группу подготовки референдума наряду со сторонниками (они были в меньшинстве) и представителями горисполкома, настаивали на формуле: «Считаете ли Вы ВАСТ опасной или безопасной?» Эта формула не прошла. Я решил предложить альтернативный вопрос по выбору строительства генераторов теплоснабжения города. Цитирую по памяти (ни одного бюллетеня у меня не сохранилось, как и самой инструкции): «Как Вы считаете, что безопаснее для улучшения теплоснабжения города Воро-

нежа (выберите свой вариант и подчеркните): строительство газовых котельных или атомной станции теплоснабжения?»

Этот вариант после некоторого дискуссионного сопротивления представителей «Демократической России» и «Кедра» был принят и утверждён на сессии депутатов городского совета. На сессии было утверждено «Положение о референдуме в г. Воронеже по поводу строительства ВАСТ или газовых котельных теплоснабжения». Участники референдума – все граждане старше 18 лет, постоянно проживающие в г. Воронеже и имеющие избирательные права. Была утверждена комиссия по проведению референдума. Я в ней был обозначен в статусе заместителя председателя.

Более всего мешала (иначе не могу сказать) организации референдума группа из «Демократической России» во главе с доцентом ВГУ физиком-теоретиком С. А. Запрягаевым. Они были не против референдума. Были «за», но им хотелось, чтобы референдум проходил только под их контролем, хотя их на это никто не уполномочивал. Сергей Александрович Запрягаев, по-видимому, опасался, что на референдуме большинство проголосует за ВАСТ или противников окажется недостаточно, чтобы вновь и вновь возбуждать вопрос и будоражить горожан. Я успокаивал его: «Гарантирую, как социолог, что не меньше 70 % проголосуют против ВАСТ. Но нужно действовать только в правовом поле. И не методом его самозахвата».

Референдум состоялся 15 мая 1990 года и показал: участвовало 81,6 % избирателей, 96,0 % высказались против ВАСТ. И это волеизъявление никто не может отменить. Строительство ВАСТ прекратилось… К этому вопросу больше никто не возвращался. Референдум в Воронеже по поводу ВАСТ был, по сути дела, первым непосредственным правовым опытом свободного волеизъявления гражданского общества на региональном уровне.

В ВГУ, как и в стране в целом, усиливались разговоры о реформировании КПСС. Муссировалась идея многопартийности, её вариантах, функциональном смысле, возможности в СССР. Разговоры не носили характера организованной дискуссии. Однако партком ВГУ во второй половине 80-х годов (секретари парткома доктор физико-математических наук, профессор Анатолий Николаевич Латышев, после него – кандидат философских наук Анатолий Павлович Дьяков, их заместители: кандидат исторических наук Тамара Петровна Мироненко, кандидат химических наук Александр Сергеевич Соловьёв) не уклонялся от дискуссий. В помещении парткома собиралось человек 20–25 и обсуждали проблемы перестройки КПСС, партийной организации университета. Выдвигались различные идеи: создание на базе разъединения членов КПСС двух партий (собственно коммунистической и социал-демократической), возможное возникновение конкурирующих с КПСС партий, изменение методов политической деятельности и т. п. Кто-то при этом действительно стремился к демократии и надеялся на неё. Кто-то преследовал карьерные цели. В многотиражке «Воронежский университет» была

опубликована статья молодого преподавателя философии под характерным заголовком «Партия, дай порулить!» Разговоры, дискуссии не приводили к каким-либо практическим решениям. Но в них сознательно и бессознательно формулировались психологические предпосылки радикальных политических событий на рубеже 80–90-х и в последующие годы.

Между тем Воронежский университет жил обычной жизнью: согласно учебным планам и программам читались лекции, обычным порядком шли семинарские и лабораторные занятия, велись научно-исследовательские работы, защищались докторские и кандидатские диссертации, проводились различные научные конференции. Владимир Васильевич Гусев уверенно управлял разносторонней деятельностью университета. Никаких сколько-либо значимых перемен не происходило. Однако синдром неопределённых ожиданий висел в атмосфере и страны, и университета.

В 80-х годах по инициативе ленинградских и московских социологов вначале экспериментально, а потом и по административному указанию Министерства высшего образования СССР стали внедряться мониторинги рейтингов преподавателей. Периодически социологическими методами измерялся уровень удовлетворённости и оценки студентами качества и эффективности преподавания различных учебных курсов. Ректорат дал задание разработать методику такого мониторинга. Изучив опыт некоторых ленинградских и московских вузов и практику польских вузов, с которыми ознакомился ещё в 60-е годы, я предложил свою методику. Она включала анкетный опрос по квотной или – реже – гнездовой выборке. В социологической анкете студентам предлагалось оценить по 9-балльной шкале уровень удовлетворённости избранной специальностью, общий уровень удовлетворённости конкретным учебным курсом, удовлетворённость содержанием курса, удовлетворённость и оценка методики преподавания (формулировка проблем, формулировка понятий, изложение концепций, аргументированность, доказательность), оценка темпа чтения лекции или ведения семинарского занятия, оценка взаимосвязи преподавателя и аудитории в процессе ведения занятий. В анкете указывались факультет, курс, название учебного предмета, показатели академических успехов (по доминанте оценок), пол реципиента. Опрос проводился за 3–4 недели до окончания лекционного курса или семинарских занятий, во всяком случае, до экзаменов. На основании количественных оценок тех или иных сторон учебного процесса, преподавательского мастерства выводился интегральный индекс удовлетворённости качеством преподавания и деятельности конкретного преподавателя. Результаты социологического опроса широко не объявлялись, но использовались при проведении конкурсов на замещение должностей профессора, доцента, преподавателя, ассистента.

Не помню, да, наверное, этого и не было, чтобы кто-то получил «девятку», т. е. у кого бы выявился самый высокий положительный индекс. Чаще всего индексы

распределялись в интервале от 6 до 8,8. Бывало, но редко, и ниже 4. Мой индекс колебался от 7,9 до 8,6. У сотрудников кафедры не было ниже 7, а бывало и 8,7.

Результаты мониторинга ни в коем случае нельзя использовать как решающий фактор в оценке научно-педагогической деятельности преподавателей. Студенты разные. Есть студенты высокого интеллектуального уровня с повышенными потребностями и интересами в познании. Они стремятся получить как можно больше и могут предъявлять преподавателю более высокие требования. Такие студенты творческому преподавателю дают возможность значительно поднять научный уровень своего курса, расширить когнитивный диапазон и поднять методологическую культуру пытливого ума. Но бывают молодые люди, не подготовленные к обучению в университете по случайно выбранной специальности. Такие переносят свою низкую познавательную дееспособность или неумение вникать в научную проблематику и понятийный аппарат лекции на преподавателя, трансформируя их в неудовлетворённость преподаванием. Иной студент оправдывает или объясняет плохой ответ на экзамене тем, что ему этот предмет трудно даётся. Иногда это – следствие каких-то психофизиологических пороков, но чаще – результат низкой самоорганизации себя в познавательной деятельности, ослабленной воли к овладению знаниями, специальностью или манкирования занятиями, их бессистемности. Бывают и другие причины, обусловленные недостатками организации и методического обеспечения учебного процесса.

Мнения, оценки студентов важно учитывать, но не превращать в некий абсолют в оценке педагогической деятельности и научной обстоятельности преподавателя.

К исходу 80-х годов прошлого века стали заметно снижаться и интерес студентов к курсу научного коммунизма по сравнению с 60–70-ми годами, и его восприятие. Это было результатом расхождения социальной реальности, политики государства и КПСС с декларируемыми ценностями и принципами социализма, тем более коммунизма (это понятие всё более и более выпадало из идеологических конструкций политики КПСС). Вместе с тем, наиболее развитые студенты требовали знаний более глубоких и обширных, чем мог вместить преподаваемый курс. Группа таких студентов была на 4-м курсе исторического факультета, на котором я вёл курс научного коммунизма. Среди них был Семён Харитон (впоследствии видный деятель банковской системы в Воронежской области). Самое характерное для них было волевое стремление знать больше, чтобы потом работать и понимать происходящее лучше. Каким-то образом они почувствовали, что могу им дать больше, чем стандартизованный курс лекций. Их интересовали социально-политические тенденции мирового развития и способы их концептуального теоретического осмысления. Это оказалось по моим возможностям. Изучая историю социальных и политических революций, я знакомился с различными теориями мировых социально-политических процессов, начиная с середины XIX века. Мне потребовалось две недели времени, чтобы упорядочить свои знания, составить программу, об-

думать логическую схему и методику подачи материала, подобрать необходимую литературу (в моей домашней библиотеке многое было). Через две недели я начал читать курс «Теории и практика мировых социально-политических процессов в XX веке» (для расписания кратко «Теории мирового процесса в XX веке»). Этот курс, видоизменяя, совершенствуя его через каждые 5–6 лет, я читал студентам-историкам, политологам лет 20. В 1989 году прочитал его в укороченном варианте слушателям кафедры научного коммунизма ИППК при МГУ.

В 1980-х годах сложные процессы в СССР и в мире вызвали повышенный научный интерес к проблемам социально-политических изменений, кризисов, сдвигов в социально-стратификационных структурах в различных обществах, динамики общественного сознания, социальной психологии. Эта проблематика не укладывалась в узкие рамки теории научного коммунизма, хотя и была связана с ней. По ней работали и защищали кандидатские диссертации мои аспиранты Т. Н. Малашенко (1984), Л. П. Волкова (1986), Н. П. Поливаева (1988), А. В. Глухова (1990), аспиранты Г. И. Авцинова (была направлена в целевую аспирантуру философского факультета МГУ), А. А. Слинько (был направлен в целевую аспирантуру Института стран Латинской Америки).

В связи со спецификой научно-исследовательской проблематики, социологической направленностью и нарастающими требованиями в постановке и развёртывании новых учебных курсов кафедра внесла предложение в ректорат о переименовании её. В ноябре 1989 года она была преобразована и переименована в кафедру теории социализма и социологии. Первая половина нового наименования свидетельствовала о том, что разрыв с прошлым и убеждениями в научности теории социализма был непростым. Но переосмысление прошлых методологических подходов и обветшалых идеологических установок шло непрерывно. Укреплялась и установка на необходимость дать будущим специалистам современные научные знания об обществе, социальных и политических процессах, человеке и личности в изменяющемся мире. Коллектив кафедры ещё до министерских указаний счёл целесообразным отменить государственный экзамен по научному коммунизму. Факультеты поддержали предложение. Через некоторое время к такому решению пришло и Министерство высшего образования СССР.

В феврале 1990 года коллектив кафедры поставил вопрос о создании на её базе кафедры социологии и политологии. Ректорат и Учёный совет университета приняли соответствующее решение. Это было не переименование кафедры, а создание новой кафедры. Новой по комплексу учебных курсов, которые она стала вести на всех факультетах; новой и по ориентации на подготовку профессиональных политологов и социологов. Парадокс заключался в том, что новая по учебно-образовательной деятельности кафедра была создана на штатно-кадровой базе кафедры научного коммунизма. Не объявлялся конкурс и на замещение должности заведующего кафедрой. Кафедральный коллектив был тот же самый. Такая свое-

образная штатно-кадровая преемственность, а вернее, идентичность, коренилась в том, как я уже писал, что с самого начала своего возникновения коллектив кафедры ещё с середины 60-х годов ориентировался и опирался на социологическую и политологическую парадигму в понимании и в преподавании курса научного коммунизма, были развёрнуты и последовательно развивались социологические и политологические научные исследования.

Свою диссертационную работу я окончательно и довольно серьёзно переделал и оформил в соответствии с требованиями ВАК. Во второй половине 1989 года по плану университета я должен был в очередной раз пройти переподготовку в Институте повышения квалификации при МГУ. Я использовал это время для того, чтобы определиться, в какой специализированный совет могу представить свой опус на предмет предварительного рассмотрения его годности к защите по докторскому рангу.

Пошёл на переговоры с заведующим кафедрой научного коммунизма философского факультета МГУ Александром Митрофановичем Ковалёвым. Он был председателем специализированного совета по теории научного социализма и коммунизма Д. 0.53.05.02. Расспросил меня о тематике и проблематике диссертационной работы, о монографии (вручил ему свою книгу «Общественная психология и революционный процесс» с соответствующей надписью). Поговорили о проблемах преподавания научного коммунизма в условиях острых дискуссий. Он вспомнил моё выступление на Кремлёвском совещании в октябре 1986 года. По его мнению, проблематика монографии даёт основания принять диссертацию к защите. Но есть определённые процедуры. Прежде всего нужны соответствующие документы из Воронежского университета (тема в плане научной работы, протоколы обсуждения на кафедре, справка о внедрении результатов диссертационного исследования в практику); далее необходимо обсудить диссертационный текст на какой-либо кафедре философского факультета по профилю проблематики; после этого определиться с оппонентами и внешней организацией. А уже потом представлять диссертацию в совет с просьбой принять к защите, а для этого кто-то из членов спецсовета должен ознакомиться с текстом и рекомендовать (или отказать) к защите. Александр Митрофанович информировал, что уже представлено несколько диссертаций, есть очередь, поэтому надо торопиться с оформлением и ждать. Ничего не оставалось, кроме как ждать. Диссертацию оставил на ковалёвской кафедре. Она там, в сейфе, долго пролежала без движения.

Пришлось проситься вне плана опять в ИППК на второе полугодие 1990 года. Дело сдвинулось с конца сентября 1990 года. Диссертацию направили на предварительное обсуждение на кафедру социально-политических процессов (заведующий кафедрой – профессор П. Н. Цыганков). Обсуждение было довольно обстоятельным. Интерес и споры вызвала сама постановка вопроса о социально-психологических факторах социальных революций, в какой мере она правомерна с точ-

ки зрения марксизма. Я напомнил, что в ленинском определении революционной ситуации – «низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому» – фиксируются социально-психологические понятия «воления» – экстраординарное состояние воли социальных масс и волевого состояния власть имущих. Особый вопрос в том, чем обусловлено и детерминировано формулирование, историческая интенсификация и актуализация таких состояний воли «низов» и «верхов». Их неправомерно редуцировать только к экономическим обстоятельствам. Исторически актуализируется комплекс синергетически взаимодействующих экономических, социальных, политических, социокультурных факторов.

Один из участников обсуждения – профессор Фридман – заметил: «Ленин мешает Рахманину, а Рахманин мешает Ленину».

Вызвали дискуссию понятие и термин «революционный процесс». Он часто употреблялся для обозначения процесса глубоких общемировых перемен (развитие и укрепление мировой системы социализма, национально-освободительные революции, развал колониальных систем, борьба рабочего класса и демократических сил в странах капитализма). Это понятие подвергалось справедливой критике в конце 80-х годов. И в этом смысле я этот термин не употреблял. В контексте моей диссертации этот термин употреблялся в другом смысле. Социальная революция есть сложный процесс, не акт (вроде переворота), а процесс, имеющий определённые этапы, фазы, факторы, свою динамику. Такое понятие методологически важно для анализа процессов и сдвигов в общественной психологии. Оппоненты согласились в конечном итоге обсуждений, диссертацию рекомендовали к защите.

Специализированный совет Д. 0.53.05.52 принял мою диссертацию к защите, официальными оппонентами были утверждены доктор философских наук, профессор В. Ф. Халипов (известный специалист по истории и теории политической власти), И. М. Клямкин (доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, специалист по истории и теории социальных революций), В. Ф. Ли (доктор философских наук, профессор, специалист по истории и теории национально-освободительных движений второй половины XX века). На внешний отзыв диссертацию направили в Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана. Срок назначили не очень удобный – 29 декабря 1990 года. Ничего не поделаешь; такая выпала очерёдность. Можно было бы назначить на февраль 1991 года. Но диссертация и без того залежалась. На том же совете в тот же день была назначена защита докторской диссертации по современной западно-германской социал-демократической партии женщине из Новосибирска. Специализированный совет работал в 1990 году с перегрузкой. Специализированных советов по общественным наукам тогда было мало.

Так как я во внеочередном порядке проходил курс повышения квалификации при МГУ, то жил в общежитии на Ленинских горах. Со мной в блоке (блок из двух комнатушек-пеналов) жил доцент из Пензенского пединститута, историк.

Вечерами за чашкой чая беседовали о проблемах исторической науки (они мне были не чужды: в ВГУ на историческом факультете я читал курс лекций в 32 часа «Философские проблемы исторической науки»), с пристрастием обсуждали происходящие события, нарастание конфликтов в стране. В общественной психологии нарастали эмоционально-иррациональные тенденции и растерянность политических «верхов».

В ИППК я посещал лекции учёных, приглашённых из академических институтов, выступающих по особой проблематике. Нормативные курсы мне были хорошо известны из предыдущих циклов повышения квалификации. С удовольствием слушал лекции Г. Г. Дилигенского по современному рабочему движению, А. А. Галкина о средних слоях в Западной Европе, В. В. Загладина о социальных движениях, Ф. М. Бурлацкого по теории политики, Р. Г. Абдулатипова (теперь главы Дагестана) по национально-этническим конфликтам. По предложению Е. А. Ануфриева (заведующего кафедрой научного коммунизма ИППК) прочитал два коротких курса «Противоречия социализма» (курс вызвал повышенный интерес), «Теории мирового развития в XX веке».

Время медленно, но уверенно катилось к дате защиты диссертации. Общался с оппонентами по поводу своевременности предоставления в совет отзывов. Неожиданно хороший внешний отзыв получил из Бауманки. Хотя процесс шёл как будто нормально, нервные нагрузки возрастали. Отзывы оппонентов получил более или менее своевременно. Они были положительными, но высказывались и критические замечания, предложения. В одном отзыве предлагалось типологизировать революции по социально-психологическим основаниям. Предложение соблазнительное, но неисполнимое: для такой типологизации необходимо довольно основательно продвинуть, развить науку социальной психологии. За это я не брался, понимая, что это пока методологически невозможно, да и эмпирического материала пока я не накопил.

Из дома и с родной кафедры шли хорошие, добрые письма. Галя писала часто и обстоятельно, спокойно повествовала о домашних делах, работе Олега, о внуке Саше, который лучисто улыбался мне с фотографии за стеклом книжной полки. На кафедре в её новом наименовании (с февраля – социологии и политологии) всё шло своим чередом. Мне желали успешной защиты. Изредка встречался со своей напарницей по защите – женщиной из Новосибирска. К сожалению, не могу докопаться в своей памяти до её фамилии и имени. Делились информацией и мнениями о том, как идут дела. Ей было труднее. Ей негде было жить в Москве. Я проживал в хороших, во всяком случае, удобных условиях общежития МГУ. Она или не догадалась своевременно о возможностях, которые предоставлял своим слушателям ИППК, или это почему-то было невозможно. Ни знакомых, ни тем более родственников у неё в Москве не было, да и в Новосибирске, как я узнал позже, кроме племянника, у неё никого не было. Не было и денег на оплату проживания в

гостинице. Она каким-то образом ютилась в спальном вагоне Казанского вокзала, который предоставлял ночлег для нуждающихся.

Для поддержки меня и помощи дней за 10 до защиты приехал мой друг доцент кафедры Бронислав Яковлевич Табачников, неискоренимый оптимист и человек удивительной общительности даже с незнакомыми людьми. Его приезд был более чем кстати. Меня предупредили о трудностях сбора членов специализированного совета. Конец года, у всех в вузах накапливаются неотложные дела. К тому же многие члены совета не работают в МГУ, будучи сотрудниками академических институтов или других московских вузов. Извещения своевременно были всем разосланы. Но подтверждения и информации о том, что будут участвовать в работе совета, далеко не от всех получены. Нужно повторно пригласить и получить сведения о предстоящем участии в работе совета по защите двух докторских диссертаций.

Приезд Б. Я. Табачникова был очень кстати. Он сам вызвался развести повторные приглашения проблематичным членам специализированного совета. Технический секретарь совета признала такую акцию полезной. В её успешности сомневаться не приходилось. Бронислав Яковлевич провёл её корректно, что, по признанию учёного секретаря совета, было неожиданно. Накануне защиты в морально-психологическую поддержку приехала жена Галина Никитична, в день защиты – доценты кафедры, в прошлом мои аспирантки Галина Васильевна Горченко и Лидия Петровна Волкова. В Москве жил на Сретенке мой старший брат, полковник, работавший после долгой службы на Дальнем Востоке и на Камчатке в Министерстве обороны. Пригласил его на защиту. Однако не смог его встретить у станции метро «Университет» и провести в корпус гуманитарных факультетов МГУ. Он с женой Ниной Ильиничной прождали меня более часа (мобильных телефонов тогда не было, и связаться с ними я не мог).

На первом заседании специализированного совета защищалась моя напарница. Защита прошла хорошо. Моя защита была на втором заседании (в тот же день, но протокольно это было второе заседание). Первое заседание уложилось ровно в 2 часа. Председатель совета предложил быть и мне, и членам совета краткими. В перерыве подкрепились кофе, чаем и воронежскими деликатесами.

Динамично прошло и второе заседание. Поскольку автореферат был своевременно разослан членам совета и дополнительно роздан перед защитой, то вступительное слово удалось уложить в 11 минут. Было задано несколько вопросов: о методологии социально-психологического анализа социальных революций; понятии «социально-психологические факторы»; соотношении сознательного и бессознательного; социально-психологических корнях большевизма; социально-психологических причинах, возрастающих в современном мире этно-национальных конфликтов и др. Как мог, отвечал с ходу. На вопрос о вероятных тенденциях сдвигов в общественной психологии советского общества честно признался: «Определённо сказать не могу. Вопрос нуждается в специальном исследовании,

а гадать – не берусь. Но хотелось бы, чтобы сдвиги были к лучшему». Вопрос: «А что за поворотом?» (под таким заголовком были опубликованы мои размышления в «Правде») остаётся открытым.

Выступили мои оппоненты. Кратко В. Ф. Халипов, В. Ф. Ли, И. М. Клямкин. В. Ф. Халипов вне текста отзыва заметил, что диссертация В. С. Рахманина по социально-психологическим аспектам социальных революций по её содержанию и научному уровню может быть представлена на соискание учёной степени доктора наук и по философии, и по психологии, и по социологии. И. М. Клямкин, соглашаясь с этим, тем не менее подчеркнул, что философский подход в диссертации доминирует.

На отзывы оппонентов, не затягивая время, я отвечал кратко, в основном благодарил за критические замечания и предложения.

Выступили в поддержку и со своими мыслями по диссертационным проблемам три члена совета, включая заместителя председателя совета Е. А. Ануфриева, хорошо знавшего меня по неоднократному прохождению циклов ИППК. В начале 3-го часа защиты председатель А. М. Ковалёв предложил перейти к голосованию. Меня это одновременно и обрадовало (конец ожиданиям), и как-то встревожило. Я ожидал более напряжённого обсуждения результатов моего многолетнего труда, споров; был готов к полемике. Но… 29 декабря и две докторские диссертации в один заход развеяли мои ожидания, да и опасения, откровенно говоря.

Проголосовали: 20 «за», 1 бюллетень оказался недействительным (кто-то, наверное, в спешке опустил его, ничего не отметив, торопясь по вечернему времени домой). Без особых поправок приняли Заключение специализированного совета по диссертации «Социально-психологические проблемы революционного процесса», представленной на соискание учёной степени доктора философских наук.

Так закончилась моя диссертационная эпопея. Она растянулась во времени намного больше средних диссертаций, наблюдаемых у большинства вузовских работников. Разрыв во времени между кандидатской и докторской у меня составил 27 лет. Многовато. В 70–80-х годах эту дистанцию многие проходили за 10–12 лет. В 90-х и последующих десятилетиях разрыв у многих сократился до 7–9 лет. Между прочим, одна из существенных причин ускорения – компьютерные технологии, интернет-ресурсы. Такого «ускорителя» диссертационных продвижений у меня в 70–80-х годах не было. Но главная причина длительного разрыва во времени между кандидатской и докторской диссертациями в другом. Во-первых, в моей обычной замедленности в работе: подготовительной, в осмыслении проблем и эмпирических материалов, текстовом оформлении (многократное переписывание), а также в различного рода отвлечениях. Во-вторых, в глубинах отечественного обществоведения должна была вызреть потребность поворота к анализу психологических факторов сложных исторических процессов. Методологическая увлечённость исследования объективных законов исторических процессов сдерживала внимание к психологическим аспектам и факторам движения

общества, поведения человеческих масс. В. И. Ленин, как известно, указывал, что без соответствующего субъективного фактора, сложившегося в стране, революционная ситуация не превратится в революцию. В отечественном обществоведении под субъективным фактором революции преимущественно понимали организованность определённого класса (рабочего), его готовность к активным массовым политическим действиям, наличие дееспособной партии. В этих формулах таилась ссылка (намёк) на психологический фактор. Но генезис, динамика, структура, свойства психологии масс и социальных групп всё же не вскрывались.

Внимание к общественной психологии, её состоянию, факторам, изменениям и сдвигам в 60-е и последующие десятилетия явно нарастало. Большую роль для практической исследовательской реализации этого внимания и концептуализации социальной психологии как науки в системе отечественного обществоведения сыграли труды Б. Ф. Поршнева, Б. Д. Парыгина, И. С. Кона, Г. М. Андреевой и др. С учётом достижений зарубежной и отечественной социальной психологии сложились соответствующий понятийно-категориальный аппарат и методологические принципы исследования социопсиходинамики социальных революций. Стало возможным представить докторскую диссертацию к защите. Но даже во второй половине 80-х годов приходилось доказывать, что без соответствующих сдвигов в глубинах общественной психологии ни одна социальная революция не возникнет и не развернётся. Свойства, форма, динамика революций зависят прежде всего от того, какие сдвиги происходят в общественной психологии широких социальных масс, и от психологической реакции на них власть имущих и околовластных слоёв и групп.

На следующий день после защиты диссертации уехала Галя, уехали кафедральные друзья во главе с Брониславом Яковлевичем Табачниковым. Стало как-то пусто и тоскливо: ни жены рядом, ни диссертации, ни друзей. Предстояло занудливое дело подготовить стенограмму защиты, все документы и сопровождающие бумаги с подписями и печатями для отправки диссертации в Высшую аттестационную комиссию. Под Новый, 1991-й, год уехал к брату Ивану на Сретенку. Хорошо с ним и его женой Ниной Ильиничной встретили Новый год. Позвонили Гале и Олегу в Воронеж. Поздравили с надеждой на благополучие в 1991 году. Мы и не предполагали, какую трагедию он принесёт стране и нам. Надеялись, что в стране всё успокоится, уляжется. У народа, у государства, у власть имущих и за власть борющихся хватит ума, просто здравого смысла, сил и ресурсов вывести страну из политических дрязг, экономического кризиса и социального разлада и вернуть ей устойчивость и способность к развитию. Оглядываясь теперь, спустя более трёх десятков лет, на то время, не могу понять, почему у меня была такая уверенность в благополучный исход того раздрая, раскола, тех патологических сдвигов, которые усиливались в СССР. С точки зрения социальной психологии, в то время для таких надежд и уверенности никаких оснований не было. Да и во мне самом нарастала внутренняя тревога; события разворачивались отнюдь не к

благополучному исходу. Невротика захлёстывала политику, не давая здоровым силам стабилизировать обстановку и осуществить развивающие реформы на пользу всех социальных слоёв, наций и этнических групп, для восстановления Советскому Союзу статуса и роли одного из ведущих субъектов мировой политики и международных отношений.

Довольно быстро удалось оформить все документы для отправки диссертации в ВАК. Никаких часто возникающих осложнений не было. Вместе с техническим секретарём специализированного совета я сам отвёз свой опус в ВАК, которая располагалась по ул. Грибоедова, 14. Технический работник ВАК просмотрел все материалы и бросил (не положил, а именно бросил) мой многолетний труд на обыкновенную дощатую полку, выдав техсекретарю совета справку о приёме диссертации. Сердце моё ёкнуло, и я понуро пошёл по Чистым прудам. Неожиданно встретились коллеги по красинским симпозиумам И. К. Пантин, редактор академического журнала «Рабочий класс и современный мир» (предшественник «Полиса»), и И. М. Клямкин, мой официальный оппонент по диссертации. Поздравили, поговорили, у них были какие-то свои дела.

С моей новосибирской напарницей по защите диссертации случилась трагедия. У неё никого рядом не было для поддержки и помощи. Была она женщиной одинокой вообще. В завершающей стадии защиты были сделаны какие-то замечания по Заключению совета относительно достоинств её диссертации. Нужно было внести поправки. В первые дни января она вместе с учёным секретарём специализированного совета Е. Г. Шараповой (у неё в квартире) вносили эти поправки. Работали спокойно. Но вдруг диссертантка упала без сознания. Скорая помощь констатировала смерть. Оборвался тромб и закупорил сердечную артерию. Она предельно переутомилась. Сказалось и то, что проживала она, если можно так сказать, не в гостинице, а на Казанском вокзале в приспособленном для ночёвок купейном вагоне в железнодорожном тупике. Из Новосибирска вызвали её единственного племянника. Диссертацию её всё же отправили в ВАК. Такая судьба…

В конце января 1991 года, завершив все московские дела и получив очередное свидетельство об успешном прохождении ИППК, я вернулся в Воронеж, домой и на родную кафедру. Ректор ВГУ Владимир Васильевич Гусев, секретарь парткома Анатолий Павлович Дьяков и, конечно, вся кафедра поздравили с защитой докторской диссертации.

Вряд ли докторскую диссертацию можно считать решающим показателем научных возможностей и способностей учёного. В постсоветской России возникла и достигла угрожающих масштабов эпидемия представления и защита заказных «диссертаций» и плагиатов. Наблюдается и другое: защита даже доброкачественной диссертации иногда бывает последним творческим научным актом её успешно защитившего автора. Докторская, как и кандидатская, диссертация – важный фактор официального признания научной квалификации человека, вступившего в

мир науки. Через защиту диссертации повышается формальный статус претендента в официальной научной среде, но далеко не всегда в реальном, действующем научном сообществе. В советское время защита диссертации существенно сказывалась на повышении зарплаты. Не случайно давно сложилось анекдотическое определение: «Диссертация – это длинное заявление на повышение зарплаты». Однако защита диссертации делает её автора более свободным в последующих научных исследованиях (в выборе тем, постановке проблем, концептуализации понятий, административно-финансовой поддержке, научных коммуникациях).

Диссертационная процедура определения и легитимации научной квалификации соискателя и присвоения учёного статуса (степени) и звания и в СССР, и в постсоветской России обставлены многими регламентными правилами, документами, режимными предписаниями. В постсоветской России, на мой взгляд (а я несколько десятилетий был членом различных советов по защите диссертаций), бюрократия возросла. Однако вряд ли её изобретения способствовали повышению научного качества представляемых и защищаемых диссертаций. Да и не стали бюрократические правила и процедуры эффективным препятствием на пути заказных и научно несостоятельных диссертаций.

Возвращение после защиты диссертации в Воронеж, в родной университет было и радостным (гора свалилась с плеч), и тревожным. В университете, в Воронеже, в области, как и во всей стране, разгорались общественные страсти о том, как жить и быть, как выйти из экономического кризиса, социальных конфликтов, остановить падение уровня и качества жизни. Всё явственнее обозначались столкновения социалистических и антисоциалистических сил. Не только КПСС теряла свой руководящий политический авторитет, но советское государство оказалось недееспособным решить не то что перспективные, но насущные обыденные проблемы, контролировать ситуацию, управлять страной и сдерживать негативные стихийные процессы.

В Москве я наблюдал как пассивный участник бушующие митинги. Однажды в Лужниках на митинг собралось тысяч 150. Меня чуть ли не затолкли в толпе. Протестовали против нарастающего товарного дефицита, привилегий властвующих чиновников, политики, идеологии и руководящей роли КПСС. Масштаб массовых акций в Воронеже был, естественно, меньше, но проблематика и накал страстей, конфликтогенность те же.

Надвигалось что-то малопонятное и несуразное. Но надо было погружаться в обычную университетскую жизнь, в учебный процесс, в научно-исследовательскую работу недиссертационного типа, в общение с аспирантами (у меня их было в то время трое), в заседания: кафедральные, университетские (я был членом Учёного совета ВГУ) и т. д. и т. п.

Глава 7

ИНЫЕ ВРЕМЕНА, ИНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Quem dederat cursum fortuna peregi.

Путь, указанный судьбой, я прошёл.

Философы размышляют над парадоксами движения исторического времени. Устремляясь в будущее, проходя настоящее, оно становится прошлым. Шекспировская фраза «распалась связь времён» не метафора, она фиксирует реальность исторического времени. Ткань исторического времени (сложившиеся привычные отношения, связи между людьми, их институциональные структуры, способы существования, формы жизнедеятельности и её ценностный смысл) время от времени рвётся, распадается. Но не сама по себе. Её рвут люди, социально-политические силы. Намного реже она рвётся природными катаклизмами (но и тогда без человека не обходится). Вопрос как раз перед философом, социологом (позже – историком) заключается в том, кто и почему рвёт привычную исторически сложившуюся ткань социальных связей, отношений с соответствующим образом жизни и мыслей, каковы будут экзистенциальные последствия этой радикальной акции, которая может длиться годами и даже десятилетиями.

За свою многовековую историю Россия неоднократно впадала в системные кризисы, в распады связи времени, в кризисы своей цивилизационной идентичности. Это – не исключительность только её исторического бытия. Через распад связи времён так или иначе проходили, проходят и будут проходить все народы, все общественные системы. Некоторые поглощались распавшимся временем, не сумев или не имея сил найти новую историческую связь времён. Россия не раз находила новую связь времён.

На рубеже 80–90-х годов минувшего столетия события в политической и духовной жизни всё более и более выявляли нарастание тенденции не столько к обновляющей перестройке всего общественного организма, не к реформированию социализма, а к распаду связи времён. Дестабилизационные процессы охватывали все сферы общества: экономическую, социальную, политическую, сферу культуры, государственное управление. Противоречия и конфликты в политических «верхах» приобрели скандальный характер. Создавалось впечатление – и от него трудно было отмахнуться – кто-то целеустремлённо сталкивает дискуссию о путях и методах выхода из нарастающего кризиса общества и государства в грязный омут дрязг, групповых и личностных склок. И были люди, которые на круговерти склок и дрязг делали политический гешефт. Я не хочу их тут поминать. Мои мемуары не о них и не для них. Но они были. Были и в Воронежском госуниверситете. Потом некоторых придётся пофамильно и в деяниях вспомнить. Правда есть правда. Что было, не может стать небывшим.

Политические страсти первоначально не очень захватывали ВГУ. Университет жил обычной жизнью: профессора и доценты читали лекции, принимали экзамены; студенты и аспиранты слушали лекции, сдавали с обычными волнениями экзамены. Ассистенты и лаборанты помогали тем и другим. В различных направлениях велись научные исследования – фундаментальные и прикладные. Защищались диссертации. В сентябре 1990 года на философском факультете МГУ успешно защитила кандидатскую диссертацию Александра Викторовна Глухова, моя аспирантка.

К началу 90-х годов в вузах осложнилась проблема преподавания общественных наук. Они были на особом положении. Заведующие кафедрами истории КПСС, философии, политической экономии, научного коммунизма фактически были на положении номенклатуры обкома КПСС. Их часто приглашали в различные отделы обкома КПСС для консультаций и разработки проблем развития региона, подготовки аналитических записок, докладов секретарей обкома и т. п. Часто приходилось выезжать в районы области с лекциями по актуальным проблемам современности. Педагогическая нагрузка по учебному процессу у обществоведов была намного меньше, чем у представителей других наук, что было предметом зависти и раздражения последних.

К концу 80-х годов статус кафедр общественных наук, особенно преподавания, стал подвергаться критике. Студенты открыто критиковали не отдельных преподавателей (это бывало и по естественно-научным и гуманитарным наукам), а в принципе. Особенно доставалось кафедрам истории КПСС и научного коммунизма. Ещё в конце 1989 года студенты ВГУ стали собирать подписи об исключении курса научного коммунизма из учебных планов. Обратились и ко мне как заведующему кафедрой научного коммунизма. Я подписал студенческое обращение в Минвуз СССР, пояснив, что, по моему мнению, в учебные планы

всех факультетов необходимо включить курс социологии как науки о социальных отношениях.

Такое предложение я внёс в ректорат. Но ректорат не смог пойти на это, поскольку этот вопрос был не в его компетенции, хотя такой курс уже был включён в учебный план экономического факультета, и я его вёл.

Назрела необходимость коренного пересмотра и структуры, состава преподаваемых в вузах общественных наук. Министерство высшего образования медлило. Однако вело с вузами консультации. Со мной, в частности, по этой острой проблеме беседовали в Минвузе СССР, в отделе науки ЦК КПСС. Кстати, в Минвузе СССР по инициативе заместителя министра Ф. И. Перегудова и при поддержке министра Г. А. Ягодина было создано исследовательское объединение «Общественное мнение», одной из опорных баз которого была кафедра научного коммунизма ВГУ. За ней была закреплена особая тема «Социально-политические процессы в вузах». В нашу задачу входил, по сути дела, мониторинг общественного мнения профессорско-преподавательского состава, сотрудников и студентов вузов СССР. Мы эту работу вели несколько лет и отчитывались перед Министерством. Непосредственным оргответственным от Министерства был А. А. Мельников.

В стране нарастали тенденции экономического и социального неблагополучия. Нарастало и беспокойство в различных слоях населения. Весной 1991 года по программе Минвуза СССР «Общественное мнение» был проведён общесоюзный социологический опрос по проблемам социально-политической ситуации и общественным настроениям. В исследовании участвовали социологи Москвы, Нижнего Новгорода (тогда – г. Горький), Харькова, Свердловска, Душанбе. Базовой, ведущей была кафедра научного коммунизма Воронежского государственного университета. Опрос проводился по всему Советскому Союзу.

В жаркие дни (до 30 градусов) июня 1991 года, сняв несколько номеров гостиницы «Брно» (в ВГУ шли экзамены, читались лекции заочникам, и свободных помещений не было), большая группа социологов из разных университетов обрабатывала и анализировала материалы массового опроса. Эмпирические данные вскрывали тревожную картину. Особенно в центральных регионах. Ценностные ориентации респондентов были сбиты со всех социальных шкал и доверия к органам власти. Фиксировалась растерянность и уверенность в будущем. Это – всегда свидетельство и предвестие социально-политических турбуленций. Что-то должно произойти взрывное. Что? Конкретно прогнозировать было невозможно. Но было ясно: зреет конфликтный, иррациональный взрыв с неопределёнными последствиями. Возможно, в сентябре-октябре.

Отчёт о результатах социологического опроса и свои выводы, поспорив, мы написали и отправили заказчику – Министерству высшего образования СССР. Вскоре, числа 12–14 июля меня и В. Н. Эйтингона пригласили в обком КПСС. По-видимому, бюро обкома решило проконсультироваться. Я доложил результаты

социологического исследования социально-политической ситуации и общественных настроений, сделал выводы, внёс предложения. Владимир Наумович чётко и реалистично охарактеризовал нарастание угрожающих тенденций в экономике и потерю управления социальными процессами. Что делать? Что мы могли тогда сказать? В один голос: решительный и деятельно-результативный поворот к демократии, социальным проблемам населения, повышению уровня и качества жизни.

В начале июля завершился 1990/91 учебный год. Последний учебный год в системе высшей школы СССР. Отпускное время обычно начиналось с 6–7 июля. Своевременно выдали отпускные деньги. Мы с Галей решили часть отпуска, 3 недели, провести на университетской спортивно-оздоровительной базе «Веневитиново». С нами был, как и всегда, наш почти пятилетний внук Саша, для которого Усманка стала рекой его детства. Я тоже вырос у реки и знаю, что такое река в детстве. Она физически и душевно формирует человека, открывающего мир. Она течёт куда-то в неведомое. И вот это «куда-то течёт», наверное, в подсознании символизирует жизнь вообще. В ней – таинственные глубины, которые манили и настораживали. А плеск воды, такой разговорчивой то с берегом, то с лодкой, то с твоим телом… Для меня такой речкой была похожая на Усманку река Пара в Рязанской области, впадающая в тогда ещё неведомую мне Оку.

Из «Веневитиново» мы вернулись в августе числа 10-го. Это был мой первый отпуск без заботы и о своей диссертации. Всё позади. Научная работа теперь не привязана к диссертационному жанру и режиму. Это не означало, что я отошёл от социально-психологической проблематики сложных социально-исторических процессов. Наоборот, мой интерес к ним углубился. Но диссертационные условности их изучения и трактовки меня больше не томили. Наверное, это происходит с каждым, во всяком случае, со многими, кто защитил докторскую диссертацию и обнаружил, что не исчерпал в ней (и не мог!) ту тему, проблему, которую когда-то избрал, да и себя.

В оставшиеся отпускные дни решил доработать, хотя бы схематично, один сюжет, который начал у меня формироваться ещё во время длительной командировки в Чехословакию в 1971–1972 годах: массовые социальные психозы в истории. В российской и европейской истории были такие состояния, когда социальные массы приходили в экстраординарное возбуждение, которое сбивало их с устойчивых оснований жизни. Люди в своей массе теряли здравый смысл, впадали в стихию разрушений сложившихся форм жизни и социальных связей. Э. Дюркгейм ввёл в своё время понятие аномичного общества, т. е. такого общественного состояния, когда распадаются ранее сложившиеся, привычные нравственные, правовые, политические, даже религиозные, нормы, правила, образцы, стандарты, модели жизни. По-русски эти состояния издавна определялись как смута, смутное время. Российские историки глубоко проникли в социально-экономические, политические, личностные тайны смуты начала XVII века, из кото-

рой Московскую Русь вывели твёрдая воля народного ополчения во главе с Мининым и Пожарским. Однако социально-психологическая природа и динамика смут всё же с достаточной глубиной и доказательностью оставалась на втором плане, хотя ряд историков дал блестящее событийное описание смуты как феномена, но не как динамичного социально-психологического процесса взрыва, аномизации общественной психологии. Выдающийся русский философ Н. А. Бердяев много писал о демонах революции 1917 года.

Социально-психологическая динамика революций не сводится к смутам, массовым психозам, демонам толпы. Но в них также неправомерно видеть только пробуждение, подъём социального самосознания масс. Методология рационализма и методология иррационализма не постигают всей социально-психологической сложности, противоречивости, многомерности не только революций, но любых социально значимых исторических процессов, особенно так называемых смут.

19 августа 1991 года за письменным столом я разбирался в своих давних и – нечего скрывать – наивных записках о массовых психозах, пытаясь обдумать более конкретный понятийно-категориальный аппарат их описания и анализа. Устал. В 12 часов решил по телевидению посмотреть и послушать информационную программу. Включил ТВ. Экстренное сообщение: путч… образован Государственный комитет чрезвычайного положения (ГКЧП) во главе с вице-президентом Янаевым. В Москву введены войска; танки – у здания правительства и резиденции президента Б. Н. Ельцина. Президент СССР и одновременно Генеральный секретарь КПСС М. С. Горбачёв якобы временно болен и находится в санатории в Крыму, в Форосе (в Форосском санатории я отдыхал в 1962 году). Б. Н. Ельцин – неизвестно где. ГКЧП открытым текстом по телевидению заявил, что берёт всю власть на себя, призывает граждан к спокойствию. У председателя ГКЧП Янаева ходуном ходили сцепленные руки на столе.

Удалось созвониться с ректором Владимиром Васильевичем Гусевым. Его первые слова были: «Не дать втянуть университет в путч». Позвонил секретарь парткома ВГУ Анатолий Павлович Дьяков. Просил завтра в 10 утра быть в парткоме, чтобы определиться, что делать. В то время я не был членом парткома. Ответил, что обязательно буду. Посоветовал: никаких заявлений до решения парткома не делать. А. П. Дьяков был такого же мнения.

Ни телевидение, ни радио 19 августа никакой дополнительной информации не сообщали. Весь день и вечер звучала прекрасная музыка Чайковского – «Лебединое озеро».

К вечеру у меня сложилось твёрдое мнение: ГКЧП и его действия антиконституционны. Но что можно ожидать? И что нужно делать? Вопросы, вопросы… К 10:00 20 августа собрались члены парткома. Ректор, Владимир Васильевич (он был членом парткома КПСС), сидел за столом встревоженный и угрюмый, закуривая одну сигарету за другой. Пришёл по приглашению и Владимир Наумович Эйтингон.

Анатолий Павлович Дьяков открыл заседание парткома, предложив выработать позицию в связи со вчерашним заявлением ГКЧП. Кто-то спросил, нет ли дополнительной или новой информации. Никакой новой информации не было. Владимир Васильевич сказал, что необходимо соблюдать обычный порядок; через несколько дней начнётся новый учебный год, необходимо обеспечить нормальное начало занятий; самое главное – не допустить втягивания студентов ни в какие массовые акции. «Надо беречь студентов», – повторил он несколько раз. Возникла неупорядоченная дискуссия. Присутствующий на заседании работник отдела науки и вузов считал, что самое главное – выяснить, где находится Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв и что с ним. Большинство было согласно с мнением ректора и считало, что нужно опубликовать соответствующий приказ, запрещающий студентам участвовать в митингах, демонстрациях. Высказывались предложения не вызывать преподавателей досрочно из отпуска, так как это может повысить тревогу и сумятицу.

Практически все осуждали ГКЧП, особенно ввод войск в Москву. Всех тревожило, что произошло на самом деле, как будут разворачиваться события и к чему они приведут.

Мы с Владимиром Наумовичем Эйтингоном сидели у окна, в стороне от парткомовского стола. Заседание длилось уже более 2 часов, но никакого решения не вырабатывалось. Переговорив с В. Н. Эйтингоном, я предложил сделать перерыв и проветрить комнату и головы, чтобы выработать решение. Во время перерыва мы с Владимиром Наумовичем и заместителем секретаря парткома Александром Сергеевичем Соловьёвым написали проект резолюции, который и предложили членам парткома. Её основные тезисы:

1. Партком Воронежского государственного университета решительно осуждает путч ГКЧП как антиконституционный и не признаёт его власти.

2. Требуем незамедлительно вывести незаконно введённые войска из Москвы и из других городов, вернуть их в места постоянной дислокации; принять все меры по недопущению развёртывания событий в военно-силовой форме.

3. Восстановить конституционный порядок; все органы государственной власти, партии и общественные организации должны действовать только на основе конституционного правопорядка.

4. Срочно созвать Верховный Совет народных депутатов для обсуждения сложившегося положения в стране и выработки мер по регулированию социально-экономической и политической ситуации.

5. Принять меры к возвращению Президента СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС к исполнению конституционных обязанностей.

6. Партком ВГУ обязывает всех коммунистов и призывает всех преподавателей, научный персонал, студентов, аспирантов, лаборантов, хозяйственных работников активно поддерживать и обеспечивать правопорядок и нормальное начало учебного процесса.

7. Ректору коммунисту В. В. Гусеву строго действовать и осуществлять свои функции неуклонно на основе действующего законодательства и принятой резолюции парткома ВГУ.

8. Текст резолюции парткома Воронежского государственного университета направить в Президиум Верховного Совета народных депутатов СССР и РСФСР, Воронежскому обкому КПСС, горкому КПСС Воронежа, райкому КПСС Центрального района г. Воронежа.

9. Настоящую резолюцию опубликовать, вывесить её текст на видных местах всех корпусов ВГУ.

После обсуждения предложенного проекта резолюции и некоторой корректировки он был принят. Резолюция была направлена по предписанным адресам, её текст был вывешен на видных местах в коридорах и рекреациях всех университетских корпусов. Однако вскоре выяснилось: кто-то срывал тексты парткомовской резолюции. Секретарь парткома Анатолий Павлович попросил снова вывесить тексты резолюции. И их снова кто-то тайно сорвал. Опять вывесили – снова сорвали. Действовала некая группа, которая, как видно, не была заинтересована в восстановлении конституционного правопорядка. Во имя чего и в чьих интересах действовала эта группа? Может быть, в интересах ГКЧП? Ведь резолюция парткома решительно осуждала антиконституционность ГКЧП и его действия. Вскоре выяснилось: группа действовала в интересах антипутча, возглавляемого Б. Н. Ельциным. Организаторами её были доценты физического факультета В. А. Давыдкин и С. А. Запрягаев, представлявшие в ВГУ движение «Демократическая Россия».

ГКЧП был антиконституционен и по существу, и по способам своего возникновения, и по методам действий. Но антиконституционен был по своей сущности, целеустремлённости, действиям и контрпутч, возглавляемый, во всяком случае, демонстрационно, Б. Н. Ельциным. Подосновой, социальной онтологией того и другого были объективно назревшие необходимость и потребность глубокой демократической структурной реформы общества, его экономического, технологического уклада, социальных институтов, политической системы и вместе с тем неготовность власть имущих, политической номенклатуры и формирующейся оппозиции осуществить эти реформы. Хотя желания как будто были, но интеллектуальный, морально-волевой и организационно-технологический уровень политических верхов, да и всего политического класса, не соответствовал новым вызовам истории. Видный в конце 80-х годов представитель «Демократической России» (один из её лидеров), декан экономического факультета МГУ Г. Попов в своё время (а оно у него было, да со временем его забыли) в одной из статей провозгласил, что социализм в принципе нельзя реформировать. Категорическое суждение. Любое общество можно реформировать, если реформы назрели и есть кому реформировать и подготовить социальные массы к реформам. А вот правящая элита, имеющая свои социальные корни, чаще всего действительно бывает

нереформируемой. Тогда и возникают революции. Так было в прошлом, так и в постсоветское время.

Советская правящая номенклатура (элита) оказалась недееспособной осуществить демократизацию общества и государства, хотя и почувствовала: что-то делать надо. Не смогла.

Так сложилось, что у путча ГКЧП и контрпутча Б. Н. Ельцина общая подоснова антиконституционных и антидемократических действий. И всё же у путча ГКЧП и антипутча Б. Н. Ельцина антиконституционность и антидемократичность разные.

Организаторы ГКЧП были встревожены нарастающей опасностью антиконституционного распада СССР как государства, его геополитической целостности. Они не стремились к личной власти и себя у власти считали временными. Но их действия (властное самопровозглашение, действия в обход Верховного Совета и Президента СССР, ввод войск в Москву) были антиконституционными. В этом и заключался парадокс: нелегитимно возникнув и действуя нелегитимно, организаторы ГКЧП стремились защитить и сохранить конституционный строй, конституционную государственность.

Антиконституционность контрпутчистов заключалась в другом. Выступая против антиконституционности ГКЧП, сторонники Б. Н. Ельцина тем самым морально самолегитимизировали себя в сознании части общества, особенно молодёжи. Но стремились они к разрушению конституционной системы, к собственной власти, что в конечном итоге, но довольно быстро привело к неконституционному распаду СССР, его государственности, к сокращению трёхсотлетнего российского геополитического пространства.

Я пишу об этих сложных событиях и процессах не для того, чтобы изложить свои взгляды и высказать теоретическую позицию (она не только моя) в понимании предельно сложных и до конца не прояснённых проблем, вихреобразных событий и процессов. Все эти переплетения конституционности и антиконституционности ГКЧП-путча и ельцинского контрпутча практически не просто отразились, но по-своему выразились в ВГУ, как и в других вузах.

Резолюция парткома, осуждающая антиконституционность ГКЧП, не устраивала кого-то. Поэтому некая группа, действующая якобы от имени «Демократической России» или рекламирующая себя демократичной, срывала тексты резолюции парткома со стен, а ректора В. В. Гусева обвинили в поддержке ГКЧП. Доцент физического факультета С. А. Запрягаев отправил в прокуратуру Воронежской области донос на ректора, обвиняя его в поддержке ГКЧП. Донос был клеветнический. В. В. Гусев на заседании парткома 20 августа вместе со всеми, осуждая антиконституционность ГКЧП, был озабочен только одним: сохранить, обеспечить правопорядок, нормально начать новый учебный год, обезопасить студенчество от неправовых акций. С этими же обвинениями С. А. Запрягаев выступил и на Учёном совете университета. Я выступил против лживых обвинений и попыток

воскресить в университете доносительную психопатию 30-х годов. С резким осуждением заявлений и действий С. А. Запрягаева выступила член Учёного совета профессор физического факультета, заведующая кафедрой Эвелина Павловна Домашевская. Учёный совет университета отверг обвинения доцента С. А. Запрягаева. Но он не остановился в своей практике пустопорожних обвинений В. В. Гусева по всем вопросам его ректорства и университетской жизни.

Областная прокуратура, получив заявление С. А. Запрягаева, начала расследование. В прокуратуру к следователю был вызван В. В. Гусев. Были изучены различные документы: резолюция парткома от 20 августа 1991 года, протокол заседания Учёного совета с записями выступлений моего и Э. П. Домашевской и других. Никаких свидетельств предосудительных высказываний, действий В. В. Гусева как ректора и как гражданина в поддержку ГКЧП обнаружено не было. Никакого дела против В. В. Гусева прокуратура не возбудила. Обвинительные заявления С. А. Запрягаева были признаны несостоятельными, никакого состава преступлений в действиях В. В. Гусева не было. Но у всплывшего на волне демократических движений начинающего общественного деятеля С. А. Запрягаева была какая-то страсть к популистским криминальным и политическим обвинениям.

Не помню, каким образом и в какой момент он стал председателем профсоюзного месткома профессорско-преподавательского состава и сотрудников университета. Но и этот статус он использовал для борьбы против В. В. Гусева как ректора. Но отнюдь не ради улучшения работы профсоюзной организации, защиты человека труда, для улучшения деятельности университета. У него был другой зуд. Карьерный. Возглавляемая им группа рвалась к ректорской власти, хотя до истечения сроков полномочия В. В. Гусева было далеко. Став председателем месткома, С. А. Запрягаев провернул операцию по переводу профсоюзной организации ВГУ из структуры профсоюзов работников просвещения, в которую она входила с самого начала, в структуру возникших независимых профсоюзов, не считаясь с индивидуальными правами членов профсоюза. Надо признать, что С. А. Запрягаев, ранее никогда не проявивший себя в общественной деятельности и мало кому известный, талантливо использовал сумятицу в умонастроениях вузовской интеллигенции в своих до поры до времени скрытых целях, которые вскоре стали явными. Ему очень хотелось быть ректором, но так и не удалось, хотя приложил много сил. Однако на несколько лет он стал правителем ВГУ при малодеятельном ректоре после В. В. Гусева.

Скомпрометировать и отстранить В. В. Гусева с поста ректора С. А. Запрягаеву так и не удалось. Здоровая демократическая часть университетского коллектива доверила Владимиру Васильевичу ректорство и на второй срок; ценили его и в Министерстве высшего образования. Он пользовался устойчивым авторитетом Союза ректоров. Высокого мнения о нём был ректор Московского государственного университета, председатель Союза ректоров академик В. С. Садовничий.

Владимир Васильевич Гусев был ректором ВГУ без малого 11 лет (1987–1998). Его ректорство началось на закате советской социалистической системы и в условиях нарастающего кризиса социализма, но на подъёме вузовской демократии и многообещающих перспектив ВГУ. Он стал первым избранным в советское время ректором. Но бóльшая часть его ректорства выпала на время острейших социально-политических конфликтов, дестабилизации общественной системы, кризисных процессов в сфере образования, прежде всего высшего. Это было вместе с тем время глубоких идейно-нравственных и социокультурных расколов профессорско-преподавательского состава, да и всего коллектива Воронежского университета. И надо было выдержать, выстоять и провести научно-педагогический коллектив, студенчество, университет в целом через социокультурную дестабилизацию, сумятицу реформ, снижение финансирования вплоть до задержек зарплаты и выплаты стипендий. Главное – не утратить тот научно-педагогический потенциал, который десятилетиями складывался и составлял социальное и культурное достояние и признанное достоинство Воронежского государственного университета. И вместе с тем обеспечить его развитие.

Владимиру Васильевичу было предельно тяжело. Помню, как-то пошёл выяснить в бухгалтерию, почему мою зарплату не перечисляют в сбербанк (тогда – в сберкассу). А в рекреации около кассовых окошек бушует толпа, требует зарплаты. И стоит в тесной толпе бледный, но сдержанный Владимир Васильевич и пытается что-то объяснить… Он выдержал не один такой шквал. А ведь кто-то подзуживал: «Ректора сюда!..»

Но и в годы дестабилизирующих реформ, бесшабашной переоценки ценностей, финансового оскудения ВГУ не только выживал, но и развивался. А может быть, и выжил потому, что развивался, был всегда в движении. Открывались и осваивались новые специальности, направления подготовки специалистов. Сформировалась научно-методическая база подготовки специалистов по таким направлениям, по которым обучение студентов ранее не велось (по моим наблюдениям, по крайней мере, более 10). Среди них по политологии, философии, фармации и др. Создавались новые и преобразовывались (а не только меняли свои наименования) ранее существующие кафедры. Защищались кандидатские и докторские диссертации (соответственно более 50 докторских и около 100 кандидатских). К исходу ректорства В. В. Гусева в ВГУ научно-педагогическую деятельность вели 169 докторов наук и 658 кандидатов. Большинство кафедр возглавлялись профессорами[1].

В 1990-х годах высшая школа России переходила на двухуровневую систему высшего образования по так называемому Болонскому процессу: 4 года обучения – бакалавриат, потом ещё 2 года по особой программе – магистратура. Этот процесс развернулся и в ВГУ. Начало ему положили в 1992 году физический,

[1] См.: *Гусев В. В.* Центр образования, науки и культуры Центрального Черноземья. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998. С. 21.

механико-математический и экономический факультеты. Трудно сказать, какие причины толкнули Министерство высшего образования на Болонский процесс. Усвоение западных образцов с целью войти в единое европейское образовательное пространство? Или финансовые проблемы побудили отказаться от затратных 5 лет подготовки по программам специалиста и сэкономить на 4-летнем бакалавриате (вначале в магистратуре могли получать полноценное высшее образование только лучшие бакалавры, но не более 20 % от общей их численности)? Может быть, и то и другое. А может быть нигилистическое отношение к фундаментальному опыту и достоинствам российской и советской высшей школы или их непонимание. Студенчество и профессорско-преподавательский состав довольно равнодушно воспринимало эту инновацию. Я всегда был и остаюсь её противником. Бакалавриат не даёт полноценного высшего образования. Магистратура эту полноценность обеспечивает, оснащая выпускников достаточно высокой конкурентоспособностью в международном образовательном пространстве. Социологические исследования, которые я проводил по грантам, показали, что более 30 % готовящихся магистров имеют внутреннюю установку свою конкурентоспособность использовать за рубежом. Конечно, вряд ли все, имеющие такую установку, фактически уедут. У кого-то не хватит средств, кто-то найдёт хорошее применение своим знаниям, таланту в родной стране. Кто-то просто не рискнёт. Но магистратура открывает возможность поискать профессиональное счастье за рубежом. Через магистратуру мы помогаем (бесплатно!) повышать интеллектуальный потенциал западных стран, а в России преимущественно остаются недостаточно образованные и конкурентоинертные бакалавры.

В начале и даже в конце 90-х годов у нас инициаторы перехода на Болонскую систему гордились своим новаторством. Но во втором десятилетии нового века многие стали осознавать: качество высшего образования падает. За 4 года в условиях объективной (но у нас пока не субъективной) динамичной потребности в экономике знаний полноценного специалиста сформировать невозможно. Особенно при тех скудных средствах, которые у нас государство и общество выкраивают для образования. А ценности фундаментального и социально ориентированного высшего образования мы растеряли.

Скудность финансовых ресурсов в 90-х годах усугублялась галопирующей инфляцией. Министерство финансов, правительство изобрели новое бюджетное понятие: защищённая статья бюджета. Этим понятием предписывалось оберегать фонд зарплаты и в случае острых финансовых бедствий перебрасывать средства в него из других статей. Но тем не менее ректор В. В. Гусев что-то делал для поддержания материальной базы университета в рабочем состоянии. Медленно шло строительство новых корпусов на Московском проспекте.

Воронежский университет и в годы разорительных реформ, распада великой державы, острых социально-политических конфликтов был в движении, он раз-

вивался. В этом немалая заслуга Владимира Васильевича Гусева как ректора. Из всех послевоенных ректоров ему достался самый тяжёлый период. Надо было не только сохранить, адаптировать ВГУ к новым условиям, но и развивать его. В своё время профессор Б. И. Михантьев восстанавливал университет и формировал базу и ресурсы его развития, достойного места в системе высшей школы, активной роли в социокультурном и экономическом развитии региона, страны. Было трудно. Но Б. И. Михантьев опирался на сплочённость всего коллектива, институтов власти, ясность социальных перспектив. Условия ректорства В. В. Гусева были иные и намного тяжелее. Конфликтными были внутриуниверситетские отношения; странной была власть, неспособная решить социальные проблемы, но, однако, криклива. Перспективы были туманными, со смещёнными ценностными ориентациями. Но В. В. Гусеву было ясно одно, вопреки всему надо отдавать себя университету. И он отдавал всё, что мог, принося в жертву себя как учёного.

Я не пишу ему панегирики. У меня с конца 80-х и почти до конца 90-х годов были с ним неоднозначные отношения. Бывали и размолвки, и даже стычки. Однажды на Учёном совете весной 1987 года я что-то (не помню) высказал и произнёс фразу: «Прошу учесть моё мнение». Владимиру Васильевичу что-то не понравилось, и он бросил фразу: «Обойдёмся без Вас». Я вспылил: «Как ректор на Учёном совете Вы не имеете права так говорить». Дело прошлое, но намного-намного позже аналогичный эпизод произошёл у Владимира Васильевича с одним из авторитетных учёных профессором Яковом Александровичем Угаем. Яков Александрович тогда заявил: «Я выхожу из Учёного совета». И вышел. По моему предложению была создана комиссия в составе декана юридического факультета профессора Л. Д. Кокорева, меня и, кажется, профессора физического факультета Э. П. Домашевской. Но инцидент вскоре сам себя исчерпал. Охлаждение между мной, профессором Н. М. Чернышовым с одной стороны, и Владимиром Васильевичем – с другой, «ко взаимной печали», как мы все трое понимали, длилось долго. Но в сложных вопросах жизни университета и человеческого достоинства мы друг друга, часто независимо, поддерживали и защищали от нападок.

Я пишу об этом не для оправдания (оно ни к чему), а только потому, чтобы не утаивать и затаивать в своих поздних записках ничего ни от себя, ни от других. Что было, то было. Плодотворная деятельность Владимира Васильевича Гусева на посту ректора в очень тяжёлое и конфликтное время, я думаю, с одобрением будет вспоминаться многими и по справедливости описываться будущими историками. Я Владимиру Васильевичу благодарен и даже обязан тем, что на декабрьских 1987 года выборах ректора верх одержал он. Если бы верх одержал я (а мы шли, как говорится, колесо в колесо), то я не выдержал бы ректорского бремени конфликтных реформ 90-х годов.

Демонтаж социалистического общества, его экономики, политической системы обусловил собой коренные изменения в высшей школе, её социальной роли

и ценностей высшего образования, организации учебного процесса и научных исследований, содержание образовательных программ и функций преподавателя. Радикально изменилась структура преподаваемых общественных наук. Премьер-министр России Е. Т. Гайдар, доктор экономических наук, даже предлагал вообще исключить общественные науки из программ высшего образования. Однако это радикал-либеральное предложение было отвергнуто. В вузах ходили слухи (за их достоверность не ручаюсь, но они были), будто против гайдаровского предложения выступил президент Б. Н. Ельцин. Если это так, то, стало быть, он был мудрее и лучше понимал смысл высшего образования, чем доктор экономических наук, выходец из элитной интеллигентной семьи.

В конце концов, некая система общественных наук установилась. Она включала в себя базовые дисциплины и элективные курсы, дополняющие по выбору самих студентов каждую базовую. Такое деление на базовые и элективные курсы в замысле возникло ещё в последние годы советской высшей школы под влиянием западного опыта, но реализовано в то время не было. В годы реформ об этом вспомнили, и в учебных планах по всем направлениям подготовки специалистов включалось определённое время, фиксированное в часах, отводимое на изучение базовых курсов и сопровождающих их по выбору студентов элективных. К базовым относились учебные дисциплины: политическая история России, философия, экономическая теория, социология и политология. Кафедра социологии и политологии вела эти две базовые дисциплины на всех факультетах, а по выбору студентов разных факультетов – десятка полтора элективных («Гендерная социология», «Социология малых групп», «Социальные генотипы русской культуры», «История и теория демократии», «Социология труда», «Политическое лидерство» и др.). Другие кафедры общественных наук тоже вели базовые и элективные курсы. Такая система сочетания базовых и элективных курсов продержалась до второй половины первого десятилетия XXI века (во всяком случае, на кафедре социологии и политологии). Потом стала деформироваться и распалась. Как я уже писал, с самого начала своего возникновения (1964 год) кафедра научного коммунизма тяготела к социологии и более молодой науке политологии. Однако это не означало, будто все её преподаватели смогли начать преподавать новые учебные дисциплины. Некоторые вообще не смогли перейти на преподавание новых курсов и были вынуждены уйти, хотя их никто к этому не принуждал. Но и для тех, кто был склонен к социологии и политологии, необходима была подготовительная методическая работа. А времени для неё не было. Между прочим, в 50–70-х годах для разработки нового курса лекций преподавателю по необходимости предоставлялся трёхмесячный творческий отпуск. Не все его использовали, но возможности такие были. В 80-е годы об этом позабыли. Но были и другие возможности спокойно подготовить новый лекционный курс: направление на переподготовку в ИППК, на стажировку. В реформаторских 90-х годах об этом и слуху не было.

Разрабатывать, осваивать новые курсы надо было, как говорят военные, с ходу и на марше. Были присланы из Министерства подготовленные учебно-методическими советами проекты программ по социологии и политологии. Они нуждались в серьёзной доработке. Мы её проделали: некоторые темы объединили, но ввели темы по социологии и политологии конфликтов, социальных и политических кризисов, социологии личности, социологии революций и реформ, типологии политических систем и др.

Новые курсы социологии и политологии кафедра осваивала коллективно; мы все учились друг у друга. Так как мне довелось читать курс социологии ещё с середины 60-х годов, то молодые преподаватели (не только ВГУ, но и других воронежских вузов) посещали мои лекции. Это, кстати, побуждало меня в ходе чтения лекции студентам акцентировать внимание на методических вопросах (методика постановки проблемы, библиография и историография проблемы, методика аргументаций, методика дефиниций и т. п.). На кафедре работал методологический семинар. Каждый преподаватель делал не менее 2 докладов по теории и методике чтения лекции по какой-либо теме по курсу. Плодотворным для научно-методического освоения курсов социологии и политологии было планомерное проведение и товарищеское обсуждение открытых лекций. Правда, некоторых преподавателей эта форма обмена опытом между коллегами как-то раздражала.

Как бы ни был подготовлен преподаватель и с каким бы мастерством ни читал лекций и ни вёл семинарские занятия, студенту трудно овладевать научными знаниями, если нет учебников. До середины 90-х годов учебников или сколько-либо приемлемых учебных пособий не было по базовым курсам. Но стало возможным подготовить учебное пособие самим; исчезла монополия московских учёных на издание учебников. Это, можно сказать, было большим достижением среди многих провалов, реформирования высшей школы. Кафедра решила опубликовать свой курс лекций по социологии. Ректор ВГУ Иван Иванович Борисов помог с финансированием издания (но не труда авторов). В 1994 году в издательстве Воронежского госуниверситета вышло учебное пособие «Социология. Курс лекций». Это было первое учебное пособие по социологии для студентов вузов с грифом Министерства высшего образования. Тираж 1500 экземпляров. Заказы посыпались из разных вузов. Над пособием долго и терпеливо работала вся кафедра. И хотя руководителем авторского коллектива и научным редактором был я, текст каждой лекции включался в пособие после тщательного обсуждения и одобрения кафедрой. Этим учебным пособием более 15 лет пользовались студенты всех факультетов ВГУ. Пользовались даже тогда, когда появилось много учебников, и наших отечественных, и переводных с английского, немецкого, французского.

Двумя годами ранее, в 1992 году, по заказу Воронежского юридического техникума мы подготовили и издали учебное пособие «Основы социально-политических знаний». Техникум щедро оплатил нашу работу. Некоторые молодые авторы впер-

вые получили гонорар за методическую публикацию. Пособие долго использовалось юридическими техникумами. Кафедра издавала много отдельных лекций по курсам социологии и политологии. Особенно отличились по этому направлению Л. П. Волкова, А. В. Глухова, С. М. Калашникова, Т. Н. Малашенко, Н. П. Поливаева.

Творческие связи кафедры с факультетами, прежде всего с историческим, экономическим, филологическим, журналистики, географическим и др., открыли возможность чтения не только базовых и элективных курсов, но и спецкурсов: «Социология труда» (доценты А. Н. Борискин, Л. П. Волкова, К. А. Кныш), «Социальная психология» (доцент Е. Ю. Красова, проф. В. С. Рахманин), «Конфликтология» (доцент, потом профессор А. В. Глухова), «История и теория демократии» (А. В. Глухова), «Социальное прогнозирование» (доцент А. Б. Довейко), «Социология молодёжи» (доцент А. П. Дьяков), «Социология журналистики» (доцент Н. Д. Тульнов), «Методика конкретно-социологических исследований» (доцент А. И. Верецкая, профессор В. С. Рахманин), «Геополитика» (профессор В. С. Рахманин) и др.

На историческом факультете по инициативе молодого доцента А. В. Глуховой и декана А. З. Винникова и по просьбе студентов в течение нескольких лет велась специализация по политологии (группа 11–12 человек). Многолетний и, надо сказать, успешный опыт специализации студентов-историков по политической науке позволил открыть в ВГУ новую специальность по направлению 020200 – Политология. Проделана была большая и очень трудоёмкая «бумажная работа»: обоснование необходимости подготовки политологов с университетским образованием, характеристика достаточных материальных условий для этого в ВГУ, характеристика профессорско-преподавательского состава, предполагаемый учебный план (над ним мы с А. В. Глуховой долго работали), предлагаемые программы по базовым, общепрофессиональным дисциплинам и дисциплинам специализации, учебно-методическое обеспечение, библиотечные возможности и т. д.

Тогда, в 90-х годах, всю бумажную документацию за многими подписями нужно было направлять в учебно-методическое объединение Минвуза при МГУ, получить его благословение, а потом уже в Минвуз. Пришлось для продвижения дела по инстанциям (а они работали не очень аккуратно) выделить особого человека – доцента (впоследствии профессора) А. А. Слинько. Наконец, после долгих проволочек приказом Министерства Воронежскому университету было разрешено открыть эту специальность с 1 сентября 1999 года.

Возможность открыть подготовку специалистов по социологии сложилась намного раньше. Я состоял членом Учебно-методического объединения (УМО) по социологии при МГУ. С его председателем деканом социологического факультета профессором В. И. Добреньковым мы в 1996 году договорились о совместной подготовке социологов на базе кафедры социологии и политологии ВГУ и социологического факультета МГУ. Наша кафедра в этом случае приобретала статус

филиала социологического факультета МГУ. При этом три первых года (3 курса) студенты будут обучаться на кафедре социологии и политологии ВГУ, а завершать обучение (4-й и 5-й курсы) на социологическом факультете МГУ. Финансирование подготовки обоюдное – ВГУ и МГУ. Подготовка специалистов должна вестись по учебному плану и по программам базовых и общепрофессиональных дисциплин социологического факультета Московского университета. По окончании обучения выпускники должны получать двойной диплом – Воронежского и Московского университетов.

Для практического решения этой заманчивой проблемы необходимо было ректору ВГУ В. В. Гусеву переговорить с ректором МГУ В. А. Садовничим. Казалось просто, тем более что В. А. Садовничий высоко ценил В. В. Гусева как ректора ВГУ. Я доложил этот проект Владимиру Васильевичу. Он как будто отнёсся к нему благосклонно. Однако дело не двигалось. Пришлось дважды напоминать. Но Владимир Васильевич так и не переговорил с ректором МГУ. Наверное, замотался в других делах и не успел: время его ректорства завершалось. Дважды напоминал о хорошей возможности открыть подготовку специалистов по социологии И. И. Борисову, избранному ректором в 1998 году. В первое напоминание он как будто выявил интерес. При втором я почувствовал сопротивление. Проблема была, по-видимому, в том, что не Иван Иванович был против, а первый проректор С. А. Запрягаев. Проект совместной с МГУ подготовки социологов его не устраивал.

Проект давал возможность плодотворного сотрудничества, взаимодействия двух университетов – Воронежского и Московского – в качественной подготовке социологов-профессионалов, в которых нуждался Центрально-Чернозёмный регион. Предусматривались чтение курсов лекций преподавателями социологического факультета МГУ в Воронежском университете, стажировки воронежских преподавателей социологических дисциплин на соответствующих кафедрах Московского университета. Увы! По сугубо субъективным мотивам ректорат времён И. И. Борисова не принял этой идеи. Наверное, в этом есть вина и кафедры социологии и политологии, и моя. Может быть, при большей ударной настойчивости или обходных маневрах удалось бы подвигнуть ректорат на доброе и нужное дело. Тем не менее кафедра не теряла стремления к открытию на её базе подготовки социологов. Но об этом чуть позже.

Лицензирование подготовки специалистов по политологии в Воронежском университете было большим событием для кафедры социологии и политологии. Впрочем, шампанское по этому случаю не пили. Мы трудились. Трудились и студенты первого набора. Первый выпуск профессионально подготовленных политологов состоялся в 2004 году. Их было 17.

Выявился один организационный нонсенс. В течение нескольких лет вначале специализацию студентов по политологии, а потом и подготовку политологов кафедра социологии и политологии вела на историческом факультете, но сама тради-

ционно имела статус общеуниверситетской и в состав факультета не входила. По итогам министерского аудита историческому факультету было сделано замечание, хотя по программному, учебно-методическому обеспечению, качеству подготовки специалистов никаких замечаний не было. Возникла формальная организационно-статусная проблема. Она совпала по времени с падением общеуниверситетского статуса кафедр общественных наук и определения их на факультеты. Кафедра философии уже была в составе недавно открытого философско-психологического факультета. Само собой понятно, что бывшая общеуниверситетская кафедра политической экономии была включена с несколько изменённым наименованием в состав экономического факультета; кафедра истории КПСС была преобразована в кафедру политической истории и включена в состав исторического факультета, хотя никаких курсов для студентов-историков она не вела. А куда определить кафедру социологии и политологии? По методологическому смыслу прежде всего социологии, да и политологии, она ближе к философскому факультету. Да и до введения учёной степени кандидата, доктора социологических и политических наук большинство преподавателей защищали диссертации и имели соответствующую степень философских наук. Поэтому кафедра, во всяком случае, её большинство, тяготела к философско-психологическому факультету и хотела быть в его составе. Но историческому факультету не хотелось терять политологов как часть студенческого контингента, да и новую специальность. Подковёрная борьба длилась довольно долго. Ректор И. И. Борисов пришёл к нам на кафедру; часа два убеждал нас. Кафедра определённо высказала свою позицию. И тем не менее, вернувшись из отпуска в конце августа 2002 года, узнаю, что кафедра приказом ректора введена в состав исторического факультета.

Пришлось смириться. Проблем-то для нашей кафедры не было. Мы давно взаимодействовали и с деканатом, и со всеми кафедрами. Какая-то проблема была для факультета: адаптироваться к новой кафедре как органической его части. Иногда эта проблема давала себя чувствовать. Однако, в конце концов, всё утряслось. Тем более что новая кафедра исторического факультета была активна и в наращивании студенческого контингента, и в организации учебного процесса, и в научных исследованиях, и во внеучебной работе со студентами.

Кафедра проделала большую подготовительную работу по открытию подготовки специалистов по социологии. Этой проблемой, особенно по разработке учебного плана, программ по базовым, общепрофессиональным и специальным курсам, занимались сотрудники кафедры А. В. Глухова, Ю. Б. Матюшина, В. И. Верецкая, Л. П. Волкова и я. Ю. Б. Матюшина была ответственной за продвижение нашей заявки и всей документации через Учебно-методическое объединение по социологии. С сентября 2005 года ВГУ получил лицензию на подготовку профессионалов-социологов. Руководителем социологического отделения была назначена кандидат экономических наук Ю. Б. Матюшина. В 2010 году состоялся первый

Кафедра социологии и политологии ВГУ. 2004 год

выпуск специалистов-социологов с дипломом Воронежского государственного университета. Специальность оказалась очень привлекательной для молодёжи и востребованной обществом.

Так кафедра социологии и политологии стала единственной на историческом факультете, готовящей и выпускающей специалистов по двум специальностям.

Введение учебных дисциплин по социологии и политологии в образовательные программы по всем направлениям, по которым высшая школа готовит специалистов, оказалось для вузов сложным делом. Первая проблема: кто и как может вести новые курсы. Подготовленных преподавателей было мало. Необходимы были срочные меры по переподготовке и в перспективе в целевой подготовке научно-педагогических кадров. Ранее действующие институты повышения квалификации обществоведов при Московском, Ленинградском (Санкт-Петербургском) и Ростовском университетах с этой задачей уже не справлялись. Их пропускная способность была многократно меньше, чем потребности вузов. К тому же большинство вузов не имело возможностей на 5 месяцев отправлять преподавателей в ИППК с отрывом от производства и с сохранением полной зарплаты (так было в советское время). Министерство решило открыть филиалы ИППК дополнительно в нескольких крупных университетах. С 1995 года такой филиал был открыт при

Воронежском университете. На нашу кафедру была возложена задача осуществить переподготовку преподавателей в области социологии и политологии. Первоначально необходимо было подготовить в научном и методическом отношениях преподавателей для нормативного чтения лекций, проведения семинарских занятий в соответствии с федеральными стандартами. Установили режим работы: 3 дня в неделю по 6 часов. Предусматривалась и заочная форма, ею изредка пользовались преподаватели курских и липецких вузов. Для иногородних предоставлялось общежитие на платной основе. Первые три года потребность в переподготовке была столь большой, что каждый семестр (набор-выпуск осуществлялись по семестрам) к нам прибывало от 14 до 19 человек. Потом потребность и, следовательно, набор в филиал ИППК уменьшились. Менялись и программы переподготовки; они стали проблемно-целевыми. С 2009 года определились два основных научных направления: «Социально-политические проблемы современного общества» и «Молодёжь в социальных и политических процессах современной России».

Говоря военным языком, фронт работы у кафедры социологии и политологии был очень широким и имел тенденцию к расширению. Кафедра вела курсы по социологии и политологии на всех факультетах, осуществляла подготовку специалистов по двум направлениям: социология и политология, на ряде факультетов (экономическом, историческом, филологическом, журналистики) вела несколько спецкурсов; на её базе функционировал филиал Института повышения квалификации. Напряжённость занятости в учебном процессе и труда была очень высокой. Ко всему прочему, в отличие от советского времени, все программы по учебным дисциплинам разрабатывались кафедрой. А это требовало квалифицированного научно-методического труда и большого времени, которое никоим образом не включалось в общий объём педагогической нагрузки. В педнагрузку (объём часов, который преподаватель должен был за учебный год выполнить) включались только лекции, семинарские занятия, зачёты, экзамены, консультации, практика. Она в 90-е годы реформирования России возросла более чем в полтора раза при падении покупательной способности зарплаты профессорско-преподавательского состава по меньшей мере процентов на тридцать. Эксплуатация научно-педагогического труда значительно возросла.

На кафедре всегда придавалось большое значение повышению научно-теоретического уровня преподавания, его методологической культуры, методического мастерства. Для этого в начале каждого учебного года разрабатывались соответствующие конкретные планки. Не скрою, особая роль в непрерывности этого процесса, его эффективности принадлежит заведующему кафедрой. Он прежде всего должен создавать атмосферу творческого отношения к проблемам интеллектуальной культуры обучения студентов, постоянного обогащения когнитивной базы, методологической рефлексии и педагогической самовзыскательности каждого преподавателя, независимо от квалификационного статуса, возраста, научно-педагогического опыта.

В некотором (правда, в весьма относительном смысле) кафедра подобна небольшому оркестру, в котором каждый музыкант на своём инструменте в соответствии с партитурой ведёт свою партию. И заведующий кафедрой, как дирижёр, должен слышать каждого, добиваясь общего консонансного звучания. Понять, почувствовать индивидуальность каждого преподавателя, помочь усилить творческую оригинальность, смикшировать, отрихтовать заусенцы в характере (а они есть у каждого) – сложное, трудное дело, но должностная и человеческая обязанность заведующего кафедрой. Я 38 лет был заведующим кафедрой. Знаю это по опыту. И по своему, и по опыту коллег с разных кафедр и факультетов. Далеко не всегда удаётся обеспечить (именно обеспечить, а не добиться) слаженное звучание кафедрального оркестра. За 38 лет заведования кафедрой были и консонансы, и диссонансы. Первые радовали, вдохновляли, вторые огорчали и заставляли искать новые подходы.

Однако культура работы кафедры в немалой степени зависит и от её персонального состава, от того, как свою индивидуальность каждый вписывает в кафедральный коллектив, обогащает его или становится «слабым местом», или акцентирует свою индивидуальность и стремится поставить себя в исключительное положение. На нашей кафедре исстари сложилось понятие «кафедральный человек». Это – кафедральная высшая оценка коллеги, умеющего не только работать в коллективе, но и создавать творческий дух взаимной поддержки, взаимной ответственности, а в определённых ситуациях самоотверженно брать что-то важное в интересах кафедры на себя. В последние годы (2000-й и следующие) мне кажется, кафедральных людей становится меньше, а эгоцентричных, сосредоточенных только на себе становится больше.

При проведении конкурсов на замещение должностей прежде всего внимание обращается на наличие у претендентов учёной степени и звания, количество научных и методических публикаций, стаж педагогической работы в вузе. Собственно человеческие качества не то что отодвигаются на задний план, они вообще не принимаются во внимание. А между тем они очень важны для дружной работы кафедрального сообщества.

Одной из центральных проблем жизнедеятельности и функционирования кафедры социологии и политологии в 90-х годах была проблема статусно-квалифицированных кадров. Учёных степеней кандидатов, докторов социологических и политических наук ранее не существовало. Они стали появляться в 90-е годы. Но проблема была не только в этом. Приходили, подавали на конкурс учёные, защитившие диссертации по философским, историческим, экономическим наукам. Но они не имели профессиональной подготовки по профилю кафедры. Им приходилось интенсивно, опираясь на поддержку более опытных коллег, осваивать и общие курсы социологии, политологии и специальные. Большинство из них успешно овладели новыми для них науками. Среди них: Е. Ю. Красова, Е. А. Оболонская, В. В. Черникова.

Но главное – необходимо было самим готовить научно-педагогические кадры. Прежде всего через свою аспирантуру. До конца 90-х годов руководить подготовкой аспирантов имел право только я как заведующий кафедрой. Ещё до преобразования кафедры научного коммунизма в социологическом и политологическом направлениях защитили кандидатские диссертации А. П. Дьяков, Г. В. Горченко, Н. Д. Тульнов, А. Н. Борискин (очень талантливый по природе, от Бога социолог, рано умерший), А. В. Глухова, Т. Н. Малашенко, Л. П. Волкова, Н. П. Поливаева. Им присваивалась учёная степень кандидатов философских наук. В 90-х годах 10 человек защитили кандидатские диссертации по профилю кафедры. Однако большинство из них из-за отсутствия вакантных мест на кафедре ушли работать в другие вузы, вплоть до университета имени Бен-Гуриона в Израиле (Н. И. Хворостьянова). В начале нового века к подготовке кандидатов политических наук интенсивно подключилась защитившая докторскую диссертацию в 1997 году А. В. Глухова.

Использовалась и целевая аспирантура в Институте социологии. Через неё прошли и защитили кандидатские диссертации А. И. Верецкая, А. Б. Довейко в 1992 году (ему уже присвоили вновь введённую степень кандидата социологических наук). А. И. Верецкая в 1997 году прошла стажировку в Карлетонском университете (Оттава, Канада). Проходили повышение квалификации и переподготовку в филиале ИППК при ВГУ все сотрудники кафедры (ежегодно по 2–3 человека).

Но необходимы были доктора наук. Защитив докторскую диссертацию в 1990 году и освоившись с новым статусом (знаний он мне не прибавил и не убавил, но дал свободу), я задумался, как обеспечить дальнейший и «докторский» рост кафедры. Прежде всего нужно просчитать потенциалы и ресурсы каждого сотрудника. Проблема, конечно, не только в ресурсах и потенциалах, но и в стремлении повышать свою квалификацию, жертвуя очень многим в личной жизни во время долгой работы над докторской диссертацией и представления её к защите.

У четырёх коллег, кандидатов наук, доцентов, по моему мнению, потенциал и ресурсы были. Выявлялись и стремления. Разные по интенсивности и ориентациям. Различными были и научные интересы, проблематика исследований.

Александр Анатольевич Слинько по научной проблематике ещё со времён аспирантуры связан с Институтом стран Латинской Америки АН СССР и продолжает с ним сотрудничать. В особой кафедральной поддержке не нуждался, более того, держался изолированно и с каким-то пренебрежением относился к коллективу, хотя выполнил роль связного с Учебно-методическим объединением Минвуза при лицензировании политологической специальности в ВГУ. Однако явно смотрел куда-то в сторону. У него были сложные отношения с членами кафедры. С давних времён я был хорошо знаком с его отцом доктором филологических наук, профессором Анатолием Александровичем Слинько, работавшим на филологическом факультете. Мы часто с ним беседовали по проблемам истории русской общественной мысли конца XIX века. Анатолий Александрович был очень

эрудированным, глубоко мыслящим учёным и интеллигентным человеком в общении, в жизненных позициях, во всём облике. Однако бывает, что яблоко далеко откатывается от яблони… Докторскую диссертацию Александр Анатольевич защитил в Институте стран Латинской Америки и ушёл заведовать кафедрой на факультет международных отношений.

Хороший научный потенциал для работы над докторской диссертацией имела Лидия Петровна Волкова. Защитив в 1986 году кандидатскую диссертацию, она сформировалась как талантливый профессионал-социолог. Одна из первых, вслед за мной, стала вести курс социологии на экономическом факультете; внедрила ряд новых курсов, в частности, «Социология труда», «История западной социологии XIX века» и др. Ей свойственна высокая культура методологического мышления; она гибко владела разнообразными методами конкретно-социологических исследований, эффективно использовала социальную статистику. В центре её научных интересов и публикаций – социальные проблемы труда и занятости в рыночных отношениях, динамика трудовых ресурсов. Так сказать, «позывы» заняться подготовкой докторской диссертации у неё были. Несколько раз мы с ней об этом беседовали. Пытались конкретно определиться с темой и утвердить на Учёном совете. Но время шло, а определённости не было. Что сдерживало Лидию Петровну? Может быть, сложность формирования эмпирической базы диссертационной работы по социологической проблематике… Может быть, недостаточные связи с научными социологическими центрами… Может быть, неуверенность в себе и опасение риска: затратить много труда, времени и нервов без гарантированного результата. Лет за пять до окончания её работы на кафедре Лидия Петровна раза три высказалась так: «Вы мало занимались мной и недостаточно нажимали». Может и так… Но без собственного устойчивого и сильного волевого импульса что-то сделать для повышения своей научно-статусной квалификации ничей и никакой нажим со стороны нужного результата не даст, хотя деятельная отзывчивость со стороны старшего (по опыту, квалификации и возрасту) жизненно важны и необходимы для молодого человека, ищущего себя в науке.

Интенсивное, устойчивое и деятельное стремление через защиту диссертации обрести степень доктора наук отчётливо выявилось у Александры Викторовны Глуховой. Этот статус был для неё нужен не для тщеславия, не для формального карьерного роста, а для обретения свободы в научном творчестве и для деятельного продуктивного общения в научном сообществе. Примерно через год после защиты кандидатской диссертации (1990 год) она попросила моего совета о направлении и проблеме её будущих научных исследований с перспективой выхода на докторскую диссертацию. Стали обсуждать разные проблемы, примериваясь и к их актуальности, научной ценности, диссертабельности (в научной среде этим словом обозначали приемлемость, возможность темы, проблемы для защиты диссертации), ресурсы и потенциал диссертантки, поиск научного руководителя и соответствующего специализированного Учёного совета.

Предложил будущей диссертантке несколько тем: «Трансформации мирового геополитического пространства вследствие (после) распада СССР» (по проблематике этой темы я потом опубликовал несколько статей, выступал на различных научных конференциях), «Социальные архетипы русского политического менталитета», «Политические факторы распада СССР», «Власть как социально-политический феномен», «Общественное мнение в демократических системах». Что-то ещё, всего не упомнил. Все предлагаемые темы с характеристикой их проблематики, актуальности, диссертационной возможности Александра Викторовна, подумав, отвергала как не приемлемые для неё. Так прошло в предложениях и отвержениях недели три. Сама она никаких тем не предлагала, но, думаю, они у неё были, во всяком случае, зрели. Как-то на очередной неформальной консультации я сказал: «Есть тема, которой Вам хватит на всю жизнь независимо от того, будете ли Вы защищать докторскую или откажетесь от этой затеи, углубляясь собственно в научный и практический смысл этой бездонной темы. Я бы сам хотел над нею работать, но… Тема “Политические конфликты: теоретико-методологический аспект”. Проблему политических конфликтов можно развернуть по-разному: политические конфликты в современной России; социальные основания политических конфликтов; способы урегулирования политических конфликтов и т. д. и т. п. Исследование природы, факторов, динамики политических конфликтов у нас, в России, только начиналось. Да и на Западе оно имеет недолгую историю. Есть несколько не очень убедительных концепций, но много и путаницы. Поэтому целесообразно тему так и сформулировать: “Политические конфликты: теоретико-методологический аспект”».

Александра Викторовна ухватилась за эту тему с той формулировкой, что я предложил. Я понял, дело не только в моих рекомендациях, а прежде всего в том, что в глубинах сознания, мышления, подсознания у молодого исследователя, будущего политолога вызревала и созрела установка именно на эту политологическую проблематику.

Через несколько дней я попытался «сбить» Александру Викторовну с приглянувшейся ей диссертационной темы. Это был мой обычный педагогический приём, испытательный психологический тест в научном руководстве аспирантами, соискателями для определения степени устойчивости установки, ориентации на избранную тему, проблему. Иногда достаточно было указать на методологическую сложность темы, отсутствие достаточного эмпирического материала, проблематичность защиты, и претендент отказывался от ранее избранной темы. Можно «сбить» с темы, предложив претенденту за 2–3 недели сформулировать её проблематику. Существует много способов проверки устойчивости приверженности диссертанта к избранной теме, адекватности её исследовательских проблем его когнитивным ресурсам и способностям, методологической культуре мышления.

Александра Викторовна стойко и умело защищала избранную тему и себя в теме. Я понял, что тема «Политические конфликты: теоретико-методологические

аспекты» ей не просто понравилась как думающему и ищущему учёному. Это – её тема. А формулировку потом можно уточнить. Но работать она будет упорно и целеустремлённо. Тут есть реальная перспектива новаторской докторской диссертации. Диссертационные банальности А. В. Глухову не увлекали.

Потенциал и стремление выйти на докторскую диссертацию имела и Надежда Павловна Поливаева, тоже, как и Л. П. Волкова, А. В. Глухова, моя аспирантка (кандидатская диссертация по философии 1988 года). С аспирантских времён она устойчиво углублялась в исследование политического сознания. Тему и проблематику докторской диссертации она определила сама: «Политическое сознание в условиях трансформации российского общества». Тема и проблематика были мне близки. Они представлялись сверхактуальными в трансформационных процессах постсоветской России. Я не был официальным, да и фактическим консультантом Н. П. Поливаевой, но изредка она консультировалась со мной, пока работала на кафедре (потом по разным причинам она ушла в другой вуз – вначале в Воронежский филиал Российского гуманитарно-социального университета, а в сентябре 2009 года была избрана заведующей кафедрой социально-гуманитарных и экономических дисциплин Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний). Докторскую диссертацию защитила в 2009 году. Изредка встречаемся, вспоминаем об учёбе и работе в ВГУ. В давние 70-е годы я дружил с её отцом, замечательным, стойким и оптимистичным человеком – полковником Павлом Павловичем Севриным.

А. В. Глухова упорно работала над избранной темой, которая для неё стала не просто диссертационной, а императивом научной деятельности. Систематически на протяжении ряда лет мы вели с ней дискуссии по политической конфликтологии, отрабатывая методологию и понятийно-категориальный аппарат исследования, основания и факторы возникновения и динамики политических конфликтов, их типологию. В конце концов, выработалась убедительная концепция, которую можно представить к защите. Докторскую диссертацию «Политический конфликт: анализ теории и методологии исследования» защитила в 1997 году в Академии государственного управления при Президенте РФ. Фактически она стала одним из основоположников политической конфликтологии. По этой проблематике ею опубликовано несколько монографий в московских и воронежских издательствах. Профессор А. В. Глухова плодотворно вошла в российское политологическое научное сообщество как оригинальный исследователь. Она обладает интенсивной и целеустремлённой работоспособностью.

Казалось бы, её «пример – другим наука». За первые 15 лет научного руководства аспирантами (с 2001 по 2015 год) она подготовила около 20 кандидатов наук, среди них несколько для зарубежных стран. Однако пока никто из них не рискнул выйти на дорогу к докторской диссертации. Александра Викторовна пробежала такую дорогу за неполные 7 лет в очень трудное во всех отношениях вре-

мя. У меня занудливая странность то ли в характере, то ли в «служебных привычках» – расспрашивать молодых о научных интересах, продвижениях в исследованиях и раздумьях, о диссертационных намерениях и успехах. И с грустноватым недоумением отмечаю: у молодых кандидатов наук на кафедре не сформированы установки на исследования, которые могли бы стать докторскими диссертациями. Научный потенциал есть. Есть и талант. Но нацеленности на повышение квалификационного научного статуса нет. Возможности подготовить добротную в научном отношении докторскую диссертацию стало намного больше, чем 20–30 лет тому назад. Расширились и стали многообразнее информационные ресурсы. Компьютерные технологии позволяют быстро и качественно обработать необходимую информацию, скорректировать, переформатировать любой текст. Стала более доступна зарубежная научная литература. Что бы там ни говорили, но расширились возможности необходимых публикаций, хотя до зарубежных условий нам пока ещё далеко. Правда, возросли и бюрократические процедуры. Реформирование ВАК пока мало способствует повышению качества диссертационных работ.

Не только мной замечено, научно-квалификационная роль докторских диссертаций падает. Их ценность и пиетет к ним упал не без влияния липовых диссертаций, которые стали в изобилии защищаться в демократической России. Подрывает ориентации на докторские диссертации и деятельность Министерства образования и науки. В советское время университет имел перспективные планы подготовки и защиты докторских диссертаций. Претендентам предоставлялись творческие отпуска, и за ходом работы был строгий контроль (соискатель отчитывался перед Учёным советом университета). Кафедры, научные руководители несли моральную ответственность за своевременную подготовку кандидатских диссертаций аспирантами и соискателями докторских. В «новое» время (кажется, со второго десятилетия XXI века) завершение аспирантуры стало возможным и без представления диссертации.

Докторская диссертация, её защита, обретение научно-квалификационной степени доктора наук нужны не для формальности, не для тщеславия (это нужно чиновникам и пустым людям), а для решения нужной обществу, да и самой науке, сложной проблемы, для свободы самого учёного, его возможностей более активного общения в научном сообществе. Защита докторской диссертации преподавателем, между прочим, нужна и студенту; она является важным фактором повышения качественных характеристик и деятельности профессорско-преподавательского состава.

Срок ректорских полномочий В. В. Гусева истекал в 1998 году. Группа С. А. Запрягаева, рекламирующая себя и манипулировавшая профсоюзной организацией, делала всё, чтобы не допустить В. В. Гусева к избранию на новый срок. Да Владимир Васильевич и не хотел идти на выборы. Он отработал честно и самоотверженно на посту ректора более 10 лет, из них самые тяжёлые 1992–1998 годы.

Тяжёлые не только и даже – позволю утверждать – не столько потому, что кру́гом шла голова от ельцинских реформ и от кризисных финансовых обстоятельств, сколько от той травли, которую против него вели под лицемерными призывами к демократии. Неважно было у Владимира Васильевича со здоровьем. Тяжело болела и жена Тамара Константиновна (хороший специалист по турецкому, а попутно и английскому языкам).

С весны 1998 года начался скрытый процесс подготовки к новым ректорским выборам в различных формах неформального группового общения в разговорах, предположениях, в слухах и пересудах. Этот латентный предварительный процесс сыграл большую роль в формировании будущих решений. Но он остался вне архивно-документального взгляда историков. Мой основной источник свидетельств о тех событиях – моя память. Что-то в ней запечатлелось отчётливо, что-то фрагментарно, что-то, наверное, не так, как сохранилось в памяти других. Для проверки достоверности воспоминаний иногда консультируюсь с теми, кто был, жил в то время, переживал его. Сопоставляем, вспоминаем, иногда спорим, иногда радуемся совпадениям, чаще всего ругаем себя, что не вели дневниковых записей. Я вёл и в какой-то мере веду до сих политический дневник о том, что происходит в России, в других странах. Но это – необходимые фактографические записи профессионала-социолога и политического аналитика. Но университетского дневника событий, впечатлений, суждений я, к сожалению, не вёл. А может быть, к лучшему. Сегодня надо мной не довлеют мои прошлые переживания. Воскрешая их, я пытаюсь как-то разместить их, не корректируя, в нынешнюю сеть координат ценностей и отношений.

Выборы ректора ВГУ в 1998 году проходили в невротической общероссийской обстановке социально-политических конфликтов, турбулентных вихрей в общественном сознании, падения уровня и качества жизни, сумятицы ценностных ориентаций, нарастающего разрушения харизмы Б. Н. Ельцина. Вместе с тем были и внутриуниверситетские конфликтогенные драйверы (позволю применить это слово англоязычного происхождения, чтобы не применять кому-либо в обиду более точное русское).

Вторые ректорские выборы были назначены Учёным советом по согласованию с профсоюзом сотрудников на июнь 1998 года. Хотя уже был опыт первых выборов 1987 года, но чётких правил, определённых и утверждённых Министерством, ещё не было. Положение о выборах ректора было разработано и принято. В выборах 1998 года, как и на прошлых, 1987 года, участвуют по определённым нормам представительства профессорско-преподавательский состав, научные сотрудники НИИ и лабораторий, учебно-вспомогательный и обслуживающий персонал, аспиранты и студенты. Профессорско-преподавательский состав как ведущее и системообразующее ядро многослойного университетского коллектива имел преимущества в представительстве на конференции трудового коллектива и

учащихся ВГУ. Ему было дано право выдвигать кандидатов в ректоры от кафедральных и факультетских коллективов.

Выдвижение кандидатов шло в возбуждённой, даже невротически нагнетаемой атмосфере латентных идеологических, корпоративных и лично амбициозных столкновений. Однако доминировали, во всяком случае, публично, декларированные ориентации на выборы такого ректора, который был бы способен развивать ВГУ, отстаивать интересы всех слоёв многосложного университетского коллектива, управленчески обеспечивать устойчивость и эффективность образовательной и научной деятельности, развивать университетскую демократию и решать социальные проблемы коллектива.

Кандидатов было выдвинуто много, больше чем на предыдущих выборах. Консультируясь с некоторыми коллегами, я пытался восстановить фамилии и достоинства всех. Не удалось. Кто-то называет одних, кто-то других. Несовпадений много. Поэтому назову только тех, чьи фамилии так или иначе упоминались всеми «моими консультантами», и которых твёрдо не выпускает из своих хранилищ моя память. В ходе выдвижения и избирательной кампании некоторые, не все, кандидаты обращались ко мне как социологу с вопросами о возможных шансах. Одним я говорил: «Шансы Ваши не очень…»; другим: «Шансы есть, рискуйте…»; третьим: «Шансы есть, но конкуренты у Вас сильные…». Но никому советов, как одержать верх, не давал, хотя представлял, кто одержит верх. Возможность прогнозирования давала и социология, и практическое знание университетского коллектива, в котором почти полвека учился, работал, набирался жизненного опыта, формально и неформально общаясь с коллегами разных факультетов, с сотрудниками многих подразделений, да и со студентами.

Из группы в 7–8 человек реально выделились трое: профессор Валерий Григорьевич Артюхов, профессор Иван Иванович Борисов и профессор Владимир Иванович Федотов. У каждого из них были разные исходные позиции, электоральные рейтинги, шансы быть избранными. Несхожими были и те группы профессорско-преподавательского состава, которые за ними стояли и отдавали им свои предпочтения. Общим было, пожалуй, только одно: жизненный опыт каждого, не считая ранней юности, формировался в период учёбы и работы в ВГУ и нигде больше. У каждого детство прошло в годы Великой Отечественной войны. Детская память о войне – особый психологический феномен.

Валерий Григорьевич Артюхов – доктор биологических наук, его научные интересы, а более глубоко – тип научного мышления формировался, развивался и практически актуализировался на перекрёстках нескольких наук: биологии, физиологии, биофизики и биохимии. Может быть, в этих «перекрёстках» – тайна его высокой творческой продуктивности. К исходу 90-х годов у него было несколько сот научных публикаций, включая монографии, было подготовлено около двух десятков кандидатов и докторов наук. Он учёный самоотверженного, целеустрем-

лённого, академического типа, характерного для биолого-почвенного факультета. Немногословен, корректен в суждениях, стабилен в человеческих отношениях, однако, говоря языком электоральных технологов, его раскрученность, т. е. известность, популярность в университетском коллективе, ограничивалась биолого-почвенным, физическим, химическим, отчасти математическим факультетами. Его известность среди гуманитарных факультетов, обслуживающего персонала была узкой, фрагментарной. Вёл себя в избирательном процессе очень достойно, но маловыразительно.

Иван Иванович Борисов – иной тип претендента в ректоры. Он представитель обществоведческой и отчасти гуманитарной университетской интеллигенции. Доктор философских наук (докторскую диссертацию защитил в 1997 году). Активно в 60–80-х годах участвовал в общественной жизни университета. Я помогал ему в становлении и как общественного функционера, и как начинающего университетского преподавателя. В 1961 году предложил его кандидатуру на пост секретаря Комитета ВЛКСМ университета, а потом – ассистента кафедры философии. Во время ректорства В. В. Гусева он был проректором вначале по учебной работе университета, а потом – проректором по учебной и научной работе гуманитарных факультетов (административное новшество, придуманное В. В. Гусевым, но отпавшее после его отставки в 1998 году). Длительное проректорство во времена В. В. Гусева давало Ивану Ивановичу явное преимущество, которое его оппонентам трудно было чем-то нейтрализовать. Его рейтинг далеко отрывался от рейтинга оппонентов. Но Иван Иванович почему-то решил заручиться поддержкой антигусевской группировки. Может, от неуверенности в себе? Его выступления в ходе избирательной кампании не отличались внятностью и выразительностью. Антигусевская группа его активно поддерживала. По каким-то скрытым причинам его решили использовать каким-либо образом в каких-то целях? Будущее это раскроет. Я спросил Ивана Ивановича, полагаясь и надеясь на доверительные отношения: «Зачем тебе нужна запрягаевская поддержка? Она тебе совершенно не нужна. У тебя отрыв от ближайшего оппонента почти 20-процентный. В лучшем случае эта поддержка даёт тебе не более 5 %. И ещё не известно, чем это обернётся. В худшем – ты можешь потерять голоса тех, кто тебя поддерживает по гусевской традиции». Ничего вразумительного Иван Иванович не ответил, кроме: «Эта поддержка нужна».

Сравнение электорального поведения (приходится использовать профессиональную терминологию) выявляло самодостаточность Валерия Григорьевича Артюхова и слабость самодостаточности Ивана Ивановича, что потенциально таило в себе некую несамостоятельность в предстоящей деятельности в должности ректора.

Самодостаточными были и позиция, и программа, и поведение Владимира Ивановича Федотова в ходе избирательной кампании. Он – доктор географиче-

ских наук, профессор, декан. Вывел географический факультет из длительного застоя, придав ему современный вид и по направлениям подготовки специалистов, и по продуктивности научных исследований. Владимир Иванович всегда занимал активную гражданскую позицию, обладая острым критическим и конструктивным мышлением. Общителен. Про таких людей исстари в народе говорят: «Душа нараспашку». Всегда активен при обсуждении университетских проблем.

Конференция по выборам ректора состоялась в июне 1998 года. Было много и благодарственных, и критических суждений высказано по адресу уходящего в отставку В. В. Гусева. Благодарили за то, что он сумел в разорительные годы не только сохранить университет и найти ресурсы и возможности его развития. Высказывалось много дельных предложений. Участники конференции, поддерживающие И. И. Борисова, выдвинули и настойчиво отстаивали идею введения в структуре ректората должности первого проректора. Такой «нумеруемой» должностью Воронежский университет не располагал. Были должности функциональных проректоров, и их было обычно три: проректор по учебной работе, проректор по научно-исследовательской работе и проректор по административно-хозяйственной работе. Когда ректор уезжал в длительную командировку (это бывало редко) или уходил в очередной отпуск, то своим приказом возлагал исполнение обязанностей ректора на определённый срок на кого-либо из проректоров: или по учебной работе (чаще всего летом во время нового набора), или по научной работе. Наверное, соблюдалась какая-то очерёдность. Но никаких сбоев или недоразумений никогда ни при Б. И. Михантьеве, ни при В. П. Мелешко, ни при Н. А. Плаксенко, ни при А. М. Беликове, ни при В. В. Гусеве не было. Такая система позволяла ректорату быть единой командой при главенстве ректора. Зачем нужно было выделять одного из проректоров номером первым, стало быть главным ведущим, ставя его в особое положение перед другими, было не ясно. Но конференция согласилась. После избрания ректора стало ясно, зачем и кто продвигал это новаторство.

Конференция прошла спокойно. Обошлось всё одним туром. Второго не потребовалось. Иван Иванович Борисов победил с большим отрывом от своих достойных оппонентов.

Документы о демократическом избрании ректором ВГУ профессора Ивана Ивановича Борисова были направлены для уведомления и на утверждение в Минвуз. Но в тот же день (так совпало) из Минвуза в ВГУ пришло письмо с просьбой разобраться с материалами, к нему прилагаемыми. «Материал» представлял собой письмо, сообщающее, что И. И. Борисова ни в коем случае нельзя избирать ректором, и требующее вмешательства Министерства. Письмо было подписано деканами всех факультетов. На уже состоявшейся конференции по избранию ректора никто из деканов с таким категорическим требованием не выступал. Проверка показала: подписи были поддельными. Никто из деканов подпись под письмом за свою не признал. О чём и было сообщено в Минвуз, который вскоре утвердил

результаты демократических выборов и соответствующим приказом определил Ивана Ивановича Борисова ректором Воронежского государственного университета. Демократия не терпит анонимности. Она предполагает и требует открытой и честной позиции в состязаниях и даже острой конкурентной борьбе. Но кто-то (группа, личность?) пытался её подловить, использовать. Не к чести члена университетского коллектива.

Начало ректорства Ивана Ивановича Борисова совпало с финансовой катастрофой России – дефолтом в августе 1998 года. К нему привели в сложных финансово-экономических мировых обстоятельствах политический авантюризм, экономическая ограниченность, финансовая некомпетентность самодовольной ельцинской правящей команды. Дефолт крепко ударил по бюджету ВГУ, как и всей системы образования и здравоохранения. В ситуации дефолта, урезания (секвестра) бюджета не позавидуешь руководству любого учреждения, для которого государственный бюджет – основа существования. Надо было как-то выстоять, выдержать, преодолеть удар дефолта.

На мой взгляд (может, и субъективный), два внутриуниверситетских фактора обеспечили выживание и даже развитие ВГУ во времена общероссийского дефолта. Первый – самоотверженность основного, ведущего ядра университетского коллектива, который в 90-е годы многому научился и приобрёл опыт стойкости не только в финансовых, но и в политических неурядицах. Второй – финансовая находчивость руководства, предприимчивое использование внутренних ресурсов, интеллектуальных и экономических активов.

Интеллектуальные ресурсы в формирующихся рыночных отношениях сводились прежде всего к коммерциализации высшего образования; проще говоря, к увеличению численности студентов, обучающихся на договорной, коммерческой основе, т. е. оплачивающих своё университетское образование. Правительство РФ сняло всякие количественные ограничения по приёму студентов на платной основе. Увеличение численности студентов, обучающихся на коммерческой основе, позволяло государству как-то пристроить молодёжь, мечущуюся в условиях высокой безработицы и таящей в себе иррациональный потенциал социального взрыва и криминализации. Но вместе с тем коммерциализация высшего образования стала важной внегосбюджетной статьёй дохода вузов. Ректорат ВГУ интенсивно использовал этот источник для пополнения скудных ресурсов. Чрезвычайно активно в этом направлении действовали юридический и экономический факультеты.

Что касается научно-интеллектуальных ресурсов, то их коммерциализация была затруднена прежде всего и главным образом крайне слабой восприимчивостью бизнеса не только к новым научным открытиям, но и к научному обслуживанию вообще. Это сказалось и на кафедре социологии и политологии: её финансовые связи с промышленными предприятиями, банками, организациями распались. Предприятия в условиях дефолта были вынуждены экономить свои финансы; им было не до освоения новых интеллектуальных ресурсов.

Ректорат И. И. Борисова решил использовать для пополнения бюджета ВГУ экономические ресурсы территории земли по улице Хользунова, переданной государством в вечное пользование Воронежскому государственному университету ещё во времена ректорства В. П. Мелешко для строительства новых учебных и научно-исследовательских корпусов, студенческих общежитий и многоквартирных домов для сотрудников. В течение трёх десятилетий территория медленно из-за отсутствия финансирования осваивалась. Но там на большой площади в 96 гектаров должна была осуществиться давняя мечта – строительство нового университета. Что-то там возникало, мало соответствующее заманчивой мечте и современным, не говоря о будущих, требованиям университета. Значительная часть территории пустовала.

Не знаю, по чьей инициативе ректор И. И. Борисов решил часть пустующей площади пустить в оборот. Был заключён договор с домостроительным комбинатом. Часть площади продаётся домостроительному комбинату для его собственного строительства, а тот достраивает два университетских корпуса и жилой дом для сотрудников. Наверное, с кем-то эта сделка согласовывалась. В ней был юридический нюанс: площадь в 96 гектаров была передана ВГУ в использование, а не в полную собственность. Она находилась в собственности Российской Федерации. ВГУ, пользуясь ею, не имел права никому её передавать, тем более продавать. Но кто тогда, во времена правового беспредела и беспардонности, соблюдал законы? Более крупные экономические объекты противозаконно выпадали из государственной собственности. Никто и не обратил внимания на правовую некорректность сделки руководства ВГУ с руководством домостроительного комбината. Позже вокруг неё и последствий разгорелись скандалы. Они длились несколько лет при ректорате другого состава, но закончились ничем. Мне и тогда, и ныне представляется, что сделка с домостроительным комбинатом в какой-то мере позволила университету выдержать острый финансовый кризис. Иное дело – последствия её, утечка капитала и действия ректората к исходу первого десятилетия нового века, сужение университетской территории.

Ректорство И. И. Борисова было связано с реорганизацией системы и принципов управления университетом, с изменением кадровой политики. Довольно быстро выявилась доминирующая роль вновь введённой должности первого проректора, которым стал физик-теоретик профессор Сергей Александрович Запрягаев. Обладая сильным волевым характером, он сосредоточил в своих руках функции проректора по учебной работе, управления кадрами, стратегического планирования, финансового управления (хотя для этой цели как будто была введена должность проректора по общим вопросам – В. Т. Титов). С течением времени стало очевидным, что фактически главным управляющим ВГУ является не ректор Иван Иванович Борисов, а первый проректор С. А. Запрягаев. Другие функциональные проректоры были отодвинуты на второй план. Изменилась персональная структу-

ра практически всех органов управления университетом. Подбор новых оперативных работников центрального управления был далёк от рациональности и ближе, мягко говоря, к личным вкусам. Так, одного из самых опытных и инициативных руководителей учебной части (потом эта структура несколько раз преобразовывалась и переименовывалась), хорошо знающего университет и структуру учебного процесса и всеми уважаемого за ответственное отношение к делу и за культуру общения Владимира Семёновича Листенгартена С. А. Запрягаев заменил малоизвестной лаборанткой, которая никогда не занималась организацией учебного процесса. И это при том, что сам Сергей Александрович не имел большого опыта управления учебным процессом и проявлял иногда очень поверхностные представления о его структурах, механизмах, факторах, программах. Любопытен и показателен один сюжет. Сергей Александрович считал, что при проведении конкурсов на замещение педагогических должностей необходимо повысить требования к претендентам по такому показателю, как количество методических публикаций. Он был прав, хотя и не следует абсолютизировать этот показатель по отношению к результативности научных исследований. И был случай по моей кафедре. Доцент Е. Ю. Красова проходила очередной конкурс. Она достаточно плодотворна и в научном, и в методическом отношениях. В списке опубликованных работ за предыдущие 5 лет было указано, кроме научных, 5 методических, среди них 2 ею разработанных программы новых курсов. Кафедра рекомендовала Елену Юрьевну к переизбранию на новый пятилетний срок, Учёный совет исторического факультета единогласно проголосовал за избрание. Документы отнесли в отдел кадров. Через некоторое время Елена Юрьевна чуть ли не в слезах ко мне как заведующему кафедрой: «Первый проректор С. А. Запрягаев решение Учёного совета не утвердил, и в приказ дело не пошло». Е. Ю. Красова пошла на приём к первому проректору выяснять проблему. Дождалась приёма. С. А. Запрягаев на её вопрос разъяснил: «У Вас нет достаточного количества опубликованных методических работ». Она возразила: «В списке указано: пять. Сколько же нужно?» На что первый проректор возразил: «Это программы учебных курсов, а не методическая работа». Елена Юрьевна обратилась ко мне: «Как быть?» Я собрал с десяток программ разных учебных дисциплин (они есть в библиотеке, кроме кафедры). Попытался заполучить программы курсов запрягаевской кафедры: нет ни одной. Проконсультировался с друзьями-физиками. И пошёл, предварительно созвонившись, к Сергею Александровичу. Наивно спросил: «Почему нет приказа о назначении Е. Ю. Красовой на должность доцента как избранную по конкурсу?» Ответ: «У неё нет опубликованных методических работ. Программа курса – это не методическая работа, а перечень тем, по которым читаются лекции». Пришлось разъяснить первому проректору: программа учебного курса – это сжатое изложение теоретико-методологической концепции учебной дисциплины, определение её понятийно-категориального аппарата, логика его развёртывания, описание того,

что студент должен знать по курсу, и рекомендации, где и как получить знания. Показал несколько программ. Сергей Александрович их полистал. Я добавил: «То, что Вы называете программой, это – рабочий план преподавателя, по каким темам и когда читать лекции. Если нет учебной программы, без которой нельзя вести курс лекций, то нет и обоснованной логики развёртывания. Есть только их перечень». Разработка программы любого курса – это серьёзная не только методическая работа, но и научная, ибо требует методологического обоснования научной концепции, определения проблем и объёма знаний. Первый проректор, кажется, что-то понял, во всяком случае, спорить не стал и подписал документы Е. Ю. Красовой в приказ. С Сергеем Александровичем всегда было трудно разговаривать. Диалога он, как правило, не принимал. Это не только моё мнение.

Первый проректор С. А. Запрягаев был явно сторонник американской системы высшего образования и одновременно Болонского процесса и стремился их принципы, нормы, смысл авторитарными методами внедрить в ВГУ, отрицая всё то, что было свойственно советской системе. В использовании опыта высшей школы США, Западной Европы само по себе не было ничего плохого. Это нормальный процесс. В своё время, после триумфального прорыва СССР в космос, США по указанию президента Кеннеди тщательно изучали советский опыт в сфере образования. В том числе нашего Воронежского университета; в качестве проректора в 1965 году мне довелось беседовать с приехавшими представителями среднего и высшего образования. Они тщательно расспрашивали о системе университетского образования. Американских коллег, в частности, очень удивил высокий КПД учебного процесса по выпуску специалистов (соотношение количества выпускаемых специалистов и численности принятых студентов 5 лет тому назад; у нас оно составляло не менее 95 %); удивило и то, что 73 % студентов получают государственную стипендию.

Изоляционизм как политика в сфере образования, особенно высшего, крайне вреден и даже опасен. Но усваивая структурные компоненты образовательных систем и практики, вредно и опасно, и даже попросту глупо нигилистически относиться к отечественной системе и практике высшего образования. Надо уметь адаптировать зарубежные образцы образования, организации и практики учебного процесса, статуса его субъектов (учёного-педагога и студента) для обогащения отечественной системы, а не для её дискредитации. Мне довелось бывать в зарубежных вузах. В США мне очень понравились две «вещи» в университетах (был в девяти вузах в штате Канзас): 1) высокая техническая и лабораторная оснащённость учебного процесса (у нас она до сих пор ниже, хотя продвижения есть); 2) педагогическая нагрузка, т. е. занятость профессора, да и любого преподавателя, в 3 раза меньше, чем у нас при неизмеримо более высокой зарплате и технико-технологической оснащённости педагогического и научного труда. Но ведь эти достоинства американской системы не позаимствуешь; их необходимо создавать самим.

Однако не это было в центре внимания первого проректора ВГУ. Он более всего заботился об усилении требований к преподавателям и контроле за их деятельностью. Педагогические нагрузки профессорско-преподавательского состава росли, условия труда не улучшались, и преподаватели понуждались на длительную самоотверженность. Многие искали и находили другие источники пополнения семейного бюджета. В начале 2000-х годов по крайней мере 25–27 % профессорско-преподавательского состава имели дополнительные заработки вне университета.

В 2000 году Министерство провело проверку и дало комплексную оценку деятельности университета. Почти всё обошлось благополучно. Воронежский университет получил новые лицензии на подготовку бакалавров, магистров и специалистов, а также свидетельство о государственной аккредитации. Этой процедуре придавалось чуть ли не чрезвычайное значение. Среди всего прочего была проделана огромная работа по оформлению права на ведение образовательной деятельности по всем направлениям обучения, классификации всех документов и их канцелярскому упорядочиванию. Никто в содержание, методы обучения, анализ академических результатов познавательной деятельности студентов, качество преподавания не входил и даже не интересовался. Однако на ряде кафедр и факультетов были обнаружены некоторые недостатки в документировании учебного процесса. На нашей кафедре социологии и политологии всё было в порядке, за исключением одного: на входящих и исходящих документах не были проставлены коды кафедры. Честно признаюсь: я его до сих пор не знаю, как не знаю (мне никто не разъяснил), каким образом код на кафедральных документах влияет на качество образовательной и научной деятельности. Однако порядок есть порядок.

На рубеже XX–XXI веков Воронежский университет, несмотря на все финансово-экономические трудности и организационно-управленческие проблемы, а иногда и чудачества, развивался, благодаря прежде всего инновационным стремлениям факультетских и кафедральных коллективов, если они находили поддержку ректората. Открывались новые факультеты и, следовательно, новые направления подготовки специалистов. В 1999 году был открыт факультет компьютерных наук, который впоследствии благодаря энергии и таланту декана профессора Э. К. Алгазинова получил творческое развитие и признание бизнес-фирм не только и даже не столько в России, сколько за рубежом. В 2001 году завершилось формирование и состоялось открытие фармацевтического факультета. Много труда в него со своими коллегами вложил профессор А. И. Сливкин, в прошлом ученик профессора Б. И. Михантьева. В 2002 году на стыке исторического и экономического факультетов возник факультет международных отношений. Он появился как-то странно. Учёных-международников в ВГУ никогда не было. Были учёные по всеобщей истории, специалисты по отечественной истории. Преподаватели, конечно, изучали и читали курсы по политике России и СССР. Но они не вошли в состав нового факультета, не считая себя международниками. На кафедре социологии и полито-

логии работал профессор А. А. Слинько, специалист по политическим процессам в Латинской Америке; он и ушёл на новый факультет. Но как бы там ни было, факультет международных отношений был создан и стал развиваться, приглашая для чтения лекций отдельных специалистов-международников из Москвы.

Конец XX и начало XXI века было временем, если так можно выразиться, филиализации ВГУ. Это – процесс создания филиалов различных факультетов в районах области. Были созданы филиалы ВГУ в Верхнем Мамоне, Старом Осколе (Белгородская область), Калаче, Бутурлиновке, Лисках. Преподаватели факультетов наездами читали в филиалах лекции. Первый проректор С. А. Запрягаев назвал процесс филиализации созданием Большого университета. Наверное, филиалы давали возможность местной молодёжи без отрыва от дома и работы получать высшее образование. Какое по качеству? Большой и практически безответный вопрос. Его никто не изучал. Но источником финансовых поступлений филиалы были.

Филиализация не была открытием ВГУ. Начало этому процессу положили московские вузы, и он стремительно шёл по всей взбудораженной реформами высшей школе России. Наряду с созданием сети филиалов крупных вузов шёл процесс открытия частных высших учебных заведений. Министерство предоставляло им лицензии по упрощённой схеме, нередко за соответствующую мзду. Негосударственные вузы стали, как грибы после тёплого дождя, появляться в середине 90-х годов. В 1994/95 учебном году их было в России 157; в них обучалось чуть более 110 тысяч студентов на коммерческой договорной основе. В 2005/06 учебном году их стало 413, в них студентов – 1 079 300[1]. К исходу первого десятилетия XXI века создание (чуть не написал: созидание) частных, негосударственных вузов и расширение их студенческих контингентов продолжалось, но уже в замедляющихся темпах.

Товарно-денежные отношения упрямо вторгались в высшее образование, втягивали его в себя, в свои круговороты, подчиняя его своим законам, трансформируя его функции и превращая в коммерческое дело. Даже на вершине политической власти утвердился, вроде безусловного императива, тезис: высшее образование должно удовлетворять потребности рынка и перестраиваться (подстраиваться?!) под его требования. К этому «верховному» тезису мне придётся вернуться. Это не такой простой вопрос, каким представляется рыночно мыслящим людям.

Увеличение численности студентов, обучающихся на коммерческой договорной основе в государственных и муниципальных вузах, в их многочисленных филиалах, в негосударственных вузах ничего общего на рубеже XX–XXI веков и в последующем не имело с потребностями российской экономики и социальной сферы. В условиях затяжного экономического кризиса и технико-технологической

[1] См.: *Рахманин В. С.* Высшая школа и молодёжь в трансформационных процессах России первого десятилетия XXI века // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Проблемы высшего образования. 2009. № 2 (19). С. 15.

структуры производства не было необходимости в столь масштабной подготовке специалистов с высшим образованием. Она таила в себе рост безработицы высокообразованной молодёжи, что и стало реальностью. Коммерциализация высшего образования и высшей школы имела иные, латентные (скрытые) функции. Для государственных и муниципальных вузов это внегосударственный источник пополнения скудного официального бюджета. Это в основном играло положительную роль. Стали возможными некоторое увеличение заработной платы, покупка научной аппаратуры, оборудования, ремонтные работы и даже строительство новых зданий. Однако и в этом случае материальная и лабораторная база филиалов не отвечала необходимым научно-педагогическим нормам.

Бурное открытие негосударственных вузов для рыночно мыслящих людей было коммерческим предпринимательством. Безотносительно к потребностям государства и общества и даже «его величества» рынка, т. е. было доходной коммерцией.

Между прочим, ради социологического интереса и, признаюсь, пополнения семейного бюджета мне довелось поработать в двух негосударственных вузах (читал лекции и вёл семинарские занятия по социологии). Вынес из такого опыта весьма унылое впечатление и об организации учебного процесса, и его качестве, и о социокультурном и интеллектуальном уровнях студентов, их ориентациях на ценности высшего образования.

В результате диковатой природы рыночных отношений в России на рубеже двух веков, массовизации и коммерциализации высшего образования его роль в жизненном успехе индивида, его карьере сильно уступает другим факторам, прежде всего хорошим знакомствам (блату), протекции высокопоставленных родственников, личным способностям к махинациям[1].

Правительство Евгения Васильевича Примакова (действительного члена АН СССР и РФ) энергичными мерами вывело Россию из дефолтовского шока, укоротило финансовые спекуляции и махинации, создало условия для оживления отечественной экономики и даже её некоторого роста. Это положительно сказалось и на Воронежском университете, на стабилизации и росте его финансового положения. Возобновилось строительство. Было завершено возведение нового архитектурно выразительного высотного корпуса юридического факультета, введено в строй дополнительное здание в структуре главного корпуса на Университетской площади. Завершилось строительство и 8-го корпуса по Московскому проспекту. В январе 2003 года исторический факультет и факультет международных отношений переехали на новое место жительства. В структуре исторического факультета туда же из корпуса по площади Ленина, 10 (напротив Кольцовского сквера) переехала и кафедра социологии и политологии. Нам выделили на втором

[1] См.: *Красильникова М.* Проблемы высшего образования в оценке населения // Вестник общественного мнения. 2004. № 1. С. 33.

этаже большую комнату № 202 (со встроенным небольшим кабинетом для заведующего кафедрой) и небольшую комнату рядом для социологической лаборатории.

В этой связи будет уместным обозначить и ещё один, предпоследний, поворот в моей университетской биографии.

Кафедрой я заведовал с 1964 года. Она претерпевала преобразования, и менялось её наименование, научно-образовательный профиль. Кто-то по разным причинам изредка уходил, по конкурсу избирались новые её члены, но научно-педагогическое ядро оставалось прежним, проявляя не только устойчивость, но и деятельные интегративные способности, помогая новичкам включиться в коллективные отношения, освоить традиции, принципы организации учебно-методической и научно-исследовательской работы, отношение к бурливому студенчеству. Несколько раз Учёный совет университета переизбирал меня на новый пятилетний срок. Таких циклов миновало 7. При избирании я иногда получал 2–3 голоса против. Воспринимал их без всякой обиды и горечи как следствие неравнодушного отношения. К завершению шёл 8-й цикл. Мне к тому времени было уже за 70. Я решил на 9-й срок на конкурс не подавать. Друзья были против моего решения. Но я был твёрд в своих решениях. Во-первых, как говорится, пора и честь знать. Во-вторых, мне показалось, что мои стычки по разным деловым проблемам с первым проректором С. А. Запрягаевым и проректором по общим вопросам В. Т. Титовым могут в дальнейшем неблагоприятно сказаться на коллективе кафедры. Может, всё было не так, но мне так показалось, и я счёл целесообразным уйти с заведования кафедрой, не подставляя её под косые взгляды начальства. В-третьих, есть нравственный закон, императив: наступает время, когда старший должен уступить младшему, передав ему дело. Закон часто нарушается, особенно в политике. Ни к чему хорошему это не приводит, как, впрочем, и торопливо-суетливое стремление невызревшей молодёжи вытеснить тех, кто создал им условия для обустройства жизни и открыл перспективы роста. Я почувствовал: настало время ухода. Нет, не на пенсию, а с должности заведования кафедрой. Передать её другому, молодому. Тем более что молодая кандидатура выросла. В 1997 году докторскую диссертацию по политологии защитила Александра Викторовна Глухова. Она уже имела опыт работы профессора и заместителя заведующего кафедрой. К тому же выросла как учёный и педагог в кафедральном коллективе, усвоила его традиции, его дух и межличностные отношения; одним словом, человек не со стороны, а кафедрально свой.

Её первая реакция во время моих предварительных переговоров была отрицательной: «Да Вы что?! Не могу я заведовать кафедрой после Вас. Вам не надо уходить. Не делайте этой ошибки». Я сказал, что ни при каких обстоятельствах и уговорах я на 9-й срок заведования не пойду и заявления не подам. «Может случиться так: поскольку я заявления не подам, и Вы не подадите, то подаст кто-то третий, и кафедра уйдёт в чужие руки. Кстати, такой человек есть». Кажется, именно этот

аргумент её убедил; она знала, о ком идёт речь. А. В. Глухова согласилась и подала заявление на конкурс. Я обещал ей во всём помогать, но не вмешиваться в её руководство. По тогдашним (простите за просторечие) правилам коллектив кафедры должен был высказаться, кого из подавших заявление на конкурс хотел бы иметь заведующим или кого, во всяком случае, приемлет. Заседание кафедры в таком случае должен вести проректор или декан. Пришёл (кафедра располагалась ещё во втором корпусе на площади Ленина в комнате № 84) первый проректор С. А. Запрягаев. Предложил высказаться. Я объяснил свои мотивы не участвовать в конкурсе на замещение должности заведующего. Поблагодарил членов кафедры за долготерпение и дружную работу. Отметил те достоинства профессора Александры Викторовны, которые позволят ей более успешно руководить кафедрой. Коллеги высказались в том же духе, поддерживая кандидатуру А. В. Глуховой. Первый проректор С. А. Запрягаев в своём заключительном слове отметил, что в ВГУ, по его мнению, впервые человек добровольно хочет уйти с заведования кафедрой, которая плодотворно работает. «Недавно, – сказал он, – по собственному заявлению от заведования кафедрой теоретической физики отказался заслуженный профессор Лев Павлович Рапопорт, но по болезни. Валентин Сидорович здоров, но уходит, как он сказал, в интересах кафедры».

Вскоре Учёный совет университета избрал Александру Викторовну Глухову, доктора политических наук, профессора заведующей кафедрой социологии и политологии, на которой она и сформировалась как учёный, педагог, творческая личность. Вступила в должность заведующей кафедрой с сентября 2002 года. На заседании кафедры я поздравил её под аплодисменты коллег с избранием и вступлением в должность заведующей кафедрой, символично передал ей ключи от кафедры. В ответ она поблагодарила кафедру и меня за поддержку, выразила надежду на плодотворную коллективную работу. Своим первым кафедральным распоряжением назначила меня «тайным советником». Посмеялись над прилагательным «тайным».

Вскоре кафедра переехала в корпус № 8 по Московскому проспекту, 88. Я с грустью простился с комнатой № 84, где мне довелось более 40 лет быть во главе заседательского стола вначале парткома ВГУ (а через стенку был кабинет ректора Б. И. Михантьева), а потом – заведующего кафедрой (1964–2002). В 8-й корпус по Московскому проспекту я переехал несколько раньше кафедры. В нём частично шли занятия со студентами исторического факультета, кажется, с ноября 2002 года. Я ездил туда раза 2–3 в неделю, читал лекции и одновременно осваивал выделенное кафедральное помещение № 202. Надо было кое-что подтянуть, подогнать, поставить замки и т. п. Поэтому в портфеле у меня были молоток, плоскогубцы, отвёртки, стамеска, гвозди разных калибров. После переезда всей кафедры со всем её имуществом стараниями методиста и материальной хозяйки Юлии Фёдоровны Гребенниковой на кабинете заведующего кафедрой появилась табличка:

«Заведующий кафедрой. Доктор политических наук, профессор Александра Викторовна Глухова». У меня как профессора был отдельный стол в общекафедральной комнате. Юлия Фёдоровна занялась своим любимым хобби – разведением цветов. В этом деле она была мастерицей и искусницей.

Корпус № 8 был не очень приспособлен для учебного процесса. Да его, наверное, и не приспосабливали. Стены аудиторий были из асбест-картона; они не дышали, и было душно в аудиториях. В отдельных из них была плохая акустика, и нужно было отыскать то место, где стоя или сидя можно читать лекции и тебя могут отчётливо слышать студенты. Полы были из искусственного гранита или чего-то похожего, передвижение по ним одновременно двух-трёх стульев на металлических ножках создавало скрежещущий грохот. Строители сдали, а университетские хозяйственники приняли корпус без надёжной гидроизоляции туалетных комнат. Слабым был крепёж оконных рам. Однако переезд исторического факультета в 8-й корпус в целом улучшил пространственное расположение и организацию учебного процесса. Но ездить на работу мне стало дольше; затраты времени на дорогу около 1,5 часа.

Сдача-приёмка корпуса № 8 в эксплуатацию была торжественно обставлена. Приезжал губернатор области В. Г. Кулаков, состоялась и его встреча со студентами. Острых вопросов они ему не задавали. Он уверял их, что Воронежская область на подъёме. Уверения были далеки от реальности.

Финансирование научных исследований преимущественно осуществлялось через систему грантов, которые предоставлялись на конкурсной основе. Собственно системы как нечто устойчивого, целостного не было. Грантодержатели были разные, между ними не было координации и единства требований. Наиболее успешным для финансирования и организации научной работы обществоведов и гуманитариев стало создание в феврале 2001 года Воронежского межрегионального института общественных наук (МИОН) при ВГУ в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках». Программа финансировалась Московским общественным научным фондом, Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований имени Кеннана (США) при содействии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кетрин Т. Макартуров (США).

Межрегиональный институт общественных наук работал активно с высокой степенью самостоятельности (в пределах выделенного бюджета). Его директором был назначен доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философско-психологического факультета Александр Самуилович Кравец. При нём функционировал на полуформальных основаниях научный совет. В него входили представители гуманитарных факультетов. От кафедры социологии и политологии были представлены я и профессор А. В. Глухова. Целью совета было определение общей темы, проблематики и программы исследования на предстоящий год

с чётким распределением её разделов за ответственными исполнителями. Тема и программа обсуждались тщательно по показателям её научной и практической актуальности, новизны, кадровому обеспечению. Проект программы направлялся в Московский центр программы «Межрегиональные исследования в общественных науках». Насколько помню, ни один из представленных проектов Московским центром не отклонялся. Представители Московского центра довольно часто приезжали в ВГУ для контроля за деятельностью Воронежского МИОН. Ежегодное финансирование Воронежского МИОН составляло 1,2 миллиона долларов.

Программа МИОН предполагала комплексные исследования по принятому проекту, подключение к нему представителей других МИОН, проведение межрегиональных научных конференций, издание материалов конференций, монографий, учебных пособий. Коммерческие функции МИОН были запрещены, он не имел права реализовать свою продукцию на рынке.

По программе МИОН кафедра социологии и политологии провела несколько авторитетных межрегиональных научных конференций. Среди них «Политическая конфликтология перед новыми вызовами» (2001 год), «Демократия: конфликтность и толерантность» (2002 год), «Социальная конфликтность и партнёрство» (2004 год) и др. В конференциях участвовали представители других МИОН, чаще всего из Ставропольского, Ростовского-на-Дону, а также из других академических и вузовских научных центров Москвы, Киева, Минска, Казани, Ульяновска и др. Активно участвовала практически вся кафедра социологии и политологии. Толковым организатором конференций выявила себя проф. А. В. Глухова. Однако трудностей было достаточно. И их приходилось преодолевать. МИОН брал на себя все расходы по проведению конференций (полная оплата проезда иногородним участникам, их проживание, экскурсии по городу, частично питание).

МИОН значительно расширил и укрепил плодотворные связи с различными вузами и научными центрами других регионов. Более того, благодаря успешным исследованиям, публикациям их результатов, проведению конференций в Воронеже, участию в конференциях аналогичных МИОН в Ставрополе, Казани, Москве и других городах, кафедра социологии и политологии стала одним из ведущих центров исследования политических конфликтов и создания отечественной школы политической конфликтологии.

Воронежский МИОН обеспечил финансовую и организационную возможность издать ряд коллективных монографий: «Политическая конфликтология перед новыми вызовами», «Демократия: конфликтность и толерантность», «Социальные конфликты и партнёрство», «Социальные конфликты в условиях современных системных трансформаций» (2005 год), учебное пособие (впервые в России) А. В. Глуховой, В. С. Рахманина «Политическая конфликтология» (2002 год).

Результатом творческого сотрудничества с философами и филологами ВГУ явилась коллективная монография «Диспозиция “свой-чужой” в культуре». В ней

две мои главы «Дискурс “свой-чужой” в истории западной социологии XX века» и «Диспозиция “свой-чужой” как социальный феномен». В этих главах я пытался социологически выявить социальную природу солидарности и конфликтности в XX веке, а также типы социального взаимодействия. Вместе с тем это и своеобразная дань истории западной социологии (впервые в истории обществоведения в ВГУ). К сожалению, не удалось завершить и опубликовать аналогичное исследование «Дискурс “свой-чужой” в истории русской социологии». Жаль, но…

В результате научного сотрудничества с историками по программе МИОН была опубликована моя глава «Геополитический кризис в России в конце XX – начале XXI века» в коллективной монографии (по материалам МИОНовской конференции) «Российская империя: стратегия стабилизации и опыта обновления» (2004 год). В этой главе я развивал ранее высказанную в ряде статей концепцию кризиса мирового геополитического пространства в XX веке, его факторов, этапов, последствий для России. На всех четырёх этапах разлома мирового геополитического пространства в эпицентре кризиса находилась Россия. Распад СССР был крупнейшим геополитическим взрывом, в котором Россия сама себя вытолкнула из своего геополитического пространства, которое формировала и защищала триста лет. В XXI веке кризис мирового геополитического пространства продолжается, переходя на новые этапы, подвергая Россию предельным геополитическим напряжениям.

Последняя монография, которую удалось издать в 2010 году благодаря финансированию МИОН, была выполнена в соавторстве с профессором философско-психологического факультета В. В. Варавой и при участии А. И. Верецкой, Л. П. Волковой и В. Н. Новокшоновой, носила несколько претенциозное название «Человек в трансформирующемся мире (этический и социологический аспекты)». В. В. Варава сделал основательный философский очерк моральных ценностей в современном обществе, подчеркнув историческую взаимообусловленность этического и социального. На материалах социальной статистики и конкретно-социологических исследований я со своими кафедральными коллегами проанализировал социально-стратификационные процессы в современной России, специфику изменений социальных общностей, социальных статусов и ролей человека в трансформирующейся весь XX век России, истоки новой бедности и социомобильную роль высшего образования.

К сожалению, в начале второго десятилетия XXI века финансирование МИОН прекратилось. Но некоммерческая организация МИОН сыграла немалую позитивную роль в постановке и развитии фундаментальных исследований обществоведами и гуманитариями Воронежского университета, в том числе и кафедрой социологии и политологии. Этот источник финансирования фундаментальных исследований, как говорится, приказал долго жить, но остался в благодарной памяти. Необходимо было искать другие источники. Такими, в частности, были

гранты, предоставляемые Министерским фондом фундаментальных гуманитарных исследований, а также другие фонды. Но, во-первых, они были в основном индивидуальными, краткосрочными, непостоянными. Они требовали довольно громоздкой системы документального оформления. Времени на эту бюрократическую процедуру уходило много, а финансовая цель не всегда достигалась или финансирование было не по затратам интеллектуального труда. Некоторые преподаватели использовали этот источник финансирования и вели краткосрочные исследования по грантам. Кажется, в разные годы у меня было 3–4 гранта. В частности, ещё в 2004 году было выполнено по гранту Министерства образования РФ исследование «Высшее образование как фактор социальной мобильности». Но грант не давал возможности создать устойчивую исследовательскую группу, хотя грантовая практика получила в ВГУ, как и в других вузах, довольно широкое распространение.

Ещё в конце 90-х годов я предложил губернатору Воронежской области И. М. Шабанову и ректору ВГУ И. И. Борисову создать на базе нашей кафедры научно-исследовательский институт по исследованию социально-политических процессов в регионе и повышению эффективности их управления. Губернатору эта идея понравилась. Я подготовил предварительный проект: цель, проблематика, функции, финансирование, состав. Финансирование предполагалось долевое: 50 % – правительство области, 50 % – ВГУ. Но так из этого ничего и не получилось. Университет не располагал даже небольшими финансовыми средствами, хотя я предлагал несколько вариантов и был уверен, что через некоторое время институт социально-политических исследований стал бы получать заказы со стороны, из других областей и окупил бы себя. Но нужны были предварительные инвестиции.

Такой институт всё же был создан в 2014 году при поддержке губернатора А. В. Гордеева и энергии заведующего кафедрой профессора А. В. Глуховой.

Но я опять забежал вперёд, перемахнув через несколько лет, а главное – важных событий. Вернёмся к первым 2000-м годам (нулевым, как их называли).

В 2003 году отметили 85-летие Воронежского государственного университета. В сентябре Учёный совет утвердил своим решением атрибутику Воронежского государственного университета: флаг (голубая верхняя половина, белая – нижняя, а по ней две голубые волны; красный, присутствующий в государственном флаге России, почему-то не представлен), герб (на нём почему-то символ флага дан в ином, почти сплошном голубом цвете) и нагрудный знак «За заслуги перед Воронежским государственным университетом» (меня дважды им награждали то ли за особые заслуги, то ли по забывчивости). На гербе хороший девиз по-латыни: «Semper in motu». Но по прихоти псевдоисторического ума на гербе проставлены две даты: «1918 (1802)». На второй дате, взятой в круглые скобки, настоял первый проректор доктор физико-математических наук, профессор С. А. Запрягаев.

Наверное, ему этим хотелось углубить, увеличить историческое время существования ВГУ. Однако в 1802 году по указу императора Александра I был основан не Воронежский, а Дерптский университет, который с 1893 года стал именоваться Юрьевским вслед за переименованием Дерпта в Юрьев[1]. Если уж указывать даты в исторической последовательности, приведшей в конце концов к открытию Воронежского университета, то нужно было указать и дату Юрьевского – 1893 год. В Дерптском университете преподавание велось на немецком языке, в Юрьевском – в основном на русском. Не следовало бы ректорату ВГУ, основанного на базе эвакуированного Юрьевского в 1918 году, на гербе фиксировать своё толкование истории. Празднование 85-летия мне ничем выразительным не запомнилось.

Статистические показатели состояния ВГУ в середине первого десятилетия XXI века были выразительны. Функционировали 17 факультетов, на которых обучалось (по трём формам: стационар, заочное и вечернее отделения) более 21 тысячи студентов. Высшее, университетское образование юноши и девушки могли получить по 68 направлениям, число которых постоянно увеличивалось. Научно-педагогическую деятельность вели более 232 докторов наук, профессоров и 775 кандидатов наук, доцентов. Кроме кафедральных коллективов, научно-исследовательская работа велась в 5 научно-исследовательских институтах. 118 специализированных советов принимали к защите докторские и кандидатские диссертации. Одним из значительных и заметных в российских и зарубежных научно-педагогических сообществах стала публикационная деятельность более 60 периодических изданий.

Эти показатели свидетельствовали о том, что ВГУ находится в движении, в развитии; их нельзя недооценивать. Они – результат инициативы и напряжённого труда большого коллектива, у которого давно стало традицией быть всегда в движении. Ректорат и прежде всего (и это надо признать) первый проректор С. А. Запрягаев стремились внедрить стратегическое планирование во все сферы жизнедеятельности университета. Состоялись, если память мне не изменяет, 2 международные научно-методические конференции по стратегическому планированию. На одной и я выступал с докладом. На конференциях звучали методологически важные и практически интересные мысли. Однако – и это тоже надо признать – довольно бессистемно. Но самое главное, умные мысли, высказанные на конференциях, были сами по себе, обобщения, если они были, носили частный характер, а практика шла своим ходом. Первый проректор проводил совещания деканов, заведующих кафедрами по стратегическому планированию, но всё сводилось к общим словам и конкретным, утилитарным, бессистемным пожеланиям факультетов, что они намерены в ближайшее время предпринять и какая помощь им нужна. Эти бессистемные предложения, недостаточно научно обоснованные, потом монтировались в некий неконцептуальный план. Ректорат не владел тео-

[1] См.: *Карпачёв М. Д.* Указ. соч. С. 48.

рией, принципами, процедурами стратегического планирования, программно-целевого управления и даже системной координацией деятельности различных структур университета. В этой связи поневоле вспоминается опыт и деятельность Б. И. Михантьева на посту ректора в 50-х и первой половине 1960-х годов. Осмотревшись и тщательно изучив доверенный ему университет, его структуры и их руководителей, традиции и коренные ресурсы, возможные точки роста, он в своём первом докладе на собрании коллектива высказал о своём понимании состояния вуза, проблем (не скрывал пороков), возможных точек роста, активизации ресурсов, принципы своего ректорского управления. Б. И. Михантьев не щеголял терминами «стратегическое прогнозирование», «стратегическое планирование». Он определял, опираясь на коллектив деятельно и системно, без иллюзий стратегию развития университета и подчинял свою деятельность ей. Он не сводил стратегию к пожеланиям факультетов, а пытался поставить факультеты на стратегические системные принципы мышления и практической деятельности. Он умел, наряду с прочим, поддержать инициативу в стратегическом направлении, но и сказать «нет», когда видел и убеждался в несостоятельности тех или иных увлекающихся предложений. Выработать и предложить всесторонне научно обоснованную стратегию планирования и развития университета в изменяющихся условиях, ориентированную на улучшение качества образовательного процесса по актуальным и перспективным направлениям подготовки специалистов, на повышение теоретико-методологической ценности и практической эффективности фундаментальных и прикладных научных исследований – важнейшая задача и обязанность вузовского руководства. Но разработка такой стратегии и её принятие могут превратиться в вербальную манифестацию намерений, если она плохо увязана с реальными материальными, интеллектуальными, социокультурными ресурсами, не ориентирована на качественное преобразование и – что очень важно – на повышение уровня и качества жизни профессорско-преподавательского состава, всех сотрудников, студентов и аспирантов. Но именно стратегия качественных изменений условий труда, отдыха, жизни, гуманистических прогрессивных сдвигов в решении социально-экономических и социокультурных проблем университетского многосложного коллектива менее всего представлена в тех документах, которые подавались как стратегия планирования и развития ВГУ.

Конечно, для оправдания этой слабости (на самом деле, это управленческий порок) можно сослаться на то, что социальная проблематика жизнедеятельности университета «упирается» в сложное социально-экономическое и духовно-культурное состояние российского общества и политики государства в области образования, науки. Этот аргумент достаточно серьёзен. Но тем не менее он не снимает ответственность с руководства вуза, его общественных организаций, прежде всего профсоюзов, за демократическое планирование и реалии социального развития научно-педагогического, учебно-вспомогательного, обсуживающего пер-

сонала и студенчества. Часто при этом наблюдается не столько ограниченность средств, сколько несовершенство их распределения и недостаточность усилий по их рациональной мобилизации и наращиванию.

Срок ректорских полномочий Ивана Ивановича Борисова истекал в 2006 году. Но уже года за два до новых выборов в профессорско-преподавательской среде нарастало, вначале глухо, брожение относительно перспективных и претенциозных кандидатур. Стало очевидным, что И. И. Борисов то ли практически устранился от деятельности ректора, то ли его отодвинули, то ли фактически выявилась его личностная пассивность. На деле университетом управлял С. А. Запрягаев, мало с кем считаясь в своих решениях. Всё более и более выявлялось обострение его отношений с проректором по общим вопросам Владимиром Тихоновичем Титовым. Положение осложнялось тем, что должность первого проректора в сознании большинства ассоциировалась с функциями проректора по учебному процессу (хотя С. А. Запрягаев далеко выходил за эти рамки). Но функции проректора по общим вопросам были не очень корректно прописаны, хотя многие финансовые операции шли через В. Т. Титова. Часто возникали ситуации неопределённостей: к кому идти с тем или иным вопросом. До сих пор спустя много лет я так и не понял, почему по финансовым и организационным вопросам при проведении заранее планированных всероссийских конференций по МИОН я, а затем А. В. Глухова как заведующие кафедрой должны были идти к проректору по общим вопросам, а не к проректору по науке или первому проректору. На этой почве у меня раза два возникали острые конфликты с проректором В. Т. Титовым (однажды я даже заплатил свои личные деньги за проживание пяти видных московских учёных, хотя проживание приглашённых участников конференции оплачивалось из бюджета МИОН, но В. Т. Титов отказался подписывать счета).

В конце 2005 и в начале 2006 года развернулся процесс по выдвижению кандидатов на пост ректора. Было несколько кандидатур, но борьба развернулась прежде всего между доктором физико-математических наук, профессором, первым проректором Сергеем Александровичем Запрягаевым и доктором филологических наук, профессором, проректором по общим вопросам Владимиром Тихоновичем Титовым. И борьба очень острая, вплоть до взаимных «подножек» конкурентов, которые долго работали в составе ректората И. И. Борисова. За всю свою многолетнюю работу при многочисленных сменах проректоров (я учился и работал в ВГУ при 10 ректорах, а проректоров и перечесть не сумею) не могу припомнить такой ожесточённости во взаимоотношениях проректоров.

У каждого из конкурентов (оппонентами не хочется их именовать) были свои ресурсы претендовать на должность ректора. Сергей Александрович Запрягаев в девяностых годах слыл за радикал-демократа, был активным деятелем «Демократической России», председателем независимых профсоюзов ВГУ (сформировав их за счёт профсоюза работников просвещения), занимал активную антикомму-

нистическую позицию, был первым проректором. За ним стояли корпоративные интересы работников и студентов физического факультета. Владимир Тихонович Титов долгое время работал деканом факультета романо-германской филологии, подъёму которого до него много сил и таланта отдала доцент С. Рыбакова. Ни в каких политических и социальных движениях он не участвовал. Умел интеллигентно представить себя. За ним стояли корпоративные интересы работников и студентов романо-германского факультета, филологического, исторического.

Каждый их них по-своему вёл себя в избирательной кампании, используя свои пиар-методы и создавая свой имидж. Наиболее изворотливо и наступательно её, на мой социологический взгляд, вёл С. А. Запрягаев. Он считал, что появился реальный шанс стать ему ректором ВГУ, к которому он стремился с конца 1991 года, ведя в должности председателя месткома и с позиций члена «ДемРоссии» борьбу против ректора В. В. Гусева. Этот шанс, действительно, был. При выборах ректора в 1998 году такого шанса у него не было, и он сделал ставку на И. И. Борисова, пообещав ему поддержать на выборах, а взамен получить должность первого проректора, что и стало потом реальностью. Но Сергей Александрович чувствовал и понимал, что его кандидатура на пост ректора для многих неприемлема. Неприемлема даже для некоторых работников физического факультета. Основная причина неприемлемости – гуманитарная: неуважение к личности другого человека, к альтернативному мнению, авторитарность, жёсткое технократическое управление. Один из доцентов физического факультета рассказывал мне, как друзья Сергея Александровича в застолье пытались отговорить его, так как он не умеет выстраивать плодотворные отношения с коллегами.

Чтобы снять негативный фон против себя и повернуть избирательные настроения и голоса в свою сторону, С. А. Запрягаев предпринял несколько «технологических акций». Отмечу некоторые. Они любопытны. Физическому факультету он пообещал сделать всё для его процветания и повернуть финансы в эту сторону. Корпоративные интересы физиков укрепились. Сергей Александрович многократно стал появляться на историческом факультете, пытаясь найти там опору. И нашёл, хотя там работал В. В. Гусев, на которого писал донос в прокуратуру и против которого интриговал как демократ. Ко мне поступило «лестное» предложение: проголосовать за С. А. Запрягаева, а в виде компенсации за эту странную от меня услугу профессор А. В. Глухова будет назначена проректором. Я ответил: «Никогда не торговал своей кафедрой, а карьерную торговлю за спиной другого человека считаю безнравственным и преступным делом». Через некоторое время мне домой позвонила уважаемая мною со студенческих комсомольских лет профессор Эвелина Павловна Домашевская, которая дала хлёсткую отповедь Запрягаеву за донос на В. В. Гусева после августовского путча 1991 года. Она стала просить и убеждать меня, чтобы я проголосовал за Сергея Александровича и что-нибудь сказал в его пользу. Я сказал, что очень удивлён её предложением, но своей позиции в угоду «кому-то, даже тебе, которую запредельно уважаю, изменить не могу». Такая

просьба с её стороны была проявлением корпоративных интересов физиков. Она поняла. Наши отношения в будущем сохранили романтику студенческой комсомольской юности. Через некоторое время распространился слух: Минвуз поддерживает профессора Запрягаева. Потом слух опровергли. В вестибюле 2-го этажа главного корпуса напротив актового зала появился щит: «Ректор И. И. Борисов поддерживает С. А. Запрягаева и будет за него голосовать. Голосуйте как ректор!»

Я зашёл к И. И. Борисову, спросил: «Так ли это?» Ответ: «Ну ты-то должен понять, что это такая тактика, чтобы за Запрягаева не голосовали».

И последний технологический приём команды Запрягаева: в день голосования пустили слух: «Гусев и Рахманин изменили своё мнение и будут голосовать за Запрягаева». Ко мне подходили коллеги с разных факультетов и спрашивали: «Так ли это?» Я спрашивал: «А где я такое заявление делал, и кто его слышал от меня?» В. В. Гусев подошёл ко мне и иронично сказал: «Вот видишь, люди всё знают и особо ценят наши с тобой голоса».

Владимир Тихонович Титов так не пиарил. Вёл себя сдержанно, хотя переговоры кое с кем вёл.

На конференции выборщиков конкуренты изложили свои программы. С. А. Запрягаев лучше знал университет, и его программа была обстоятельнее, чем В. Т. Титова. В ходе прений в поддержку С. А. Запрягаева выступила профессор Э. П. Домашевская. Но её речь скорее погубила Запрягаева, чем собрала ему голоса. Зачитали письмо профессора Я. А. Угая (он то ли был в командировке, то ли не был делегатом) с призывом голосовать за Запрягаева. В поддержку В. Т. Титова выступили декан химического факультета профессор Ю. П. Афиногенов и декан филологического факультета В. М. Акаткин. Но их поддержка Титова заключалась в эмоциональной и аргументированной критике С. А. Запрягаева за грубость, неумение работать с людьми, за неуважение к инакомыслию и высокомерие.

Выборы состоялись в феврале 2006 года. Большинство представителей различных групп университетского коллектива проголосовало за Владимира Тихоновича Титова. Этого не ожидал С. А. Запрягаев. Он явно преувеличивал своё значение, авторитет в университетском социуме, недооценивал глубины неприятия его, а его избирательные технологии, пожалуй, усилили негативное отношение к нему как вероятному ректору.

Откровенно говоря, я считал, что ни тот, ни другой по своим личностным свойствам и управленческим качествам не соответствуют роли ректора Воронежского государственного университета с его масштабом, сложностью проблем да спецификой сформировавшихся внутри- и внеуниверситетских отношений. В профессорско-преподавательской среде были более подготовленные в интеллектуальном, социокультурном, этическом и коммуникативном отношениях учёные, для которых ВГУ был не удобным объектом карьерных амбиций, а демократическим сообществом творческого и социально ответственного научно-педагогического

труда. Но в психологии таких людей не было синдрома самовыдвижения, да и активисты выдвижения их не заметили. Время показало, что даже для университетского люда выборы руководителя – трудное дело. Ему надо учиться, чтобы не промахнуться в очередной раз.

Избрание нового ректора с неизбежностью влечёт за собой проблему должностного перемещения, трудоустройства человека, уходящего в отставку с поста ректора. Это событие обычно воспринимают как нечто само собой разумеющееся и непроблемное. Однако в нём есть своя административная проблемность, свои не только личностные, но и общественные переживания. Позволю себе уделить несколько строк этой проблеме в своих воспоминаниях. Тем более что с конца XX и в начале XXI века в ней появились любопытные инновации во многих вузах.

Владимир Васильевич Гусев, закончив своё ректорство в очень тяжёлые для страны и ВГУ 90-е годы, вернулся в родную для него научно-педагогическую среду исторического факультета на должность заведующего кафедрой истории нового и новейшего времени (кстати, очень некорректное наименование). Было заметно, какое-то время он очень переживал смену смысла, содержания работы. Срабатывала некоторое время установка режима ректорской работы. Каждый день по-ректорски с утра приходил на кафедру, хотя по расписанию занятия у него были не каждый день. Читал груду газет (любил спортивные), много курил. Потом синдром ректорства отпал, и он втянулся в режим учебной и научной работы. До В. В. Гусева с поста ректора уходили на свои кафедры на должности заведующих В. П. Мелешко, Н. А. Плаксенко (они ректорами не избирались, а назначались). Добровольно ушёл с поста ректора, проработав всего пять лет, А. М. Беликов. С ним были проблемы: вначале он ушёл на должность заведующего кафедрой общей физики ВГУ, потом с 1988 года – на профильную для него кафедру технологии металлов и конструкционных материалов Воронежской технологической академии.

Сложнее оказалось постректорское трудоустройство И. И. Борисова. Вначале приказом ректора и с согласия Учёного совета он был назначен на должность Президента ВГУ. Эта странная должность, введённая, по-видимому, по примеру университетов США, где она имеет чёткий смысл и функциональную определённость, почему-то стала модной в постсоветской высшей школе. С одной стороны, она была как бы выражением почёта и эксклюзивного уважения человеку, длительное время руководившему вузом. С другой, с житейской точки зрения, это было назначение «на кормление», но чётких функциональных обязанностей да и определения статуса по отношению к ректору, Учёному совету не было. Положение о Президенте ВГУ, принятое Учёным советом, вообще отличалось юридической двусмысленностью и путаницей. Через короткое время по инициативе ректора В. Т. Титова решением Учёного совета должность Президента ВГУ была упразднена как ненужная в управлении. И. И. Борисов стал профессором кафедры истории философии философско-психологического факультета. Но вести курсы лекций он не мог.

У В. Т. Титова постректорская карьера сложилась иначе. Но об этом после. А пока – его ректорство. Прежде всего был сформирован ректорат. Владимир Тихонович явно отдавал предпочтение людям среднего возраста и, надо сказать, малоизвестным университетской общественности и не имеющим проверенного управленческого опыта. Среди них: доктор экономических наук, профессор Д. А. Ендовицкий, доктор философских наук, профессор Е. Н. Ищенко, доктор химических наук, профессор А. М. Ховив, кандидат исторических наук, доцент О. В. Гришаев, П. В. Мальцев (ранее возглавлявший студенческий профсоюз, впоследствии защитивший кандидатскую диссертацию по политологии), А. И. Бирюков (проректор по административно-хозяйственной работе). Ректорат был создан, но единой дружной команды не было. Создавалось впечатление, что каждый его член работает сам по себе, без согласованной целеустремлённости. Забыта была и рекламируемая С. А. Запрягаевым идея (концепции и при нём не было) стратегического планирования и развития. По-видимому, ректорат во главе с В. Т. Титовым исходил из того, что ВГУ, как линейный корабль, движется, его интеллектуальные ресурсы самодостаточны, а социально-экономическая погода в стране улучшается. И задача заключается в том, чтобы быть на капитанском мостике.

Однажды на автобусной остановке «ВГУ» встретился один из ведущих и старейших учёных Игорь Кириллович Маршаков. Человек завидной результативной работоспособности, глубокой порядочности и университетского патриотизма. Игорь Кириллович, не склонный к эмоциональным оценкам событий, людей, начал разговор с фразы: «Вам не кажется, что у нас ректорат живёт сам по себе, а университет работает, движется отдельно от него?» Я ответил, что мне так не кажется, потому что так оно и есть. «Ректорат живёт какой-то независимой от университета жизнью. Вернее, его деятельность, если она в чём-то проявляется, это использование ранее накопленных ресурсов, сформировавшегося авторитета ВГУ, его положения в высшей школе. В нашем университете много талантливых, энергичных, инициативных людей, усилиями которых, часто не оценённых по достоинству, ВГУ держится на плаву». Игорь Кириллович помянул в этой связи несколько человек и сказал: «Не могу припомнить какую-либо инициативу ректората, которая оказала бы заметное влияние на учебный процесс или научные исследования». «Ну, как же, – воскликнул я, – а какой банкет был по случаю 90-летия ВГУ!..» Банкет был, действительно, масштабный, шумный, с иностранными гостями.

Прошло несколько лет. Пишу эти строчки жарким июлем 2016 года и пытаюсь вспомнить, что значительного сделал ректорат в 2006–2011 годах. Под давлением Министерства шёл унылый процесс завершающего перехода на двухуровневое университетское образование. На многих кафедрах интенсивно разрабатывались магистерские программы. Многие мучились над тем, как возросший объём знаний в совокупности с требованиями рынка упаковать в коробку бакалавриата. Росла бюрократия (и как определённая категория людей в управлении,

и как процедура прохождения дел и решения вопросов). Ректор В. Т. Титов убрал из оперативного управления учебным процессом ставленницу С. А. Запрягаева (очень некомпетентную) и назначил начальником управления образовательными программами (так это, кажется, стали именовать то, что раньше называлось просто – учебная часть) подполковника-отставника, который ранее работал в военном вузе, написал хорошую книгу по проблемам военного образования, был кандидатом педагогических наук. Но не владел спецификой учебного процесса в гражданском университете. С присущей военному человеку склонностью к однообразию стал «наводить порядок». Есть старый военный афоризм (его мне поведал мой старший брат полковник): в армии может быть безобразие, но должно быть однообразие. Бывший военный человек следовал этому правилу. При заключении договора-контракта всем и каждому преподавателю определял и под свою подпись включал в документ количество часов, которые профессор, доцент, старший преподаватель, преподаватель, ассистент должен обязательно выполнить в учебном процессе (в просторечном наименовании – педнагрузки). Когда я после очередного прохождения конкурса на должность профессора пришёл к нему, он вписал в договор-контракт – 843,5 часа. Я удивился и предложил: «Округлите или до 843 или до 844, как-то неуютно болтаются 0,5 часа». Ответствовал: «Не положено!» Разговор закончился из-за бессмыслицы. И никто: ни проректор по учебной работе, ни председатель учебно-методического совета (а таковой был учреждён в 2001 году), ни тем более профсоюзы не указали человеку с армейскими установками на неправомерность, недемократичность, нерациональность, несуразность вписывать объём педнагрузки каждому из полутора тысяч преподавателей разного ранга и с разных кафедр. Определять объём педнагрузки каждому преподавателю – это право, обязанность и дело заведующего кафедрой в рамках общекафедральной занятости в учебном процессе и нормативов по категориям профессорско-преподавательского состава согласно коллективному договору. Заведующий кафедрой вправе в определённых рамках по согласованию с членами кафедры, но не по субъективным пристрастиям, кому-то уменьшить нагрузку (скажем, при выходе на защиту диссертации или для разработки нового курса, или по срочному завершению монографии), а кому-то соответственно увеличить (скажем, при пассивности в научной работе). Заведующий кафедрой должен иметь (и всегда имел!) право рационально маневрировать (но не манипулировать) распределением общекафедральной педнагрузки. Между прочим, это один из факторов стимулирования научной и методической работы у самого её истока – на кафедре.

Авторитарная традиция не на кафедре, а в центральном аппарате управления учебным процессом определять каждому преподавателю персональную педнагрузку сохранилась при сменах ректората и лиц, назначенных оперативно управлять учебным процессом. Иррациональное и недемократичное часто обладают высокой устойчивостью и выживаемостью, бездумно демонстрируя свою авторитарную властность.

К сожалению, самое «значительное», что запомнилось из ректорства В. Т. Титова, – скандальный конфликт с комитетом университетской организации независимых профсоюзов, сформированной ещё в 90-х годах в обход демократии С. А. Запрягаевым на членской базе профсоюза работников просвещения. Конфликт взбудоражил весь коллектив, особенно его ядро – профессорско-преподавательский состав, и оставил дурной след в истории ВГУ.

Председателем профкома сотрудников была – и десятилетиями оставалась – доцент Л. Н. Владимирова. На основе каким-то образом собранных сведений, документов она обвиняла ректорат – лично В. Т. Титова и проректора по административно-хозяйственной части А. И. Бирюкова – в незаконных коммерческих операциях с земельной площадью по улице Хользунова, переданной во времена ректора В. П. Мелешко в вечное пользование (но однако не собственность) ВГУ. Валентин Пименович энергично старался – и добился! – отвода этой площади (96 га) под строительство университетского городка, фактического нового университетского комплекса учебных, научных корпусов, спортивных сооружений, жилых домов, общежитий по новому архитектурному проекту. Председатель профкома Л. Н. Владимирова доказывала, что часть этой земельной площади через какую-то сделку со строителями была выведена из пользования ВГУ. Ректор В. Т. Титов это отрицал, обвинял в свою очередь председателя профкома и весь профком сотрудников в клевете. Сделка имела место в ректорство И. И. Борисова (проректором по общим вопросам был В. Т. Титов).

Скандал гремел и расширялся. Кто-то начал агитацию за выход из профсоюза. Мне трижды это предлагали. Но я считал и считаю своим правом состоять в профсоюзе не только для защиты своих трудовых прав, но и для поддержки одного из элементов слабого российского гражданского общества. Мне, социологу, читающему студентам лекции о гражданском обществе, было бы как-то неудобно не быть членом профсоюза. Предложения выйти из профсоюза я считал бестактными. Хотя, откровенно говоря, деятельность профсоюзов в нынешнее время меня далеко не удовлетворяет. Многие сотрудники, в том числе и моей родной кафедры, вышли из профсоюзной организации.

Дальше – больше. Проректор по социальным вопросам П. В. Мальцев, бывший председатель студенческого профкома, пытался создать какой-то свой профсоюз. Свой профсоюз пытался сформировать один из преподавателей юридического факультета. Профсоюзная смута развёртывалась параллельно со скандалом о земельном и ином имуществе ВГУ.

Было муторно и стыдно. То, что часть земельной площади «ушла» каким-то образом из пользования университета, это очевидно. На ней каким-то образом построен добротный и огороженный чугунной оградой жилой дом и торговый центр, не принадлежащие ВГУ. Как и каким образом это произошло – университетской общественности, в том числе и профкому сотрудников, неведомо, хотя

кто-то знает. Некие действия правоохранительных органов ничего не прояснили. В конце концов «объяснили»: проректор административно-хозяйственной части А. И. Бирюков подделал подписи. Бирюков спокойно ушёл из университета, в котором был проректором-хозяйственником более 15 лет.

Конфликт скандального типа ректората и профсоюза резко снизил авторитет его участников и оставил неприятный осадок и в памяти, и в душе большинства профессорско-преподавательского состава, вспомогательного и обслуживающего персонала. В 2011 году при выборе нового ректора эти конфликт и антипрофсоюзная позиция были поставлены в упрёк ректору В. Т. Титову.

Странно: вспоминаю труды и дни профессорско-преподавательского состава, выборы и деятельность ректоров, дела кафедральные, учебный процесс, научную работу, но ведь в университете живёт, цветёт, приобретает профессиональные знания его Величество Студенчество. Оно и является главным предметом забот, хлопот, трудов, очарований и – бывает – разочарований и профессоров, и лаборантов, и хозяйственных работников, и ректората, и деканатов, и кафедр. Министерство образования и науки видит в студенчестве только статистику, которой так или иначе можно перебирать, изменять численность, состав. Но в каждом конкретном вузе студенчество – это живые люди со своими характерами, талантами, ценностными пристрастиями и жизненными планами. Из вузовских институционных структур ближе всего к студенчеству кафедры. Именно кафедры, их коллективы ведут главное дело – обучение, приобщение к профессиональным знаниям и науке, воспитание юношей и девушек, пожелавших по тем или иным причинам и мотивам получить специализированное высшее образование и приобретающих его с тем или иным успехом. Их личные ориентации на ценности высшего образования, профессиональные знания могут совпадать с общественными потребностями и интересами, но могут и не совпадать. Это – большая и очень сложная психологическая и социальная проблема.

Студенчество – специфический и – осмелюсь сказать – загадочный социальный феномен. Его загадочность общество, государство, высшая школа, профессура постоянно и – придётся применить латинизированный термин – перманентно разрешают, но она вновь и вновь возникает. Иногда студенчество представляет собой и само задаёт такую загадку, что становится тяжкой головной болью для государства. Вспоминается французская студенческая весна 1968 года, вызвавшая волну массовых выступлений во многих странах. Основной лозунг французского студенчества был: «Будьте реалистами. Требуйте невозможного».

Загадочность студенчества многозначна. Во-первых, что общего между студентами Гарвардского (США), Ягеллонского (Польша), Шансинского (КНР), Московского авиационного института, Кембриджа (Великобритания), Университета имени Гумбольдта (ФРГ), Воронежской медицинской академии, короче говоря, студентами вузов всех стран и всех специальностей? Везде – студенты, но они разные по стране проживания, обучения, национальности. Есть ли что-то общее?

Как это общее, если оно есть, перекрывает страновые, профессиональные различия, а также различия в условиях, средствах, методах обучения?

Во-вторых, есть ли нечто общее между студентами средневекового университета, буршем немецких университетов первой половины XIX века (К. Маркс был буршем) и студентами современных университетов? Что их объединяет и почему и те, и другие, и третьи признают и поют средневековый студенческий гимн Gaudeamus:

Vivat Academia!
Vivant professores!
Vivat membrum quodlibet!
Vivant membra quaelibet!
Semper sint in flore!

Ведь это – гимн студенческого братства всех веков, стран, десятков тысяч вузов. Студенчество всех веков, народов, стран и вузов – своеобразная извечная, межстрановая, межуниверситетская социальная общность или только педагогическая фикция и докса? Наивный вопрос?.. Увы, проблема соотношения общего, особенного и единичного – одна из сложнейших философских и общенаучных проблем. Студенчество как социально-демократическая группа существует несколько столетий в отличие от других социальных слоёв, страт, классов. Когда-то хороший русский поэт Владимир Луговской констатировал:

Царства умирали на Земле.
Детство никогда не умирает.

То же самое можно сказать и о студенчестве. Оно не только не умирает, но расширяется, видоизменяется во всех исторических трансформациях со времён средневековья, но остаётся студенчеством. Однако оно всегда, особенно в наше время, втягивалось и втягивается в различные, противоречивые, конфликтные социальные движения, политические течения, мировоззренческие парадигмы.

Поскольку работаю более полувека в ВГУ, да и приходилось общаться со студентами нескольких отечественных и зарубежных (даже африканских) вузов, то меня часто спрашивают, чем отличаются нынешние студенты от прошлых поколений. При этом подсознательно звучит вопрос: «Хуже или лучше студенты последнего времени?» Оценивать студентов по мерке «хуже-лучше» глупо; вопрос в такой плоскости неправомерен. На вопрос: «Хуже или лучше современные студенты?» отвечаю: «Они не хуже и не лучше, они другие». И надо понять: в чём и почему другие. Студенты каждого поколения таковы, какими их делают время, общество, та университетская среда, в которую они попадают, и тот состав факультетских и кафедральных преподавателей, которые с ними общаются, обучают, воспитывают.

У нынешних студентов есть свои преимущества, сформированные спецификой информационного общества, широким доступом к разнообразным ресурсам информации, интенсификацией процессов социальной мобильности, свободой выбора специальностей и профессий. Большинство из них хорошо владеет компьютерными технологиями познавательной деятельности. Отпали всякие идеологические ограничения в использовании научной и общественно-политической литературы. Они имеют возможность – и используют её – в общении с зарубежными студентами не только через Интернет, но и по туристским поездкам. Немалое количество их ежегодно выезжает в США во время каникул, сочетая туризм с подработкой. Одна моя студентка заработала доллары даже на покупку автомобиля. Сегодня студенты более демократично общаются с профессурой, вообще с преподавателями и управленческими инстанциями. Вольнее они чувствуют себя и в учебном процессе. В последние годы студенты естественно-научных факультетов стали охотно работать в так называемых малых предприятиях, проявляя и развивая свои таланты и одновременно кое-что зарабатывая на жизнь, на удовлетворение потребностей.

Но есть и нечто иное, что трудно отнести к достоинствам, но тоже порождено временем, обществом, спецификой современных вузов и работы профессорско-преподавательского состава. Введение ЕГЭ (Единого государственного экзамена) и осуществление вузами нового набора студентов по его показателям снизило интеллектуальный уровень последних, по крайней мере, двух, поколений студентов. Резко отрицательно сказалась отмена в средней школе в старших классах сочинений. ЕГЭ приучило молодых людей не размышлять, а угадывать правильные ответы на основе зазубренных (а иногда и невызубренных) знаний. Падает культура математического, социально-аналитического, социокультурного мышления. У лингвистов есть научное понятие «языковая (лингвистическая) личность». По моим многолетним наблюдениям (исследовательскими я их не назову) над студентами-историками, социологами, политологами, экономистами и другими идёт опасный процесс деградации языковой (лингвистической) личности. На третьем-четвёртом курсах очень многие студенты затрудняются сформулировать свою мысль или пересказать чужую, путаются не только в понятиях, но и в словах, логически абсурдно выстраивают фразу. Речь поражена словами-паразитами (эмболизмами). Даже социологи, которых специально учат операционализации понятий и терминологической корректности, часто пытаются сформулировать дефиницию через сослагательное «как бы»: «страта – это как бы слой, который как бы разделяет общество на разные слои». Или: «социология как бы, значит, наука об обществе». Снижение культуры речи, деградация «языковой личности» – вина не студенческой молодёжи, а следствие снижения общей культуры общества и культуры преподавания в средней школе русского языка, истории русской литературы.

Нынешняя (не хочу и не могу сказать современная) высшая школа почти полностью вбирает в себя всех абитуриентов, выпускников 11-го класса средней школы

и прихватывает из средних профессиональных образовательных учреждений (техникумов и профтехучилищ). В советское время она вбирала в себя 25–30 % абитуриентов. В эту квоту попадали выпускники с добротными знаниями, а самое главное – готовые и психологически предрасположенные к систематическому интеллектуальному труду, к постижению наук с внутренней ответственностью перед семьёй, своей социальной средой, перед обществом. Герой стихотворения одного из старейших воронежских поэтов-фронтовиков М. Ф. Тимошечкина с гордостью признавался:

Я колхозом командирован
Философию изучать.

В то время даже при высоких конкурсах в вузы тоже попадали студенты, которые не проявляли достаточного рвения в овладении знаниями. По разным причинам. С середины 90-х годов доля таких студентов стала массовой.

У нынешних студентов иное отношение, или, как говорят социологи, иные ориентации на высшее образование, как и на социальные ценности в целом. Ещё не в столь отдалённые памятные мне времена отчётливо в сознании и поведении студентов выделялись – с различной мерой интенсивности – три доминантные установки на получение высшего образования: 1) специальная подготовка к достойной работе по избранной профессии; 2) образование себя как социально значимой личности гражданина-интеллигента, носителя высокой гуманистической культуры; 3) овладение высшим образованием как фактором повышения эффективности социально значимого труда и общественной деятельности.

Нельзя сказать, что эти установки у нынешних студентов погасли. Нет, они фиксируются социологами, во всяком случае, в вербальном выражении. Но они ослаблены, размыты, микшируются установками, порождёнными рыночными сдвигами в ценностной системе общества. Значительно ослаблена установка на личностное повышение общественно значимого труда. Слабо прощупывается, как пульс у умирающего, установка на формирование с помощью высшего образования себя как социокультурной личности, носителя гуманистической культуры, интеллигента-гражданина. Вместе с тем интенсифицировалась установка на высшее образование как фактор жизненной карьеры, социальной мобильности (необязательно связанной с профессией и специальностью, полученной в университете). У студентов последних десятилетий ослаблена уверенность в том, что по окончании вуза они будут работать по избранной специальности на основе приобретённых знаний, умений. Сравнительный анализ признаний о мотивах избрания той или иной специальности обнаруживает существенную трансформацию их: на первом курсе не менее 60 % считают, что выбранная специальность (по перечню наук или профессий) – это их призвание, но на 4(5)-х курсах таких остаётся не более 25 %. Феномен разочарования в себе, в избранной специальности порождается несколькими факторами. Часть юношей и девушек ещё в достуденческой ранней

юности иллюзорно, романтично определила своё призвание, но, ознакомившись поближе, переоценила свои фактические способности раскрыться именно в этой специальности. Это реальный жизненный процесс. Но есть и другая реальность: учебный процесс, преподавание не усилили призвание и уверенность студента в правильности своего раннего выбора, не увлекли и не помогли студенту искать и найти себя в избранной специальности. Но есть и третья причина: не имея более или менее определённых представлений, где и как избранная специальность поможет ему трудоустроиться и найти устойчивую материальную обеспеченность жизни, использовать приобретённые знания для карьерной мобильности, студент теряет уверенность и в своём призвании, и в правильно сделанном выборе вуза, факультета, в общественной ценности специальности. А трудности трудоустройства молодого человека даже с очень хорошим образованием у нас немалые. Рыночная перманентно кризисная российская экономика генерирует безработицу дееспособных лиц с высшим образованием. И не только из-за перепроизводства их (что тоже есть, особенно из-за стихийного роста численности выпускаемых вузами экономистов, юристов). Наша экономика, да и социальная сфера, из-за своей инертности трудно восприимчива к молодым специалистам, подготовленным на современном уровне и по актуальным направлениям.

Какая-то доля студентов (по разным социологическим измерениям её величина колеблется от 10 до 30 %) приходит в вузы без всякой самоопределённости в специальности и профессии. Высшее образование стало модой, оно практически стало общедоступным (его коммерциализация снимает проблему интеллектуальных способностей к высшему образованию). Правила приёма в вузы дают возможность абитуриенту подать заявление в два-три вуза на несколько специальностей. И молодой человек подаёт одновременно заявления на факультет самолётостроения в политехнический университет, на факультеты юридический и химический классического университета. Показатели ЕГЭ у него невысокие, но где-нибудь он окажется по конкурсу достаточным. К тому же есть запасной вариант: не примут на госбюджетное место, так коммерческие договорные места предела не имеют. Так юноша или девушка становятся студентами для того, чтобы получить высшее образование вообще, без особой склонности к определённой специальности, профессии.

Вспоминается один забавный случай. На историческом факультете была студентка N. Я читал тогда на этом факультете курс социологии (довольно большой по нынешним меркам). Студентка N несколько раз пыталась сдать экзамен. Слушая её, я понял, у неё нет элементарных признаков исторического мышления. Наконец, вписал в зачётку желаемый «уд.», сказал: «Наталья, как Вы оказались на истфаке? Из Вас историк не получится». Девушка была элегантно, но недорого одета. «У Вас хороший эстетический вкус. Вы умеете выбирать себе одежду и носить её. Может быть, Вам нужно было учиться на закройщицу и красиво одевать

других». Девушка вспыхнула. И даже смутилась. Прошло лет пятнадцать. Иду по проспекту Революции. Внезапно на меня бросается красивая молодая женщина. Я отпрянул. «Валентин Сидорович! Вы меня узнаёте? Я Наталья N. Вспомните, Вы мне сказали, что из меня историка не выйдет, лучше бы учились на закройщицу. Так и стало. Историка из меня не получилось. Но во Владимире я создала модное ателье. Часто благодарно вспоминаю Ваши слова, которые тогда мне показались обидными. Историческая специальность мне была ни к чему, но высшее образование мне было нужно и важно. Спасибо Вам!»

Вот так. Специальность не нужна, а высшее образование как таковое нужно.

Обретение высшего образования не у всех студентов идентифицируется с профессиональной работой по полученной в университете специальности. У многих (не хочу сказать, у большинства, а социологические измерения переменчивы) ещё на вузовском старте выбор будущей профессии и специальности нежёстко определён. Да и правила приёма в вузы не только допускают, но стимулируют профессиональную неопределённость. Поэтому у нынешних студентов ослаблена ориентация на профессиональную и специализированную определённость высшего образования при довольно высокой ориентации на высшее образование вообще в условиях относительно широких возможностей его получения. Высшее образование при этом превращается в некую самоценность на всякий жизненный случай. И вместе с тем в стремлении его получить выявляется и подсознательная установка на социальный статус «образованного человека».

Однако всё вышесказанное не означает, что в поведении нынешнего студенчества нет устойчивой и жёстко фиксированной ориентации на профессиональное использование высшего образования по избранной специальности. Немало студентов, приверженных специальности, идентифицирующих себя с ней и даже одержимых, и в Воронежском университете. Такие студенты были мне всегда наиболее интересны. Хотелось с наибольшей полнотой передать им научные знания и культуру мышления, помочь обрести себя в профессии, раскрывая её жизненные ресурсы и возможности, и вместе с тем предостеречь от опасности замкнуться в ней. Именно эта часть студентов будет определять прогрессивные сдвиги и достижения в экономике и социальной сфере, культуре и политике, технике и науке. Расширять, увеличивать эту часть студенчества – первейший гражданский и научно-педагогический долг университета, каждого преподавателя, а профессоров – в особенности.

Творчески мыслящим, профессионально приверженным, талантливым выпускникам классических, в большей мере технических, университетов, естественно-научных факультетов сегодня психологически труднее, чем тем, для кого экзаменационная «тройка» («удовлетв.») была предельной мерой их познавательных притязаний и способностей. У последних нет склонности к высокому профессионализму, да и идентификации с определённой профессией в труде. Им всё равно, где работать, у них низкие требования (а иногда совсем нет) к професси-

ональному содержанию работы, часто отсутствует стремление к самореализации себя в профессии, специальные знания по которой они получили в вузе. Наоборот, профессионально ориентированный выпускник с глубокими и прочными знаниями будет искать ту работу, в которой может найти не только хорошие условия труда, но и профессиональное удовлетворение, а ещё лучше – возможности динамичного профессионального развития. Для него важна работа не сама по себе по показателям зарплаты, а по возможностям, условиям, эффективности применения профессиональных знаний и развития способностей. Несовпадение содержания труда с профессиональными интересами, знаниями, способностями, притязаниями такой выпускник университета переживает как жизненный дискомфорт, жизненную неудачу, таящую опасность растерять специальные знания, свою профессиональную идентичность, которую упорно, целеустремлённо и с надеждой формировал в годы студенчества.

К сожалению, наша экономика, её технико-экономическое состояние, интенции бизнес-структур полноценно не всегда удовлетворяют профессиональные ожидания лучшей части выпускников современных вузов, включая и Воронежский государственный университет. В этом одна из существенных причин утечки творческих мозгов в другие страны.

Когда-то А. Солженицын сказал: «Главная задача государства – сбережение народа». Эта мудрая мысль многомерна, она ориентирует и на сбережение высокообразованных, талантливых, энергичных выпускников вузов для страны, для России. Утечка (а на самом деле – перекачка) молодых, профессионально амбициозных, подготовленных и способных к инновациям мозгов для России – это более негативный социально-исторический процесс, нежели бегство финансового капитала из российской экономики.

Эффект и качество обучения зависят от многих факторов. Ведущие среди них во все времена и во всех странах: 1) отношение студента к учебному процессу, овладению специальным предусмотренным образовательной программой знанием, к овладению профессией; 2) отношение преподавателя к учебному процессу, студенту, качество его научно-педагогической деятельности. Причём студент и преподаватель не в дихотомическом отношении двух индивидов (это – один из аспектов отношений), а взятые в их организованных ансамблях: студенческий коллектив и кафедрально-факультетское сообщество преподавателей.

Как я уже писал в 5-й главе, выдающийся математик и педагог ВГУ профессор Владимир Иванович Соболев в начале 70-х годов говорил о трёх типах преподавателей: 1-й тип – любит свою науку, увлечён ею, но не любит студентов; 2-й тип – любит студентов, но не любит, не увлечён наукой; 3-й тип – любит науку, увлечён ей и вместе с тем любит студентов и вовлекает их в свою науку. Тактичный и деликатный человек, Владимир Иванович не упомянул 4-го, который не увлечён наукой и не любит студентов. Конечно, такие типы есть. В том числе

и неупомянутый 4-й. Но это не строго научная типология. Владимир Иванович высказал её в обыденных разговорах о взаимоотношениях преподавателя и студента без претензии на некую концепцию. Он делился своими наблюдениями и размышлениями. Сам Владимир Иванович любил науку, любил студентов, был выдающимся учёным и выдающимся педагогом. В его наблюдениях и размышлениях при всей их обыденности скрывается одна из существенных тайн учебного процесса и качества выпускаемых специалистов, бакалавров, магистров.

На различных научно-методических конференциях много и дельно говорят о методологии и методике преподавания, о путях и способах повышения эффективности образовательного процесса, его материально-техническом, информационном обеспечении, совершенствовании, организации, о специфике нового поколения студентов. За долгие десятилетия работы в ВГУ (о, как они быстро пролетели!) я сделал десятки докладов и написал десятки статей, а в соавторстве с В. М. Второвым, В. С. Листенгартеном, А. П. Дьяковым даже монографию (одну на четверых) по этой извечной и всегда актуальной проблематике. Но каждый раз я наталкивался на скрытую от всякой методики проблему отношений между преподавателем и студентом. Эффект от методики, от применения тех или иных средств и приёмов преподавания зависит от характера и смысла отношений между субъектами образовательного процесса. Проще говоря, между тем, кто передаёт знания, и тем, кто их воспринимает.

Размышления профессора В. И. Соболева о типах студентов исходят из заповедей, принципов неписаной, мудрой педагогики отношений, а не предписанных методик. Деятельная заинтересованность к личности студента, её развитию, профессиональному и гражданскому возрастанию и стойкая творческая увлечённость наукой, гармонизация того и другого – основа плодотворной деятельности преподавателя. Достичь гармонизации этих двух начал педагогики отношений – трудный процесс. Увы, он не каждому даётся и плохо культивируется в современных вузах. Любовь к науке не у всех и не всегда гармонично сочетается с заинтересованностью в партнёре по учебному процессу, студенте. Для такого преподавателя, как иронично говорил профессор-филолог С. Г. Лазутин, в университете хорошо, когда нет студентов. Но высокая самоотдача преподавателя педагогическому процессу («любви к студенту») иногда подавляет активность в научных исследованиях. Противопоставление, образно говоря, «любви к науке и любви к студенту» потенциально заложено в российской схеме распределения годового бюджета времени вузовского учёного-педагога. В советских вузах в принципе полагалось: 50 % годового рабочего времени (из 1540 часов при 6-часовом рабочем дне) отдавалось учебному процессу, а 50 % – научной работе. Так теоретически, на практике наблюдались смещения в ту или другую сторону. По разным причинам. В постсоветской России бóльшая часть времени по распределению отдаётся учебно-методической работе – от 840 до 1000 часов, а иногда и более. При этом не

все виды фактически выполняемой учебно-методической работы не всегда и не во всех вузах учитываются. Для научной работы времени остаётся меньше. В Западных университетах (мне доводилось знакомиться с положением дел в Германии, США) педнагрузки в 2,5–3 раза меньше, чем у нас. На научную работу времени тратится больше (от 1000 до 1300 часов). Потенциального объективно обусловленного конфликта интересов («любви к науке» и «любви к студенту») нет. Учёный-преподаватель американских и германских университетов работает в более комфортном временном континууме, чем российский. Не говоря уже о заработной плате и других условиях научного и педагогического труда.

Коммерциализация российского высшего образования вообще подрывает ранее сложившиеся возможности и формы гармонизации ориентаций, творческой активности и отношений преподавателя и студента. Ориентации на науку и педагогическую работу стали трактовать как вид социальных услуг. Доминирует маркетинговый, коммерческий подход. Работа парикмахера по укладке волос и работа профессора по обучению студента – это, с точки зрения маркетинга, разновидности социальных услуг. Но если это так, то возникает, по крайней мере, два вопроса. Первый вопрос: что входит в образование как социальную услугу? Ясно, что обучение профессии – составная часть такой услуги. А воспитание гражданской, нравственной личности? Маркетинговый подход не предусматривает такого элемента традиционно понимаемого высшего образования. Заказчик заказывал только получение знаний в процессе обучения, но не воспитание по какой-либо версии. Второй вопрос: если высшее образование – услуга, то заказчик вправе брать то, что заказывал (обучение профессии), и требовать высокого качества обучения. Но берёт ли нынешний студент сполна оплаченный продукт научно-педагогического труда, т. е. высшее образование? Увы! Довольно часто не берёт. И не только потому, что не умеет брать (не научили в средней школе учиться), но и потому, что – и это парадоксально – не сформировалась потребность развивать себя в образовательном процессе, т. е. образовать себя как личность.

Экзаменуя студентов, обучающихся на договорной, коммерческой основе, я часто спрашивал: «Вы пришли в магазин, чтобы купить шляпу. Внесли в кассу деньги сообразно цене товара. Отдали чек продавцу. И… пошли из магазина. Что Вам вслед скажет продавец?» Студент, не задумываясь, отвечает: «Возьмите шляпу!» – «Почему же Вы, оплатив своё обучение (а это дороже и нужнее шляпы), не берёте знания, которые я вместе с коллегами подавал?» Вразумительного ответа на этот «маркетинговый» вопрос я никогда не слышал.

Дело прошлое, ни в молодости, ни в старости я не любил ставить «неуды». А кто любит? Но приходилось ставить. В последние десять-пятнадцать лет чаще, чем в далёком прошлом. Владимир Иванович Соболев – опять сошлюсь на него – на вопрос (неправомерный в своей основе): «Лучше или хуже нынешние студенты?» отвечал: «Лучшие стали лучше, слабые стали хуже». Меня очень волновал

реально наблюдаемый процесс снижения уровня интеллектуальных потребностей нынешних студентов, их самоответственности в овладении знаниями, специальностью, профессией. Вопрос о причинах и факторах, последствиях этого процесса – особый и очень сложный вопрос, свои для себя ответы на который я пока излагать не буду. Потом…

Пока вспоминается иное. Я переживал и за студента, и за себя. Считая своим долгом, педагогической и просто человеческой обязанностью побудить даже нерадивого студента овладеть необходимой суммой знаний, поверить в себя как в Homo sapiens-sapiens (как в современного человека разумного по антропологической классификации). Зная, что иду на перерасход своего скудного времени, предлагал студенту, не обнаружившему достаточных знаний, прийти на экзамен ещё и ещё раз, до тех пор, пока необходимые знания у него появятся или деканат потребует сдать экзаменационные ведомости. Однажды меня упрекнули: «Вы прессируете студентов». – «Нет, – ответил я. – Это не прессинг, а стремление побудить студента к знаниям, повернуть его к его возможному потенциалу его собственного развития».

Часто удавалось, и студенты благодарили потом, окончив университет, что я побудил их верить, искать и находить себя и овладеть специальностью. Но бывали часто и неудачи, и потери.

Запомнился случай. Студент R никак не мог сдать мне экзамен по политической социологии. Экзамен не очень трудный и по объёму материала, и по сложности вопросов. На первом экзаменационном заходе R попросил заменить билет. Я всегда разрешаю до 2 раз, не снижая оценки. Студент сменил, посидел, попросил ещё сменить. Разрешил. Опять просит замены. На этот раз посоветовал ему прийти на следующий день с другой группой. Пришёл. Всё повторилось. И так несколько раз. На 5-й или 6-й «заход» пришла его мама. Я ей объяснил, спросил, где сын. Оказалось – в коридоре. Попросил его зайти, а матери сказал, что буду экзаменовать при ней, если она и сын согласны. Согласились. R взял билет. Посидел, попросил заменить. Разрешил. Сменил, подумал, ещё попросил. Разрешил. Наконец, развернул экзаменационные билеты текстом («лицом», как говорят студенты). Предложил выбирать любой. Студент минуты три водил пальцем по раскладке билетов. Мать волновалась. R взял билет, сел и… вновь попросил заменить. Мать закатила ему затрещину. Я обхватил её: «Мама, так нельзя». Она рыдала: «Ну что мне с ним делать? Он у меня один…» Мне всегда жалко матерей. С отцами – мужской разговор. Предложил: «Поставлю “тройку” в экзаменационную ведомость, в зачётку ничего ставить не буду; сын пусть дважды прочитает учебник. Вы проследите. А через некоторое время приходите, и я поставлю оценку в зачётку по его ответу. Может быть, и “хорошо”. Надо поработать над собой». Но они не пришли…

Приходилось часто наблюдать два противоположных по последствиям процесса в зависимости от волевых качеств студентов.

1. Юноша талантлив от природы; быстро и легко усваивает учебный материал, у него хорошая память. Сформировалась уверенность, всё легко и просто, даётся без особого труда. Да он его и не прилагает сколько-либо систематически. Образовательный процесс при переходе от этапа к этапу (от семестра к семестру, от курса к курсу) требует более интенсивного и рационально организованного труда. Но студент не привык и не приучен к самоорганизованности в познавательном труде, полагаясь на талант. Воля к систематическому труду слабая. Талант даёт сбои в овладении новым материалом. Интеллект вне трудовой рациональной, систематической напряжённости подвергается эрозии. Студент, подающий надежды на ранних стадиях образовательного процесса, их утрачивает и не достигает, казалось бы, возможного для него уровня и качества овладения специальностью.

2. Противоположный процесс: у юноши (девушек по этическим мотивам не затрагиваю) не Бог весть какие таланты. Но то ли от природы, то ли от семейного воспитания, то ли со школьных лет у него крепкая воля к труду. К каждодневному. И если ему подсказать, показать, посоветовать рациональные способы организации познавательного, интеллектуального труда, такой студент добьётся многого; его талант будет развиваться, академические успехи будут возрастать.

Действует, по-видимому, какой-то закон. Возможно, психологи его давно открыли и сформулировали. Не знаю. Но закон взаимосвязи таланта и труда, я уверен, есть. У П. И. Чайковского как-то спросили: «В чём тайна Вашего таланта?» – «Какой талант? – ответил гений. – Я каждый день по несколько часов за роялем».

Я прожил долгую жизнь в университете и реально наблюдал, огорчаясь и радуясь, эти два процесса: возрастания и распада таланта, поставленного в разные волевые режимы труда. Я видел молодых людей, блестяще одарённых, уверенных в своих способностях, но мало что добившихся в профессиональной карьере из-за слабой воли к систематическому труду над собой. Но наблюдал и другое: казалось бы, интеллектуальных способностей не так уж и много, но человек наращивал их постоянным трудом над собой (а это, как известно, самый тяжёлый труд). Воля к труду – фактор наращивания способностей. Наверное, есть пределы. Но человек растёт, развивает свой потенциал, благодаря воле к труду и самоорганизации себя в труде.

Педагогическую работу с 1-м и 2-м типами студентов надо вести по-разному. У первого необходимо всеми доступными способами сформировать волю к труду и побудить работать над собой для овладения специальностью, не разочаровывая в таланте и не давая ему упасть на дно распавшихся или угасших возможностей. Второму надо помочь найти в себе талант, хотя бы зерно, и если нет и зерна, тактично намекнуть или прямо сказать: «Вы ошибочно выбрали эту специальность, она не Ваша; у Вас есть воля, так, может, лучше найти в себе склонность к другому делу и не рвать себя?» Мне доводилось вести и такие разговоры. Но бывало и так: студент работал над собой, интенсивно вчитывался в учебную и научную литературу, работал на лекциях, на семинарских занятиях, консультировался.

И озарение возникало, академические способности и успехи возрастали. Туго, но возрастали. Это радовало.

Во всех поколениях студенты разные. Кто-то упорно трудится, не только умножая свои знания, но и развивая интеллект, талант, волю к труду. Кто-то верит в свой талант. У кого-то, образно говоря, действительно есть Божий дар (моцартианский тип); кто-то постоянным и рационально организованным трудом постигает тайны специальности (сальеревский тип). Иные накануне экзамена штурмуют знания; иные надеются на «Халяву» (весьма почитаемый многими студенческий «языческий божок»). Но бывает и так, что студент безвозвратно опускает на дно и свои возможности, и веру в себя, и надежду родителей.

Всматриваться в каждого студента и учить каждого всматриваться в себя и корректировать в образовательном процессе – исходная и постоянная задача преподавателя. Постигать её секреты трудно, тем более что в нынешних обстоятельствах редко в каком вузе этому учат научно-педагогическую молодёжь. В Воронежском государственном университете об этом забыли, а ведь были начинания и опыт 60–70-х годов. К тому же увеличение педагогических нагрузок при росте численности студентов затрудняет индивидуальную работу. Разговоры об особенностях поведения отдельных студентов в учебном процессе – обыденное дело на каждой кафедре. Они далеки от профессиональной педагогической психологии (применительно к высшему образованию она крайне слабо разработана), но в них звучит озабоченность преподавательского состава кафедры.

Студенчество Воронежского государственного университета, как, впрочем, и всякого другого вуза, никогда не захлопывало свои головы только в расхожие учебники и толстые фолианты научных монографий. Идёт жизнь и за дверями лекционных аудиторий и лабораторий. Студенчество стремится к культуре во всех её многообразных видах и жанрах, включается так или иначе в общественную и экономическую жизнь, в политические процессы. Оно всегда чем-то увлекается и чему-то безразлично, что-то радостно, а что-то горестно переживает. Смена его настроений, ценностных ориентаций, масштаб и интенсивность активности зависят от многих факторов: от процессов в обществе, социального состава студенческих поколений, политики государства, различных общественных движений, политических течений в стране и за рубежом, сдвигов и моды в социокультурной сфере (прежде всего в музыке, поэзии, кинематографии). Студенчество очень восприимчиво ко всему, что происходит вокруг, реагирует по-разному. Вместе с тем в нём, в любом его поколении есть будущий Х, который по-своему детерминирует его сознание и поведение, не укладывающиеся в бытующие нормы и стереотипы, что часто удивляет старшие поколения.

За время моей университетской истории через студенческие общественно-политические умонастроения и культурные увлечения прошло несколько волн подъёма и спада социальной активности разной природы, интенций (направленности

стремлений) и последствий. Остановлюсь по памяти на некоторых. Хотелось бы вспомнить умонастроения студентов ВГУ конца 40-х – начала 50-х годов, но отчасти я писал о них во 2-й главе, вспоминая своё студенческое время. Возвращаться для полноты характеристики не буду. Не только из-за опасения повторов, но и во избежание романтизации своего студенческого поколения. Оно было не только романтичным, а теперь я понимаю – не столь романтичным, сколько увлечённым учёбой, стремлением стать образованными людьми, хорошими специалистами, вовлечёнными в восстановление порушенного фашистами ВГУ и города. Это было поколение, драматично пережившее поздний сталинизм и смерть Сталина, поколение, на себе почувствовавшее дыхание постсталинской оттепели и духоподъёмно отозвавшееся на её веяния.

Поколение 60–70-х годов отличалось высокой активностью во всех сферах жизни. Деятельно развивалось строительное движение университетского студенчества. В 90-х годах некоторые неолиберальные публицисты утверждали, что КПСС использовала настроения студенчества и играла на их энтузиазме. Допустим, но ведь использовать что-то и играть на чём-то можно только на том и тем, что есть. На пассивности тоже можно играть (и играли), но отнюдь не в созидательных целях. Поколение 60–70-х годов было в восходящей фазе созидательных умонастроений и деятельности. Оно было творческим и в культурных отношениях. Состязательные межфакультетские фестивали «Университетская весна» ежегодно возбуждали художественную самодеятельность. Художественное творчество студентов раскрывалось в легендарном «Театре миниатюр», в лирическом «Театре песен» и в других творческих объединениях. Немало было достижений и в спорте. Студенты активно включались в научные исследования, в так называемые хоздоговорные научно-конструкторские разработки по заказу предприятий, на различных республиканских и всесоюзных научных конкурсах студенты ВГУ часто завоёвывали призовые места (по общественным наукам 2–3 каждые 2 года, по естественным больше). Вместе с тем в студенческой среде к исходу 80-х годов возникло смутное брожение, недовольство политикой по отношению к молодёжи. В то время родилась идея создать целенаправленную молодёжную политику (кое-кто кокетливо называл её ювенальной). Что-то предпринималось, но действенной политики так и не сформулировали, хотя придуманных вариантов было много, в том числе и в нашей области. В университетских аудиториях в конце 70-х – начале 80-х годов изредка стали появляться листовки с критикой КПСС. Социальная активность студентов постепенно спадала. Подсознательно они почувствовали что-то неладное в обществе. Некоторые преподаватели общественных наук стали жаловаться на студентов, задающих острые вопросы. Например: «Если руководящая роль КПСС возрастает, то кто несёт ответственность за низкие темпы экономического роста и технологическое отставание СССР?», «Почему нет для студентов доступа к зарубежной научной литературе?», «Почему

уровень жизни и экономическое благополучие семей Чехословакии и Германской Демократической Республики выше, чем у нас?», «Как наладить добрые отношения с Китаем?». Особенно назойливыми с такими вопросами были студенты физического факультета. Далеко не каждый обществовед знал и умел отвечать на такие вопросы, тем более осмеливался что-то сказать. Участились случаи уклонения от государственного распределения выпускников по местам («точкам») работы или неявки («недоезды») на них. Это был, по его этическому и психологическому смыслу, социальный бойкот административной системы обязательного направления на работу специалистов, получивших высшее образование за счёт госбюджета (положено было обязательно отработать по назначению 3 года). Распределение молодых специалистов стало головной болью администрации и общественных организаций ВГУ. Уклонение от распределения и неявки на места назначения на отдельных факультетах составляло до 20 % от численности выпускаемых специалистов. Однако, по данным государственной статистической службы (Госкомстата), безработных специалистов с высшим образованием не было. Или молодые специалисты сами находили подходящие точки применения своих профессиональных знаний, или Остап Бендер ошибался, уверяя, будто статистика наперечёт знает, где стулья.

В целом в 60-х и почти до конца 70-х годов студенчество жило на волне социального созидательного подъёма, активных культурных запросов и интересов, лояльности по отношению к социальным и политическим институтам советского общества, но выявлялось и недовольство уровнем жизни, товарным дефицитом. Вместе с тем было ожидание сдвигов к лучшему.

Спад социально-созидательной и оптимистической волны, по моим наблюдениям, стал отчётливо выявляться в студенческой жизни и умонастроениях к исходу 70-х – началу 80-х годов. Вначале робко, а потом смелее и широко с подачи социологов в публицистике стали характеризовать студентов-восьмидесятников, да и молодёжь того времени, как потерянное поколение. Мне довелось участвовать в узком совещании (человек 35–40), проводимом идеологическим отделом ЦК КПСС. Участники – работники аппарата ЦК КПСС и ЦК Комсомола, социологи, психологи, ведущие исследования по проблемам молодёжи и студенчества. Понятие «потерянное поколение» использовалось как констатация социального феномена, появившегося в советском обществе, как состояние и социально-психологическое свойство студенчества и молодёжи 80-х годов. На совещании заспорили: одни говорили, что мы имеем дело с потерянным поколением, другие – с растерянным. Я высказал своё мнение. Главная проблема, которую необходимо выяснить, заключается не в том, потерянное или растерянное нынешнее поколение – оно и то, и другое, и вместе с тем ищущее. Главный вопрос в том, почему оно такое, что оно ищет и каковы будут социальные последствия и для него, и для общества его потерянности, растерянности и его поисков. Такую постановку вопроса многие участники поддержали.

Поколение 80-х годов потерянное и растерянное в результате и вследствие разлада идеологии, социализма и социальных реальностей общества. И это надо признать, а не ссылаться на инфильтрацию (этот термин любил один из обществоведов ВГУ) западных идей в молодёжную среду. Молодёжь не сама по себе потерялась, её потеряли те, кто должен её обучать, воспитывать, помогать обустраиваться в жизни. Её теряют общественные и государственные институты социализации. Социализирующие функции высшего образования сохраняются, но меняется отношение к нему вузовской молодёжи, особенно по отношению к общественным и гуманитарным наукам. Так называемая концепция гуманитаризации высшего образования не дала ожидаемого эффекта.

Растерянность университетского студенчества середины и второй половины 80-х годов не следует преувеличивать. Основная его масса на всех факультетах овладевала знаниями, готовясь к профессиональной деятельности. Однако падала посещаемость лекций. Именно тогда министерские чиновники пустили критическую фразу: студенты голосуют ногами, выражая тем самым неудовлетворённость качеством преподавания. Частичная доля правды в этом суждении есть. Но далеко, далеко не вся. Главная причина в другом. Снизились ориентации студентов на высокий уровень знаний и, как следствие, интенсивность использования лекций, лабораторных и семинарских занятий как источник знаний и фактор когнитивного, интеллектуального развития. В зимнюю и летнюю сессии 1986/87 учебного года, экзаменуя студентов, я стал просматривать зачётные книжки у студентов четвёртых курсов. Социологические «глаза» заметили снижение академических показателей по различным дисциплинам под роспись большинства показателей с 5-го по 8-й семестр. Подсчитал. Калькулятор показал: снижение академических показателей у 27,3 %. Стал спрашивать: «Почему оценки Ваших знаний стали снижаться от семестра к семестру?» Ответы, конечно, были разные: «Болел(а)», «Предметы стали сложнее, чем на 1–2-м курсах», «Как-то так получается». Одна девушка поведала: «Преподаватели придираются». Но доминировали ответы: «Мне достаточно “тройки”», «Продвижение по работе не зависит от оценок в зачётной книжке», «Зачем каждый день ходить на занятия? За три-четыре дня можно прочитать учебник, а память у меня хорошая». У одного студента спросил: «Почему Ваша зачётка густо засеяна скучными “удами”?» Ответ: «“Уд” – это вполне прожиточный минимум».

В этих ответах слышалось какое-то безразличие к своему развитию, подготовке себя к будущей профессиональной работе и вместе с тем непритязательное удовлетворение малым из того богатства научных знаний, интеллектуальных ценностей, которые университет предлагает. Через год, в 1987/88, я повторил этот на экзамене изобретённый «социологический метод» изучения отношения студентов к самим себе в динамике учебного процесса, вернее, к качественному формированию себя как будущего профессионала-специалиста. Результат тот же самый –

28,1 % студентов, обладающих достаточно высокими исходными способностями, «гасят» их и считают «удовлетворительные» знания, т. е. посредственные, вполне достаточным прожиточным минимумом не только от сессии до сессии, но и для будущей работы, жизни. Наряду с другими традиционными факторами низкой академической активности (интеллектуальная слабость, неподготовленность, лень, неумение рационально организовать себя, болезни и т. п.) включился у довольно значительной части университетского студенчества какой-то социальный демотивирующий и дестимулирующий фактор снижения познавательной деятельности, амбициозного стремления к высоким показателям в учебном процессе. Он не охватывает, к счастью, всё студенчество, для которого качественное образование – фактор социальной мобильности и конкурентоспособности. Но всё же довольно значительная часть «без уныния и лени», самостоятельно опускалась в посредственность, теряя свои способности и возможности.

Слабее с середины 80-х годов стала и внеучебная деятельность студентов в художественной самодеятельности, спорте. Знаменитые в 50–60-х годах Дни поэзии ВГУ уже не собирали массовых аудиторий и превратились в вечера поэзии. Фестивали «Университетская весна» уже не вызывали того задора и ажиотажа, какие были 5–10 лет тому назад. Выявлялся откат студенчества от классической российской художественной литературы, музыки, театра в сторону детективов, простоватой беллетристики, кино, различных видов и жанров попсовой музыки. Постепенно затихало движение студенческих строительных отрядов, теряя свою романтику и масштабность.

Горбачёвская перестройка не всколыхнула сколько-либо заметно студенчество; ничего ему и не дала, хотя какие-то надежды были.

И всё же студенческое поколение 80-х годов не было только потерянными и растерянными. Оно было всё же ищущим, иначе и не могло быть. Молодёжь всегда что-то ищет, иногда осмысленно, а иногда не зная, что ищет и то ли она ищет, и где надо искать и можно найти.

Университетское студенчество – и не только оно – всколыхнулось к исходу 80-х годов и проявило свою социальную и гражданскую активность. Возбуждающим толчком стало строительство почти в черте города Воронежской атомной станции теплоснабжения (ВАСТ). Возникло экологическое антиВАСТовское движение. Студенчество ВГУ активно включилось в него, особенно биологи, физики, химики. Экологическому движению региональные власти первоначально не придавали большого значения. Но оно ширилось, вовлекая не только студентов и горожан, но и сельских жителей. Некоторые активисты пытались его политизировать и использовать в своих политических целях. Студенчество не очень этому поддавалось, оно в движении преследовало экологические цели и увидело в нём (не всегда и во всём отдавая отчёта) возможность проявления своего гражданского самосознания. Студенты хотели деятельно участвовать в решении важной не

только экологической, но и социально-политической проблемы гражданского соучастия молодёжи в государственных и общественных делах, касающихся жизни города, области. В конце концов был проведён референдум, который остановил и прекратил строительство ВАСТ. Участие в этом сложном и конфликтном процессе сыграло большую роль в пробуждении гражданской и социальной активности университетского студенчества. Говорю об этом без всякого преувеличения и экзальтации, ибо был одним из разработчиков методики и процедуры референдума.

Недееспособность структур Коммунистической партии и институтов Советского государства найти действенные методы и средства вывода общества из социально-экономического кризиса, демократизировать политическую систему, хотя бы остановить падение уровня и качества жизни генерировали на исходе 80-х годов XX века протестные настроения, движения и действия различных социальных слоёв, в том числе и студенчества. Протестные движения и акции (митинги, шествия, пикетирование органов власти, перекрытие дорог, демонстративные групповые голодовки) носили анархистский характер, направленный против существующей общественной системы, товарных дефицитов, без сколько-либо конструктивных идей и целей и даже без ясного осознания, что может возникнуть в результате деструктивных действий.

Падал авторитет и дееспособность комсомольской организации ВГУ, одной из самых многочисленных и деятельных в недавнем прошлом. С ней, как выразительницей интересов абсолютного большинства университетской молодёжи, всегда конструктивно взаимодействовали и ректорат (особенно во времена ректорства Б. И. Михантьева, Н. А. Плаксенко, В. В. Гусева), и партком КПСС (при его секретарях Н. М. Чернышове, А. Н. Латышеве, А. П. Дьякове). Комсомол явно распадался, хотя отдельные его группировки действовали. Популистские решения, выдаваемые за демократические, требовали обязательного участия студентов в деятельности учёных советов разного уровня: от факультетских до общеуниверситетского. Однако без организационного представительства. Чаще всего по согласованию со студенческими группами деканаты включали в факультетские учёные советы, а в общеуниверситетский рекомендовали достойных студентов. Каких-либо осложнений по включению и по их деятельности в учёных советах не припомню. Но и высокой инициативы их не было заметно. Демократический декорум был, демократической созидательной продуктивности особо не наблюдалось.

Социальные и политические вихри 90-х годов интенсивно втягивали в себя студенчество. Массовые митинги против задержек зарплаты, роста тарифов ЖКХ или в защиту политики Б. Н. Ельцина (или по каким-либо другим обстоятельствам и поводам) проводились на центральной площади Ленина. Два корпуса ВГУ находились поблизости. И университетское студенчество неизменно в них участвовало, солидаризируясь и с рабочим классом, и с учительством, и с ельцинистами, и с коммунистами, и с ЛДПР, так или иначе с теми, кто организовывал митинги или

шествия. Но студенчество принимало участие пассивно, без выявления своей позиции, как митинговая масса. Его голоса не было слышно. Но был в 1997/98 учебном году студенческий массовый митинг на площади Ленина. Всё воронежское студенчество и ещё в 30 вузовских городах протестовало против необдуманных реформ перевода высшей школы на двухуровневое высшее образование, расширения коммерциализации и платности и т. п. Профессорско-преподавательский состав, будучи недовольным намеченными реформами, тогда не вышел протестно на площади городов из-за опасения потерять работу и из-за интеллигентного деликатного конформизма. А студентам терять было тогда нечего. Они отстаивали своё демократическое право на полноценное, качественное профессиональное высшее образование, которое у них пытались отнять. Именно студенты тогда защитили высшее образование в той его основной модели, которая сохранилась от советского периода его истории. Административные и политические «верхи» тогда приостановились в своём реформаторском задоре. Однако, когда волна социальной активности (протестной) студенчества пошла на спад в 2000-х годах, «власть имущие» тихой сапой и даже отчасти с согласия вузовской научно-педагогической общественности вернулись к своим идеям и провернули антидемократичное реформирование высшего образования. Студенты 2000-х годов молчали, а их обкрадывали реформированным образованием. Только однажды Студенческий союз (есть такой, но он малоизвестен) потребовал отставки министра образования и науки А. Фурсенко. Правительство опять вняло голосу студенчества, А. А. Фурсенко сделали советником Президента по вопросам науки и образования, а на его место назначили Д. В. Ливанова. Д. В. Ливанов под болтливые разговоры о повышении роли образования и науки на современной стадии общечеловеческого развития пролоббировал через парламент антидемократичный закон об образовании № 273-ФЗ и преуспел в разрушении Академии наук. Депутаты Государственной думы четвёртого созыва помогли ему. Студенты молчали, не понимая, что происходит в стране, и не вникая в замыслы реформаторов.

Поколение 90-х годов – это бедствующее студенчество. Гайдаровский метод либерализации цен в условиях острого товарного дефицита (шоковая терапия) очень крепко ударил по студенчеству. Цены бешено росли (гиперинфляция), скудные и нерегулярно выплачиваемые стипендии теряли свою покупательную способность еженедельно, а порой и чаще. Сокращались возможности родительской денежной и продуктовой поддержки. Социологические исследования, проведённые кафедрой социологии и политологии ВГУ в начале экономических реформ (по гайдаровской концепции), показали: 57 % студентов имеют доход (стипендия, финансовая, продуктовая, предметная помощь родителей, подработки) ниже прожиточного минимума (300 руб. в ценах 1992 года); 22–23 % студентов только раз в неделю могли позволить себе в питании мясо, овощи, фрукты, нажимая на картофель, хлеб и чай с сахаром; около 40 % вынуждены были подрабатывать, особенно на старших курсах.

Однако найти достаточно оплачиваемую работу, которую можно сочетать с учёбой, становилось всё труднее и труднее. В университете была создана в этой связи специальная служба студенческой занятости. Ректорат (В. В. Гусев) сформировал за счёт внебюджетных средств фонд социальной поддержки студентов. На всех факультетах была введена специальная должность заместителя декана по студенческому быту[1]. Направляя одну из аналитических записок главе администрации Воронежской области в 1993 году, кафедра социологии и политологии предложила освободить студентов от оплаты проезда в городском транспорте. Губернатор А. Я. Ковалёв вздохнул: «Всё равно половина студентов за проезд не платит, но, наверное, переживают свой грех. Давайте освободим их от этого греха». И отдал распоряжение подготовить соответствующий документ. На протяжении нескольких лет десятки тысяч студентов воронежских вузов были освобождены от уплаты проезда в городском транспорте, кроме такси.

Негативные процессы в обществе, падение нравов, рост напряжённости в человеческих отношениях, их коммерциализация, возрастание экзистенциальных рисков и неопределённости их личных исходов, невротические явления в социальной среде, эскапистские соблазны вырваться из обыденности, которая не даёт удовлетворения, и уйти в иные переживания, стремление к экстремальным переживаниям толкнули часть студенчества к наркотикам. Криминальные структуры создали для собственной наживы в Воронеже десятки наркотических притонов и лоббировали в Государственной думе либерализацию и разрушение антинаркотического законодательства и антинаркотической службы, которые в советское время оберегали население от этого гибельного зла. В первой половине 90-х годов в Воронежской области вспыхнул наркотический пожар, который охватил все социальные и демографические слои населения, в том числе и студенчество.

В феврале–марте 1996 года по заданию Координационного совета по делам молодёжи при главе администрации Воронежской области кафедрой социологии и политологии ВГУ было проведено исследование отношения молодёжи к наркотикам. К тому времени (с 1995 года) органами МВД было выявлено 1755 преступлений, связанных с производством, продажей и употреблением наркотиков. Воронежская область считалась одной из самых неблагоприятных в наркотическом отношении.

Наши исследования выявили: 55 % опрошенных молодых людей от 16 до 24 лет проявляют устойчивый интерес к наркомании (это ещё не значит, что употребляют). У 47,5 % опрошенных юношей и у 33 % девушек зафиксированы позитивные установки на употребление наркотиков. Среди студентов ВГУ по крайней мере 15–17 % употребляли постоянно или пробовали наркотики. В сквере справа от главного корпуса ВГУ ежедневно во время утренней пробежки и зарядки я видел десятки шприцев: кто-то делал наркотические инъекции. Не исключено, что и студенты.

[1] См.: Материальное положение студентов. Материалы социологического исследования (февраль–июнь 1992 года. Воронеж, 1992.

В ВГУ и других вузах в городе Воронеже были предприняты меры, а самое главное – в Государственной думе в начале нового века здоровые силы взяли в конце концов верх над нарколибералами, были приняты антинаркотические законы, усилена борьба правоохранительных органов против незаконного наркооборота. Наркотический пожар стал гаснуть. Но остатки наркотической контркультуры среди студенческой молодёжи всё ещё тлеют. К сожалению, после 1996 года кафедра социологии и политологии не проводила аналогичных исследований. Не было финансовых средств. Распадается и накопленный опыт исследования.

Студенческое поколение 90-х годов, повторяю, было не только потерянным и растерянным, оно было и ищущим. А что оно искало? Трудный вопрос. А что искал народ? Ещё более трудный вопрос. Гайдаро-чубайсовские неолибералы уверяли, что народ искал свободный рынок и рвался к нему, ломая все выстроенные коммунистами заграждения. Грубое упрощённое представление о народе. Российский народ, прежде всего русский, весь XX век искал справедливое обустройство общества и достойную в материальном и духовном отношениях жизнь. Социализм вывел бывшую Российскую империю в разряд одной из двух великих держав. Однако не смог, хотя сделал многое, достичь, осуществить желаемой социальной справедливости, а самое главное – высокого уровня и качества жизни по своим манифестируемым идеалам, по сравнительным меркам развитых стран Запада и возможностям России. Его экономические институты догматизировались, не развивались, политическая система вырождалась в административно-бюрократическую, а властная элита загнивала.

Народ, если говорить обобщённо, стремился – и это его имманентное свойство и суверенное право – к социальной справедливости, демократической дееспособности, повороту экономики к его реальным потребностям радикального повышения уровня и качества жизни. Доморощенные радикал-либералы (неолибералы) с подсказки и с помощью западных специалистов-советников завели жаждущий справедливости народ в рыночные коррупционные отношения, уверяя, будто в них всё само обустроится ко всеобщему довольству.

Студенчество искало того же, что и народ, и в своих поисках тоже стало жертвой рыночных заблуждений, хотя кое-что и находило, а что-то и теряло. Идеи реформирования советского общества и государства его увлекали возможностями многопартийности, состязания (конкуренции) политических доктрин, деидеологизации, разнообразием художественно-эстетических течений (вплоть до увлечения рок-музыкой), многообразием образовательных структур, соучастия в непосредственных формах демократии (митинги, шествия), соучастием в университетской демократии. Социологические исследования вскрывали метание между различными партиями, переходы из одной в другую. Привлекала шокирующим эпатажем Либерально-демократическая партия и её лидер В. В. Жириновский. За партиями «Выбор России», «Правая сила», «Яблоко» студенты почти не тянулись.

Возникшая намного позже «Единая Россия» сумела своим влиянием, особенно организацией различных семинаров молодёжи (в лагерях-семинарах у озера Селигер), увлечь довольно значительную часть студенчества. Возникла молодёжная, в основном студенческая, организация «Молодая гвардия», в которой было немало студентов ВГУ в начале XXI века. Среди университетских студентов сохранились отдельные группы комсомола, были и есть члены КПСС. Почти на всех митингах середины 90-х и в последующие годы можно было увидеть студентов с флагами с портретом Че Гевары как символа революционной романтики и мужества.

Когда-то довольно значительное на Западе молодёжное движение хиппи у воронежских студентов проявилось в виде нарочитой небрежности в одежде, обуви, в причёсках. Но какого-либо социально значимого хиппи-движения не возникло, хотя внешне хиппующих можно было увидеть в студенческих аудиториях и во второй половине 2010-х годов. В Воронеже на рубеже XX–XXI веков довольно активна и демонстративно заметна была профашистская группа скинхедов. Её члены даже раздавали свою газету около Центрального рынка и бывшего Дома офицеров. Насколько мне известно, даже во второй половине первого десятилетия нового века университетский комсомол сталкивался врукопашную со скинхедами. Потом «кожаные головы» как будто исчезли или правоохранительные органы обратили на них своё внимание.

Рыночные отношения в их трансформациях создали свои условия и схемы социальных ориентаций, жизнеустройства студенчества, свои перспективы и риски, свои иллюзии и свою правду. Расширились возможности получить высшее образование и многообразие его направлений и специальностей. Но резко сократилось государственное финансирование высшего образования. Большая часть студентов ВГУ обучается на договорной коммерческой основе (во Франции высшее образование оплачивается государством полностью). Стоимость университетского образования из года в год растёт. Перешли на так называемую Болонскую концепцию двухуровневого высшего образования (бакалавр-магистр). Она проще советской системы, позволяет на год сократить срок обучения (по бакалавриату), но качество образования снизилось; бакалавриат – это неполноценное высшее образование, что создаёт свои сложности в трудоустройстве. Магистратура при хорошей постановке дела и активности студента повышает конкурентоспособность выпускника университета. Но резко возросла конкурентоспособная роль социальных связей, протекционизма, коррупции в служебной карьере, затеняя и даже отодвигая на второй план показатели качества полученного образования.

Позитивным является легитимация коммерческой научной проектно-конструкторской работы студентов в малых предприятиях при вузах. В ВГУ их несколько. Но как бы ни были изобретательны результаты творческого труда студентов в этих малых коммерческих предприятиях, они заняты поделками (ценными, полезными), снижается возможность погружения в фундаментальные исследова-

ния, от которых в конечном итоге зависит будущее экономики, техники, здравоохранения, науки, самой молодёжи.

В современных условиях резко возрастает значение информации, интенсивности её выработки, получения, передачи, практического многовекторного использования. Современный университет добротно учит студентов как перерабатывать информацию, как её передавать (а средства передачи стремительно развиваются и умножаются) и даже как её внедрять в практику. Кстати, информационно-коммуникативные знания и умения студенты всех факультетов успешно применяют при выполнении дипломных проектов. Теперь даже среднеразвитому студенту ничего не сто́ит (правда, иногда приходится платить) за месяц подготовить вполне приличную дипломную работу. И если бы не методы контроля интернет-антиплагиата, то процент блестяще защищённых дипломных проектов приближался бы к 100.

Давно стала расхожей фраза «современная экономика – это экономика знаний». Мысль сама по себе верная, но неновая. Превращение научных знаний в решающий фактор развития производства во второй половине ещё XIX века высказал К. Маркс. Но современному инженеру, врачу, учителю, политику, учёному и т. д., вплоть до художника, артиста даже в университете приобретённых знаний мало. И не только потому, что они быстро устаревают. Но прежде всего потому, что современная (философы и социологи предпочитают термин и понятие «постсовременная» или слово «Современная» пишут с заглавной буквы) фаза истории всё чаще и чаще ставит нетривиальные задачи, на которые «вчера» даже самые талантливые профессора не могли дать студентам ответы, ибо и сами их не знали. Требуется динамичная научная культура творческого мышления, способного найти, отыскать, открыть, создать новые знания для адекватного ответа на возникшую нетривиальную задачу, проблему. Необходима высокая методологическая культура эвристического мышления, культура, не загнанная в какую-либо самодовольную догму, способная к постоянному творческому обогащению. По образовательным программам бакалавриата это почти невозможно сделать. Они очень укороченные (по количеству часов). К тому же в поколении студентов 2000-х годов отчётливо выявляются пороки реформированной (по схемам министров Фурсенко и Ливанова) средней школы. Ученики за 11 лет обучения плохо готовятся к такому серьёзному интеллектуальному труду, как размышление. Их методами ЕГЭ тренируют зубрёжке, а не умению мыслить проблемно и концептуально.

Более пятнадцати лет я вёл курс «Политическая философия» (лекции, семинарские занятия) для студентов-политологов с 5-летним сроком обучения (специалист). Главная задача, которую я перед собой ставил, заключалась в том, чтобы на основе постановки философских проблем политики и политической жизни, аналитически сопоставляя различные политико-философские парадигмы, научить студентов мыслить и размышлять. Научить философски размышлять над любыми политическими доктринами и политической практикой в их аналитическом

Через 20 минут лекция по политической философии. Май 2014 года

сопоставлении, не принимая на веру никакую политическую идеологему и политическую акцию. Процентов 25 студентов отлично справлялось с этой задачей. Если судить по экзаменам, которые я вёл несколько иначе, чем по другим учебным дисциплинам, предупреждал студентов: «Оценки я буду определять не потому, что Вы знаете (это – само собой), но главным образом по тому, как Вы умеете мыслить (логика, аргументация, композиция, концептуальность ответа и его методологическое обоснование)». Одна треть экзаменационной группы обнаруживала вполне хорошие способности к философскому размышлению. У остальной части таких способностей и умений размышлять не обнаруживалось. Замечу, что никаких проблем с посещаемостью лекций и семинарских занятий не было. Учебный план для политологов с 4-годичным обучением (бакалавриат) первоначально включил курс «Политическая философия». Экзаменационные показатели были ниже, чем у студентов с 5-летним сроком обучения. Новый госстандарт уже не предусматривал курса «Политическая философия» для бакалавров. Его в крайне обеднённом виде включили в учебный план магистров политологии. Создаётся впечатление – и от него не отмахнуться – кто-то на верхних этажах управления высшим образованием целенаправленно не заинтересован в том, чтобы магистры политологии, не говоря уж о бакалаврах, могли философски размышлять о политических феноменах. И это снижает культуру политического мышления и «наверху», и «внизу», облегчает манипулирование сознанием и поведением масс и личности. Между прочим, одна из социальных функций политической филосо-

фии – выявление и анализ скрытых и явных интенций политического мышления и действий, осмысленное политическое целеполагание. Она вместе с тем несёт в себе эвристический потенциал поиска новых знаний.

В преподавании курса «История современной западной социологии» студентам социологического отделения исторического факультета я представлял 15–17 различных парадигм американской и западноевропейской социологической мысли. И на каждой лекции, посвящённой той или иной социологической парадигме (от К. Маркса до Н. Лумана), я старался раскрывать её истоки, познавательные достоинства и ограничения, возможности практического применения, а самое главное – её объяснительные горизонты и эвристические возможности.

Я позволил себе привести два примера из своего педагогического опыта отнюдь не из личного тщеславия. Глубоко, неотвратимо убеждён: раскрыварь секреты, методологию эвристического мышления, формировать установку на эвристическое мышление будущего специалиста – непременная педагогическая задача и научный долг каждого преподавателя базовых или специальных учебных дисциплин. Бакалавриатские образовательные программы – увы! – почти не ориентированы на эту задачу, да и возможностей (по скудости времени) в них очень мало. Магистратура потенциально ориентирована на более основательное, полноценное, фундаментальное образование в сочетании с практической компетенцией специалиста. Её программы придают особое значение самостоятельной работе магистранта над научной литературой. Но в какой мере и какими способами магистерские программы формируют эвристическое творческое мышление и профессиональную установку на него? Я бы предложил: прежде чем запускать ту или иную магистерскую программу, т. е. начинать готовить по ней магистров, её подвергнуть экспертизе по критерию возможной эффективности формирования у будущего магистра установки и методологии эвристического поиска новых знаний.

Во избежание упрёков в «эвристическом радикализме» сделаю оговорку. Эвристические способности не следует сводить только к научным открытиям чего-то ранее никому не ведомого или к изобретению. Это вместе с тем поиск знаний в непрерывно расширяющемся мировом пространстве научных сведений, открытий, достоверной информации и умение адаптировать их к конкретным обстоятельствам. Японское экономическое чудо 70–80-х годов в значительной степени было результатом адаптации уже кем-то добытых знаний, сделанных изобретений к своим условиям. Такая практика ничего общего не имеет с промышленным шпионажем, тем более с научным шпионажем, поскольку изначальное авторство адаптированных знаний, изобретений не присваивается. Японцы талантливо использовали общемировую бездонную копилку знаний. Такой практике и методам эвристического поведения студентов не учили в советское время, не учим и современных магистров. А вот плагиаторство стихийно развернулось довольно широко. Плагиаторство – криминальное дело. Магистров надо учить эвристической методологии и технике в рамках международного и национального права и научной этики.

У лучшей части университетского студенчества есть стремление не только овладеть знаниями, но и деятельной методологической культурой мышления. Профессионального и гражданского. Однако Гегель был прав, утверждая, что жизнь идёт вперёд через противоречия. Стремлению к глубоким знаниям и к творческой культуре методологически активного мышления противостоит склонность – придётся применить хлёсткое просторечное слово – к халтуре. Часть студентов – увы! немалая – кое-как перебирается по бакалавриатским ступенькам, не утруждая себя и свои мозги штудированием учебников, не затирая своего вольного времени лекциями и лабораторными бдениями и не протирая свои штаны (как советовал в своё время профессор Б. Ф. Поршнев) в библиотеках, по милости уставшего преподавателя довольствуется «тройкой» в зачётке, а если такой милости им не оказывают, переходят с курса на курс с длиннющими «хвостами», не смущаясь ставить деканаты в сложное пунктуационное замешательство: где ставить запятую во фразе «отчислить нельзя оставить».

В связи с экзаменационными «хвостами» вспомнилась студенческая песня 50-х годов прошлого века. Текст её сочинил студент физико-математического факультета ВГУ Анатолий Сивков, старший брат моей сокурсницы Тамары Сивковой и будущий создатель и директор первого вычислительного центра ВГУ (компьютеров тогда ещё не было). Песенка эта забылась. А зря. Я вспомнил её фрагментарно. Вместо отдельных забытых строк вписал для полноты свои, не искажая смысла и стиля.

ПЕСНЯ О ВЕЧНОМ ХВОСТЕ

Вдоль по деревне течёт речка,
А через речку – длинный мост.
Студент физмата не овечка,
Но у студента вырос хвост.

Была на сессии запарка.
Попал студенту злой вопрос.
Не помогла ему шпаргалка,
И появился дивный хвост.

Профессор долго ждал ответа
И подготовиться просил…
Прошла зима, настало лето,
А хвост по-прежнему висит.

Пропала добрая стипуха,
Друзья повесили носы,
И ни пера ему, ни пуха,
А хвост по-прежнему висит.

Студент влюбился и женился.
Жена за хвост его бранит.
Он на три дня из дома скрылся,
А хвост по-прежнему висит.

Декан упрашивал, грозился.
Был у студента бледный вид.
Не спал, не пил он и не брился,
А хвост по-прежнему висит.

Давным-давно иссохла речка
И провалился старый мост.
И на шашлык ушла овечка…
Студент пришёл сдавать свой хвост.

Студент во всём признаться хочет.
Узнал, что истина проста:
Когда бы не было зачётов,
Тогда бы не было хвоста.

Мне бы не хотелось, чтобы эта песенка окончательно забылась. В ней есть своя правдивая ирония или ироническая студенческая правда. Её пели на мотив старинной песни:

А по деревне течёт речка,
А через речку – длинный мост.
А на мосту стоит овечка,
А у овечки белый хвост.

Может быть, хотя бы в моих записанных воспоминаниях сохранится эта песня о вечном хвосте. Строятся и даже обваливаются новые мосты. Чередой идут экзаменационные сессии. И вновь, и вновь вырастают «хвосты». Но студенты не унывают.

Существенной особенностью студенчества ВГУ является постоянно усложняющаяся полиэтничность его состава. В нём представлены все расы: белая, черная, красная, жёлтая. Высшее образование в ВГУ по разным направлениям получили молодые люди более чем из 140 стран, из них – 30 европейских, 40 азиатских, около 50 африканских, более 20 южно- и североамериканских, включая США[1]. На карте Африки трудно найти страну, для которой ВГУ не готовил бы специалистов. Среди российских вузов ВГУ – признанный лидер обучения иностранных студентов. В последнее время ежегодно обучается около 1000 иностранных студентов, аспирантов, стажёров.

[1] См.: Всегда в движении / под ред. Д. А. Ендовицкого. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2013. С. 348–349.

Большое количество иностранных студентов и аспирантов не только на специализированном факультете международного образования (обучение иностранцев русскому языку и первичная социокультурная адаптация для получения профессионального высшего образования не обязательно в ВГУ), но и на остальных факультетах создаёт специфические проблемы и открывает новые возможности. Приезжают девушки и юноши не просто из разных стран, а с разным уровнем подготовки в средних школах, часто несопоставимым с нашим, с разной культурой, религиозной верой, иными формами и нормами общения, бытового и общественного поведения, да и представлениями о России.

Первая проблема – языковая. С этим неплохо справляются лингвисты-методисты Института международного образования, которые накопили большой практический и теоретически осмысленный опыт преподавания русского языка как иностранного. Европейские студенты довольно успешно овладевают русским языком и потом на основных факультетах не испытывают особых трудностей. Но студенты из большинства африканских, арабских, азиатских стран при овладении профессиональными знаниями (прослушивание лекций, чтение учебников, ответы на экзаменах, выполнение дипломных проектов) испытывают большие трудности, и с ними трудности испытываешь.

Вторая проблема – социокультурная адаптация, приобщение и включение иностранных студентов в систему российской правовой, коммуникативной, бытовой, эстетической культуры. Социологи этот процесс называют инкультурацией и ресоциализацией. Он противоречив. Его первоосновой является формирование уважения к российской культуре (в её воронежской специфике), соблюдения её норм и правил коммуникативного поведения, демократического отношения к её ценностям. Важно вместе с тем не погасить лучшие черты, установки национально-этнической и страновой культуры, дать им раскрыться в инокультурной среде.

На стартовых позициях приезжающих к нам девушек и юношей эту трудную работу ведут работники Института международного образования. Некомплиментарно скажу: ведут с энтузиазмом и талантливо. Потом четыре года (по бакалавриату) эту работу ведут факультеты и кафедры, сообразуясь с профессиональной подготовкой по своим специальностям.

Наличие иностранных студентов, аспирантов, стажёров (в общем контингенте они составляют примерно 5–6 %, по кафедре социологии и политологии – 10–12 %) открывает новые возможности в работе с российскими. Студенты приобретают опыт интернационального общения, заводят друзей из разных стран, через них узнают (фрагментарно) жизнь, культуру, порядки иноземных этносов, делятся впечатлениями, мнениями о международных событиях, спорят, участвуют вместе в митингах, художественной самодеятельности. Не припомню каких-либо неприятных эксцессов во взаимоотношениях российских и иностранных студентов. В 90-е и последующие годы было несколько случаев нападения, вплоть

до убийства, на студентов Латинской Америки и Африки. Но нападающие были не студенты ВГУ, а из криминальных групп и скинхедов. Это вызывало резкое возмущение университетского студенчества, профессорско-преподавательского состава и других работников ВГУ. Для меня совместная работа с иностранными и российскими студентами, помимо прочего, представляла и профессионально-педагогический интерес. Обычно для проведения семинарских занятий по социологическим и политологическим наукам иностранных студентов выделяли в особую группу для того, чтобы, с одной стороны, не задерживать русских на тех трудностях, которые испытывают иностранцы, а с другой – что-то дополнительно объяснить последним и помочь им, снять эффект неудобства перед русскими за «нескладное» выступление (у русских тоже бывает много несуразных выступлений). Для проведения семинарских занятий по социальной антропологии и политической антропологии я прошу перемешать группы. Это даёт возможность не только отрабатывать с иностранцами и русскими текстовый учебный материал по темам этих наук, но устроить живой обмен представлениями о социальном и политическом укладе жизни у разных этносов, представители которых сидят в семинарской группе. Например, способы и методы инициации у разных народов. У русских они как бы стёрты, а у большинства африканских народов они живут в яркой выразительной форме. Русские студенты с большим интересом слушают своих африканских, азиатских друзей. Вместе с тем и иностранные студенты более осмысленно относятся к антропологическим феноменам своих этносов. Мне запомнились доклады некоторых студентов по проблемам политической антропологии своих стран: Махамат Утман Абделькерим (Республика Чад), Фонсека де Жезуш Нели (Кабо-Верде) и др.

Дипломные работы студентам-иностранцам я предпочитал давать по темам политической жизни их родных стран, тщательно согласовывая с ними проблематику. При выполнении, вернее, написании текстов дипломных работ возникало много языковых трудностей. Тем не менее в архиве кафедры хранятся дипломные работы, посвящённые исследованиям различных политических проблем 14 стран Африки. Исследование этих проблем формировало у иностранцев более концептуальное понимание политических систем, национально-этнических отношений, деятельности парламентов, политических партий их родных стран в свете современной политической науки. Тем самым вдали от Африки, во глубине России они лучше готовились к работе на Родине. Профессор А. В. Глухова подготовила несколько кандидатов наук для Африки и в этом обогнала меня.

В первые полтора десятилетия нового века, как и в прошлом, студенты жили не только учёбой, наукой. Молодость, а студенческая сугубо, требует всесторонности. И успешен в будущей жизни тот, кто откликался на всесторонность жизненных запросов и интересов, сумел себя организовать и развивать свои таланты.

Студенты не только занимались физкультурой по плану и графику учебного процесса (кстати, насколько мне известно, в западных вузах таких занятий нет),

но занимались в различных спортивных секциях, группах спортивного совершенствования; около 40 спортивных команд ВГУ участвовали и участвуют в различных межвузовских соревнованиях, чемпионатах региона, России, Европы и мира. Университет в конце 2014/15 учебного года подарил любителям водных видов спорта великолепный бассейн на улице Хользунова.

После некоторого затишья в конце 1990-х – начале 2000-х годов стала возрождаться художественная самодеятельность ВГУ – лауреат воронежского студенческого фестиваля «Студенческая весна», российского фестиваля «Российская студенческая песня». Студенческий фольклорный ансамбль «Терем» – победитель российских и международных фестивалей. Вокальные таланты студентов выявляются и развиваются в вокально-хоровой студии «Вдохновение». Регулярно проводятся выставки фоторабот и живописи. Каждый год (а их уже 60) 25 марта (а иногда днём раньше или позже в зависимости от дней недели) проводится «День поэзии ВГУ», хорошо известный за пределами области. На отдельных факультетах, в частности, на историческом, проводятся факультетские Дни поэзии. Впервые за историю Воронежского университета в 2015 году появился в корпусе на улице Хользунова концертный зал. Один из лучших в городе и Центрально-Чернозёмном регионе. На открытии его дал большой концерт Воронежский симфонический оркестр. Это большой подарок всем любителям музыки. Культурная жизнь университетского коллектива поднимается на новый уровень.

В шестидесятых-семидесятых годах прошлого века (XX-го уже прошлого!.. А я в нём прожил 70 лет) Воронежский государственный университет был не только флагманом высшего образования и науки в Центрально-Чернозёмном регионе, но и важным центром культурной жизни. Он был творчески связан с театрами, с писательскими организациями области и страны, с Союзом художников. В ВГУ был свой симфонический оркестр (а концертного зала не было), известные всей России «Театр миниатюр», «Театр песни». Потом в 80-х и последующих десятилетиях ВГУ потерял роль одного из центров активной культурной жизни, хотя В. В. Гусев во время своего ректорства пытался её сохранить, но… С середины второго десятилетия нового века, как мне кажется, началось возрождение. И это жизненно важно и для социокультурного взросления, развития студенчества, и для катализации научных исследований, и для самостояния всего коллектива и каждой человеческой личности.

Меняются студенческие поколения (когорты, как говорят социологи) одно за другим. Неостановимо время, неостановимы смены студенческих когорт. Поколение второй половины XXI века (последнее в моей университетской жизни) – иное, чем прошлые. Иное не только в сравнении с несколькими поколениями советского времени, но с теми, кто претерпел горе и радости в 90-е роковые, и даже с теми, кто вступал с эйфорическими надеждами в новое тысячелетие.

Студенты первых десятилетий XXI века другие по сравнению с предыдущими не сами по себе, а потому, что живут в другом обществе. В другом не только

Выпуск политологов. 2009 год

по своим социально-экономическим основаниям, укладу жизни и политическим устройствам – это главное, но и по динамике социальных изменений, материально-вещного мира, окружающего индивида, по формам и способам общения, интеллектуальным ресурсам и нравственному состоянию. Какая-то часть старших поколений всегда, наверное, с тех пор, как появился на Земле Homo sapiens, ворчливо относится к молодёжи по схеме «Мы – умы, а Вы – увы». Ворчливость по отношению к новому поколению студентов наблюдается и среди профессорско-преподавательского состава. В этой ворчливости выражается и педагогическая, материнско-отеческая забота о студенте и вместе с тем некая доля (иногда большая) непонимания нового поколения. Хуже всего, когда ворчливость превращается в раздражение. Откровенно говоря, это случалось и со мной, когда я долго не мог понять, почему этот студент X из обеспеченной семьи манкирует своими обязанностями, не утруждает себя в учебном процессе, плохо учится, халтурно относится к делу. Потом переживал. Но к нерадивому отношению к овладению знаниями, специальностью я всегда был и остаюсь жёстким. Равнодушие или так называемый педагогический либерализм губительны для студентов.

Как бы ни различались студенческие поколения, есть и нечто общее: овладевать знаниями, вникать в научные проблемы, знакомиться, дружить, влюбляться, ссориться, прощать, расставаться, сдавать экзамены и зачёты, радоваться успехам и огорчаться неудачам. Когда работаешь длительное время с ними, то складывается какой-то подсознательный образ вечной молодости студентов. Они никогда не стареют. И вечно решают одни и те же жизненные проблемы.

Входишь 1 сентября в аудиторию – и на тебя, старого профессора, накатываются не просто новые люди, а вечно молодая волна. Кажется, у неё несколько иной цвет,

а может быть, свет падает из другого окна, чем в минувшем июне, когда ты уходил из аудитории, прощаясь в очередной раз с теми, кто получил университетские дипломы… Новая, вечно молодая волна накатывает на тебя и захватывает. И кажется – молодость вплёскивается в твою душу, взбадривая и тело… Проходит несколько мгновений (и в каждом – год), и ты стоишь на выходе из актового зала, прощаясь с очередной откатывающейся волной молодых специалистов, которые спешат как-то запечатлеть навечно себя и тебя в последнее университетское мгновенье…

Два самых трогательных и впечатляющих ритмично повторяющихся мгновения в жизни университета: накат новой молодой студенческой волны в его настежь открытые двери и прощанье с молодыми специалистами. Очередная волна вечно молодых студентов прокатилась по аудиториям и лабораториям и отхлынула в породивший её океан. Вечный студент, я десятки лет жил в этих беспокойных молодых волнах сменяющихся студенческих поколений. Я с ними переживал встречи и расставания, ворчал и восхищался, старался учить их и усердно учился у них. Спасибо им.

Кафедра не ограничивалась в работе со студентами учебным процессом. При кафедре работал дискуссионный клуб «Политика и время». Им талантливо руководил Роман Васильевич Савенков. Каждый месяц проводились дискуссии по разнообразным проблемам внутренней и внешней политики, политическим проблемам современности и истории. Приходили и выступали не только политологи, социологи, т. е. собственно кафедральные студенты, но и историки, студенты факультета международных отношений. Дискуссии иногда были очень жаркими. Руководитель клуба Роман Васильевич не сдерживал интересов и суждений студентов, но неизменно просил вести споры на основе научных понятий и фактов. На каждом заседании обычно был эксперт из числа преподавателей, научные интересы которых совпадали или были близки с дискуссионной темой. Часто на правах эксперта выступала заведующая кафедрой профессор А. В. Глухова. Доводилось и мне быть в этом качестве. Хорошо помню жаркую дискуссию о том, почему отменили день 7 ноября как праздничную дату, особо чтимую в течение многих десятилетий, и стали отмечать 4 ноября как праздничную дату (день Казанской Божьей матери по православному русскому календарю). И что было 7 ноября 1917 года и 4 ноября 1612 года, и когда на самом деле фактически польские войска стали уходить из Москвы, и почему и как они там оказались?

Молодой преподаватель Валентина Николаевна Новокщонова (в замужестве Лаврова) вела клуб «Интересное кино». Студенты могли с интересом и пользой для себя как культурных людей просматривать такие фильмы, которых давно не было на воронежских киноэкранах или их вообще не демонстрировали массовому зрителю.

Доцент Денис Владимирович Сосунов пробудил у нынешних студентов деятельный интерес к ораторскому искусству, культурной полемике, секретам эффективных политических дебатов. Проводятся общевузовские городские конкурсы ораторов. Наши студенты наблюдают по телевидению различные дебаты и дис-

куссии. Круглые столы, другие формы теледискуссий, проводимые даже таким талантливым и опытным журналистом, как В. Соловьёв, часто превращаются в базарный гвалт, в котором участники не хотят понять аргументов друг друга, подменяют проблемы и понятия, не ищут истину, а стремятся подавить других и продемонстрировать свою абсолютную непогрешимость, передергивают факты, не ведут дебаты, дискуссии, а судачат. Денис Владимирович почувствовал, что вдумчивая часть студентов такие дебаты, круглые столы, псевдодискуссии внутренне отвергают как бескультурные, бездарные, как способы манипулирования телезрителями и слушателями. Студенты стремятся и ищут культурные демократические способы ведения диспутов, дебатов и часто не находят их на телеэкранах, поневоле усваивая дурные манеры и методы. Как учёный и педагог Д. В. Сосунов решил помочь студентам овладеть искусством вести дебаты, дискуссии и открыть в себе талант публичного оратора. Своего времени и своего таланта Денис Владимирович не жалеет, терпеливо работая со студентами.

Доброй традицией социологического отделения стало ежегодно отмечать День социолога (14 ноября). У политологов такой профессиональной даты в календаре нет. Они с удовольствием примыкают к социологам. Дирижирует днём социолога доцент Ю. Б. Матюшина. После занятий, вечером в 217-й аудитории 8-го корпуса (по Московскому проспекту) проводится нечто вроде капустника: песни, самодельное кино из студенческой жизни, различные розыгрыши, танцевальные номера, небольшие скетчи и т. п. Скучно не бывает.

Однажды после тяжёлой лекции по политической социологии ко мне подошла студентка с неожиданной просьбой: почитать её стихи и высказать своё мнение. И протянула несколько листков. Во время длинного перерыва (20-минутного) стал читать. От первых строк одного я вздрогнул:

Мои спутники – слёзы людей,
В колыбелях несущих детей,
Потерявших свой вечный завет.
Раньше раем им был, ныне – бред.

Это были не обычные студенческие вирши. За этими четырьмя строками – сложные глубинные переживания. Над какой-то бедой, над пропастью. И сомнения в себе. В последующих строках автор не удержался на высоте первых 4-х, но и не упал. И кто-то предлагал «на чёрном коне»

По земле пролететь сквозь года.
Я ответила: нет.
Или: да?

Мне показалось, в этой девушке (4-й курс) что-то есть, ей самой не понятное. Решил послушать, как она читает свои стихи. И побеседовать. Не только о стихах

и поэзии. Беседа с чтением стихов состоялась с Екатериной Шишаевой через несколько дней.

Через некоторое время студентка-историк Елена Чеботарёва тоже попросила почитать её стихи. Стихи Елены поразили меня пронзительным отчаянием поколения молодёжи на роковом перегибе столетий, ищущем опоры в разломах жизни.

Помоги мне, мой Ангел, ладонь протяни –
Я увязла во тьме по колено,
Или вместе со мною во тьме утони
На изломе больных поколений.
…
Плачет небо дождями холодных ночей,
Слёзы лёгким становятся паром,
Даже с них свою плату возьмёт казначей,
Ведь ничто не обходится даром.

В стихах юной девушки сложные метафоры, многие почерпнуты из языческих верований, из древнескандинавских и древнегерманских мифов, суровая романтика.

Разорвано солнце клыками Фенрира,
Изранено небо железом оков,
За чащей хмельного последнего пира
Мы встретим с достоинством ГИБЕЛЬ БОГОВ!

Я цитирую стихи, написанные, кажется, на 2-м курсе, во всяком случае, со 2-го курса Елена мне их передала. Через метафоры и тяжёлую романтику древних мифов и легенд она пытается осмыслить современные реалии и найти выход из них. Читая стихи Елены Чеботарёвой, я вновь и вновь ставил себе вопрос и задумывался: а мы хорошо знаем своих студентов? И как, погружая их в мир современных наук, отвечать на их проблемы, постигать их переживания и душевно откликаться на них? Безнравственно протянутую молодым человеком руку оставлять в пустыне. Но у нынешней молодёжи, как и в прошлом, есть своя закрытость и не всегда её нужно и можно открыть. Даже золотым ключом.

Люди! Дайте от Вас закрыть
Мне свою душу! –

взмолилась студентка-политолог 2-го курса Александра Козинина. Мы часто потом с ней беседовали. Волевая девушка, умеющая собрать себя в трудные моменты.

Студенты несли и несли мне стихи. Большинство были обыденными. Но некоторые с неожиданным поворотом мыслей, свежестью чувств, необычностью метафор побуждали вновь и вновь их перечитывать и задумываться о сложном

душевном и духовном мире современного студента, его исканиях. Бывали и вычурные стихи, в которых слов было больше, чем мыслей. Некоторым студентам приходилось объяснять азы стихосложения и советовать лучше слушать музыку и вникать в философию русского языка. Студентов что-то радовало, что-то мучило, и им хотелось поэтически выразить и себя, и свои переживания. И не только выразить, но поделиться с другими своими открытиями, восторгами и огорчениями, своей болью, своими надеждами. Студенческая поэзия – это не просто увлечение молодости, нечто на обочине их дороги в жизнь через образование. Один молодой профессор на мой вопрос: «А не пишете ли Вы стихи?» ответил: «Не писал, не читал и не буду». Бедный человек. Студенческая поэзия – это часть духовного образования, становления личности, говоря старинным (увы!) языком, интеллигента. В студенческих стихах часто сбивчив ритм (очень трудно проникнуть в сердечный ритм времени и самого себя), рифмы примитивны, образы мутны, метафоры неудачны, но в них – биение молодых сердец, в них наше время с его смутами и откровениями, как его воспринимают и понимают идущие нам на смену. Мы часто в своём напряжённом профессорско-преподавательском труде и житейской суете не слышим биение этого сердца.

Я вспомнил стойкую университетскую традицию, зародившуюся в середине 50-х годов прошлого века и не угасшую, хотя и ослабевшую в первое десятилетие XXI века, – Дни поэзии (может быть, в конце своих мемуаров мне удастся о них написать несколько страниц). Вспомнил и подумал: а почему бы не учредить и не проводить День поэзии исторического факультета. Посоветовался с пишущими и стихами дышащими студентами. Идея им понравилась. По старой бюрократической традиции пошёл к декану истфака профессору Владимиру Николаевичу Глазьеву. Он пришёл в восторг и сказал: «Буду ходить на Дни поэзии. Стихов сам не пишу, но очень люблю».

К организации первого Дня поэзии истфака подключились энтузиасты. Студенты Екатерина Шишаева, Дарья Щеглова, лаборант кафедры Валентина Николаевна Новокшонова. Установили проводить истфаковский День поэзии ежегодно 7 апреля. Так совпало, что по православному календарю это Благовещенье. По традиции, помимо церковных особых служб, в этот день выпускали на волю птиц (обычно заранее пойманных ни в чём не повинных щеглов). И мы решили: символично будем выпускать на волю затомившиеся в тетрадках студенческие стихи. Первый День истфаковской поэзии мы провели 7 апреля 2006 года.

На первый День поэзии исторического факультета пришло 54 человека, из них выступили со своими стихами 15 человек. Среди слушателей, кроме студентов, декан исторического факультета профессор В. Н. Глазьев, заведующая кафедрой социологии и политологии А. В. Глухова. Я сделал краткий обзор поэзии родного университета, особо уделив внимание поэтам исторического факультета. Вспомнить и помянуть было кого. Более двадцати лет кафедрой древнего мира

заведовал видный учёный, участник Великой Отечественной войны Александр Иосифович Немировский. Крупный специалист по истории Древнего Рима, он написал несколько исторических романов и повестей, издал несколько сборников стихов, был членом Союза писателей Москвы. И до конца своих дней (умер в феврале 2007 года, на 88-м году) писал стихи. Часть их сохранилась у меня. В конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века на историко-филологическом факультете учился вместе со своими коллегами – греческими эмигрантами – скромный студент Георгис Веллас, потом лет двадцать, будучи доцентом, работал на кафедре древнего мира. И мало кто знал, что формируется и растёт талантливый поэт. Если мне не изменяет память, в 1990 году он вернулся на родину, в свою любимую Элладу. Там в полную силу раскрылся его талант крупного современного поэта Греции. Несколько его поэтических сборников издано в России. Он очень любил Россию, а Воронеж считал второй родиной.

Так как А. Немировский и Г. Веллас не могли прибыть на День поэзии истфака, я прочитал несколько их стихотворений. Я написал: «День поэзии», но фактически это был Вечер поэзии. Днём мы готовились. Ведущей поэтического вечера была Екатерина Шишаева, студентка политологического отделения. Неожиданно раскрылся её удивительный артистический талант. Вечер она вела свободно и вместе с тем сдержанно и корректно. О каждом выступающем она находила сказать что-то характерное. Среди читающих свои стихи были и преподаватели: доцент кафедры социологии и политологии Ольга Анатольевна Сиденко, профессор кафедры древнего мира Николай Петрович Писаревский. Ведущая Екатерина Шишаева пригласила и меня почитать свои стихи.

Поэтический вечер закончился чаепитием с пирогами и тортами, очень вкусно и красиво приготовленными Дарьей Щегловой, Екатериной Шишаевой и Валентиной Новокшоновой. По общим отзывам первый День поэзии исторического факультета прошёл удачно, по отзывам некоторых (отнюдь не организаторов) – замечательно. Декан факультета В. Н. Глазьев предложил издать стихи, прозвучавшие на Вечере. Мы собрали ещё несколько стихов, отобрали лучшие. В 2007 году Издательско-полиграфический центр ВГУ издал поэтический сборник «Время и ритмы: истфак поэтический». Его составители: В. С. Рахманин, В. Н. Новокшонова, Е. Л. Шишаева, Д. В. Щеглова. К сожалению, на обороте титульного листа книги фамилия Шишаевой искажена на Шимаеву. Это – мой недосмотр и вина перед Екатериной Шишаевой. Эстетически выразительное и символическое оформление талантливо выполнила Дарья Щеглова.

Ежегодно 7 апреля (иногда днём раньше, днём позже) на историческом факультете проводились поэтические вечера. Неизменно присутствовал и благодарно слушал своих студентов-поэтов декан профессор Владимир Николаевич Глазьев. Приходили с других факультетов, чаще всего с соседнего факультета международных отношений и с филологического. Всем желающим предоставля-

лась возможность поделиться своим талантом. Обсуждений никогда не было. Они были после в аудиториях, в коридорах, в общежитиях.

Дни поэзии истфака я смог проводить до 2013 года. Далее не мог: очень тяжело болела жена, и постоянно был в жёстком цейтноте. К сожалению, Дни поэзии истфака, в отличие от Дней поэзии ВГУ, прекратились. К сожалению, я не создал себе последователей-организаторов, а спонтанно сам никто не явился. Но обязательно появится. Клио и Муза – родные сёстры с античных времён.

Каждая кафедра по-своему так или иначе взаимодействует со студентами во внеучебное время. Кафедра социологии и политологии не исключение, хотя, наверное, и не инклюзив. В советское время внеучебные мероприятия преподавателей, кафедр, общественных организаций именовали воспитательной работой. Она планировалась, выделялись ответственные, проводились определённые мероприятия. В случае каких-либо неприятных эксцессов в поведении студентов говорили о недостатках воспитательной работы и строго спрашивали за них, особенно с членов КПСС. Но и сами преподаватели чувствовали свою научно-педагогическую и гражданскую ответственность за духовно-нравственное состояние студенческих групп, отдельных индивидов. Одни больше, другие меньше. Были и такие, которые отмахивались от воспитательной работы, говоря: «Это не моё дело, моё дело учить студентов», – и называлась какая-либо учебная дисциплина. Но таких было в университете единицы. Вряд ли я ошибаюсь в подсчёте. Широко и без особой рефлексии употреблялось понятие «учебно-воспитательный процесс».

В бурные 90-е годы на это понятие обрушились радикал-либералы, критически расценивая его как антидемократическое требование коммунистической идеологии, противоречащее свободе и студентов, и профессорско-преподавательского состава. Под видом деидеологизации высшего образования разрушалось понимание образования как единства профессионального, социокультурного и гражданского становления личности. На смену просветительским идеям гуманизации и гуманитаризации высшего образования (эти идеи доминировали в 70-х и отчасти в 80-х годах) пришли жёсткие почти концептуальные требования рыночного технократизма. Понятия «учебно-воспитательная работа», «учебно-воспитательный процесс», «воспитательная функция преподавателя» были выброшены из педагогического обихода или, во всяком случае, отправлены в исторический архив коммунистической идеологии. При этом новые управители высшего образования то ли сами себе не отдают отчёта, то ли вводят других в понятийные заблуждения, то ли забывают, но рыночный технократизм – это тоже идеология, которая формулирует свои цели, свои установки, свои воспитательные требования. В различных министерских наставлениях они формулируются как формирование профессиональной и социально-коммуникативной компетенции у будущих бакалавров и магистров. Бывший министр образования и науки А. Фурсенко в беседе с участниками молодёжного семинара на берегах красивого озера Селигер

выразился однозначно, говоря о роли высшей школы по отношению к молодёжи: готовить не творцов, на что ориентировалась советская высшая школа, а современных потребителей. Как говорится, кому ума не занимать… Ну не министру же. Между прочим, у бизнесменов прямо противоположные суждения о роли высшего образования. Их рыночный технократизм, как он выражается в требованиях к высшему образованию, ориентирован на деятельно-производственные установки, а не на потребительские.

В первых десятилетиях XXI века в образовательных и политических кругах стали прорываться ностальгические разговоры о необходимости восстановить воспитательную работу в вузах как функцию преподавателя, кафедральных коллективов, административных структур. Однако этому противоречит концептуальная трактовка высшего образования как разновидности социальных услуг в рыночной системе. Такое маркетинговое понимание, по сути дела, снимает понятие, да и саму проблему воспитания. Социальная услуга – это то, что заказчик, в чём-то нуждающийся, заказывает производителю услуг и за это платит.

Воспитание не социальная услуга. Маркетинговая концепция высшего образования искажает его гуманистическую сущность, редуцируя к разновидностям социальных услуг. Высшее образование – ведущий фактор социализации молодёжи, т. е. становления и развития социальности человека, Homo socialis во всех его трудовых, гражданских, нравственных, духовно-культурных, коммуникативных качествах, а не имморального Homo faber. Сведение, редукция высшего, как и всякого другого, образования к социальной профессиональной услуге опустошает его социокультурный, этический смысл и потенциально опасно разрушением гуманистической социальности, прорывом асоциальности.

Говоря социологическим языком, любая кафедра университета – это не только производитель социальной услуги – обучения студента профессии по соответствующему специальному направлению, – но и коллективный актор социализации и развития личности в соответствии с особенностями и требованиями общества. Сужение её деятельности к социальной услуге (как деятельности парикмахерской) не может в современных условиях обеспечить качественную подготовку ни бакалавра, ни магистра, ни специалиста вообще. Маркетинговая концепция ориентирует кафедру штамповать Homo faber, а не готовить полноценного Homo socialis. Эти две установки – на технократического Homo faber и на высококвалифицированного социоэтически развитого специалиста – реально противоборствуют в практике российского высшего образования. Первая освобождает совесть вузовского учёного-педагога, кафедру от заботы о социокультурном и этическом становлении личности молодого человека. Вторая не отстраняется от сложного процесса профессионального, нравственно-этического, социогуманитарного формирования и развития личности студента и побуждает учёного, педагога, кафедру к соответствующей деятельности, которую традиционно, хотя и несколько упро-

щённо именуют воспитательной работой. А на самом деле это создание условий для социально полноценного формирования личности, обладающей такой жизненной, трудовой, коммуникативной, духовной ценностью, как высшее образование.

Однако я опять несколько отошёл от мемуарного жанра, увлекшись размышлениями о проблемах в российском высшем образовании. К этим размышлениям меня подтолкнули воспоминания о взаимодействии родной мне кафедры со студентами во внеучебное время. Однако главная магистраль взаимодействия, включая и воспитательную, – учебный процесс и научно-исследовательская деятельность. Как бы ни важны, и даже необходимы, были дискуссионные клубы, Дни поэзии и другие полезные для студентов дела, кафедры создаются не для этого, а для профессионального обучения студентов, включения их в животворный поток знаний, научных исследований, профессиональной деятельности. Сами по себе объективно учебный процесс, научно-исследовательская работа таят в себе необходимость и потенциал воспитания и социализации. Результат зависит от того, как строят своё взаимодействие со студентами кафедра и студенты с кафедрой. В ходе погружения в мир знаний, в сферу профессиональных и социальных компетенций необходимо приучить студента к систематическому интеллектуальному труду, уважению к профессии, отвращению к халтуре, сформировать сложное чувство требовательности к самому себе, склонность и способность к профессиональной, этической, социокультурной, интеллектуальной саморефлексии, т. е. к критическому самоанализу. Особый смысл – индивидуальное и общественное – имеет воспитание профессиональной и социально-коммуникативной честности, порядочности. Профессиональная, не говоря уже о гражданской, совесть не менее важна в трудовой деятельности, чем профессиональные знания и умения.

За долгие десятилетия научно-педагогической работы и внутриуниверситетского общения мне приходилось наблюдать различные отношения своих коллег к студентам, к формированию, переживаниям, развитию различных их личностных типов. Остановлюсь на некоторых, как будто банальных, сюжетах и ситуациях. Одни преподаватели требовательны к себе и к тому, как студенты относятся к овладению знаниями. Они не позволят себе читать лекции кое-как, но и от студента требуют напряжённого познавательного труда, самостоятельной работы с учебниками, научной литературой.

Среди представителей старшего поколения кафедры строгими и корректными требованиями к тому, как и с какой основательностью студент овладевает знаниями, формирует научное мышление, отличались Г. В. Горченко, А. Н. Борискин, А. П. Дьяков, Н. Д. Тульнов. Они как преподаватели формировались в академической культуре советской высшей школы с её высокой – не на словах, а на деле – требовательностью к качеству подготовки специалистов, их научных знаний, практических умений и способностей. К этико-педагогическим позициям старшего по-

Конференция в честь юбилея исторического факультета. Рахманин с Тульновым и Дьяковым

коления в методической работе со студентами органически примыкало следующее поколение, которым довелось включаться в образовательный процесс в 90-х годах: Е. А. Оболонская, А. В. Гармонова, О. А. Сиденко. Более молодое поколение начинало свою научно-педагогическую работу в условиях непрерывных и сомнительных реформ высшего образования и снижения этико-педагогической и методической культуры преподавания и внимания к формированию и эволюции личности студента. Однако у немалой части молодого поколения преподавателей сохранились высокие академические требования к знаниям студентов. Мне глубоко импонировала основательность и рациональность экзаменационных требований Е. Б. Зюзиной, Д. В. Сосунова, А. А. Романовского, Р. В. Савенкова. За кое-какие знания студентов они не то что хороших оценок в зачётках не выставляют (чем славятся некоторые коллеги), но и за «тройку» порекомендуют основательно поработать.

Между прочим, талантливый педагог, лекции которого по всеобщей истории я имел счастье слушать, дважды бывший проректором по учебной работе, профессор Пётр Михайлович Гапонов настаивал в своё время держать золотой паритет оценки «удовлетворительно», а не «разменивать её на медный алтын» скудных знаний нерадивых студентов. Смысл такой подмены не только и даже не столько в том, что несправедливо завышается оценка знаний, а в том, что поощряется работа кое-как, нерадивость, студент не ориентируется на необходимое наращивание своего когнитивного и интеллектуального потенциала, расслабляются его волевые качества.

Хорошо бы воскресить педагогическую мудрость Петра Михайловича. В ней – один из секретов не только качественной подготовки специалистов, но воспитания личности студента в его собственных и общественных интересах. К сожалению, многие потеряли золотой паритет «тройки». В этом (но не только в этом!) таится инфляция высшего образования. И как бы это мне ни было неприятно признать, но, по моим наблюдениям, на гуманитарных и обществоведческих факультетах больше, чем на естественно-научных. В грех «инфляции тройки» впадали и некоторые мои коллеги по кафедре.

Второй проблемный сюжет – шпаргальный. Не знаю, было ли это «невинное зло» в дореволюционных российских университетах. Историки помалкивают. В советских университетах этот феномен имел место быть. Но он не был массовым, к тому же с ним боролись преподаватели, его пользователи осуждались комсомолом, да и технологии были примитивные. В последние полтора-два десятилетия в экзаменационных аудиториях куролесит эпидемия шпаргалок. Она охватывает (в зависимости от факультета и кафедры) от 10 до 30 % студентов. Усовершенствовались техника изготовления и технология использования шпаргалок. Ещё лет 25–30 тому назад шпаргалки ручным способом изготовлял экзаменующийся студент. Ныне в рыночных отношениях ушлые люди делают на этом коммерцию. Используя современную множительную технику, копируют кем-то когда-то написанную шпаргалку и продают. Цена, в зависимости от сложности учебной дисциплины, как мне рассказывали студенты в 2014 году, от 50 до 200 рублей. Специфическая контрафактная продукция, паразитирующая на невротических состояниях и нерадивости некоей категории студентов. Более того, некоторые издательства уже лет 10 издают (!) шпаргалки и сбывают их через книжные магазины. Я видел эту книгоиздательную продукцию в книжных магазинах фирмы «Амиталь» в Воронеже по многим наукам, гуманитарным и естественно-научным, замечал их и в аудиториях. Используется и личная электронная техника шпаргального сервиса в экзаменационной аудитории.

Эпидемия шпаргалок не случайна и отнюдь не безвредна. Она прежде всего – свидетельство формирующихся или уже сформировавшихся установок на нечистоплотную конкуренцию, ориентаций не на овладение знаниями, а на получение символа высшего образования, т. е. соответствующего диплома. Конечно, в ней проявляются и экзаменационные неврозы, которые преподаватель-экзаменатор обязан и должен уметь снять. Но вместе с тем эпидемия шпаргалок в неменьшей мере – свидетельство слабости экзаменационной методики, неумения выявить шпаргальный исток ответа студента, да и экзаменационного попустительства преподавателя, а также кафедры.

Не хочу быть категоричным, но студенческая шпаргалка может быть началом становления синдрома нечистоплотной конкурентоспособности в жизненных состязательных ситуациях и процессах. А воспитывать, формировать высокоэтичную конкурентоспособность – ой как нужно в нынешней России и для будущей России.

Главными акторами, формирующими знания и компетентность будущих специалистов, их профессиональную и социальную конкурентоспособность, культуру мышления и отношения к окружающему миру и к самому себе, являются личность преподавателя, качество его научно-педагогической деятельности и отношения к ней, состав кафедрального коллектива и взаимоотношения в нём. Министерство образования и науки более или менее периодически (но всегда с опозданием и не всегда достаточно качественно) утверждает государственные стандарты высшего образования по всем его специальностям и направлениям. Это очень важно и необходимо. Особенно при таком обилии и статусном многообразии высших учебных заведений, как у нас, в России. Университеты, академии, вузы, факультеты разрабатывают, принимают учебные планы по тем направлениям подготовки бакалавров, магистрантов, специалистов, по которым имеют соответствующую аккредитацию. В свою очередь, кафедры составляют программы преподавания закреплённых за ними учебных дисциплин, а каждый преподаватель составляет свою рабочую программу преподавания своей дисциплины, сопряжённой с преподаванием других учебных дисциплин другими кафедральными коллегами. Бумаг, времени, труда на эти действительно необходимые документы уходит много. Мне даже тоскливо становится от занудливого перечисления методических документальных процедур. Но это ещё не всё. В любом вузе существуют различные управления, отделы, департаменты управления образовательными программами, учебным процессом, качеством преподавания и т. д. и т. п. Но в конечном итоге и фактически качество подготовки специалистов зависит от научно-педагогического состава кафедры, личности преподавателя, постановки и качества методической работы, педагогической культуры, творческой продуктивности научных исследований кафедрального коллектива. Кафедра социологии и политологии всегда стремилась к обеспечению студентов учебниками, методическими пособиями. Через библиотеку заказывали разнообразные учебники и пособия. Обеспеченность ими студентов была довольно высокой. Ответственность за это несла методист Юлия Фёдоровна Гребенникова. Ещё в 1994 году кафедра издала своё учебное пособие «Социология. Курс лекций» (с грифом Министерства образования). На основе накопленного методического опыта и с учётом достижений социологической науки в 2014 году было издано новое пособие «Социология. Курс лекций». Оно не повторяло первого. Для политологов в 2002 году впервые в России было издано учебное пособие (18,5 печ. л.) «Политическая конфликтология» (А. В. Глухова, В. С. Рахманин) для студентов политологических специальностей. Оно получило благоприятное признание политологической общественности университетов. Впервые в России было издано учебное пособие «История и теория демократии», подготовленное профессором А. В. Глуховой (2013 год) на основе курса лекций, который она поставила и ведёт более 15 лет. И тоже впервые в российских университетах. Ценным явилось и учебное пособие «Политические процессы», подготовленное и изданное профессором А. В. Глуховой. Доцент

С. М. Калашникова подготовила добротное учебно-методическое пособие для изучения студентами-социологами истории русской социологии. Книгоиздательство ВГУ выпустило оригинальные учебные пособия Е. Ю. Красовой «Этносы в социальном пространстве современного общества» (2010 год), «Политика и психология: точки соприкосновения» (2013 год). Многие преподаватели издавали методические пособия (тексты лекций) по отдельным темам своих курсов. Издавали во времена ректорства И. И. Борисова и проректора С. А. Запрягаева за свой счёт с неполной компенсацией впоследствии. В помощь студентам издавались методические пособия для работы над курсовыми и дипломными проектами. Эти издания (небольшие брошюры в 1,5–2 печатных листа) рекомендовали рациональные способы самостоятельной работы, ориентировали на культуру литературного, библиографического оформления студентами своих опусов. Честно говоря, многие студенты эти методические рекомендации или не читали, или плохо усваивали. Приходилось каждый раз непосредственно в рабочем процессе разъяснять азбучные правила. Ретиво относилась к оформлению научного аппарата, библиографии, сносок, цитат в дипломных работах доцент С. М. Калашникова. Но некоторые коллеги не обращали на это почти никакого внимания или сами грешили против оформительских стандартов.

На заседаниях кафедры часто обсуждались вопросы самостоятельной работы студентов над учебными материалами, научной литературой, использования интернет-ресурсов. Условия для неё стали не только лучше, но постоянно совершенствуются. Но склонность нынешних студентов к самостоятельной работе, по-моему, стала слабее, чем 25–30 лет тому назад. В университете хорошие читальные залы по оснащению литературой, компьютерной техникой, мебелью, освещением. В них удобно работать. Однако они полупустые. Даже в горячие экзаменационные недели. И не потому, что хороших читальных залов у нас несколько. Всё же, наверное, мы, преподаватели, недостаточно воспитываем, формируем установку на постоянный, систематический интеллектуальный труд, внутреннюю потребность в нём как ведущем факторе социального и профессионального становления, развития и достойного самостояния личности.

Научно-педагогическая работа в вузе объективно требует постоянной работы преподавателя над собой. Во-первых, необходимо наращивание своего научного потенциала и методов его практической отдачи и в научных исследованиях, и в учебном процессе. В отличие от учёного, занятого в академическом исследовательском институте, лаборатории, который может сконцентрировать свои знания и акцентировать свой талант на какой-либо важной проблеме, вузовский учёный-преподаватель должен систематически отслеживать всё, что происходит в той науке, которую он ведёт в учебном процессе: её достижения, проблемы, столкновение концепций, прогресс исследовательских методов, техники, движение научных школ, сообществ и т. п. В противном случае он не сможет обеспечить преподавание «своей» науки в дискурсе её понятий, теорий, проблем

и достижений. Быть в курсе преподаваемой науки предполагает систематическое знакомство с научными монографиями, научной периодикой. В последние десятилетия возникли определённые трудности. Издавать научную литературу стали больше (хотя тиражи на порядок стали меньше), больше стало научных журналов. Но финансовые ресурсы у абсолютного большинства профессорско-преподавательского состава весьма скудные. Есть спасительный Интернет. Но необходима целенаправленная и компетентная работа с его ресурсами. Однако приходится признать, что не все преподаватели работают над пополнением и модернизацией своего когнитивного и креативного потенциала. И на моей родной кафедре есть преподаватели, в лекциях которых не отражается проблемное и концептуальное движение науки. Далеко не всегда помогают различные институты, факультеты, курсы по повышению квалификации и переподготовке профессорско-преподавательского состава. На кафедрах должна формироваться внутриколлективная атмосфера взыскательного отношения каждого преподавателя к состоянию и наращиванию своего научного потенциала и расширению горизонтов научного мышления.

Во-вторых, постоянная работа университетского учёного-педагога включает в себя систематическое совершенствование методологии и методики (технологии) преподавания и научных исследований. Каждое новое поколение студентов имеет свою специфику мышления, свой объём и структуру доуниверситетских знаний, интеллектуальный потенциал, способности восприятия и жизненные ориентации и т. п. Конечно, есть общие исторические каноны. Ими нельзя пренебрегать. Но важно учитывать и специфику студенческого поколения. У опытного и внимательного преподавателя на это уходит недели три, иногда и больше, общения с теми студенческими группами, лекционными потоками, с которыми он начинает работать, вслушиваясь в то, как они воспринимают лекции, методические рекомендации, выполняют учебные задания. Важно ознакомиться с показателями академических успехов студентов по другим учебным предметам, с суждениями своих кафедральных и факультетских коллег. У меня давно и как-то интуитивно сложился способ «испытания» студентов, с которыми начинаю работать, на уровень интеллекта и восприятия новых знаний. Этот способ сам для себя я нарёк «пять кругов интеллектуального восхождения». Те курсы, которые я вёл: «Политическая философия», «Современная западная социология», «Социальная антропология» и др., позволяли такое восхождение. Но думаю, что метод интеллектуального восхождения применим в преподавании других – естественно-научных, гуманитарных и обществоведческих – учебных дисциплин. Да, наверняка, и применяется с учётом специфики соответствующих наук.

Условно, для себя, я определил пять кругов интеллектуального восхождения так:

– *первый круг – описательный*. Он не требует большого напряжения умственных способностей студентов;

– *второй круг – теоретико-объяснительный*. Предполагает разъяснение и уяснение понятийно-категориального аппарата и методологии изучаемой научной дисциплины, той или иной темы в логике учебной программы. В середине 60-х годов прошлого века в Варшаве мне довелось встретиться с выдающимся польским социологом Яном Щепаньским. У него в то время вышла в свет книга «Элементарные понятия социологии». Он подарил мне её со своим автографом. Кажется, годом позже она была издана и на русском языке, а потом лет через 30 издали второй раз. На книге нет титульного обозначения «учебник» или «учебное пособие», но она – методический образец работы со студентами, по моей классификации, на втором круге интеллектуального восхождения в работе со студентами;

– *третий круг – проблемно-аналитический*. Переход на него возможен только на основе упрочения знаний и мышления студентов на втором круге, т. е. на основе усвоения ими понятийно-категориального аппарата и методологии изучаемой науки, её раздела, программной темы. На этом круге анализируются конкретные проблемы науки или явления, процессы объективной реальности. Возрастают требования к интеллектуальному труду, способностям размышлять, к познавательной заинтересованности студента;

– *четвёртый круг – теоретико-концептуальный*. Предполагает (в моём методическом размышлении) формирование системно-концептуального мышления, интеллектуальной способности научно-концептуально осмысливать объективные реалии в системе понятий, категорий, концепций изучаемой науки. В преподавании чаще всего акцентируют внимание на передачу студентам знаний, научной информации. Но главное – научить, воспитать студентов научно мыслить, а не довольствоваться научными сведениями, кем-то когда-то добытыми и как-то систематизированными. Не все студенты выходят, интеллектуально поднимаются на этот круг. Но педагог-учёный должен ориентировать и себя в методике преподавания, и студентов, всемерно помогая им, восходить на этот интеллектуальный круг, формируя теоретико-методологическую и праксиологическую культуру мышления и труда будущего специалиста;

– *пятый круг интеллектуального восхождения – парадигмальный дискурс методологии и концепций* изучаемой науки, ориентация на диалектику её движения от факта к теории, от теории к факту, прививка антидогматического инновационного научного мышления. Любая наука, как и человеческая жизнь, идёт вперёд, периодически преодолевая себя, т. е. достигнутый уровень и объём знаний, тип методологии, идёт через противоречия, которые неправомерно сводить к конфликтам научных школ, тем более личностей, чем изобилует история любой науки. Конфликты школ в науке – это превратные субъективные отражения объективных противоречий в эпистемологическом движении науки, которые часто её сдерживают и которые она в конце концов снимает, преодолевает. Примером дискурсивно-парадигмального построения истории западной социологии для социологов, с

моей точки зрения, является учебник С. А. Кравченко «Социология: парадигмы через призму социологического воображения» (несколько изданий). Но учебник, даже превосходный, не может в некоторых отношениях заменить лекции. Автор не может мониторить, как его текст воспринимает и понимает студент. Лектор имеет реальную возможность разными способами наблюдать, выявлять, как движется (или застыл) интеллект студента. Он может и должен корректировать свою методику подачи материала. Мне часто приходилось в ходе одной лекции по программной теме, а тем более переходя от одной темы к другой, корректировать методику, если чувствовал, что студенты, образно говоря, освоили «третий интеллектуальный круг», устойчиво владеют аналитическими методами и понятиями изучаемой науки и, следовательно, могут восходить на теоретико-концептуальный. Приходилось иногда возвращаться к методике второго – теоретико-объяснительного – круга, если чувствовал, что интеллект студентов пока затрудняется справляться с теоретико-концептуальным изложением, подачей лекционной темы. Откровенно говоря, далеко не всегда удавалось вместе со студентами подниматься на пятый – дискурсивно-парадигмальный – круг развития интеллекта и когнитивной эрудиции студентов. На уровне бакалавриата это вообще почти невозможно, во всяком случае, мне редко удавалось. Мне только однажды (по жизненным семейным обстоятельствам) довелось поработать с магистрами-политологами по курсу «Политическая философия». С ними удалось. Однако не со всеми. В группе были студенты, обучавшиеся ранее политологическим наукам (специалист или бакалавр) и пришедшие с других специальностей. Первые хорошо воспринимали дискурсионно-парадигмальную подачу материала и активно самостоятельно работали и дискутировали в её методологии. Вторые, не имеющие специальной политологической подготовки, затруднялись. Любопытно было наблюдать, как студенты, которым я раньше читал двухсеместровый курс «Политическая философия», объясняли вторым исходные теоретические понятия и методологические принципы политических наук.

Одна из существенных особенностей преподавания общественных наук заключается в том, что оно так или иначе обращено к социальным процессам (в широком смысле этого слова) человеческого бытия и существования. Кафедра социологии и политологии ведёт большое количество разнообразных курсов, которые не могут не затрагивать актуальных социальных, политических, да и нравственных разномасштабных проблем, по которым сталкиваются интересы, кипят страсти, волнуется общественное мнение, возникают и распадаются идеологии. Люди сталкиваются в социальных, политических, религиозных, этнонациональных конфликтах, несущих в себе угрозу силовых столкновений, которые, становясь реальностью, несут гибель тысячам и миллионам людей. Некоторые представители естественных и технических наук полагают, будто общественные науки – это комментирование текущих событий и их истолкование в системе какой-ли-

бо идеологии. Такая интерпретация преподавания общественных наук далека от истины, хотя конъюнктурно-комментаторские грехи у обществоведов бывали и есть. Они не могут заменить науку. Главное в преподавании любой общественной науки – формирование профессионального научного мышления, как и в преподавании любой другой науки: от математики до астрономии. Но объект научного познания у общественных наук сложнее, чем в любой другой науке. У них есть свои онтологические, эпистемологические и праксиологические особенности.

Однако перед преподавателем социологических и политических наук всегда стоит с большей или меньшей остротой вопрос отклика на современные проблемы. И ответ на них нужно и должно дать только с научных позиций. В своё время (конец XIX – начало XX века) выдающийся немецкий социолог, политолог, культуролог Макс Вебер, входя в студенческую аудиторию, говорил так (цитирую по памяти): «Я политикой в студенческой аудитории не занимаюсь. Мы будем с вами её изучать». Мудрая позиция учёного. Ведя такие курсы, как «Политическая философия», «Политическая социология», «Политическая антропология» и др., я стремился следовать веберовской заповеди.

Кафедра социологии и политологии всегда активно и плодотворно вела и ведёт научные исследования. В центре её творческого внимания – социально-политические процессы в современной России и мире, социальные проблемы молодёжи, социология высшего образования. В последние годы моей работы в университете (вторая половина второго десятилетия XXI века) я сосредоточился на

Кафедра социологии и политологии. 2010 год

исследовании исторической динамики идентичности России, её идентификационных поисках в XX веке и в постсоветское время. Начал работу, но не завершил, по острой и сложной проблеме культуры политического властвования, выделяя особо её интеллектуальные, этические, коммуникативные, методологические и праксиологические аспекты, взаимосвязи культуры политической власти с социокультурным состоянием, методическим опытом и политическим сознанием широких социальных масс, культуры и ориентаций политического класса и политического истеблишмента, властвующей элиты. Удалось опубликовать несколько статей, выступить на нескольких научных конференциях. Жизненные обстоятельства пока не позволяли мне завершить это исследование. Но, может быть, удастся продолжить и закончить, будучи в пенсионном статусе.

Среди кафедральных научных работ первой половины второго десятилетия XXI века (годы, предшествующие моему превращению в неработающего пенсионера) я позволю себе выделить монографии: «Социально-политические процессы в современной России (региональный аспект)» (2011 год), «Модернизационный потенциал Воронежской области» (2012 год), «Социокультурные основания политической модернизации современной России (региональный аспект)» (2015 год). Значимо выделяется большая (почти 26 печ. л.) монография А. В. Глуховой «Постижение непостижимого (российская политика 2000-х годов в контексте глобальных и региональных процессов)» (2014 год). Заголовок несколько кокетливо заманчив, но монография обстоятельная. Александра Викторовна, один из ведущих политконфликтологов страны, напряжённо работала над ней несколько лет.

Сотрудники кафедры регулярно публикуют свои научные изыскания в центральных научных журналах, в «Вестниках» различных университетов России, прежде всего в «Вестниках Воронежского государственного университета». Ежегодно сотрудники кафедры активно (с докладами и сообщениями) участвуют в десятках региональных, общероссийских и международных научных конференций. На историческом факультете, в состав которого входит кафедра социологии и политологии, давно сложилась традиция ежегодных (в феврале) региональных (по ЦЧО) научных конференций и, по сути дела, со сквозной тематикой «Власть и общество» (каждая конференция имеет свою тему, вариативную сквозной). Участвуют вузовские историки, социологи, политологи различных Центрально-Чернозёмных областей, а иногда и сопредельных. Наряду с историческими секциями выделяются социологическая и политологическая. Мне поручалось руководство социологической. Она протекала в острых дискуссиях. Большинство сотрудников кафедры участвовало в таких конференциях. По итогам каждой из них ежегодно издавались довольно объёмные материалы.

На одной из таких конференций «Власть и народ в условиях войн и социальных конфликтов» (2 февраля 2010 года) во время работы социологической секции я написал стихотворный обзор-отчёт (его опубликовали в материалах конференции):

Социологи, историки
С политологами всласть
Очень даже мило спорили:
Как живут народ и власть.
Все докладчики в ударе;
Каждый кроет в свою масть:
Или власть народ мытарит,
Иль народ мытарит власть.
На кресте ль судьбы распяты,
Иль заела суета,
Иль народ неадекватен,
Или власть совсем не та?
Почему при нашей прыти
Смуты, кризис, кутерьма?
Или ум наш в дефиците,
Или – горе от ума?
Под благим присмотром Бога
Мы проходим сквозь века.
Иль по путанным дорогам
Водит чёртова рука?
Мы душой с Россией слиты.
Свет учёный не померк.
Разрешим мы все конфликты
После дождичка в четверг.
Не напрасно силы тратим.
И над пропастью во ржи
Честно я скажу, ребята:
Хорошо в России жить.

02.02.2010

Конечно, не все сотрудники кафедры с напряжённой интенсивностью и высокой продуктивностью вели научные исследования, публиковали результаты в различных изданиях и делали доклады на конференциях. Некоторые публиковали результаты научных изысканий от случая к случаю, немало было и мелкотемья, и методологического худосочья. Во времена ректорства Д. А. Ендовицкого и проректора по научной работе В. Н. Попова начала складываться практика (далеко ещё не система) стимулирования интенсивности и продуктивности научных исследований. Стало больше многообразных грантов, которые, несмотря на сложное бюрократическое оформление заявок на них и отчётов по ним, многим учёным удаётся получить по конкурсу. Получала и кафедра, получал и я, и другие сотрудники кафедры. Замечу, между прочим: интенсивность, продуктивность,

качество учебно-методической работы практически не стимулируется, а она занимает бóльшую часть времени преподавателя. Иногда до 75 % годового бюджета рабочего времени и, во всяком случае, не менее 60 %.

Правительственные чиновники хронически упрекают вузовских учёных в том, что их научная работа менее продуктивна, чем в западных университетах, особенно в США. Так называемый индекс цитирования у американских профессоров выше. Кстати, этот индекс отнюдь не отражает адекватно ни качество результатов научных исследований, ни даже их продуктивность; это показатель публичной известности публикаций, что, конечно, важно, но абсолютизировать его нельзя. Больше в американских университетах лауреатов различных международных премий – Нобелевских и других. Однако нашим верховным чиновникам (кстати, во многих западных странах эффективность аналогичных должностных лиц заметно выше, чем наших, но об этом помалкивают) или невдомёк (что вряд ли), или они умышленно обходят общественный факт: в университетах США педагогическая работа по времени в 2,5–3 раза меньше, чем у нас. Там учёный в университете главным образом занят научной работой. Педагогическая работа – это как бы дополнение к научной, прикладная сфера научных исследований. Что касается финансирования, то, по сведениям академика Абела Аганбегяна[1], в 2014 году годовой бюджет Гарвардского университета (США) составил 7 млрд долларов при численности студентов 15 тысяч; на всю фундаментальную науку в России в том году было выделено почти в четыре раза меньше – 1,8 млрд долларов. Совокупный бюджет Воронежского государственного университета в 2014 году составил в долларовом исчислении около 7 млн долларов, т. е. в 1000 раз меньше, чем в Гарвардском[2]. В 2015 году субсидии на выполнение государственного задания, т. е. поступления из госбюджета, сократились на 2,9 % (в рублёвом исчислении). Понятное дело, что не только в Гарварде (это ведущий университет США), но и практически в любом университете США техническая и технологическая оснащённость образовательного процесса, но прежде всего научных исследований, намного выше, чем у нас, не говоря уже о заработной плате профессорско-преподавательского состава.

Я был и остаюсь патриотом российского высшего образования. Оно ещё не утратило всех своих традиционных достоинств и ценностей, несмотря на «реформаторские» усилия министров типа Фурсенко и Ливанова. Оно держится энергией, талантом, самоотверженностью профессорско-преподавательского состава. Но в западных университетах, во всяком случае тех, в которых мне удалось побывать, условия педагогического и научного труда намного лучше. В условиях перехода к новому технологическому укладу, к «экономике знаний» нам предстоит догонять западные университеты, но для этого необходимо демократично и научными ме-

[1] См: *Аганбегян А.* Капитал мозга // Аргументы и факты. 2016. 13–19 июля. С. 11.

[2] См.: Годовой отчет ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» за 2015 год. С. 260.

тодами скорректировать мозговую деятельность власть имущих. Когда-нибудь это произойдёт. Чем раньше, тем лучше.

Несколько раз в своих, так сказать, мемуарах я писал, что кафедра – живой и деятельный организм. А поскольку это так, то ни один из кафедральных коллективов не обходится без межличных трений, столкновений, расхождений во мнениях, без конфликтов. Моя родная не исключение. Как-то встретил сотрудницу, доцента одной из кафедр физического факультета, знакомую мне со студенческих лет. Она сказала: «Про Вашу кафедру говорят, что она очень дружная, а мы все переругались». Шутливо я ответил: «На моей кафедре не может быть иначе: ведь я долго, 38 лет, заведовал ею». В шутку, и только в шутку, сказал неправду. Да и знакомая мне, думаю, эмоционально излишне заострила оценку атмосферы на своей кафедре. Столкновения на нашей кафедре были. Главный вопрос – из-за чего возникают конфликты и как их регулировать, снимать или предупреждать. Причины бывают разные. Прежде всего, отношение разных сотрудников к делу, функциональное поведение в главных сегментах деятельности кафедры: в учебно-методическом и научно-исследовательском. Но существенно могут сказываться и сугубо личные мотивы, недостатки культуры общения, экспрессивная амбициозность, повышенная раздражительность.

Не хочу вспоминать общекафедральные и межличностные конфликтные истории. Для меня они ушли в прошлое, как, думаю, и для других, и для коллектива в целом. Отмечу только, «исторической правды ради», что мне приходилось конфликтовать с некоторыми коллегами и в статусе заведующего кафедрой, и после. Я никогда не переносил «личностные трения» на деловые отношения и, наоборот, деловые конфликты на личностные отношения. Во всяком случае, мне так казалось и хотелось. В служебных отношениях нравственно и психологически важно различать личностное и общественное. Чем строже и неукоснительнее, тем лучше и для дела, и для самочувствия. Довелось конфликтовать и с профессором А. В. Глуховой. Но не в то время, когда я заведовал кафедрой, а после, когда она стала моим кафедральным «начальником», т. е. стала заведующей кафедрой. Конфликт острый и затяжной, иррациональный по своей природе, о чём я, к сожалению, поздно догадался. Но когда уяснил кое-что, сказал Александре Викторовне: «Как хотите, но я с Вами далее ссориться не буду, наши ссоры контрпродуктивны для кафедры, для меня, да и для Вас». Наладились добрые творческие отношения ко взаимному удовлетворению.

Но до конца моей работы на кафедре меня крайне беспокоило положение дел и отношений в секции социологов. В ней постоянный конфликтогенный зудёж мешал творческой работе. Неправомерная амбициозность некоторых создавала отнюдь не плодотворные отношения. До сих пор после ухода «на пенсионный диван» чувствую свою вину за то, что поздно заметил неблагополучие в социологической секции и не смог помочь кафедре оздоровить обстановку.

В целом кафедра социологии и политологии работала дружно и плодотворно, несмотря ни на какие внутренние или внешние осложнения. В 2014 году кафедральному коллективу исполнилось 50 лет. Характерно, что на всём полувековом пути сотрудники кафедры (а персональный состав её, конечно, менялся) воспринимали себя как единое целое, несмотря на изменение наименования, состава, преподаваемых учебных дисциплин. С 1964-го до начала 1990 года была кафедра научного коммунизма. Трансформация России и её высшей школы опустила то, что гордо называлось научным коммунизмом, на дно истории. Возникла необходимость преподавать социологию и политологию. Эти курсы в Воронежском государственном университете начал вести научно-педагогический коллектив, объединённый преобразованной кафедрой научного коммунизма. Нужно было создавать новую кафедру, даже две: кафедру социологии и кафедру политологии – и забыть кафедру научного коммунизма. Но она была преобразована в новую – в кафедру социологии и политологии. Это стало возможным потому, что кафедральный коллектив и в 60–80-е годы вёл научные исследования социально-политических проблем и процессов, т. е. «по ведомству» социологии и политологии, а с середины 60-х годов кафедра вела факультативные курсы по социологии. Характерно, что в 2014 году не возникало споров о том, а какой юбилей мы будем отмечать: 50-летний, включая 27 лет научного коммунизма, или, подождав 2 года, отметить в 2016 году четвертьвековой юбилей собственно кафедры социологии и политологии. Научно-педагогический коллектив воспринимал себя как единое полвека существующее кафедральное сообщество.

Характерно и другое. Преобразование кафедры научного коммунизма в кафедру социологии и политологии первоначально предполагало раздел в будущем на две самостоятельные кафедры социологии и политологии, когда завершится первый пятилетний цикл преподавания новых дисциплин и начнётся профессиональная подготовка студентов по новым специальностям. Годы шли, подготовка по новым специальностям ведётся, штатный состав кафедры вырос почти в три раза (за время с начала 90-х годов), а кафедральный коллектив не делится, остаётся единым. Что-то его сцементировало. Не только учебный процесс и научные исследования. Мода дележа одной кафедры на две (обычное явление во многих вузах и на факультетах ВГУ) не соблазняет коллективное сообщество социологии и политологии ВГУ.

Итак, в мае 2014 года – полувековой юбилей кафедры социологии и политологии. В небольшом красочном буклете так и написано: «Кафедра социологии и политологии существует с 1964 года». Историческая некорректность. С 1964 года сложилось и крепко держалось на кафедре научного коммунизма то ядро научно-педагогического коллектива, которое, эволюционируя и не распадаясь, положило начало существованию и динамичному развитию кафедры социологии и политологии. Я счастлив, что был, трудился в этом ядре, переживая все его превращения.

Полувековой юбилей решили отметить прежде всего научно-практической конференцией всероссийского статуса и масштаба. Тема конференции была акту-

альна и привлекательна: «Социально-политические вызовы современности: повестка дня, стратегия и тенденция». Приехали и выступили с докладами видные учёные из Московского, Волгоградского, Приволжского федерального (Казань), Санкт-Петербургского, Курского, Кубанского университетов и других вузов, а также из Института социологии РАН, Института проблем передачи информации РАН, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Выступили 11 членов юбилейной кафедры и 1 студент Куманичкин Павел, который удивил маститых коллег глубиной анализа и подачи своего доклада «Феномен Евромайдана: предпосылки, генезис, перспективы».

Кроме пленарного заседания (от кафедры на нём с докладом выступила профессор, заведующая кафедрой А. В. Глухова), на котором были заслушаны 5 интересных докладов гостей, работали две секции: «Вызовы современности: социологический взгляд» (8 докладов) и «Политические вызовы современности» (9 докладов). Я выступил на первой секции «Вызовы современности: социологический взгляд» с докладом «Кризис социального интеллекта как фаза истории».

И пленарное заседание, и в особенности секции прошли довольно бурно, дискуссионно. После конференции, конечно, был замечательный банкет. Гости очень высоко оценили деятельность кафедры и в подготовке специалистов, но более всего – плодотворную научно-исследовательскую работу по социально-политическим проблемам современности. Гостям была предложена экскурсия в тури-

Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-политические вызовы современности: повестка дня, стратегии и тенденции». г. Воронеж, 23 мая 2014 года

стическую реликвию Воронежской области – замок принцессы Ольденбургской в Рамони, а также по г. Воронежу. Все были довольны.

Конференция была проведена при финансовой поддержке правительства Воронежской области и строительной кампании ИНСТЕП. Большую и удивительную для меня изобретательность и энергию в поисках источников финансирования и собирании необходимых средств для юбилея проявила Александра Викторовна Глухова, заведующая кафедрой.

Последние годы мне крайне трудно стало работать. Летом 2012 года у моей жены Галины случился инсульт на почве ишемии мозга. Ишемией Галя страдала давно. Но всё накапливалось. 18 июля во время обеда (мы были с ней вдвоём, сын Олег был на работе) я подхватил её падающей на пол. Вызвал «скорую помощь», прибежал Олег. Инсульт был левосторонний. Паралич правой стороны, обездвиживание, потеря речи. Но, судя по глазам, Галя была в сознании, крепко держала мою руку. Врачи что-то предприняли, но отправлять в больницу не стали, да и Галя была против. Часа через два вызвали вторую «скорую». Тот же результат. Вечером приехала третья. Врач старый, но крепкий, сделал какой-то укол. Галя уснула. И – в больницу скорой медицинской помощи (БСМП). Врач сказал: «Если у Вас есть какие-то связи с БСМП, срочно обратитесь к ним. А Вам остаётся Богу молиться и слёзы лить». Позвонил В. С. Листенгартену (у него кто-то из близких профессоров работал в БСМП, кажется. Оказалось не так). Но во время моего звонка ему он ехал в машине с ректором Дмитрием Александровичем Ендовицким. Ректор спросил, в чём дело, и тут же из машины созвонился с главным врачом БСМП и попросил сделать всё возможное. Позвонил Брониславу Яковлевичу Табачникову: у него обширные связи в различных кругах («социальный капитал»). Бронислав связался с областным медицинским руководителем, тот позвонил мне и, выразив готовность помочь, заверил, что всё возможное будет сделано.

Галя пролежала в БСМП 12 дней. Положительных сдвигов не наблюдалось. В конце июля Олег забрал её из БСМП. Подключили 15-ю поликлинику для домашнего лечения. Но необходим был уход за Галей сиделок. Олег договорился с тремя сиделками, которые обихаживали Галю в больнице. Договорились о ежедневном 6-часовом дежурстве. Сиделки оказались квалифицированными и добросовестными. Оплата – 100 рублей в час. Наладили питание, вначале детским; потом я стал специально готовить для Гали. Через некоторое время позвонил Б. Я. Табачников и сказал, что вернулась из отпуска врач, почти 12 лет пользовавшая его жену Аллу Александровну, у которой был левосторонний инсульт, и врач Ирина Владимировна подняла её на ноги и частично восстановила речь. Мы с Олегом враз согласились принять помощь квалифицированного специалиста. Ирина Владимировна пришла, осмотрела, согласилась с диагнозом и назначениями врачей БСМП и назначила дополнительные лекарства. Спросила, выдержим ли мы по финансам закупку дорогостоящих лекарств. «Выдержим во что бы то ни стало», – ответили.

Началась борьба за выздоровление Гали в домашних условиях. Сиделки работали чётко и профессионально. Из 15-й поликлиники по назначению врачей пришла медсестра делать инъекции внутривенные и внутримышечные. Сделала, ушла. Сиделки сказали: «Это мы можем делать». Олег составил расписание времени, последовательности и способов приёма лекарств. Сиделки строго выполняли все предписания.

Приближался сентябрь, начало нового 2012/13 учебного года. Надо было решать, как быть: бросить работу или попытаться как-то иначе выстроить режим. Друзья были против ухода с работы. Заведующая кафедрой А. В. Глухова и декан исторического факультета пошли мне навстречу, чтобы составить расписание занятости в учебном процессе. Режим выстроился так: сиделка приходит в 11, я тут же уезжаю на лекции; не позже 16:00 я должен уезжать с факультета, чтобы к 17:00 быть дома: дежурство сиделки заканчивалось в 17. И так каждый день, кроме, естественно, воскресенья. Я жёстко вошёл в режим. Но иногда, зимой, подводил транспорт. Одиннадцать автобусных остановок. При нормальном движении через 25–30 минут я уже был на кафедре и – в аудиторию к студентам. Иногда дома удавалось выкроить полтора-два часа для того, чтобы что-то написать. Но продуктивность научной работы упала, хотя энтузиазма и замыслов не убывало. Сон стал короче.

Каждый вечер, сделав массаж правой, парализованной, руки Гале, я часа два-три ей что-нибудь читал. Потом минут 40 рассказывал, как мы с ней жили, пытаясь этим возбудить память, мышление. Иногда появлялись признаки положительных сдвигов в её глазах, взглядах. Месяца четыре она могла крепко ухватить левой рукой мою и руку того, кто пришёл навестить. Потом и этот жест исчез. Кушала нормально. Специально для неё готовил то, что можно, и то, что она любила. Шли недели и месяцы. Врач приходила по приглашению ежемесячно. Иногда менялись лекарства, инъекции, таблетки. Улучшений не было. Стабильно тяжёлое положение. По поведению врача Ирины Владимировны было заметно, что она на сдвиги в лучшую сторону надежд питает мало. А мы с Олегом ловили каждый проблеск в глазах Гали, каждое подобие улыбки; нам казалось, что поворот на медленное выздоровление произойдёт. Но увы…

Работать мне стало всё тяжелее и тяжелее. Очень болели ноги: деформирующий артроз правого коленного сустава, осложнённый неизвестно откуда взявшейся подагрой. Ходил с тростью. Почти на пределе возможного было зимой. К тому же перенесли автобусные остановки, и ходить стало дольше и сложнее по дорожным неудобиям. Гале становилось хуже. Мне нужно было быть с ней. Принял решение с 31 августа 2015 года оставить работу в моём беспредельно дорогом Воронежском государственном университете. Друзья, прежде всего и особенно настойчиво В. С. Листенгартен, отговаривали. Но я сказал, что не могу уже дойти до своей кафедры (а авто у меня, конечно, не было). Написал заявление на имя ректора Д. А. Ендовицкого, благодаря в его лице весь университетский коллектив, в кото-

ром я 67 лет учился и работал. Дмитрий Александрович Ендовицкий прислал мне тёплое благодарственное письмо с надеждой, что, будучи за штатом, я останусь в коллективе университета и буду переживать его проблемы и дела. Так и стало…

В начале июля 2015 года состоялось заседание кафедры по итогам 2014/15 учебного года. Для меня оно было последним, прощальным. Я не стал устраивать «отходного банкета». Поблагодарил коллектив кафедры. Каждой женщине – небольшое стихотворение. Заведующая кафедрой Александра Викторовна сказала прочувственную благодарственную речь. Я прочитал последнее стихотворение «Мои герберы»:

Я не утратил своей веры.
Встречаю радостно рассвет.
Мне улыбаются герберы,
Мои герберы – алый цвет,

Не все я истины измерил.
И не на все нашёл ответ.
Мне улыбаются герберы,
Мои герберы – алый цвет.

Бывало радостно и скверно,
И вызовы бросал нам век.
Но улыбались мне герберы,
Мои герберы – алый цвет.

Лихие годы нас качали
От поражений до побед.
Мои герберы не увяли,
Мои герберы – алый цвет.

Я не считал свои потери;
Да им, наверно, счёта нет,
Вновь улыбаются герберы,
Мои герберы – алый цвет.

Зачем стучать в глухие двери
И ждать: откроют или нет.
Мне улыбаются герберы,
Мои герберы – алый цвет.

Когда уйду я за пределы
Житейских радостей и бед,
Мне улыбнутся вслед герберы,
Мои герберы – алый цвет.

Так бесшумно и без прощальных тостов закончилась моя работа в кафедральном коллективе, возникшем в 1964 году (кафедра научного коммунизма) и преобразовавшемся в начале 90-х в кафедру социологии и политологии. Не знаю, вернее, не хочу строить социологические гипотезы, как будет жить (да будет!) кафедра без меня, но мне будет грустно без неё, её сотрудников, аспирантов, студентов, но буду и впредь гордиться и с благодарностью вспоминать: я жил среди них и работал вместе с ними.

Однако увлечённый кафедральными делами, проблемами, отношениями и переживаниями, я «забежал вперёд паровоза», т. е. движения ВГУ. Надо вернуться лет на пять назад.

В 2011 году заканчивался срок ректорства Владимира Тихоновича Титова. Согласно Уставу ВГУ, да и общим правилам российской высшей школы, подошла очередная пора выбора ректора. Начались разговоры, предварительные консультации. По-видимому, Владимир Тихонович был намерен баллотироваться на второй срок. Во всяком случае, признаки такого намерения довольно отчётливо выявлялись в его поведении. Но шансов у него было мало. Слишком много было шумных скандалов и явное то ли неумение, то ли нежелание взаимодействовать с университетской общественностью, прежде всего с профессорами, да и в целом с коллективом. Складывалось впечатление: ректорат живёт сам по себе, университетский коллектив напряжённо работает, не испытывая заботы о себе со стороны ректората. Да и ректорат не имел внятной концепции руководства образовательным и научно-исследовательским процессом, улучшением условий труда профессорско-преподавательского состава, учебно-вспомогательного и хозяйственного персонала. Да и сам ректорат не представлял единой, согласованно действующей команды. Принижалась роль кафедр как решающих структур в организации учебного процесса и научных исследований. Проректоры практически не общались с факультетскими коллективами. Некоторые из них плохо знали университет, различными сферами деятельности которого им было поручено руководить (проректор по научной работе профессор А. М. Ховив, проректор по социальным вопросам П. В. Мальцев, озабоченный созданием какого-то особого профсоюза).

«Достижением» ректората В. Т. Титова было завершение под давлением Министерства перехода на двухуровневую подготовку студентов (бакалавриат и магистратура). Качество обучения основной массы студентов (бакалавриат), конечно, не поднялось. По многим учебным дисциплинам программы были существенно сокращены. Сколько-либо научного или хотя бы оперативно-методического анализа качества обучения бакалавров ректорат (проректор по учебной работе профессор Е. Н. Ищенко) не вёл.

Ситуация предстоящего выбора ректора на 2011–2016 годы реанимировала давнее стремление профессора С. А. Запрягаева (он конкурировал с В. Т. Титовым на выборах 2006 года) использовать шанс стать во главе Воронежского государ-

ственного университета. Однако его желание не нашло поддержки ни у правительства Воронежской области, ни у Министерства науки и образования России. Да и в университетском коллективе он не находил сколько-либо обещающей поддержки.

В предварительных процедурах кандидатом на должность ректора были выдвинуты доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой генетики и биоинженерии Василий Николаевич Попов (год рождения – 1974, защита докторской диссертации – 2003) и доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и аудита Дмитрий Александрович Ендовицкий (год рождения – 1970, защита докторской диссертации – 2000). Достоинством того и другого, кроме молодости, были реально выявленная в научной работе талантливость, известность в научных кругах не только ВГУ, но в системе высшей школы России и даже за рубежом.

Одной из отличительных процедур ректорских выборов в 2011 году (хотя вспоминается, что это было уже в 2006 году, но не раньше) был, так сказать, предварительный кастинг выдвигаемых кандидатур в Минобрнауки и в администрации Воронежской области. Кандидатура В. Т. Титова не была поддержана. Губернатор Воронежской области А. В. Гордеев выразил недовольство состоянием университета по ряду позиций, высказав пожелание, чтобы во главе его стал менеджер. Пожелание небесспорное, но вполне понятное. ВГУ остро нуждался в динамичном и демократическом управлении. В. Т. Титов за пять лет ректорства (2006–2011 годы) на эту потребность квалифицированно не отозвался. ВГУ в первом десятилетии XXI века по многим позициям стал отставать от других университетов, для которых ещё лет 10 тому назад был примером (Белгородский, Волгоградский и др.). В середине первого десятилетия нового века правительство России выдвинуло соблазнительную концепцию создания так называемых федеральных университетов и исследовательских университетов с повышенным госбюджетным финансированием, с расширенными правами и особой миссией. Ряд университетов (Новосибирский, Уральский, Ростовский-на-Дону, Белгородский и др.) такой статус получили. Воронежский университет не смог себя достойно представить. Кстати (опять забегу несколько вперёд), вскоре после избрания нового ректора министр образования и науки А. Фурсенко обсуждал вместе с губернатором Воронежской области реальную возможность создания на базе ВГУ Центрально-Европейского (ни много, ни мало!) федерального университета. Эта соблазнительная идея вдохновила и профессоров, и студентов, и даже охранника университетского скверика, с которым я каждое утро в 6 часов беседовал, занимаясь физкультурой. Но нужно было разработать качественно новую программу развития[1], а не довольствоваться фрагментарными остатками так называемой стратегии развития ВГУ, манифестируемой ещё во времена первого проректора С. А. Запрягаева.

[1] См.: Коммуна. 2011. 19 марта.

Итак, коллективу ВГУ, прежде всего профессорско-преподавательскому составу, было санкционировано выбрать ректором одного из двух выдвинутых кандидатов: Д. А. Ендовицкого или В. Н. Попова.

Надо сказать, что кандидаты основательно подготовились к избирательной кампании и достойно, по-профессорски (в высоком старинном смысле этого слова) вели себя. Каждый глубоко и критически проанализировал состояние университета во всех аспектах, его проблемы, его ресурсы, его возможности. Общие выводы их совпадали: так дальше жить нельзя; у ВГУ многие ресурсы изношены, но резервы, прежде всего интеллектуально-кадровые, есть; необходимы новая модель и программа развития; надо добиваться статуса Федерального университета.

Отношение каждого кандидата к избирательному процессу качественно отличалось и по смыслу, и по тональности, и по организации от выборов 1998, 2006 годов. Вместе с тем и отношение коллектива университета во всех его структурах было не только более основательным. Создалась специфическая атмосфера ожиданий и умонастроений: университет в точке поворота; вектор и смысл поворота зависят от нас, надо уметь выбирать, а не превращать выборы в столкновение и тусовку корпоративных группировок, преследующих свои узкие, не общеуниверситетские цели.

В ходе избирательной кампании у каждого кандидата сложились группы поддержки. Я, как и некоторые ветераны, представители так называемого михантьевского поколения профессорско-преподавательского состава, решил поддерживать профессора Василия Николаевича Попова. Отнюдь не из субъективистских побуждений. Василий Николаевич – один из зачинателей нового направления биологической науки – биоэнергетики растительной и животной клеток. Это направление имеет неординарное теоретическое и многовекторное практическое значение. Исследования в этом направлении сделали молодого учёного (докторскую диссертацию защитил в 29 лет) хорошо известным в соответствующих научных кругах России и за рубежом. В 1997 году он был удостоен премии Европейской академии для молодых учёных из стран СНГ, был стипендиатом фонда Гумбольдта (ФРГ), фонда В. О. Потанина (РФ) и др. В 1998 году стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области науки и техники для молодых учёных.

На мои электоральные мотивы, предпочтения явно повлиял и неуспешный опыт предшествующего ректорства двух представителей гуманитарных наук: И. И. Борисова (историк по начальному высшему образованию и философ по кандидатской и докторской диссертациям) и В. Т. Титова (филолог, специалист по испанской лингвистике). И хотя сам я гуманитарий, обществовед, тем не менее считал, что пора вернуться при выборе ректора к представителям естественных наук, среди которых в новейшее время особую роль играет биология. В одном из актуальных направлений этой науки творчески проявил себя Василий Николаевич Попов.

Против кандидатуры Дмитрия Александровича Ендовицкого лично я ничего не имел против. Он тоже известный учёный. Экономист, специалист в области

экономического анализа и аудита, т. е. в очень важной сфере экономической науки и практики. Определённым преимуществом Дмитрия Александровича было то, что в 2006–2011 годы он был проректором ВГУ по экономическим вопросам. Однако в этом преимуществе был, с моей точки зрения, свой необъяснимый изъян: он работал в ректорате, вокруг которого, но не в нём, кипели скандалы. И не по каким-то научным или педагогическим сложным вопросам, а по экономическим из-за запутанности отношений и юридической некорректности обращения с университетской земельной территорией по улице Хользунова. Эта территория (96 гектаров) была передана государством в пользование ВГУ во времена ректорства В. П. Мелешко для строительства нового университетского комплекса. Но территория странным образом сокращалась для изначального пользователя, и появились иные. Было много подозрений. Не буду в них вдаваться ещё раз. Очевидным было одно: ректораты И. И. Борисова и В. Т. Титова территорию в её целостности для университета не сохранили. Д. А. Ендовицкий никакого отношения к операциям с земельной собственностью не имел. Но он был членом ректората, когда ВГУ как-то странно терял права пользования на часть своей территории. А ведь там, на этой территории, должна была осуществиться университетская мечта о строительстве комплекса ВГУ в единстве учебных, научных, жилых, социокультурных корпусов и спортивных сооружений.

Меня, старослужащего, ветерана, никогда не стоявшего в стороне от общеуниверситетских проблем и знавшего, как В. П. Мелешко добивался отведения территории на пересечении Московского проспекта и улицы Хользунова в пользу ВГУ и как ректоры Н. А. Плаксенко и В. В. Гусев оберегали её, крайне смущали путаные объяснения В. Т. Титова, в состав ректората которого входил Д. А. Ендовицкий. Ещё раз подчеркну: у меня, как и у других старейшин, не было никаких подозрений относительно его роли и позиции. Очевидно, что вопросы строительства и пользования предоставленной ВГУ территории в его компетентность не входили. Они были прерогативами ректора и проректора по хозяйственной части Бирюкова.

Кандидаты опубликовали свои программы и своё видение состояния, ресурсов и перспектив университета, свои взгляды на проблемы высшего образования и вузовской науки в стране. Был составлен график их совместных выступлений на факультетах и в других структурных подразделениях. График чётко выполнялся, никаких срывов не было. Различные категории университетского коллектива проявляли большой интерес к выступлениям и разъяснениям кандидатов. Прежде всего, конечно, профессорско-преподавательский состав. Шёл живой демократический процесс действительной, а не показной, мнимой конкуренции – состязательности двух достойных претендентов на ответственную должность ректора одного из крупнейших университетов России. Всем надоели вялость и скрытность предшествующих ректоров. Задавали много вопросов. Был установлен порядок: в поддержку каждого кандидата на каждом собрании выступали по два человека

из числа собравшихся. Мне довелось выступить на одном из собраний факультетов, расположенных по Московскому проспекту и улице Хользунова. Пришлось затронуть и вопрос об университетской территории, на которой как-то странно возникли неуниверситетские корпуса. Разъяснений не было.

Конференция по выборам ректора состоялась 1 февраля 2011 года. Д. А. Ендовицкий и В. Н. Попов более обстоятельно, чем на факультетских собраниях, изложили свои программы. Они были очень близкими по проблематике, содержанию и позициям. Более или менее заметно они отличались по форме изложения. Д. А. Ендовицкий, экономист, использовал статистические данные о различных сферах деятельности и возможностях университета, подчеркнув, что та модель финансового обеспечения, которая сложилась в последние годы, изжила себя. Надо менять модель и добиваться статуса Федерального университета. Говорил об этом так, будто вскоре мы этого добьёмся. По его мнению, необходимо создавать новую модель стимулирования активности и результативности научно-исследовательской работы. В. Н. Попов акцент сделал на новых и перспективных направлениях научных исследований, более тесном творческом сотрудничестве учёных разных наук на прорывных направлениях, на проблемах повышения качества подготовки специалистов. Большое внимание он уделил социокультурным проблемам, особенно студенческой жизни. Кандидаты держались корректно, дружески; дискуссионной тональности в их докладах почти не было. Они оба были достойными представителями единого университетского коллектива, предлагающими свои реалистические управленческие услуги, а не личные амбиции, как это было на предыдущих выборах.

На конференции шёл заинтересованный разговор о том, как лучше обеспечить развитие ВГУ, улучшить условия труда и учёбы, совместными усилиями повысить уровень и качество жизни всех категорий работников и студентов и на этой основе увеличить свой образовательный и научный вклад в процесс выхода России на демократический, инновационный, социально обнадёживающий путь развития. Характерно и символично, что оба кандидата в ректоры вели свои избирательные кампании не на раскол коллектива, а на его объединение. И этим они разительно отличались от противостояния С. А. Запрягаева и В. Т. Титова на выборах 2006 года, да и предыдущих, в которых претенденты разжигали групповые конфликты, вплоть до идеологических. Вместе с тем – и это хочется особо отметить – Д. А. Ендовицкий и В. Н. Попов не пиарили и не манипулировали сознанием и поведением многолюдного коллектива ВГУ и делегатами конференции. Они честно соревновались. Это – свидетельство высокой демократической, академической и этической культуры, в ожидании которой долго томился профессорско-преподавательский состав.

Согласно ранее утверждённому регламенту от каждого кандидата выступили по 3 человека в поддержку и по оценке представленных ими программ. Причём в каждой группе были представители естественных, гуманитарных и общественных наук. Я выступал со стороны В. Н. Попова.

Сославшись на опыт учёбы, работы с предшествующими 8 ректорами (избираемый будет 9-м) и на каноны своей специальности социолога, я провёл некоторый сравнительный анализ обстоятельств, проблем, методов, результатов ректорского управления жизнедеятельностью университета. И в этой связи – о кандидатах на ответственную в современных условиях должность ректора Воронежского университета, имеющего сложную историю. В 50–80-х годах минувшего столетия (ректоры Б. И. Михантьев, В. П. Мелешко, Н. А. Плаксенко) неуклонно росли авторитет, статус ВГУ, его вклад в систему высшего образования, науку, экономическое, социальное и культурное развитие обширного региона. Европейскую и мировую известность имели наши научные школы в области математики, филологии, химии, геологии и др. Даже в истерзанное время 90-х годов сохранялся авторитетный статус нашего университета (ректор – В. В. Гусев). Но с рубежа XX–XXI веков наблюдается угасание его авторитета, снижение его статуса в российской высшей школе и в Центрально-Чернозёмном регионе. Процесс приобрёл неприятный характер (после этой фразы ректор В. Т. Титов из президиума бросил реплику: «Неправда, у нас высокий статус!»). Много держится энтузиазмом, самоотверженностью, инициативой профессорско-преподавательского состава, а не стараниями и заботой ректората (в зале аплодисменты). Нас стали обгонять в развитии и в обеспечении высокого статуса соседние университеты. В частности, очень молодой Белгородский университет получил статус и финансирование Федерального университета благодаря не столько своему научному потенциалу (он там ниже, чем у нас), сколько энергии и культуре управленческой деятельности ректората.

Культура деятельности нашего ректората не отвечает ни потенциалу университета, ни тем проблемам, которые время ставит, да и не тем лучшим традициям, которые у нас сложились в предыдущие десятилетия. Ректорат практически живёт как некая автономная, замкнутая группа. Он не считает нужным общаться с коллективами факультетов и подразделений; с профсоюзной организацией у него бесконечно дурно пахнущие скандалы. Принижена роль Учёного совета, его превратили из законодательного органа в декоративно-формальный. Не советуется ректорат и с ветеранами, проработавшими в университете по несколько десятилетий. Земельно-территориальный вопрос я не стал затрагивать в выступлении, ограничившись фразой о «неаккуратном обращении ректората с университетским имуществом» (аплодисменты в зале). В запущенном состоянии студенческие общежития; никакой культурно-бытовой воспитательной работы (чем всегда отличался ВГУ) там не ведётся.

Говоря о программах кандидатов в ректоры, я подчеркнул их принципиальную равноценность и равноприемлемость. Они отличаются только формой подачи. У Дмитрия Александровича, как у экономиста, акцент сделан на финансово-экономические аспекты. В программе Василия Николаевича затронут более широкий круг естественно-научных проблем и намечены возможные прорывные направления. Отметил его внимание к гуманитарно-культурным проблемам и его

суждения о необходимости повышения культуры студенчества, возможности создания на территории по улице Хользунова социокультурного центра ВГУ. Подчеркнул и всероссийскую и европейскую научную известность молодого талантливого биолога. Говоря о Дмитрии Александровиче, я отметил, что у него один серьёзный недостаток: он был проректором инертного ректора, деятельность которого отличалась скандалами и конфликтами.

Заканчивая, я подчеркнул необходимость повышения культуры управленческой деятельности ректора и ректората на научной основе (ибо мы – университет!), на действительно демократических принципах, открытости и ответственности. У нас есть ресурсы для значительного повышения статуса и роли нашего университета в системе высшей школы, научных исследований, развития региона, плодотворного расширения международных связей, а самое главное – в повышении качества обучения и подготовки специалистов по традиционным и новым направлениям. Дело – за ректоратом и его головной фигурой. Губернатор нашей области А. В. Гордеев высказал суждение: ВГУ нужен менеджер. Я не против менеджеризма в ректорском управлении, если он демократичен и социально эффективен; но университет ещё больше нуждается в социальном лидере, способном сплотить многоярусный коллектив и повысить качество его труда и жизни.

Критически оценивая деятельность ректоратов первого десятилетия нового века, я стремился поднять уровень и качество гражданского самосознания профессорско-преподавательского состава и других сотрудников университета, преодолеть тот феномен отчуждённости от ректората, смирения перед любыми его «акциями», позиции «моя хата с краю», которая наблюдалась в университетской среде. Может быть, это покажется кому-то нескромным тщеславием, но этот мотив сверлил и мозги, и сердце. Гражданская самоущербность, к сожалению, осторожно говоря, не редкое явление, мешающее полноценной демократической жизни и необходимому самоуважению коллективного и личного достоинства. Гражданское самостояние – достоинство человеческой личности.

После меня (и довольно длительных аплодисментов, проводивших меня на место в зале) слово в поддержку Д. А. Ендовицкого было предоставлено профессору, заведующей кафедрой социологии и политологии Александре Викторовне Глуховой. Два профессора с одной кафедры имели возможность (им предоставили) высказаться, кому быть ректором. Расхождение мнений двух профессоров одной кафедры о кандидатах в ректоры отнюдь не было групповым расколом. Назвав меня в начале своей речи своим учителем и коллегой, она тем не менее не согласилась, как ей показалось, с резко критической оценкой мною деятельности ректората В. Т. Титова. У этого ректората действительно много недостатков (по её мнению), но всё же он работал. Работал и Дмитрий Александрович. Он уже обладает опытом и ему легче изжить недостатки. Программы обоих кандидатов близки, но Александра Викторовна высказалась в пользу Дмитрия Александро-

вича Ендовицкого и внесла предложение: «Пусть вместе поработают в ректорате и Василий Николаевич, и Дмитрий Александрович, объединив свои интересные программы. Один – по результатам избрания конференцией ректором, а другой – по его назначению проректором» (в зале аплодисменты).

После дебатов, в перерыве перед голосованием (в это время можно было перекусить, выпить кофе или чай) ко мне очень многие подходили – и профессора, и сотрудники центрального аппарата, и представители учебно-вспомогательного и обслуживающего персонала, – благодарили за критику ректората, за идею ректора как социального лидера.

Голосование показало, что около двух третей делегатов конференции отдали предпочтение Дмитрию Александровичу; Василий Николаевич получил чуть более трети голосов. Он поблагодарил меня за поддержку.

Став ректором, Дмитрий Александрович Ендовицкий назначил В. Н. Попова проректором по научной работе, инновациям и информатизации. Пост проректора по учебной работе сохранила, по совету губернатора А. В. Гордеева, профессор, доктор философских наук Елена Николаевна Ищенко (в 2013 году её пригласили поработать в администрации Воронежской области руководителем отдела культуры). Проректором по экономике и международным делам был назначен профессор О. Н. Беленов, ранее работавший деканом факультета международных отношений. Проректором по общим вопросам стал профессор Ю. А. Бубнов, сохранив должность декана философско-психологического факультета. Проректор по социальным вопросам – доцент О. В. Гришаев. В 2013 году после ухода Е. Н. Ищенко на работу в областную администрацию проректором по учебной работе в восстановленном статусе первого проректора была назначена доктор фармацевтических наук, доцент (теперь профессор) Е. Е. Чупандина.

Анализируя, вспоминая ректорские выборы 2011 года, сравнивая их с другими, да и последующими в 2016 году, считаю, что это были лучшие выборы, в известном смысле образцовыми по демократичности, реальной состязательности кандидатов, обстоятельности их программ, достойному, корректному, интеллигентному поведению претендентов, да и по своим практическим результатам. Д. А. Ендовицкий энергично приступил к обязанностям ректора, стремясь поднять авторитет, статус и роль Воронежского государственного университета. Оживление стало наблюдаться во всех сферах: в финансово-экономической, в учебном процессе (открытие новых направлений), особенно в научных исследованиях. Повысилась управленческая культура. Ректор и проректоры постоянно работают с деканами. Восстановлены плодотворные и взаимозаинтересованные отношения с профсоюзами. Активизировалось строительство. По предложению члена-корреспондента РАН Н. М. Чернышова и моему ректор Д. А. Ендовицкий узаконил фактически действующий Совет старейшин. Введён в строй новый архитектурно выразительный корпус экономического факультета. Создан концертный зал с хо-

рошей акустикой. Построено новое студенческое общежитие с комфортабельной планировкой и комфортными условиями проживания.

Выборы ректора в вузах – это большое демократическое завоевание и достижение постсоветской России, в которой за два с половиной десятилетия было немало псевдемократических несуразностей. И даже недемократических, граничащих с анти…

Университетской демократией надо дорожить и оберегать её не только от недемократических наскоков сверху, но и от манипулятивного опошления, и от простофиливания, от игры с подставными кандидатами, от своекорыстной групповщины и от индивидуалистической амбициозности. Ректор университета должен быть человеком с широким научным кругозором и динамичным рефлексирующим мышлением, человеком высокой гуманистической культуры, быть социальным лидером, способным объединять людей и повышать их творческую дееспособность. Управленческое дилетантство и самонадеянная авторитарность неприемлемы, как и бюрократическая имитация дела.

Опыт ректорских выборов 2011 года очень ценен. Он показал, что в Воронежском государственном университете выборы могут проходить на достаточно высоком уровне демократической культуры. Не растерять бы его и не предать бы обыкновенному забвению. Он выявил потребность закрепления удачных образцов университетской демократии и вместе с тем необходимость её совершенствования. На мой взгляд, совершенствование может пойти по трём основным направлениям. Может быть, и больше, но пока я вижу три.

Первое. Целесообразно увеличить сроки полномочий избираемых ректоров. По существующим правилам выборы ректора осуществляются через каждые 5 лет. На выборе этого интервала (не хочу употреблять политико-правовой термин) сказались то ли стереотип советских пятилеток, то ли формула 5-летнего срока обучения в вузе для получения высшего образования в прошлом. Пять лет – слишком короткое время для ректорства. Целесообразно установить 7-летний цикл с возможным последовательным избранием на второй срок (не автоматическим продлением, а переизбранием в обычном правовом порядке). Самый длительный срок ректорства с советское время в ВГУ был у Б. И. Михантьева – около 12 лет; он сам попросил освободить его от должности. Исполнительные органы государственной власти не вправе административно освобождать легитимно избранного ректора от должности без согласия профессорско-преподавательского состава университета в лице Учёного совета или специальной конференции руководителей факультетов (деканов), научных подразделений (типа НИИ или крупной научной лаборатории) и заведующих кафедрами.

Второе. Нуждается в рациональном и правовом совершенствовании процедура выдвижения и избрания ректора. Выборы ректора вуза (в нашем случае университета) неправомерно по формам и нормам уподоблять выборам депутатов в органы

законодательной власти. Университет – это строго специализированное научно-образовательное учреждение. В его многоярусном, функционально-стратифицированном многотысячном коллективе, социуме системообразующим ядром с интегративными функциями является профессорско-преподавательский состав. Избрание ректора на конференции не представителей трудового коллектива и учащихся, а профессорско-преподавательского состава и научных работников было бы, с моей точки зрения, более рациональной и эффективной процедурой. Кто, кроме учёных и преподавателей, лучше может знать, кому быть ректором? Риторический вопрос. Ограничение круга выборщиков профессорско-преподавательским и научным персоналом отнюдь не лишает учебно-вспомогательный, обслуживающий персонал и студентов никаких гражданских и трудовых прав, ибо право быть ректором университета не может принадлежать любому гражданину. Только учёному и преподавателю, имеющему соответствующие научно-педагогические квалификационные степень и звания и по меньшей мере десятилетний стаж работы в университете. Надо освобождаться от популистского толкования университетской демократии в таком важном вопросе, как решение вопроса: «Кому быть ректором?»

Вспомнился забавный случай. Во время майских бурных волнений 1968 года во Франции студенты университета в Нантре во время сидячей забастовки избрали ректора и ввели в Сенат... жеребца из университетской конюшни.

Правом выдвижения кандидатов в ректоры могут обладать только внутриуниверситетские научно-педагогические сообщества: факультеты, кафедры, научные подразделения. Самовыдвижение давно практикуется; его можно сохранить. Но в случае, если самовыдвиженец не заручится поддержкой хотя бы четверти факультетов и кафедр, вряд ли его кандидатуру нужно выносить на конференцию. Надо найти способ предотвращения эрзац-альтернативности. Выборы тогда демократичны, когда они, действительно, соревновательно альтернативны. Попечительский совет нецелесообразно наделять правом выдвигать кандидатуры в ректоры; в нём при всём равенстве членов всё же на особом статусе находится действующий ректор, что даёт ему дополнительную электоральную ренту. К тому же Попечительский совет как самостоятельный субъект не участвует в конференции по выборам ректора.

Третье непременное направление совершенствования процесса выбора ректора – повышение уровня и качества гражданского самосознания и общеуниверситетского самосознания (как локального проявления гражданского) профессорско-преподавательского и научного персонала. Существует потенциальная опасность (из-за структурного членения университетского коллектива) замкнутости интересов, мнений на корпоративных (факультетских, подразделенческих) основаниях и проблемах, специфике мышления (скажем, физиков и лириков, юристов и экономистов, математиков и историков). Потенциальная опасность корпоративных интересов и суждений довольно часто в истории ВГУ прорывалась реально.

Корпоративное акцентуирование самосознания гасится, преодолевается, а общеуниверситетское, как и гражданское, формируется, развивается на основе информационной открытости университетского сообщества, особенно деятельности его управленческих структур, и активного включения, участия профессорско-преподавательского персонала и работников разнообразных функциональных структур университета в управлении.

Таковы основные мои соображения, сложившиеся в результате длительной практики участия в процессах выбора главной управленческой фигуры ВГУ – ректора. Счёл возможным включить их в описание своих воспоминаний и размышлений над ними и по поводу их. Последующие после выборов 2011 года и последние годы работы в Alma mater укрепили эти соображения. Наверное, они не бесспорны. Но о бесспорном и писать не следует, оно не генерирует размышления.

Начало ректорства Дмитрия Александровича Ендовицкого началось с не совсем продуманной (вероятно, кем-то подсказанной) акции из-за благого стремления найти пути и методы повышения творческой активности и практической деятельности профессорско-преподавательского состава и тем самым вернуть Воронежскому университету авторитет и статус, которые стали проседать в то время, как другие университеты их наращивали. 23 марта 2011 года был издан приказ о введении в действие «Положения об организации и проведении аттестации работников Воронежского государственного университета». Вводимое приказом «Положение» ссылалось в свою очередь почему-то на постановление двух комитетов при Совмине СССР 1973 года об аттестации инженерно-технических работников в промышленности, никакого отношения к университетам и другим типам вузов не имеющих. Да и само по себе устарело и не учитывало изменения ни институциональной системы промышленности, ни нового трудового законодательства.

Моё социологическое ухо уже в первую неделю апреля уловило нарастающее недоумение и недовольство странной инновацией в профессорско-преподавательской среде. Приказ и «Положение» противоречили Уставу ВГУ, подменяли традиционную легитимную практику конкурсного замещения профессорско-преподавательских должностей.

Возможное проведение нелегитимной аттестации таило в себе нездоровые настроения необоснованных амбиций и «ущемлённости» личности, опасность скандалов. Кроме того, оно ставило заведующих кафедрами и деканов в нервозную ситуацию, отнимало бы массу времени на написание аттестационных документов и на улаживание конфликтов. В итоге возник бы большой иррациональный раздрай, а не сплочение кафедральных и факультетских коллективов для плодотворной творческой работы.

Мы созвонились с членом-корреспондентом РАН, профессором Николаем Михайловичем Чернышовым (председателем Совета старейшин). Решили поставить вопрос об аттестации профессорско-преподавательского состава на обсуждение

Совета старейшин, к голосу которого обещал прислушиваться Дмитрий Александрович Ендовицкий во время избирательной кампании. В Совет старейшин, кроме Н. М. Чернышова и меня, входили действительный член АН РФ профессор В. М. Иевлев (химфак), профессор Т. А. Кравченко (химфак), профессор А. С. Кравец (факультет философии и психологии), профессор Б. А. Зон (физфак), профессор Л. Е. Кройчик (журфак), профессор В. Н. Эйтингон (экономфак). Все высказали недоумение по поводу приказа нового ректора и «Положения об аттестации». Решили: 1) просить ректора отменить приказ от 23.03.2011, вводящий в действие странное «Положение об аттестации», подменяющее собой Положение о конкурсном замещении профессорско-преподавательских должностей, и таящий в себе опасность невротических настроений и конфликтов; 2) предложить провести аттестацию работников центрального аппарата управления, разработав вместе с комитетом профсоюзов особое Положение об их аттестации; 3) поручить председателю Совета старейшин Н. М. Чернышову, членам совета Л. Е. Кройчику и В. С. Рахманину встретиться с ректором Д. А. Ендовицким и доложить ему мнение Совета старейшин.

25 апреля 2011 года ректор нас принял. Николай Михайлович Чернышов зачитал мотивированное заключение Совета старейшин относительно приказа о введении в действие «Положения об аттестации» профессорско-преподавательского состава и передал Дмитрию Александровичу текст. Н. М. Чернышов добавил, что надо проводить не аттестацию, а совершенствовать конкурсную систему замещения должностей профессоров, доцентов, преподавателей, ассистентов, повышая требование к результативности учебно-методической и научно-исследовательской работы. Ректор внимательно вчитался в текст переданного ему документа. Я обратил его внимание на то, что по университету пошёл неприятный гул. Идея проведения малопонятной аттестации по канонам странно реанимированной практики промышленных предприятий почти 40-летней давности конфликтогенна в своей основе. Её практическое введение приведёт к многочисленным конфликтам с выходом на апелляции к суду. И суд будет восстанавливать на работу тех, кто по итогам внезаконной и незаконной аттестации будет уволен или каким-то образом ущемлён в тех правах, которые ему предоставлены по конкурсному легитимному избранию и соответствующему контракту. «Зачем Вам, Дмитрий Александрович, – задал я вопрос, – начинать ректорство с конфликтов скандального типа? Это более чем нецелесообразно и контрпродуктивно. Аттестацию можно и нужно провести работникам центрального управления. Нареканий на их работу много. По конкурсу они не избирались, и прошлый ректорат практически их не контролировал и не оценивал эффективность, качество их работы». Лев Ефремович Кройчик тоже высказался против неправомерной аттестации. По его мнению, даже при конкурсном замещении преподавательских должностей нельзя сводить оценку претендента только по результатам научно-исследовательской работы (наличие грантов, их выполняемость, научные публикации, индексы цитирования).

Ведь избирается человек в вузе не на академическую должность (ведущий научный работник, старший и т. д.), а на педагогическую, преподавательскую. Нужно более обстоятельно, неформально оценивать учебно-воспитательную работу. «По этому аспекту оценку давать труднее, но необходимо», – сказал Лев Ефремович.

Дмитрий Александрович внимательно нас слушал, постоянно делая пометки на листе бумаги, задавал вопросы, что-то уточнял. Не спорил, но и не высказывал согласия. Беседа шла в спокойных тонах около часа. Сидели за чёрным столом, да и в целом кабинет ректора был оформлен в тёмных тонах. Мебельное наследие предыдущего ректора Владимира Тихоновича Титова, поклонника испанской культуры.

Выслушав нас, Дмитрий Александрович поблагодарил за откровенный предметный разговор, за конструктивность предложений и за озабоченность обстановкой в университете. Заверил, что и впредь будет прислушиваться к мнению Совета старейшин, консультироваться с ним. Совет старейшин – живая, неформальная и деловая связь коллектива университета и ректората. Обещал над нашими высказанными опасениями относительно аттестации и предложениями Совета старейшин подумать, всё взвесить и принять решение.

Выйдя из кабинета ректора и зайдя на кафедру Н. М. Чернышова (геологический факультет), мы кратко обменялись мнениями. И пришли единогласно к выводу. 1. Новый, недавно избранный ректор нас понял, и приказ о проведении аттестации, скорее всего, будет отменён. 2. Акцию об аттестации, вероятно, ему кто-то посоветовал или по незнанию специфики университета, но с благими намерениями, или провокационно, чтобы создать остро конфликтную ситуацию и поставить только что избранного ректора в очень сложное, скандальное положение. Дмитрий Александрович, не разобравшись, по управленческой неопытности идею принял и торопливо издал приказ. 3. Дмитрий Александрович способен прислушаться к демократическому голосу снизу (в отличие от двух предыдущих ректоров). С ним можно и нужно работать. Он способен и хочет работать на благополучие нашего университета и возрастание его статуса и авторитета. 4. Целесообразно вместе с ректором сформулировать несколько проблем, волнующих разные группы университетского коллектива, по которым Совет старейшин мог бы помочь ректорату.

На следующий день по телефонам или при личных встречах мы, т. е. Н. М. Чернышов, Л. Е. Кройчик и я, проинформировали других членов Совета старейшин о состоявшейся встрече и переговорах с ректором, передали его благодарность за высказанную Советом старейшин озабоченность делами университета.

Через несколько дней приказ о проведении аттестации был отменён. Напряжённая атмосфера в ВГУ разрядилась.

В тот день, когда мы беседовали с ректором Дмитрием Александровичем Ендовицким, умер профессор Николай Алексеевич Плаксенко, бывший ректором в 1972–1983 годах. В июне 1941 года, только что окончив геологический факультет и не успев разглядеть свой диплом о высшем образовании, он ушёл в действу-

ющую армию. Доблестно воевал все четыре года; награждён орденами и медалями. Демобилизовался из рядов Советской армии в 1946 году (ему было 28 лет), вернулся на свой родной геологический факультет. Последовательно прошёл все университетские должности от старшего лаборанта до ректора. Он ревниво относился к университету. И имел на это право. Умер последний студент из числа тех, кто враз по окончании ВГУ ушёл сражаться за Родину. Проводить его в последний путь пришло много людей. Не только университетских.

Постепенно в ректорство Дмитрия Александровича Ендовицкого обстановка в университете стала улучшаться. Те трещины и разрывы между ректоратом и коллективом, профсоюзами, кафедральными сообществами, деканами, которые затрудняли плодотворную работу, преодолевались и сверху, и снизу. Удивительно, но конфликт между ректоратом и профсоюзным комитетом, который бесплодно длился более трёх лет, исчез, и его через два месяца никто не упоминал. Совет старейшин во главе с Н. М. Чернышовым содействовал урегулированию отношений между профсоюзами и ректоратом.

В первое десятилетие нового века, напомню, по решениям Министерства образования ряд вузов получили ресурсы для развития через присвоение им повышенного юридического статуса федеральных, исследовательских. ВГУ и его новый ректор питали надежду, что этого статуса будем в ближайшее время удостоены и мы. Время шло, слухи о возможной поддержке разных государственных и общественных структур и персон радовали. Однако шли месяцы, а за ними и годы… Обещания глохли, надежды слабели… Благодатная чаша эксклюзивных возлияний обошла нас. Может быть, «оттолкнул» её груз прошлых, недавних неурядиц.

Случилось другое. Воронежский университет возродил и обрёл способность к устойчивому развитию своей собственной энергией, мобилизуя и наращивая свои ресурсы, интеллектуальный потенциал в образовании, научных исследованиях, финансово-экономической деятельности. Заметно повысилась продуктивность, теоретическая и практическая результативность научных исследований. Немало, хотя, конечно, не всё сделано для стимулирования исследовательской деятельности молодых учёных, да и представителей старшего поколения. Открыта и развёрнута подготовка студентов по новым и даже эксклюзивным направлениям. Как я уже отметил раньше в своих воспоминаниях, стала вновь расширяться и укрепляться материально-техническая база, вплоть до создания ценных социокультурных объектов – замечательного концертного зала и хорошо оборудованного плавательного бассейна. У Дмитрия Александровича выявилось повышенное внимание к социальным вопросам. Что-либо радикально трудно было сделать в российских кризисных финансово-экономических обстоятельствах, но ректор нашёл возможность несколько поднять зарплату учебно-вспомогательному и обслуживающему персоналу.

Университету удалось в основном избежать болезненного сокращения профессорско-преподавательского состава. Такая угроза явно нависала в 2012–2014 годах

из-за недостаточного государственного субсидирования. Но выросли негосбюджетные доходы. Это дало возможность на ряде кафедр перевести оплату труда части преподавателей не из госбюджетных источников и тем самым сохранить кадры. Средняя заработная плата профессорско-преподавательского состава даже несколько подросла. Правда, не в меру роста интенсивности и количества затраченного труда. У профессоров и некоторых других категорий ППС зарплата была выше средней главным образом за счёт грантов и коммерческих научных работ.

В годы первого ректорства Д. А. Ендовицкого (2011–2016 годы) в коллективе ВГУ воскресла уверенность в своей самодостаточности и в способности к саморазвитию при всех тех пертурбациях, которые происходили и творились в высшей школе, да и в целом в России. Выявилась способность и склонность Дмитрия Александровича к конструктивному диалогу с университетской общественностью. В 2014–2015 годах в высшей школе по инициативе Минобрнауки возникла новая псевдореформаторская лихорадка. Она получила номенклатурное наименование – «Создание опорных университетов» в регионах. Что такое «опорные» и каковы принципы, условия, смысл их формирования, ливановское Министерство не считало нужным внятно объяснить, разъяснить. Невнятно: объединение 2–3 вузов с целью экономии госбюджетного финансирования и усиления их роли в регионе? Кого с кем объединять? По взаимной склонности руководства вузов? Вот и все «принципы». Никакого рационального обоснования, учёта профилей вузов.

В Воронеже взаимным стремлением воспылали два добротных университета: архитектурно-строительный и политехнический. Каждый из них был дееспособен. Однако и в том и в другом были какие-то конфликты в руководстве. Не хочу в них вдаваться. Руководство двух вузов подготовило и представило в Министерство науки и образования программу деятельности опорного университета. Ливановское Министерство торопливо утвердило. Так в Воронеже появился первый опорный университет – Центрально-Чернозёмный инженерный университет.

Лихорадочные разговоры о создании опорного университета на базе ВГУ начались и в ВГУ. Но с кем, как и зачем объединяться? Несколько лет тому назад, ещё в начале ректорской деятельности Д. А. Ендовицкого, к ВГУ присоединили Борисоглебский педагогический институт. Зачем? Разве это усилило ВГУ? Борисоглебский пединститут целесообразно было объединять на правах филиала с Воронежским педуниверситетом (бывшим институтом). Но последний такую инициативу не высказал, да и, по-видимому, не хотел такого объединения. Борисоглебский пединститут взял под крыло ВГУ.

Воронежскому классическому университету с его фундаментальными исследованиями и подготовкой специалистов в области математики, механики, физики, металловедения, компьютерных наук и технологий целесообразно было бы объединяться с политехническим университетом. Но… Есть старинный церковный афоризм (поговорка): «Неисповедимы пути Господни...»

Ничего не могу сказать относительно «неисповедимости путей Господних». Не специалист, хотя помню афоризм раннесредневекового философа Тертуллиана «Credo quia absurdum est». Но что касается высшей школы, то тут, действительно, неисповедимы пути Министерства, а вместе с ним и руководства многих вузов. К счастью, не всех. С уходом министра Ливанова на другую работу укрупнение, объединение вузов прекратилось.

В высшей школе, как, впрочем, и в стране в целом, ещё с 90-х годов одна реформа тянется за другой без ощутимой социальной эффективности. Советская система высшего образования, вобравшая в себя лучшие традиции и принципы дореволюционной российской, существенно (однако не до основания) разрушена по идеологическим соображениям. В своё время скороспело приняли так называемую Болонскую систему под давлением Министерства и других правящих структур. Она не лучшая. Ряд европейских стран её не приняли, крепко держась за свою национальную высшую школу. У нас её под давлением правящих верхов под зуд антисоветских настроений конформистски приняли. Сегодня, спустя два десятилетия, многим становится ясно: это было ошибочное решение. Но российские политические верхи и их обслуживающие круги (в том числе и из учёного мира) не склонны критически оценивать свершившееся. Тем более что Болонская система кому-то и выгодна. Одна из существенных проблем нынешнего состояния высшего образования – в отсутствии научного и социально взвешенного критического и конструктивного анализа его ценностей и пороков, достижений и неудач, ресурсов и перспектив в свете неординарных рисков и выборов, которые умножает XXI век. В основе Болонской системы стандартизации высшего образования (само по себе это неплохо, но что стандартизировать и как возбудить творческие искания?) лежит упрощение, удешевление массового образования, его привязка к текущей конъюнктуре рынка. Сегодня всё более и более настоятельным и объективно требовательным является вопрос о необходимости восстановить суверенность России в сфере высшего образования, возродить его национальную систему и обеспечить её действенную качественную конкурентоспособность в интересах России и её граждан.

Первый срок ректорства Дмитрия Александровича Ендовицкого заканчивался в феврале 2016 года. Минобрнауки назначило выборы ректора на новый пятилетний срок на июнь 2016 года. Как положено, началась предвыборная кампания по выдвижению кандидатов и формирование делегатов-выборщиков на конференцию трудового коллектива и учащихся. Она не была напряжённой и качественно отличалась от кампании 2011 года не в лучшую сторону. Реальной конкуренции кандидатов не было; тем более что один из предварительно согласованных трёх снял свою кандидатуру.

К тому времени я ушёл с кафедры социологии и политологии на пенсию. Мне было очень тяжело, практически невозможно продолжать работу. Но сердце болело

за университет. Посоветовался с давним (со студенческих лет) другом, председателем Совета старейшин Николаем Михайловичем Чернышовым. Я считал, анализируя работу ректората в целом и отдельно ректора, что Совету старейшин следует поддержать кандидатуру Дмитрия Александровича Ендовицкого на второй срок, отметив те очевидные положительные сдвиги, которые произошли в университете, и энергичную, вдумчивую активность Дмитрия Александровича. Вместе с тем посоветовал построить выступления от имени Совета старейшин не в конформистском благостном стиле, а в аналитическом, конструктивном. В частности, предложить более внимательно подходить к вопросу оплаты и интенсивности труда, реальной эффективности его в учебно-методической и научно-исследовательской работе. Следовало бы подумать и о рационализации обслуживающих структур.

Член-корреспондент РАН, профессор Николай Михайлович Чернышов от имени и по поручению Совета старейшин выступил на конференции в поддержку Дмитрия Александровича Ендовицкого.

Конференция, учитывая несомненные заслуги Д. А. Ендовицкого, почти единодушно избрала его на новый пятилетний срок ректором Воронежского государственного университета.

Мой родной университет вновь пошёл на подъём. К исходу 2016 года, по данным рейтинга Round University Rankung (RUR), ВГУ занимает 18-ю позицию среди вузов Российской Федерации. А по направлению «Humanities» (гуманитарные науки) – 7-ю позицию среди университетов России и 464-ю среди университетов мира, по социальным наукам («Social Sciences») – соответственно на 11-й и 548-й. Опережающе развивается медико-биологическое направление («Medical Sciences»): 5-е место среди вузов России и 432-е в мире[1].

Я уверен, не в столь отдалённом будущем кто-то, будучи министром образования и науки, в очередной раз посетив Воронеж, удовлетворённо скажет, как в начале 1960-х годов сказал министр В. Н. Столетов: «Воронежский университет – один из самых крупных и ценных алмазов в короне высшей школы России». Творческий потенциал ВГУ несёт в себе творческую способность развития. Формируются новые факторы динамичного его движения. Semper in motu!

Два окна моей квартиры выходят на школьный двор. Там дети занимаются спортом, играют. В моих глазах – разноцветье их одежд. Я слышу их голоса, смех. Мне хорошо работается, когда их вижу и слышу. У них будет свой университет. Наверное, лучше, чем мой. Но я люблю мой университет. С его радостями и огорчениями, достижениями и страданиями. Я отдал ему почти 70 лет труда. Он одарил меня 70 годами тайн познания и общения.

---

[1] См.: Коммуна. 2016. 15 нояб.

Глава 8

ПРИ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Amicitia aequalitas.

Дружба – это равенство.

Воронежский государственный университет, как и всякий другой вуз, любой трудовой коллектив, кроме формально-организованных функционально-трудовых отношений между работниками, представляет собой сложнопереплетённую, тонкую сеть неформальных отношений, связей, взаимодействий людей. Социальный смысл этой сети, значение, тональность её не сводятся к производственно-технологическим ролям и структурам, хотя и взаимосвязаны с ними. В ней завязываются свои узлы на основе взаимной морально-психологической и интеллектуальной предрасположенности. Их устойчивость, как и тональность, относительна. Многие крепко держатся десятилетиями; однако многие, ярко начавшись, довольно быстро распадаются. Мне в жизни повезло не только с университетом, но и с друзьями. Скорее и более всего благодаря ВГУ с друзьями. Большинство моих друзей – университетские друзья. За пределами ВГУ у меня друзей было мало, а осталось ещё меньше. Да и те, что были и остались, преимущественно возникали в процессе научно-исследовательской работы, но вышли за пределы статусов сотрудников, партнёров, коллег (Ю. А. Красин, профессор Института социологии РАН, ранее проректор Академии общественных наук; С. Е. Крапивенский, профессор Волгоградского университета) и др. Главный массив дружеских связей и отношений – в Воронежском государственном университете. Это – следствие не моей замкнутости, а обстоятельств жизни. С 18 лет я погружён в мир человеческих отношений моей Alma mater, которая давала мне не только знания и радость

работы, но и крепких, надёжных, неисчерпаемых во взаимных чувствах наибольшего благоприятствования друзей. Каждый из них неповторим.

Дружба – социальный феномен, очень сложный. За её внешней обыденностью, банальностью скрывается очень многое. Её неправомерно сводить к партнёрству в делах, даже к сотрудничеству. Она требует и соответствующих качеств от человека, и специфического общения (кстати, не всегда связанного с непосредственными контактами лицом к лицу). Главное в дружбе – равенство отношений, независимо от того, какой статус и в какой официальной структуре занимают друзья. Отношения господства, подчинения, сервилизма разрушают её или превращают в эрзац. Друзья могут расходиться во мнениях. Настоящий друг не только тот, кто искренне радуется твоему успеху как своему, не только тот, кто без размышлений придёт к тебе на помощь и поддержит в трудные моменты жизни. Это чрезвычайно важно. Но высшим критерием чистоты и неразрывности дружбы является способность и умение друга сказать о твоих ошибках, неправильных действиях и вместе с тем выслушать и твою критику, если она, по его мнению, необходима.

Вот такими были и есть мои друзья, которым я жизненно благодарен и без которых я был бы не я. Они не только мне помогали и помогают быть, но и спасали от многих горестей и соблазнов, помогали поднимать планку требований к себе. Между друзьями бывает – и было! – всякое. Но дружба превыше всего и перекрывает всё.

Друзей в Воронежском университете у меня много было и, к моему счастью, есть. Память кипит и светлеет от радости воспоминаний о них. Некоторых я сумел вписать в различные сюжеты своих очень неполных мемуаров: Бориса Ивановича Михантьева (он для меня был не только ректором, но и другом, державшим меня на равных, умевшим вовремя сказать, намекнуть: «Будь осторожен» и кое-что выслушавшим и от меня), Владимира Васильевича Гусева (мы даже ссорились с ним, но дружба неизменно оставалась), Владимира Наумовича Эйтингона (знакомство началось до его появления в университете и переросло в очень плодотворную дружбу).

Но некоторые стойкие друзья как-то не зацеплялись за мемуарные сюжеты, хотя были и есть деятельными участниками университетской жизни и многое памятное сделали и в учебном процессе, и в научных исследованиях, и в общественной деятельности, и в том, что можно назвать культурой ВГУ. О многих не смогу написать, не сумею и не успею (на днях мне исполнилось 86; надо спешить). О студенческих друзьях я написал в первой главе. В этой вспомню и напишу о тех, с кем долгие (но – увы! – такие короткие) годы непосредственно общался и по университетским обстоятельствам, и по семейным, и личным.

Чтобы как-то композиционно выстроить свои воспоминания, в этой главе выделю отдельные особо озаглавленные разделы, в каждом из которых памятный

образ моего друга, в жизни тесно связанные между собой. О! Сколько добрых и разных друзей мне подарил ВГУ!.. Они продлили мне жизнь.

С кого начать? Начну хронологически, по времени возникновения дружбы. Итак:

1. Свободомыслящий

Свои воспоминания о друзьях студенческих лет я воспроизвёл во второй главе. Они незабываемыми оказались и во все последующие десятилетия. Я благодарен судьбе, что в студенческой среде моими друзьями стали Костя Огрызков (староста курса), Лёва Варшавский, Борис Кривенко – участники Великой Отечественной войны, фронтовики, как их тогда называли. Они были старше меня не только по возрасту (на 6–7 лет), но прежде всего по своему жизненному, суровому фронтовому опыту. Общение с ними дало мне очень многое. Прежде всего стойкую психологию, этику взаимоподдерживающего неизменного товарищества, жизненной активности, гражданского долга.

В постстуденческие годы университет щедро дарил мне новых друзей, общение с которыми наполняло работу и саму жизнь особым смыслом и порождало многообразные переживания всего, что было, ожидалось и о чём думалось. И одним из первых был Володя Второв (Владимир Михайлович – в поздние годы).

Не могу вспомнить, в какой момент мы с ним познакомились. Обстоятельства – повседневная жизнь университета в первой половине 50-х годов прошлого (увы!) века. Володя был на 2 года моложе меня. Я уже был аспирантом кафедры философии и секретарём комитета ВЛКСМ (с сентября 1953 года). Володя был студентом исторического отделения историко-филологического факультета. Учился отлично. По-видимому, по каким-либо комсомольским делам мы с ним и встретились. Но было и ещё одно обстоятельство. В то время на историко-филологическом факультете сложилась своеобразная форма общения деканата, кафедр, общественных организаций со студентами: более или менее периодически проводились вечера «вопросов и ответов». На лестничной площадке в корпусе на улице Фридриха Энгельса (теперь там общежитие № 1, а тогда половину корпуса занимали историко-филологический и географический факультеты под учебный процесс и военная кафедра) висел на стене почтовый ящик. В него студенты опускали листки со своими вопросами. При вскрытии обнаруживалось много интересующих студентов вопросов. Проблематика была очень широкой: от бытовых до философских. Довольно серьёзных по своему смыслу. Вопросы группировались по адресатам и направлялись для ответа в деканат, на соответствующие кафедры, партийной, профсоюзной и комсомольской организациям. В один из вечеров в определённой аудитории собирались студенты (не только задавшие вопросы) и преподаватели (от профессора до ассистента), которым поручено было ответить

на заданные вопросы. Мне приходилось бывать на этих вечерах «вопросов и ответов» и по комсомольской линии, и по философским вопросам, которые интересовали (представьте себе!) пытливых и размышляющих студентов. Однажды пришлось отвечать на вопрос отношения диалектики Маркса к диалектике Гегеля. Его мог задать такой студент, как Владимир Второв или Валентин Смирнов. Я их часто видел на этих вопрос-ответных беседах.

К окончанию Володей историко-филологического факультета в 1955 году я довольно хорошо (осмелюсь так определить) знал его, чтобы рекомендовать очередной отчётно-выборной комсомольской организации избрать его членом, а потом секретарём комитета ВЛКСМ ВГУ. Как комсомольский активист и общительный студент Володя Второв был известен не только историко-филологическому факультету, но и другим. Нельзя сказать, что его кандидатура была однозначно принята. Кое-кто сомневался. Однако всё вскоре стало на свои места. Многочисленной комсомольской организации Воронежского университета нужен был мыслящий принципиальный лидер. Владимир Второв оказался именно тем лидером комсомольской организации, который был нужен находящемуся на подъёме в годы ректорства Б. И. Михантьева Воронежскому университету. Он стал деятельным посредником между студенчеством и научно-педагогическим коллективом, комитетом ВЛКСМ и ректоратом. В комитете вместе с Володей Второвым деятельно, весело, изобретательно и дружно комсомольничали Тамара Михарева (будущий декан Высшей комсомольской школы в Москве), Володя Чесноков (будущий доцент геологического факультета, поэт), Елена Крупко (будущий заведующий отделом науки и вузов Воронежского обкома КПСС), Лев Кройчик (будущий профессор журфака, талантливый журналист) и другие замечательные юноши и девушки.

Владимир Второв

Вряд ли можно сказать, что Володя Второв был волевым организатором. Ему иногда не хватало самоорганизованности. Впрочем, это я могу с полной откровенностью сказать и о самом себе. Он притягивал к себе людей. Притягательная сила его была не волевого, а иного свойства: в способности генерировать идеи развёртывания и наращивания творческой активности студенчества. Этим он привлекал и увлекал. Его идеи практически подхватывались студенческой общественностью. Тем более, что он сам дневал и ночевал в университете,

хорошо знал обстановку и людей на каждом факультете. Не случайно, много его статей, написанных чаще всего вместе с неизменным другом В. Листенгартеном, посвящено методам, способам формирования и развития самодеятельности, самоуправления студенческих коллективов, их взаимодействию с научно-педагогическими и административными структурами.

Возглавляемый В. Второвым комитет комсомола ВГУ превратился в творческую лабораторию многообразной общественной самодеятельности студенческой молодёжи. Никакие акции администрации университета по отношению к студенчеству на всех уровнях не проходили без консультаций с комитетом комсомола и его активного участия. Об этом сегодня, спустя более полувека, одобрительно вспоминают многие (и не только ностальгически) вопреки тому псевдоидеологическому нигилизму и нравственному пофигизму, которые разливались в сумбурные 90-е годы.

После смерти Сталина многие представители старшего поколения задавались вопросом в потрясённой стране: «Как же теперь жить и быть?» Именно тогда, во второй половине 50-х годов, в студенческой среде начало выявляться и крепнуть стремление расширить пространство, поле своей жизнедеятельности и социального самоопределения. Естественно, главным было овладение знаниями для профессионального, трудового и гражданского самоопределения в жизни. А это было не просто в стеснённых материальных университетских и лично студенческих обстоятельствах. У многих живущих в общежитиях на завтрак часто были, как тогда говорили, «сушёные логарифмы». Однажды с моим другом И. Масловым зашли в продуктовый магазин на проспекте Революции, и он спросил у продавца: «Сушёные логарифмы есть?» И пожилая женщина без тени смущения ответила: «Уже кончились. Завтра с утра будут».

Второвский комитет комсомола не упускал из поля своего внимания ни объективные трудности, ни новые запросы студентов, ни их бытоустройство, ни нравственные искания, ни учебные дела и проблемы. Проводились слёты (теперь бы назвали форумы, но их нет) лучших по академическим показателям и общественной активности студентов. Это была очень конструктивная и плодотворная форма общения студентов и управленческих структур университета (ректората, учебной части, деканатов). Студенты высказывали свои суждения об учебном процессе, критические замечания (часто очень острые) о его организации, быте, деятельности управленческих структур, вносили конструктивные предложения. Критика никогда не носила нигилистического, «зряшного», демагогического характера. Студенты были заинтересованы, как сделать лучше, искали и предлагали более эффективные формы и способы решения проблем. Ректорат и деканаты внимательно и заинтересованно относились к замечаниям, критике и предложениям комсомольского актива.

Володя Второв, будучи историком по высшему образованию, отличался необыкновенно широкой литературно-художественной, музыкальной, театральной

эрудицией. Регулярно отслеживал публикации романов, стихов, критических эссе в так называемых толстых журналах «Знамя», «Октябрь», особенно ценил «Новый мир». Его трудно было застать врасплох вопросом о какой-либо новинке в художественной литературе. Он всегда имел своё мнение и суждение, убедительно мотивируя их. Широта и основательность гуманитарной эрудиции его была тем интеллектуальным и нравственным ресурсом, который позволял ему находить убедительные ответы на непростые вопросы, которые в 50–60-х годах ставила студенческая аудитория, и на проблемы, возникающие в процессе трудного распада сталинизма.

Владимир Михайлович всегда был свободно мыслящим человеком. И это ценила студенческая аудитория, когда после работы в структурах комсомола он стал преподавателем философии. За это его ценили и коллеги по кафедре, и друзья. В его лекциях, особенно в размышлениях на семинарских занятиях, можно было услышать мысли не только К. Маркса, в научной ценности которых он никогда не сомневался, но и Шекспира и Канта, Герцена и Достоевского, Конфуция и Блока.

Володя был сверхчувствителен к понятию и практике правды. Исторической, научной, житейской, общественной. Он остро реагировал на фальшь, в чём бы и как бы она ни проявлялась. Чисто и искренне веря в идеалы социализма, он раздражённо воспринимал и критически едко высказывался о понятии «развитого социализма», пущенного в оборот сусловским догматизмом и конформистски воспринятым многими обществоведами. В дружеском кругу его саркастические высказывания мы определяли как специфический жанр – «второвские филиппики». Из-за своей бесстрашной приверженности к правде и социальной справедливости Владимир Второв в начале 60-х годов карьерно пострадал. Как талантливый комсомольский активист, творчески проявивший себя в ВГУ, он был в 1960 году избран секретарём горкома ВЛКСМ. Его дружно поддержало студенчество. Через некоторое время (точную дату не могу вспомнить) на очередной отчётно-выборной комсомольской конференции Воронежской области он выступал по проблемам городской молодёжи, прежде всего о студенческом комсомоле, его роли в формировании будущей молодой интеллигенции (его любимая тема). Среди вузовских проблем он коснулся одной большой проблемы: в вузах Воронежа, в частности в университете, учатся дети партийных работников. Учатся нормально. Но отдельные скверно, пьянствуют. Комсомольские организации бессильны их перевоспитать, а ректораты отчислить из числа студентов. Назвал фамилию одного из таких студентов, сына очень крупного партийного работника, который на той областной конференции был и сидел в президиуме на первой линии стола. Зал, человек 600, замер, а потом обрушился шквал аплодисментов. Через два дня Владимир Михайлович Второв был освобождён от должности секретаря Воронежского городского комитета ВЛКСМ. Через день Володя пришёл ко мне. Я уже всё знал и переживал за него и как за друга, и как за перспективного, талантливо-

го, мыслящего комсомольского работника. Поговорили. Его позицию я полностью разделял. Володя переживал не то, что его грубо без всяких оснований сняли с работы, а то, что несправедливость не усомнилась в своём нравственном бесчестии. Володя вернулся ассистентом на кафедру философии.

В 80-х годах XX века в среде вузовской интеллигенции, особенно молодой, и, конечно, в студенчестве нарастало брожение умов. Разновекторное по проблемам и смысловым парадигмам. Оно началось задолго до горбачёвской перестройки. Брожение умов было обусловлено и генерировалось расхождением между идеалами, жизненными потребностями широких слоёв населения и социально-экономическими реалиями. Вместе с тем оно было реакцией на шумное и назойливое суесловие о «развитом социализме». Надо было дать какой-то выход глухому брожению, дать возможность свободного обмена мнениями, суждениями, сомнениями. Была предложена идея проведения философских диалогов. Суть её заключалась в обсуждении двумя-тремя философами, представителями любой науки какой-либо проблемы и одновременном диалоге их с аудиторией. Именно в диалоге, дискурсе, как потом стали говорить, а не в дискуссии, тем более не в споре-пикировании. Замечу, наше общество поныне остро нуждается в дискурсивном диалоге по многим проблемам. Дискуссий у нас много; от споров каждый день трещат экраны телевизоров. Диалогов почти нет. Диалог предполагает не только способность высказать своё суждение (если оно, конечно, есть), но и выслушать, понять партнёра и вместе продвигаться в размышлениях, поисках истины, опираясь на точки совпадения и уточняя, развивая понятия.

На открытый дискурсивный диалог даже в 80-х годах мало кто мог рискнуть в университете. Вот тут и пригодилось свободомыслие и эрудиция Владимира Михайловича.

Мы начали с ним диалог по вечной проблеме «Что значит быть современным?» Второй диалог «Интеллигент и интеллигентность» вели профессор С. Н. Титов и старший преподаватель В. М. Второв. На «Философские диалоги» приходило 50–60 человек. В основном студенты, аспиранты, молодые преподаватели. Памятен диалог «Современен ли Себастьян Бах?» (Второв – Рахманин). Особой техники тогда не было. Но вести диалог о Себастьяне Бахе без его музыки бессмысленно. Достали радиолу. У Володи было много грампластинок с записью музыки Баха, которую он любил. На наш диалог пришло столько молодёжи из разных вузов, что обычная аудитория всех не могла вместить. Пришлось срочно искать большую; благо был субботний вечер и учебных занятий не было. Развернулся, если можно так сказать, многосложный, многосубъектный диалог: диалог С. Баха с Богом, диалог каждого из нас с С. Бахом, диалог между нами, диалог с аудиторией. И звучала музыка. Часа четыре. После нас многие благодарили. Именно Володе я обязан пристрастием к С. Баху, особенно к его «Нюрнбергским концертам». В «Философские диалоги» включались по разной проблематике и другие

участники: профессор С. Н. Титов, доцент Б. Я. Замбровский (кафедра философии), профессор-филолог А. М. Абрамов, профессор из Москвы М. С. Джунусов («Нации в СССР и в современном мире») и др.

Изредка в застолье чаще всего у меня (квартира в центре города, неподалёку от главного корпуса ВГУ) собирались четыре друга: три Володи – Второв, Гусев, Листенгартен и один Валентин. В 60–70 годах в Воронеже было много грузинских, болгарских, венгерских вин. Мы почему-то все любили белые сухие вина и венгерский Токай. Больше одной бутылки на столе не стояло. Мы собирались не из-за неё, нам хотелось по-дружески пообщаться, поговорить. Галя (моя жена) готовила какую-нибудь нехитрую закусь. О чём говорили? О времени, об университете, о научных делах, о студентах, о поэзии, театре, музыке (иногда что-нибудь слушали; у меня по тогдашним меркам был хороший проигрыватель). Из Второва одна за другой сыпались его саркастические «филиппики» по разным поводам. В том числе и о местной и верховной власти. Но ничего антисоветского или антикоммунистического. Для нас это было не то что идеологическое табу, а просто находилось за пределами нашего мышления. До нас доходило кое-что из самиздатовской литературы. Говорили и о ней. Чему-то удивлялись, с чем-то соглашались, что-то отвергали. Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» мы прочитали задолго до его издания в СССР; его тайно привёз из какой-то зарубежной поездки С. Н. Титов (тогда доцент, потом профессор кафедры философии). Роман произвёл сильное впечатление. Но мы так и не поняли, почему его не издавали в СССР и почему Б. Пастернак передал его для публикации за рубеж. Роман Б. Пастернака, по нашему мнению, был не хуже и не лучше, так сказать, в идейном отношении прославленного романа А. Толстого «Хождение по мукам». Володя Второв однажды даже высказал мысль: «Борис Пастернак поздно написал “Доктора Живаго”, если бы он написал его вначале 50-х, то при Сталине роман был бы опубликован». Поспорили и пришли к выводу: возможно. Разрешил ведь Сталин ставить булгаковские «Дни Турбиных» в МХАТе и сам смотрел.

Володя Второв был интересным собеседником в любых условиях и обстоятельствах. Почти каждое лето семьями мы отдыхали на знаменитой университетской базе «Веневитиново». С ним хорошо было бродить по лесу и беседовать на разные философские и житейские темы: от кантовских антиномий, до тайны нарастающего дефицита товаров массового потребления в условиях успехов советской экономики. Честно говоря, в кантовских антиномиях мы разбирались лучше, чем в антиномиях советской экономической и социальной практики.

Но и сам Владимир Михайлович Второв (для друзей – всегда Володя) был и остался антиномией. Сколько ни вспоминай о нём, ни расспрашивай, неотступно стоит вопрос: «Почему этот философски пытливый и широко эрудированный человек не защитил кандидатскую диссертацию?» Ответ, на первый взгляд, прост: он её не написал. Но был знаковой фигурой молодой научной интеллигенции.

Вопрос не прост. Володя ушёл с ним, не ответив, почему даже не представил к защите диссертацию по тем проблемам, по которым размышлял, хотя имел все интеллектуальные данные.

Мне кажется, ответ скрыт в трёх «секретах» личности Владимира Михайловича. Первый, как это ни парадоксально, – в избыточной широте его эрудиции и философской пытливости, интересах. Ему трудно было не то что сосредоточиться, а остановиться на чём-то одном и сказать себе: тут копай, отбрось пустую породу, под ней никому не известный кристалл. Ему казалось, постигнутое им уже известно. Он был дискурсивен в своих размышлениях и не мог остановиться; за каждым дискурсивным поворотом он говорил себе: это не то, не то, это известное. Известный учёный доктор исторических наук, профессор Илья Николаевич Бороздин (мы иногда вместе возвращались с ним с работы) сказал мне: «Наука требует усердного накопления фактов, постоянного размышления над ними и волевой способности вовремя остановиться и выпустить их на волю в виде статьи, книги, диссертации, прибора, машины и т. п.». Володя не умел остановиться, факты и размышления распирали его. В этом отношении в нашем университете он был не одинок. Я знал несколько таких же талантливых людей на разных факультетах.

Второй «секрет»: своеобразие Володи (и достоинство, и недостаток одновременно) в том, что оригинальные мысли у него появлялись тогда, когда он их выговаривал, проговаривал в живом общении с другими. Мне приходилось так с ним работать по проблеме убеждений (структура, формирование, трансформация, личностный и общественный феномен, типы и т. д.). Впервые, лет за 20 до того, как об этом стали писать психологи, философы, социологи, он высказал идею: убеждения – смыслообразующая структура Я-концепции. Эта идея была и тогда диссертабельной, да и сегодня в ней есть не только диссертационные проблемы. Раз в неделю мы встречались с ним и обговаривали какую-то часть проблематики. Володя с интересом и оригинально рассуждал. Я советовал ему: «Дома всё это запиши». Приходил через два-три дня, текста нет. «Почему?» – «Да всё это как-то на бумаге неинтересно. Слова разбегаются как тараканы по пустому столу». Что в этом признании? Высокая требовательность к окончательному письменному оформлению своих оригинальных мыслей? Или – недостаточная усидчивость? Наверное, и то и другое. Проговорить мысль другому для Володи было легче, чем записать её для себя. К тому же он не страдал диссертационным тщеславием, хотя и хотел подготовить диссертацию.

И третья причина: давняя болезнь медленно, но непрерывно подтачивала его силы и здоровье, разрушая философски оригинальный ум и творческую волю.

Но как бы там ни было, свой талант, обширные знания, труд он отдавал Воронежскому государственному университету, который любил, и душевно переживал все перипетии его судьбы, прошлого, настоящего и будущего. Он был и остался в памяти свободомыслящей личностью.

2. Из военного поколения

С будущим доктором философских наук, профессором, заведующим кафедрой философии ВГУ Сергеем Николаевичем Титовым мы познакомились и стали на всю жизнь друзьями в конце 1953 года, когда оба были аспирантами нашего общего философского наставника Бориса Моисеевича Бернадинера. Он был старше меня и по возрасту, и по аспирантским годам, и – самое главное – по жизненному опыту. Он был участником Великой Отечественной войны, фронтовиком. Фронт он хранил не только в памяти, носил в своих лёгких. Деревенским юношей со школьной парты он ушёл на фронт, который в то время кроваво катился с запада на восток. Армейская среда приняла его хорошо; у Сергея покладистый характер и крестьянский обычай не жаловаться на трудности, а исполнять то, что положено, и делать надёжно, не подводя товарищей и не перекладывая на них свою долю тягостей. Не раз и не два попадал в ситуации, о которых Булат Окуджава пел:

Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.

Сергей Николаевич любил эту песню и пел её на встречах с ветеранами-однополчанами под свой трофейный аккордеон.

Фронт уже катился на Запад по польской территории. Сергей Титов был связистом. Таскал тяжёлые катушки с проводами. При любых военных операциях, боях и обстрелах связь должна быть во что бы то ни стало. Под польским городом Познань шёл тяжелый бой. В жестоком миномётно-артиллерийском шквале оборвалась телефонная связь. Обычное дело. Сергей Титов бросился искать обрыв. Короткими перебежками, ползком, перекатом по проводу нашёл. Обрадовался. И… вдарил немецкий снайпер. Пуля прошла долгий путь в теле и застряла недалеко от сердца в лёгком. Но связь была восстановлена.

Сергей Титов

Долгие скитания по госпиталям. Молодой организм с помощью врачей преодолел тяжёлое ранение. Но пуля осталась и заизвестковалась в лёгком. Остался и пробитый пулей комсомольский билет. Сергей Николаевич после долгих просьб и переговоров передал его в музей ВГУ.

Сергей Титов – один из первых фронтовиков, что поступили в Воронежский

государственный университет на историко-филологический факультет (филологическое отделение). Он рассказывал: весь университет располагался в красном корпусе по проспекту Революции, 24. При входе в вестибюль справа и слева были дощатые выгородки. Это было «общежитие». На мешках, набитых сеном, на ночь располагались студенты, в том числе и первокурсник, фронтовик с боевыми орденами и наградами. Было холодно, голодно. Но постепенно всё обустраивалось. Сергей Титов с отличием окончил историко-филологический факультет и был рекомендован в аспирантуру по кафедре философии. На старших курсах он подрабатывал на Воронежском радио диктором. У него были очень хорошие дикторские данные по дикции, тембру голоса, скорости и тональности речи, по безошибочной фонетике, по пониманию того, что он говорил в микрофон. В конце 1940-х – начале 1950-х годов из ВГУ в областном радиокомитете дикторами работали двое: Сергей Титов и Борис Удодов (будущий известный лермонтовед, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы), у которого был чарующий бархатный голос. Будучи потом преподавателем, я учился у Сергея Николаевича вокальному мастерству, речевой культуре, лекторскому дыханию. Увы! – его уровня не достиг.

Будучи аспирантом, Сергей Николаевич работал над диссертацией по философским проблемам эстетики. Окончившему филологическое отделение историко-филологического факультета эстетическая проблематика была ближе других философских сюжетов. Борис Моисеевич Бернадинер, его и мой научный руководитель, ему разрешил вести диссертационное исследование по эстетике, но мне отказал, несмотря на мои просьбы. Аспиранты кафедры философии тесно общались между собой. Мы были органической частью кафедрального коллектива. У общего научного руководителя профессора Б. М. Бернадинера было человек 5–6 аспирантов. Аспиранты активно участвовали в заседаниях кафедры (два раза в месяц по субботам) и во всех кафедральных действиях. Участие в разносторонней жизни кафедры тогда считалось неотъемлемой частью подготовки аспиранта к будущей научно-педагогической работе в вузах. Научный руководитель требовал, чтобы все аспиранты выступали при обсуждении диссертации того или иного коллеги по любой проблематике. Между прочим, это давало полезную возможность, вчитываясь в диссертационный текст коллеги, критически взглянуть на себя, вырабатывать умение аналитического чтения философских текстов, расширять свой кругозор, познания, развивать культуру философского мышления.

Ближе всех я сошёлся с Сергеем Николаевичем Титовым в том числе, но не только, и по товарищескому взаимодействию при работе над кандидатскими диссертациями. Он очень много помог мне в работе над моей диссертацией «Исторический детерминизм и проблемы свободы». Особенно в построении композиции текста и его литературно-языкового стиля. У Сергея Николаевича врождённый талант литературного и научного редактора.

Аспирантское кафедральное товарищество переросло в дружбу. И в личную, и в семейную. После окончания аспирантуры я начал работать ассистентом кафедры философии (зарплата, помнится, 125 рублей). В основном приходилось читать так называемые обзорные лекции по диалектическому и историческому материализму (две части философии марксизма в тогдашнем понимании), даже историю философии (в то время обязательный курс для студентов историко-филологического факультета) на заочном отделении, да проверять, рецензировать контрольные работы студентов-заочников. Кафедральный коллектив был тогда довольно сплочённым, хотя по квалификации – официальной и фактической – коллеги довольно существенно различались. Между прочим, на кафедре работал один из оставшихся в советской России потомков древнего княжеского рода – Николай Александрович Голицын. Он скрывал своё княжеское происхождение, в отличие от Сергея Владимировича Голицына, который работал на биостанции-заповеднике «Галичья гора» и которому по представленной кандидатской диссертации, изменив процедуру защиты, враз присвоили степень и кандидата, и доктора наук. Николай Александрович был человеком скромным, отличался высокой культурой общения; учёной степени не имел (был старшим преподавателем), но лекции по марксистской философии читал на высоком научно-методическом уровне и, по отзывам студентов, увлекательно. Из всех сотрудников он ближе всего был с Сергеем Николаевичем. После смерти Николая Александровича семья поставила ему на Коминтерновском кладбище хороший памятник с выразительным гербом рода князей Голицыных.

Однажды Сергей Николаевич предложил совместный семейный отдых где-нибудь на Чёрном море. С санаторными путёвками тогда было очень туго, а с семейными – тем более; я даже примеров не знаю семейного отдыха в санатории. Некоторые вообще отрицают его целесообразность и оздоровляющие функции. Организацию дела Сергей Николаевич взял на себя. К семейной компании присоединился Борис Яковлевич Замбровский (будущий доктор философских наук, а тогда, в начале второй половины 50-х годов, кажется, он был аспирантом; до 1954 года был однокурсником моей будущей жены Гали на историко-филологическом отделении). Вскоре, это был 1956 год, Сергей Николаевич и Борис поехали в Крым. Где-то под Алуштой в посёлке Рабочий уголок (ранее до войны назывался Академический уголок, потом, кажется, это название вернули) нашёл одинокую пожилую хозяйку, которая сдала нам на 3 семьи свой домишко вместе с подворьем из расчёта 1 рубль с человека, считая детей. Срочно Сергей Николаевич дал телеграмму. И мы с Галей отправились. Добрались, увидели облюбованный Сергеем и Борисом домишко над морем и рассмеялись. Удобств никаких. Спать мужской половине компании на надувных матрасах, раскладушках во дворе под навесом. Но море с относительно хорошим диким пляжем и добротной набережной с киосками, кафе, кинотеатром и даже танцплощадкой и вольным базарчиком было

под боком, внизу. Обустроились и – забегаю вперед – недели за три прекрасно отдохнули. Мы были молоды. Радовались морю и вольной жизни, и своему содружеству. Рано вставали, наскоро завтракали (добрая хозяйка дала нам в полное распоряжение довольно мощную керосинку и примус). И… на пляж, к морю. Надо было пораньше захватить места под тентами (бесплатно!) поудобнее. Самое большое удовольствие во всех отношениях – ранним утром рыбалка на море с лодки.

Описание рыбалки и всего, что ей сопутствовало, и её последствия (не меньшее удовольствие!) требует особого живописного таланта, которого у меня, к сожалению, нет. Но всё же. О соблазне рыбалки узнал Борис Замбровский. Сергей Николаевич развернулся практически. И всё оказалось под рукой. В рыболовном киоске на набережной купили прочные (сизалевые, как их нам назвали) лески. Каждая метров на 200. Леска навёртывалась на специально заготовленную дощечку (15–25 см). К леске подвязывался свинцовый грузик граммов на 75 и поводок с 5–6 крючками с яркими петушиными пёрышками. Вставать надо было пораньше, часов в 5. Заранее нужно было за «трёшницу» – рубль с человека – договориться с лодочником о лодке. Отплывали в море метров за 110–150. И… забрасывали снасть. Ловилась жадно великолепная рыбёшка пикша. Она шла густо. Только закинешь снасть, начинается подёргивание лески. Осторожно, не дёргая и не делая подсечки, наматываешь леску на дощечку. И… на крючках 2–3 серебристые рыбки. Иногда 5, довольно часто 4. Снимаешь. И забрасываешь снасть. И снова… Иногда попадала мелкая камбала. Азарт захватывает. За час – почти полведра красивой рыбёшки. Хочется ловить и ловить. Да становится жарко. Можно сгореть под солнцем над морем. Да и женщины ждут на берегу. Пора сматывать удочки. Уходим, прощаясь с пикшей и обещая завтра вернуться.

Первым нас встречал хозяйкин рыжий избалованный и самоуверенный кот. Заглядывал в ведро с рыбой. Иногда мы ему позволяли самому выбрать рыбку, придерживая, чтобы он от жадности и азарта не свалился в ведро. Потом восхищались женщины – Галя, Раиса и… забыл имя жены Бориса Замбровского (прошло несколько десятков лет). Быстро жарили пикшу на сливочном масле на двух больших сковородах. К завтраку иногда присоединялась хозяйка Клавдия Семёновна. Кот жареную рыбу не ел; сидел рядом и умывался.

Потом – на пляж, к морю. Местечко Рабочий (Академический) уголок было давно известно многим как хорошее место для отдыха «дикарём». Пляж с раннего утра заполнялся основательно, как выразился Сергей Николаевич, тело к телу. Тентов было много, но их не хватало. Поэтому, уходя на рыбалку, мы оставляли свои вещи (подстилки, обувь) под двумя рядом стоящими тентами. Только однажды мы обнаружили наши вещи отодвинутыми из-под тентов на солнцепёк. Купались, загорали. И никаких философских разговоров. Правда, однажды мы с Борисом Замбровским затеяли дискуссию о философском понятии бесконечности, отталкиваясь от гегелевского понятия дурной бесконечности. Сергей Николаевич махнул на нас

рукой и ушёл с женщинами и детьми в море купаться. Мы с Борисом так увлеклись бесконечностью в спорах о ней, что не заметили, как тень от большого тента от нас отвернулась в другую сторону на радость соседей-сопляжников.

Сезона три мы компанейски отдыхали под Алуштой в Рабочем (Академическом) уголке. Потом компания как-то распалась, да и держалась она по-семейному только на общем интересе в сезонных поездках к морю. Борис Яковлевич Замбровский ушёл в технологический институт (теперь академия инженерных технологий) и как-то выпал из содружества, а после защиты докторской диссертации почему-то конфликтовал с университетской кафедрой философии, его породившей, но при другом заведующем.

В 1963 году тяжело заболел основатель кафедры философии профессор, доктор философских наук Борис Моисеевич Бернадинер. Сергею Николаевичу Титову, тогда ещё доценту, пришлось вступить в должность и. о. заведующего кафедрой на общественных началах. Бориса Моисеевича разными способами долго держали на соцстраховском бюллетене. И вместе, и врозь мы с Сергеем Николаевичем регулярно посещали своего философского учителя-наставника. Также регулярно посещал его А. А. Демченко, тоже его ученик, работавший заведующим кафедрой философии и одновременно секретарём парткома КПСС в медицинском институте. Созванивались и общались с женой Бориса Моисеевича. Большую помощь в общении оказывала старший лаборант кафедры Ангелина Петровна Коротких, которую Борис Моисеевич высоко ценил как аккуратного и инициативного работника. Лечивший Б. М. Бернадинера доцент А. А. Рубанович сделал всё, что мог. И, как потом выяснилось, больше того. У Бориса Моисеевича был обширный левосторонний инсульт и опухоль мозга. Борис Моисеевич стал говорить (с трудом, но понять было можно), стал понемногу двигаться. Даже приходил несколько раз на кафедру, но работать он уже не мог.

Свои обязанности заведующего кафедрой Сергей Николаевич выполнял обстоятельно. Даже помог аспирантам Бориса Моисеевича завершить диссертации и через некоторое время защитить их. Борис Моисеевич умер 9 сентября 1964 года. Провожала его в последний путь вся философская общественность, представители других наук. Скорбную речь о выдающемся философе и фронтовике сказал Сергей Николаевич, его ученик и фронтовик.

Заведование кафедрой философии ВГУ было довольно сложным делом. Два философских курса – диалектического материализма и исторического материализма – читались на всех факультетах. И надо было учитывать профиль каждого факультета, а иногда и конкретной специальности. К тому же университетская кафедра была опорной для философских кафедр и секций всех вузов города, и на неё, как и на другие обществоведческие кафедры, была возложена обязанность регулярно проводить семинары преподавателей философии с постановкой научных и методических докладов. Сергей Николаевич вёл и эту работу. Философ-

ские городские семинары проходили интересно и неизменно дискуссионно. Мне, начинающему преподавателю философии, приходилось выступать с докладами и испытать на себе остроту дискуссий, особенно по теме «Философские теории личности». Кафедра философии обязана была вести на факультетах методологические семинары по философским проблемам профилирующих наук: от физики до филологии. У других обществоведческих кафедр таких обязанностей не было.

Сергей Николаевич сохранил все добрые кафедральные традиции Б. М. Бернадинера. Не только регулярных заседаний по субботам. Регулярно обсуждались теоретические и методические доклады. Каждый преподаватель проводил по два так называемых открытых занятия (лекции, семинары), начиная с заведующего кафедрой, т. е. с Сергея Николаевича. Обсуждения проходили в товарищеской форме: профессионально, требовательно, уважительно и заинтересованно. Ещё со времён болезни Б. М. Бернадинера Сергей Николаевич читал его курс лекций «История философии». Курс большой – двухсеместровый – на историко-филологическом факультете. И читал его блестяще. Пишу об этом без малейшего преувеличения. Так отзывались студенты нескольких поколений. Их очаровывал не только голос лектора, его тембр, размеренность и меняющаяся тональность речи, но и манера держаться в аудитории, сочетающая в себе и сближающий демократизм, и дистанцирующий аристократизм. Сергей Николаевич не допускал ни простецкого панибратства, фамильярности в общении со студентами, ни педантского высокомерия. Самое главное – увлекательное, талантливое раскрытие драматизма философских концепций, их генезиса, эволюции в контексте социальной истории и исторических событий. Это – самое трудное. Сергей Николаевич не упрощал историю философии, тех или иных парадигм, и вместе с тем на каждой лекции он раскрывал их смысл, интеллектуальные достоинства и пределы. На опыте истории философских поисков, откровений и заблуждений профессор С. Н. Титов учил студентов не только мыслить, но и задумываться над проблемами человеческого бытия и его познания.

Во времена, когда кафедрой заведовал Сергей Николаевич, её коллектив сосредоточивал внимание на исследовании проблем общественного сознания, его форм, соотношения с историческими реалиями. Большинство сотрудников и сам Сергей Николаевич были сторонниками и разработчиками философской концепции активной роли общественного сознания по отношению к общественному бытию. При подготовке коллективных сборников по этой проблематике часто возникали острые дискуссии. Кое-кто (поминать их я не вправе) догматично твердил: «Общественное сознание есть отражение общественного бытия. Смотрите работу В. И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”». – «Всё это так, – отвечал Сергей Николаевич. – Но без общественного сознания не было бы исторически конкретных форм общественного бытия». Мысль о творящей роли общественного сознания и о том, что и как меняется в общественном бытии, очень важна в пони-

мании того, что ныне возникает в России и в мире в целом. Одна из главных проблем философии – познать, понять качество, структуру общественного сознания, его доминирующие комплексы и тенденции в конкретную историческую эпоху.

В мае 1964 года я был назначен приказом ректора Б. И. Михантьева, а потом избран по конкурсу заведующим формирующейся кафедрой научного коммунизма, а в конце августа назначен проректором по учебной работе. Встречаться кафедрально с Сергеем Николаевичем мы стали реже. Но друзьями остались. Вместе с доцентом-лингвистом Натальей Константиновной Соколовой и Василием Григорьевичем Свиридовым (фронтовиком-инвалидом, одним из лучших директоров средней школы) мы часто отмечали взаимные дни рождения, праздники (Новый год, 7 ноября). Пожалуй, чаще всего у Соколовых-Свиридовых. У них была удобная квартира, и они были очень гостеприимны. Наталья Константиновна была отменной кулинаркой и любила вкусными блюдами угостить друзей. У неё я учился готовить баклажаны по-турецки, и до сих пор в моей семье памятно её кулинарное искусство. К семейным посиделкам иногда присоединялись профессор Игорь Павлович Распопов и его супруга. Он заведовал кафедрой русского языка, доцентом которой была Наталья Константиновна Соколова. Человеком он был многомерной, не только филологической, эрудиции. Лекции он читал в аудитории в корпусе на площади Ленина, 10, напротив моего кабинета (ауд. № 93). В перерыв и после лекции он заходил ко мне. Покуривали и беседовали на разные темы. Я поражался его историческим познаниям и культурой философских размышлений. Его очень интересовала политическая культура Китая, Кореи, специфика восточного вождизма (Мао Цзэдун, Ким Ир Сен). Беседы с ним были увлекательными, но короткими. На вкусных застольных вечерах у Соколовых-Свиридовых раскрывался и восхищал другой его талант. Он знал много так называемых блатных песен. И замечательно пел. Пел необычно. Садился на пол около стола, обхватывал его ножку и, прислонившись к скатерти, задушевно пел. Иногда к нему присоединялся Сергей Николаевич, если песня была фронтовая. Дуэт был замечательный.

Пели, сидя на полу, отнюдь не в опьянении. В фольклорном артистизме. Алкоголь за нашим застольем не пользовался повышенным интересом. Мы разговаривали на разные университетские и неуниверситетские темы, о новинках художественной литературы, спектаклях воронежских театров, пели. Радовались дружескому общению.

Сергей Николаевич Титов никогда не стремился к какой-либо научно-административной карьере. Это было ему вообще чуждо. Он долго был заведующим кафедрой философии. Когда истекли его конкурсные полномочия, он не стал претендовать на новый срок и не подал заявление на конкурс. Подал заявление на конкурс заведующего кафедрой молодой доктор философских наук из далёкого сибирского города Бийска Борис Яковлевич Пахомов. По-моему, Сергей Николаевич сам пригласил его, встретившись на какой-то конференции. Борис Яковлевич

был избран, и никаких, как нередко бывает, напряжённых отношений, тем более конфликтов между прежним и новым заведующим не было, да и не могло быть.

После открытия факультета философии и психологии (1996 год) Сергей Николаевич перешёл туда. Он мог бы стать заведующим кафедрой истории философии, поскольку после смерти Б. М. Бернадинера вёл этот курс на историко-филологическом, а потом на историческом факультете. Но не стал. Встречаться мы стали реже. Семейные отношения «ушли в прошлое». Встречались относительно регулярно только на заседаниях диссертационного совета. В конце 90-х годов и до 2012 года я был членом трёх диссертационных советов в ВГУ: по политическим, историческим и философским наукам (до 2015 года). При защитах докторских и кандидатских диссертаций наши мнения об их достоинствах и недостатках почти всегда совпадали. По возрасту и состоянию здоровья Сергей Николаевич как-то незаметно полностью перешёл на пенсию.

Сергей Николаевич Титов относится к самому героическому и трагическому поколению советской молодёжи. Из юношей, рождённых в первой половине 20-х годов прошлого века, с фронтов Великой Отечественной войны вернулось только около 6 %. Остальные остались на полях сражений. До сих пор, спустя более семи десятков лет, находят их останки. Большинство вернувшихся несло в себе и на себе тяжкие отметины войны. Среди них и Сергей Николаевич Титов. Это поколение сделало для страны больше, чем могло. Сергей Николаевич из этого поколения.

3. Кристаллография личности

В октябре 1953 года неожиданно меня избрали секретарём комитета комсомола ВГУ. Неожиданно… Несколько дней тому назад, выдержав экзамены, я стал аспирантом кафедры философии и продумывал, как себя организовать для основательной подготовки к научной работе. И вдруг… Я отказывался, ссылаясь и на предстоящее обучение в аспирантуре и – главное – на нерасположенность и на неподготовленность к организаторской политической работе. Мои аргументы не то что отвергли, а просто не приняли во внимание. Сказали: «Вы молоды. Это – ваш долг. В остальном поможем». Отказываться от долга я считал неприемлемым для себя и нравственно невозможным.

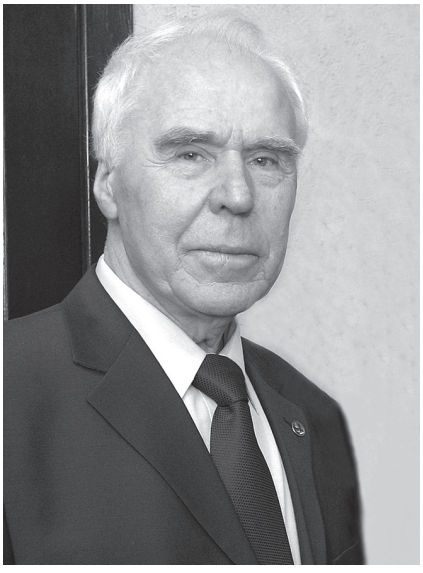
Комитет комсомола сформировался из активных и общительных юношей и девушек, деятельно проявивших себя в различных сферах студенческой университетской жизни. Среди них – Коля Чернышов, студент 3-го курса геологического факультета, будущий доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (потом РАН). Скромный, спортивно-стройный парень, один из лучших выпускников Добринской (тогда ещё Воронежской, потом Липецкой области) школы-интерната. Много лет спустя он как-то признался, что

случайно оказался на геологическом факультете; хотел в авиационный институт, но что-то сдержало. Не знаю, что потеряла авиация, но геологическая наука обнаружила самоценный минерал. И сам Николай Чернышов нашёл в геологии условия и факторы кристаллообразования своего таланта и призвания личности учёного.

Известный французский философ-экзистенциалист Жан-Поль Сартр как-то сказал: «Мы все падаем в историю случайно». В определённом смысле это так. Но вся проблема в том, когда, куда мы падаем, что с нами делает история и что мы с ней и с собой делаем. После Добринской школы-интерната Николай, минуя авиацию, удачно «упал» в творческую среду, вовлекающую в силовое и романтическое поле геологии молодёжь послевоенного переломного времени. В годы студенчества Николая Чернышова на геологическом факультете, ютящемся на 4-м этаже красного корпуса ВГУ по проспекту Революции, 24, работали мудрейший Савва Гаврилович Вишняков, неугомонный и философски осмысливающий время и геологию Митрофан Степанович Точилин, неутомимый в труде Павел Филиппович Сопко, самоотверженная в науке и в заботе о студентах Вера Николаевна Преображенская, всегда ориентированный на практическое дело Владимир Сергеевич Дмитриевский и многие другие. Николай Михайлович часто повторял: «Мне повезло с учителями». Признание нравственно памятливого человека. Но ведь и им повезло. Хотя дело не только в везении, а во взаимной профессиональной заинтересованности и в призвании геологической науке.

На формирование личности любого человека оказывает направляющее, векторное воздействие не только непосредственная личностная среда, но и само время с его экономическими, духовно-культурными, социальными, политическими особенностями, тенденциями, с его ожиданиями, переживаниями и общественными надеждами. В живой памяти Николая Михайловича особое место занимала Великая Отечественная война, тяжёлые годы военных бедствий, надежд, вера в победу. Военное детство делало десяти-тринадцатилетнего мальчишку соучастником движения «Всё для фронта, всё для победы!». Коля старался и за школьной партой, и на колхозном поле, и в домашнем хозяйстве. Он верил в победу. И она пришла! В разговорах без всякого пафоса Николай Михайлович часто говорил об особой роли военного лихолетья и победы не только в своей биографии, но и в становлении личности. Он резко отзывался о тех, кто легкомысленно рассуждает о войне или тем более негативно отзывается о победе. Пережитое в годы войны не просто крепко держалось в памяти Николая Михайловича, но стало деятельным комплексом его жизненных мотивов и нравственных позиций.

Послевоенное время при всех его экономических, бытовых, житейских трудностях побуждало не к индивидуалистической замкнутости в жизненных закоулках, а к активному включению в сложные социальные процессы, которые переживала страна. Это время искало, находило, нередко ошибаясь, создавало деятельных людей, труд которых, говоря словами Владимира Маяковского, включался в



Николай Михайлович Чернышов

«труд моей республики». Потребности времени отвечали жизненным устремлениям таких людей, как Николай Чернышов. Идя навстречу потребностям социального времени, он создавал, творил и самого себя.

В англоязычной социологии есть особое понятие «self made» – человек, сделавший себя. Это в полной мере относится к Николаю Михайловичу. Он действительно упорным, целенаправленным трудом над самим собой сделал себя. Но делал себя вместе со временем, превратив геологию из сферы приложения своего труда в свою смыслообразующую судьбу.

Давным-давно талантливый журналист (к тому времени, кажется, уже профессор) Лев Ефремович Кройчик написал о Николае Михайловиче (на тот момент уже члене-корреспонденте РАН) статью в газету, озаглавив её «Этот везунчик Чернышов». Статья мне не понравилась. Прежде всего легкомысленным псевдоироничным заголовком. Не понравилась она и Николаю Михайловичу. Он высказал журналисту: «Я не везунчик. Мне всё давалось с трудом и через труд». Лев Ефремович оправдывался: «Везунчик» – это иносказательно. Ведь Вы сами говорили, что Вам повезло со встречей с выдающимся геологом и изумительным человеком Митрофаном Степановичем Точилиным, да и с другими. Статья о Вас как о труженике». Николай Михайлович не держал обиды. Лет через 20 Л. Е. Кройчик сделал хорошую книгу «Линия жизни Николая Михайловича Чернышова». Книга о целеустремлённом, волевом, талантливом учёном, никогда не дающем себе малейшего послабления в труде, всё делающем основательно и умеющем случай превратить в дело. И он неизменно признателен тем, кто подвёл его к случаю, в котором можно и нужно в труде испытать свои способности и что-то открыть в природе и в себе, для людей и для себя.

Характерно, в воспоминаниях, разговорах, научных статьях и монографиях выявляется некая, как бы сказали философы, экзистенциальная закономерность. Все «счастливые случаи», сыгравшие какую-либо роль в жизни Николая Михайловича, персонифицированы. Это – встречи с людьми деятельными, профессионально и социально активными, отзывчивыми и открытыми в общении. С исключительной теплотой и благодарностью он вспоминал и отзывался о профессоре Митрофане Степановиче Точилине, встреча (случайная?!) с которым и вовлекла его в геологию, ставшую судьбой. Митрофан Степанович был не только заботли-

вым наставником романтичной и трудной профессии геолога. Он учил мыслить, размышлять, анализировать и обобщать. Он был своеобразным философом среди геологов. Придавал сугубое значение методологии геологических исследований и поисков. Внимание к методологическим проблемам – творческое наследие профессора Точилина в мышлении Н. М. Чернышова и в молодости, и в зрелые годы члена-корреспондента РАН.

Встреча с доцентом (потом профессором) Павлом Филипповичем Сопко открыла выпускнику геологического факультета путь в аспирантуру и возможность интересной работы в Армении над диссертационными материалами. Павел Филиппович способствовал развитию экономического мышления у геологов-разведчиков. Именно он акцентировал внимание начинающего учёного-геолога на рудно-магматических проблемах и процессах. Его организаторская целеустремлённость внушала уважение и передалась ученику.

Любви к минералам Николай Михайлович учился у старейшего работника геологического факультета Ольги Борисовны Лукиной, занимавшей скромную должность лаборанта, потом преподавателя кафедры. По признанию Николая Михайловича (и не только его), Ольга Борисовна была непревзойдённым знатоком природы минералов. Её трудолюбие, добросердечие, отношение к каждому минералу как к живому существу, врождённая интеллигентность сыграли неоценимую роль в творческой атмосфере геологического факультета, во взаимоотношениях между коллегами, в обучении и нравственном, эстетическом воспитании студентов. Николай Михайлович в 60–70-х годах имел обыкновение произносить «минералогические тосты» в застольях по случаю дня рождения кого-либо из друзей, знакомых. По народному поверью, каждому человеку, рождённому в определённое время, соответствует определённый камень – амулет. Николай Михайлович называл конкретный материал и через его свойства поэтично раскрывал личность юбиляра. И неизменно – его прекрасные черты. Юбиляр был доволен, гости – в восторге.

Николай Михайлович – оригинальный кристалл в человеческих отношениях. Он не только не растворялся ни в какой социальной среде и житейских обстоятельствах, но обладал способностью наращивать кристаллические свойства своего таланта, интеллекта, деловых качеств, социальных связей. Его биография – это непрестанный процесс расширения взаимодействия, прежде всего научного, с людьми, обладающими интенсивными кристаллообразующими свойствами и энергией. Но и эти люди видели в Н. М. Чернышове кристалл, взаимодействие с которым обогащает самоценными размышлениями, информацией, знаниями, советами.

Николай Михайлович в молодости плодотворно сотрудничал в геологическом освоении Кольского полуострова с профессором Михаилом Николаевичем Годлевским, человеком-легендой в советской геологии. М. Н. Годлевский – фронтовик, попавший в плен, а потом, как тогда водилось, – в сталинский ГУЛАГ. Там, будучи «зеком»-учёным в так называемой шарашкиной конторе (в закрытом ин-

ституте в ГУЛАГе, в котором работали крупные учёные, осуждённые на долгие сроки) он сотворил пятитомный научный труд. Научное сотрудничество Николая Михайловича с ним отличалось удивительной дружбой в их отношениях и сыграло значительную роль в научной биографии воронежского геолога. В 60-х годах Н. М. Чернышов, тогда ещё молодой учёный, при исследовании Курско-Воронежского кристаллического массива обратил внимание на сходство Кольского и Таймырского (Норильск) массивов и выдвинул гипотезу о наличии медно-никелевой провинции в центре России. Эту гипотезу деятельно поддержал М. Н. Годлевский, и финансово отозвался министр геологии СССР, академик Александр Васильевич Сидоренко (в довоенном прошлом выпускник геологического факультета Воронежского госуниверситета). Так в жизнь (не только научную) Н. М. Чернышова вошла никелевая проблема, о которой напишу через несколько страниц.

Иногда, а в последние десятилетия всё чаще, можно услышать жалобы даже от незаурядных людей, что обстоятельства не позволяют развернуться и даже душат. Действительно, 25 лет после распада СССР – не лучшее время для российской науки. Но она жива и деятельна, благодаря таким (говорю без пафоса), как Николай Михайлович Чернышов, член-корреспондент РАН. Ему чуждо нытьё, ссылки на трудности. Он никогда не капитулировал ни перед какими обстоятельствами. Даже перед теми, перед которыми можно и вздрогнуть: непорядки в сердечно-сосудистой и опорно-двигательной системах, нездоровье супруги Ларисы Ивановны, мужественной и мудрой женщины. Николай Михайлович умел подчинять обстоятельства главному делу – служению геологии и России.

Меня восхищала и восхищает достойная для подражания, но недосягаемая для меня неукротимая и интенсивная работоспособность Николая Михайловича. Кажется, он ежесуточно работал по 25 часов, а иногда и более того. Даже на больничной койке. Количество опубликованных статей и книг давно перевалило за 600. Среди них крупные и уникальные монографии. Да ещё какие! Об одной из них «Платинометалльные месторождения России» (в соавторстве с Д. А. Додиным и Б. А. Яцкевичем; изданной «Наукой» в 2000 году объёмом 753 страницы) два рецензента-академика восхищённо отозвались: «Поистине книга века». Многие работы опубликованы на английском и немецком языках.

Для Николая Михайловича учебный процесс – святое и нравственно ответственное дело. Как мне представляется (а приходилось часто разговаривать, делиться мнениями по этой проблеме), он понимал и выстраивал его не как методически инструментированный процесс передачи студентам научных знаний, а как целенаправленное формирование личности геолога во взаимосвязи его профессиональных качеств, психологических установок, социальных ориентаций и гражданских позиций. Передавать знания добротно, на основе опыта и новейших достижений науки – педагогическая и научная обязанность преподавателя. Но этого мало. «Надо, – часто повторял Николай Михайлович, – вдохнуть в молодого человека

душу геолога, помочь ему найти в себе геолога, сформировать геологическое мышление и деятельные профессиональные и социальные установки. В геологической специальности много увлекающей романтики, но ещё больше она требует самоотверженного труда и социальной ответственности перед природой и обществом».

Что такое романтика и напряжённый труд геологической специальности и профессии, её поэзия и повседневная проза, Николай Михайлович испытал и в полевых работах, и в лабораториях, в студенческих аудиториях, и на научных конференциях. И вновь, и вновь своим трудом и вдохновением расширял геологические познания запасливых недр России. За тем, что он говорил в студенческой аудитории, – не только его геологическая эрудиция, но и жизнестойкость геолога. В 1959 году в одной из шахт Армении во время ночных работ по картированию рудных горизонтов вместе со своим студентом-практикантом Леонидом Чесноковым он попал в тяжёлый завал. Студент бросился за спасателями, Николай лежал под тяжёлой обрушившейся кровлей. Под скрип и треск горной породы при слабом свете карбидной лампы он лежал, не смея, да и не в состоянии, шелохнуться. Думал о жене Ларисе, о родной Добринке и Воронеже, о жизни и об этих рудных горизонтах, которые нужно картировать. Многое передумалось. Леонид привёл спасателей через шесть часов. Вытащили. Спина раздавлена и побита. Через четыре дня молодой геолог спустился вновь в шахту к рудным горизонтам. Спина Николая Михайловича сохранила на всю жизнь память об Ахтальской шахте. Но Николай Михайлович впервые выявил и доказал решающую роль открытой им крупной вулканической постройки в формировании и локализации рудных тел, обнаружил 24 ранее не известных месторождения минералов.

Педагогический опыт, принципы, методика преподавания, этика профессионального отношения к студентам сложились у Николая Михайловича в советское время. Что ни говори, но пять студенческих лет и более трёх десятилетий научно-педагогической деятельности его протекали и развёртывались в системе советской высшей школы. А в этой системе Воронежский государственный университет отнюдь не был периферийным вузом. С 60-х годов он был одним из ведущих центров анализа и обобщения, исследования и развития проблем и тенденций высшего образования. Последовательная ориентация на единство фундаментальной и специализированно-прикладной подготовки студентов, единство теории и практики, обучения и воспитания, ориентация на личность человека, её социальное и профессиональное развитие – принципиальные установки Николая Михайловича в учебном процессе, в понимании своей научно-педагогической деятельности. Уважение к личности студента, как к человеку и коллеге, у него органически сочеталось с высокой профессиональной требовательностью. Николай Михайлович всегда и во всём был готов помочь студенту, но и строго спросить. Неряшливости, легковесности в овладении геологическими знаниями он не терпел и не прощал, побуждая своих учеников к терпеливому, плодотворному труду.

И талантливая молодёжь тянулась к нему. Под его научным руководством около 40 человек стали кандидатами геолого-минералогических наук, 7 защитили докторские диссертации. А в последние десятилетия ещё и магистры пошли…

Однако в ходе «фурсенковских и ливановских реформ» системы образования (второе десятилетие XXI века при Минобрнауки Фурсенко и Ливанова) член-корреспондент РАН часто высказывал недовольство тем, что происходит в высшей школе и, как следствие, в родном университете. Он не жаловался. Он возмущался. В годы Советской власти подготовка геологов велась масштабно и качественно. Бизнес до сих пор эксплуатирует недра, открытые и подготовленные к использованию советскими геологами, в том числе и Н. М. Чернышовым и многочисленными выпускниками геологического факультета ВГУ. В постсоветской России существенно сократилась подготовка геологов. Но самое неприятное – министерские сумбурные реформы и непродуманные концепции отрицательно сказываются на качестве подготовки геологов. Переход на двухуровневое высшее образование (бакалавриат – магистратура) не повысил качество учебного процесса. Бакалавриатские образовательные программы по содержанию значительно беднее тех, по которым ранее готовили специалистов. Сокращается объём часов, отводимых для проработки важнейших учебных дисциплин и научных проблем. Снижается уровень и качество отчётности студента за овладение знаниями. Затрудняется формирование геологического мышления и практической компетенции. Министерские «концепции» не ориентируют и не побуждают студентов на повышение качества обучения, да и не стимулируют в этом направлении профессорско-преподавательский состав. Нарастает бюрократизм, бумажная имитация качества (особенно при проведении министерских аудитов образовательной деятельности). Николая Михайловича – и не только его! – возмущало нигилистическое отношение к опыту отечественной высшей школы и ценностям образования. Многое, конечно, компенсируется энтузиазмом преподавателей. Старшее поколение ещё многое передаёт воспринимающему молодому поколению. Это важный ресурс. Но ресурс исчерпаемый. К тому же будущему геологу, как, впрочем, и любому другому специалисту, потребуется намного больше профессиональных и социальных знаний, более многомерного научного мышления и кругозора, чем для прошлых поколений. Нынешние упрощённые образовательные программы не выводят подготовку студентов на качественно иной интеллектуальный, когнитивный, этический и технологический уровень. Между тем неизбежная истощаемость разведанных в советское время природных ресурсов, а также переход к новому технологическому укладу экономики объективно требуют не сокращать и не упрощать подготовку геологов, а наращивать и усложнять. Экономия финансовых и интеллектуальных затрат и времени может дорого обойтись России, природные ресурсы которой уникальны и требуют бережного, разумного и ответственного отношения к себе.

Напряжённо работавший высококвалифицированный профессионал-геолог Николай Михайлович никогда не был чужд общественной деятельности. Наоборот, она была неотъемлемой частью его жизни, проявлением внутренних свойств его личности. Так было в молодости. Так было в зрелые, профессорские годы…

В год защиты (1972-й) Н. М. Чернышовым докторской диссертации коммунисты одной из крупнейших партийных организаций области избрали его секретарём парткома. Зачем ему это было нужно? На этот вопрос относительно легко было ответить в то время. Затруднительно сегодня, после исторического конфуза КПСС, политических трансформаций многих её членов и кривоязычия саморекламных демократов и неолибералов. Однако попробую ответить. Тем более что в своё время (1959–1963 годы) я тоже был секретарём вначале партбюро, а потом парткома КПСС Воронежского университета (правда, в научном статусе намного ниже, чем Николай Михайлович). Много лет спустя, отвечая на вопрос въедливого журналиста и своего друга профессора Л. Е. Кройчика о том, почему он согласился на избрание секретарём парткома, Николай Михайлович ответил: «Стояла дилемма: отказаться нельзя – соглашаться не хочется». Примерно то же самое, сославшись на партийную дисциплину и добавив, что это затруднит мои научные перспективы, сказал и я в октябре 1959 года. В профессиональном отношении избрание и последующая сложная работа секретарём парткома Н. М. Чернышову ничего не давала. К тому времени он был доктором наук, заведующим кафедрой, расширялись и укреплялись научные связи, его звала и надеялась на него геология, открытия полезности новых недр на благо страны. В этой фразе нет экзальтированного пафоса. В ней то, и за это могу ручаться, чем жил Николай Михайлович и до, и после защиты докторской. Мотивы согласия Николая Михайловича возглавить партком не были карьеристскими. Его научный статус был прочен, и перспективы очевидны. Дело и проблемы были в другом. Что ни говори, а КПСС и её структуры были в то время, мало сказать, серьёзным фактором решения многих вопросов жизнедеятельности любого трудового коллектива, предприятия, организации. Её деятельность отнюдь не была разрушительной, как утверждают её нынешние противники. Было – и это правда – много ошибок и даже несуразностей, глупости. Но всё же страна двигалась вперёд. Медленно, но вперёд. Политической трескотни было много. Ныне не меньше и страна отброшена назад. Её движения: от кризиса к застою (теперь это называют стагнацией), от застоя – к кризису. Короче говоря, Воронежскому университету, в котором около половины профессорско-преподавательского состава были членами КПСС (а многие стремились стать), был нужен секретарь парткома с высоким и, не постесняюсь сказать, увесистым научным авторитетом. Такой авторитет среди 40–45-летних докторов наук и профессоров был, по моим – и не только! – прикидкам, у 5–6 человек. Выбрали Николая Михайловича Чернышова. И не ошиблись.

Он 10 лет самоотверженно работал секретарём парткома (права райкома) родного университета. Работал на общественных началах. Он выговорил зарплату только для своих заместителей. Ими были Николай Дмитриевич Лифер, человек строгих правил прежде всего к самому себе, Игорь Николаевич Зорников, человек неугомонной деловитости и открытости, позже – Тамара Петровна Мироненко, человек удивительной внимательности, уважительности в общении и конструктивной деловитости в работе. Менялись члены парткома, но десять лет его секретарём был Николай Михайлович Чернышов. Он не цеплялся за должность (кстати, очень ответственную). Ему доверяли. В партком в разные годы стремились выбрать достойных людей, проявивших себя не только в науке, в учебном процессе, но и в общественной деятельности на пользу всему университетскому коллективу. Среди них обязательно были ректоры, избирались такие видные учёные, как профессор-юрист Виктор Степанович Основин (партизан в годы Великой Отечественной войны), профессор-химик Игорь Кириллович Маршаков, профессор-физик Анатолий Николаевич Латышев, доцент, заведующий кафедрой биофизики Владимир Павлович Шмелёв, директор библиотеки, талантливый организатор студенческой самодеятельности, человек светлой души Светлана Владимировна Янц и др.

Главную свою задачу партком КПСС под руководством Николая Михайловича Чернышова видел в том, чтобы всемерно содействовать развитию университета, повышать культуру учебного процесса, методологическую основательность и эффективность научных исследований, лучше решать социальные проблемы сотрудников, всех работников, аспирантов и студентов. Создавать лучшие условия для учёбы и работы, поддерживать добрые начинания и пресекать дурные – в этом видели смысл так называемого партийного руководства в ВГУ. Были, конечно, и ошибки, конфликты. Непростые отношения складывались у секретаря парткома Н. М. Чернышова и ректора Н. А. Плаксенко, тоже ревниво относящегося к тому, что происходит в университете, к его чести и достоинству.

Партком ВГУ был самокритичен. Тем более что необходимо было периодически отчитываться перед конференцией партийной организации ВГУ. Мне приходилось быть в разных составах парткома, и могу уверенно сказать, что в годы секретарства Н. М. Чернышова партком был самый самокритичный.

Однако вернусь к геологическим делам. Случилось так, что мне, социологу, довелось делать доклад 4 ноября 2002 года по случаю 70-летия Николая Михайловича. Пришли, съехались, прилетели гости, среди которых и знаменитые учителя, и ученики юбиляра, руководители области и города. Характеризуя Николая Михайловича как человека, учёного, педагога, общественного деятеля, истоки его исключительной работоспособности и геологической эрудиции, масштабность и результативность научных исследований, я высказал предположение: «Богатства нашего края будут прирастать научными открытиями Николая Михайловича Чернышова. Главное, чтобы эти богатства лились в дома и души народа, укрепляли

наше государство, а не стали лёгкой добычей современных нуворишей». Последовали аплодисменты.

Высказываясь так на юбилейных торжествах, я не предполагал, как бурно и конфликтно будут разворачиваться события вокруг одного из важнейших геологических открытий моего друга. А таким, по его мнению и признанию геологического сообщества, является теоретическое обоснование и открытие крупной по запасам и ресурсам Курско-Воронежской золото-платиноносной провинции, входящей в число наиболее крупных благороднометалльных объектов России, а в её структуре – открытие ряда платиноидно-медно-никелевых месторождений в Воронежском регионе. Открытие было сделано ещё в советское время. Новая открытая провинция была зарегистрирована по разряду стратегических запасов СССР. Уже разрабатываемых платино-никелевых ресурсов было достаточно для внутренних производственных нужд и экспорта. Всё как будто было спокойно. В постсоветской России финансирование дальнейших исследований региона по этому геологическому направлению сокращалось и прекратилось.

Реформаторский развал отечественной промышленности, её тяжёлого машиностроения, станкостроения, приборостроения и других производственных отраслей привёл в 90-х годах к тому, что единственной надеждой России для формирования и развития внутреннего жизнеобеспечивающего рынка и конкурентоспособности на мировом стало использование богатства сырьевых ресурсов. Пошла распродажа, образно говоря, Богом созданного и открытого геологами природного достояния российского народа. В это же время возросла потребность индустриально развитых стран в платине, никеле, в цветных и благородных металлах. Что касается никеля, то норильских ресурсов недостаточно, и они близки к исчерпанию. К Воронежской никеленосной провинции стали проявлять интерес фирмы-инвесторы из США, Канады, Финляндии. Проявляли интерес и опытные разработчики никеленосных недр из Норильска. Информацию интересанты в основном черпали из опубликованных монографий Н. М. Чернышова «Сульфидные медно-никелевые месторождения юго-востока Воронежского кристаллического массива», «Платиноносные формации Курско-Воронежского региона» и др. К нему приезжали для консультаций посланцы возможных фирм-инвесторов с конкретными предложениями, стремясь получить дополнительную деловую информацию. Николай Михайлович, крёстный отец воронежского никеля и платины, держался стойко. Он доложил свои соображения о возможном освоении новой и перспективной никеленосной провинции правительству Воронежской области. Выслушали, поблагодарили, заняли первоначально нейтральную позицию. Может быть, потому что воронежские платино-медно-никелевые недра находились и находятся в собственности Федерации, а не области. Хотя профессор докладывал и об экономических, экологических, социальных проблемах и последствиях возможной разработки месторождений и добычи никеля и сопутствующих металлов.

Однако ажиотаж возможных инвесторов возрастал. В это время я написал шутливое стихотворение «Письмо из Докембрия исследователю Воронежской никеленосной провинции Николаю Михайловичу Чернышову»:

Я пишу Вам из Докембрия,
Где мильоны лет лежу.
Ничего от Вас не требую,
Но возлюбленно дышу.

Извините за фривольность.
Наши недры не пусты.
Но поверьте, сердцу больно
От российской маяты.

Я дремлю, а Вы не спите…
И о том печалюсь я:
Рушатся гипербазиты
Оснований бытия.

Магма греет из-под низу.
Тяжкий груз над головой.
Cuprum, Cobalt – два маркиза
Увиваются за мной.

А какие-то пройдохи
Затевают меня красть.
И нуворишам эпохи
Потакает чья-то власть.

Никому я не отдамся,
Окромя, конечно, Вас.
Я ведь знаю, что мы с Вами –
Стратегический запас.

Благодарна Вам заранее.
Осчастливим вместе Русь.
А пока я под Еланью
В ожидании томлюсь.

Крёстный отец Воронежской платино-медно-никелевой провинции, член-корреспондент Российской академии наук Н. М. Чернышов считал, что не следует торопиться с её промышленным освоением. Её надо доисследовать. Месторождения здесь имеют свои особенности. Никелесодержащие руды залегают на большой глубине, прикрыты осадочным чехлом. Им сопутствуют не только платина,

медь, но и кобальт, мышьяк. Технологически неаккуратная добыча никеля может нанести большой вред экологии, уникальной природной среде и здоровью населения. Да и сам металлургический процесс (обогащение руды и выплавка никеля) – очень сложный, его нельзя вести на месте. Поэтому торопиться с освоением не следует. Никель воронежский – это стратегический запас. Осваивать, добывать его надо в интересах народа. Для этого необходимо, чтобы инвестор обладал высокими технологиями добычи, переработки руд и был социально, экологически ответственным. Николай Михайлович надеялся, но и опасался.

Время шло. Воронежские никеленосные руды никуда не торопились. Им миллионы лет. Но стали торопиться бизнес-структуры. Прежде всего, кроме зарубежных, представители Норильского комбината. В 2009 году они встречались по никелевой проблеме с губернатором Воронежской области Алексеем Васильевичем Гордеевым. Губернатор попросил Н. М. Чернышова дать ему геологическую информацию и свои соображения относительно разработки двух месторождений никеля в Новохопёрском районе – Еланского и Ёлкинского. Николай Михайлович несколько раз встречался с главой области. Дал не только информацию о запасах никеля и других благородных металлов, но и о сложностях и экологических опасностях их освоения. Наиболее богатые месторождения среди выявленных в Новохопёрском районе – Еланское и Ёлкинское. Они содержат по оценке 1 172 000 тонн никеля, 134 000 тонн меди, 28 200 тонн кобальта, примерно 500 тонн серебра. Есть платина и палладий. Это – большие богатства.

Губернатор А. В. Гордеев не скрывал, что информацию запросили бизнесмены «Норильского никеля». Характерно, что напрямую они не обращались к основному носителю информации – Н. М. Чернышову. Действовали через власть. С бизнесменами из Норильска воронежские геологи когда-то взаимодействовали. Опыт оказался печальным. Норильчане ещё в начале 90-х заинтересовались новохопёрским никелем. Многое наобещали. Под посулы оплатить исследовательские работы воронежские геологи взяли кредит в банке. Но норильчане не оплатили. Геологам пришлось самим расплачиваться с банком.

С начала 2010 года, когда стал разгораться бизнес-ажиотаж вокруг новохопёрского никеля, мы часто общались с Николаем Михайловичем по этой проблеме. У Николая Михайловича было ценное правило – консультироваться по многочисленным проблемам с разными специалистами. Со мной он общался и консультировался как с социологом. Для консультаций по технологическим проблемам освоения новохопёрских никелевых месторождений он привлёк крупного специалиста академика Академии горных наук, заместителя директора ООО НТЦ «НОВОТЕК» из Белгорода Гензеля Григория Наумовича. В некотором смысле у меня начался «никелевый период» моей биографии. Даже появилась научная статья с длинным названием «К проблеме комплексного освоения Еланского типа месторождений цветных металлов (Ni, Cu, Co) и благородных (платиноиды, золо-

то, серебро) металлов Воронежского региона в условиях жёстких ограничений». За фамилиями основных авторов Н. М. Чернышова и Г. Н. Гензеля стоит и моя. Мне приходилось консультировать, а точнее говоря, обсуждать с Николаем Михайловичем социальные, экономические, правовые и этические аспекты воронежской никелевой проблемы.

Под давлением финансово-экономических трудностей и стремлений некоторых бизнес-структур занять лакомые поля российского сырьевого пространства правительство Российской Федерации объявило конкурс на право освоения Еланского и Ёлкинского месторождений никеля. Неожиданно и как-то таинственно конкурс выиграла в мае 2012 года Уральская горно-металлургическая компания, точнее, её дочка ООО «Медногорский медно-серный комбинат», никогда никелем не занимавшийся. С точки зрения Н. М. Чернышова, Норильский комбинат был предпочтительнее, поскольку он занимался всю жизнь никелем. Да и с социологической точки зрения это предпочтительнее: легче можно было решать проблему формирования квалифицированного производственного персонала за счёт возможного переезда части его с Таймыра в Воронежскую область. У уральцев таких кадров не было. Тем не менее частная Уральская горно-металлургическая компания получила право на разработку месторождений никеля в Новохопёрском районе.

Это решение не только удивило, но, откровенно говоря, огорчило Николая Михайловича и вызвало острое беспокойство населения Новохопёрского района, всей области и жителей соседней Волгоградской области, прежде всего Урюпинского района. Тем более что Уральская горно-металлургическая компания, в состав которой входит Медногорский медно-серный комбинат, повела себя первоначально, мягко говоря, некорректно и таинственно по отношению и к первооткрывателям никелевых месторождений, и к населению Новохопёрского района, да и к руководству Воронежской области: не предоставлялась полная документация о полученном праве, его условиях, да и о своих намерениях[1].

Мы обсудили с Николаем Михайловичем новую сложившуюся реальность и пришли к выводу о необходимости создать экспертный совет из представителей различных наук (геологии, биологии, физики, химии, социологии, археологии, экономической науки) для постоянного отслеживания, мониторинга предстоящей разведки и разработки новохопёрских месторождений (Еланского и Ёлкинского) уральской компанией с целью предупреждения экологических и социально-экономических неблагоприятных и вредных последствий и обеспечения возможного дохода для Новохопёрского района и области. Такой экспертный совет был сформирован и утверждён губернатором А. В. Гордеевым. Его поддержал и председатель Воронежской областной думы В. Ключников. Впоследствии экспертный совет был по инициативе Ключникова преобразован в общественный по контро-

[1] См.: *Кройчик Л.* Линия жизни Николая Михайловича Чернышова. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2012.

лю над разработкой никелевых месторождений. В него вошли представители экологического движения, общественных организаций, политических партий и даже казаки. Многие из них не имели достаточных знаний, но активно почти директивно высказывались. Откровенно говоря, экспертно работать в таком совете было крайне затруднительно. Многие члены расширенного совета преследовали свои популистские политические цели, играя на реальных опасениях населения.

В воронежской прессе появились публикации, обвиняющие Н. М. Чернышова в том, что он допустил разработку никелевых месторождений, которая погубит регион, нашлёт непоправимый вред природе и населению, уничтожит благодатное сельское хозяйство. Начались протестные митинги и другие акции в Новохопёрске, Воронеже, Борисоглебске, Урюпинске.

Николай Михайлович разъяснял свою позицию и действительно сложную проблему новохопёрского никеля. Право на предварительное обследование и возможную последующую разработку уральская компания получила на аукционе, а не из рук геологов-первооткрывателей. Чернышов никогда не скрывал специфики залегания никеленосных руд в Новохопёрске и опасности их разработки. Он первым об этом предупреждал. Однако возможны безопасные высокие технологии, и поскольку государство сдало в аренду месторождения, надо во что бы то ни стало заставить уральскую компанию эти технологии найти, подготовить высококвалифицированный персонал для их экологически безопасного использования. Необходимо вместе с тем добиться максимальной социально-экономической пользы, выгоды для региона и области. Социально-экономическая самоотдача может быть очень высокой.

Но были некие силы, которые нагнетали обстановку, пытаясь её политически дестабилизировать. Одни при этом преследовали сомнительные политические цели, другие выражали действительную социоэкологическую обеспокоенность, третьи увлекались романтикой протеста ради протеста. Были и преследующие материально корыстные интересы. «Протестанты» пытались блокировать работы геологов (бурение разведочных скважин). Устраивали чуть ли не крестный ход, всячески мешали работе, даже нападали на полевой лагерь геологов. Особую ревность в защите экологии и интересов населения проявляли казаки.

Даже многократные заявления губернатора области А. В. Гордеева о том, что никакая фактическая разработка рудных месторождений не начнётся без разрешения правительства области и лично его, а пока идут только разведочные работы, не успокаивали население, психику которого будоражили инициаторы протеста, вводя её в иррациональную фазу и толкая к беспорядкам.

Николай Михайлович и все геологи крайне переживали нарастающую социальную напряжённость вокруг их открытия и дела. У Николая Михайловича, по-моему, это был один из самых трудных в морально-психологическом смысле периодов в его жизни. Открывая вместе со своими коллегами и учениками при-

родные ресурсы, он не то что надеялся, был абсолютно уверен: это на пользу народу, государству, России. Ему и в кошмарном сне не могло присниться, что кто-то воспользуется его открытиями для личного или группового обогащения или превратит во зло. Но… сложна судьба учёного…

Участвуя в работе экспертного совета, а потом общественного совета, в котором часто на правах сопредседателя бывал и председатель областной думы В. Ключников, я неоднократно обращал внимание представителей уральской компании и воронежских властей на возможные социальные конфликты и необходимость тщательной проработки многих социальных проблем: от благополучия местного населения до подготовки квалифицированного производственного персонала. Тем не менее конфликтогенность нарастала. Раскатистый гром грянул в июне 2013 года. «Никелевые протестанты», среди которых было немало оплаченных ударников-проходимцев, устроили погром. Прорвавшись на разведочное поле, крушили всё и вся: заборы, лагерь геологов, дорогостоящие буровые установки. Правоохранительные органы оказались бессильными предупредить и остановить погром: ситуация грозила новыми эксцессами. В воронку разрушительного буйства втягивались новые силы погромщиков из соседних регионов. Наконец, по-настоящему активизировались правоохранительные органы. 29 июня 2013 года в газете «Коммуна» было опубликовано обращение группы учёных (Н. М. Чернышов, В. Л. Бочаров, В. С. Рахманин, В. Н. Эйтингон) к населению и к уральской компании «Не насилие и погромы, а разум и ответственность». Мы обращали внимание на ответственность Уральской горно-металлургической компании и её дочерней структуры Медногорского медно-серного комбината за социальное спокойствие и благополучие в разрабатываемом регионе и за безопасность технологии добычи и обработки руды в будущем. Населению рекомендовали отмежеваться от погромщиков, а правоохранительным органам разобраться с ними. Обращалось внимание и на необходимость более рационального и ответственного взаимодействия властей всех уровней и уральских арендаторов. В добыче новохопёрского никеля есть своя опасность, но есть и потенциал социально-экономического блага. Опасности можно и надо нейтрализовать, а благо наращивать.

Вскоре общественный совет и ответственные представители уральской компании более рационально и конструктивно обсудили проблемы. Но Николай Михайлович был основательно измотан и измучен. Усугубились проблемы со здоровьем. По настойчивому совету жены Ларисы Ивановны и при моей поддержке Николай Михайлович подал в отставку с поста председателя общественного совета. Нелегко ему было принимать это решение, как крёстному отцу оставлять любимого крестника. По его рекомендации председателем совета был избран профессор В. Л. Бочаров, геолог, знающий проблему, крепко выдержанный и корректный человек. Совет продолжал работу. Николаю Михайловичу с уважением присвоили статус Почётного председателя общественного совета по контролю

над комплексным освоением новохопёрских месторождений никеля. Богатства Воронежской области будут прирастать геологическими открытиями Николая Михайловича Чернышова.

Уральская компания спокойно продолжала работать по уточнению разведанных запасов никеля. Организаторы беспорядков рассыпались. Правоохранительные органы делали своё дело. Между прочим, выяснилось, что протестная активность казаков имела свои корыстные мотивы: им хотелось выдавить из уральской компании несколько десятков миллионов и за это гарантировать безопасность, т. е. обеспечить «крышу», как говорят в уголовном мире. Коррупция продвинулась и в казачество.

С Николаем Михайловичем в течение десятилетий взаимно интересного взаимодействия мы общались не только по университетской или более широкой научной проблематике, но и просто по-дружески. Обменивались своими впечатлениями о виденном, слышанном, прочитанном, продуманном. Увы!.. в последнее время всё чаще и чаще обменивались информацией о состоянии здоровья своего, своих близких. Со здоровьем у него было неважно. Но дух бодр. Николай Михайлович стойко держался. Продолжали делиться своими научными замыслами, иногда университетскими горестями и радостями. Радовались движению и успехам Alma mater. Она у нас одна. На всю жизнь.

Ещё в недавнем (здоровом) времени мы собирались по поводу семейных событий. Чаще у Чернышовых. Николай Михайлович и Лариса Ивановна очень любили дружеские застолья. Их квартира очень хлебосольна и просторна для друзей. Лариса Ивановна, Марина (дочь) и Ульяна (внучка) так кулинарно и эстетично обустраивают стол, что радуют вновь и вновь друзей, а заезжих гостей приводят в неописуемый восторг. Однажды были немецкие гости из руководства университета имени Мартина Лютера в г. Галле. Войдя в гостиную, они застыли от изумления: такого красивого и вкусно-соблазнительного стола они, по их признанию, никогда не видели. В застольях звучали стихи, анекдоты, блистал остроумием Бронислав Яковлевич Табачников. И всегда разговоры о самом главном – о России. Сам хозяин, возглавляющий пиршество, провозглашал удивительные минералогические тосты в честь друзей и гостей. И всё было в этих тостах – и знание людей, и любовь к жизни, и наблюдательность учёного, и уважение к народным традициям, и высокая интеллигентность хозяина дома.

В Николае Михайловиче сочетались, казалось бы, несочетаемые психологические черты: сдержанность и высокий темперамент, профессиональная целеустремлённость геолога и широкие социокультурные интересы. В различных социальных средах, официальном и дружеском общении, во взаимоотношениях с властными чиновниками и с коллегами, с представителями естественных, технических, общественных и гуманитарных наук он неизменно оставался самим собой, не терялся и не растворялся. И всегда – с людьми и для людей. Это свойства

сильного и цельного человека. Закончу воспоминания стихами о нём, написанными не по случаю юбилея ещё в 2010 году:

Нас время не очень щадило,
Но мы не играли судьбой,
Душа ни к чему не остыла,
Нам даже не снится покой.

Так многое сделать нам надо…
И силы пока ещё есть.
А что нам хула и награды…
Есть разум, свобода и честь.

Мой друг! Не суди меня строго
За все перепады в пути.
В науке крутые дороги;
Их надо упрямо пройти.

В России бездумные ветры
Звезду покачнули и крест.
Но Ваш неизменный вектор
На Разум, Свободу и Честь.

Semper in motu! Это девиз Воронежского государственного университета и таких его подвижников, как Николай Михайлович Чернышов.

4. Добрый дух университета...

Так определила Владимира Семёновича Листенгартена профессор, доктор филологических наук М. А. Стернина. Точнее не определишь. Первоначально свои воспоминания о нём, моём сердечном друге, я хотел озаглавить так: «И кто же его не знает». И тоже – точнее не скажешь. Но… Я познакомился в памятном 1950 году вначале не с духом, а с чем-то ласково звучащим, но физически неосязаемым – с фамилией в приказе: Листенгартен. Фамилия была, а человека я ещё не знал. Счастливое знакомство с добрым человеком ВГУ ожидало меня в будущем и навсегда.

Процесс эволюции, движения от фамилии к человеку и к их единению шёл, помнится, таким образом. Конец августа 1950 года. Мы с моим ранним студенческим другом (впоследствии профессором филологии) Васей Щеулиным стоим на третьем этаже знаменитого красного корпуса университета у доски объявлений историко-филологического факультета. Знакомимся с расписанием занятий

Владимир Семёнович Листенгартен

на предстоящий семестр учебного года. Рядом – список вновь принятых студентов. Вася Щеулин (он на курс шёл впереди меня) окликает: «Смотри, какая интересная фамилия: Листенгартен». Я посмотрел на список и прочитал: «Листенгартен В. С.». Через некоторое время услышал эту фамилию из уст моей сестры Тамары. Она училась в энергетическом техникуме (теперь в этом здании институт физкультуры и спорта) и рассказала, что занятия по экономике строительства с ними стал вести Семён Владимирович Листенгартен вместо преподавателя, которого отстранили за неудовлетворительную работу. От занятий Семёна Владимировича Листенгартена моя сестра была в восторге, как и все студенты. Тамара всю свою непростую строительную жизнь и даже на пенсии этот восторг хранила. Знания, которые им методично передавал С. В. Листенгартен, оказались самыми толковыми и полезными. Да и сам Семён Владимирович был личностью обаятельной и умел работать со студентами. Оказалось, что и наш отец хорошо знал Семёна Владимировича Листенгартена как талантливого экономиста строительного треста и душевного человека.

Биологическая и социальная эволюции работают медленно. Но своё дело знают. Движение от фамилии к человеку продолжалось. На третьем курсе студенческого бытия выявилось, что мой однокурсник, фронтовик Лёва Варшавский, помимо того, что он обаятельный человек, – племянник жены Семёна Владимировича Листенгартена, Раисы Львовны, сыном которой и является тот самый В. С. Листенгартен, чью фамилию я вычитал в списке вновь принятых студентов ВГУ. Однако непосредственного контакта с ним всё ещё не было. Счастье не так скоро приходит, если ему надлежит прийти. Иногда проходит и мимо. Наверно, встречи были. Многократные. Случайные. Безмолвные. В толпе. Студенческие штудии проходили в одном корпусе. Встречались, проходили мимо, будучи незнакомыми.

Дружеские отношения начали складываться после студенческих лет. И – тоже не враз. По окончании историко-филологического факультета, получив квалификацию «Учитель русского языка и литературы», В. Листенгартен по государственному направлению был направлен в сельскую среднюю школу Липецкой области. Учитель с университетским образованием был хорошо принят учениками. К тому времени с непростой ролью сельского учителя вполне освоился в Бутурлиновском

районе Воронежской области его двоюродный брат и мой друг, участник Великой Отечественной войны Лев Сергеевич Варшавский. Однако вскоре в школе, в которую по госраспределению был направлен молодой специалист В. Листенгартен, началось сокращение штатов. Сказалось первое послевоенное демографическое эхо войны: количество учащихся, рождённых в 1942–1945 годах, резко уменьшилось. Молодой специалист вернулся в Воронеж. В родном городе вблизи от Alma mater его путь стал развёртываться по комсомольскому вектору. Был избран секретарём комитета комсомола Воронежского ветеринарного института. Кстати, это был хороший институт, потом он влился на правах факультета в сельскохозяйственный институт (теперь университет имени Петра Великого). В 1957–1959 годах В. С. Листенгартен работал инструктором, заведующим студенческим отделом Центрального (тогда он, кажется, назывался Кагановичским) райкома ВЛКСМ Воронежа. Фамилия Листенгартен опять стала на моём слуху. Вероятнее всего, о нём говорил его лучший друг Володя Второв, работавший в университете. Мы с ним часто общались.

Я пишу не биографию В. С. Листенгартена, как и других моих друзей, а свои воспоминания. Поэтому строго не отслеживаю хронологию жизненных событий и тем более служебных передвижений. Однако хронологии в какой-то мере придерживаюсь, чтобы не «выскочить из исторического времени» и хотя бы приблизительно привязать свою память к каким-либо датам и событиям. Заведующий студенческим отделом райкома ВЛКСМ работал не формально-директивно. Он был вхож в повседневную жизнь студенчества разных вузов: университета (это ему было ближе), сельскохозяйственного, педагогического, медицинского институтов. Вникая в проблемы, анализировал, обобщал опыт работы. Формализм и политическое фразёрство Володе Листенгартену были органически чужды. Но для него неприемлемы были и расхлябанность в работе, необязательность, неаккуратность. По-видимому, эти черты, свойства его личности складывались с раннего возраста. Его семья отличалась высокой интеллигентностью, отзывчивостью, сугубым трудолюбием и склонностью к рациональному порядку. Известный профессор-физик, заслуженный деятель наук Анатолий Николаевич Латышев вспоминает о школьных годах во время войны: «Мы были одноклассниками. В те военные времена безобразие было повсюду. В школе все были сорвиголовы, но стоило Володе (мы его звали Листиком) встать во главе компании, все начинали ходить по струнке, беспрекословно слушаясь его»[1]. Анатолий Николаевич, профессор оптики, так определил личность Владимира Семёновича: «Ум, честь, совесть». В ребячьих школьных, подростковых компаниях авторитет чаще всего держится на силовых методах общения. У Листика, говоря словами А. Н. Латышева, силовых методов не было. Его авторитет неукоснительно держался на особых морально-психологических качествах, притягивающих к нему людей. Его авторитет среди студенче-

[1] *Ковалева Ю.* Хранитель традиций // Воронежский университет. 2013. 11 окт.

ства и талант организатора был замечен воронежским комсомолом. И в 1959 году ему был доверен один из важных отделов обкома ВЛКСМ. С этого времени наши отношения завязываются в крепкий дружеский узел. В завязывании этого узла творящую роль сыграл Володя Второв.

В августе 1964 года приказом ректора Б. И. Михантьева с последующим утверждением коллегией Министерства высшего образования РСФСР я был назначен проректором по учебной работе. Снег на голову… Борис Иванович высказал свои соображения о том, как мне надлежит работать и что он ждёт от меня. В частности, быть чаще на факультетах, добиться от Министерства снижения коэффициента при расчёте штатных единиц преподавателей (он был чуть более 12; т. е. одну штатную единицу преподавателей нам выделяли на 12 студентов), разработать рациональную схему распределения штатных единиц между факультетами и т. д. и т. п. Посоветовал подыскать кандидата на должность начальника учебной части (это так тогда называлось, теперь – учебно-методическое управление); прежним начальником, женщиной, сменившей ушедшую Нину Ивановну Соломахину, Борис Иванович был недоволен, недовольны были и некоторые деканы.

Последняя задача – о новом начальнике учебной части – оказалась трудной. Начал консультации с факультетами, с деканами прежде всего. Выявилось человек 7–8. Это были или опытные, но засидевшиеся старшие лаборанты кафедр, или молодые ассистенты. Побеседовал с каждым. Выявил достоинства. Но почти все меня чем-то не устраивали: или знали университет только в пределах кафедры, или не имели опыта массовой работы со студентами, или не владели документооборотом, в том числе не умели составить справку, деловое письмо.

Случайно в Кольцовском сквере встретил Владимира Листенгартена. В ту пору он был аспирантом кафедры истории КПСС. Но для того, чтобы это случилось, в стране, в СССР, должны были произойти крутые политические события. Н. С. Хрущёв в конце своего властвования впал в реформаторское неистовство: разделил сверху вниз Советскую власть на промышленную и сельскохозяйственную. В Воронежской области появились два обкома КПСС – промышленный и сельскохозяйственный, соответственно два обкома комсомола. В. Листенгартен оказался заведующим одним из отделов промышленного обкома комсомола. После отставки Н. С. Хрущёва с поста первого секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнев вернул партийное руководство на местах к территориальному единству. Индустриальные и сельскохозяйственные обкомы воссоединились. То же произошло и с комсомольскими обкомами. Это привело к сокращению численности аппаратных работников. В. Листенгартен воспользовался этим, подал заявление об уходе и поступил в аспирантуру, вернулся в Alma mater, имея за плечами опыт организатора молодёжи, студенчества.

После встречи в Кольцовском сквере я подумал, а не предложить ли ему должность начальника учебной части. Не знает тайн университетского учебного

процесса? Но из предварительных кандидатур, с которыми успел побеседовать, никто не знает выше пределов своей кафедры. С ним деловое общение для меня будет легче. К тому же у Листенгартена есть учительский опыт; будучи заведующим студенческим отделом в райкоме комсомола, ему вузовская жизнь известна по молодёжной проблематике, в обкоме ВЛКСМ некий организаторский и управленческий опыт постиг, с документами знает, как работать. Учебная часть в университете – это орган оперативного управления, а не стратегического. В ведении учебной части прежде всего движение студенческих контингентов, выполнение учебных планов кафедрами, вопросы качества подготовки специалистов, формирование объёма педагогической работы по кафедрам, повышение организационного уровня учебного процесса, подготовка проектов различных документов по проблемам учебного процесса.

У В. Листенгартена высокая работоспособность, внимательное и ответственное отношение к делу. Пожалуй, он самая подходящая кандидатура для учебной части. Лишь бы он согласился. Длительные переговоры с ним дали положительный результат. Нельзя сказать, что Владимира Семёновича ничего не смущало. Смущало многое: и вопрос с аспирантурой, и сомнения в самом себе, и отсутствие опыта управления учебным процессом.

О переговорах я доложил ректору. Борис Иванович был наслышан о Листенгартене и одобрил его кандидатуру. Он, в свою очередь, обстоятельно побеседовал с Владимиром Семёновичем. У него был неукоснительный обычай: беседовать с каждым человеком, избранным по конкурсу или назначаемым. Он не только осведомлялся о кандидате или новом сотруднике, ставил задачи, объяснял, но и интересовался, чем человек занимается, кроме своей специальности, должности, каково его хобби, что умеет «делать руками». Во Владимире Семёновиче, как мне после сказал ректор Б. И. Михантьев, внушает доверие спокойствие, деловитость, корректность в разговоре. Управление учебным процессом, сказал Борис Иванович, работа очень нервная, напряжённая; она требует выдержки и терпения в каждодневном общении с большим количеством людей. Через несколько дней появился подготовленный мною приказ ректора о назначении Владимира Семёновича Листенгартена начальником учебной части. Ранее работавшая женщина с радостью ушла по собственному желанию. Она явно тяготилась малопонятной ей работой и постоянными конфликтами.

Нельзя сказать, будто у нас с Владимиром Семёновичем враз всё складно и благополучно заладилось. Мы оба овладевали новыми для нас функциями. Я не всегда мог толково объяснить ему ту или иную задачу. Несколько горячился. Спасало терпение и вдумчивость Владимира Семёновича. Помимо текущих повседневных дел, вал которых никогда не уменьшался, нам предстояло обосновать заявку в Министерство высшего образования РСФСР на новое штатное расписание (запрос на численность профессорско-преподавательского и учебно-вспомо-

гательного персонала). Это – очень сложная и кропотливая работа. В расчёт принимались различные показатели: общая численность студентов (по приведённым показателям: один студент дневного отделения равен двум студентам вечернего и трём заочного отделения), объём пятилетнего учебного плана по каждой специальности в часах, виды занятий в часах, количество обслуживаемой аппаратуры по типам, количество кафедр, лабораторий, специализированных кабинетов и многое другое. С этой работой мы справились месяца за полтора. Компьютеров тогда не было. Были арифмометры, логарифмические линейки, бухгалтерские счёты. И была талантливая женщина-статистик в учебной части. Исключительной работоспособности. А вот фамилию я её непростительно забыл и не восстановил.

Трудность была ещё и в том, что запрашиваемую численность персонала необходимо было обосновать, так сказать, по ассортименту: по категориям профессорско-преподавательского состава и учебно-вспомогательного персонала. Между прочим, самой дефицитной и особо просимой была ставка старшего преподавателя. Так или иначе с этой задачей мы справились. В апреле следующего года (1965-го) удалось заполучить из Министерства новое штатное расписание с добавкой нескольких десятков новых ставок. Такие заявки на штатное расписание подавались в Министерство высшего образования РСФСР ежегодно. В следующий раз мы с Владимиром Семёновичем составили заявки и обосновали необходимость снижения коэффициента при определении численности штатных ставок по категориям. Добились увеличения профессорско-преподавательского состава более чем на 100 единиц.

Владимир Семёнович быстро вошёл в курс дела. Более того, культура управления учебным процессом повышалась. Количество работников в учебной части (теперь это учебно-методическое управление) было очень небольшим, а по нынешним меркам мизерным: всего 6–7 человек. Но они квалифицированно работали, обстоятельно знали свой сегмент работы и его проблематику, работали основательно и точно. Это был деятельный коллектив. При любых обстоятельствах и осложнениях, как отмечают его члены, руководитель Владимир Семёнович никогда ни на кого из них не повышал голос, был неизменно корректен, всегда готовым помочь и как-то незаметно требовательным. Начальник учебной части, будучи в прошлом деятельным комсомольским работником, активно взаимодействовал с университетским комсомолом, со студенческим активом. По его инициативе стали проводиться в 60-х и последующих годах «Слёты отличников». Названо несколько по-пионерски, но регулярные совещания с наиболее активной – в академическом и общественном отношениях – частью студентов были очень полезны. Во-первых, студенты имели возможность свободно высказывать свои мнения и свои требования по организации учебного процесса (острой была проблема расписания занятий и аудиторий), по проблемам быта, организации досуга, качеству и стилям преподавания. Во-вторых, через такие совещания руководство универ-

ситета могло реально влиять на студенческие коллективы и проводить свою образовательную политику. В-третьих, такие совещания были плодотворной формой студенческой демократии, процессом становления гражданского молодёжного самосознания. Жаль, что в более поздние времена, наречённые демократическими, эта форма исчезла, затерялась, забылась.

Высокий уровень управления учебным процессом в Воронежском университете был замечен в республиканском и союзном министерствах высшего образования. Владимира Семёновича часто стали приглашать для инспектирования различных вузов. Такие инспекционные командировки в свою очередь обогащали Владимира Семёновича. Из каждой поездки он извлекал что-то полезное для себя, для ВГУ. Он умел и любил учиться. Даже на плохих образцах.

Мне легко было работать с Владимиром Семёновичем. Труднее было с новым ректором Валентином Пименовичем Мелешко, который ущемлял учебный процесс в пользу хоздоговорных научных работ. Да и всем последующим проректорам по учебной работе было легко работать с Владимиром Семёновичем как руководителем учебной части: Петру Михайловичу Гапонову, Геннадию Фёдоровичу Горскому, Геннадию Алексеевичу Чикину, Ивану Ивановичу Борисову. Не приглянулось только Сергею Александровичу Запрягаеву. Но это особый вопрос; о нём чуть позже.

Владимир Семёнович работал с несколькими ректорами, следовательно, несколько ректорских периодов: с Б. И. Михантьевым, В. П. Мелешко, Н. А. Плаксенко, А. М. Беликовым, В. В. Гусевым. Это длинная полоса в истории ВГУ, с 1965 по 1998 год, более трёх десятилетий. Такого долгожителя во главе учебной части, управления образовательными программами не было и вряд ли появится в будущем. Не помню, к какому юбилею, кажется к 70-летию, изобретательные физики подарили Владимиру Семёновичу прекрасный альбом фотографий его в университетских делах и буднях. Серия фотографий: Владимир Семёнович в академической тоге, увенчанный короной, учит склонённых перед ним ректоров: В. П. Мелешко, Н. А. Плаксенко, А. М. Беликова, В. В. Гусева, И. М. Борисова, В. Т. Титова. Кому-то, большинству, уроки пошли впрок, кому-то не очень…

Назначенный ректором И. И. Борисовым в 1998 году первым проректором С. А. Запрягаев не счёл возможным сохранить во главе оперативного управления учебным процессом В. С. Листенгартена. Почему-то его не устраивал квалифицированный и опытный работник, действующий строго в рамках законодательства, норм педагогики высшего образования и демократического взаимодействия с субъектами учебного процесса: от профессора до студента. Предполагаю, что избранный в 1998 году ректором Иван Иванович Борисов внутренне не был согласен с предложением первого проректора С. А. Запрягаева освободить В. С. Листенгартена от должности начальника учебной части, преобразовав, вернее, сменив название этой важной оперативной управленческой структуры. И. И. Борисов, ещё

будучи проректором, знал обстоятельность работы В. С. Листенгартена, неизменно ориентированной на повышение качества подготовки специалистов. Но на эту должность по предложению С. А. Запрягаева была назначена одна из лаборанток физического факультета. За время проректорства С. А. Запрягаева она так и не овладела культурой оперативного управления образовательным процессом университетского типа, хотя, как я заметил в нескольких конфликтах с ней, старалась.

К чести Ивана Ивановича Борисова будет сказано, ему всё же удалось сохранить Владимира Семёновича Листенгартена рядом с собой, назначив его своим референтом. Кабинет референта (новая должность в штатном расписании ВГУ) был напротив ректорского (приёмная была общей). И на новой должности Владимир Семёнович был полезен не только ректору, но и университету. Для различных консультаций его дверь референта была открыта для всех преподавателей. Но юридически и этически корректный Владимир Семёнович в управление учебным процессом не вмешивался. Признаюсь, иногда я его пытался ввязать в разговор о тех или иных вопросах или случаях в работе департамента (так, кажется, тогда определили) управления образовательными программами. Никогда в эти разговоры он не вступал, ибо это было поле, на котором работал другой человек. В чужие сани или за чужую тарелку он никогда не садился, хотя все мы были в одной университетской упряжке, в одной университетской кухне.

Недаром мне хотелось озаглавить свои памятные записки фразой «И кто ж его не знает…» Университет динамично развивается, возникают новые кафедры, факультеты, лаборатории, идёт естественная смена поколений, да и просто кто-то уходит, кто-то приходит. Университет – это многотысячный коллектив, раскинувший свои владения по всему городу и даже за пределами его. Но смею утверждать, что большинство университетского люда, прежде всего профессорско-преподавательского состава, знает Владимира Семёновича Листенгартена. Знает не понаслышке, а по делам. Он был не только начальником учебной части, но и учёным секретарём Учёного совета университета несколько лет, исполняя эту ответственную должность, будучи референтом ректоров И. И. Борисова и В. Т. Титова, в годы ректорства Д. А. Ендовицкого стал учёным секретарём Совета ректоров Воронежской области. Но известность и авторитет Владимира Семёновича обусловлены не только и, могу уверенно сказать, не столько послужным списком. Главное – его деловые, человеческие качества, его отношение к университету и его людям.

Думаю, не затрону – во всяком случае, не хочу – богатства университетских отношений никого из преподавателей старшего и среднего поколения, не говоря о молодом, кто так хорошо знает ВГУ, его структуру, различные подразделения, людей различных факультетов, кафедр, служб. А это, между прочим, очень важно для плодотворной работы. По секрету – чего мне теперь таить? – скажу: за долгие десятилетия работы я знал некоторых ректоров, которые плоховато знали людей вверенного им Воронежского университета. Владимир Семёнович знает всё или

почти всё. Недаром он написал книгу «Воронежский университет от А до Я». Энциклопедический замысел… Исполнение шутливо-беллетристическое. Владимир Семёнович не только знает людей университета. Он хранитель и пропагандист (в хорошем смысле этого слова) традиций нашего университета. К сожалению, мы иногда недооцениваем роли традиций и часто забываем о них. Это очень серьёзный вопрос. У нас некоторые руководители начинают свою деятельность с tabula rasa. И начинают спотыкаться. А между тем любое университетское подразделение имеет глубокие традиции, которые нужно знать, чтобы эффективно управлять. Это не значит обязательно им следовать. Некоторые традиции необходимо и преодолевать. Владимир Семёнович – хранитель и носитель добрых традиций нашего университета. Не случайно его называют университетским человеком.

Его «университетскость» не только в том, что он верен и хорошо знает Alma mater, её достоинства, болезни и проблемы, её традиции, но и в особой культуре взаимоотношений с университетскими людьми, не только с коллегами по непосредственной работе. Кстати, все бывшие сотрудники учебной части времён В. С. Листенгартена не с ностальгической, а живой теплотой отзываются о нём. Владимир Семёнович по своему характеру готов каждому помочь. Он никогда впустую не обещает. Если он может чем-то помочь, вопросов нет – поможет. Если не поможет, говорит, несколько смущаясь, прямо. Внутренний мотив: «Не хочу помочь» – в психологии, в подсознании и в сознании Листенгартена заблокирован, а, наверное, точнее, никогда не формировался. Его помощь всегда деятельна. Даже настойчива, когда он знает, что человеку трудно.

В работе Владимир Семёнович отличается сверхусердием, основательностью и глубиной проработки поставленной перед ним и перед собой задачи. У него исключительно высокая трудовая этика.

Мне часто казалось и кажется до сих пор, что он никогда не устаёт в работе. Какой-либо суетливости, поспешности в любых делах я за ним никогда не наблюдал. Более того, он нетороплив, основателен, последователен. И как-то у него всё обдуманно и рационально. Это – признаки цельной и сильной, но не самодовольной личности.

Когда-то сложившаяся дружба 4 «В» – Владимир Второв, Владимир Гусев, Владимир Листенгартен + Валентин, т. е. я – была результатом непосредственного и очень сильного взаимного притяжения. Нам было интересно быть вместе. Обсуждали разные вопросы – от сугубо личных до мировых, от поэзии до научных проблем. Помогали друг другу. Иногда выпивали бутылку сухого вина. Тогда, в 60-х, было много хороших вин: грузинских, венгерских, болгарских. Изредка попадался французский «Камю». Мы не увлекались. Но до сих пор у меня хранятся четыре серебряные чарки, которые мне подарили три Володи. Память о многообещающих 60-х годах.

Занятный парадокс: в те теперь отцветшие времена в общении друг с другом мы все четверо были на «ты» и обращались только по имени. Теперь два Володи

ушли в безвозвратность. С Владимиром Семёновичем мы перешли на «Вы». Он первый, я какое-то время тянул… Но время берёт своё. А четыре серебряные чарки – в шкафу…

Скажу я при всём народе,
Пусть шире раздвинется круг:
Из очень ты редкой породы,
Владимир Семёнович, друг.

Я думал немало и долго,
Сверяя твой жизненный путь:
Ты – весь воплощение долга;
И в том твоя правда и суть.

Я петь дифирамбы не буду.
Но каждый возьмёт себе в толк:
Какое великое чудо
На совесть исполненный долг.

Не очень простая задача,
Но ты разгадать её смог,
Что счастье – всего только сдача
За честно исполненный долг.

Но всё ещё в жизни прекрасно;
Есть глупость, и подлость, и сонь.
Но твой негасимый и ясный
Горит комсомольский огонь.

5. Поле ответственности

Начало августа 1967 года. Со своей семьёй отдыхаю на университетской спортивно-оздоровительной базе (и по совместительству – биостанции, которая была основана намного раньше). Живём в фанерном домике под более чем двухсотлетним дубом, под которым, по легенде, возможно, гуляла Этель Лилиан Войнич, будущий автор романтической повести «Овод» (ею я зачитывался и в детстве, и в юности). Жаркий полдень. Голос по местному радио, вызывающий меня к так называемому штабу. Поднимаюсь с пляжа на бугор. Около автомашины стоит Анатолий Павлович Дьяков, инструктор отдела науки и образования Воронежского обкома КПСС. Внутренний тревожный вопрос: «Неужели опять будут из отпуска отзывать?» Поздоровались. Анатолий Павлович как-то смущённо извинился: «Мне надо с Вами поговорить». Пошли под «дуб Этель Лилиан Войнич», под ним густая, широкая тень и хороший обзор луга и леса на другом берегу Усманки.

Анатолия Павловича я хорошо знал по университету. Во второй половине 50-х годов он учился на историко-филологическом факультете (филологическое отделение). Он из тех, кого война осиротила. Отец его был офицером-танкистом. Погиб в танковом бою за полтора месяца до Дня Победы. 9 мая 1945 года почтальон принёс похоронку, извещение о гибели отца. Для Анатолия «День Победы – это праздник со слезами на глазах» – не поэтический образ, а правда жестокой реальности. Через несколько лет умерла мама. Подростку-сироте остался родительский дом. Оформили опекунство на воспитательницу детского сада Наталью Петровну Смышникову. Анатолий Павлович всегда тепло отзывался о ней. Он получил возможность окончить среднюю школу, поступить в университет. Добрая женщина поддерживала его. В Таловой на памятном обелиске односельчан, павших за свободу и независимость Родины, золотом высвечена и фамилия отца Анатолия Павловича – Дьяков Павел Иванович.

После окончания университета (1959 год) Анатолий должен был ехать в районную газету, но комсомол отозвал его и направил в Центральный райком ВЛКСМ заведующим студенческим отделом. Потом его избрали секретарём райкома, вторым секретарём обкома ВЛКСМ. Мы с моей женой Галиной хорошо знали и его семью: жену Вельмиру Ивановну, сына Андрея и особенно его тёщу Таисию Александровну, легендарную лаборантку кафедры истории русской литературы в годы моего студенчества. Она была легендарна тем, что помогала всем страждущим и жаждущим студентам-филологам. С книгами в то время было плохо, а нужно было прочитать разной литературы раза в три больше, чем студенту любого другого факультета. Таисия Александровна искусно оперировала скудным запасом книг, которым располагала кафедра. Студенты, попавшие в финансовые проблемы, всегда могли одолжиться у неё «трёшницей-пятёркой».

Анатолий Павлович был сиротой. Вельмира одарила Анатолия не только своей любовью, но и редкостной тёщей. Он относился к ней, как к матери.

Под дубом Анатолий Павлович задал неожиданный вопрос: «Валентин Сидорович, возьмёте меня в аспирантуру?» – «А что случилось? Вы же работаете в обкоме КПСС». – «Работал до вчерашнего дня». И рассказал. Первый секретарь обкома КПСС В. Н. Игнатов сделал ему предложение: «Есть мнение выдвинуть Вас заместителем председателя горисполкома. Мы полагаем, что у Вас есть для этой ответственной должности необходимые способности. А что не знаете – поможем. Мы надеемся на Вас». – Последовал ответ: «Спасибо, Вадим Николаевич, за доверие, для меня это высокая честь. Но я не могу принять Ваше предложение». – «Почему?» – удивилось первое лицо в области. – «Если откровенно, у меня не лежит душа к этому виду работы. Я с ней не справлюсь». – «Причём тут душа?.. Партия даёт Вам задание. Ваша зарплата будет выше, к тому же – дача, автомашина и другое. Поработаете, и перед Вами – перспектива вверх». – «Спасибо. Я не могу». – «Вы всерьёз хотите, чтобы Вас упрашивали?» – «Да, всерьёз. Спасибо. Это не моё». – «Но Вы солдат партии…». – «Я её член…». – «В моей

армии такие солдаты не нужны». Анатолий Павлович пошёл к выходу. Обернулся и через плечо бросил: «Партия не армия. А Вы не генерал».

К вечеру был подписан приказ об увольнении Анатолия Павловича с работы в обкоме КПСС.

Теперь об этом можно рассказать. Но в те годы (конец 60-х) далеко не все об этом знали, а некоторые недоумевали, почему многообещающий работник ушёл из решающего органа власти, какими были обкомы, крайкомы КПСС. Но, как говорили древние римляне, Pulchra res homo est, si homo est (человек достоин, если он человек). Анатолий Павлович действительно не мог быть администратором, что откровенно и сказал. Анатолию Павловичу органически чужды все виды карьеризма. Ни за какие, как говорится, коврижки он не разменивал своё человеческое достоинство.

Анатолий Павлович Дьяков

Отринув карьеру сановного администратора, Анатолий Павлович вернулся в Alma mater. С обещанной солидной зарплаты сел на скромную аспирантскую стипендию. По нынешним, да и по тогдашним, временам далеко не всякий на это решится и не у всякого хватит стойкости не принять, казалось бы, заманчивого предложения высокого начальства. Бывает, что человек с неадекватными способностями безответственно принимает соблазняющее предложение. Анатолий Павлович – не из тех. Он иная личность. Ответственная.

Далеко не случайно, что темой своей философской диссертации он избрал из нескольких предложенных вариантов проблему социальной ответственности личности. Ответственности и за себя, за своё социальное существование, самостояние и за последствия своих действий в жизни других. Это было в 60-х годах. Но до сих пор, спустя полвека, эта проблема не только не потеряла своей теоретической и практической актуальности, а наоборот, её актуальность возрастает. Кое-кто советовал переформулировать тему на правовую или этическую ответственность и даже политическую. Анатолий Павлович аргументированно отстаивал формулу «Социальная ответственность». И только нам двум, ему и мне, известно, как тяжело давалась нам эта многомерная проблема, каких усилий стоило вытянуть её из обыденных стереотипов и анализировать, концептуализировать философски. Анатолий Павлович упорно трудился. Не редко случалось так: он приносил текст какого-либо параграфа. На следующее утро я возвращал ему крест-на-крест перечёркнутые страницы: «Это не годится». Обсуждали. Искали философские ключи. Аспирант

заново перерабатывал, вернее, приносил другой текст. И – опять критический анализ. По опыту работы со многими аспирантами знаю, не каждый такое выдерживал; некоторые бросали работу. Анатолий Павлович не капитулировал. И успешно защитил кандидатскую диссертацию. На его автореферат пришёл отзыв, отнюдь не заказанный, даже из Института философии АН СССР, что бывало крайне редко.

Ключевым в диссертации был концепт поля социальной ответственности. Ныне понятие социального поля, политического поля широко используется в социологии, политологии, социальной философии. В известном смысле после опубликованных работ известного французского социолога Пьера Бурдье и его последователей они получили авторитетный методологический статус в гуманитарных науках. Мы с аспирантом Анатолием Павловичем в 60-х годах не знали П. Бурдье. Его работы не переводились на русский язык (это стало возможным в 90-х), французским языком мы не владели, да воронежские библиотеки, к сожалению, не закупали французских философских книг. Но шли мы в правильном направлении.

В диссертации Анатолия Павловича проанализированы структура и типы социальных полей ответственности, границы и пределы, объективные и субъективные факторы их формирования, движения, распада. Самое главное – показана практическая ценность этого понятия, способы определения и измерения реальных полей социальной ответственности, их регулирования.

Диссертацию Анатолий Павлович защитил в 1970 году. Через несколько лет ему в руки попала книжка с близким названием. Открыл, стал читать. Через несколько страниц пошёл очень знакомый текст. И так – страница за страницей. Анатолий Павлович достал из своего архива свою диссертацию. Тексты совпадали абсолютно, вплоть до опечаток и ошибок в знаках препинания.

Два саратовских нувориша, один из них профессор, доктор юридических наук, другой – молодой кандидат философских наук – десятки страниц текста украли из диссертации А. П. Дьякова. Один из авторов по её в основном тексту защитил «свою» диссертацию, а профессор, «соавтор» книжки был его научным руководителем. Явный плагиат. Мы писали протестное письмо в Саратовский университет (там защищалась плагиат-диссертация и издавалась книжка).

Недели через полторы приехал перепуганный молодой плагиатор, «автор» кандидатской диссертации. Жалко извинялся, предложил замять дело деньгами или вторичным изданием книжки с указанием А. П. Дьякова как третьего соавтора. Саратовский профессор-юрист даже письмом не соизволил как-то объясниться и извиниться. Впоследствии научная общественность их осудила за плагиат.

Парадоксально, но этот плагиат – свидетельство научной ценности диссертации А. П. Дьякова. Крадут ценные вещи; мусор не крадут. В давнем диссертационном исследовании и сегодня есть немало ценного. Социальная ответственность в политике, экономике, образовании, медицине, науке – одна из острейших проблем сегодня. Её дефицит – глубинная причина правовой, нравственной, социокультур-

ной деградации, главный ступор неразвитости и болезни российской демократии. Это – проблема сверхвысоковольтного напряжения. Неолибералистская интерпретация и коррупционная деградация социальной ответственности, бюрократическая заражённость социальных полей ответственности – в основе многих бед современной России. Анатолий Павлович, работая над диссертацией о социальной ответственности личности, ещё этого не знал. Страна успешно развивалась. Однако проблема социально ответственной личности была и тогда; более того, её социально значимый потенциал нарастал. Жаль, что мы с Анатолием Павловичем не проявили склонности и практической целеустремлённости довести исследование до публикации. Нувориши от науки этим воспользовались. Социальная ответственность не была структурообразующим комплексом их личностей. У них не было ни этической, ни юридической рефлексии относительно социальной ответственности.

Анатолий Павлович относится к первому поколению исследователей социологии молодёжи. Его работы 70-х годов посвящены противоречивости социального развития молодёжи, специфике её социализации, взаимоотношениям со старшими возрастными группами. Эта линия продолжалась и в 80-е годы, приобретя новые черты. В 80–90-х годах общероссийский научный и практический интерес выявили исследования по тревожной проблеме наркомании в молодёжной среде, а также отношений юношей к армии, службе в рядах вооружённых сил. Важно было исследовать сдвиги в историческом и социальном сознании молодёжи в условиях углубляющегося кризиса российского общества. Эти исследования велись кафедрой социологии и политологии ВГУ. Активным и творчески инициативным членом авторского коллектива был доцент А. П. Дьяков.

Рубеж 80–90-х годов был особо сложным и конфликтогенным не только в стране, но и в Воронежском государственном университете. В обстоятельствах с неопределёнными векторами сдвигов Анатолию Павловичу довелось быть секретарём парткома КПСС (1989–1991 годы). Последним в истории ВГУ. Это была воля большой партийной организации, в составе которой насчитывалось более 1000 человек. Спустя десятилетия многие вспоминают об этом. Одни – с благодарностью за то доброе, что было сделано. Другие – с озлобленностью, невротически выдумывая то, чего не было. Первых всё же больше. При поддержке парткома во главе с Анатолием Павловичем в университете был создан дискуссионный клуб «Время и правда». Единственный в Воронеже. На дискуссии приходили сотни людей разных возрастов, положения, позиций, суждений со всего города. Анатолий Павлович вникал в социальные нужды сотрудников и студентов университета. Его никто не может упрекнуть в том, что он использовал своё положение в парткоме КПСС в ущерб коллективу или помешал кому-то по идеологическим соображениям в научно-педагогической деятельности или в решении житейских проблем.

Нельзя пройти, говоря об А. П. Дьякове, мимо исключительно сложного и острого периода в жизни страны и университета – августовских дней 1991 года и

последующих событий. Так называемый путч и ельцинский переворот. В полдень 20 августа Анатолий Павлович созвал партком. Попросил прийти на заседание меня и Владимира Наумовича Эйтингона (мы не были членами парткома). Необходимо было решить, что делать, и определить позицию по отношению к тому, что происходит в Москве. После бурной дискуссии была единогласно принята резолюция: осудить путч как антиконституционный, потребовать вывода войск из Москвы и недопущения ввода их в другие города, срочно созвать Верховный Совет СССР и восстановить конституционный порядок. Резолюция обязывала коммунистов ВГУ и призывала всех сотрудников и студентов строго придерживаться правопорядка.

Текст резолюции был размножен и разослан во властные структуры, а также по факультетам и расклеен в коридорах всех университетских зданий на видных местах. Но были люди, которые расклеенные листы срывали. Так они боролись за демократию. Тексты вновь расклеивали на стенды. Но их опять срывали самозваные комиссары от «демократии». Потом эти комиссары приказали опечатать комнату парткома, хотя никакого правового решения не было.

Секретарь парткома КПСС Анатолий Павлович Дьяков и ректор Владимир Васильевич Гусев были в то сумбурное и отнюдь не демократическое время озабочены только одним – соблюдением правопорядка, нормальным началом нового учебного года. И – человеческого достоинства, культуры университетского сообщества.

Основная часть педагогической работы Анатолия Павловича как социолога проходила вплоть до февраля 2016 года на естественных факультетах. Преподавать социологию в последние десять-пятнадцать лет стало трудно. Ректорат, да и фурсенко-ливановское Министерство образования и науки кризисно сократило количество часов. Создаётся впечатление – от него трудно отмахнуться, – что правящие «верхи», точнее, люди, в них занятые, не заинтересованы в развитии социального и гражданского самосознания молодёжи, будущих специалистов. Анатолий Павлович преодолевал эти трудности до ухода на пенсию, но переживает их и после. У него удивительно мягкая и вместе с тем академически требовательная методическая работа со студентами. Главное – он стремился помочь каждому студенту стать личностью, способной не только понять, что происходит в мире и окрест, но и себя самого, занять осмысленную достойную жизненную позицию в профессиональном труде, в общественных событиях и процессах, в общении. Для Анатолия Павловича ответственная задача педагога – помочь студенту обрести полноценное жизнедеятельное социальное человеческое «Я». Анатолий Павлович многим буквально помогал вылезти из зыбучей трясины житейских неурядиц, безверия и обрести уверенность в себе. Он не разделяет взглядов тех преподавателей, которые не считают нужным тратить своё время на нерадивого или запутавшегося студента. «Да поставь ему тройку», – советуют такие преподаватели. Анатолий Павлович тратил своё время. И добивался чаще всего необходимого уровня

знаний. Он не мог допустить, чтобы молодой человек провёл впустую для ума и сердца четыре-пять университетских лет.

Анатолий Павлович много внимания уделяет социологии студенческой жизни, высшего образования. В июне 2006 года вышла в свет небольшая, но информативно ёмкая, содержательная монография «Образовательные ценности и ориентации воронежских студентов». Анатолию Павловичу принадлежит 4-й раздел «Учебный процесс глазами студентов». Да и в других разделах чувствуется его помогающая рука.

Анатолий Павлович – удивительно отзывчивый человек. Отзывчивый не на словах, а на деле. Более того, он превентивно отзывчивый. Предлагает сам свою помощь, если чувствует, что кто-то другой в чём-то нуждается, но не просит. Я сам многократно был в такой ситуации. Безотказная помощь – органическое свойство его как человека, принцип жизни. У него нет инструментального отношения к другому, т. е. использования в своих целях.

Полвека своей жизни, энергии, знаний, труда и переживаний он отдал Воронежскому государственному университету. Никогда не предъявлял ему ни малейших притязаний.

Закончу стихами.

Всё распродано, куплено, предано.
Даже колокол не гудит.
По разбитым дорогам над бездною
Нам придётся долго идти.

Кто-то ищет и славу, и деньги.
Кто-то стонет: «Не дайте пропасть!» –
Кто-то строит свои шеренги.
Кто-то веру меняет на власть.

А в России бездумные ветры
Покачнули и звёзды, и крест.
Но упрям Анатолия вектор
На Свободу, Разум и Честь.

Мы не видели небо в алмазах.
Нам судьба не бросала под ноги ковры.
Но во всех передрягах ни разу
Его совесть не шла на разрыв.

И ему не вручали награды
Под лукавые звуки фанфар.
Но ни словом, ни нефтью, ни правдой
Никогда он не торговал.

6. Неукротимый

Отрываю глаза от своей рукописи, вскидываю голову. Напротив письменного стола, на 6-й книжной полке за стеклом – портрет человека в тельняшке, в папахе, повязанной красной лентой. Он в раздумье подпирает правой рукой голову. В его глазах ирония и грусть.

Это – Лев Кройчик в образе матроса из спектакля по поэме А. Блока «Двенадцать». Вернее, не в образе, а на выходе из него, вероятно, после спектакля. На сцене «в образе» Лев Ефремович (для меня он издавна – Лёва) был другим: без иронии, без грусти. На фотографии Лёва не столько в образе, сколько в себе. В себе, когда он что-то обдумывает. Вероятнее всего, себя в образе революционного матроса, впереди которого, по версии А. Блока, «в белом венчике из роз» шёл Христос.

С чего бы начать воспоминания о нём?.. Попробую так: первый раз я обнаружил Льва в общежитии ВГУ № 1 по улице Фридриха Энгельса, 4. Это был густоволосый парень, лежавший на койке с продавленной панцирной сеткой. Парень был длинный. Его большие ноги лежали на грядушке койки, голова упиралась в противоположную грядушку. Эту позу профессор Лев Ефремович в своих мемуарах неоднократно вспоминал. Расходятся наши взаимные воспоминания только в одном. Он неизменно пишет, будто, увидев меня, он стал прятать свои ноги, чтобы не показывать свои дырявые носки незнакомому человеку. Утверждаю: носков не было. Была жаркая погода второй половины августа 1954 года. На грядушку койки были вытянуты большие натоптанные ступни. Парень быстро опустил их на пол (он прятал не дырявые носки – их не было, – а крепкие ступни). В руках был учебник для средней школы по географии.

Поздоровались. Я представился: «Секретарь комитета комсомола ВГУ Валентин Рахманин. Какие у Вас проблемы?» – как комсомольский вожак я заботился о благополучии абитуриентов и качестве нового пополнения студентов. В ответ: «Я Лев Кройчик. Проблема есть. Помогите сдать экзамен по географии!» – Абитуриент сдавал вступительные экзамены на филологическое отделение истфилфака. «Могу помочь только консультативно». Поговорили. Лёва оказался из Ярославля. Впоследствии (а не под следствием!) выявилось, что Лёва Кройчик приехал в Воронеж, споткнувшись в Московском геологическом институте. Он был не то что очень красив, а сокрушительно (для девушек) очарователен в форменном мундире студента-геолога. Но его отчислили за… неуспеваемость. К досаде тех самых девушек московских и к радости воронежских. Но, как известно, от судьбы не уйдёшь. Да и сердце Льва тянуло его в сторону южную. Судьба и сердце втолкнули, втянули его в ВГУ. На благо ему, университету, мне и многим, которым несть числа, даже тем, кто вернулся в Африку.

С тех пор Лёва, Лев Ефремович, короче, Кройчик стал стремительно и ярко входить во все сферы и сегменты жизни Воронежского государственного универ-

ситета: от взаимоотношений между девушками в студенческой группе (и даже шире) до основательной научной работы и общественной деятельности. И вот парадокс: познакомились мы с ним в августе 1954 года на «Вы», а потом и – до сих пор (пишу эти строчки в середине ноября 2016 года. Да продлятся дни наши!) – только на «ты». И в обращениях: «Лёва» – «Валя». Лёва – единственный друг, с которым мы обращаемся друг к другу на «ты». С остальными с годами студенческое «ты» заменилось на «Вы», хотя дружба становилась теснее и заботливее друг о друге. Я долго сопротивлялся переходу на «Вы» с Володей Листенгартеном. Но он давно перешёл на «Вы». Наконец, и моё одностороннее «ты» дрогнуло. Теперь только «Вы», хотя отношения у нас очень сердечные. А вот с Лёвой Кройчиком мы до сих пор только на «ты», хотя давно стали профессорами, да и видимся редко.

Сегменты, через которые юный Лёва входил в широкую университетскую жизнь, оказались символичными: первые Дни поэзии ВГУ и университетская многотиражная газета (еженедельная четырёхполоска). Студенты-геологи, инициаторы Дней поэзии, в союзе с филологами первыми обнаружили университетскую масштабность золотоносного таланта Льва Кройчика. Он стал ведущим первых Дней поэзии. Ведущий – это не конферансье, как тогда говорили. Надо было выстроить программу поэтического вечера, учитывая не только талант, но и амбиции молодых поэтов, реагировать на поведение зала, поддерживать поэтическую динамику и одновременно сдерживать стихию. Лёва артистично и свободно вёл заключительную, вечернюю часть Дней поэзии. Он не терялся перед битком набитым залом. Он им владел. Решительно, весело, доверчиво. Внимательно вслушиваясь в то, как и что читал со сцены тот или иной поэт, и, готовясь к следующему, Лёва успевал тут же сочинять пародии на только что произнесённые стихи. В пародиях звучали и ирония, и уважительность к автору, и вместе с тем блестящее владение стихом, тайной метафоры, ритма и рифмы. И этим самым ведущий учил зал внимать стихам и понимать их. Так в Лёве Кройчике рождался и раскрывался талант филолога и артиста.

В университетскую многотиражку Лёва со своими однокурсниками Владимиром Гусевым и Олегом Ласунским пришли сами на радость ответственному секретарю газеты Николаю Зиновьеву. Я был редактором газеты «Воронежский университет». Пришедшая троица была большой находкой для газеты. Во-первых, в университетской многотиражке обязательно должны быть студенты как авторы, высказывающие своё мнение. Во-вторых, пришедшие ребята – Лёва, Владимир, Олег – были талантливы. Каждый – по-своему. У Олега Ласунского выявился талант библиофила, книговеда особого склада. Он начал в многотиражке ВГУ с описания библиотеки знаменитого профессора-историка Ильи Николаевича Бороздина. У профессора, вхожего в мир художественной литературы и искусства, ещё до октябрьской 1917 года революции были книги с дарственными автографами великих поэтов В. Брюсова, А. Блока, С. Есенина и др. Олег увлекательно рассказал о них на страницах университетской многотиражки. Рождался талантливый библиофил, писатель.

Лев Ефремович Кройчик

У Владимира Гусева (филолога, а не историка) была другая склонность, которую секретарь газеты Николай Зиновьев сумел «приспособить». Он писал микрорецензии на литературные новинки, небольшие рассказы, очерки. Рождался в многотиражке будущий талантливый литературовед, доктор филологических наук, известный писатель.

Лёва Кройчик дарил газете свои фельетоны о студенческой жизни, хозяйственных неурядицах в родном университете. В прозе, а иногда в стихах. Между прочим, заметки Лёвы – они подписывались разными шутливыми псевдонимами – с удовольствием читал ректор Б. И. Михантьев, хвалил. Со студенческих лет формировался оперативный журналист, но вместе с тем и талантливый филолог, исследователь истории русской художественной литературы и демократической журналистики.

Лёва-студент был исключительно активен в общественной жизни. Активен не формально, не для какой-то карьеры в комсомоле или в других организациях. Активен по своему темпераменту, по сердцу, по неукротимому стремлению делать добро, чтобы жить было светлее и веселее. Он был – и, к счастью, остался – неутомим на различные затеи и выдумки. Был во второй половине 50-х годов членом комитета комсомола, секретарём которого был в то время Владимир Второв. Творческая деятельность второвского состава комитета вошла яркой и поучительной страницей в историю комсомола ВГУ. История университетского комсомола ещё не написана. Может быть, и хорошо, что пока ещё не написана. Если её будут писать нынешние растеряй-либералы, всё извратят и изолгут. Но память многих хранит романтические и добрые дела комсомола времён В. Второва, Л. Кройчика, других деятельных студентов. В том числе и легендарное студенческое строительное движение, движение за освоение целины, казахских степей.

В конце 50-х годов Лев Кройчик исчез из ВГУ. Физически, телесно, но не из коллективной университетской памяти и не из памяти его друзей. По государственному распределению молодой специалист уехал в г. Шебекино Курской области, в районную газету. Проработал три года, в последнее время даже ответственным секретарём. И вернулся не в родной Ярославль, а в Воронеж, к Alma mater.

Ему хотелось работать в ВГУ. Зашёл ко мне. Я в то время был секретарём парткома КПСС. Лёва высказал своё желание. Далее записываю с его слов. Сам не помню. Но Лёва рассказывал почти из слова в слово несколько раз. По его словам, я попросил его подождать и пошёл к ректору, к Борису Ивановичу Михантьеву. Вернулся быстро. Предложил должность редактора университетской многотиражки; зарплата 83 рубля (в скобках замечу: ранее редакторские функции исполнялись на общественных началах). Зарплата, конечно, не для семейного человека (прожиточный минимум тогда в Воронеже официально составлял 70 рублей). Но всё же – работа в университете. Будущее зависело от таланта и усердия Лёвы. И того и другого ему было не занимать. Забегая несколько вперёд, замечу, что гены тех талантов, которые ему подарили родители, он всю жизнь поливал и поливает неустанным трудовым горячим пóтом. Да простит меня профессор, доктор филологических наук, заслуженный работник высшей школы и т. д. и т. п. Лев Ефремович Кройчик, но он напоминает мне тройку. Не в студенческой унылой зачётке, а на лихих и крутых жизненных путях-дорогах с их ухабами и всегда зовущими открытыми перспективами. Его таланты – это играющие и рвущиеся вперёд пристяжные: но направляющая тяговая сила – в коренном. Таким коренным у Лёвы является труд. Пристяжные радуют. Коренной вывозит.

Метафора неполная. Марина Цветаева видела в Борисе Пастернаке одновременно коня и всадника. Лев Ефремович (по аналогии с цветаевской метафорой) видится мне одновременно и как крепкая тройка коней, и как умелый наездник, знающий, когда и как включить правую или левую пристяжную, чтобы труд коренника не пропал даром, Лев Кройчик талантлив трудом. На белую зависть мне.

Вернёмся к трудоустройству. С работой вопрос решился. Но где жить? Опять к Б. И. Михантьеву. Дал комнату в студенческом общежитии. Это было к счастью. В общежитии жил Володя Второв. Маргарита, Лёвина жена, тоже устраивалась на работу, а друг Володя мог присмотреть за дочкой Наташей. Второв с удовольствием исполнял функции усатого няня.

Качество, информативность, читаемость университетской многотиражки заметно поднялись. Как-то Лёва посетовал: газета газетой, но он не собирается в ней засиживаться. Что же делать? Я посоветовал начать работать над диссертационной темой, чтобы уже готовым поступить в аспирантуру. Тем более что на филфаке приближается время смены поколений. «Но у меня, – пожаловался Лёва, – мало времени». Далее – опять с его слов; он этот сюжет пересказывал мне и даже студентам своим несколько раз. «Лёва! Если ты будешь каждый день

писать по три страницы, то за год у тебя будет примерно 1000 страниц. Только три страницы в день. Больше не нужно, вредно, качество мыслей снизится. Но целенаправленно. Через год из этих страниц ты диссертацию сделаешь». Так или не так это было – не помню, но Лёва всерьёз принял совет. По его словам, студенты спрашивают: «А если не удалось написать три страницы по каким-либо причинам и обстоятельствам?» – «На следующий день надо написать шесть. Это – закон», – ответил почтенный и любимый профессор. Лёва успешно защитил и кандидатскую, и докторскую диссертации. Он неукротимо и неостановимо работает.

Лев Ефремович не просто работает, т. е. что-то заставляя себя делать: писать монографию об А. П. Чехове, статью о журналистке прошлого века Тэффи, читать лекцию, окучивать картошку на даче, репетировать что-то в театре миниатюр, брать интервью, писать свои знаменитые 50 строк в газету, вникать в дипломную работу очередного ученика и т. д. и т. п. Он любит работать, даже тогда, когда чертыхается от усталости и досады на самого себя. Пожалуй, из всех видов работ, он не любит только одну – административную. Она часто даёт прибавку к зарплате. Но в ней много иррационального и бездушного. А это несовместимо с живым, весёлым умом и добрым, сострадающим сердцем Льва Кройчика. Однажды его избрали деканом факультета журналистики. Было за что. Он имел серьёзное отношение к созданию и открытию журфака. Имел опыт журналиста. Вёл научную и методическую работу. Был авторитетен и как учёный, и как педагог среди коллег и студентов. На журфаке, по моим наблюдениям, работать деканом, может быть, легче, чем на других факультетах. Там весёлые и открытые люди, благоприятное соотношение поколений. Тем не менее вскоре после избрания Лев стал тяготиться административной работой. Декан в нашем университете должен заниматься всем: от проблем повышения теоретико-методологического уровня и практической эффективности научных исследований, качества подготовки специалистов и организации учебного процесса, его материального обеспечения до бытовых и социокультурных проблем студенчества и санитарного состояния туалетов. И – пчелиный, гудящий, зудящий и жалящий рой разноканальных запросов, указаний, требований по схеме: ответь на то, не знаемо на что, сделай то, не знаемо что. Лев Ефремович честно трудился деканом. На раме деканатского зеркала надпись советовала: «Неча на Кройчика пенять…» Лев Ефремович дотерпел срок и отпросился от деканатской должности.

Каждый человек, работающий или получивший высшее образование в университете, оставляет так или иначе свой след в его истории. Одни – большеразмерный и глубокий, другие – еле заметный. Одни прокладывают глубокие борозды и даже новые дороги в науке, что сильнее и выше всего ценят потомки. Другие находят новые методы помощи становлению личности студента и лечения его душевных травм. Остаются следы созидателей и следы разрушителей. У каждого – своё лицо в истории ВГУ. Историки пытаются воспроизвести лица в истории. Это важно, хотя крайне трудно. Чаще всего воспроизводится с тем или иным успехом

статусно-ролевое лицо: должность, функции, их исполнение, роль в служебных, социально значимых отношениях. Но это при всей важности всё же односторонняя реконструкция. Увлечённость бытовой реконструкцией тоже полноту личности не воспроизводит.

Лев Кройчик не историк, хотя и близок к исторической науке; заведует кафедрой истории журналистики и литературы. У него несколько иной подход к истории ВГУ. Его подход можно было бы назвать «история в лицах». Книга о Н. М. Чернышове относится, пожалуй, к этому типу. Но специфика многих книг Л. Кройчика об университете всё же несколько в другом, отличается от жанра «истории в лицах». Он стремится раскрыть, показать не ролевую маску, а живое лицо университета. Лицо Воронежского государственного университета в размышлениях, действиях, впечатлениях, в жизни его людей в разные времена. Я не могу точнее выразиться. Может быть так: Л. Кройчик стремится воспроизвести лицо университета, как оно отразилось в жизни тех, о ком пишет журналист. Далеко не случайно книги Льва Ефремовича о «людях университета» и об «университете в людях» носят соборные названия: «Рождённый революцией» (о тех, кто эвакуировал Юрьевский университет и создавал Воронежский), «Университет в солдатской шинели» (о тех, кто защищал Родину и работал в годы Великой Отечественной войны), «Alma mater». Три выпуска о личном многоцветье Воронежского университета почти трёх десятилетий постсоветской России (надо надеяться, что последует и четвёртый выпуск). Есть соборные книги об экономическом факультете, о факультете журналистики. Последняя книга с многозначительным названием «Дом, который зовут журфаком. История, сочинённая жизнью» (составитель Л. Кройчик, в 2 томах, 2011). Бесценный материал для будущих историков. В книгах, написанных или составленных Л. Кройчиком, они найдут то, чего нет ни в каких архивных документах. Историки уже используют этот источник. Во втором издании основательной монографии доктора исторических наук, профессора М. Д. Карпачёва «Воронежский университет. Вехи истории. 1918–2013» я насчитал более полутора десятка ссылок на книги Л. Кройчика, в основном на «Рождённый революцией» и «Университет в солдатской шинели». Пройдут десятилетия, и историки будут вовсю цитировать сборники интервью и очерки Льва Кройчика «Alma mater». Лев Ефремович талантливо и правдиво запечатлел в них лицо Воронежского университета в его тревогах и радостях, волнениях и надеждах, в сбывшемся и несбывшемся.

Когда читаешь сборники интервью и очерков «Alma mater», то лучше узнаёшь родной университет. Автор стремится добраться до самой сути, освобождая её от словесной шелухи и эмоциональной накипи. Лев Ефремович следует мудрому поэтическому завещанию Александра Блока:

Сотри случайные черты,
И ты увидишь: мир прекрасен.

Таким и возникает ВГУ в интервью, которые он берёт у разных по специальности, статусу, возрасту и полу, жизненному опыту и мировоззренческим установкам людей. В первых трёх выпусках сборника «Alma mater» – судьбы, суждения, размышления, переживания около 120 сотрудников и выпускников университета. В них и через них видится живое, не архивное, не застывшее, а меняющееся во времени и событиях лицо университета. Оно пластично и выразительно.

В рецензии на третий сборник «Alma mater» я писал и воспроизведу здесь, в мемуарном очерке: «Л. Кройчик владеет искусством по-журналистски входить в проблематику той науки, учёных которой он интервьюирует. Ни один из тех вопросов о специфике, роли той или иной науки (от математики до политологии) не вызывает недоумения, тем более отторжения у её представителей. Наоборот, они воспринимают интервьюера как заинтересованного, понимающего человека… Задавая вопросы (часто очень острые) разным членам профессорско-преподавательского состава, Л. Кройчик вопрошает и саму Alma mater и умеет слушать и слышать её ответы. Рецензируемая книга (третий выпуск «Alma mater». – *В. Р.*) – своеобразный клинический диагноз Воронежского государственного университета».

Беря интервью, Лев Ефремович умеет разговорить респондента. Иногда спорит. Но не для того, чтобы подавить, опровергнуть суждения собеседника, а, наоборот, дать ему возможность наиболее полно выявить своё видение обсуждаемой проблемы, свою позицию, что-то уточнить, лучше аргументировать. Спор в журналистском мастерстве Л. Кройчика используется как профессиональный приём побудить собеседника помочь ему не только обстоятельно представить свою позицию, мнение, но – и это не менее ценно – лучше понять самого себя.

Лев Ефремович много сделал и делает для того, чтобы запечатлеть живую историю ВГУ. Его интервью, очерки, книги о факультетах и отдельных учёных – бесценный источник для будущих историков. Но не только. Они исключительно важны для социологического анализа, обобщений, проблем жизнедеятельности ВГУ, его опыта в высшей школе России, исследования типов научно-педагогической деятельности, стилей и методов преподавания, отношений к личности студента и к тому, что, с точки зрения университетского интеллигента, происходит в нынешней России. Выпуски интервью и очерков «Alma mater», ко всему прочему, очень поучительны для современников. Не только тем, а может, и не столько тем, что талантливый журналист рассказывает о том, как жили университетские люди в Воронеже в конце XX века и в первом десятилетии XXI. Современнику – и ближайшему, и отдалённому – интервью и очерки дают бесценный материал для обдумывания своей деятельности, своего пути и результатов в науке, своего стиля и метода преподавания, отношений с коллегами. Лев Ефремович, осмелюсь сказать, создал бесценный жанр повествования о повседневности ВГУ, его устную историю.

Бытует мнение, будто в 60-е годы в ВГУ возник театр. Оно – результат некоего забвения истории, не искажения, а забвения её молодым поколением 60-х годов.

По-видимому, театр существовал в университете всегда или почти всегда. Я написал предположительное слово «по-видимому». Плохо знаю довоенную историю Alma mater. Политическую, научную знаю по разным источникам. Прежде всего по научным исследованиям университетских историков. А вот культурную почти не знаю. Историки никогда в неё не вникали. Да и с мемуарами скудно. Но вообще-то – сам виноват. Можно было бы кое-что и разузнать. Но послевоенную, вернее, с конца 40-х, помню и знаю. Театр тогда был в ВГУ. И не какой-нибудь, а драматический. Главным режиссёром и руководителем был артист драматического театра А. Пальмин. Ставили серьёзные драматические и исторические спектакли. Блистали Ардальон Попов, Зинаида Козырева (Попова З. Д.), Станислав Медянский, Борис Кривенко и др. Был прекрасный кружок сольного пения, которым руководила концертмейстер филармонии Е. Кожевникова. Был хор. С театрами университет всегда был связан намного больше, плодотворнее и взаимозаинтересованнее, чем в первые десятилетия XXI века. Так что – театр был. Наверное, был и до войны. Студенчество не может жить и быть без театра. Да и театру без студентов плохо. В моём становлении Воронежский драматический театр (потом его назвали именем А. Кольцова) в 50-х годах сыграл огромную роль в постижении человеческих отношений.

Но вот такого, что наблюдалось в 60-е годы, не было. А наблюдалось довольно буйное появление на разных факультетах различных групп любителей театральной самодеятельности. Началось даже раньше – с середины 50-х (на химфаке – Л. Гуревич, на физмате – А. Сивков, на истфилфаке – С. Медянский, В. Скогорев). Из этой бурлящей, дымящей, часто хохмаческой студенческой среды вырвалось яркое пламя – жанр миниатюр. Его организаторами были Лёва Кройчик, Вадим Кулиничев, Саша Смирнов. Все они обладали удивительным юмором и создали легендарный (без комплиментов) Театр миниатюр. Лидером с его кипучей и трудолюбивой энергией был Лёва Кройчик. Театр миниатюр вобрал в себя лучшие артистические таланты университета, владеющие юмором и ироническим складом молодого ума. Лёва к тому времени вернулся из Шебекино, куда был направлен по государственному распределению выпускников ВГУ. Работал редактором университетской многотиражки, а потом преподавателем кафедры советской литературы (заведующий А. М. Абрамов).

Театр миниатюр был откровенно комедийной и сатирической направленности. Пожалуй, только один спектакль несколько выбивался из неё. Это постановка по поэме А. Блока «Двенадцать». Я помню её. Может быть, потому, что, будучи студентом 4-го курса, на спецсеминаре сделал свой доклад «Поэтика поэмы А. Блока “Двенадцать”». В докладе акцент был сделан на ритмике и образах революционной стихии. А. М. Абрамов, ведущий спецсеминар, доклад раскритиковал. В сценической постановке «Двенадцати» я услышал и увидел свою трактовку ритмики, образов, метафор поэмы. Наверное, всё было не совсем так, сложнее. Но

так я воспринимал. Так воспринял и революционного матроса в исполнении Лёвы Кройчика. Его фотография на обложке книги стихов «Из пяти тетрадей» передо мною по ту сторону стола за стеклом книжной полки. В кройчиковом образе революционного матроса не было ничего наигранного, искусственного, идеологизированного; он был естественен, натурален.

Не могу припомнить названия всех постановок Театра миниатюр. Образы, сцены помню, названия пропали в подсознании (может быть, когда-нибудь выплывут сами; наводить справки не буду). Но запомнились «Требуется монарх», «Парадокс». Выразительная точность мизансцен, сценическая динамика спектакля, тщательная проработка и исполнение большинства ролей, не только высший юмор, но и внутренний ироничный подтекст удивляли и восхищали в каждом спектакле. Это была не талантливая самодеятельность студентов, а профессионально поставленное и глубоко продуманное, вызывающее многие ассоциации театральное действо, размышляющее о жизни и человеке в наши дни. Главное – это был продуманный и побуждающий думать диалог со зрителем. Не случайно после каждой постановки разгорались страстные споры. Спектакли Театра миниатюр вызывали огромный интерес не только университетских студентов, преподавателей (особенно молодых), но и театральной общественности Воронежа, студентов других вузов. Зал всегда был полон и долго не расходился, обсуждая вместе с режиссёром и артистами, сошедшими со сцены, и спектакль, и жизнь, и самих себя. Театр миниатюр гастролировал по стране. Им восхищались и через него узнавали, что такое ВГУ, в Ереване, Мурманске, Свердловске, Челябинске и в знаменитой (были же времена!) юмором Одессе. Жаль, что это достояние Воронежского университета осталось только в воспоминаниях. Спасибо Льву Кройчику и товарищам!

Однако Лев Кройчик не только вдумчивый и остроумный журналист и не только талантливый режиссёр, актёр. Самое главное – он плодотворный литературовед, доктор филологических наук, профессор, да ещё и заведующий кафедрой, играющей специфическую роль в подготовке журналистов для различных средств массовой информации. Его научные интересы, даже более того, пристрастия, по-моему, – следствие его характера, вернее, склонности к юмору и интеллектуальной иронии. Практикуясь в этих талантах, он пытается филологически и отчасти философски понять их тайну в истории русской художественной литературы, в театре, журналистике. Естественно, он прежде всего начал исследовать творчество Антона Павловича Чехова. Отнюдь не трактуя его как писателя-юмориста. Особенно в трактовке его пьес. Юмор и ирония А. П. Чехова – способ проникновения, познания (слишком слабое слово!), постижения печалей и тоски бытия человека и его устремлённости куда-то. И вместе с тем – стремление дать возможность человеку оглянуться вокруг себя и понять себя.

Помню, на защите Лёвой докторской диссертации я задал ему вопрос: «Почему Чехов, один из самых национально русских писателей и драматургов, стал одним из самых известных в Западной Европе? А в Японии тоска трёх чеховских сестёр стала трактоваться чуть ли не как символ японской души?» Лев Ефремович дал чёткий философский ответ: «Потому что Антон Павлович через русское раскрыл общечеловеческое, а в общечеловеческом – русское». По-моему, точнее не скажешь. Лев Ефремович Кройчик глубоко проник в тайны чеховского творчества. Примерно через каждые 10 лет я заново читаю и перечитываю все 30 томов рассказов, повестей, драм и комедий, очерков и писем А. П. Чехова. Много читал о Чехове. Увлечённость Чеховым у меня со школьных лет. В десятом классе мужской воронежской школы № 18 я сделал доклад «Любовь в творчестве Чехова». Именно с этой прямолинейной формулировкой. Доклад вызвал доброе удивление учительницы С. Н. Судариковой. Она предложила послать его на какой-то конкурс. Но я постеснялся или поленился доделать и никуда не послал. Это небольшое личное воспоминание в связи с творчеством А. П. Чехова и докторской диссертацией Л. Е. Кройчика даёт мне некое основание сказать: научное исследование (толкование) Л. Кройчиком Чехова самое чеховское, во всяком случае, ближе к сокровенно чеховскому, чем у многих чеховедов. Лёве не понравится такое определение… Ну и пусть! Мы в прошлом иногда с ним спорили, оставаясь в итоге каждый при своём мнении. Но это не мешало нашей душевной дружбе. Я и тут останусь при своём мнении: Воронежский университет может (и должен!) гордиться тем, что его профессор Л. Е. Кройчик – один из самых глубоких исследователей гения А. П. Чехова. Лёва – человек исключительно скромный, при всей его наигранной агрессивности (мнимой) в общении. Он о себе более скромного мнения. Но это – его мнение; я – при своём.

Лёва Кройчик невероятно трудоспособен. Неукротим в творчестве. В творческом много- и разнообразии. Если считать (а так – увы! – делают) плодотворность учёного, к тому же журналиста, по количеству публикаций, то, вряд ли я ошибусь, этот показатель у него давно пошёл за 3-ю тысячу. И везде, и всюду он оригинален. Чужого слова никогда не берёт и с чужого голоса не поёт. Он – человек неукротимого требования к самому себе. Иногда он прикрывается беспечностью, лёгкостью остроумного слова. Но однажды он поделился опытом работы над словом: «Я трижды переписываю каждую свою статью, книгу, заметку-колонку из 50 строк в газету». Я переспросил: «Неужели трижды?» – «Трижды», – повторил мой друг. Он не позволяет себе выйти к людям с тупым и пустым словом. Владеет тайной парадоксального слова и молодой дерзостью вникать в парадоксы и даже искать в них утешения.

Однажды в спортивно-оздоровительном лагере «Веневитиново» в сезон, когда комиссарил Лёва Кройчик, что-то случилось на кухне. Обед не был вовремя приготовлен. А люди, человек 150, накупавшись в Усманке и нагулявшись по лесу,

начали волноваться. И вдруг по радио голосом московских дикторов: «Граждане! Важное сообщение: обед запаздывает, зато ужина не будет!» Народ утешился. Парадокс превратил занудливое ожидание в смех.

У Лёвы беззаветная любовь к Воронежскому университету, хотя он побывал во многих. Как-то, проходя вместе дистанцию от автобусной остановки «Памятник Славы» (по-моему, памятник неверно назвали. Надо было бы по художественному образу и по месту расположения определить как «Памятник материнской скорби»), я сказал, что вчера в записных книжках А. П. Чехова вычитал: А. Фет, каждый раз проезжая на своей пролётке по Моховой в Москве, просил кучера остановиться. И плевал в сторону Московского университета. И командовал: «Трогай!» Так раз за разом. Лошадь привыкла. И стала сама в нужном месте останавливаться. И трогалась в соответствующий момент. Лёва ничего не сказал. Молча поднялись на небольшой холм. Лёва произнёс: «Я очень люблю наш университет и его людей».

Одна из последних его книг, которую он мне подарил с трогательной подписью, – монография «Смешное и грустное. Этюды на темы русской комической литературы XIX–XX веков», изданная в 2014 году. Она с любовью и глубоким пониманием творчества тех, о ком он пишет. И лейтмотивом из этюда в этюд звучит: «Комическое – территория свободы. Комическое – созидательно по своей сути». И напоследок: свою книгу Лев Кройчик заканчивает так: «Комический писатель – чудак-одиночка, жить с которым – одно удовольствие. Потому что главное в жизни – сохранить бодрость, хорошее настроение, весёлость». Перефразирую: работать в одном университете с Львом Ефремовичем Кройчиком – одно удовольствие. Далее – по тексту.

И напоследок две эпиграммы:

1. *Пусть зависть кого-то грызёт,*
   Но правда идёт по Земле:
   Не каждый Лев – лучезарный Кройчик,
   Но Кройчик – сиятельный лев.

2. *Бог тварей творил на Земле*
   И чудо явил непорочно.
   Так в ВГУ оказался Лев,
   Лев эксклюзивный – Кройчик.

   И если правде смотреть в глаза
   И поразмыслить строго,
   Неоспоримо придётся признать:
   Бывают удачи у Бога.

7. Открытое сердце

«В сентябре 1963 года я впервые в Воронеже. В тот тёплый осенний день у меня не было ощущения судьбоносности момента. А между тем случилось то, что, видимо, и должно было произойти. Именно здесь я радостно окунулся в плотную интеллектуальную среду, встретил замечательных людей, одаривших меня искренним дружеским расположением…»

Итак, «окунулся в плотную интеллектуальную среду». Да ещё и радостно… Но чтобы окунуться в любую плотную среду, надо, во-первых, иметь соответствующее оснащение; во-вторых, быть подготовленным для обитания в ней; в-третьих, владеть необходимыми умениями, навыками, способами поведения. Иначе плотная среда или вытолкнет из себя легковесное тело, или раздавит его неадекватную конструкцию. Это – закон физики.

Однако автор признания о радостном окунании в воронежскую среду не был ею ни отторгнут, ни раздавлен. Он не только остался в ней навсегда, но стал её органической частью, выразительным актором, драйвером. Он обладал необходимым оснащением, был всесторонне подготовлен и умел свободно плавать в плотной среде. Он не только нашёл в воронежской среде дружеское расположение к себе, но сам одаривал её участников и дружбой, и любовью.

Таким человеком, явившимся в Воронеж осенью 1963 года, был и навсегда остался Бронислав Яковлевич Табачников. На одном из давних его юбилеев я рискнул сказать: «Если бы Бронислав Яковлевич не явился сам в своём облике и своей сути, то его надо было бы Воронежу выдумать. Но всё обошлось к лучшему: он сам явился». В воронежские социокультурные слои он вошёл стремительно и благодетельно. Хотя, конечно, были и осложнения.

С Брониславом Яковлевичем мы познакомились, по-видимому, в середине 60-х годов, возможно, даже в начале их второй половины. Наверное, мы встречались в коридорах красного корпуса, в котором в то время располагался исторический факультет. Я читал лекции по философии, в том числе и спецкурс «Философия истории», для студентов. Близко общался с преподавателями, особенно с А. Е. Москаленко, В. А. Афонюшкиным, В. В. Гусевым, В. Ф. Смирновым и др. С почтением относился к старейшему и тогда единственному профессору истфака Илье Николаевичу Бороздину; возвращаясь с работы домой (нам частично было по пути), несколько раз беседовал с профессором о поэзии начала XX века; он лично встречался с А. Блоком, В. Брюсовым. Он поделился своим опытом работы с научной литературой, что было очень ценно для меня.

Приятельских отношений с Брониславом Табачниковым у меня до середины 60-х годов не было. Были знакомы и не более того. Обращения друг к другу по-староинтеллигентски строились на «Вы» и так сохранились до сих пор, хотя нам, каждому, перевалило за 80. Д. С. Дьяков в ярком очерке «Партитура бытия,

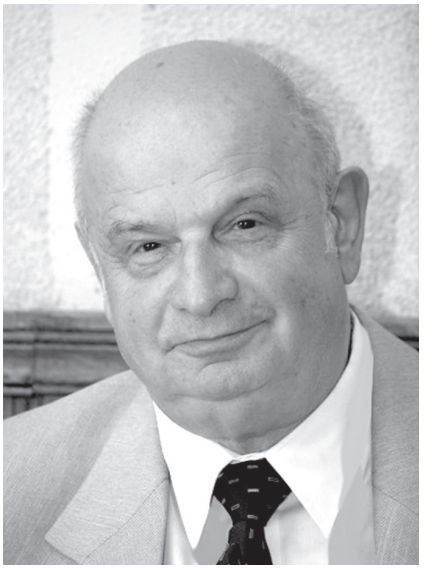
или Обаяние маэстро Бронислава Яковлевича Табачникова»[1] отметил органичную манеру Бронислава Яковлевича «при первой же встрече переходить на “ты”». Увы! Мы с маэстро, профессором, коллегой, другом, «сопарником по бане», сотрапезником в застолье, сопутником по утренним бегам и пр. и пр. всю нашу жизнь в ВГУ и в Воронеже на «Вы». И это – не результат особо охраняемой взаимной дистанционности, а, скорее, взаимного удивления.

Задолго до встречи с Б. Я. Табачниковым я познакомился с его будущим научным руководителем профессором Лазарем Борисовичем Генкиным. Знакомство состоялось, кажется, в конце июня 1962 года. Во всяком случае, до начала 1962/63 учебного года. В дверях парткома ВГУ появился высокого роста человек явно профессорского вида лет под 60. Попросил разрешения войти. Я вышел из-за стола. Поздоровались. Представился: «Профессор Ярославского пединститута Генкин Лазарь Борисович. Подал заявление о допуске на конкурс по замещению вакантной должности профессора кафедры истории СССР». Я пожелал удачи. «Но у меня партийный выговор. Ставлю партком в известность», – сказал профессор. – «Партком ВГУ не может заниматься Вашим партийным взысканием, поскольку Вы не состоите на учёте в нашей партийной организации. Или подайте заявление в ту парторганизацию, что вынесла Вам выговор, или становитесь на учёт в нашу организацию. Первое – лучше. А вопрос о конкурсе на должность профессора решают Учёный совет истфака и ректор». Выяснилось, что Лазарь Борисович с учёта парторганизации снялся, стало быть, вопрос о выговоре придётся решать, когда Л. Б. Генкин станет на учёт в парторганизации по месту новой работы, хотя возможные сроки его снятия прошли. Л. Б. Генкин проинформировал, за что, когда и кем было наложено взыскание. «У меня, как секретаря парткома ВГУ, нет оснований препятствовать Вашему избранию по объявленному конкурсу профессором. Нам нужен профессор-историк». На этом мы и завершили нашу первую встречу с Лазарем Борисовичем Генкиным. После успешного избрания его профессором, а потом и заведующим кафедрой истории СССР досоветского периода мы с ним иногда беседовали о трудных страницах истории СССР в 1920–1930-е годы. Был я у него на юбилее, который прошёл по его просьбе скромно в рамках истфака и домашней беседы за хорошим столом. У Лазаря Борисовича интересная комсомольская, журналистская, военная, научная биография. Он награждён и боевыми, и трудовыми орденами. Как выяснилось, партийное взыскание не имело никакого отношения к его человеческому и научно-педагогическому достоинству; он приехал в Воронеж, будучи почётным гражданином г. Ярославля.

За неполные восемь лет профессор Л. Б. Генкин подготовил в ВГУ 6 кандидатов исторических наук; среди них Б. Я. Табачников (один из первых) и будущий

[1] См.: *Табачников Б.* Не подводя итоги. Воронеж : Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2016.

заслуженный деятель науки, заведующий кафедрой истории России, профессор Михаил Дмитриевич Карпачёв.



Бронислав Яковлевич Табачников

Успешно защитив кандидатскую диссертацию по проблемам отношений русско-польских социал-демократических и рабочих партий в период революционного подъёма перед Первой мировой войной, Бронислав Яковлевич вернулся в Ярославль. Замечу, что российско-польские отношения всегда волновали его и занимали специфическое место в его историческом и политическом сознании. Однако вскоре он вернулся, и его приняла университетская кафедра истории нового и новейшего времени. Ныне трудно судить, насколько, говоря словами Бронислава Яковлевича, плотной была там интеллектуальная среда. Когда-то она называлась кафедрой всеобщей истории. Её возглавлял профессор Илья Николаевич Бороздин, который собственно и поставил её за 10 лет (1949–1959 годы) на научную основу и подготовил научно-педагогические кадры. Потом её переименовали, она стала кафедрой новой и новейшей истории. Методологически некорректные формулировки. Из той и другой выпадала вся история России и СССР. И получалось так, если следовать логике формулировок: Россия не часть всеобщей истории и истории нового времени, СССР – вне истории новейшего времени. Конечно, всякое наименование условно, конвенционально. Однако оно должно быть операционально корректным. Не случайно в ВГУ, как и в других вузах, многие кафедры уточняют свои наименования в зависимости от расширения или сужения исследовательских полей и профиля включённых в учебный процесс её научных дисциплин.

Как бы то ни было с наименованием кафедры, Бронислав Яковлевич включился в её работу со всем присущим ему генетическим и молодым энтузиазмом. Однако его включение в Воронежскую «интеллектуально плотную среду» началось, по-моему, несколько раньше и несколько по иным каналам, чем университетский кафедральный. В газете «Коммуна» в середине 60-х годов стали появляться рецензии на спектакли Воронежского театра драмы. Воронеж тогда отличался довольно интересной театральной жизнью (по меркам и ценностям того времени, в первых двух десятилетиях нового века она стала ещё более плодотворной и яркой). Под одной из рецензий стояла незнакомая мне подпись Б. Табачников. В 60-х годах я не пропускал ни одной премьеры в нашем театре. Хорошо знал не

только артистов, но и рецензентов. Рецензия за подписью «Б. Табачников» порадовала не только новым именем, но и особым стилем. Рецензент явно не был новичком в критическом анализе театрального действа; чувствовался профессиональный опыт в сочетании с молодым задором. Рецензент стремился раскрыть секреты и эффект режиссёрского замысла и актёрского исполнения. Я стал отслеживать рецензии Б. Табачникова; они не часто появлялись в газете «Коммуна». Но появлялись. В некоторых между строк витала лёгкая ирония.

Я долго скрёб свою память, стараясь высветить из её замутнённости момент, случай непосредственного, как говорится, из руки в руку, знакомства с Брониславом Яковлевичем. Может быть, вот этот, кажется, в сентябре 1964 года. Закончилась очередная лекция в красном корпусе на истфаке. Вышел из аудитории. По коридору идёт смеющийся доцент Анатолий Евсеевич Москаленко, человек высокой общительности. Рядом с ним улыбающийся Табачников. В лицо я его уже знал. Остановились. «Вы знакомы?» – спросил Анатолий Евсеевич. И представил нас друг другу. Крепкое рукопожатие. Анатолий Евсеевич: «Бронислав! Расскажи Валентину этот анекдот». Бронислав Яковлевич на хорошем одесском диалекте: «Муж с женой возвращаются с Привоза. Еле-еле втрамбовались в трамвай с разных площадок. Муж кричит через толпу: “Роза! У тебя есть на что сесть?” – В ответ: “Изя, ты знаешь, что у меня-таки есть на что сесть, но нет на где”».

Бронислав Яковлевич – и это известно теперь не только всему Воронежу – непередаваемо артистично рассказывает анекдоты. Определения «уморительно», «восхитительно», «блестяще» слишком слабые. Оригинальность Бронислава Яковлевича в том (вернее, и в том), что, повторно или в десятый раз рассказывая один и тот же анекдот, он так неуловимо меняет тональность, акценты, мимику, переходя с русского на украинский, польский языки, со старофранцузского на верхнехавский, что любой слушатель смеётся заново. Смеётся не тому, о чём анекдот и в чём его парадоксальная соль, а тому, как в этот раз его рассказывает Бронислав Яковлевич.

А. Е. Москаленко и Бронислав, повстречавшие меня в коридоре, шли на стадион смотреть футбол. Звали меня с собой. Но у меня была следующая лекция, да и футбол меня не увлекал. Забегая вперёд, отмечу: Бронислав Яковлевич был дружен с несколькими составами воронежской футбольной команды; более того, он был эксклюзивным культурным наставником команды. И это – одна из граней его активной жизнедеятельности в «воронежской плотной интеллектуальной среде». От его сотрудничества с футбольной командой перепадало кое-что и его нефутбольным друзьям. Однажды он пригласил нас (помню, профессора Н. М. Чернышова, второго дирижёра воронежского симфонического оркестра И. З. Островского, профессора-физика из лесотехнического института Б. А. Гутмана, доцента СХИ Б. Д. Файнгольда) отдохнуть на базе футбольной команды «Факел» в Тенистом во время отсутствия хозяев, но с их разрешения. Прекрасно отдохнули два

дня, попробовав все спортивно-укрепляющие процедуры, но так и не превратились в классных футболистов. Считаю не лишним заметить, что свой спортивный отдых на базе команды «Факел» в Тенистом мы сполна оплатили.

Пожалуй, прежде чем описывать таланты Бронислава Яковлевича, какими они запечатлелись в моей памяти и в моих полувековых взаимоотношениях с ним, следует попытаться выявить, хотя бы схематично (ах! таланта у меня маловато) самое удивительное морально-психологическое свойство характера, личности Бронислава Яковлевича. В социальной психологии есть специфическое понятие «коммуникабельность». Слово неуклюжее, поэтому его редко употребляют. В этом понятии фиксируется способность человека к общению, общительность, попросту говоря, хотя это слово несколько беднее по социальному смыслу термина «коммуникабельность».

Сент-Экзюпери считал общение самой большой роскошью человеческой жизни. Психологи, исследующие этот очень сложный социальный феномен, часто ссылаются на французского писателя-романтика. По Марксу, богатство человеческой личности – в широте и характере общественных отношений человека. Бронислав Яковлевич Табачников обладал этой несказанной роскошью в таком объёме и включался в такое многообразие человеческих отношений, что трудно поддаются социологическим измерениям, не говоря уж о моих мемуарных способностях. Но слово «обладал» неточно и некорректно. Бронислав Яковлевич не только обладает, но он сам творит роскошь и богатство общения и отношений. Человек, так или иначе оказавшийся в поле его коммуникативного магнетизма, всегда испытывает нечто необыкновенное. Бронислав Яковлевич щедро и бескорыстно делится роскошью общения. Его общительность не эксклюзивна, не замкнута в избранных секторах жизни, а открыта почти по всем азимутам и готова идти по новым. Среди его знакомых (кажется, им нет числа) представители разных общностей: профессиональных и социокультурных, демографических и национально-этнических, регионально-конфессиональных и спортивных, военнослужащих и расовых. Среди них учёные и футболисты, бизнесмены и бомжи, музыканты и журналисты, студенты и профессора, инженеры и рабочие, учителя и медработники, пенсионеры и дети, дворники и дирижёры, и пр., и пр., и т. д. и т. п. У меня есть твёрдая установка: если попаду в какую-либо неведомую мне страну, то, чтобы выпутаться из тяжёлых обстоятельств, буду искать там людей, знакомых с Брониславом Яковлевичем. И уверен, найду.

Бронислав Яковлевич одновременно деятельно живёт, вращается, но не праздно обитает, в нескольких мирах, отличающихся друг от друга – и иногда разительно – по образу и смыслу жизни, способам и манерам общения, ценностным ориентациям, интересам и социальным устремлениям. В тех разнообразных человеческих мирах, в которых вращается Бронислав Яковлевич, пустых, инертных, бездеятельных людей нет. В каждом есть своя «божья искра». Бронислав Яковлевич умеет жить в этих мирах.

У него удивительная и завидная способность свободно входить почти в любую социальную среду и завязывать плодотворные контакты с её людьми. Всегда есть потенциальная опасность раствориться в социально активной среде, затеряться в сложностях и противоречиях человеческих отношений. Бронислав Яковлевич, насколько я помню и знаю, никогда ни в чём не растворялся и не терялся. Контакты мог завязывать мгновенно и вызывать интерес к себе. И отнюдь не из-за тщеславия, а из живого интереса к новым людям.

Два примера, один из них забавный. Ещё в давние годы стараниями Бронислава Яковлевича удалось попасть в театр Советской армии на спектакль по пьесе Д. Мережковского «Павел I» с Олегом Борисовым в главной роли. В фойе, когда мы вошли, человек 5–6 (как оказалось, поляков) о чём-то оживлённо разговаривали. Мы проходили мимо. Бронислав Яковлевич бросил какую-то фразу по-польски. И моментально – внимание на него: кто-то протягивает руку, здороваясь, кто-то задаёт какой-то вопрос. Разговор шёл минут пять; потом – звонок, приглашающий в зал. Спросил у Бронислава Яковлевича: «Это Ваши знакомые?» – «Нет, это поляки делились между собой своими знаниями и суждениями о Павле I. Я им кое-что рассказал». Польским языком он владел. В отличие от меня, хотя в студенческие годы в моей зачётной книжке блистала отличная оценка по польскому языку.

Конец 80-х годов. Профессорская столовая МГУ. Мы с Брониславом Яковлевичем, будучи слушателями Института переподготовки и повышения квалификации обществоведов, ждём, когда официантка привезёт на каталке наш обед. Бронислав Яковлевич чаще всего заказывал «Светлану Петровну» и ему подавали свиную отбивную. Напротив нас сидели двое незнакомых нам относительно молодых людей. И один рассказывал, как он проиграл шахматную партию на каком-то турнире. Рассказывал занудливо, и его партнёру, было видно, это было совсем не интересно. В какой-то момент Бронислав Яковлевич вмешивается: «Ну, Вам же нужно было ходить конём на А-5…» Шахматист уставился на моего друга, потом – в записи шахматной партии: «Да ведь я бы выиграл! Вы были на матче?» Бронислав Яковлевич не играет в шахматы, но сумел и в этой ситуации не дрогнуть и продолжить разговор, уходя от шахматных сюжетов.

Способность Бронислава Яковлевича свободно входить в различные социальные общности и сообщества не означает, что не было осложнений и отношения в любых структурах шли по нормам наибольшего благоприятствования. Были и конфликты. Коммуникативные процессы всегда противоречивы и таят в себе потенциал непонимания. Всё зависит, если не считать внешних обстоятельств, от тех взаимных образов и устремлений, ресурсов и смыслов взаимопонимания, с которыми входят в общение и которые складываются в них. В общении Бронислав Яковлевич всегда открыт, доверчив, отзывчив, с внутренней готовностью помочь партнёру. Находчив, остроумен, за словом в карман не лезет. Не навязчив. Но доля экспансивности почти всегда выявляется; чаще всего от радости общения.

Его вхождение в профессорско-преподавательский состав исторического факультета ВГУ (с сентября 1967 года) развивалось благополучно. Его хорошо приняли и коллеги, и студенты. Общительность импонировала и тем и другим. Научная эрудиция и педагогические способности не вызывали никаких сомнений. Он довольно быстро продвигался в иерархии вузовских статусов: преподаватель, старший преподаватель, доцент. Охотно выполнял все общественные поручения, прежде всего в работе со студентами. В 1972 году тяжело заболел заведующий кафедрой новой и новейшей истории Пётр Михайлович Гапонов. По его предложению Б. Я. Табачников с сентября 1975 года (к тому времени доцент) был назначен и. о. заведующего кафедрой, поскольку он вёл базовый курс «История нового и новейшего времени стран Европы и Америки». Эти обязанности он исполнял до сентября 1976 года. После смерти П. М. Гапонова начались осложнения. Столкнулись притязания на должность заведующего кафедрой. Обстановка сложилась на кафедре такая, что Бронислав Яковлевич, поработав некоторое время доцентом, предпочёл за лучшее уйти с кафедры. На других исторических кафедрах университета и пединститута вакансий не было. Несколько десятилетий спустя Бронислав Яковлевич вспоминал: «Я не знал, куда деваться от недоброжелательства и межеумочности»[1]. Мы с ним встретились. Встреча отнюдь не была целевой. Бронислав Яковлевич посетовал на сложившуюся обстановку и проблему трудоустройства. То ли шутя, то ли всерьёз, то ли на всякий случай спросил: «Нет ли места на Вашей кафедре?» Место было; уже более года пустовала ставка доцента: не было претендентов; с кадрами тогда было туго. Ставку с кафедры ввиду её незанятости могли снять, а восстановить потом было бы трудно. О педагогическом таланте Бронислава Яковлевича я был хорошо наслышан. Но он историк, а нужен был философ или экономист по профилю кафедры научного коммунизма, развёртывающейся в социологическом направлении. Некая профильная «зацепка» у Бронислава Яковлевича была: часть его научных исследований была связана с рабочим и коммунистическим движением. Сказал Брониславу Яковлевичу: «Ставка есть. Но Вам придётся переквалифицироваться и серьёзно поработать над собой. Если согласны, попрошу ректора назначить Вас доцентом по приказу с последующим прохождением по конкурсу. Подавайте заявление. Действовать надо быстро: ставка горит».

Пишу об этом подробно потому, что Бронислав Яковлевич в своих воспоминаниях ситуацию несколько упростил, возвышенно представив меня как человека решительного, способного враз решить проблему. Всё было сложнее, драматичнее и… забавнее. Ректором ВГУ в то время (вторая половина 1970-х годов) был профессор-геолог Николай Алексеевич Плаксенко. Он строго относился к подбору и расстановке кадров, следуя традициям Б. И. Михантьева, но без его заботы о житейском обустройстве работника. Н. А. Плаксенко отказал в назначении

[1] *Табачников Б.* Указ. соч. С. 11.

Б. Я. Табачникова доцентом кафедры научного коммунизма. Я спросил о причинах. Николай Алексеевич пояснил свою позицию: «Ваша кафедра социологическая. Табачников не та кандидатура. Он легкомыслен, анекдоты рассказывает». Я попытался привести доказательства в пользу Бронислава Яковлевича и попросил принять нас вместе. Пришли в назначенное время. Между прочим, Н. А. Плаксенко был демократично доступен для заведующих кафедрами, да и других членов ППС, в отличие от некоторых последующих ректоров. Я кратко аттестовал Бронислава Яковлевича как талантливого педагога, научно-исследовательское направление которого частично совпадает с профилем кафедры научного коммунизма. Ректор задал несколько вопросов. И сказал, обращаясь к Б. Я. Табачникову: «О Вас идёт плохая слава, Вы анекдотами треплетесь». Я бросил реплику: «Он артистично рассказывает». Николай Алексеевич: «Ну, расскажите». Бронислав Яковлевич рассказал какой-то преходящий. Ректор: «Но Вы же о Брежневе рассказываете…» Бронислав Яковлевич выдал и о Л. И. Брежневе, удачно имитируя его голос. Не буду приводить этот анекдот. Да главное-то и не в его содержании, а в том, как его Табачников рассказал. Николай Алексеевич рассмеялся: «Ладно. Подпишу приказ о Вашем назначении под поручительство Рахманина. Студентам таких анекдотов не рассказывайте». С февраля 1979 года он стал работать на кафедре научного коммунизма. Хорошо вошёл в коллективные отношения, посещая лекции опытных преподавателей, стремясь овладеть новой для него учебной дисциплиной. Потом он часто говорил, что многому научился на нашей кафедре, прежде всего основательности методологического подхода к научным исследованиям и преподаванию. Осложнений, на которые намекал ректор Н. А. Плаксенко, никаких не было.

И всё же он, по-видимому, несколько томился, не находя на кафедре научного коммунизма возможностей полного использования его научного личностного потенциала и не испытывая склонности включения в социологические и теоретико-политологические исследования. Он был и остался историком. Тяготел к явлениям и проблемам художественной культуры; прежде всего театральной, музыкальной. Далеко не случайно, что в среде его близких знакомых и друзей было несколько видных деятелей культуры. Ещё в ранней молодости ему посчастливилось встречаться с Д. Шостаковичем и бывать на его репетициях, на премьере его Одиннадцатой симфонии. Он встречался с гениальными пианистами Э. Гилельсом, С. Рихтером, Д. Мацуевым, М. Ростроповичем. Он был своим человеком в Воронежском симфоническом оркестре. Я благодарен Брониславу Яковлевичу за знакомство с первой скрипкой оркестра И. Штейном, а потом Э. Маргулисом, с дирижёром И. Островским, человеком удивительно светлой души. Он вращался в мире музыкантов, дирижёров, артистов, режиссёров не потому, что случай подвернулся. Он был деятелен как критик, как знаток истории музыки, как соучастник сценического действия.

Вскоре появилась возможность более адекватного применения научного исторического и культурологического потенциала. Воронежский институт искусств объ-

явил конкурс на замещение должности заведующего кафедрой общественных наук. Бронислав Яковлевич ушёл туда. В 1986 году мы вместе с ним и другими воронежскими коллегами участвовали в поворотном и последнем Всесоюзном кремлёвском совещании заведующих кафедрами общественных наук. С кафедрой научного коммунизма ВГУ, преобразованной в кафедру социологии и политологии, он никогда не терял учебно-методических связей и дружеских, товарищеских отношений.

Однако наиболее полно научный и педагогический талант вкупе с художественно-эстетическим развернулся у него в Воронежском институте повышения квалификации работников образования. Бронислав Яковлевич стал там руководителем кафедры истории, философии и культурологии.

Преподавать историю сегодня, вернее, после распада СССР, стало очень трудно. И в общеобразовательной школе, и в высшей. После кризиса марксистской методологии её идеологически замотали так, что историческая правда факта подменяется всё новыми и новыми интерпретациями. Многократные подмены ведутся под аккомпанемент клятв и призывов о недопустимости переписывания истории. Учителю истории очень трудно. Дело не в идеологических шатаниях, качаниях и толкованиях. Из реальной истории любого народа, любой страны, как и из биографии каждого человека, можно надёргать разные факты в доказательство чего угодно и в опровержение чего угодно. Взять историческую жизнь во всех её противоречиях крайне трудно. История всегда противоречива. Ещё труднее показать историческую картину в реальном цвете, вернее, многоцветии. Историю нельзя упрощать, тем более извращать. Но опасно и оглуплять. Преподавание истории тогда педагогически плодотворно и полноценно, когда оно формирует реализм и гуманизм мышления ученика, студента.

Бронислав Яковлевич как раз и работает с учителями в этом направлении. Он много сделал для повышения культуры реалистического и гуманистического преподавания истории в системе средней школы. И в этом смысле он действительно Просветитель. Он никогда не оглупляет прошлое, стремясь его представить таким, каким оно было, со всеми драмами, трагедиями и комедиями, взлётами ума и прорывами глупости, откровениями и заблуждениями. Может быть, не все его исторические суждения бесспорны (у нас с ним бывали разногласия), но он никогда не представлял исторический процесс в России как очевидную цепь ошибок, заблуждений, глупостей властвующей элиты и быдловатости народных масс, как это делают либеральные нувориши от исторической науки и догматики.

Не лишне заметить, что Бронислав Яковлевич хорошо знает состав учителей истории и обществоведения Воронежской области, умеет и – что не только я давно заметил за ним – любит работать с ними. Он знает душу школьного учителя, её достоинства и слабости. Всегда готов прийти на помощь любому, стремящемуся найти и понять историческую правду и просветить его сознание и мышление нового поколения.

Бронислав Яковлевич обладает энциклопедическими историческими знаниями. У него прочная компьютерная память. Работает без сбоев и постоянно пополняется. Завидую ему. У меня такой памяти и энциклопедичности нет. Я часто обращаюсь к нему за консультациями. Его ответы на мои вопросы всегда точны и обстоятельны.

В Воронеже, как известно, один из лучших в стране симфонических оркестров. Он часто гастролирует не только по России, но и за рубежом. Это – культурное достояние и гордость Воронежа. Его творческий профессионализм, высокое исполнительское мастерство отмечают не только местные меломаны, но и иностранцы, в том числе приезжающие на гастроли дирижёры. Со студенческих лет люблю наш симфонический. Он достоин лучшего базового концертного зала, чем располагает филармония (когда-то в этом здании размещался хороший театр музыкальной комедии). Разговоров разных было много на этот счёт, но… пока есть только то, что есть. С 2016 года симфонический оркестр стал иногда выступать в хорошем зале университета на улице Хользунова. На мой взгляд, репертуар оркестра стал многообразнее, исполнительское мастерство стало ещё выше; талантливых гастролёров-исполнителей стало намного больше с приходом главным дирижёром В. Вербицкого. Но немалую и очень специфическую роль в популярности и славе симфонического оркестра сыграл и играет его постоянный ведущий Бронислав Яковлевич Табачников. Такого ведущего по профессионализму, музыкальной энциклопедичности, любви к музыке, к слушателям, к музыкантам у нас, уверяю, никогда не было. Я знал нескольких ведущих. Они были обыденными информаторами.

За делами, занятостью и обстоятельствами я несколько лет не смог посещать концерты оркестра. Менялись дирижёры, исполнители, ведущие. Увидев однажды в афише фамилии С. Рахманинова (третий фортепианный концерт) и С. Прокофьева (шестая симфония) и согласовав с женой Галиной, пошёл. Концерт вёл мой друг Бронислав Яковлевич. На сцене я увидел его совершенно иным, чем за университетской кафедрой. Он был элегантен. Элегантен во всём: в великолепном костюме, в движении, в обращении к залу; галстук-бабочка подчёркивал его задумчивую и обаятельную улыбку. Но самое главное – как он говорил. Говорил не просто заинтересованно и профессионально музыковедчески, не только о том, какую прекрасную музыку мы сегодня услышим, он приглашал не только уйти слухом и сердцем в звуки, но и в лиризм, в философию С. Рахманинова и С. Прокофьева. Слова точны, эмоционально насыщены. Ни одного жеста, кроме обращённых к залу рук, приглашающих к сопереживанию. Вступительные к концерту слова ведущего были созвучны тому, как дирижёр В. Вербицкий вёл оркестр в таинства музыки С. Рахманинова и С. Прокофьева.

По-моему, для Бронислава Яковлевича музыка звучала всю жизнь не где-то «и звучала со всех сторон», а в нём самом. И нельзя сказать, что он жил в музыке. Он жил в реальности со всем её шумом, гамом, диссонансами. Но организующим началом была всю жизнь музыка. Хотя сам не владел ни одним инструментом.

Человек не может жить только наукой, музыкой, спортом, политикой, находя удовольствие только в общественно или личнозначимом труде. Есть всегда надоедливое его величество быт, приятельское общение, разные хворости и бодрости. Бронислав Яковлевич был интересен, более того – часто необходим и в этих жизненных обстоятельствах. Дружили по-семейному (Чернышовы, Табачниковы, Рахманины). Ходили друг к другу в гости по случаю дней рождения. Бронислав Яковлевич был остроумен в застолье. Чаще всего исполнял функции тамады, оснащая их стихотворными экспромтами, уморительными анекдотами. Не помню случая, чтобы в тех застольях, в которых мы бывали, алкоголь (он был всегда добротным, иногда редкостным по воронежским условиям) играл ведущую роль. Радовало дружеское общение, обмен мнениями о разных событиях в политике, искусстве, науке. Очень ценилось кулинарное искусство наших жён. Особенно отличались Лариса Ивановна – многообразными салатами, Алла Александровна – вкуснейшими паштетами, Галина Никитична – луковыми пирогами. Ну а о самотворческих тортах даже слов сладкозвучных нельзя было подобрать в многоязычии Бронислава Яковлевича. Семейные дни рождения мы очень чтили, пока наши годы вкупе с хворями не охладили этого удовольствия.

С конца 70-х годов я ввёл в свою повседневность (и всепогодность) оздоровительный бег. Каждое утро с 6:00 до 7:30 – километров 7–10. Первоначально это был бег по кругу с небольшой физзарядкой от начала улицы Плехановской до сквера около кинотеатра «Спартак» и на спортивном дворе школы № 1 имени Кольцова. Потом – в сквере главного корпуса ВГУ, изредка – вниз к реке; пробежка от Чернавского до Вогрэсовского моста. Бронислав Яковлевич оздоровительным бегом увлёкся, кажется, раньше. Он предпочитал беговые занятия на стадионе «Труд». Но потом вовлёкся в мою компанию: дирижёр Илья Захарович Островский (он приходил на трассу раньше всех, в 5:30), доцент-историк Альберт Григорьевич Сенчаков, полковник в отставке, писатель Анатолий Кириллович Никифоров. Когда к нам присоединялся Бронислав Яковлевич, это была всеобщая радость. Значит – будут новые анекдоты, футбольные новости, забавные подначки друг над другом. Изредка мы позволяли себе бег с повышенной нагрузкой. Пробежав для разминки два-три круга по университетскому скверу (там хороший памятный крест Святителю Митрофану, на месте монастыря которого стоит главный корпус ВГУ), мы спускались по улице Гора Металлистов (справа от университетского корпуса) на Большую Стрелецкую к набережной, а по ней – до Чернавского моста, от него – до Вогрэсовского, обратно до Большой Стрелецкой, по её длинному тягуну до улицы Станкевича (угол подъёма – не менее 30 градусов) и – на площадь Ленина. Попробуйте… Я терял на этом маршруте 1,5–2 кг веса. Тяжело поднимался Илья Захарович и ворчал: «Какие злые люди придумали эти бега? Добрые люди спят или чай пьют. И неужели не могли подобрать Станкевичу менее крутую улицу?» Бронислав Яковлевич проходил этот маршрут, несмотря на свой почтенный вес,

относительно легко. Мы были довольны, пожалуй, не тем, что одолели тяжёлый маршрут, а тем, что одолели себя, свой вес (от 85 кг и выше), свою усталость и изначальную неуверенность в себе.

Еженедельно по пятницам, кажется, с середины 80-х годов по инициативе и под водительством Бронислава Яковлевича мы ходили в финскую баню. Мы – это И. З. Островский, Б. А. Гутман (профессор-физик из лесотехнического института), Б. Д. Файнгольд (доцент-технолог из сельхозинститута), Н. М. Чернышов (потом отошёл из-за болезни сердца), В. В. Кузнецов (доцент из СХИ), я и другие сменяющиеся лица. Хорошая финская баня была в гостинице «Москва» (бывшая легендарная «Бристоль»), вход со двора. Камера – на 6 человек. Цена – 1 рубль с человека; если кто-то не приходил, то за него всё равно платили. Однажды в начале разгульных 90-х годов мы были вдвоём с Б. Д. Файнгольдом. Оплатили камеру полностью; время было отпускное, многие собанщики были в разъезде. Борис через неделю улетел в США. Он был хорошим специалистом, кандидатом технических наук. Я спросил его, почему он решил уехать в США. Ответ: «Валентин, нас скоро повесят. Атмосфера нагнетается. Тебя повесят один раз, а меня два раза: сначала как коммуниста, а потом – еврея». Атмосфера, действительно, складывалась диковато. Антикоммунизм сочетался с антисемитизмом, как в 30-х годах в Германии. Но всё же Россия не Германия. Антисемитизм постепенно распался, антикоммунизм не нажил себе барышей. Никого не повесили. Однако банные тарифы постоянно повышались. Банная группа долго держалась. Но, кажется, к исходу 90-х годов баня прекратила своё существование. Временное переключение в баню на ул. Средне-Московской (в основном я и И. З. Островский) продолжалось недолго.

Благодаря инициативе Бронислава Яковлевича в финской бане мы основательно почистили свои организмы от разных шлаков и запаслись здоровьем. Не только музыка греет, но и баня. Но, однако, у них разные объекты для обогрева и средства.

Вспоминая 90-е, да и последующие десятилетия, нельзя обойти молчанием те политические страсти и политические расколы, которые потрясали Россию, приведя страну к экономической и нравственной деградации. Как они сказались на наших отношениях с Брониславом Яковлевичем? На дружеских взаимодействиях практически никак. Хотя встречаемся и перезваниваемся очень редко, но заботливо. Бронислав Яковлевич несколько метался между различными политическими течениями. Он близок к «Единой России». Для меня это партия чиновников и некоторой части средних слоёв. Её хорошо используют так называемые олигархи. В принципе, Бронислав Яковлевич не имеет к ним никакого политического или тем более научного отношения. Но он принимает нынешние (не хочу и не могу их назвать современными) политические структуры и институты как реальность. Судя по его последним научным историческим исследованиям, с которыми мне удалось познакомиться (он мне подарил свою книгу «Славянистические этюды»), у него сохраняются существенные элементы диалектико-материалистической методологии. В одном из интервью, характеризуя состояние воронежской культуры, Бро-

нислав Яковлевич выразился так – словами старой музыкальной шутки: «Играют хорошо, хотя и не ритмично, но зато фальшиво». Я с ним согласен. И эту формулу готов отнести ко всему состоянию нынешней российской культуры. Её захлёстывают струи социальной патологии. В политическом отношении он ближе к левой социал-демократии. Но в нынешней России нет социал-демократической партии, тем более левого типа, сколько бы ни пытались её искусственно сконструировать.

Мы с Брониславом Яковлевичем не акцентуируемся на различиях наших политических позиций. Они – по другую сторону нашей дружбы, добрых человеческих отношений. Я благодарен ему за помощь и неизменную поддержку, которые он мне оказал в очень трудное для меня время. Человеческие отношения выше всякой политики. Бронислав Яковлевич, свободно входя почти в любую социальную среду, не растворяет в ней свой кристалл человека.

А дирижёр метался над оркестром,
Отчаявшись увидеть берега.
И до-диезам в зале было тесно,
А си-бемоли вдарились в бега.
С роялем скрипки были не согласны,
Завьюжили фортиссимо метель,
И, разойдясь по нотам с контрабасом,
Заплакала навзрыд виолончель.

8. Упрямый романтик

Шестидесятые годы минувшего столетия в Воронежском университете, да и по всей стране, были оптимистическим временем формирования и вступления в жизнь одного из последних и – надо сказать – особо значимого поколения советских романтиков. Поколения романтиков были и будут всегда. Без них жизни не бывает. Но поколение 1960-х было в известном смысле исключительным. Его никто в последующие десятилетия не повторил в жизненной активности, социальной устремлённости, психологической энергетике, чистоте нравственных помыслов, волевых способностях брать проблему на себя. Оно не искало, где лучше жить. Оно стремилось сделать жизнь лучше. Это было молодое поколение созидателей, умеющих делать добро. Может быть, последующие беды России в том, что это поколение не поднялось к вершинам власти и было отодвинуто другими.

Игорь Николаевич Зорников – из этого романтического поколения и до конца своей жизни сохранил его лучшие черты. Сохранил не ностальгически, а деятельно. Многие растеряли романтику шестидесятников. У многих её выдуло сквозняком сумбурных рыночных реформ. А кое-кто её предал и продал. Игорь Николае-

вич ничего не растерял, ничего не пустил по ветру, не впал в нигилизм, тем более в корыстный цинизм. Он до конца жизни был и остался романтиком, упрямо, вопреки всему верящий в то, что «и на Марсе будут яблоки цвести». Своей добротворящей энергией, целеустремлённостью он заряжал всех, кто, так или иначе, вступал с ним во взаимодействие или попадал в магнетическое поле его влияния.

Игорь Николаевич – человек неуёмной и светлой энергии. Он всегда переполнен увлекательными замыслами, кипящими инициативами, деловой целеустремлённостью. И это проявлялось во всём: в работе и на отдыхе, в общественной деятельности и в дружеском застолье, на встречах с официальными лицами и в дружеском общении с коллегами и друзьями. Меня всегда в нём удивляли и восхищали романтическая воодушевлённость в любом деле и способность искать и находить ресурсы и технологии реализации тех замыслов, которые он инициировал, и решения задач, которые перед ним ставили. Романтика делала его упрямым и успешным в достижении целей или должных результатов.

Игорь Николаевич (в ту пору – просто Игорь) – один из активных участников и организаторов строительных отрядов – массового практического и вместе с тем романтичного студенческого движения, рождённого в 1960-е годы. Движение занималось не только строительством. Студенты осваивали казахстанские целинные земли, убирали урожай, занимались сплавом леса по рекам, работали проводниками в поездах дальнего следования, сооружали коровники, были воспитателями в пионерских лагерях и т. д. За этим движением, за многообразными работами студентов в летнее каникулярное время закрепилось легендарное название – «строительные отряды». Однако их деятельность по сути носила символический смысл – созидательный. Выражалось это не только в том, что движение приносило большую пользу стране, людям, выполняло большой объём разнообразных работ и было социально творческим. Оно способствовало становлению и развитию деятельной гражданской личности молодых людей, которым мало было университетских аудиторий. В нём, в движении, формировались и раскрывались организаторские способности, волевые качества, коллективизм, предприимчивость, вера в себя.

Конечно, не только в этом тайна и истоки личности Игоря Николаевича. Но всё это ярко выявилось в его жизни, в отношениях к людям и к делу, где бы и с кем бы он ни работал. Во времена запутанных и бездушных реформ высшей школы и образования строительное движение студентов стало затухать. Однако не иссякло. Такие его организаторы-энтузиасты, как И. Н. Зорников, хранили созидательные и гражданские традиции. С присущей ему энергией и целеустремлённостью, организаторской хваткой Игорь Николаевич способствовал возрождению романтики и практичности строительного движения в жизни нынешнего студенчества, в его патриотическом и гражданском самосознании…

Ежегодно 9 мая руководство и сотрудники университета, ветераны и студенты проводят памятную торжественную акцию в сквере главного корпуса, у памятника преподавателям, сотрудникам и студентам ВГУ, павшим в годы Великой

Игорь Николаевич Зорников

Отечественной войны. Многотонная глыба, по форме напоминающая пламя, стоит на краю обрыва. Памятник спроектирован и установлен по инициативе и стараниями Игоря Николаевича Зорникова. Вместе со строительным отрядом он договорился с руководством Павловского гранитного карьера, вместе с инженерами и рабочими обрабатывал форму и технологию выработки достойной гранитной глыбы. Его предприимчивостью она была доставлена на место установки, а это было непросто, учитывая вес монолита, трудности погрузки и транспорта. Вместе со студентами Игорь Николаевич трудился на сооружении памятника. Место он выбрал символическое: в нескольких десятках метров от левого крыла главного корпуса ВГУ при его строительстве была извлечена немецкая 300-килограммовая бомба. Гитлеровцы сбросили её на Митрофановский монастырь, но она не взорвалась и более 20 лет лежала, зарывшись в песок. В нескольких метрах от этого места лежит большой, в несколько тонн, обломок монолитной кладки из фундамента Митрофановского монастыря. Неподалёку от входа в сквер – памятный крест Святителю Митрофану. Игорь Николаевич довёл свой замысел до конца, как всё, за что он брался. Особенно если дело касалось нашего университета и тех, кто пал в сороковые пороховые. Он трепетно относился к памяти о павших на войне, её ветеранам, к историческим традициям, в том числе и Воронежского университета. У него была совестливая и деятельная историческая память.

Игорь Николаевич никогда не уклонялся от трудных дел. Наоборот, он был всегда инициативен, энергичен и упрям в исполнении. В 1992 году ему предложили пост проректора по международным связям. Он согласился, хотя эта сфера жизнедеятельности ВГУ была многопроблемной. Она имела глубокие, но не разветвлённые исторические корни. Они расширялись в 1960–1970-х годах. И. Н. Зорников был активным участником этого процесса, в частности, работы деканата иностранных учащихся. Но с его назначением проректором по международным связям ВГУ отношения стали масштабнее и многообразнее. Интенсифицировался обмен преподавателями, студентами, образовательными программами. Значительно возросла численность иностранных студентов, стажёров, аспирантов. Увеличилась география стран, из которых они прибывали, часто по спецнаправлениям. Интенсивно развёртывались и выполнялись программы, проекты со-

вместных научных исследований, повысилась их эффективность. В конце 1990-х годов были разработаны, запланированы не просто мероприятия, а приняты «Концепция и программа международной деятельности ВГУ» на перспективу.

Руководство международной деятельностью, да ещё в сложных обстоятельствах российских трансформаций – дело чрезвычайной сложности, требующее особой выдержки, дальновидного ума, последовательной целеустремлённости и энергии. Игорь Николаевич и в это дело внёс свою романтику созидания, организуя десятки семинаров, конференций, фестивалей, встреч, переговоров, поездок за границу и приёмы иностранных делегаций и ответственных работников.

И. Н. Зорников был проректором по международным связям 17 лет; это намного больше, чем кто-либо другой на этой беспокойной и ответственной должности. За это время в ВГУ сменилось четыре ректора. С каждым из них он находил взаимопонимание. Воронежский университет стал лидером подготовки специалистов для зарубежных стран. То, что ВГУ добром вспоминают тысячи людей в сотне стран, – немалая заслуга И. Н. Зорникова и той команды, которую он сплотил, воодушевил и которая, верная традициям, продолжает его дело в пользу ВГУ и десяткам зарубежных стран.

Где бы и на какой бы должности Игорь Николаевич ни работал (а ему довелось быть и секретарём райкома комсомола, и заместителем секретаря парткома ВГУ, и заместителем заведующего отделом науки и образования Воронежского обкома КПСС, и проректором), в каких бы странах он ни побывал, он всегда думал об Alma mater, старался, чтобы нашему университету было лучше, и он бы совершенствовался. Игорь Николаевич – человек университетской культуры. Её ценности для него не формальны, не нечто почтенно внешнее; они в основе его мотивов поведения, деятельности. Между прочим, под влиянием Дней поэзии ВГУ, будучи секретарём Центрального райкома комсомола, в 60-х годах он, собрав молодых и начинающих стихотворцев, создал на базе дворца культуры имени К. Маркса поэтический клуб «Арион», который фактически стал городским.

Однажды на базе отдыха в Веневитиново (он любил её и часто семейно проводил там летний отпуск) на рассвете мы пошли с ним на рыбалку. Игорь Николаевич был заядлый и удачливый рыбак. Я просто увязался за ним. Заря была прохладной, августовской. Поклёвка была вялой. Солнце поднялось в полсосны. И какой-то энергией стало наливаться всё вокруг и в нас, и в подводном рыбьем царстве. Я, впадая в натурфилософию, сказал: «Вот, Игорь Николаевич, источник нашей энергетики». И он ответил: «А у меня три солнца. Одно на небе и два на Земле: семья и университет». Так мог сказать только влюблённый, цельный и мудрый человек. Таким был и остался в моей памяти (наверное, не только моей) Игорь Николаевич Зорников.

В шестидесятые годы под влиянием прорыва в космос родилась песня, в которой пелось: «И на Марсе будут яблоки цвести». Игорь Николаевич часто её распевал. Он умел мечтать, верить, делать и любить.

9. Политолог на изломе веков

Felix qui potuit rerum cognoscere causas.
Счастлив, кто мог познать причину вещей.

1970-е годы были временем уверенной стабильности в жизни университета, как и всей страны. Новых факультетов не появлялось; масштабного строительства не велось. Внимание, работа ректората, общественных организаций, всего постоянно растущего коллектива сосредоточивались на совершенствовании образовательного и научно-исследовательского процессов, их структур, кадрового потенциала, качественных характеристик и повышения эффективности. Каждый факультет и большинство кафедр стремились найти новые пути, ресурсы, способы решения традиционных и вновь возникающих проблем. В этот период кафедра научного коммунизма вела исследования по трём направлениям:

1) социология промышленности, прежде всего социального развития производственных коллективов;

2) социальные революции, их истоки, социальные факторы, динамика, последствия;

3) социология высшего образования, образ жизни студенчества.

Исторический факультет по инициативе декана В. В. Гусева и при поддержке Министерства высшего образования ввёл интенсивную подготовку специалистов-историков по иностранным языкам. Была создана специализированная группа. Нововведение увеличивало сроки обучения на год – с 5 до 6 лет. Несколько увеличивались расходы государства и студенческих семей. Но это значительно повышало качество подготовки специалистов, их конкурентоспособности, давало право вести при необходимости преподавание истории на иностранных языках, а вместе с тем – преподавать историю и иностранный язык. Значительно расширялись возможности работать с иностранной литературой, что было важно для молодых людей, ориентирующихся на научно-исследовательские перспективы. Студенты охотно откликнулись на эту инициативу. Среди них была и А. Тараканова, будущий профессор политологии ВГУ, один из признанных основоположников отечественной политической конфликтологии – Александра Викторовна Глухова.

Её путь к вершинам политологической науки не был простым. Впрочем, и становление политологии (на Западе, особенно в США, используется другой термин – политические науки) в СССР было конфликтным. Я помню, в конце 60-х годов два автора (талантливый публицист и известный философ) опубликовали в «Комсомольской правде» статью о важности разработки политологии, теории политики в условиях динамичных изменений в нашей стране и в мире. При этом они подчёркивали, что наука эта должна разрабатываться на основе марксизма-ленинизма. Журналиста сняли с работы, учёному объявили выговор. Но всё это

осталось в прошлом, а юная не княжна Саша Тараканова об этом ровным счётом ничего не знала, будучи ученицей хорошей средней школы в районном центре Касторное Курской области. И слово, ставшее её судьбой, – «политология» она ещё не слышала. Звучала музыка. Параллельно со средней школой она обучалась в музыкальной. Родители её стремились дать своим детям – дочери и сыну – хорошее образование и основательное культурное развитие. Тем более что у Александры были явные музыкальные способности. Преподаватели музыкальной школы прочили ей хорошее будущее талантливого пианиста. После окончания 10-го класса, получив почти золотой аттестат зрелости (одна четвёрка), юная девушка задумалась: ехать в Курск поступать в музыкальное училище и стать профессиональной пианисткой или в Воронеж, в университет, в котором привлекал исторический факультет. Как писал много лет спустя одноклассник:

Стояли мы на площади вокзальной.
Молчали Вы, а я сказать спешил…
А поезда гудели магистрально
На все четыре стороны души.

Почти 18-летняя девушка купила билет на воронежский поезд. Он оказался звёздным. Однако до звезды ещё далеко. Философский вопрос: мы выбираем дороги или дороги нас куда-то приводят? Александра выбрала воронежское направление – в университет. Относительно легко прошла высокий и плотный конкурс и поступила на исторический факультет. В касторненской школе она получила основательные знания, а волевой самоорганизованности и целеустремлённости ей было не занимать. На историческом факультете тогда (как, впрочем, и всегда) было немало романтиков и сподвижников исторической науки. Умение подхватывать их знания, стремление овладевать методами исторического познания было характерно для студентки А. Таракановой. Обучение никогда не было занудливой зубрёжкой профессорских лекций и учебников. Главное – работа над системой мышления, постоянное, деятельное расширение массива научных знаний. Волнения перед экзаменами, конечно, были, но не из-за каких-либо опасений, а от возможности показать свои знания преподавателю. Тем более что среди однокурсников шло латентное состязание в овладении очередным сегментом научных знаний и проникновении в глубины исторических процессов, а не в скольжении по поверхностям. Дилетантство было чуждо будущему доктору исторических наук ещё со студенческой юности.

А. Тараканова с удовольствием включилась в спецгруппу интенсивной подготовки по иностранному (в её случае немецкому) языку. Сроки обучения увеличились на год. Но это её не только не томило, но радовало. Она любила студенческую жизнь с её романтикой, напряжением ума, откровениями дружбы и сокровенными ожиданиями, доверчивостью и прозрениями, компанейскими застольями и осен-

ними сельхозработами. В одном из своих стихотворений «Песня выпускников истфака 1977 года» она вопрошала и отвечала:

Какая ждёт судьба спустя десяток лет?
Всё те же мы: нам целый мир – чужбина.
Отечество нам – университет!
Отечество нам – университет!

В этих строчках звучит нечто общее выпускнику Царскосельского лицея Александру Пушкину и более чем через полтора века выпускнице Воронежского университета Александре Глуховой (в девичестве Таракановой). Иные времена, иные институции, иные люди; схожая локализация любви к Alma mater… В строчках А. Глуховой не только подражание.

Специализировалась она по кафедре новой и новейшей истории. Пригодилось продвинутое владение немецким языком. Тема её дипломной работы – деятельность немецкого просветителя XVIII века Карла Фридриха Бардта – требовала не просто хорошего знания немецкого языка, но и способности читать тексты готического шрифта. Она переводила эти тексты, сидя в архивах. Дипломная работа получилась отличной с явными признаками научной самостоятельности.

Научным руководителем дипломного исследования был доцент Валентин Фёдорович Смирнов. Он был эрудитом по немецкой истории и человеком дотошным, кропотливым, неуступчиво стремящимся к всестороннему информационному обеспечению исследования любой исторической проблемы. Это, кстати, сдерживало его движение к докторской диссертации. Мы с ним были хорошо и заинтересованно знакомы. Его очень интересовали младогегельянцы 40-х и последующих десятилетий XIX века и в этой связи философское становление молодого К. Маркса, течения «истинных социалистов» в Германии. На эти темы мы довольно часто с ним беседовали. Он хорошо знал тексты.

По-видимому, Александра Викторовна намеревалась поступить в аспирантуру. Но В. Ф. Смирнов не имел аспирантуры. Да, кажется, после смерти П. М. Гапонова на кафедре новой и новейшей истории никто не имел разрешения руководить подготовкой аспирантов. Признаюсь, я поздно заметил перспективные научно-исследовательские способности студентки А. Глуховой, хотя и вёл в 70-х годах на историческом факультете ряд курсов: «Научный коммунизм», «Философия истории». Александра Викторовна стала работать учителем истории в школах г. Воронежа. Изредка я встречал её на улицах города. Она просилась в аспирантуру. Но свободного аспирантского места у меня не было. Да и не очень мне их в ту пору давали, поскольку я ещё не был профессором. Как-то летом 1982 года она буквально бросилась ко мне на улице: «Ну, возьмите меня в аспирантуру!» Её научный потенциал требовал реализации. Но места в аспирантуре не было. Вскоре подвернулся случай с некоторыми перспективами. Освободилось место старшего лаборанта

кафедры. Предложил его Александре Викторовне. Она согласилась. Лаборанткой она была работящей, дисциплинированной, аккуратно выполняла все обязанности и поручения, без дела не сидела и по телефону с подругами не болтала. Я заметил, что она регулярно читает газету Германской Демократической Республики (свободно продавалась в киосках города). Газета имела повышенную склонность к теоретическому обсуждению проблем общественного развития, в том числе Германии. Предложил подготовить и сделать обзорный доклад на заседании кафедры по этим проблемам. Вопросы теории социализма с начала 80-х годов стали обостряться в научных дискуссиях. Доклад был вскоре прочитан и вызвал активный интерес преподавателей кафедры. Только что начавшая работать лаборанткой А. В. Глухова явно продемонстрировала высокий уровень аналитических способностей. Да и композиция доклада была логично и выразительно выстроена. На кафедре появилась вакансия преподавателя. А. В. Глухова подала заявление на конкурс, была рекомендована кафедрой и избрана Учёным советом на эту должность.

Быть преподавателем и одновременно вести научно-исследовательскую работу можно и необходимо, но крайне трудно. Трудно было даже в то теперь далёкое время: нагрузки педагогические по общественным кафедрам были небольшие – в 550 часов; по нашей кафедре начинающему преподавателю нагрузка уменьшалась часов на 100 для методической самоподготовки к занятиям. Александра Викторовна добросовестно проработала года три, а потом попросилась в аспирантуру. К тому времени у меня было несколько аспирантов, и проблем для неё уже не было.

Аспирантская подготовка (3 года) сводилась в ту пору (конец 80-х годов) к трём компонентам:

1) теоретический (экзамены по философии, иностранному языку, специальности, включая историю науки);

2) педагогический (несколько лекций по педагогике, методике преподавания, практическое ведение занятий: лекции, семинары);

3) подготовка кандидатской диссертации и её защита в профильном совете.

С Александрой Викторовной прежде всего необходимо было определиться с проблемой и темой диссертационного исследования. Поскольку она не владела методами социологии, то, естественно, выбор темы должен идти в другом направлении. Она основательно знала историю стран Западной Европы, Америки. После долгих размышлений и переборов различных тем остановились на особенностях вызревания общенациональных кризисов в среднеразвитых капиталистических странах. Проблема была достаточно актуальна. В среднеразвитых странах «второго эшелона» капитализма (Португалия, Греция, Чили и др.) возникали и развёртывались сложные кризисные процессы, потенциальные революциями, ставшими во многих из них социальными и политическими революциями или радикальными реформами. Исследование необходимо было вести в системе понятий, категорий, методологии социальной и политической философии, а не исторической

науки. По итогам защиты диссертаций по научному коммунизму присуждалась степень кандидата философских, исторических и даже юридических наук. Руководить историческими или юридическими исследованиями я не брался, да и не имел права, поскольку был кандидатом, а затем доктором философских наук. В номенклатуре научных степеней в ту пору социологической и политологической степени не было. Александре Викторовне импонировала научная степень кандидата философских наук. На соискание этой степени защищали диссертации мои аспиранты во второй половине 80-х годов Лидия Волкова, Надежда Поливаева.

Александра Викторовна Глухова

Александра, не откладывая работу над диссертацией «на потом», на последние полтора-два года, начала трудиться в первые месяцы. Философских работ на избранную тему не было. Для того чтобы добраться до философского анализа и обобщающих выводов, нужно было программно «перелопатить» большой массив опубликованных источников (материалов съездов различных партий, статей, мемуаров политических деятелей, экономическую и социальную статистику по соответствующим странам, научные монографии, статьи). Это требовало большого времени, а самое главное – усердной и непрерывной работоспособности и методологически оснащённого ума. Иногда я с тревогой вглядывался в неё: выдержит ли? Выдержала. Одна из моих аспиранток, работавшая по близкой теме и тоже в философском ключе, не выдержала, поняв, что это не её тема и не её сфера размышлений. Через несколько лет она защитила кандидатскую диссертацию по педагогике, а затем очень успешно докторскую.

В ту пору у меня были четыре аспирантки. Параллельно с А. Глуховой обучались и работали над своими диссертационными темами Л. Волкова (экономист по образованию), И. Бережная (историк), Н. Поливаева (историк). С философским образованием никого не было; ВГУ открыл подготовку по этому направлению только в 1996 году. Не было и специалистов с социологическим и политологическим образованием; этих специальностей не было в номенклатуре высшего образования и в классификации научных рангов.

Занятия с аспирантами регулярно проводились по четвергам. Я хранил традицию моего научного наставника профессора Б. М. Бернадинера. Правда, под давлением аспирантов, к моему неудовольствию, занятия перенесли на субботу.

Еженедельно аспиранты информировали о проделанной работе, о тех проблемах, которые у них возникали. Обменивались мнениями о прочитанной научной литературе (научная периодика, монографии). Лекции по специальности не читались, кроме обзора новой литературы. Но читались лекции по методологии научных исследований. Это были не традиционные лекции, а беседы по конкретным методологическим операциям как процедурам и инструментам научного познания явлений и процессов в обществе. У выпускников экономического, исторического факультетов, откуда в основном и приходили претенденты в аспирантуру на кафедру, была очень слабой подготовка по методологии научных исследований. У историков она преимущественно сводилась к источниковедению и историографии (и в этом отношении она была основательна), у экономистов – к экономическому детерминизму (так и сохранилось до сих пор). Я стремился сосредоточивать внимание молодых исследователей на принципах и требованиях диалектической логики, на проблемах интерпретации факта, соотношении эмпирического и теоретического, исторического и логического, сложностях соотношения позиций акторов событий и их последующих исследователей. В методологических беседах выявлялись основания, методы, типы структуризации общественных феноменов, критерии их типологизации, компаративистские методы, способы построения объяснительной теории и т. д. Вместе с тем я делился своим опытом и результатами анализа практики других исследований, работы над научной темой: постановка проблемы, выделение предмета и объекта исследования, способы формирования и фиксирования фактического (эмпирического материала), система доказательств, отношение к суждениям и концепциям иных авторов, методы историографического анализа темы, построение композиции диссертации, стиль, язык изложения и т. п. Между прочим, это небанальные вопросы. Молодые люди часто на них застревают, иногда вплоть до прекращения работы над диссертацией. На памяти – не менее двух десятков такого исхода «диссертационного процесса».

Методологические лекции-беседы вызывали повышенный интерес, и некоторые аспиранты помнят их спустя много лет после защиты диссертации. Не только кандидатской, но и докторской. Ведь самое главное для молодого и будущего исследователя – овладеть культурой научного мышления, а главная задача научного наставника – помочь ему овладеть методологией анализа, обобщения, осмысления не только феноменов жизни общества, исторических процессов, но и различных суждений, концепций относительно их. На переломах, на крутых изгибах исторических эпох, когда расшатываются системы мышления, проблемы методологической культуры осмысления реальностей резко обостряются вплоть до эпистемологического кризиса. Вместе с тем возрастает значение научной этики в общественных науках. И не только в них.

Больше всех вопросов из всех моих аспирантов за всю историю моего научного наставничества задавала Александра Глухова. Вопросы были заинтересованные, точно сформулированные и, если можно так выразиться, практически целе-

сообразные, т. е. ориентированные на проблемы её диссертационной работы. Они свидетельствовали о том, что аспирантка работает и размышляет, размышляет и работает. И этот процесс создаёт вопросы, требующие ответов и советов научного наставника. Ответы и советы воспринимала с хорошим пониманием. Вопросы Александра Глухова задавала, а вот вопросов в работе с ней не было. Трудилась интенсивно, плодотворно, план диссертационной подготовки своевременно, часто досрочно и добротно выполнялся.

Одно важное для меня (думаю – не только) объяснение. Вместо стереотипного, привычного, официального наименования «научный руководитель» (диссертации, дипломного проекта, курсовой работы) я склонен употреблять другой термин – «научный наставник». Не знаю, как ныне, но раньше, в советское время, на воронежских заводах существовал особый институт наставничества опытных мастеров, рабочих над молодыми, осваивающими ту или иную рабочую профессию. В ходе социологического исследования на заводе тяжёлых механических прессов во второй половине 60-х годов я спросил одного мастера: «Что такое наставничество?» Мастер ответил чётко: «Постановка молодому парню рабочей руки и рабочего разума». Я переспросил: «Уму-разуму?» Последовал более темпераментный ответ: «Нет! Руки и разума. Без рабочей руки не будет разума, а без рабочего разума – рабочей руки». С точки зрения социологии, точная операционализация понятия «рабочее наставничество».

То же самое и в работе с аспирантами: поставить технологию научной работы (в каждой науке – своя технология, хотя есть и нечто общее) и методологически плодотворное мышление. Без того и другого не станет учёного. Термин «научный руководитель» ориентирован на правовую сторону взаимоотношений профессора и аспиранта. Понятие «наставник» – на этическое. Помочь молодому человеку найти себя в науке намного сложнее, но и продуктивнее (хотя отходов бывает немало), чем им руководить. Но дело не только в различии правового и этического (лучше, когда они гармонизируют). Наставничество имманентно предполагает практическую постановку, обработку техники и методологии научных исследований. Руководить можно и нужно коллективом, организацией; но вхождение в науку требует наставничества. Наставничество требует особого мастерства от наставника и интеллектуально-волевых способностей аспиранта. Успех зависит от того и другого, и не всегда, откровенно говоря, удаётся. Я всегда был и остаюсь противником, во всяком случае, не сторонником холодной штамповки кандидатов наук. Массовая штамповка не обеспечивает действительного вклада в науку.

Меня иногда упрекали в жёстком наставничестве, т. е. руководстве. Не отрицаю, а объясняю. Некоторые аспиранты, тем более соискатели, не воспринимали наставничества, а готовы были к штамповке. Наставничество предполагает помощь аспиранту, соискателю (очень плохой термин) преодолеть всё то, что мешает движению к научной цели. Молодой человек не всегда это понимает. Приходится включать соответствующие инструменты, освобождающие от ненужного, тем

более мешающего компонента. Это всегда производит впечатление жёсткости. В соседнем подъезде дома, в котором живу, долгое время жила скрипачка из оркестра театра оперы и балета. Она практиковала обучение детей игре на скрипке. Я как-то спросил её, что самое трудное для неё. Она ответила: «Быть жёсткой, потому что никто не научится игре на скрипке, если будет беречь свои пальцы. А пальцы у детей нежные, но приходится учить, не обращая внимания на слёзы. Вот это сердечно трудно». Не знаю, как с игрой на скрипке, но с аспирантами в наставническом процессе так бывает. И на жёсткость приходится идти по схеме руководства, хотя понимаешь, что в данном случае, осторожно говоря, претенденту необходимых свойств не хватает и наставничество не воспринимается.

Александра Глухова плодотворно воспринимала научное наставничество. Более того, она нуждалась именно в наставничестве, а не в руководстве. Это наблюдалось и у других в той или иной мере. Но – увы! – не у всех.

Александра своевременно представила добротную и оригинальную диссертацию. Для выявления общих закономерностей социально-политических кризисов в странах среднеразвитого капитализма она методологически использовала концепцию длинных исторических волн, разработанную великим русским учёным-экономистом Н. Д. Кондратьевым в ранние годы Советской власти и отвергнутую представителями отечественной политической экономии (между прочим, в 1930-х годах её критиковали как антинаучную воронежские экономисты).

Кафедра рекомендовала диссертацию к защите. Но ВГУ в то время своего диссертационного совета по философии не имел. Ближайший совет – в Московском университете. Приняли. Но дату защиты назначили не совсем удобную – сентябрь 1990 года.

Защита состоялась. Тема и её концепция, сформулированная диссертанткой, вызвали большой интерес. Но вот что было любопытно и в известной степени символично. 1990 год. Россия начинала вскипать: митинги, забастовки, метания Советской власти, столкновения Горбачёва и Ельцина, рост дефицита товаров массового потребления, резкое падение показателей в экономике. Наверное, этими процессами и событиями было инициировано большинство вопросов диссертантке: «Можно ли ситуацию в России определять как общенациональный кризис?», «Можно ли кондратьевскую теорию длинных волн применить к современной России?» и т. п. Диссертантка отвечала кратко и корректно. Оппоненты воздали должное научному достоинству диссертации. Поздравив Александру с успешной защитой, я в тот же день уехал в Воронеж. Где бы ни защищали мои подопечные диссертации (до открытия соответствующего совета в ВГУ), я почти всегда был рядом с ними на этой волнительной процедуре.

Я предполагал, что Александра Викторовна не остановится на кандидатской диссертации. Её потенциал, а самое главное – интерес к научным исследованиям не только не угасли на кандидатской стадии, а требовали развития. Но я не

ожидал, что импульс дальнейшего научного творческого труда возбудится так быстро. По моим наблюдениям, есть, вернее, были в 1950–1980-х годах, четыре основных типа кандидатов наук в их квалификационных интенциях и научном творчестве. Первый тип: после защиты кандидатской последующих движений не наблюдалось, кроме публикаций научных и методических работ, достойных для поддержания необходимого статуса в вузе. Второй тип: лет через 10 возбуждается импульс и формируются объективные и субъективные условия для работы над докторской диссертацией. Человек начинает активно, иногда торопливо работать в «докторском направлении». Третий тип: практически не переводя дыхания после кандидатской, начинает работать над докторской диссертацией. Разрыв между защитами первой и второй диссертации у этого типа 6–8 лет, иногда меньше (чаще всего у математиков), но не превышает 10 лет. Четвёртый тип игнорирует статусно-квалификационные стадии и деятельно, результативно работает в науке. Это нечасто встречаемый тип. В вузах на него часто ворчат, побуждают, потому что сама система высшего образования, как, впрочем, и научных учреждений, требует процедурного обретения научных статусов.

Таковы основные типы по моим наблюдениям, по критерию отношения и движения к статусно-квалификационным диссертациям. Они легко обнаруживаются при знакомстве со справочниками профессуры ВГУ. Вариаций много. И многое зависит от вузовских условий и житейских обстоятельств.

Александра Викторовна относится к третьему типу. Нельзя сказать, будто статус и степень доктора наук и следующее за ним звание профессора не прельщали её. В вузовской среде они пользуются более высокими уважением и почтениями, не говоря уж о зарплате. Вопреки евангельскому «по труду» доминирует сословный принцип «по степени и званию». И всё же главным мотивом стремления А. В. Глуховой к докторско-профессорскому статусу была возможность и условия получить свободу научной деятельности. Всякая свобода относительна. Но у доктора наук, профессора она объективно шире, чем у кандидата наук, по выбору проблем исследования, формированию условий, инициативности и плодотворности научных связей, публикаций результатов. Да и во взаимоотношениях с различными социальными, научными структурами и институциями. Речь идёт о свободном интеллектуальном самостоянии в науке.

Помнится, месяца через полтора-два А. В. Глухова обратилась ко мне с вопросом: «А что дальше?» Речь пошла о теме и проблемах дальнейших научных исследований. Не о теме новой, докторской, диссертации, а о направлении научной деятельности.

Александра Викторовна вышла на новый, главный этап своей научной и педагогической деятельности на переломе исторических эпох. В этих словах, определении нет эпического возвышающего пафоса. Они фиксируют реальность крутой смены векторов, смысла, ценностей, условий научно-исследовательской деятельности и высшего образования.

Исторический кризис социализма советского образца означал не только кризис его государственной, политической и экономической систем, но и эпистемологический и аксиологический разрыв в интеллектуальной сфере с теми знаниями, концептами, идеологемами и ценностями, на которых общество существовало и развивалось семь десятков лет и манифестировало себя как олицетворение прогресса человечества. Отпал пласт понятий, концепций, приоритетных проблем обществоведения, ориентированных на исследование мирового революционного процесса, мировой системы социализма, состояния и развития советского общества, рабочего и демократических движений в капиталистических странах и т. д. и т. п. Остро актуальной стала критика всего советского: от руководящей роли КПСС до системы дошкольного воспитания. Кризис марксистской методологии назревал давно. Догматики и ортодоксы его не замечали. Скороспелые доморощенные либералы объявили марксизм, его философию, экономическую теорию и социально-политическую доктрину факторам выпадения России из цивилизации. Вместе с тем расширились возможности анализа и реального знакомства с теми западными концепциями, которые в недавнем прошлом подвергались критике как антинаучные, поскольку объявлялись антимарксистскими.

Однако были и реальные проблемы, требующие действительного научного исследования и всесторонне обоснованного ответа, а не псевдотеоретических спекуляций. Казалось бы, выбрать сто́ящую реальную проблему и превратить её в тему научного исследования не так уж сложно. Проблем много в диапазоне предельно актуальных: от «Что случилось с Советским Союзом?» (полноценного ответа и во втором десятилетии XXI века пока нет) до «Куда и как движутся бывшие республики СССР, прежде всего Россия?» Однако выбрать трудно, во-первых, из-за того кавардака и сумятицы, которые создала экспрессивная радикал-либеральная идеология. Методологически определиться трудно. Во-вторых, трудности обусловлены усиливающимся доминированием радикал-либералов в структурах управления наукой и образованием. В-третьих, трудности возникали и из-за вполне понятного сомнения в своих способностях и того, что всякое научное исследование – «езда в незнакомое», зона неопределённых рисков, которая может потребовать жертв.

Александру Викторовну не привлекали так называемые «диссертабельные» темы, т. е. те, тропы к которым уже проложены, и остаётся только кое-что эффективно подчистить с полной уверенностью успешной защиты докторской диссертации в ближайшие 4–5 лет. Она хотела исследовать сложные неизученные или запутанные проблемы, решение которых представляет не только научный, но и социально-практический интерес.

Мы долго перебирали, обсуждали достоинства и возможности исследования разных проблем. Я пытался вовлечь нового кандидата наук в геополитическую проблематику истории России. В советское время геополитика отвергалась как лженаука, хотя геофактор всегда присутствовал в политике Советского государства

как условие и как мотив. Но геополитика не прельщала, хотя и интересовала Александру Викторовну. Повышенный интерес вызвала тема, предложенная мною, «Социальные кризисы как феномены и факторы исторических процессов». Но и её молодой исследователь всё же не принял из-за опасения «утонуть в истории».

С Александрой Викторовной мы обсудили с десяток тем. Обсуждали всесторонне, однако критерий диссертабельности почти не принимался во внимание. Главное – неизученность или псевдоизученность темы, её проблематика, источниковая база, возможные методологические подходы. Естественно, обсуждения велись не вне социального и политического контекста всего происходящего в СССР, в России. Между прочим, такие обсуждения (и это показало будущее) принципиально важны и полезны: прозревают способности и вырабатываются умения вести дискурс, ставя и поворачивая проблему в разных ракурсах. А в России рождались всё новые и новые конфликты, и страна, общество раздирались ими.

Однажды в собеседовании, отодвинув очередную непринятую тему и её проблематику, я сказал: «Александра Викторовна! Вы молоды, и тему надо выбирать такую, которой не только хватило бы на всю Вашу долгую жизнь, но и которая волновала бы на всех последующих этапах Вашей не только научно-педагогической деятельности. Есть вечная тема – конфликты, конфликтность человеческого бытия и существования. У неё несколько аспектов, т. е. сфер конфликтов: социологический, этнический, этический, религиозный и т. д. В современной российской социологии интенсивно разрабатывается проблема конфликтов. Слабее, вернее, плохо исследуются политические конфликты и сам политический конфликт как некий феномен. Политические конфликты отождествляют с социальными (в узком смысле этого слова), с этническими, социокультурными… Они связаны с ними, но политические конфликты имеют и собственную природу, смысл, динамику. Они могут порождать всякие иные конфликты. Может быть, Вам взяться за исследование политических конфликтов? Важно исследовать политический конфликт как социальный феномен. И может быть, посягнуть создать теорию политических конфликтов, политическую конфликтологию. Во всяком случае, есть настоятельная научная проблема методологической концептуализации и систематизации политических конфликтов. Вы можете!»

Александра Викторовна загорелась. Политический конфликт как социальный феномен стал объектом её научных исследований. Проблема оказалась неисчерпаемой. Политические конфликты вновь и вновь возникают, переплетаясь с экономическими, этническими, социокультурными, появляются новые конфликтогенные факторы и акторы, новые типы конфликтов, способы и методы их регулирования.

После дополнительных обсуждений и коррекций формулировок Александра Викторовна сформулировала тему предстоящей научной работы «Политический конфликт: анализ теории и методологии исследования». Была разработана программа исследования, определены проблематика, возможные источники инфор-

мационного обеспечения, основные дискуссионные узлы, историография вопроса. Работа пошла на редкость интенсивно, последовательно и целеустремлённо. Работоспособность Александры Викторовны была удивительной. Удивительной тем более, что было много неразберихи в образовательном процессе. Пересматривались учебные планы и программы. Какого-либо обдуманного порядка Министерство высшего образования не определило. Тяжёлая ситуация складывалась на кафедрах общественных наук. Кафедральный коллектив принял решение, и оно было утверждено приказом ректора (1990 год), впредь именоваться «кафедра социологии и политологии». Для сотрудников кафедры большого труда в освоении курса социологии не было, так как научные исследования велись в социологическом направлении, да и преподавание курса «Социология» началось раньше его официального введения в учебные планы по указанию Министерства образования. Но требовалось его совершенствование и преподавание на всех факультетах. Иное дело – курс «Политология». Его надо было осваивать заново и внедрять в образовательный процесс всех факультетов. Ведущую роль в кафедральном решении этой задачи пришлось играть мне как заведующему, Александре Викторовне, Галине Ивановне Авциновой (кандидатскую диссертацию защитила в 1984 году, докторскую – в 1996 году) и Надежде Павловне Поливаевой (кандидатскую диссертацию защитила в 1988 году). Однако, кроме базовых курсов социологии и политологии, необходимо было разрабатывать новые так называемые элективные курсы (тот тип учебных дисциплин, сопровождающих базовые и самостоятельно выбираемые студентами, стали вводить в последние годы советской системы высшей школы). Сотрудники кафедры разработали за 2 года более двух десятков оригинальных элективных курсов. Я вёл на разных факультетах три: «Теории мирового развития в XX веке», «Социальные генотипы русской культуры», «Социология личности». Александра Викторовна предложила, разработала и внедрила на историческом факультете курс «История и теория демократии». Это был своеобразный ответ молодого учёного на вызов не только мучительной трансформации России, но и времени. В 90-х годах начались новые «приключения» демократии в западных странах и поиск её оснований и структур в ранее бывших колониях, ставших самостоятельными государствами. Характерно, что из многочисленных элективных курсов до второго десятилетия XXI века сохранились, превратившись в обязательные на историческом факультете, три курса: «Социология личности», «Теории мирового развития», «История и теория демократии». Этот курс, разработанный А. В. Глуховой, впервые читался в российской высшей школе. Он постоянно ею совершенствуется. История демократии с её драматичностью, парадоксальностью, практической многовариативностью часто более поучительна, чем теория. Более того, никакие теоретические изыскания несостоятельны без анализа истории демократии. Александра Викторовна рассматривает противоречивость демократических процессов, их правовые, политические, социальные ос-

нования, демократические способы согласования интересов различных социальных страт и политических групп, взаимодействия большинства и меньшинства. В 2014 году, обобщив свой постоянно обогащающийся преподавательский опыт и достижения политологической теории, Александра Викторовна опубликовала впервые в высшей школе добротный учебник «История и теория демократии» (Воронеж, 2014). По сути дела, А. В. Глухова (теперь уже давно профессор) инициирует и побуждает включение курса «История и теория демократии» в образовательные программы подготовки политологов, социологов, юристов, историков. В крутых переломах исторических эпох проблема обучения (и верхов, и низов) демократии, понимания относительности её конкретных форм, обустройства и вместе с тем всеобщности, универсальности принципов, онтологической сущности – острейшая проблема. Александра Викторовна рискнула создать учебное пособие по демократии в единстве исторического и теоретического анализа этого сложнейшего социально-политического феномена. Риск оказался оправданным. Учебное пособие получило хорошие отзывы научно-методической общественности и сотрудников научных учреждений, занятых исследованием социально-политических процессов. Студенты политологических направлений, обучения особо ценят это пособие, методически очень хорошо оснащённое.

Однако надо всё же вернуться лет на 20 назад. Учебник по истории и теории демократии Александра Викторовна издала, будучи уже доктором политических наук. Но надо было ещё подготовить докторскую диссертацию, защитить её; а для постановки на защиту требовалось опубликовать монографию и не один десяток научных статей.

Работа над диссертацией в 90-х годах велась энергично, споро и спорно. Слово «спорно» не случайно. Оно отражает реальность работы. Довольно регулярно, обычно раз в месяц, Александра Викторовна просила меня прочитать написанный ею и заранее обговорённый параграф, фрагмент текста. После аналитического чтения обсуждали, дискутировали. В центре дискуссий были прежде всего методологические проблемы исследования политических конфликтов, их специфики, соотношения с социальными, их причины, основания, субъекты, их типологии, способы поведения акторов, динамика конфликтных процессов, способы и пути их урегулирования или исторического снятия (по Гегелю). В ходе дискуссий анализировались различные факторы: экономические, социокультурные, социально-стратификационные, этнонациональные, психологические, конфессионально-религиозные, общественные, личностные, социально-антропологические, внутренние, внешние и т. д. и т. п. И, само собой разумеется, история конкретных конфликтов, особенно тех конфликтов, которые в ту пору вскипали в России и рвали её (главный конфликт – между Президентом РФ Б. Н. Ельциным и как-будто демократическим российским парламентом вплоть до обстрела его из танковых орудий и последующих столкновений различных политических сил). В костёр

дискуссий попадали переводимые на русский язык работы западноевропейских и американских конфликтологов. Кое-что, особенно работы Ральфа Дарендорфа, Александра Викторовна переводила с немецкого.

Много лет спустя в интервью журналисту «Коммуны» Наталье Столповской Александра Викторовна подчеркнула, что диссертация написана «в дискуссиях с профессором В. С. Рахманиным», в которых «я укреплялась в своих выводах, а он сделал всё, чтобы я подошла к защите совершенно уверенным в себе человеком»[1]. Дискуссии шли активно и плодотворно. Но для представления диссертации к защите необходима была опубликованная монография. В 90-х годах становления рынка такая публикация представляла немалую трудность. Мало того что нужен был достаточно добротный текст. Нужны были финансовые средства, которых, конечно, у молодого доцента не было. Александра Викторовна полагала, что требовалась публикация всего диссертационного текста, но он ещё не был готов. Я предложил иное: опубликовать уже готовый раздел диссертации. К тому времени (кажется, вторая половина 1996 года) был основательно подготовлен и несколько раз «проутюжен» раздел диссертации «Типология политических конфликтов». Впервые на основе анализа и обобщения многообразных конфликтов излагалась оригинальная концепция многомерной типологизации политических конфликтов. Но… деньги?.. Пошёл на приём к ректору Ивану Ивановичу Борисову. Обосновал просьбу о финансовой поддержке монографии: такая монография впервые подготовлена в отечественном обществоведении; да и в мировой практике – негусто. Иван Иванович спросил: «Глухова – способный политолог? Диссертация будет защищена?» Гарантировал, сказав, если защиты не будет в ближайшие три года, деньги вернём. И. И. Борисов выделил необходимую сумму. Не ведаю, как ему удалось обойти недремлющее око первого проректора С. А. Запрягаева.

Александра Викторовна проявила находчивость пробиться в Академию государственной службы при Президенте РФ (комплекс зданий и оборудования бывшей Академии общественных наук при ЦК КПСС) для защиты диссертации. Но для этого нужно было прикрепиться к этой Академии на правах соискателя. При этом условии назначается консультант. Всё это стоило денег. И немалых. И не в виде мзды, а официальной оплаты труда консультанта, членов диссертационного совета, оппонентов, даже аренды аудитории, в которой обычно проходят защиты диссертаций. Вот так: на рынке как на рынке… В 1990 году я защищал докторскую диссертацию в МГУ. И всё было бесплатно, а так как я проходил повышение квалификации при МГУ, то получал стипендию как слушатель ИППК. Так было при Советской власти, которая была заинтересована в развитии науки, высшего образования и их обеспечении квалифицированными кадрами. Постсоветская Россия, вернее, её власть всё спускает в разгуляй-рынок, не регулируемый достаточно ни правом, ни этикой.

[1] Коммуна. 2014. 18 нояб.

Александра Викторовна с готовой диссертацией уехала в Москву, в Академию госслужбы. Диссертация была довольно объёмной. Страниц 500. Мы никак не могли её укоротить. Всё было жалко вычёркивать, что рождалось в дискуссиях и в напряжённом труде. Ей назначили научного консультанта доктора философских наук, профессора В. С. Комаровского, давнего моего знакомого по социологическим конференциям. Александра Викторовна изредка писала, информируя о прохождении диссертации через необходимые барьеры. Кафедра, которую возглавлял В. С. Комаровский, обсудила работу воронежской соискательницы и рекомендовала к защите. Назначили трёх оппонентов, среди которых – член-корреспондент РАН Анатолий Васильевич Дмитриев, ведущий основоположник отечественной философской и социологической теории социальных конфликтов.

Защита диссертации состоялась в конце ноября 1997 года. Я поехал на защиту. Поставил в известность ректора И. И. Борисова («договор о финансировании выполняется досрочно»). Иван Иванович предложил оплатить командировку. Я отказался, посчитав оплату неправомерной. Защита прошла, мало сказать, хорошо. Блестяще. Всесторонние глубокие отзывы дали оппоненты, ведущая организация. Некоторые члены диссертационного совета подчёркивали, что диссертация А. В. Глуховой лучшая за последние годы из защищаемых на этом совете; это действительный заметный вклад в науку, в создание политической конфликтологии.

По воспоминаниям Александры Викторовны, её академический консультант В. С. Комаровский сказал ей: «Вы сами не понимаете, что Вы создали». По-моему, Владимир Савельевич, насколько я его знаю, сам не понимал, какая диссертация в готовом виде попала ему в руки.

Для кафедры и, естественно, для меня столь успешная защита диссертационной работы, а вернее, оригинальной научной концепции политической конфликтологии была большой радостью, результатом не удачи, а подлинно творческого самостоятельного труда. Александра Викторовна стала первой женщиной Воронежа (второй лет через 12 стала Н. П. Поливаева), имеющей ещё не совсем обычную научную степень – доктор политических наук. И она выросла, сформировалась и стала значимой, а не только заметной фигурой в политической науке. Более того, защитой своей диссертации «Политический конфликт: анализ теории и методологии исследования» она положила начало становлению и развитию особого направления в отечественном обществоведении – политическая конфликтология. Стала формироваться воронежская школа политической конфликтологии, на базе которой в конце XX и в первом десятилетии XXI века прошло несколько всероссийских и международных конференций.

Докторская диссертация отнюдь не стала вершиной научной деятельности А. В. Глуховой, тем более – славным, но завершающим этапом. Наоборот, она стала как бы трамплином для прыжка в свободный полёт. Резко возросли её работоспособность, плодотворность научной и педагогической деятельности, расши-

рились горизонты её научного ви́дения, укрепилась смелость научного мышления и острота публициста. Ей хотелось многое сказать и было, что сказать urbi et orbi. Она спешила и умела сказать. В 2000 году в московском издательстве вышла её монография «Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ)» с посвящением мне как учителю. Во втором издании этой монографии посвящение сохранилось. Признаюсь, это было лестно, но не избавило от некоторых конфликтов, как мне казалось, иррациональных.

В 2002 году в очередной раз (кажется, в 7-й или 8-й) истекали сроки моих полномочий заведования кафедрой. Откровенно говоря, можно было бы вновь подать заявление на участие в конкурсе. В случае участия 2–3 голоса членов Учёного совета ВГУ были бы поданы против (я их знал), но я был бы избран. Однако я не стал подавать заявление и не поддался никаким уговорам. Устал, да и лет мне было уже за 70. Надо продвигать молодых. Понятие «освободить место» у меня, говорю, как на духу, в моём сознании даже не мелькало. Продвигать. Были две вероятные кандидатуры. Одна очень рвалась, да кафедра не принимала. Другая не проявляла желания. Другая – Александра Викторовна, уже давно утверждённая в учёной степени доктора политических наук. Долго уговаривал её. Она не была уверена в своих управленческих способностях. Между прочим, много лет спустя в моём стихотворении на прощание с очередным выпуском политологов были строчки:

Покинете стены вы наши
С прощальной грустинкой-тоской.
Но Глухова вслед вам помашет
Своей кафедральной рукой.

Образ кафедральной руки показался Александре Викторовне забавным. Но тогда, в 2002 году, пришлось долго уговаривать. В конце концов согласилась. Передача кафедральных ключей символично состоялась в конце июня 2002 года. А в феврале 2003 года кафедра покинула университетский корпус № 2 на площади Ленина и переехала в составе исторического факультета в корпус № 8 по Московскому проспекту.

Александра Викторовна приступила к обязанностям заведующей кафедрой социологии и политологии. Вначале робко, постоянно советуясь со мной, потом всё увереннее и даже самоувереннее. Стиль её «кафедральной руки» был несколько иной, чем у меня. Я постоянно, ежедневно был на кафедре, даже когда занятий по расписанию у меня не было. Все кафедральные вопросы стремился решать в открытую, предварительно обсудив с коллегами.

Александра Викторовна ещё на предварительной стадии в разговоре со мной сказала: «Я не буду, как Вы, каждый день быть на кафедре». Иначе решались и некоторые кафедральные вопросы. Я заметил, что некоторые мои предложения, советы стали вызывать раздражение. Может быть, сказывались обычные внутри-

кафедральные разговоры, кто-то как-то сказал, кто-то не так передал; различны были подходы к мелким и крупным проблемам. Взаимоотношения мои с Александрой Викторовной стали конфликтно-напряжёнными. Это было крайне непонятно и неприятно для меня. После одной из вспышек взаимного раздражения я сказал: «Александра Викторовна! Я с Вами больше спорить не буду. Вы спорите недискурсивно. Это контрпродуктивно и напрасная трата сил». Это был мой способ урегулирования конфликта: выйти из него и переключиться на другое. Через некоторое время дружеские отношения восстановились. Разработанная А. В. Глуховой методология исследования политических конфликтов, предложенная ею многомерная типологизация их вызвала повышенный интерес научной общественности. В нулевых годах XXI века при финансовой поддержке Воронежского межрегионального института общественных наук, действующего в ВГУ, было проведено несколько общероссийских научных конференций по различным аспектам конфликтологии. Ведущие конфликтологи приезжали, прилетали (при полном финансовом обеспечении, вплоть до скромного заключительного банкета) из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова, Киева, Минска, Ульяновска, Ставрополя и других вузовских и академических центров. По итогам конференций было издано несколько коллективных монографий: «Политическая конфликтология перед новыми вызовами», «Социальные конфликты и партнёрство», «Конфликты и диалог политических культур в современной России» и др.

Естественно, после избрания заведующей кафедрой на Александру Викторовну легла главная тяжесть организатора учебного процесса, повышения качества преподавания, подготовки студентов, разработки учебных программ и пособий, открытия нового направления подготовки специалистов, бакалавров и магистров. Нулевые и десятые годы нового столетия отличались сумбурными действиями Министерства образования и науки под видом демократических реформ, усилением бюрократизма, сменами форм контроля (пресловутый аудит) и отчётности. Александра Викторовна более настойчиво, в отличие от меня, использовала своих заместителей и помощников для подготовки тех или иных документов, справок и т. п. Она сосредоточила внимание на подготовке и издании учебных пособий. Для неё характерно постоянное, целенаправленное стремление на единство научных исследований и практики преподавания. В 2002 году в соавторстве со мной было издано учебное пособие «Политическая конфликтология». Фактически ценными учебниками стали подготовленные Александрой Викторовной пособия «Политические процессы», особенно «История и теория демократии».

Разрабатывались и внедрялись новые курсы лекций, спецсеминаров, магистерские программы. Большим достижением стало открытие на базе кафедры социологии и политологии подготовки бакалавров по направлению «Социология». Открытие подготовки по такой насущно необходимой специальности было моей долгой и неусыпной мечтой. Мне не удалось пробить некие тупые барьеры. Алек-

сандре Викторовне удалось. Была открыта подготовка магистров политологии. Активно и успешно вела Александра Викторовна подготовку научных кадров по политологической науке. При кафедре действовал диссертационный совет по политологии, председателем которого долгое время был я, а Александра Викторовна – заместителем; потом мы поменялись ролями: она председатель, я заместитель. С 2001 по 2014 год в этом совете защитили свои кандидатские диссертации полтора десятка аспирантов А. В. Глуховой и две докторские, по которым она была консультантом. Аспиранты её защищали диссертации и после в Орле, Москве, Казани, так как ВАК не перерегистрировала политологический совет ВГУ без всяких объяснений и при нескольких попытках восстановить его в обновлённом составе.

Довольно быстро после защиты докторской диссертации у Александры Глуховой возник и стал стремительно развиваться, становясь популярным, талант публициста и политического обозревателя. Начиная с 1999 года почти еженедельно (кроме нескольких отпускных и командировочных недель) в областной газете «Коммуна» стали публиковаться статьи по актуальным проблемам и различным событиям политической жизни страны, региона, чуть реже международным проблемам. Статьи были краткими (обычно так называемые колонки, потом – фактически «подвалы»). Написаны ясным, чётким языком, без замудрённых фраз. Статьи вызывали активные, хотя и разные по тональности отзывы читателей. Некоторые чиновники и, не скрою, даже вузовские работники усмехались: «Ну и что пишет? Никто не читает». Не правда. Читают. Читают даже те, кто скептически ухмыляется. В статьях не просто публицистика (её в России сегодня изобилие), а научный анализ того, что происходит или ожидается в стране, за её пределами. В них – гражданская позиция и стремление автора повысить гражданское самосознание своих читателей, в том числе и критиков. Главная тема и проблема публикаций в «Коммуне» – политика в нынешней России, проблемы демократии, сложностей её формирования. Демократию автор защищает с научных позиций. Это не простая проблема. Демократию несложно защищать от её открытых, да и скрытых, противников. Намного сложнее, но и важнее защищать демократию от её имитаторов, приспособленцев и фальсификаторов. А. В. Глухова умеет это делать, и её мастерство актуального научного публициста растёт. В 2009 году вышла её очень объёмная книга «Те десять лет. Постатейные хроники российской политической жизни 1999–2009 гг.». Это действительно хроники. Фактически каждонедельный анализ десятилетней политической жизни, её открытий и заблуждений, взлётов и падений, трудностей и парадоксов. Сборник всех публикаций А. В. Глуховой в газете за 1999–2009 годы в будущем станет важным источником поиска истины для будущих историков. На их месте я уже сегодня бы благодарил А. В. Глухову как неутомимого хроникёра не только политической жизни России и противоречивых движений рыхлого гражданского общества.

Демократический процесс в России идёт трудно (а где легко?), конфликтогенно, наталкиваясь на ряд объективных и субъективных барьеров, противодействий, имитаций, на недостаточную развитость (а иногда – приниженность) гражданского общества и неукоренённость принципов и норм правового государства в деятельности властных и управленческих структур. Демократический транзит, утверждает профессор А. В. Глухова, представляет собой процесс взаимозаинтересованного баланса интересов различных социальных слоёв, их политической артикуляции, правового оформления, экономического и культурного обеспечения. Для демократии равно опасно, если большинство подавляет уважающее конституцию меньшинство или меньшинство упрямо навязывает свою волю и свой менталитет большинству.

Эта опасность наблюдается и в России, и в мире в целом, в том числе и в США, впавших в тщеславную и агрессивную иллюзию суперсовершенства своей демократии. Баланс интересов не может быть достигнут раз и навсегда. Демократия – условие, механизм и процесс постоянного поиска новых моделей баланса адекватного новым социальным реалиям. Вот эти и другие проблемы, процессы на основе огромного массива фактического материала и различных концепций анализируются и выясняются в большой монографии А. В. Глуховой «Постижение непостижимого (российская политика 2000-х в контексте глобальных и региональных процессов)» (Воронеж, 2014).

Александра Викторовна подарила мне свою монографию с наилучшими пожеланиями. Я ответил четверостишием:

Веря в талант, непреложно
При Вашем уме и старании
Познать непостижное можно,
Если постигнуть познание.

Свои познания Александра Викторовна щедро и талантливо передаёт молодому поколению. Обладая незаурядной эрудицией (не только по политологии), она методично ведёт каждую лекцию как дискурс-диалог с социальными реалиями, с прошлыми и современными мыслителями, со своими студентами и даже с собой, формируя чёткую методологическую позицию в интерпретации фактов, событий, концепций. Для неё главное – дать студентам не только знания, но и интеллектуальный и нравственный компас для того, чтобы они и сегодня, и в будущем не плутали в лабиринтах политической жизни. Сформировать не только плодотворное профессиональное мышление, но и самостоятельную гражданскую личность – в этом Александра Викторовна видит главную задачу учёного-гражданина. Не всегда удаётся эту задачу решить. Её и как учёного, и как педагога, да и просто как человека в последние годы удручает усиление технократизма в подготовке специалистов, сужение полей всестороннего развития личности, гуманитарное и гуманистическое обеднение учебного процесса. Но она верит: демократия, наука, образование и труд – основа будущего благополучия России.

Много спорят о демократии.
Но стоит неотступный вопрос:
Кто пойдёт за неё на распятие,
Как когда-то пошёл Христос?

Размышляя о демократии,
Не забудьте: она не проста.
Не она ль вознесла на распятие
К ней взыскующего Христа?

Вековечно взыскуют народы
То ли к правде, то ли к мечте…
Демократия – поле свободы
Или роза на чёрном кресте?

10. Авторитет личности

В конце 1950-х годов я, будучи преподавателем кафедры философии, осваивал курсы диалектического и исторического материализма. Моими студентами были историки, филологи, а также географы. Кафедра философии располагалась в ту пору в здании на улице Пушкинской (университет недавно его получил, ранее там располагался техникум мукомольной промышленности), на втором этаже, в комнате № 17; в № 18 был кабинет заведующего кафедрой профессора Б. М. Бернадинера. Каждый раз, направляясь на лекцию в аудиторию № 22 (по нумерации того времени) или выходя из неё, я встречал знакомого мне редактора книгоиздательства Г. Б. (книгоиздательство размещалось в том же корпусе). Однажды я высказал удивление, что постоянно встречаемся с ним около 22-й аудитории. Г. Б. неожиданно ответил: «На курсе, где ты читаешь лекции, есть студентка Г. Г.». Я понял: обыкновенная романтическая история. Г. Г. была стройной, среднего возраста, красивая брюнетка. Г. Б. окончил года за два до меня филологический факультет, был гуманитарным эрудитом, коллекционировал художественные альбомы. У него, пожалуй, была самая большая личная коллекция. О его судьбе не ведаю (Г. Б. рано умер). Романтическая история… Но она была односторонней. Никакого интереса Г. Г. к Г. Б. не питала. Изредка я их видел в коридоре у окна напротив аудитории, о чём-то разговаривающих… Без последствий.

Студентку эту я хорошо знал. Это была Галина (в будущем Васильевна) Горченко. В то время у меня была очень хорошая память на фамилии, имена и лица моих студентов. Галя Горченко отлично училась. Как мне казалось (и не зря), у неё был повышенный интерес к философии. На семинарах выступала обстоятельно, легко вступала в дискуссии. Была скромной, выдержанной девушкой.

Галина Васильевна Горченко

После окончания исторического факультета она получила по государственному распределению молодых специалистов назначение учителем истории и обществоведения в сельскую школу Хабаровского края. Отработав положенные три года, вернулась в Воронеж, домой, к родителям. Какое-то время работала статистиком на мехзаводе. Летом 1964 года случайно она встретилась мне у знаменитого здания «Утюжок». На вопрос: «Где работаете?» ответила, что по специальности работы не нашла.

Иногда говорят, будто на пересечении двух случайностей возникает закономерность. Философски это недоказуемо. Но в случае с Г. Горченко случайная встреча и случайно оказавшееся свободное место старшей лаборантки социологической лаборатории при кафедре дали начало удаче и ей, и кафедре. Предложил эту должность Гале. Она вначале отказалась, сказав: «Но ведь я не социолог». Пояснил, что в Воронеже нет профессионально подготовленных социологов, а запрашивать из МГУ нет смысла. На следующий день подала заявление с просьбой принять её на должность старшего лаборанта. И была принята. Зарплата, кажется, составляла 83 рубля. Но эту должность мы романтично определяли «младший научный сотрудник».

Проработав некоторое время в социологической лаборатории, Г. Горченко поступила в аспирантуру. К тому времени Галина Васильевна была четвёртой моей аспиранткой (А. П. Дьяков, Б. Н. Лебедев, И. В. Наставшев), кроме тех, кто по разным обстоятельствам свернул с аспирантской дороги. Успешно сдавала необходимые кандидатские экзамены. После долгих размышлений и обсуждений сформулировалась тема диссертационного исследования: «Авторитет личности как социальный феномен». Тема имела свои философские и социологические проблемы и аспекты. Сколько-либо устойчивых традиций её исследований в отечественном обществоведении тогда ещё не сложилось. Доминировал этический подход публицистического описания авторитета руководителя (каким должен быть), чем его социально-философское, и тем более социологическое, исследование. Работа шла трудно. Галя не имела большого жизненного опыта работы, взаимодействия и взаимоотношений в различных коллективах и общественных организациях. В течение долгих месяцев, разработав предварительную программу, мы обсуждали различные теории, методы исследования авторитета личности. Первоначально

эти обсуждения не носили последовательности; обсуждалась какая-либо проблема, аспект, эпизод авторитета какого-либо деятеля, даже людей из ближайшего университетского окружения. Постепенно обсуждения стали носить концептуальный характер. В центре внимания стояли проблемы соотношения авторитета личности и социальной структуры (института, должности, организации), авторитета и власти, соотношение полей, сфер авторитета личности (использовалась концепция полей социальной ответственности, разработанная А. П. Дьяковым в его кандидатской диссертации), объективное и субъективное, ситуативное и транзитивное в авторитете, его функции, типы. Особенно нас занимала проблема соотношения авторитета личности и авторитета занимаемой должности. В ту пору в СССР термин «инфляция» не имел широкого хождения даже в финансовой сфере (рубль был ещё крепкой валютой), но часто наблюдался процесс «распухания» (теперь говорят – инфляции) незатейливой личности, субъективно не обладающей необходимыми интеллектуальными, организаторскими, этическими, коммуникативными качествами, под воздействием высокого институционального авторитета должности, статуса в какой-либо социальной структуре. Неправомерное перенесение авторитета института власти, должности на конкретного человека, занимающего некий статус, таит в себе (и часто реализуется) негативные социальные последствия. К серьёзным осложнениям может привести (и приводит) пересадка (трансплантация) доброго авторитета конкретного человека в определённой сфере (например, в спорте) в другую сферу (скажем, в политику).

Особой проблемой в диссертации Г. Горченко была типологизация авторитета личности. Предложена была многомерная типологизация по занятости, коммуникативности, целевым ориентациям, статусам. Кратко были подвергнуты критике явления и концепции авторитаризма, по проблематике того времени – культа личности. Сложно было характеризовать авторитет личности в политической сфере.

Работа шла трудно, но, можно сказать, с энтузиазмом. Не было в диссертации ни одного параграфа, да и страницы, которые Галина Васильевна не переписывала бы по несколько раз. Но характерно, она никогда не впадала в уныние и, если можно так сказать, не пищала, когда приходилось не то что переделывать текст, а отправлять его в корзину и писать заново. Признаюсь, что работа с Галиной Васильевной над её диссертацией дала мне очень много самому.

Диссертация была подготовлена. Что-то мы в ней не дотянули так, как хотелось. Но уже можно было представить к защите. В ту пору (начало 1970-х годов) в университете функционировал диссертационный совет по всем общественным наукам. На него и была представлена диссертация отнюдь не на банальную тему «Авторитет личности как социальный феномен».

Первым оппонентом был назначен доктор философских наук, профессор, генерал-майор, заведующий кафедрой научного коммунизма военно-политической академии имени М. Фрунзе Арсений Степанович Миловидов. Говоря об оригинальности, достоинствах и даже смелости в постановке и решении некоторых

вопросов, оппонент отметил, что некоторые параграфы диссертации создают впечатление о неполной развёрнутости исследовательского потенциала диссертантки, и пожелал Галине Васильевне продолжить изучение проблемы авторитета личности, доведя его до докторских кондиций. И оппонентами, и выступающими была отмечена практическая ценность выводов диссертации. Галина Васильевна держалась корректно и на удивление спокойно. Голосование было единогласным.

К сожалению, Галина Васильевна не продолжила свою работу и не вняла совету профессора и генерал-майора довести её до докторской степени. Но исследовательский интеллект у неё явно был. Но то ли сдерживала личная непритязательность, то ли сложности перехода на преподавание социологии, а вероятнее всего – предчувствие будущей тяжёлой болезни и её развитие; так или иначе, работа не была продолжена и углублена. Но то, что высказала Галина Васильевна в своей кандидатской диссертации, казалось бы, о такой банальной (только на первый и профанный взгляд) теме, как авторитет личности, не потеряло своей теоретической и практической ценности. А жизнь, трансформируясь, порождает всё новые и новые парадоксы авторитета и авторитарности, подмены первого второй.

Галина Васильевна была своеобразным педагогом. Она отличалась редкой требовательностью к себе. Постоянно анализировала свою педагогическую деятельность и не скрывала, что не всегда удаётся всё так, как надо и как хотелось бы. Я никогда не слышал от неё какого-либо недовольства по поводу тех или иных студентов. В преподавательской практике недовольство отдельными (а иногда многими) студентами – обычная тема внутрикафедральных педагогических разговоров. Недовольство отношением к учению, низкой познавательной способностью и активностью, нерадением, шпаргальством и т. д. и т. п. Галине Васильевне такое разговорное недовольство было органически чуждо. Она предпочитала не критиковать нерадивых студентов, а упорно работать с ними, отыскивая всё новые и новые методические приёмы вовлечения молодых людей в познавательную деятельность, и учила их, как рационально обеспечить эффективность не только познания науки, но и самопознание. И она добивалась успехов.

Галина Васильевна была из тех сотрудников кафедры научного коммунизма, которые ещё до официального по воле Министерства высшего образования введения в образовательные программы курса социологии проявляли активный интерес к этой науке и без особых трудностей начали её преподавание в начале 1990-х годов. Она больше, чем кто-либо другой, посещала мои факультативные и специальные курсы по социологии, социологии личности, которые я вёл в 1970–1980-х годах для студентов-журналистов по их просьбе и на экономическом факультете по новому учебному плану и инициативе декана В. Н. Эйтингона. Некоторый опыт прикладной социологии она приобрела в социологической лаборатории, принимая участие в исследованиях студенческого образа жизни, ценностных ориентаций. Работа над социальными аспектами и проблемами авторитета личности потребовала от Галины Васильевны продвинуться вглубь социологиче-

ской теории и использовать методику конкретно-социологических исследований (сбор эмпирического материала, его социологическое осмысление).

Галина Васильевна активно участвовала в разработке и издании первых методических материалов, обеспечивающих преподавание социологии. В образовательные программы вузов «Социология» как учебная дисциплина была введена Министерством высшего образования без всякой предварительной подготовки и методического обеспечения. Кафедра ВГУ имела только некий научный задел в виде социологических исследований на промышленных предприятиях и проблем высшей школы. Ни добротных программ курса общей социологии, ни учебных пособий, не говоря уже об учебниках, не было.

На кафедре регулярно обсуждались теоретико-методологические и методические вопросы чтения лекций по конкретным темам. Была составлена учебная программа. Кстати, когда на методическом объединении по социологии при Минвузе РФ обсуждался предложенный московскими профессорами проект программы курса общей социологии (кажется, осенью 1992 года), по моему предложению были включены две темы: «Социология социальных конфликтов» и «Социология революций и реформ». Это темы из нашей кафедральной программы.

На основе постоянного обсуждения различных тем по курсу «Социология» кафедра решила издать методическое пособие. Галина Васильевна принимала активное участие в его разработке. В 1994 году с грифом Министерства учебное пособие «Социология: курс лекций» было издано и хорошо принято в вузах, до которых каким-то образом дошла часть тиража (1500 экз.).

Галина Васильевна была своеобразным человеком в общении. В ней сочетались, казалось бы, два противоположных свойства: с одной стороны, сдержанность, с другой – открытая общительность. Это проявлялось и с коллегами по работе, и со студентами. Ей органически были чужды всякая групповщина и самоизоляция. Любая кафедра – это живой организм, в котором формально и неформально взаимодействуют люди разного возраста, жизненных ориентаций и позиций, взглядов, характеров и настроений. Всегда есть потенциал конфликтов объективных и субъективных, принципиальных и пустяковых. Галина Васильевна не создавала и не катализировала никакие конфликты. Это не означает, что она их не замечала, игнорировала. Она умела их сглаживать, находить общепримиряющую позицию. И умела высказать свою позицию. Кое-кто, по-видимому, не очень нравился ей на кафедре. Но она не позволяла переносить личное недовольство на рабочие, да и просто внутрикафедральные, отношения. Она – коллективистский, кафедральный человек – стремилась к дружной работе.

Я многим обязан ей. Она подталкивала меня к докторской диссертации, на которую мне не хватало времени. Её «подталкивание» не было назойливым, но специфическим. Она иногда говорила: «Все вокруг Вас защищают докторские, а Вам не стыдно не защищать? Ведь она у Вас есть». У меня нет и не было дис-

сертационно-докторского тщеславия. Но перед Галиной Васильевной я чувствовал некое смущение. Она приезжала на защиту моей докторской диссертации на совете философского факультета Московского университета в самом конце декабря 1990 года. Её приезд, как и Б. Я. Табачникова, Л. П. Волковой, был важной морально-психологической поддержкой. После защиты, поздравляя, она высказала удивление тому спокойствию и свободе, с какими я держался перед членами диссертационного совета, отвечая на их вопросы и на отзывы официальных оппонентов. Поблагодарив её, я пожелал ей подготовить и защитить докторскую диссертацию. Она отмахнулась: «Это не для меня».

При обсуждении различных вопросов на заседаниях кафедры (раз в месяц) Галина Васильевна чётко высказывала своё мнение. Иногда возражала моим суждениям. Но всегда аргументированно. Несовпадение наших позиций никогда не вело к каким-либо конфликтам, не создавало внутрикафедральных служебных и личных осложнений. Галина Васильевна стремилась всегда к конструктивному укреплению кафедрального коллектива.

Между прочим, на кафедре в 70–80-е годы даже сложилась традиция, которая не прерывалась и в деструктивных 1990-х, – отмечать самодеятельным застольем 23 Февраля и 8 Марта. На 23 Февраля (иногда днём раньше или позже в зависимости от недельного календаря) женщины приносили для застолья свои кондитерские изделия. Они как бы состязались друг перед другом. Чаще всего кулинарное восхищение вызывали изделия Галины Васильевны, которые именовались таинственным словом «меренги». Не только чествуемые по случаю Дня советской (российской) армии мужчины были в восторге. На 8 Марта мужская группа кафедры ничего лучшего не могла придумать, как угощать своих коллег тортами и конфетами.

В сумятице событий, снижения уровня и качества жизни, в кризисах высшего образования, в завихрениях социальной демагогии куда-то в неизвестность шли 90-е годы. Работать было чрезвычайно трудно. У Галины Васильевны возникли проблемы со здоровьем. Надвигалось тяжёлое заболевание. Галина Васильевна крепилась, работала, входила в студенческую аудиторию спокойной и методически уверенно читала лекции, вела семинарские занятия. Но становилось всё труднее и труднее держать себя в академической форме. Галина Васильевна заговорила об уходе с работы, ссылаясь на пенсионный возраст. Я уговаривал поработать ещё. В 1995 году она ушла на пенсию. Из кафедрального коллектива выпал не просто квалифицированный работник, доцент, но человек особой душевной красоты, личной скромности и нравственной чистоты.

Галина Васильевна долго и тяжело болела. Изредка – увы! – я звонил ей. Вспоминали прошлое. Года за три до кончины (2014 год) Галина Васильевна уже не могла сама подойти к телефону. Отзывался муж Юрий Борисович (доктор физико-математических наук), и мы с Галиной Васильевной вспоминали, когда мы были молодыми и на кафедре.

Глава 9

С ПОЭЗИЕЙ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ

Воронежский государственный университет всегда жил и живёт полноценной жизнью, органически, деятельно связанной со всем, что происходило и происходит в стране, и было, является неотъемлемой частью её развития и трансформаций. Учебный процесс и научные исследования плодотворно переплетаются с общественной и просветительской деятельностью, с непосредственным участием в социально-экономических процессах. В нём всегда жил и живёт не только дух интеллектуальных исканий, научно-педагогического подвижничества, но и поэзии, её романтики, откровений и переживаний.

С самого начала становления университета в Воронеже, в годы революции и гражданской войны, в конфликтных поворотах 1920-х годов, в трудовые и трагические 1930-е годы его студенты, профессора, сотрудники пытались осмыслить себя и время в поэзии, в своих стихах. Какой-то поэтический потенциал привезли с собой студенты и профессора из Юрьева. Пользовались успехом стихи математика Н. П. Самбикина об университетских буднях. Но и воронежское поколение тянулось к поэзии. В 30-х годах среди студенчества популярны были стихи студента геофака К. Гусева[1]. К сожалению, многое в разорительные времена войны утеряно. В воспоминаниях старожилов звучит дальнее эхо поэзии 20–30-х годов, да и иногда на сохранившейся пожелтевшей бумаге воскресают строчки. Вот из стихов студента-математика Н. Романова. Чудом сохранился сборник его стихов с очень точным названием «Мой век».

[1] См. о нём статью Д. Дьякова «Когда приходит поэт» и воспоминания Л. И. Гусевой «Спасённая тетрадь» в альманахе «Университетская площадь». 2016. № 9. С. 73–78.

На фронтоне герб висел крылатый,
Но какой он –
Вспомнить не могу…
Я встречал за этою оградой
Лишь всегда родное – ВГУ.

Стихи звучат по-современному, как будто они написаны к 100-летию ВГУ. Написаны они в 1927 году, к 10-летию. Герб – тот же, крылатый. Символично. В другом здании, на иной территории.

История поэзии и – шире – литературно-художественного творчества Воронежского университета ждёт своего настоящего историка. В ней – история духовных исканий и переживаний многих поколений университетского студенчества и профессуры. Я не историк. И пишу не исторический трактат. Делюсь своими воспоминаниями. Замечу попутно, что геологи и математики университета не менее, чем филологи, вообще всегда были склонны к поэзии. Даже те, кто сам не писал стихи. Помню, как в середине прошлого века мне в Веневитиново читал гумилёвских «Капитанов» профессор Владимир Иванович Соболев, учебники которого по математике издавались даже в Японии. Читал наизусть в то время, когда не только поэзия, но и имя Н. Гумилёва было в большой тайне. Владимир Иванович многое из творчества Н. Гумилёва помнил и читал его стихи своим студентам.

Поэтическая волна с особой силой поднялась в 40-е пороховые и восстановительные 50-е годы. В стихах звучали фронтовые ритмы и метафоры о боях и товарищах, о жизни и смерти, об ожиданиях, труде и надеждах. Первый студент-поэт, который читал стихи мне, робкому первокурснику, под новый, 1949 год, был фронтовик-десантник Яков Гудошников, будущий декан филологического факультета.

Но вспоминается другое. Мне представилась возможность поделиться своими впечатлениями, размышлениями о стойкой традиции – Днях поэзии ВГУ, которым в марте 2016 года исполнилось 60 лет. Эта традиция возникла в особое время. Кто-то десятилетия спустя пустил слух, будто я – один из основоположников её. Это неправда. В то время я не решался читать свои стихи публично. Писал их редко, да и не считал их поэтическим откровением. Но некоторое отношение к организации Дней поэзии ВГУ всё же имел. И расскажу, что помню и что я слышал. В ритмах и метафорах Дней поэзии – пульс и дыхание не только университета, но и исторического времени.

Во второй половине 1950-х годов в поэтической истории нашего университета, который обретал новые импульсы и ресурсы динамичного развития, зародилась особая традиция – ежегодные Дни поэзии ВГУ. 25 марта (иногда 24-го или 26-го) – поэтический праздник не только ВГУ, но и города, да и в более широком пространстве, в какой-то мере urbi et orbi. Некоторые (в частности, профессор

филологии В. М. Акаткин) считают его уникальным явлением в современной вузовской жизни, ибо такого нет в других вузах (замечу, тогда не было, но под его влиянием позже кое-что появилось в других вузах).

День поэзии ВГУ возник не случайно. Во-первых, повторюсь, поэзия всегда жила в студенческих коллективах, в профессорско-преподавательской среде. Новой традиции было на что опереться. Во-вторых, вторая половина 1950-х годов и 1960-е годы стали особым временем в истории страны. С лёгкого пера И. Эренбурга соскользнуло слово «оттепель». Оно символично вошло в общественное сознание. Им нарекли то время, которое таило в себе демократически обнадёживающие сдвиги в умонастроениях, общественной жизни. В-третьих, импульс ему дали студенты геологического факультета. А геологи – это всегда романтики. Их желание поделиться поэтическими переживаниями было подхвачено студентами историко-филологического, химического и других факультетов. Вот как описывает через 27 лет зарождение новой поэтической традиции, перехлестнувшей в 1957 году университетские стены, один из старейших работников, тогда декан геологического факультета В. С. Дмитриевский: «Я заметил увлечение студентов-геологов поэзией. Предложил организовать вечер, где они могли бы почитать свои стихи». 25 марта 1956 года в красном здании университета (проспект Революции, 24) состоялся первый день поэтов-геологов. Актовый зал был заполнен до отказа… Было принято: провести второй вечер поэтов-геологов на будущий год[1].

Организаторы не ожидали такого ошеломляющего успеха. А он не только был, но и вызвал движение студентов других факультетов.

Попробую вспомнить инициаторов устойчивой традиции Дней поэзии. Извиняюсь, что, может быть, не припомню всех, ведь прошло шесть десятков очень разных лет.

Истоки Дня поэзии были порождены романтикой и поэтическим импульсом студентов геологического факультета: В. Чесноковым (он дольше всех участвовал в Днях поэзии), В. Порядиным, В. Мартыновым, В. Татьяниным, В. Лозовым, И. Давиденковым, доцентами В. С. Дмитриевским (декан), И. Я. Фурманом. На следующий год – в 1957 году – и состоялся, собственно, День поэзии (в 1956-м 25 марта – Вечер поэзии геологического факультета). Их инициативу подхватили О. Гуков (химфак), А. Беляев (историк), Л. Бахарева (филолог), Л. Горбачёва (историк), Г. Веллас (впоследствии известный поэт Греции, несколько сборников его стихов изданы в России), И. Озерова (филолог), Л. Кройчик (филолог, создавший через несколько лет легендарный Театр миниатюр), доценты филологического факультета (впоследствии профессора) А. М. Абрамов (исследователь творчества В. Маяковского и поэзии времён Великой Отечественной войны и сам поэт), В. М. Акаткин (несколько альманахов «День поэзии ВГУ» вышли с его размышляющими предисловиями). В организацию активно включились комитет ВЛКСМ

[1] См.: Воронежский университет. 1983. 24 марта.

(секретарь В. Второв), газета «Воронежский университет». В 60-е годы вскрылись поэтические струи физиков, математиков, биологов, юристов и др. И не только студентов, но и профессоров, сотрудников, аспирантов.

Формы проведения Дней поэзии в первые годы были иные, чем в 90-е и в новом веке. Оргкомитет, формируемый при комитете комсомола и университетской газете студентами-поэтами, заранее составлял расписание выступлений поэтов и их передвижения по факультетам в течение всего дня (после первой утренней пары, т. е. с 09:35). Каждая группа из 3–4 человек получала своё университетское пространство и время выступлений в нём. Стихи читались весь день в перерывах между занятиями, в так называемые «окна», в аудиториях, коридорах, лабораториях, кабинетах ректоров (Б. И. Михантьева, при котором Дни поэзии ВГУ и начались, Н. А. Плаксенко, активного участника многих поэтических праздников). Вечер – завершение. Но какое!.. Актовый зал переполнялся так, что люди сидели на подоконниках, стояли перед открытыми дверями толпой, жадно ловя то, что долетало до их ушей. Активное участие в университетском Дне поэзии принимали воронежские поэты: А. Жигулин, А. Прасолов, В. Гордейчев (вместе с ним мы в 1948 году по конкурсу не прошли в ВГУ), Г. Лутков, Г. Пресман, М. Тимошечкин, А. Попов, А. Ионкин, Е. Новичихин, С. Никулин, В. Панкратов, Г. Умывакина, А. Нестругин и др. Дни поэзии ВГУ становились устойчиво (традиция!) ежегодными, стали заметным явлением в культурной жизни города и области. Они были с самого начала созвучны и в известной мере аналогичны (но не подражательны) легендарным поэтическим вечерам в Политехническом музее в Москве в 50–60-х годах минувшего века. Но не только созвучны. Они стали заманчивыми площадками для московских, ленинградских и даже украинских поэтов: памятны выступления Егора Исаева, Юрия Левитанского, Сергея Васильева, Виктора Бокова, Николая Старшинова, Владимира Цибина, Тамары Жирмунской. Пётр Вегин ко Дню поэзии 1983 года прислал письмо: «Рад, что Воронежский университет верен поэзии. Часто вспоминаю Вас, хотя это и было давно. Обязательно встретимся при жизни»[1]. К тому же Дню поэзии письмо со стихами «Вослед 27 дню февраля» (публикация впервые) прислала Белла Ахмадулина: «Дорогие достопочтимые друзья! Рада и горжусь, что мне выпал счастливый случай принять участие в Вашем Дне поэзии. Желаю Вам радости – этой весной и всегда. Ваша Белла Ахмадулина». Однажды приехал даже С. Михалков; стихов не читал, сидел в зале в первом ряду и внимательно слушал.

Участие известных поэтов было не только интересным само по себе, оно включало наших университетских поэтов в общий вдохновенно бурлящий поток России и СССР. Не случайно многие из них со временем тоже стали известными. В Греции крупным поэтом стал Георгис Веллас. Его сборники стихов издавались и в России. Во Вьетнаме известным поэтом стал Ле Ван Жян. Они были студен-

[1] Воронежский университет. 1983. 24 марта.

тами ВГУ и вращались, формировались в его научной и поэтической атмосфере. Дни поэзии ВГУ для одних были взлётной площадкой, для других – пробой пера, для третьих – открытием и явлением самого себя, для четвёртых – творческой лабораторией. Для кого-то – упоением аплодисментами, для большинства – радостью поэтического общения, откровением в стихах того, что сокровенно в жизни. Истинная поэзия – всегда открытие. Поэзия, когда она таинственно возникает в глубинах чьей-то души, действительно не терпит суеты. Но когда она отлилась в слове, в метафоре, в ритме, она стремится на волю, на люди. Даже тогда, когда стихи пишут «для себя» и даже когда по разным причинам закладывают в ящики стола или куда-нибудь подалее, они, томясь, «просятся на улицу», к другому человеческому сердцу. Дни поэзии были и остаются радостью общения влюблённых в стихи, ищущих в ней энергию жизни или утоление печалей, без чего человеческая душа тоже жить не может, да и судьба не даёт.

Существенная особенность университетских Дней поэзии – их открытость для всех, у кого есть поэтическое слово, и для тех, кто хочет, любит и умеет его слушать и слышать, а не только читать в книге. Звучащее слово отличается от молчаливо считываемого с листа (иногда, правда, и в худшую сторону – и так бывает). В университетский актовый или конференц-зал, или просто в аудитории приходили и приходят со своими стихами или настроенными на поэзию душами профессора и студенты из медакадемии, педагогического и политехнического университетов, артисты театра имени А. Кольцова, журналисты, врачи, инженеры, школьники, случился однажды и протоиерей. День поэзии – весенний праздник для всех. Дни проходили по-разному. В 50–70-х годах они собирали по 500–700 человек, иногда (в 90-е годы) – всего-навсего пару десятков пишущих и слушающих. Поэтическая река то переполнялась мартовским половодьем, то сужалась до ручейка, куда-то упорно текущего и в засуху. Но День поэзии всё равно наступал, какая бы погода ни гуляла на дворе.

Характерной особенностью открытых поэтических дней было и остаётся объединение поэтов разных возрастных групп: и людей преклонных лет, пенсионеров, и людей среднего возраста, и двадцатилетних, и даже тех, кто только подходит к 10-летнему юбилею. Они объединяли и тех, кто уже издал по 5–6 сборников стихов, является членом Союза писателей России и СССР, и тех, кто опубликовал 5–6 стихотворений, и тех, кто пока даже не смел мечтать об этом. Дни поэзии были и остаются не камерным кружком, студией поэтов, а своеобразной поэтической демократией. И этим они тоже притягивали к себе как уникальное свободомыслие. В Дни поэзии разные поколения слушают, слышат и учатся понимать друг друга, преодолевая возрастные, социально-стратификационные, этнические и профессиональные барьеры.

Стихи университетских и неуниверситетских участников Дней поэзии разнообразны по жанрам (от поэм до эпиграмм), строфике, ритму, метафорам, те-

матике, настроениям (от эйфорической радости жизни до глубокой печали). Студенты с юной задорной дерзновенностью переводят с иностранных языков даже шекспировские сонеты, соревнуясь с Маршаком. Доминируют стихи о любви (и не только студенческой), природе, родине, встречах и расставаниях. Во многих стихах – философские размышления. Конечно, поэтические достоинства произведений различны. И это понятно. Кто-то только потянулся к поэзии и вставляет в строку первое попавшееся слово, не чувствуя его звучания; кто-то весьма разборчив, кто-то мастерски владеет стихом и культурой поэтического слова; у кого-то нелады с ритмикой или рифмикой, с построением фразы.

Но покоряет искреннее стремление поэтически видеть, слышать, воспринимать мир и выразить себя и в радости, и в горе, и в мудрости, и в наивности, поделиться своими откровениями и что-то сокровенное услышать от других.

В стихах самых разнообразнейших форм поэты (даже начинающие) всегда ищут время и себя, вернее, себя во времени и время в себе. Этот поиск проходит через все 60 лет Дней поэзии ВГУ. И надо не только надеяться, но и стремиться к тому, чтобы долгие десятилетия и впредь продолжался поэтический поиск. Время и себя постичь трудно. Это знают только философы, поэты и композиторы. Догадываются историки. А время неостановимо изменяется. Меняется не только человеческая социальность (Homo socialis), но и личное «Я». Это и отражают выразительно Дни поэзии ВГУ. Отчётливо выявляются три эпохи (именно эпохи, а не этапы, периоды) 60-летнего поиска времени и себя разными поколениями.

После войны, 50–60-е годы; в стихах и студентов, и сотрудников жива реалистическая память о Великой Отечественной войне, она почти во всех стихах этого трудного времени. Людмила Бахарева (цитирую по памяти):

Я не боюсь ни много и ни мало
Сравнить с огнём оранжевость зари.
Мне с детства много лет казалось,
Что Запад там, где что-нибудь горит.

И у Владимира Порядина:

Спит окоп, как скорбная морщина,
На лице красавицы Земли.

Из стихов Адольфа Беляева о погибшем в начале войны связисте:

Он с жизнью остался без связи,
Но с Родиной выкрепил связь!

Точные образы восприятия войны и первых послевоенных лет теми, кто пережил то время в детстве и сохранил в студенческой поэтической памяти. Память

о войне во всей её правде звучала в стихах фронтовиков – Якова Гудошникова, Анатолия Абрамова, позже Николая Плаксенко. Но не только война возбуждала поэтическое слово. Но и надежды на будущее и желание его творить. Из стихов Станислава Никулина о вальсах в воронежских пятидесятых годах:

В быстрых вальсах пьянели
От любви и весны…
И без страха смотрели
В завтра дети войны.

Сменилась эпоха. Политические слова воспаряли над жизнью. Поэтическое слово улавливало жизненные реалии угасающей социальной энергии и надежды. В. Высоцкий нашёл точную характеристику тому времени: «Бег на месте, общепримиряющий». Евгения Бурыкина (биолого-почвенный факультет) определила в своих стихах то время и умонастроения не менее точно:

Одинаковость чувств и стремлений,
Поголовная оджинсованность…
Заболевание поколения –
Заштампованность.

В этих строчках не только поэтическая формула. В них правда. Публицисты назвали 70–80-е годы «застойными». Не совсем справедливо. Был не только застой, но и что-то движущееся. Из стихов Светланы Филюшкиной (давно доктор филологических наук, профессор):

Ведь есть ещё что-то! Ведь есть ещё что-то!
Хорошая книга и искренний смех,
И жёсткие ритмы бессменной работы,
И колкий позёмки прерывистый бег!

А позёмка мела и сменялась новыми метелями. Но куда дул ветер? И кто ловил его в свои паруса? Факел поэзии не угасал, хотя Дни поэзии собирали всё меньше и меньше поэтов и слушателей. Но собравшиеся верили в себя и своё призвание. Лев Коськов запальчиво восклицал:

Чтоб не погас огонь во мгле,
На нашу долю выпал случай
Прожить на золотой Земле
Среди созвездий и созвучий.

Между тем, что-то шло не так; приходилось жить не столько «среди созвездий и созвучий», сколько в нарастающих диссонансах, в разладах со временем и с

собой. Что-то, казалось бы, незыблемое, уходило из-под ног. Один из учредителей Дней поэзии Владимир Чесноков в 1997 году недоумённо спрашивал себя и время:

Я родился в одной стране,
А в какой я теперь оказался?

Ответить непросто. Время изменилось. Его смысл и себя в нём надо искать, а не погружаться во тьму хаоса. И в Днях поэзии продолжается поиск. В них вновь и вновь, несмотря на все перегрузки, перетряски и недоумения, звучали и звучат рифмы, ритмы, образы юных и зрелых, начинающих и маститых поэтов, даже пенсионеров о подвигах, славе, любви, о России и Alma mater. Иначе и быть не может. Участникам Дней поэзии внятно всё, и они делятся своими радостями и печалями, своим остроумием и философскими мыслями, озарениями и недоумениями.

Но главное – участники Дней поэзии из года в год широко мыслят и глубоко чувствуют биение не только своего сердца, но и родного города, России, мира. Кто-то сжигает за собой мосты, а кто-то их возводит. Лейтмотив всех Дней – любовь к жизни, стремление найти в ней движущуюся точку опоры, созидающий смысл и себя в нём. И, конечно, просто любовь, без которой невозможна сама жизнь.

Доктор филологических наук, профессор Дмитрий Гончаров поделился своими размышлениями: «Поэзия, думается мне, это своеобразная проверка человека на человечность». При всей патетичности суждения это мудрая мысль, проникающая в суть поэзии. Вслед за Дмитрием Гончаровым уверенно говорю: Дни поэзии ВГУ выдержали проверку на человечность! Более 67 лет я учусь, работаю, живу (хотя уже и на пенсии) в родном Воронежском университете. И обращаюсь к новым поколениям студентов, аспирантов, профессоров, всех сотрудников Alma mater: с Поэзией не расставайтесь! Пусть дольше века длится День поэзии ВГУ!

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

За 70 (почти) лет моей жизни в Воронежском университете многое изменилось. В стране, в системе высшего образования, в науке, в духовной жизни общества, в людях, в их отношениях и образе жизни. Многое изменилось в мире. За это время СССР превратился в одну из двух сверхдержав и распался на 15 самостоятельных государств, а Россия превратилась в кризисно развивающуюся страну, пытающуюся обрести новый суверенитет в турбулентных мировых процессах. ВГУ уже давным-давно не тот, в который я с робкой надеждой входил в 40-х годах прошлого века. Ни по территориальному обустройству, ни по структуре, ни по масштабу деятельности, ни по массе студентов и численности профессорско-преподавательского состава, вспомогательного и обслуживающего персонала…

Менялись университетские поколения. И профессорско-преподавательские, и студенческие. Они «наслаивались» друг на друга по закону биографической преемственности. Функционально и житейски взаимодействовали. Однако отличались. Иногда довольно существенно. Каждое поколение имело свои особенности. Они отличались друг от друга в той или иной мере по условиям формирования и жизненному (не только биографическому, но и социально-историческому) опыту, по условиям работы и учёбы, ценностным ориентациям, а профессорско-преподавательский состав – по уровню научно-педагогической квалификации. Доминирующим фактором различий поколений было историческое время. Оно по-своему формировало и условия, и социальный смысл, содержание функциональной деятельности каждого университетского поколения, его миронастроение и требования к нему.

Моё студенческое поколение (конец 1940-х – начало 1950-х годов) несло в себе переживания бедственных лет войны, мужества и стойкости советского народа, его победы, тяготы и радости восстановления мирной, нормальной жизни, возможно-

стей получить высшее образование на благо себе, семье и на пользу стране. Среди профессорско-преподавательского состава было много участников Великой Отечественной войны, а также тех, кто хлебнул лиха, но держал ВГУ в эвакуации в Елабуге. Фронтовики составляли активное ядро многих студенческих групп практически на всех шести факультетах. Для послевоенного поколения характерны самоотверженная работоспособность, терпеливая стойкость, надежда на то, что в конце концов всё наладится и будет хорошо, ибо иначе быть не может. Оно устало от войны и было измучено ею, истосковалось по спокойному труду, науке, знаниям. И верило в свои силы, в перспективы подъёма и развития страны и университета.

Вместе с тем это было поколение последних лет сталинского абсолютизма. Оно верило Сталину. Генералиссимусу. Большинство слепо, или по режимному конформизму (что характерно для вузовской интеллигенции того времени), или по архетипу харизмы верховного властителя, авторитарной склонности российского массового сознания. Срабатывала в этом направлении и деятельность соответствующих идеологических структур. На мой взгляд, было бы упрощением считать, будто идеи Сталина доминировали в духовной, интеллектуальной жизни первого послевоенного университетского пополнения. Многие о них имели смутное представление и даже ничего не знали. К тому же интеллектуальная, духовная жизнь профессорско-преподавательского состава, студенчества никогда не сводится к идеологическим концептам, тем более к оторванным от социально-исторического опыта догмам. Историю не следует оглуплять. Однако авторитарная и опасливая оглядка на сталинизм была свойственна университетскому поколению второй половины 1940-х – первой половины 1950-х годов. Образ Сталина господствовал.

Первое послевоенное поколение (конец 1940-х – 1950-е годы) пыталось по-своему осмыслить исторический опыт. И опыт Великой Отечественной войны, и послевоенных восстановительных трудностей, и вставшие социальные проблемы, и возможные перспективы. Оно не мыслило себя в отрыве от того, что происходило в стране. Осмысление велось в тех понятиях и по тем проблемам, которые были характерны для того времени. По современным меркам и ценностным координатам они могут показаться робкими. А по тогдашним – были рискованными. Склонность к осмыслению военного и послевоенного времени выявлялась и в студенческой среде. Об умонастроениях профессорско-преподавательского состава судить не могу: я не был тогда в него включён, а понаслышке говорить не приемлю этически; да и слухов впечатляющих практически не было. А в студенчестве попытки переосмысления выявлялись. Одна из групп студентов вознамерилась – ни много ни мало – написать 4-й том «Капитала» К. Маркса. Наивно? Несомненно. Но в этом выражалась не только детская наивность, но и попытка осмыслить по марксовой концепции реалии и перспективы социализма, неудовлетворённость официальным курсом политической экономии, а также записками Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», пропагандируемыми

как творческий вклад в марксизм-ленинизм. Казалось бы, кроме наивности, нет ничего предосудительного. Но с современной точки зрения, а не по понятиям того времени, молодым «марксистам» пришлось побыть несколько лет в местах, далёких от родного университета.

Второе памятное мне поколение профессорско-преподавательского состава формировалось в конце 1950-х – 1960-е годы. Оно органически было связано с предшествующим, и не только биографически, но – и это главное – профессионально обязано ему. И вместе с тем оно имело свои и биографические, и профессиональные, и социокультурные особенности. Это – поколение шестидесятников. В этом есть свой общероссийский смысл, не сводимый к неолиберальному идеологическому толкованию. В Воронежском университете было и местное наименование – михантьевское поколение. И неслучайно.

Три фактора определяли, создавали условия его формирования, гражданского и научно-педагогического становления, жизнедеятельности и духовного (не в церковном смысле) облика. Прежде всего – распад сталинизма, его догм и идеологем, стремящихся управлять методологическими поисками современной науки, особенно в биологии (критика генетики), физике, не говоря уже об общественных и гуманитарных науках. Критика культа Сталина оказалась эмоциональным, но не интеллектуальным шоком для профессорско-преподавательского состава. Её более тяжело переживало старшее поколение, а в молодом она вызвала волну свободомыслия и прозвучала как призыв к интеллектуальному творчеству, к недогматическому научному осмыслению объективных реальностей. Но мучило недоумение: как стал возможным культ Сталина и его тоталитарная властность. Доклад Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС не удовлетворял шестидесятников, как и старшее поколение вузовской (и не только) интеллигенции. В нём не было научного анализа проблем становления и эволюции СССР, первого в мире, как тогда говорили, социалистического общества. В духовной жизни, в умонастроении поколения шестидесятников усиливалась склонность к научному анализу реальностей, прежде всего социальной.

Вторым существенным фактором профессионального и духовно-нравственного, социокультурного формирования и деятельности второго послевоенного университетского поколения был заметный подъём экономики страны, некоторое повышение уровня жизни. Восстановительный период закончился, промышленная сфера экономики преодолела разруху, началось техническое обновление её материальной базы. В сельском хозяйстве сдвиги начались позднее. Запуск первого искусственного спутника Земли и особенно полёт Ю. Гагарина не только вызвали чрезвычайную общественную эйфорию, но значительно подняли социальную уверенность молодёжи в благотворные перспективы научно-технического прогресса. Высшая школа наращивала свои образовательные и научные ресурсы и возможности. Создавались новые вузы, укреплялась их материальная база, от-

крывалась подготовка специалистов по широкому спектру многообразных специальностей. Заметно росли численность профессорско-преподавательского состава и студенческие контингенты. Это позитивно сказывалось на социальном самочувствии и умонастроениях молодой вузовской интеллигенции 1960-х годов, на её жизненных планах и перспективах.

Наконец, локальным, но важным фактором умонастроений и жизнедеятельности научно-педагогической молодёжи, да и студенчества, был сам Воронежский университет, его развитие в то время, политика и деятельность ректората во главе с профессором Б. И. Михантьевым. Количество факультетов почти удвоилось, открывалась подготовка студентов и аспирантов по новым специальностям. Воронежскому университету требовалось всё больше и больше квалифицированных научно-педагогических кадров. Основным ресурсом их пополнения были выпускники ВГУ. Увеличение численности профессорско-преподавательского состава за счет молодёжи иногда обгоняло темпы повышения его научно-педагогической квалификации. Тем не менее росло количество сотрудников, имеющих учёные степени и звания. Разрабатывались пятилетние планы повышения квалификации. Создавались необходимые условия. Но и спрос за выполнение планов через аспирантуру, а особенно через представление статуса научного сотрудника или отпуска для подготовки докторской диссертации был неукоснительным и жёстким. И молодое поколение чувствовало свою ответственность. Бывали и срывы. Но в целом поколение шестидесятников делом ответило на университетские потребности и использовало предоставленные возможности. Оно было к тому же не только социально ответственным, но и активным. Этому способствовала политика ректората и общественных организаций не только поддерживать научно-педагогическую молодёжь, но и выдвигать её на ответственные должности (от завкафедрами, завлабораториями до деканов и проректоров), вовлекать в общественную жизнь.

Во взаимоотношениях между старшим и молодым поколениями доминировал дух демократического коллективизма, понимание общности, соучастия в решении задач и проблем, стоящих перед ВГУ. Этому очень способствовало систематическое информационное обеспечение жизнедеятельности университета через постоянное деловое общение представителей руководства с факультетами, кафедрами, через регулярные собрания членов общественных организаций и объединений, проблемные общеуниверситетские акции, через еженедельную газету «Воронежский университет», учёные советы и другие формы.

Было бы исторической неправдой и мемуарным идеализмом изображать жизнь и облик шестидесятников в виде радуги после июльского дождя. Были и тёмные пятна, и конфликты, и проблемы. Томили бытовая, житейская неустроенность и трудности публикаций научных исследований, что затрудняло своевременность защит кандидатских и докторских диссертаций. Но в целом шестидесятники были оптимистами. Они спорили и искали более плодотворные пути

своего и общественного развития. Осмелюсь сказать (и отстаиваю это), они не сомневались в социализме, но считали необходимым его чистить, освободить от исторического нагара. И с иронией относились к заявлениям Н. Хрущёва о скоростном продвижении к коммунизму.

В среде этого поколения сформировалось понятие «Университетский человек» как критерий и эталон научно-педагогической и коммуникативной культуры, достоинства и роли сотрудника ВГУ. Оно, конечно, официально не присваивалось. Но бытовало и бытует до сих пор в общественном мнении. Университетский человек – это не человек, использующий ВГУ как место своей работы и своих карьерных амбиций. Это прежде всего человек самоотверженно работающий, для которого долг учёного, педагога, интересы Alma mater – императив поведения, общения, деятельности. Это не замкнутый в самом себе индивидуалист, а коллективист широкого научного, культурного и общественного кругозора, отзывчивый на университетские проблемы и неформальное сотрудничество. Инициативность, сподвижничество, креативный дух и ответственность таких людей – в основе движения ВГУ при любых обстоятельствах. В разные времена концентрация их в многослойном коллективе нашего университета то сокращалась, то увеличивалась. В 1960–1970-е годы она заметно возрастала, но никогда не сокращалась до критического уровня распада. А трудные времена были. Наблюдались и феномены имитации «Университетского человека» и корыстного использования его работоспособности, отзывчивости, скромности и преданности Alma mater.

В 1970–1980-х годах сформировалось и развёртывалось во взаимодействии с предшествующими *третье поколение* профессорско-преподавательского состава. Вбирая в себя и трансформируя традиции университетского менталитета и – более широко – этоса, оно имело свою специфику в формировании, условиях работы и жизнедеятельности в духовно-нравственном облике и ценностных ориентациях. Этому поколению был близок университетский и общественно-политический опыт и образ мыслей шестидесятников, ориентированный на научную плодотворность, овладение педагогическим мастерством и общественную активность. Критика культа Сталина, «субъективизма и волюнтаризма Хрущёва» (так тогда после отстранения от власти определяли его политику) началась и прошла до активного включения третьего послевоенного молодого поколения научно-педагогического коллектива ВГУ. Более того, 1970-е годы были годами стабильного, хотя и небеспроблемного, экономического развития страны. Благоприятно сказалась и разрядка международной напряжённости. Расширялись возможности и ресурсы научной деятельности, обновлялись образовательные программы. Всё это вселяло в новое поколение надежды и уверенность и в общественный прогресс на основе научно-технической революции, и в свои силы и способности. Однако развенчивающая критика двух «верховных властных руководителей страны» не прошла бесследно. Несмотря на её очищающий характер, закрадывалось сомне-

ние и беспокоил вопрос: а всё ли благополучно в верхних эшелонах власти страны и в её обустройстве. Нельзя сказать, будто этот вопрос тревожил всех или о нём открыто говорили в 1970-е годы. Но он возникал в обыденных разговорах разных поколений, включая и того, научно-педагогическое становление которого только начиналось. Его звучание усиливалось и расширялось в первой половине 1980-х.

Вопрос о том, что происходит в «верхних эшелонах власти», тревожил университетский социум во всех его возрастных, профессиональных и функциональных структурах, однако не был главным, тем более определяющим в формировании умонастроений поколения, вступающего в активную научно-педагогическую деятельность в 1970–1980-х годах. Доминантными были проблемы профессионального, научного и педагогического становления, проведения исследований, разработки лекционных курсов, защиты диссертаций, преподавательского общения со студентами, обретения своего достойного статуса среди коллег. Возможности для решения этих проблем у университетской молодёжи расширялись. Многообразнее и эффективнее стала международная деятельность ВГУ, что позволило молодым преподавателям, даже аспирантам стажироваться в западных университетах, знакомиться с их практикой научных исследований, высшего образования, да и с образом жизни, изучать иностранную научную литературу. Это способствовало знакомству с разнообразными парадигмами научного мышления.

Традиционно университеты органически сочетали в подготовке специалистов и в научных исследованиях естественно-научные и гуманитарные направления. В 90-х годах возникло повальное увлечение технических, сельскохозяйственных, медицинских вузов (институтов) номинально преобразовываться в университеты. Тогда возникло классифицирующее понятие «классический университет». Оно дистанцировало традиционные университеты от титулованных новообразований. Взаимодействие естественно-научных и гуманитарных факультетов, специальностей и наук всегда было не только преимуществом классических (в нынешней классификации), но и сильной стороной российских дореволюционных и советских университетов. Во второй половине 70-х годов в ВГУ спонтанно в молодой части профессорско-преподавательского состава возникли споры о роли естественных и гуманитарных наук, их соотношении, их специфике. В самоорганизованные диспуты втянулись и студенчество, и старшее поколение маститых профессоров. В некоторых мемуарах (и в одной из глав моих) это подаётся как спор между физиками и лириками. Но за этим условным и романтичным обозначением скрывалась действительно серьёзная и практически важная проблема соотношения и роли разных наук, их методологической специфики и социальной роли. Такие диспуты-дискуссии шли и в других университетах и были свойственны не только духовным исканиям в ВГУ. В 1974 году в Саратовском университете я с удовольствием и пользой прослушал лекцию «Достоевский и физика», прочитанную профессором-физиком для своих студентов.

Дискуссии не были бесполезными упражнениями полемических умов. Они выявляли не только различия, но и точки соприкосновения, взаимообогащения представителей различных наук, способствовали преодолению технократизма. Формировалась концепция гуманитаризации преподавания естественно-научных дисциплин и вместе с тем ознакомительное включение их основ в образовательные программы гуманитарных факультетов. В целом создавались предпосылки для повышения культуры научного мышления специалистов университетского уровня, расширения горизонтов их знаний. В 1980-х годах в этом направлении была проделана определённая работа на всех факультетах. К сожалению, в лихие 1990-е начался процесс свёртывания гуманитаризации и гуманизации подготовки специалистов. В образовательных программах остался курс «Основы культурологии», на некоторых гуманитарных факультетах ещё сохранился курс «Основы современного естествознания». Потом и это стало исчезать; усилились технократизм и рыночный утилитаризм. Интеллектуально ущербный бакалавриат «ужал» все образовательные программы, существенно снизив качество подготовки выпускников университета. Общенаучное общение и взаимодействие факультетов обеднилось.

Поколение 1970–1980-х годов (третье послевоенное), вступая в научно-педагогическую деятельность, испытывало когнитивный диссонанс (Л. Фестингер). Его умонастроение испытывало воздействие двух противоположных по смыслу информационных потоков. Политические верхи и идеологические структуры сделали вывод о полной, окончательной победе развитого социалистического общества и внедряли это понятие в общественное сознание как научно достоверное. А социальная реальность сигнализировала о нарастающих дефицитах жизнеобеспечивающих средств. Распространённая идеологема утверждала преимущества развитого социализма в развёртывании научно-технической революции, а экономическая и даже бытовая реальности сигнализировали о нарастающем технико-экономическом отставании СССР от стран, в которых капитализм «впадает в последний свой общий кризис». Этот когнитивный диссонанс испытывали все поколения, всё трудовое население. Но для третьего университетского поколения профессорско-преподавательского состава особенно стрессовым было торможение научно-технической революции, ибо оно обесценивало современные научные знания и творческий интеллект. Когнитивный диссонанс был одним из ведущих мотивообразующих факторов поиска талантливой молодёжью приложения своих способностей и знаний в зарубежных странах. Но следует отметить: сколько-либо значимой утечки молодых «мозгов» из ВГУ не было. Уезжал кое-кто. Единицы. Их никто не осуждал.

Духовно-нравственная и интеллектуальная напряжённость в университете усложнялась к исходу 1980-х годов, отражая растущую социально-политическую конфликтность, экономические неурядицы и кризис управления в стране. Каза-

лось бы, демократические тенденции (гласность, активизация деятельности общественных организаций, свободные выборы ректора, критика идеологической оппозиции) должны были бы ослабить напряжённость и способствовать её повороту к социальной и научно-педагогической конструктивности. Однако развёртывались деконструктивные тенденции. В духовной жизни, прежде всего в политических умонастроениях профессорско-преподавательского состава, возникали и сталкивались различные течения: от неосоциалистических (за демократическое обновление социализма) до либертарианских и огульно-нигилистических. Раскололось второе послевоенное поколение («шестидесятники»), захватывая в своё размежевание и третье. Первое послевоенное (оно сильно поредело) не столько раскалывалось, сколько переживало, опасалось за будущее страны и своего университета, которое оно защищало в годы войны и восстанавливало.

Проведённое социологами ВГУ весной 1991 года исследование (Всесоюзный социологический опрос в вузах) вскрыло сбитость сознания научно-педагогической интеллигенции со всех ценностных шкал социальных и политических ориентаций. Однако при всём при том она держалась за ценности науки и высшего образования, хотя выявлялся и скепсис.

Четвёртому поколению профессорско-преподавательской интеллигенции (1990-е и последующие годы) исторически довелось формироваться и искать своё место и роли в университете в предельно конфликтных обстоятельствах, финансово-экономической недостаточности, социокультурной дезорганизации, падении культуры высшего образования и попросту в дрязгах, которых десятилетиями не было. Дискредитировалась советская система высшего образования, качество и ценности которой ещё недавно высоко ценили на Западе и на Востоке, даже в США. Резко сократилось финансирование научно-педагогической работы. Возникли сбои в обеспечении заработной платы. Образование неуклонно коммерциализировалось. Однако студенческие контингенты увеличивались. Росли педагогические нагрузки (обязательное время педагогической работы). Сокращались возможности научных исследований, и финансовые, и организационные. Усложнялись вопреки демократии взаимоотношения научно-педагогических сотрудников с ректоратом. Ректорат, по моему мнению, к концу 1990-х и в нулевые годы относился к учёным и педагогам скорее не как к сотрудникам, а как к подвластным работникам. Ректорат не был склонен информировать научно-педагогический персонал о принимаемых решениях, советоваться с общественностью. Хотя велись разговоры о так называемом стратегическом планировании развития университета, культура управления падала, администрирование оттесняло демократию. Необходимый научно-критический анализ опыта советской высшей школы заменялся агрессивным нигилистическим отношением к нему. Это затрудняло освоение новым поколением культуры педагогического труда, ответственности и мастерства. Включение в так называемый декларируемый и навязываемый

«Болонский процесс», переход на двухуровневое высшее образование (бакалавриат–магистратура) не поднимали качества подготовки выпускников университета.

Новое университетское поколение формировалось в стрессовых обстоятельствах не только падения жизненного уровня, неэффективных реформ, но и конфликтного поворота социально-политических ориентаций, нравственных и правовых норм и принципов.

Подрывались нравственные основы научно-педагогической деятельности, этическая культура университетской интеллигенции. Кумиром доморощенных неолибералов (в ВГУ они самозвано именовали себя демократами) была не наука и гуманистические ценности образования, а рынок. Но рынок – вещь капризная, и в российском варианте маловосприимчивая к откровениям науки, социальным ценностям и креативным возможностям настоящего высшего образования.

В публицистике чаще всего акцентировались материально-экономические трудности вступления молодёжи в научно-педагогическую сферу жизнедеятельности. Они очевидны. Но ещё более тяжелы духовно-нравственные обстоятельства, в которых продвижение (карьера) молодого человека часто зависит не от его таланта, знаний, работоспособности, а от «социальных связей», коррупционных акций, защиты псевдодиссертаций, выстраивания научно-педагогических отношений по схемам социальных коммерческих услуг и т. п. В начале второго десятилетия был даже пущен в обиход двусмысленный термин «социальный лифт». Рыночные безумные реформы высшей школы радикально расшатали нравственные основы вузовской интеллигенции. Это негативно сказывается на формировании её новых поколений. Когда-то философ Семён Людвигович Франк в начале XX века в статье «Этика нигилизма» отмечал как нечто общеизвестное и очевидное неразвитость «интеллектуальной совести» в русском интеллигентском мышлении, «того, что Ницше назвал интеллектуальной совестью»[1]. Не буду здесь спорить с выдающимся философом; он писал свою статью после поражения первой русской революции, когда интеллигенция, разочаровавшись в себе, занялась пересмотром самой себя. Но, говоря о ситуации на рубеже веков и в первом десятилетии нового столетия, можно констатировать: реформаторы-неолибералы вытравляли и подавляли не только интеллектуальную совесть в профессорско-преподавательской интеллигенции, но насаждали этический нигилизм, именуя его плюрализмом, относительностью всяких нравственных норм. Часто мне вспоминается в этой связи 66-й сонет В. Шекспира в гениальном переводе С. Маршака:

…Мне видеть невтерпёж
Достоинство, что просит подаянье,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье…

[1] *Франк С. Л.* Соч. М. : Правда, 1990. С. 82–83.

И вопреки всему, новое, четвёртое на моём университетском веку, поколение учёных и педагогов формировалось, напряжённо искало и чаще всего удачно находило своё достойное место в профессорско-преподавательской среде. Мои размышления о трудностях и сложных условиях его социализации и профессионализации продиктованы сочувствием к нему и переживанием проблем Alma mater. В своей основе это нравственно здоровое, талантливое поколение. Оно энергично овладевает новыми технологиями научных исследований и ведения учебного процесса, которыми не владели по объективным обстоятельствам его предшественники. Во втором десятилетии XXI века начало меняться и отношение политических верхов России и руководства ВГУ в лучшую сторону (говорю без всякой лукавой мысли). На этом, кстати, настаивает старшее поколение, заботясь о достойной молодой смене.

Интеллектуальная, этическая, социальная совесть – сложный феномен и проблема не одного поколения. И не только научно-педагогического сообщества (пожалуй, она более остра и тяжела в чиновничьей среде и в бизнес-структурах). Интеллигенция не является монопольным носителем совести, хотя порой проявляет некую склонность к самоиллюзии, а иногда и самобичеванию. Специфика интеллигенции (ныне это слово и понятие почти забыто) – в повышенной способности к саморефлексии. Эта способность разовьётся и у современной молодой вузовской научно-педагогической общественности. И совесть её – интеллектуальная и – более глубокая – социальная – выявит себя в обществе и в структуре ВГУ.

Каждое поколение имеет свою специфику. Но все университетские когорты (демографический термин) взаимосвязаны и взаимодействуют. Их объединяет верность Воронежскому университету, забота о его научном и образовательном престиже, его творческом развитии. Социально-креативному ядру профессорско-преподавательского сообщества свойственны (у каждого поколения по-своему и в разной мере) творческое искание истины, социальная отзывчивость и ответственность, гуманистическая установка на достоинство и развитие личности, ориентация на сочетание фундаментальных и прикладных научных исследований, плодотворное взаимодействие различных наук, профессионализм и самокритичность. У любого поколения есть и свои ресурсы и возможности, откровения и заблуждения, их обходить нельзя.

Главное – каждое поколение, опираясь на традиции, новаторски вносило, вносит и будет вносить свой вклад в практическую реализацию динамичного девиза Воронежского государственного университета:

Semper in motu!

На этом закончу свои далеко не полные и не совершенные мемуары. О многом и о многих можно было бы рассказать и поглубже поразмышлять. Но…

Я безмерно благодарен Alma mater, её профессорско-преподавательскому и вспомогательному персоналу, ректорату, особо ректору профессору Дмитрию Александровичу Ендовицкому, за всестороннюю поддержку. И не только в работе над мемуарами.

Сердечное спасибо Владимиру Семёновичу Листенгартену. Он как добрая фея опекал меня, пока я мучился с воспоминаниями. В технической работе над текстом я во многом обязан доценту кафедры социологии и политологии Светлане Михайловне Калашниковой, человеку глубокой душевности и талантливому стилисту.

Я старался воспроизвести былое и думы об университете так, как они складывались. Понимаю, что у каждого сотрудника своё видение и бытие в ВГУ. Однако, как говорили мудрые древние римляне: Quod factum est, infectum esse nequit (Что было, не может стать не бывшим).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ) ЗАЧЕМ? ЧТО? КАК? 5

Глава 2. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ 9

Глава 3. МИХАНТЬЕВСКОЕ ВРЕМЯ 52

Глава 4. ПРОТИВОРЕЧИЯ ДВИЖЕНИЯ 149

Глава 5. SEMPER IN MOTU: РЕАЛИИ И ИЛЛЮЗИИ 176

Глава 6. В ПРЕДДВЕРИИ РАСПАДА 202

Глава 7. ИНЫЕ ВРЕМЕНА, ИНЫЕ ДВИЖЕНИЯ 259

Глава 8. ПРИ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ 382

Глава 9. С ПОЭЗИЕЙ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ 482

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ 490

ВГУ В ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ

Ю б и л е й н о е и з д а н и е

Рахманин Валентин Сидорович

МОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Записки вечного студента
и размышления старого профессора

Редактор *А. Ю. Игнатова*
Компьютерная верстка *Е. Е. Комаровой*

Подписано в печать 13.07.2018. Формат 70×100/16
Уч.-изд. л. 41,7. Усл. печ. л. 40,8. Тираж 100 экз. Заказ 773

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3